

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 442. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 442. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Буб А.С.** Когнитивная обработка коллокаций-биномиалов русского языка (экспериментальное исследование) 5
- Демидова Т.А., Гриценко Л.М.** Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности 14
- Душейко А.С., Резанова З.И., Аленина Е.А.** Параметр сложности слова в диагностике лексического компонента языковой способности 22
- Леонов И.С.** Традиции жанра литературной исповеди в приходской прозе XXI в.: контексты «наставничество» и «товарищество» 32
- Машанло Т.Е.** Изменения показателей чтения в процессе изучения китайского языка: лонгитюдное окулографическое исследование 40
- Поплавская И.А., Эфендиева Н.Р.** Итальянская литературная сказка в русской критической рецепции XIX–XXI вв. (Дж. Базиле, К. Гоцци, К. Коллоди, Дж. Родари) 52
- Щеглова Е.А.** Лексическое своеобразие художественного произведения: к вопросу о методике анализа (на примере очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») 61

ФИЛОСОФИЯ

- Бердаус С.В.** Место ранней этики в феноменологическом проекте Э. Гуссерля 69
- Костина О.В., Филимонова О.Ф.** Трансценденция искусства: Vide supra, или Смотри выше 75
- Куликов С.Б.** Фикционализм и логические трудности при разграничении искусственного и естественного типов интеллекта 82

ИСТОРИЯ

- Бобров Д.С.** Наказные памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в административно-правовой системе конца XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Кузнецкого уезда) 87
- Брюханова Е.А., Иванова Н.П.** Документоведческий и источниковедческий анализ первичных материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 96
- Быков А.А.** Генезис европейской благотворительности в Средние века (VI–XV вв.) 108
- Иванов А.А., Савилов А.А.** Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860–1900 гг.) 114
- Кальмина Л.В., Курас Л.В.** Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив 122
- Колева Г.Ю.** Такие разные Протозановы: из опыта сравнительной биографической реконструкции 126
- Крих С.Б.** Потерянная цивилизация: Миноийский Крит в советской историографии 137
- Садовой А.Н.** Национальная политика России в трансграничных зонах. Этнические аспекты исследования социальных технологий 145
- Сарычева Т.В.** История становления и развития физической культуры в среде рабоче-крестьянской молодежи Западной Сибири в 1920-х гг. 157
- Степанова Л.Б.** Развитие академических стратегий экспедиционного изучения Якутии в XX в. 161

CONTENTS

PHILOLOGY

- Bub A.S.** Cognitive Processing of Binomials in the Russian Language (An Experimental Study) 5
- Demidova T.A., Gritsenko L.M.** Methodology for a Complex Description of an Idiosyncrasy in the Aspect of the Theory of Imagery 14
- Dusheiko A.S., Rezanova Z.I., Alenina E.A.** Word Complexity Effect on the Lexical Component of the Language Faculty 22
- Leonov I.S.** The Tradition of the Literary Genre of Confession in the Parish Prose of the 21st Century: The Contexts of “Mentoring” and “Partnership” 32
- Mashanlo T.E.** Developmental Change in the Reading Measures of Russian Students Learning Chinese: A Longitudinal Eye-Tracking Study 40
- Poplavskaya I.A., Efendieva N.R.** The Italian Literary Fairy Tale in the Russian Reception of the 19th–21st Centuries (Giambattista Basile, Carlo Gozzi, Carlo Collodi, Gianni Rodari) 52
- Shcheglova E.A.** The Lexical Originality of a Literary Work: On the Technique of Analysis (A Case Study of Ivan Goncharov’s Book of Travel Essays *The Frigate “Pallada”*) 61

PHILOSOPHY

- Berdaus S.V.** The Place of Early Ethics in the Phenomenological Project of Edmund Husserl 69
- Kostina O.V., Filimonova O.F.** The Trajectory of Art: Vide Supra, or See Above 75
- Kulikov S.B.** Fictionalism and Logical Difficulties in the Differentiation of Artificial and Natural Types of Intelligence 82

HISTORY

- Bobrov D.S.** Mandatory Instructions for Clerks of Jails and Settlements of Western Siberia at the End of the 17th – the First Half of the 18th Centuries (Based on the Analysis of the Documents Issued in Kuznetsk Uyezd) 87
- Bryukhanova E.A., Ivanova N.P.** Document Study Analysis and Source Study Analysis of the First 1897 General Census of the Russian Empire: Nominative Data 96
- Bykov A.A.** The European Philanthropy Genesis in the Middle Ages (6th–15th Centuries) 108
- Ivanov A.A., Savilov A.A.** Participation of Irkutsk Gendarmes in the Supervision over Political Exiles (1860–1900) 114
- Kalmina L.V., Kuras L.V.** Russian-Chinese Trade Through Kyakhta in the 1840s–1900s: A Sad Detective Story 122
- Koleva G.Yu.** Such Different Protozanovs: From Experience of a Comparative Biographic Reconstruction 126
- Krikh S.B.** The Lost Civilization: Minoan Crete in Soviet Historiography 137
- Sadovoy A.N.** The National Policy of Russia in Cross-Border Zones. Ethnic Aspects of Social Technologies Research 145
- Sarycheva T.V.** The History of the Formation and Development of Physical Culture Among the Worker-Peasant Youth of Western Siberia in the 1920s 157
- Stepanova L.B.** The Development of Academic Strategies of Expedition Studies of Yakutia in the 20th Century 161

ПЕДАГОГИКА

Меженная Н.М. Об использовании систем компьютерной алгебры и Microsoft Excel магистрантами инженерного направления подготовки	167
Сайтбагина Л.А. Реализация интегративно-развивающего подхода в процессе развития исследовательской деятельности студентов магистратуры	180
Филиппова Е.А., Симонова Е.А., Дзотиева Е.Т. Конвергенция средств из легкой атлетики в тренировочный процесс спортсменов, занимающихся северным многоборьем	189
Фуряева Т.В., Гудкова О.В. Развитие метакомпетенций обучающихся в условиях специализированных классов инженерно-технологической направленности	199

ПРАВО

Андриановская И.И., Зыкина Т.А. Преемственность и новизна в формировании правовой модели трудовой функции работника	204
Бочкарева Е.А., Бутко Л.В. Некоторые проблемы доктринирования экспертной деятельности и экспертизы в сфере финансовых правоотношений	209
Воробьев С.М., Лешенко О.В. Деформация правосознания личности в условиях дискредитации власти в Российской Федерации	217
Исаева А.А. Религиозный фактор и обеспечение национальной безопасности в многоконфессиональной жизни российского общества: конституционно-правовое исследование	226
Ким Д.В., Янгаева М.О. О криминалистических этапах досудебного производства по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию	233
Черкасов К.В., Иванова О.С., Чалых И.С. Модели государственного регулирования религиозного компонента общего образования: российский и зарубежный опыт	237

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	248
--	-----

PEDAGOGICS

Mezhennaya N.M. On the Use of Computer Algebra Systems and Microsoft Excel by Students in the MSc Program in Engineering	167
Saytbagina L.A. Implementation of an Integrative Developmental Approach in the Development of Research Activities of Master's Students	180
Filippova E.A., Simonova E.A., Dzotsieva E.T. Convergence of Means from Track and Field Athletics in the Training of Athletes Involved in the Northern Multiathlon	189
Furyaeva T.V., Gudkova O.V. The Development of Students' Meta-Competences in Specialized Classes with an Engineering and Technological Focus	199

LAW

Andrianovskaya I.I., Zykina T.A. Continuity and Novelty in the Formation of the Legal Model of the Labor Function of an Employee	204
Bochkareva E.A., Butko L.V. Some Problems in the Doctrine of Expert Activities and Expert Examination in the Field of Financial Relations	209
Vorobyev S.M., Leshchenko O.V. Deformation of a Person's Legal Consciousness Under Bringing Discredit upon the Authorities in the Russian Federation	217
Isaeva A.A. Religious Factor and National Security in the Multi-Religious Life of Russian Society: A Constitutional Legal Study	226
Kim D.V., Yangaeva M.O. Revisiting Criminalistic Stages of the Pre-Trial Procedure in Criminal Cases on Violations of Traffic Rules by Persons Subjected to Administrative Punishment	233
Cherkasov K.V., Ivanova O.S., Chalykh I.S. Models of Government Regulations of the Religious Component in General Education: Russian and International Practices	237

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	248
---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'373.42+81'38

А.С. Буб

КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА КОЛЛОКАЦИЙ-БИНОМИАЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Представлены результаты исследования процессов когнитивной обработки биномиалов русского языка. С помощью экспериментального метода с использованием программного обеспечения E-Prime был изучен процесс обработки данных единиц двумя группами носителей русского языка: проживающими в среде родного языка и проживающими в среде иностранного языка. Было исследовано влияние на скорость и тип обработки исследуемых единиц факторов частотности, порядка слов, а также количества лет, проведенных респондентами в условиях доминирования второго языка.

Ключевые слова: коллокации; биномиалы; русский язык; когнитивная обработка; экспериментальный метод.

Под биномиалами (реже – биномиальными парами, фризами, двувершинными словосочетаниями) понимается последовательность из двух слов, относящихся к одной части речи, расположенных на одном уровне синтаксической иерархии и, как правило, связанных лексическим элементом [1]. Примеры биномиалов могут быть найдены во многих языках мира: английском – *day and night, up and down, water and electricity*; испанском – *cuerpo y alma, capa y espada, bromas y veras*; немецком – *Ebbe und Flut, Feuer und Flamme, Berg und Tal* и др.

Биномиалам в этих языках посвящено значительное число исследований, например, как класс словосочетаний исследуются биномиалы испанского языка в работе А. Régez, который уделяет особое внимание вопросу их устойчивости [2]; изучению характеристик и особенностей перевода биномиалов юридического дискурса посвящена работа Е. Macías Otón [3], степень фразеологизации, семантический фрейм и прагматика немецких биномиалов исследуются в работе К. Lumbrecht [4]. Однако, несмотря на представленность биномиалов во многих языках, большинство исследований фокусируется на их изучении лишь в рамках английского языка. Даже в русскоязычной лингвистической традиции материалом исследований становятся английские биномиалы (см. работы Н.М. Эльяновой, И.Н. Молодцовой, Т.Г. Пшенкиной).

На предыдущих этапах исследования [5, 6] нами было установлено, что биномиалы также являются неотъемлемой частью русского языка. Примерами биномиалов в русском языке могут послужить следующие последовательности слов (триграммы): *добро и зло, целиком и полностью, мама и папа, верх и низ, муж и жена* и т.д.

С использованием совокупности методик, применение которых представлено в статьях [5, 6], нами был составлен список из 128 биномиалов, все они были проранжированы по степени частотности. Также определен диапазон частотности, которая может варьироваться от достаточно высокой (например, *муж и жена* – 2, 875 ipm.) до низкой (например, *кошка и собака* – 0,056 ipm.), выявлены классы высокочастотных и низкочастотных семантических типов, соотнесена их объективная и субъективная частотность [5].

Наряду с частотностью, одной из важнейших характеристик биномиалов является степень устойчивости. По утверждению Я. Малкиела [1], по признаку фиксированности порядка слов все биномиалы английского языка располагаются на непрерывной шкале от биномиалов с полностью фиксированным порядком слов (*irreversible*, в терминологии Я. Малкиела) до единиц со свободным порядком слов (*reversible*). По методике, предложенной С. Моллин [7], на основе данных корпуса русского языка (НКРЯ) все 128 биномиалов из ранее полученного списка были распределены по шкале устойчивости. В результате 23 единицы (коэффициент (не)фиксированности 100) были отнесены к биномиалам с фиксированным порядком слов, 7 единиц (коэффициент (не)фиксированности 50) – со свободным порядком элементов, 63 единицы разместились ближе к полюсу с фиксированным порядком (коэффициент (не)фиксированности от 75 до 99), и оставшиеся 35 единиц (коэффициент (не)фиксированности от 51 до 74) – ближе к полюсу свободного порядка слов [6]. Данный показатель указывает на тот факт, что при изменении порядка слов у некоторых биномиалов может нарушаться их целостность (биномиалы групп 1 и 3), в то время как у биномиалов групп 2 и 4 изменение порядка слов не приведет к изменению устойчивости единицы.

Степень устойчивости компонентов биномиалов рассчитывается при помощи методов корпусной лингвистики и является сугубо объективным показателем. Однако, как отмечает С. Моллин [7], подобные данные не всегда соотносятся с представлениями носителей языка о том или ином языковом явлении.

В качестве объекта психолингвистики биномиалы исследуются как единицы ментального лексикона человека. Под ментальным лексиконом в статье понимается своего рода хранилище, система, которая характеризуется А.А. Залевской как обладающая «теми же свойствами, какие специфичны для речевой организации в целом, т.е. он (ментальный лексикон) должен пониматься не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами, поскольку новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы,

ведет к её перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта» [8. С. 154].

На наш взгляд, динамическая природа ментального лексикона, подчеркнутая в данном определении, позволяет говорить о его пластичности и возможности хранения в нем не просто слов, но слов в совокупности их связей с другими языковыми элементами.

Несмотря на способность человека создавать из ограниченных ресурсов языка неограниченное количество фраз и предложений при помощи рекурсивных правил, некоторые слова обладают большим потенциалом совместной встречаемости с определенным набором слов. Такой потенциал также называют коллокабельностью и, по мнению Дж. Синклера, А. Сиуянова-Чантурия, Р. Мартинес и др., именно это свойство лежит в основе так называемого принципа идиомы [9], или «холистического принципа» [10] обработки многокомпонентных номинативных единиц. Согласно этому принципу, в процессе восприятия и когнитивной обработки человек может извлекать из памяти не просто отдельные слова, но и готовые языковые конструкции различной сложности, а это доказывает, что в ментальном лексиконе человека хранятся ментальные репрезентации не только слов, но и целых словосочетаний.

Биномиалы, наряду с другими единицами, такими как клише, идиомы, фразеологизмы, являются неотъемлемой частью фразеологического состава языка и речи его носителей. Исследования К. Бэннарда и Д. Мэтьюса [11], И. Арнона и Н. Снайдера [12] показали, что в ментальном лексиконе носителей языка «хранится» информация о частотности, предсказуемости и устойчивости таких единиц, что позволяет не составлять их каждый раз из отдельных слов в процессе построения речи, а воспроизводить уже в готовом виде.

Методом разрешения вопроса об особенностях хранения многокомпонентных единиц (в том числе биномиалов) в ментальном лексиконе является эксперимент. Наиболее распространенными для проверки гипотезы о холистическом способе обработки подобных единиц являются эксперименты, замеряющие скорость реакции испытуемых при выполнении разного типа задач.

При помощи метода отслеживания движений глаз, например в работе А. Сиуяновой-Чантурии, К. Конклин и Н. Шмитта [13], ученые исследовали восприятие английскими монолингвами фраз разной частотности. Используя биномиалы и их менее частотные инверсии, они обнаружили, что участники эксперимента обрабатывают биномиалы с нормальным порядком слов (в данном случае под «нормальным порядком слов» понимается биномиал с более высокой частотностью в НКРЯ) быстрее, чем их перевернутые версии (под «перевернутым порядком слов» понимается биномиал с меньшей частотностью либо отсутствующий в НКРЯ).

Дж. Уайли также удалось доказать холистический подход при обработке биномиалов [14]. В ее исследовании принимали участие носители английского языка и англо-ирландские билингвы (дети 10–11 лет). В качестве стимульного материала для онлайн-эксперимента также использовались биномиалы и их менее частотные перевернутые формы. Детей попро-

сили сказать, являются ли показанные на экране словосочетания естественными для английского языка, например, *king and queen* или нет, например *night and day*. Полученные результаты показали, что порядок слов в биномиале и его частотность влияют на обработку как носителями языка, так и билингвами, а скорость реакции в обоих случаях была выше для высокочастотных биномиалов.

В рамках исследования биномиалов русского языка был реплицирован эксперимент Дж. Уайли, представленный в статье «Knowledge of collocations in monolinguals, bilinguals and multilinguals». Этот эксперимент был направлен на выявление особенностей обработки биномиалов билингвами с разной степенью владения вторым языком (Я2) (высокий уровень / низкий уровень). Эксперимент Дж. Уайли проводился в университетах Белфаста, Токио, Шанхая, а также на базе ТГУ с группой функциональных русско-английских билингвов. Мы также принимали в нем участие. Авторы эксперимента, проводимого в программе для регистрации времени реакции DMDX, проверяли гипотезу о влиянии факторов порядка слов и частотности биномиала на скорость его когнитивной обработки монолингвами, билингвами и мультилингвами, т.е. людьми, владеющими более чем двумя иностранными языками.

В данной статье будут представлены результаты экспериментов, направленных на выявление характера обработки русских биномиалов носителями русского языка, являющегося для них родным.

В эксперименте проверялась гипотеза о том, что выявленные на материале английского языка закономерности проявятся и при обработке единиц русского языка: изменение порядка слов и частотность коллокаций будут влиять на скорость когнитивной обработки единиц у носителей языка, т.е. при уменьшении частотности и изменении порядка слов скорость обработки будет снижаться, а изменение порядка слов будет иметь особо сильное влияние на скорость обработки биномиала именно в единицах с высоким коэффициентом устойчивости.

Выдвинутая гипотеза предопределила дизайн эксперимента и стимульный материал. В программе E-prime 2.0 был разработан дизайн с двумя независимыми переменными, в каждой из которых выделялось два уровня: частотность биномиала (высокая и низкая) и порядок слов (нормальный / перевернутый).

Из общего числа биномиалов было отобрано 60 единиц, 30 высокочастотных (диапазон частотности от 3,447 до 0,5 *ipm.*, показатель частотности выражается целым числом либо больше 0,5 *ipm.*) и 30 низкочастотных биномиалов (диапазон частотности от 0,190 до 0,003 *ipm.*, показатель частотности меньше 0,5 *ipm.*) с коэффициентом (не)фиксированности (устойчивости) от 75 до 100, т.е. единицы с фиксированным порядком слов или тяготеющие к абсолютно фиксированному. При этом важными, на наш взгляд, являются не сами показатели частотности внутри высокочастотной и низкочастотной группы, а разница между показателями этих двух групп. В табл. 1 представлены примеры стимульных коллокаций. Частотность и коэффициент устойчивости определялись по данным НКРЯ.

Примеры высокочастотных и низкочастотных биномиалов

Биномиал	Частотность (НКРЯ)	Коэффициент устойчивости (НКРЯ)
Мужчины и женщины	3,447 (высокая)	88
Муж и жена	2,875 (высокая)	97
Вдоль и поперек	2,875 (высокая)	100
До и после	2,332 (высокая)	99
Война и мир	1,527 (высокая)	97
Здесь и сейчас	1,428 (высокая)	94
Коротко и ясно	0,624 (высокая)	94
Весна и лето	0,190 (низкая)	98
Взлеты и падения	0,186 (низкая)	95
Лук и стрелы	0,172 (низкая)	96
Рога и копыта	0,134 (низкая)	97
Спрос и предложение	0,123 (низкая)	85
Принц и принцесса	0,095 (низкая)	90
Мартышка и очки	0,024 (низкая)	100

Также в экспериментальный материал было добавлено 10 словосочетаний-филлеров, т.е. словосочетаний, по структуре похожих на биномиал (“слово+союз «и»+слово”), но не значащихся в НКРЯ: *шоколад и изюм, ртуть и медь, люстра и светильник, стакан и город, линейка и ручка, телефон и фотоаппарат, бабочка и гусеница, вино и виноград, свеча и огонь, шапки и нарды*.

Далее половина единиц каждой группы (по 15 единиц), кроме группы филлеров, была преобразована путем создания конструкций с обратным порядком слов, например: в группе высокочастотных биномиалов коллокация *муж и жена* использовалась в эксперименте в «нормальном» порядке, а биномиал *война и мир* был введен в эксперимент в варианте *мир и война*.

Таким образом, в качестве стимульного материала использовалось: 15 высокочастотных биномиалов с прямым порядком слов, 15 высокочастотных биномиалов с перевернутым порядком слов, 15 низкочастотных биномиалов с прямым порядком слов, 15 низкочастотных биномиалов с перевернутым порядком слов.

Задачей участников эксперимента было оценить правильность порядка слов в биномиале, однако в дальнейшем анализе не учитывался тип ответа и его правильность, нас интересовало только время реакции (RT).

Первая экспериментальная сессия была проведена с привлечением в качестве респондентов носителей русского языка как родного, постоянно проживающих в среде родного языка.

Эксперимент проводился на персональном компьютере с необходимым программным обеспечением (E-Prime).

Процедура проведения эксперимента была следующей.

Перед началом эксперимента каждый участник заполнял лист информационного согласия. Затем он переходил к непосредственной работе с компьютером: указывал свои метаданные (имя, возраст, пол) и читал инструкцию. Если во время чтения инструкции у участника эксперимента возникал какой-либо вопрос, его можно было задать исследователю. По инструкции, респондентам необходимо было ответить, правильный ли порядок слов в появляющихся на экране биномиалах, нажав на одну из заранее определенных кнопок на клавиатуре: кнопка 1 – правильный порядок, 3 – неправильный.

Следующим этапом являлась тренировочная сессия, процедура которой полностью соответствовала логике основной части эксперимента: на экране появлялся фиксационный крест (время предъявления – 500 мс), затем участник видел стимул (время предъявления стимулов – 3 000 мс), затем, после межпробного интервала (1 000 мс), следовала новая проба. Время предъявления соответствует общепринятым в парадигме психолингвистических исследований временным нормам (рис. 1).

В эксперименте приняли участие 30 носителей русского языка, студенты ТГУ. Гендерный состав: 10 мужчин и 20 женщин. Возраст испытуемых колебался от 19 до 25 лет.

В результате проведения эксперимента было получено 2 100 реакций. До проведения анализа из общего количества данных удалялись случаи нулевых или ошибочных нажатий, всего было удалено не более 5% данных (33 единицы). Время реакции на единицы-филлеры также не учитывалось в дальнейшем анализе. Анализируемые данные времени реакции (1 767 реакций) подчинялись закону нормального распределения.

Рис. 1. Схема процедуры проведения эксперимента

Дисперсионный анализ с повторными измерениями (repeated measures ANOVA) выявил главные эффекты частотности и порядка слов. На рис. 2 показано увеличе-

ние времени реакции с понижением частотности биномиала, т.е. биномиалы с низкой частотностью обрабатываются дольше, чем биномиалы с высокой частотностью.

$$F(1, 29) = 63,754, p = 0,00000$$

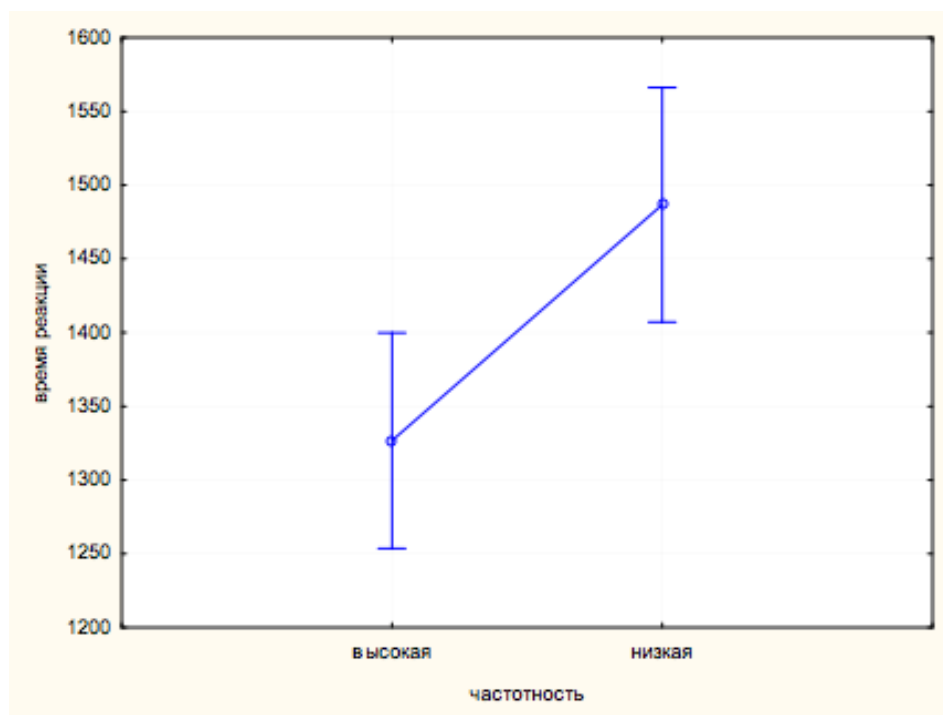

Рис. 2. Влияние частотности на скорость обработки биномиалов

Помимо эффекта частотности было выявлено влияние порядка слов в биномиале на скорость его обработки. Как можно видеть на графике (рис. 3),

биномиалы с перевернутым порядком слов обрабатываются медленнее, чем единицы с нормальным порядком слов.

$$F(1, 29) = 61,164, p = 0,00000$$

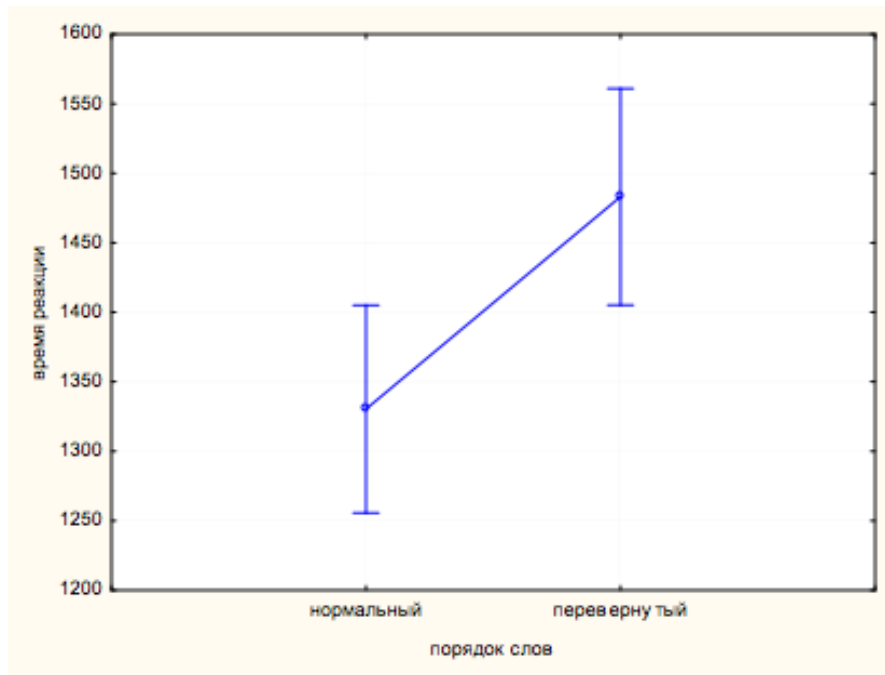

Рис. 3. Влияние порядка слов на скорость обработки

Анализ попарных различий между уровнями двух факторов продемонстрировал, что в обеих частотных группах существует статистически значимая разница в обработке биномиалов с прямым и перевернутым порядком слов: биномиалы в их исходной конструкции обрабатываются респондентами быстрее, нежели их пере-

вернутые варианты (различия для группы биномиалов с высокой частотностью, согласно апостериорному анализу (с поправкой Бонферрони) $p = 0,000$; различия для группы биномиалов с низкой частотностью, согласно апостериорному анализу $p = 0,004$). Соотношение действия двух факторов представлено на графике (рис. 4).

$$F(1, 29) = 5,0520, p = 0,03237$$

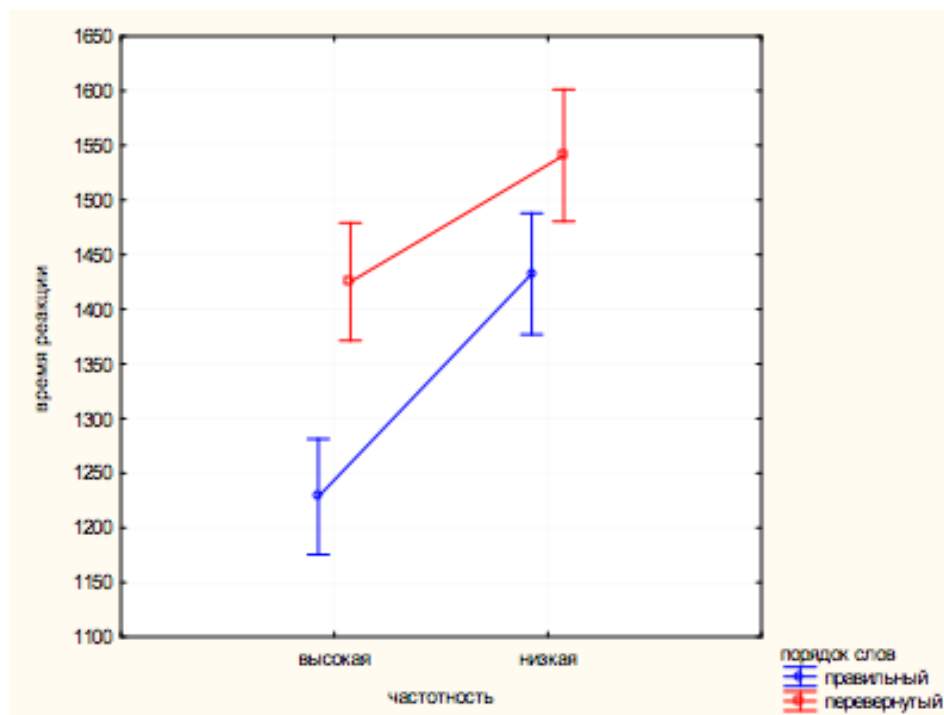

Рис. 4. Анализ попарных различий уровней факторов частотности и порядка слов

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что изменение порядка слов в биномиале, при нарушении его целостности, влечет за собой увеличение времени реакции, что в свою очередь может являться доказательством того, что в ментальном лексиконе носителей языка данные единицы хранятся подобно словам и обрабатываются холистически. Однако данная гипотеза нуждается в дальнейших исследованиях с использованием вариативных дизайнов эксперимента, объективирующих проявление разных факторов, влияющих на обработку биномиалов разного типа.

Для проверки исследовательской гипотезы о влиянии проживания в другой языковой среде, времени пребывания в условиях коммуникативного доминирования другого языка, ослабляющего функционально обусловленный автоматизм обработки единиц родного языка, как следствие – скорость их обработки, была проведена вторая экспериментальная сессия с тождественным дизайном, но со сменой типа респондентов.

Вторая экспериментальная сессия проводилась на базе Королевского университета Белфаста (QUB) г. Белфаст, Великобритания. Дизайн и процедура проведения экспериментального исследования аналогичны эксперименту, описанному ранее в статье.

Перед экспериментом, помимо подписания формы информационного согласия, каждый участник заполнял мини-анкету, предназначенную для определения времени пребывания в иноязычной среде и частоты использования русского языка в настоящий момент (постоянно, почти всегда, немного каждый день, несколько раз в неделю, меньше, чем раз в неделю). Также в анкете задавался вопрос о том, изменилось ли владение русским языком у респондента после переезда в Великобританию (не изменилось, ухудшилось, улучшилось).

В качестве респондентов в исследовании приняло участие 14 человек, постоянно проживающих в Великобритании, десять человек – студенты, обучающиеся на разных факультетах QUB, 4 человека закончили обучение.

По результатам обработки анкет были получены следующие данные. Время пребывания в Великобритании варьируется от трех месяцев до 12 лет.

Что касается частоты общения на русском языке, 1 респондент выбрал вариант «меньше, чем раз в неделю», 6 респондентов ответили «несколько раз в неделю» и 7 человек выбрали вариант «немного каждый день».

Только три респондента ответили, что их владение русским языком ухудшилось после переезда в иноязычную среду. Примечательно, что даже респондент, проживающий в Великобритании уже 12 лет, ответил, что его уровень владения русским языком не изменился.

В результате проведения эксперимента было получено 980 реакций. До проведения анализа из общего количества данных также удалялись случаи, когда RT равнялось 0, и наблюдения, в которых время реакции составило < 150 мс. Всего было удалено не более 5% данных (45 единиц). Время реакции на единицы-филлеры также не учитывалось в дальнейшем анализе. Анализируемые данные (795 реакций) подчинялись закону нормального распределения.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями (repeated measures ANOVA) также выявил, что время реакции увеличивается при понижении частотности биномиалов и при изменении порядка слов в них.

Апостериорный анализ (Бонферрони) выявил отсутствие статистически значимой разницы в скорости обработки высокочастотных биномиалов с перевернутым порядком слов и низкочастотных биномиалов с нормальным порядком слов.

Можем сделать вывод о том, что главным фактором, влияющим на скорость обработки биномиалов в данной группе респондентов, является порядок слов. Это значит, что биномиалы с нормальным порядком слов обрабатываются быстрее, независимо от частотности, а биномиалы с перевернутым порядком слов обрабатываются медленнее, также независимо от того, высокочастотные это единицы или низкочастотные.

При сравнении результатов данной группы с результатами группы носителей русского языка, постоянно проживающих в среде родного языка, статистически значимой разницы в скорости обработки разных типов биномиалов выявлено не было. Однако на графике на рис. 5 ясно видно, что у живущих в иноязычной среде и не имеющих постоянной речевой практики на родном языке пропорционально увеличивается время обработки биномиалов всех типов (на рисунке: Рус-1 – группа респондентов, проживающих в англоязычной среде, Рус-2 – респонденты, проживающие в среде родного языка).

Для проверки второй гипотезы все респонденты были объединены в две группы по количеству лет / месяцев проживания в среде другого языка: до года и больше года. Затем был проведен дисперсионный анализ для сравнения результатов двух групп.

На графике (рис. 6) показано увеличение времени реакции в группе «>1 года» для всех типов переменных. Однако апостериорный анализ (Бонферрони) не выявил статистически значимых различий для двух групп.

В целом, исходя из полученных результатов по этой группе, можно сделать вывод, что проживание в среде неродного языка и его коммуникативное доминирование влияют на скорость обработки биномиалов, замедляя ее. Помимо этого, нельзя отрицать влияние фактора времени пребывания в иноязычной среде на время реакции респондентов.

$$F(1, 42) = ,01866, p = ,89200$$

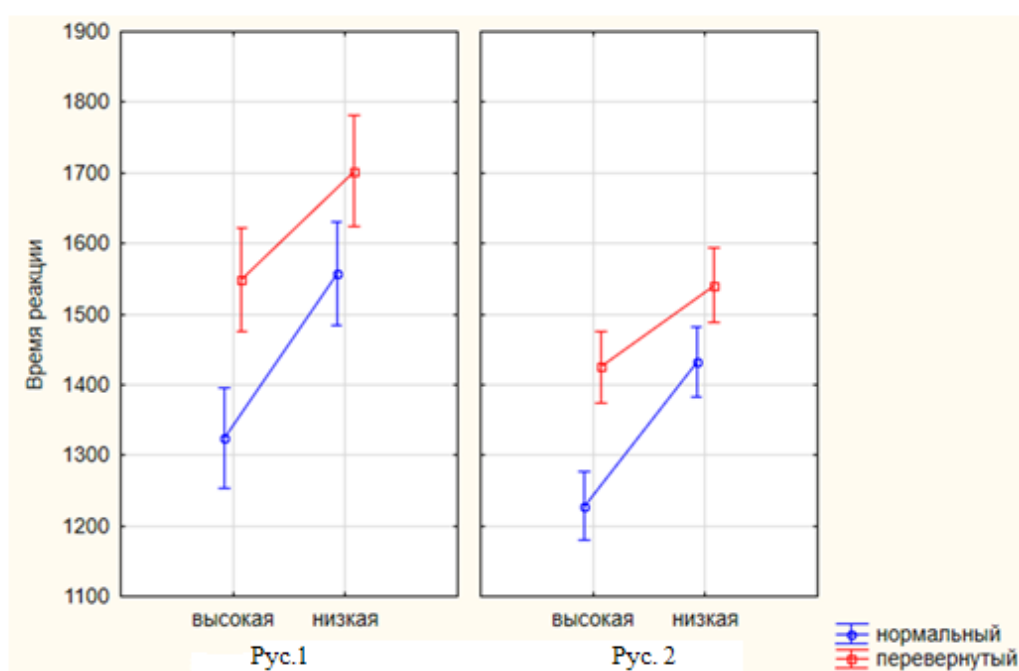

Рис. 5. Сравнение двух групп респондентов

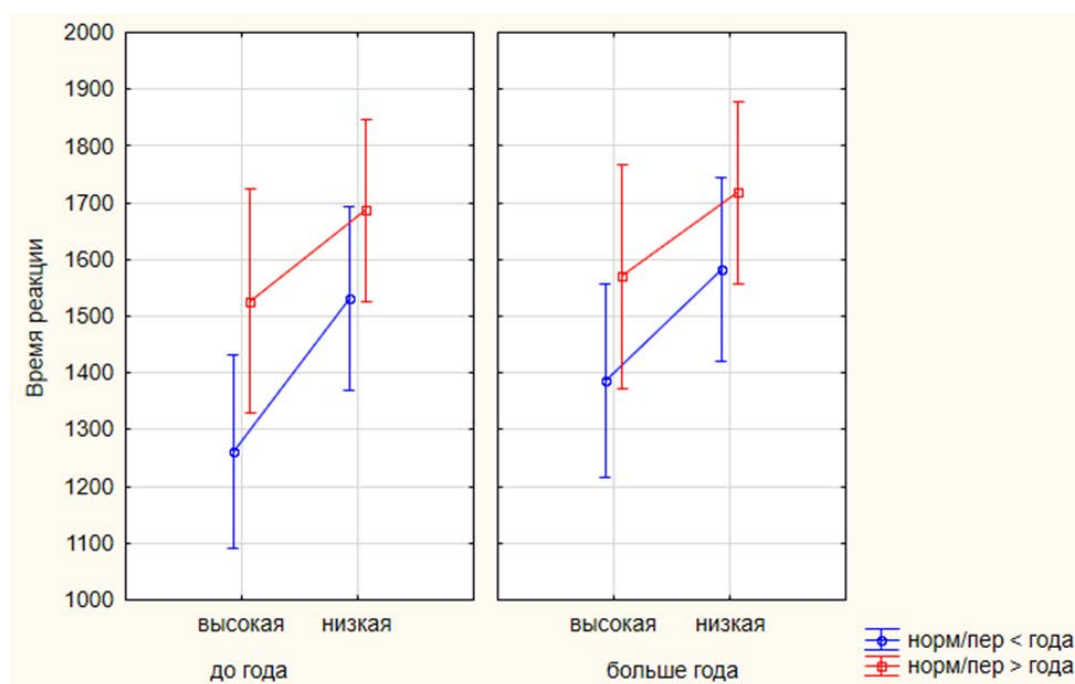

Рис. 6. Сравнение двух групп (время проживания в Великобритании <1 года и время проживания в Великобритании > 1 года)

Таким образом, репликация экспериментов, направленных на изучение процесса обработки биномиалов и проведенных на материале английского языка, выявила, что русские биномиалы также обрабатываются по принципу идиомы, о чем свидетельствует увеличение времени реакции при изменении порядка слов в них, т.е. нарушении их целостности. Частотность биномиала также влияет на скорость его обработки: с понижением частотности также прослеживается тенденция к увеличению

времени реакции. Данные утверждения справедливы для обеих групп респондентов, принявших участие в эксперименте, поскольку анализ полученных данных выявил одинаковые тренды в обработке многокомпонентных номинативных единиц у двух групп. Однако время реакции у респондентов с доминированием неродного языка и постоянно проживающих в иноязычной среде в целом увеличивается, что свидетельствует об утрате автоматизма в обработке единиц родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Malkiel Y. Studies in irreversible binomials // *Lingua*. 1959. Vol. 8. P. 113–160. DOI: 10.1016/0024-3841(59)90018-X.
2. Pérez A. Binomios (irreversibles) en español // *LEA: Lingüística Española Actual*. 2006. Vol. 28, № 2. P. 135–160.
3. Macías Otón E. Las expresiones binomiales en el lenguaje jurídico y su traducción en el aula de terminología (español-inglés/francés) // *Paremia*. 2013. № 22. P. 209–225.
4. Lambrecht K. Formulaicity, Frame Semantics, and Pragmatics in German Binomial Expressions // *Language*. 1984. Vol. 60 (4). P. 753–796.
5. Резанова З., Буб А. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1164–1177. DOI: 10.15826/qr.2017.4.273.
6. Буб А., Резанова З. Степень устойчивости биномиалов русского языка в соотношении с параметрами частности и предсказуемости элементов // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 437. С. 15–22. DOI: 10.17223/15617793/437/2.
7. Mollin S. The (Ir)reversibility of English Binomials: Corpus, constraints, developments. John Benjamins B.V. 2014. 264 p.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 566 с.
9. Sinclair John. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: OUP, 1991.
10. Siyanova-Chanturia A., Martinez R. The Idiom Principle Revisited // *Applied Linguistics*. 2014. 1–22. DOI:10.1093/applin/amt054.
11. Bannard C., Matthews D. 2008. 'Stored word sequences in language learning: The effect of familiarity on children's repetition of four-word combinations' // *Psychological Science*. 2014. 19. P. 241–248.
12. Arnon I., Snider N. 'More than words: Frequency effects for multi-word phrases' // *Journal of Memory and Language*. 2010. 62. P. 67–82.
13. Siyanova-Chanturia A., Conklin K., Schmitt N. Adding more fuel to the fire: An eye-tracking study of idiom processing by native and non-native speakers // *Second Language Research*. 2011. 27 (2). P. 251–272. DOI: 10.1177/0267658310382068.
14. Wylie J. Binomial processing in children: A comparison of monolingual and second language learners. Poster session presented at Annual Meeting of the American Association for Applied Linguistics. Dallas; TX, 2013.
15. Foster P. 'Rules and routines: A consideration of their role in the task-based language production of native and non-native speakers' // Bygate M., Skehan P., Swain M. (eds): *Researching Pedagogic Tasks: Second Language Learning, Teaching, and Testing*. Longman, 2001. P. 75–94.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 мая 2019 г.

Cognitive Processing of Binomials in the Russian Language (An Experimental Study)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/442/1

Aleksandra S. Bub, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aleksandrabub@yandex.ru

Keywords: collocations; binomials; Russian language; cognitive processing; experiment.

The article presents the results of an experimental study of the Russian language binomials cognitive processing in two groups of native speakers. Binomials are a sequence of two words belonging to one part of speech located at the same level of the syntactic hierarchy and, as a rule, connected by a lexical element, in most cases by the conjunction “and” (Russian “и”). Binomials can be found in a great number of languages, for example, in English: *day and night, up and down*; in Spanish: *cuero y alma, capa y espada*; and in Russian: *muzh i zhena, ya i ty*, etc. At the previous stages of the study, a list of 128 binomials was compiled. All the units from the list were ranked by the degree of frequency. Along with the frequency, using the methodology of foreign colleagues, all 128 binomials were placed on the (ir)reversibility scale (based on the data from the Russian language corpus). Each unit received its coefficient from 50 (reversible) to 100 (irreversible). At this stage of the study, binomials are considered as units of the mental lexicon. Their processing is in the focus of interest. It is believed that binomials are processed holistically, i.e. as a word. The main method applied for the investigation of processing of multicomponent units is an experiment. It was decided to replicate experiments conducted on the material of the English language in Russian. The author hypothesized that a change in the word order and frequency would affect the speed of cognitive processing in native speakers, i.e. when decreasing the frequency and changing the word order, the processing speed would decrease, and changing the word order would have a particularly strong influence on the processing speed of the binomial in units with a high irreversibility coefficient. The author also assumed that living in a foreign language environment would affect the processing speed. Using the E-Prime software, an experiment was developed, with 30 frequent units and 30 infrequent binomials as stimuli. Word order was altered in half of the stimulus units. Two groups of native speakers took part in the experiment: Russians living on the territory of their mother tongue (30) and Russians living on the territory of a foreign language (14). Their task was to assess the correctness of the word order in the binomial shown on the screen. Further the reaction time was analyzed. The results show that Russian binomials may be processed holistically, as evidenced by the increase in reaction time when the word order is changed, that is, their integrity is broken. The frequency of the binomial also affects the speed of its processing: with decreasing frequency, there is a tendency to an increase in the reaction time. These statements are valid for both groups of respondents who took part in the experiment since the analysis of the obtained data revealed the same processing trends for the two groups. However, the response time of respondents with the dominance of a foreign language and permanently residing in the territory of a foreign language increases, which indicates a loss of automaticity in the processing of units of the native language.

REFERENCES

1. Malkiel, Y. (1959) Studies in irreversible binomials. *Lingua*. 8. pp. 113–160. DOI: 10.1016/0024-3841(59)90018-X
2. Pérez, A. (2006) Binomios (irreversibles) en español. *LEA: Lingüística Española Actual*. 28 (2). pp. 135–160.
3. Macías Otón, E. (2013) Las expresiones binomiales en el lenguaje jurídico y su traducción en el aula de terminología (español-inglés/francés). *Paremia*. 22. pp. 209–225.
4. Lambrecht, K. (1984) Formulaicity, Frame Semantics, and Pragmatics in German Binomial Expressions. *Language*. 60 (4). pp. 753–796.
5. Rezanova, Z. & Bub, A. (2017) Binomials in Russian Speech: Semantic Types and Objective and Subjective Frequency. *Quaestio Rossica*. 5 (4). pp. 1164–1177. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2017.4.273
6. Bub, A. & Rezanova, Z. (2018) Russian binomials: The (ir)reversibility score and its relation to the frequency and predictability of the components. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/2
7. Mollin, S. (2014) *The (Ir)reversibility of English Binomials: Corpus, constraints, developments*. John Benjamins B.V.
8. Zalevskaya, A.A. (1999) *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: RSUH.
9. Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: OUP.

10. Siyanova-Chanturia, A. & Martinez, R. (2014) The Idiom Principle Revisited. *Applied Linguistics*. 1–22. DOI: 10.1093/applin/amt054
11. Bannard, C. & Matthews, D. (2014) 2008. 'Stored word sequences in language learning: The effect of familiarity on children's repetition of four-word combinations. *Psychological Science*. 19. pp. 241–248.
12. Arnon, I. & Snider, N. (2010) 'More than words: Frequency effects for multi-word phrases. *Journal of Memory and Language*. 62. pp. 67–82.
13. Siyanova-Chanturia, A., Conklin, K. & Schmitt, N. (2011) Adding more fuel to the fire: An eye-tracking study of idiom processing by native and non-native speakers. *Second Language Research*. 27 (2). pp. 251–272. DOI: 10.1177/0267658310382068
14. Wylie, J. (2013) *Binomial processing in children: A comparison of monolingual and second language learners*. Poster session presented at Annual Meeting of the American Association for Applied Linguistics. Dallas; TX.
15. Foster, P. (2001) 'Rules and routines: A consideration of their role in the task-based language production of native and non-native speakers'. In: Bygate, M., Skehan, P. & Swain, M. (eds) *Researching Pedagogic Tasks: Second Language Learning, Teaching, and Testing*. Longman.

Received: 17 May 2019

Т.А. Демидова, Л.М. Гриценко

МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОГО ОПИСАНИЯ ИДИОСТИЛЯ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ОБРАЗНОСТИ

Статья посвящена проблеме поиска эффективных методологических принципов описания идиостиля на основе анализа образных единиц, реализующих свой потенциал в пространстве художественного текста. Исследование опирается на научные положения мотивологического направления лингвистики и теории лексической образности. Методика, выбранная авторами, предполагает поиск объективных методов анализа идиостиля и включает несколько этапов: статистический анализ образных единиц в тексте; исследование основных семантических процессов и выделение ключевых и периферийных авторских метафорических моделей; концептуальный анализ, направленный на комплексное описание концептосферы художественного мира автора.

Ключевые слова: идиостиль; образная единица; образное значение; метафорическая модель; концепт; концептосфера; художественная картина мира.

Изучение понятия *идиостиль* органично вписывается в современные научные исследования. Ученые-лингвисты, опираясь на фундаментальные работы В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, Ю.М. Лотмана, в которых были выделены и описаны ключевые черты этого понятия (специфичность, системность, целостность), находят новые подходы к его описанию [1]. Это свидетельствует, во-первых, о не пропадающем интересе исследователей к его изучению, а, во-вторых, сигнализирует о сложности самого явления идиостиля, связанного и с интерпретацией этого понятия, и с поиском адекватных, универсальных способов его анализа.

В современной лингвистике изучение идиостиля не замыкается рамками собственно стилистических исследований, популярных в 1960–1970 гг., и развивается в соответствии с принципами антропоцентризма, когда на первое место выходит языковая личность (Ю.Н. Караулов) [2, 3] создателя текста как носителя культурологической информации. Художественная картина мира автора рассматривается не как нечто обособленное, а в ее взаимосвязи с языковой картиной мира, так как любой художественный текст представляет собой индивидуально-авторскую интерпретацию внеязыковой действительности, особый взгляд на мир, обусловленный рядом экстралингвистических факторов: опытом (личным, общечеловеческим), культурологической спецификой, эпохой и т.д. Идиостиль определяется как «совокупность ментальных структур, в которых отражаются особенности поэтического сознания автора» [4. С. 5]. Соответственно вектор исследований, посвященных анализу идиостиля в данном ключе, направлен на описание языковой реализации этих «ментальных феноменов», способов их вербализации [5. С. 163].

Подход к описанию идиостиля и способ его изучения определяются направлением научного знания, в рамках которого ведется исследование: психолингвистический (В.А. Пищальникова) [6], системно-структурный (М. Лотман, С.Т. Золян) [7], лингвостатистический (М.Ю. Мухин) [8], стилистико-коммуникативный (Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко) [9] и многие другие. Многие исследования текстов (не только художественных) проводятся на стыке разных наук: социологии и лингвистики, психологии и линг-

вистики. Например, большую популярность приобретают лингвостатистический подход к анализу идиостиля (В.У. Norman, М.Ю. Мухин) [10], применение методов стиллометрического анализа (D. Hoover, T. Corns) [11], позволяющих выявить своеобразие идиостиля через анализ контекстов частотной лексики путем выделения «доминантных сфер текстов» по результатам «количественной обработки и контекстуального анализа», когда «творчество писателя становится объектом статистических измерений» [8. С. 182]. Н.С. Болотнова, анализируя существующие подходы к изучению идиостиля, выделяет три направления его исследования: 1) анализ отдельных лексических, синтаксических элементов художественной системы автора, способов словоупотребления (М.Б. Борисов, В.П. Григорьев, Н.А. Кожевникова, М.Д. Поцепня); 2) внимание к «различным структурным и смысловым формам организации языкового материала в замкнутом целом» (Л.В. Зубова, Н.К. Соколова, В.П. Григорьев); 3) описание художественной картины мира автора путем выделения ключевых концептов его творчества, «моделирования “возможных миров” разных авторов» (М.Р. Проскуряков, В.Ю. Прокофьева, Е.Г. Малышева) [9. С. 71–72]. На наш взгляд, анализ идиостиля предполагает синтез разных направлений его исследования. Выбор того или иного способа анализа идиостиля определяется конкретным материалом и не должен ограничиваться рамками одного подхода [4]. В соответствии с этим утверждением в статье предпринята попытка создания методики комплексного анализа идиостиля, синтезирующей разные направления его исследования и позволяющей посмотреть на автора как носителя языка, языковую личность, творчески репрезентирующую свои знания о мире выразительными средствами языка.

Описание методики анализа идиостиля проводится на материале прозы классика русской литературы XX в. – В.П. Астафьева (повествования в рассказах «Последний поклон» и «Царь-рыба»). Следует отметить, что у авторов не было цели дать полное описание идиостиля знаменитого писателя, выделить его ключевые черты. Главный вектор исследования в данном случае направлен на описание методических принципов анализа идиостиля. Таким образом, методика, предложенная авторами, может быть применима

и к творчеству других писателей, при условии, что в их творчестве (или отдельном тексте) в качестве доминантой единицы может быть выделена единица образная, поскольку в качестве предмета анализа выбраны образные единицы (ОЕ): метафора, собственно образное слово, образное сравнение, образное единство. Своеобразие их использования и частотность употребления в прозе В.П. Астафьева позволяет утверждать, что ОЕ являются доминантой творческого мира В.П. Астафьева, участвуют в формировании его идиостиля [12].

Выбор такого предмета анализа не случаен. Он обусловлен особой природой ОЕ, совмещающей в себе общеязыковое (связь с культурой определенного этноса, эпохой) и индивидуально-авторское содержание в синтезированной форме. Взгляд на ОЕ в данной работе опирается на принципы когнитивной лингвистики [5, 13–16], рассматривающей метафору (феномен метафоричности) как особый тип ментальной структуры, как «форму мышления» (Дж. Лакофф, М. Джонсон [17], М.А. Смирнова [18]). Таким образом, ОЕ – единица уникальная, универсальная по своей природе, в ней органично сплетено «данное», вариантное и «не-данное», универсальное [4].

Придерживаясь лексикологической интерпретации категории образности [19], в определении единицы как образной авторы данной работы опираются на принципы, сформированные в рамках мотивологического направления (О.И. Блинова [20], Е.А. Юрина [19, 21]), где главными критериями определения единицы как образной названы: мотивированность, семантическая двуплановость и метафорическая внутренняя форма [23, 24]¹.

Создавая авторскую ОЕ, писатель синтезирует «личное» (авторское, окказиональное) и «общее» (узуальное), иначе восприятие метафоры и интерпретация образного значения были бы затруднены. «Образ здесь создается... по моделям языковых образов... Тем не менее художественный речевой образ всегда сохраняет авторство, в нем превалирует индивидуализация, трансформация языковых образов» [25. С. 24]. Рассмотрим пример. Лексема *острый* в русском языке реализует образное представление о чем-либо интенсивном, опасном, причиняющем боль (*острая боль, острый ум, острый на язык, остряк* и др.). Тот же признак реализуется в таких лексемах, как *заноза* (о человеке), во фразеологической конструкции *нож в спину*. В художественном тексте автор развивает это представление, насыщает его индивидуально-авторским содержанием, опираясь при этом на модель языкового образа: *острога* (о взгляде) – о строгом, причиняющем боль взгляде (...она часто роняла подбор или останавливала движение рук, словно бы заснув над сетью, и тогда «старый» всаживал в неё яростный взгляд и не взгляд, прямо сказать, острогу («Царь-рыба»)). Актуализация внутренней формы метафоры реализуется здесь с помощью лексемы *острога* (прямое значение – предмет для ловли рыбы, имеющий острый наконечник), с помощью самой лексической единицы острый (ОСТРО/га). Кроме того, в тексте присутствуют усилители, актуализаторы значения ОЕ: *всадил яростный взгляд* – вонзил что-то

острое). За счет контекстуального окружения рождается индивидуально-авторская метафора, при этом создание образа происходит в рамках традиции, соответствует «психоментальной сфере определенного культурного сообщества» [26. С. 41].

Обратимся к рассмотрению этапов анализа идиостиля.

В качестве подготовительного этапа необходим анализ ряда экстралингвистических факторов: проблематике произведений, авторских мотивов и целей и т.д. В.П. Астафьев известен как писатель, обращающийся к темам взаимоотношения человека и природы, в центре его прозы – проблема нравственности человека, разрушение естественных, «природных» принципов устройства мира. Творчество В.П. Астафьева – это целый мир, исследование которого продолжается и не теряет своей актуальности (Л.Н. Падерина, И.А. Подюков, А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, Л.Г. Савотик, В.Н. Овчарова, З. Матышева, М. Перкиёмяки) [27–30]. В целом, опираясь на многочисленные работы, посвященные творчеству писателя, можно выделить следующие ключевые черты его стиля: музыкальность, внимательное отношение к слову (О.И. Блинова, И.А. Подюков), конкретность, наглядность (З. Матышева), народность. ОЕ в синтезированной форме отражают основополагающие признаки индивидуального стиля писателя.

Первый этап: определение структурно-семантического статуса ОЕ, статистический анализ ОЕ.

Этап предполагает поиск ОЕ в контексте художественного произведения, определение статуса единицы как образной, анализ ее контекстного окружения. Цель – сбор и анализ статистических данных об использовании ОЕ конкретным автором: частотность употребления единиц каждого типа, их стилистические особенности, индивидуально-авторские «предпочтения» в использовании ОЕ.

Остановимся подробнее на критериях выделения единицы как образной и определении ее структурно-семантического статуса. В произведениях В.П. были выделены следующие группы ОЕ:

1. Метафора – языковая и художественная. Данные типы метафор соотносятся по принципу универсальное / окказиональное; независимость / зависимость от контекста. Для языковой метафоры характерен автоматизм восприятия, возможна замена необразным лексическим эквивалентом (что в большинстве случаев не приведет к утрате образа и искажению восприятия) [31]. Например, *шипеть* – выразить неудовольствие кем-либо, чем-либо (Малый академический словарь): «Ты, шалавый! Ты, гнида легавая!» – *пуркагански, грозно прошипел* сквозь зубы Кандыба («Последний поклон»). Значение метафоры в языке и в контексте совпадают. Отметим, однако, что в чистом виде языковые метафоры в художественном тексте встречаются редко. Чаще всего под влиянием контекстного окружения происходят их трансформация, актуализация периферийных сем, приращение смысла и, соответственно, смена структурно-семантического статуса.

Художественная метафора – это метафора авторская, ее замена на необразный эквивалент неизбежно

приводит к утрате образа, реализация образного значения такой метафоры связана с контекстом, а иногда и полностью зависит от него. Связь ОЕ с контекстным окружением предопределила выделение двух подтипов художественной метафоры:

– собственно художественная – метафора, которая возникла в контексте художественного произведения, но постепенно утратила эту связь, став своеобразным культурным кодом. Читатель / исследователь, понимая значение метафоры, осознает ее этимологическую связь с художественным текстом. Декодировать семантическую наполненность ОЕ в силу ее культурологической ориентированности обычно не составляет труда. Тем не менее автоматическая замена на необразный вариант невозможна. Основная функция таких метафор – эстетическая. Например, традиционный для русской культуры образ голубки (о молодой женщине): *Лидия Ильинична, голубица ты моя ясная!* («Последний поклон»);

– индивидуально-авторская – метафора авторская, реализующая свой образный потенциал только в контексте, где присутствуют актуализирующие ее содержание элементы. Вне контекста понимание такой метафоры затруднено. Например: *Во дворе начала расти-путаться трава-мурава, подле заплотов – мокрица;...заплоты подернулись каменным мхом; даже ворота состарились, треснули, оцетинились серыми оцепинами, старчески скрипели, когда их пробовали отворять – петли-то дегтем не мазаны* («Последний поклон»). Изначально необразное выражение *старые ворота* автор «заменяет» на метафору *ворота состарились*, оживляя предмет, усиливая признак *старый*, развивая образ ворот как старого человека. Созданию образа, лежащего в основе метафоры, способствуют контекстуальные актуализаторы *оцетинились, старчески скрипели, серый*.

2. Отдельную группу ОЕ составляют собственно образные лексические единицы – «первичные номинации, внутренняя форма которых отражает морфологический тип мотивированности» [32. С. 4], образность которых реализуется «на уровне морфосемантической структуры лексемы, обладающей самостоятельным номинативным значением» [19. С. 37]. Собственно образные слова у В. Астафьева – это диалектные единицы, помогающие передать особый колорит деревенской жизни, особенности речи, образа жизни героев; или лексемы, емко и одновременно полно отражающие какие-либо особенности быта, внешности, характера. Например:

– *макаронник* – о длинных и тонких ветвях деревьев, напоминающих макароны (*...впрягшись через оба плеча в нарту, скоро волок уже с речного отвала воз сухой обрез, именуемой в Игарке макаронником* («Последний поклон»));

– *зубоскалится* (авторская трансформация фразеологической конструкции *скалить зубы*) – огрызаться, выражать свое возмущение в резкой форме (*До того дострелялись осенесь, пана, что озверели, верис – нет, озверели! – ахал Аким, вспоминая прошлогоднюю охоту* («Царь-рыба»));

– *очугунелый* – о твердых, как чугун, мозолях (*Дядя Левонтий, если трезвый, показывал сыну руки в*

очугунелых мозолях, пытался своим жизненным примером убедить сына, как тяжело приходится добывать хлеб малограмотному человеку («Последний поклон»));

– *окосолапеть* – стать неповоротливым, косолапым, словно медведь (*За лето мать одряхла, согнулась, окосолапела, как старая медведица, румянец давно погас на ее щеках*) («Царь-рыба»).

3. Образное сравнение: *«Жизнь ее растрепана, как льняной сноп на неисправной мялке»* («Последний поклон»), *«Лоб у Кеши делался бледным, исходил мокротью, будто резаная брюква соком»* («Последний поклон») и др.

В прозе В.П. Астафьева были выделены и другие группы ОЕ, здесь отмечены наиболее частотные.

Следует отметить, что этот этап необходим еще и для того, чтобы определить, является ли ОЕ частым и значимым элементом индивидуального стиля, насколько их использование отражает ключевые его черты. Кроме того, на данном этапе можно выделить основные тенденции использования ОЕ в творчестве писателя, описать приметы его стиля. Например, было замечено, что для прозы В.П. Астафьева свойственна тенденция к авторской трансформации узусных ОЕ в контексте, в результате чего происходит изменение их структурно-семантического статуса. Например, переход языковой метафоры в разряд индивидуально-авторских ОЕ. Генетические (стертые, утратившие образность) метафоры, построенные по модели «часть лица + неодушевленный предмет» (*нос лодки, носик чайника*), при этом меняют свой структурно-семантический статус на «индивидуально-авторские» в контексте, благодаря актуализации ассоциативных связей: *Но лодка мчалась, задравши нос, будто норовистая лошадь, и слушаться вовсе не хотела* («Последний поклон»). В результате происходит оживление «мертвой» метафоры *нос лодки* с помощью актуализаторов (сравнительного оборота *будто норовистая лошадь* и конструкции *задравши нос*, отсылающей к фразеологическому обороту *задрать нос* (о человеке)). В основе контекста лежит прием олицетворения (лодка наделяется признаками живого существа, имеющего свой характер: *слушаться вовсе не хотела*).

Еще одна яркая примета стиля писателя – тенденция к укрупнению (синтезу) ОЕ, «нанизыванию» ОЕ для создания единого образа (образное единство). Речь идет о сложных образных структурах, рассматривать которые, на наш взгляд, следует в совокупности, так как раздельное описание входящих в состав такой цепочки образных единиц неизбежно приведет к утрате смысла, к разрыву целостности образа. Чаше всего в таких конструкциях присутствует один базовый компонент («главная ОЕ») и группа «ОЕ-распространителей». Например: *За кормой, за редко и круто вздымающимися волнами осталась речка Опариха, светлея разломом устья, кучерявясь облаками седоватых тальников* («Царь-рыба»). «Главная метафора» – *облака тальников* (о листве, напоминающей формой облака). Распространители – индивидуально-авторские метафоры *кучерявиться* (напоминать кучерявые, вьющиеся волосы) и *седоватый* (имеющий

серый, будто седой, цвет). Благодаря наличию распространителей образ тальников как облаков (реализация метафорической модели «природный объект – природный объект»: «листва дерева – облако») конкретизируется, и актуальной становится модель «дерево – человек». В контексте рождается целостный образ реки как живого существа, имеющей волосы: густо растущие деревья с пышной (напоминающей по форме облако) листвой серого цвета, похожей на выходящие седые волосы человека.

Таким образом, первый этап анализа идиостиля предполагает определение структурно-семантического статуса ОЕ с учетом контекстуального окружения; их количественный анализ и определение ОЕ как доминанты индивидуального стиля писателя.

Второй этап – исследование семантики выделенных ОЕ, реализуемой в контексте.

В семантике ОЕ содержится информация, касающаяся авторской картины мира, которая, в свою очередь, напрямую связана с языковой картиной мира и является частным случаем ее преломления сквозь призму жизненного опыта создателя текста, идейную установку, цель произведения. Этот этап предполагает составление семантической классификации образных единиц: выявление актуализаторов образного значения внутри контекста, объединение ОЕ в смысловые группы, контекстуальный анализ семантических процессов и выделение основных образных моделей. Предложенный анализ семантики ОЕ направлен на преодоление субъективности интерпретации и позволяет, на наш взгляд, абстрагироваться от «личного» и «увидеть автора». Таким образом, главная цель – не столько сформулировать образное значение (что невозможно сделать абсолютно объективно, «как автор», без подключения плана «я-читатель», «я-исследователь»), а прежде всего, описать семантические направления, процессы, указывающие на индивидуально-авторский способ категоризации действительности в пространстве конкретного текста и / или системы текстов.

В «Последнем поклоне» В.П. Астафьева на основе анализа семантического плана ОЕ были выделены ключевые характеристики стиля писателя. Не останавливаясь на их подробном описании, приведем лишь некоторые примеры:

1) «оживление» бытового (метафорическая модель: «предмет – живое существо»). Например, *чихать* (о звуке горящего в печи полена – «будто чихает»); *вздрагивать* (о действиях горячей печи – «будто вздрагивает от испуга»): *В печи дымился сырой чурбак, изредка чихая так, что печка вздрагивала...* («Последний поклон»);

2) олицетворение природных объектов (метафорическая модель: «природа – живое существо, человек»). Например, *улыбаться, яркогубый, говорил, младенчески-радостный рот* (о расцветающем цветке – «будто имеет губы, может улыбаться и говорить»): *На окне, в старом чугушке, возле замершего стекла над черной землею висел и улыбался яркогубый цветок с бело мерцающей сердцевинкой и как бы говорил младенчески-радостным ртом: «Ну вот и я! Дождались?»* («Последний поклон»).

Семантический анализ ОЕ в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева позволил выделить основополагающий для творчества писателя прием – прием контраста², когда в пространстве текста абсолютно гармонично «сосуществуют» два противоположных по сути процесса:

С одной стороны, 1) возвышение окружающей действительности (бытовой предмет поэтизируется, наделяется эстетическими характеристиками). Например, *колыхаться кружевцем* (о форме моста, который издаലെка напоминает кружево): *Железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, и, если долго смотреть на него – кружевные истончались и рвались* («Последний поклон»). С другой же стороны, обратный процесс – 2) обытовление «высоких» понятий, «спуск вниз» (метафорическая модель: «предмет из сферы «высокого» – бытовой предмет»). Например, индивидуально-авторская метафора *огрызок луны* (о форме неполной луны, напоминающей огрызок): *На вершинах берез листа уже не было, и голые прутья исполосовали огрызок луны, висевший теперь над самым кладбищем.* («Последний поклон»).

Ключевой прием контраста использован не случайно, он позволяет понять и сформулировать ключевую идею творчества писателя о целостности, правильности мироустройства, где значима каждая мелочь, каждый предмет имеет ценность, душу, а высокие категории близки, понятны, они «свои», так как мир един и гармоничен.

Таким образом, второй этап анализа ОЕ связан с анализом контекстуальной реализации значения ОЕ и выделением семантических векторов, ключевых метафорических моделей и приоритетных приемов, характеризующих идиостиль писателя. Такого рода работа позволит перейти к третьему, наиболее важному, этапу описания идиостиля – концептуальному анализу.

Третий этап анализа – описание ключевых концептов творчества писателя: внутри одного произведения или системы произведений.

Концептуальный анализ – актуальное и перспективное направление исследования художественного текста [4, 33]. Существует множество определений понятия *концепт* [34. С. 173–175], что вполне закономерно, поскольку художественный концепт – сложный феномен, совмещающий несколько планов: он является выразителем авторской идеи, детерминирован психологическими, социальными и идейными установками автора, сохраняя при этом связь с культурной традицией конкретного этноса.

Предполагается, что весь собранный и систематизированный на первых двух этапах материал должен стать основой для описания авторской концептосферы путем выделения доминантных смысловых зон, зон пересечения концептов в конкретном художественном тексте, а далее – во всем творчестве писателя. Поскольку в рамках одной статьи сделать это достаточно сложно, обозначим основные методические принципы и направления анализа концептов и описания концептосферы писателя, на которые опирались авторы.

Методика описания каждого концепта предполагает: во-первых, определение концепта как значимого

для данного культурного этноса, описание его смысловых зон; во-вторых, выделение индивидуально-авторского компонента реализации данного концепта в пространстве художественного текста путем выделения «доминантных смыслов» и построения метафорических моделей, используемых автором; в-третьих, анализ зон пересечения концептов в творчестве писателя (или в рамках одного произведения) – то есть речь идет о полноценном описании авторской концептосферы, что и является конечной целью исследования.

Например, концепт ВОДА является одним из ключевых в русской языковой картине мира [35]. Статистический анализ ОЕ в творчестве В.П. Астафьева подтвердил тот факт, что этот концепт занимает одно из главных мест в прозе писателя [30]. Выделение приоритетных смысловых зон концепта позволило сделать важные наблюдения о стиле писателя, «увидеть автора», приблизиться к пониманию идейного уровня произведения. Концепт ВОДА у В.П. Астафьева («Последний поклон») имеет отсылки к славянской мифологии, где вода живая, она наделяется лечебной силой, отмечается ее особая связь с плодородием. ВОДА (водный объект) здесь – положительный образ, он связан со сферой «свое», «родное», «мир», «покой». Например, *река-кормилица, река-поилица: Меж них петляет... Мана-река – кормилица-поилица*. Также была выделена семантическая зона, указывающая на амбивалентность этого образа в прозе В.П. Астафьева: ВОДА (водный объект) – «опасная», «чужая», «стихийная». Например, *шумела злобно* (река злобная): *В деревне светились огни. Между деревней и нами мчалась, шумела уверенно и злобно река* («Последний поклон»). Таким образом, автор снова демонстрирует с помощью приоритетного для него приема контраста идею о двойственности природного мира, о его близости к человеку, и в то же время о таящейся в нем опасности. На основе анализа ОЕ, описывающих предметы водного мира, были выделены следующие модели: вода – человек / живое существо (зверь, птица); вода – древняя таинственная сила, стихия; вода – неодушевленный предмет.

Выделение и описание отдельного концепта внутри конкретного художественного текста, бесспорно, значимо, но если речь идет о попытке описать идиостиль писателя, то вполне закономерным является описание системы концептов в их взаимодействии друг с другом в пространстве текста. Выделение смысловых зон концепта ВОЙНА в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева позволило сделать выводы о взаимосвязи образов воды и войны, поскольку, как оказалось, семантические поля этих концептов имеют зоны пересечения. Было замечено, что общей для двух концептов является смысловая зона «опасность» или «замкнутое, давящее пространство»: *Я проникался ощущением тишины и величия земного пространства, еще так недавно суженного, стиснутого, зажатого щелью или царапиной траншеи* (простран-

ство несвободы, узкое и причиняющее боль, несущее дискомфорт, как царапина на теле). *Но кругом было солнечно, тепло, летали птички, цвели цветы, шумела вода, кругом был живой мир и не было в нем места страху, и, преодолев сосущее чувство одиночества, которое возникает при виде смерти, сплавщик почувствовал себя живым, себе принадлежащим, слава богу, отделенным от утопленницы, лицо которой, казалось ему, молило об избавлении, просило освободить пусть не душу, хотя бы тело от тисков этой огромной, беспощадной и равнодушной реки* (река опасная, она способна подчинить, победить человека, «зажать в тиски», и тогда он становится лишь песчинкой перед ее силой и беспощадной мощью). Сближая такие далекие образы (вода и война), автор акцентирует мысль о сложности бытия, о таящейся в мире опасности, которая может исходить и от самого человека (война), и от окружающего его природного мира (вода).

Таким образом, ОЕ, соединяя в себе «общезыковое, узуальное» и «индивидуально-авторское», представляют собой универсалии, в синтезированной форме несущие концептуальную информацию об авторском мире как частном случае реализации языковой картины мира. Структурно-семантический анализ ОЕ позволил определить ключевые черты индивидуального стиля В.П. Астафьева (поэтизация бытовых предметов, экспрессивность, внимание к народному слову); выделить ключевые приемы, используемые автором (прием олицетворения, противопоставления, контраста и др.). Эти выводы подтверждаются многочисленными исследованиями творчества писателя. Концептуальный анализ ОЕ позволил выйти на уровень описания концептосферы художественного мира автора: путем выделения базовых концептов творчества, поиска зон пересечения семантических полей концептов. Представленная методика идиостиля может послужить основой для составления словаря «Образных слов и выражений писателя», постороннего по принципу образного семантического поля (Е.А. Юрина [19], Н.А. Илюхина [36], З.Ю. Петрова [37]), в основе которого лежит организация единиц, реализующих значимый в системе авторского миромоделирования образ [3], в группы на основе их семантических связей. Такого рода организация ОЕ поможет сформировать представление о картине мира автора, об особенностях его стиля. Анализ образного способа отражения авторской картины мира посредством выделения доминантных образных смысловых моделей позволит выделять «типовое» (соотносимое с языковой картиной мира) и «уникальное» (закрепленное за стилем писателя). Кроме того, описанная методика анализа идиостиля, направленная на моделирование и описание концептосферы художественного произведения и языкового сознания автора, может найти применение в практике перевода художественного текста на иностранный язык [38, 39], перевода, максимально приближенного к тексту-оригиналу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В случае с синтаксическими ОЕ следует говорить не о метафорической внутренней форме (так как это свойство лексической ОЕ), а о наличии свойства метафоричности.

² Отметим, что в данном случае речь идет не о контрасте как стилистической фигуре речи, а о семантическом процессе противопоставления объектов, о реализации семантики внутренней антиномии в описании какого-либо феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воскобойников В.В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2013. № 11. С. 164–169.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд., стереотип. М.: URSS, 2014. 264 с.
3. Караулов Ю.Н. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 16–22.
4. Гладких Ю.Г. *Не-данное и данное* в художественном тексте: Фрагменты картины мира и идиостиль В.П. Астафьева. Пермь: Пермский институт экономики и финансов, 2014. 216 с.
5. Тарасова И.А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2004. № 1 (31). С. 163–169.
6. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 3: Психопэтика. М.: АСОУ, 2010. 144 с.
7. Золя С. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7, № 7. С. 69–86.
8. Мухин М.Ю., Филатова Е.Р. Проза, драматургия, публицистика и переписка А.П. Чехова в сопоставительно-статистическом ракурсе // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 181–191.
9. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. 400 с.
10. Norman B.Y., Mukhin M. On the syntactic components of lexical semantics // Slavistica revija. 2016. Vol. 64, № 1. P. 1–12.
11. Hoover D., Corns T. The authorship of the Postscript to *An Answer to a Booke Entitled, An Humble Remonstrance* // Milton quarterly. 2004. Vol. 38, № 2. P. 59–77.
12. Ястребов-Пестрицкий М.С. Метафора составляющая идиостиля поэта // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3-2. С. 187–192.
13. Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Sociocultural Commitment of Cognitive Linguistics via Dimensions of Context // Ilha do Desterro. 2016. Vol. 69, № 1. P. 173–182.
14. Divjak D., Levshina N., Klavan J. Cognitive linguistics: looking back, looking forward // Cognitive linguistics. 2016. Vol. 27, № 4. P. 447–463.
15. Kövecses Zoltán Levels of metaphor // Cognitive Linguistics. 2017. Vol. 28, is. 2. P. 321–347.
16. Ponsonnet M. Conceptual representations and figurative language in language shift // Cognitive Linguistics. 2017. Vol. 28, is. 4. P. 631–673.
17. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we Live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 193 p.
18. Смирнова М.А. Понятие «метафора» и подходы к ее изучению // Филология и литературоведение. 2014. № 9 (36). С. 45–53.
19. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
20. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
21. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2005. 436 с.
22. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 616 с.
23. Блинова О.И. Внутренняя форма слова и ее функции // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 114–124.
24. Блинова О.И. Русская мотивология: учеб.-метод. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 65 с.
25. Шенделева (Юрина) Е.А. Образное слово в языке и речи: учеб.-метод. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 39 с.
26. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–46.
27. Ковалева А.М., Лебедева Н.В., Ревенко И.В., Садырина Т.Н., Сомотик Л.Г. Творчество В.П. Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2016. 314 с.
28. Падерина Л.Н. Особенности идиостиля В.П. Астафьева (обзор имеющихся исследований) // Эпоха науки. 2016. № 6. С. 38–48.
29. Блинова О.И. Виктор Астафьев о слове и словарях // Вопросы лексикографии. 2014. № 1. С. 108–119.
30. Перкиёмяки М. Река как главная экологическая метафора в «Царь-рыбе» В. Астафьева // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топоры, жанровые формы XIX–XX вв. / отв. ред. Н. Ковтун. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 277–297.
31. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
32. Блинова О.И. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1997. С. 4–15.
33. Буров А.А., Бурова Г.П. Концепт в художественном тексте: аспект индивидуализации // Язык. Текст. Дискурс. 2015. № 13. С. 91–102.
34. Ткаченко И.Г., Мурка Ю.Г. Подходы к трактовке текста и художественного концепта в современной лингвистике // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 173–175.
35. Гришина Н.В. Концепт «Вода» в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 210 с.
36. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2016. 321 с.
37. Петрова З.Ю. Образное поле «растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 54–59.
38. Разлогова Е.Э. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
39. Yurina Ye.A., Borovkova A.V., Shenkal G.G. Cross-languages figurativeness in translator's speech (based on Russian translation of Turkish novel «The black book» by Orhan Pamuk // Language and Culture. 2015. № 1 (5). P. 36–45.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 января 2019 г.

Methodology for a Complex Description of an Idiostyle in the Aspect of the Theory of Imagery

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/442/2

Tatyana A. Demidova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demidtanya@yandex.ru

Lyubov M. Gritsenko, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grluba@rambler.ru

Keywords: idiostyle; figurative unit; figurative meaning; metaphorical model; concept; conceptosphere; artistic world view.

The article presents a study on the problem of finding effective methodological principles for analyzing the writer's idiostyle. The aim of the article is to present the methodology for a complex description of an idiostyle based on the analysis of figurative units (metaphor, figurative word itself, comparison, etc.) realizing their potential in the literary text. The study is based on the methods of scientific description, contextual analysis, and it relies on the scientific provisions of the motivological direction of linguistics and the theory of lexical imagery (O.I. Blinova, E.A. Yurina, and others). It is emphasized that the choice of the subject of the analysis is

determined by the originality and the particular nature of the figurative unit combining common language (connection with the culture of a certain ethnos, the epoch) and individual author's content in a synthesized form. The analysis is carried out on the material of the works of V.P. Astafiev ("Last Bow", "Tsar-Fish"). It is noted that the presented methodology can be applied to the study of the works of other writers provided the allocation of figurative units in their work as dominant. The methodology the authors used involves searching for objective methods of analysis and for description of the individual style of the writer, and it includes several stages. At the first stage, the statistical analysis of figurative units in the text is proposed. The objective is to determine the frequency of use and stylistic features of the figurative units of each type, to identify the individual author's "preferences" in their use. The criteria for determining the unit as figurative are given: motivation, semantic ambiguity, metaphoric inner form. The typology of metaphors based on the distinction of figurative units by their universality or occasionality, dependence or independence from the context is given. The cases of transformation of the structural-semantic status of the figurative unit under the influence of the contextual environment are noted. The second stage is the semantic analysis involving the unification of figurative units into semantic groups and the analysis of the main semantic processes. The vector of research in this case is aimed at identifying and describing the key and peripheral author's metaphorical models and priority stylistic techniques that characterize the writer's idiosyncrasy. Particular attention is paid to the conceptual analysis of the text. The proposed methodology for describing the conceptsphere of the author's imaginative world includes defining the concept as meaningful for a given cultural ethnos, allocating the semantic zones of each concept, identifying the individual author's component in their structure, searching for the intersection zones of the semantic fields of concepts. In the conclusion of the article, the ways of practical application of the proposed methodology for analyzing idiosyncrasies are given: when compiling dictionaries of the writer's figurative vocabulary and in the translation practice of the text into a foreign language.

REFERENCES

1. Voskoboynikov, V.V. (2013) Current issues of studying writer's style in modern linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 9: Issledovaniya molodykh uchenykh – Science Journal of Volgograd State University Young Scientists' Research*. 11. pp. 164–169. (In Russian).
2. Karaulov, Yu.N. (2014) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. 8th ed. Moscow: URSS.
3. Karaulov, Yu.N. & Ruzhitskiy, I.V. (2015) From the writer's language dictionary to the cognition of the writer's world: On some basic concepts in Dostoyevsky's creative works. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4 (45). pp. 16–22. (In Russian).
4. Gladkikh, Yu.G. (2014) *Ne-dannoe i dannoe v khudozhestvennom tekste: Fragments kartiny mira i idiosyncrasy V.P. Astaf'eva* [The non-given and the given in a literary text: Fragments of a picture of the world and the idiosyncrasy of V.P. Astafiev]. Perm: Perm Institute of Economics and Finance.
5. Tarasova, I.A. (2004) Kategorii kognitivnoy lingvistiki v issledovanii idiosyncrasy [Categories of cognitive linguistics in the study of idiosyncrasy]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya – Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 1 (31). pp. 163–169.
6. Pishchal'nikova, V.A. (2010) *Istoriya i teoriya psikholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Pt. 3. Moscow: ASOU.
7. Zolyan, S. (2016) Linguistic poetics and general theory of language (On context-dependent semantics and text-oriented linguistics). *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 7 (7). pp. 69–86. (In Russian)
8. Mukhin, M.Yu. & Filatova, E.R. (2016) Chekhov's Prose, Drama, Journalism, and Correspondence in Comparative Statistic Perspective. *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Ser. Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2. pp. 181–191. (In Russian).
9. Bolotnova, N.S. et al. (2001) *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: leksicheskaya struktura i idiosyncrasy* [Communicative stylistics of a literary text: Lexical structure and idiosyncrasy]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Norman, B.Y. & Mukhin, M. (2016) On the syntactic components of lexical semantics. *Slavistichna revija*. 64 (1). pp. 1–12.
11. Hoover, D. & Corns, T. (2004) The authorship of the Postscript to An Answer to a Booke Entitled, An Humble Remonstrance. *Milton Quarterly*. 38 (2). pp. 59–77. DOI: 10.1111/j.1094-348X.2004.00071.x
12. Yastrebov-Pestritskiy, M.S. (2016) Metaphor is a component of the poet's idio-style. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 8 (3-2). pp. 187–192. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3-2-187-192
13. Boldyrev, N.N. & Dubrovskaya, O.G. (2016) Sociocultural Commitment of Cognitive Linguistics via Dimensions of Context. *Ilha do Desterro*. 69 (1). pp. 173–182.
14. Divjak, D., Levshina, N. & Klavan, J. (2016) Cognitive linguistics: looking back, looking forward. *Cognitive Linguistics*. 27 (4). pp. 447–463. DOI: 10.1515/cog-2016-0095
15. Kövecses, Z. (2017) Levels of metaphor. *Cognitive Linguistics*. 28 (2). pp. 321–347. DOI: 10.1515/cog-2016-0052
16. Ponsonnet, M. (2017) Conceptual representations and figurative language in language shift. *Cognitive Linguistics*. 28 (4). pp. 631–673. DOI: 10.1515/cog-2016-0020
17. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
18. Smirnova, M.A. et al. (2014) Ponyatie "metafora" i podkhody k ee izucheniyu [The concept of "metaphor" and approaches to its study]. *Filologiya i literaturovedenie*. 9 (36). pp. 45–53.
19. Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [The figurative structure of the language]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and its aspects]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Yurina, E.A. (2005) *Kompleksnoe issledovanie obraznoy leksiki russkogo yazyka* [A comprehensive study of the figurative vocabulary of the Russian language]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
22. Potebnya, A.A. (1976) *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow: Iskusstvo.
23. Blinova, O.I. (1995) Vnutrennyaya forma slova i ee funktsii [The inner form of the word and its functions]. *Rusistika segodnya*. 2. pp. 114–124.
24. Blinova, O.I. (2005) *Russkaya motivologiya* [Russian motivology]. 3rd ed. Tomsk: Tomsk State University.
25. Shendeleva, E.A. (1999) *Obraznoe slovo v yazyke i rechi* [The figurative word in language and speech]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Miller, L.V. (2000) Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [The literary concept as a semantic and aesthetic category]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 39–46.
27. Kovaleva, A.M. et al. (2016) *Astaf'eva kak voploshchenie natsional'nogo i regional'nogo samosoznaniya* [Works of V.P. Astafiev as the embodiment of national and regional identity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
28. Paderina, L.N. (2016) Osobennosti idiosyncrasy V.P. Astaf'eva (obzor imeyushchikhsya issledovaniy) [Features of V.P. Astafiev's idiosyncrasy (review of available research)]. *Epokha nauki*. 6. pp. 38–48.
29. Blinova, O.I. (2014) Viktor Astafiev on the word and dictionaries *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 108–119. (In Russian).
30. Perkiemyaki, M. (2015) Reka kak glavnyaya ekologicheskaya metafora v "Tsar'-rybe" V. Astaf'eva [River as the main ecological metaphor in "Tsar-Fish" by V. Astafiev]. In: Kovtun, N. (ed.) *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vv.* [Siberian identity in the mirror of a literary text: Tropes, topoi, genre forms of the 19th–20th centuries]. Moscow: Flinta; Nauka.

31. Sklyarevskaya, G.N. (1993) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Nauka.
32. Blinova, O.I. (1997) Vvedenie [Introduction]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of folk dialect]. Tomsk: ZAO "Izd-vo nauch.-tekhn. lit."
33. Burov, A.A. & Burova, G.P. (2015) Kontsept v khudozhestvennom tekste: aspekt individualizatsii [Concept in the literary text: The aspect of individualization]. *Yazyk. Tekst. Diskurs – Language. Text. Discourse*. 13. pp. 91–102.
34. Tkachenko, I.G. & Murka, Yu.G. (2012) [Approaches to the interpretation of the text and the literary concept in modern linguistics]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philological sciences in Russia and abroad]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. February 2012. St. Petersburg: Renome. pp. 173–175. (In Russian).
35. Grishina, N.V. (2002) *Kontsept "Voda" v yazykovoy kartine mira (na osnove nominativnogo i metaforicheskogo poley russkogo yazyka XI–XX vv.)* [The concept of "water" in the language picture of the world (based on the nominative and metaphorical fields of the Russian language of the 11th–20th centuries)]. Philology Cand. Diss. Saratov.
36. Ilyukhina, N.A. (2016) *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in semasiological interpretation]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
37. Petrova, Z.Yu. (2015) Metaphorical field "Plants" in the "Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX-XX-centuries Russian literature". *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 1. pp. 54–59. (In Russian).
38. Razlogova, E.E. (2017) Standard and non-standard versions of translation. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 52–73. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0001021-2
39. Yurina, Ye.A., Borovkova, A.V. & Shenkal, G.G. (2015) Cross-languages figurativeness in translator's speech (based on Russian translation of Turkish novel "The black book" by Orhan Pamuk. *Language and Culture*. 1 (5). pp. 36–45.

Received: 08 January 2019

А.С. Душейко, З.И. Резанова, Е.А. Алена

ПАРАМЕТР СЛОЖНОСТИ СЛОВА В ДИАГНОСТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).*

Определена степень корреляции лингвистически релевантных параметров сложности слова с его диагностическим потенциалом в двух вариантах тестовых заданий, направленных на измерение лексического компонента языковой способности. При выполнении тестовых заданий на поиск синонима установлена коррелятивная связь между признаками частотности и длины стимула и количеством правильных ответов, в тестовых заданиях на определение лексического значения – между количеством правильных ответов, частотностью и количеством синонимов у стимула.

Ключевые слова: сложность слова; длина слова; частотность; многозначность; деривационная сложность; словарный тест; лексический компонент языковой способности.

Одним из ключевых объектов лингвистических, психологических и социальных исследований являются способности, т.е. «свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности» [1. С. 441]. Актуальность подобных исследований обусловлена в первую очередь значимостью способностей для успешной реализации личности на всех этапах жизни. Одной из важнейших способностей, определяющих успех деятельности индивида, является языковая способность (ЯС). Таким образом, значимость изучения ЯС в системе других способностей человека обусловлена, во-первых, ее важной ролью в процессе овладения языком, во-вторых, тем, что она выступает посредником в развитии других способностей.

Как и любая другая способность, ЯС тесно связана с деятельностью, в данном случае – с речевой, динамична, т.е. развивается на протяжении всей жизни, индивидуальна, так как степень выраженности языковой способности индивида зависит от возраста, социально-экономического статуса индивида, профессии и других факторов [1–8].

Вследствие этого в настоящее время приобретают особое значение не только собственно теоретические исследования ЯС, но и прикладные разработки, позволяющие провести измерение ЯС отдельного человека на разных этапах его развития, сформированности ЯС представителей различных социальных групп [6, 9–16]. Результаты таких измерений могут послужить источником данных для создания коррекционных программ в преподавании языка, применение которых будет иметь значение для повышения успешности социализации индивида.

ЯС имеет сложную структуру, складывается из совокупности видов деятельности, связанных с использованием единиц разных языковых уровней, вследствие чего разрабатываются измерительные процедуры, системы тестирования, направленные на диагностику разных аспектов ЯС. Структура ЯС интерпретируется в настоящее время в разных направлениях

психолингвистики в соотношении со структурой речевой деятельности и системы языка [5, 17–26].

В нашем исследовании мы придерживаемся подхода, интерпретирующего структуру ЯС как коррелирующую с уровневой системой языка, специфика компонентов которой проявляется непосредственно в деятельности. С одной стороны, как отмечает А.М. Шахнарович, ЯС представляет собой «некий конструкт, организованный иерархически, состоящий из ряда компонентов: фонетического, лексического, морфологического (включающего словообразовательный субкомпонент), синтаксического, семантического» [26. С. 190]. С другой стороны, следует подчеркнуть, что деятельностный характер ЯС предопределяет необходимость динамического определения и ее структурных компонентов. Подчеркнем, что каждый из выделяемых компонентов ЯС – это динамическая структура, это аспект способности использования единиц и структур определенного уровня языковой системы при порождении речи в соответствии с текущими задачами коммуникации.

При таком подходе и лексический компонент ЯС (ЛКЯС) интерпретируется не только как совокупность словарных единиц, которыми человек владеет, но и как его способность эффективно оперировать ими в различных условиях коммуникации. При этом отметим важность понимания того, что результативность использования слов в процессе порождения речи базируется на эффективном использовании потенциала их парадигматических и синтагматических отношений [26].

Как было отмечено, в настоящее время ведется интенсивная работа по созданию разнообразных инструментов, тестов, способных измерить ЯС человека в целом и ее отдельные компоненты. ЛКЯС является, с одной стороны, наиболее репрезентативным компонентом структуры ЯС [27, 28], с другой – поддается измерению, вследствие чего служит основой для создания инструментов, направленных на измерение ЯС в целом.

В данной статье представлен один из этапов решения задач создания, применения, валидации и анализа тестов, позволяющих измерить один из компонентов

ЯС человека, – лексический. На предыдущих этапах исследования нами был создан и апробирован тест на определение сформированности ЛКЯС на материале русского языка. Создание теста опирается на методику случайной выборки единиц словаря с последующей их экспертной оценкой. В результате апробирования теста были выявлены слова, на которые респонденты дают примерно одинаковое количество правильных и неправильных ответов, и пул слов, которые попадают в зону наибольшего варьирования и выступают своеобразными маркерами степени выраженности ЛКЯС в той или иной возрастной группе.

Была выдвинута гипотеза, что количество правильных ответов зависит от сложности слова. Сложность слова – психолингвистическая характеристика лексемы, складывающаяся из нескольких параметров. Мы задались целью установить диагностирующий потенциал слов-стимулов, выявив наличие / отсутствие корреляций между параметрами, обуславливающими сложность слова, и количеством правильных ответов.

Под диагностирующим потенциалом мы понимаем способность слова вызывать разброс правильных и неправильных ответов в тесте в разных возрастных и социальных группах респондентов и служить основанием дифференциации развитости ЛКЯС.

Цель данной статьи – выявить корреляционные зависимости формальных, семантических, формально-семантических и функциональных параметров сложности слова и его диагностирующего потенциала в системе теста, направленного на измерение ЛКЯС.

Выявление таких корреляционных зависимостей между психолингвистически релевантными параметрами сложности слова и его диагностирующим потенциалом должно использоваться в практике формирования тестовых заданий на определение ЛКЯС, что определяет, наряду с теоретической, прикладную направленность проведенного исследования. Как отмечено в аналитических работах, отечественная методологическая база в области психодиагностического тестирования лишь на 25% соответствует международным требованиям надежности и валидности [29], что определяет необходимость продолжать работу в данном направлении для создания надежного инструментария психолингвистической и лингвистической диагностики.

Прежде чем перейти к изложению основных результатов проведенного исследования названных коррелятивных зависимостей, кратко охарактеризуем созданный нами тест, его результаты, полученные в процедурах апробации, – группы слов, характеризующихся наибольшим варьированием диагностирующего потенциала, а также охарактеризуем понятие «сложность слова» и его компоненты.

При разработке русскоязычной версии для измерения ЛКЯС мы использовали оригинальную версию «Словарного теста Милл Хилл» (Mill Hill Vocabulary Scale)¹. Этапы разработки русскоязычной версии теста подробно описаны в предыдущих публикациях авторов данной статьи [30–32].

Оригинальная версия теста состоит из 88 слов, разделенных на две параллельных формы из 44 слов

(Форма 1 и Форма 2), расположенных в порядке возрастания сложности лексем, владение которыми проверяется. В Форме 1 первая половина теста (Сет А) представлена в формате открытого вопроса, а вторая половина (Сет В) – в формате выбора варианта ответа. В Форме 2 Сет А представлен в формате выбора варианта ответа, а вторая половина (Сет В) – в формате открытого ответа.

На данном этапе разработки русскоязычной версии сет с выбором варианта ответа состоит из 144 слов. Слова в сете организованы согласно оригинальной методике (табл. 1).

Таблица 1

Пример организации слов в Сете А теста на подбор синонима

Экспорт	
Приезд	Налог
Купюра	Вывоз
Йота	Выезд

Синонимы и дистракторы (неверные варианты ответа) расположены случайным образом по отношению к стимульному слову, выделенному жирным шрифтом. Синоним располагается произвольно по отношению к стимульному слову, в примере обозначен *курсивом*.

Сеты с выбором варианта ответа предназначены для измерения репродуктивной способности с минимальным вовлечением продуктивной деятельности. При проведении тестирования на основе первого сета испытуемые должны определить синоним к стимульному слову.

Сеты с использованием открытого вопроса позволяют дать более детальную качественную оценку использования слов и знаний. В разрабатываемой версии сет с открытым вариантом ответа содержит 154 слова-стимула. Разница в 10 слов обусловлена модификацией теста на поиск синонима и исключением 10 слов в процессе модификации. Пример организации слов в данном сете представлен в табл. 2. Респондентам при этом предлагается дать определение стимульным словам.

К настоящему времени проведены 2 апробации теста на выбор синонимов и одна – на определение значения слов в группах, находящихся на разных этапах сформированности ЯС, для определения их диагностирующей способности². Результаты первой и второй апробации тестирования с заданием на подбор синонима показали воспроизводимость результатов (подробнее см.: [30–32]).

На рис. 1 представлены результаты апробации теста на подбор синонима в различных возрастных группах.

При формировании тестового задания второго типа 154 слова были сгруппированы в 4 сета по 38 или 39 слов. Ограниченное количество слов-стимулов в одном экспериментальном сете было мотивировано, во-первых, высокой когнитивной нагрузкой, которую испытывают респонденты при выполнении задания, что критично для школьников младших классов, во-вторых, большими временными затратами при выполнении задания, нежели при выполнении заданий на поиск синонима. Тестовые задания на определение

значения слова были представлены также ограниченному количеству респондентов в связи с тем, что его выполнение требует значительных временных и когнитивных ресурсов. Тестовое задание выполнили

14 учащихся третьих классов и 12 учащихся пятых классов. Ограниченность стимульного материала при выполнении второго задания повлияла на методику обработки данных.

Таблица 2

Пример организации слов в Сете В теста на определение лексического значения слова

Сформулируйте значение слов, предложенных далее. Старайтесь давать развернутое определение, например: <i>машина</i> – транспортное средство для перевозки людей или грузов. Нельзя определять слово через другое слово, например: <i>машина</i> – автомобиль.	
1. Понимать	
2. Залить	
3. Сохраниться	

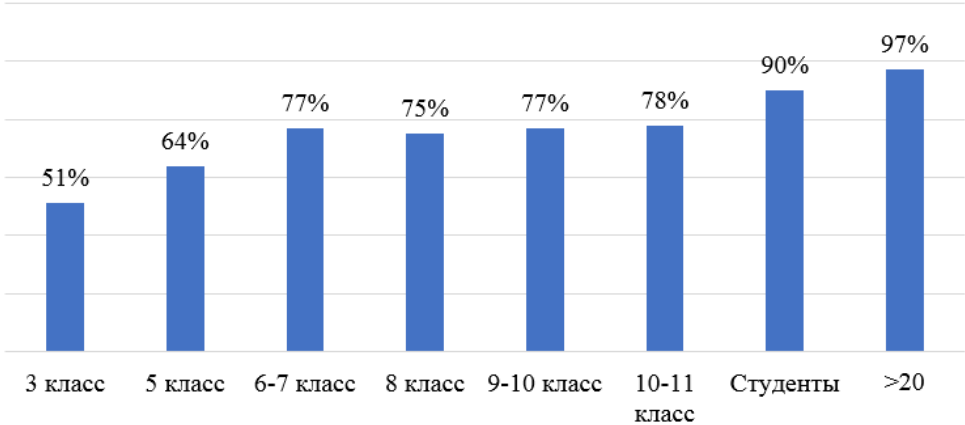

Рис. 1. Результаты выполнения теста с выбором варианта ответа

Максимальное количество ответов варьируется от 34 до 38, так как в процессе модификации теста 10 слов были исключены из выборки. При анализе учитывались только те слова-стимулы, на которые были даны ответы при выполнении основного теста (поиск синонима) и при выполнении дополнительного задания. Таким образом, правильный ответ к слову-стимулу соотносился отдельно с определением. Правильный ответ оценивался в один балл, неправильный – 0 баллов. В качестве правильного оценивался вариант ответа, в котором содержались компоненты, соотносящие слово с родовым или близким видовым понятием (согипоним или гипероним) и выделяющие

какие-либо отличительные признаки, например: *сдаться* – уступить кому-то победу или что-то другое (5-й класс); *пища* – еда, которую едят (3-й класс). Примеры неправильных ответов: *аналогия* – наука, изучающая человека и его внутренности (5-й класс); *лакей* – скачка на конях (3-й класс).

Далее высчитывался процент выполнения исходя из общего количества представленных слов-стимулов. Полученные результаты соотносились с результатами теста на поиск синонима, выполненного тем же респондентом. На рис. 2 представлены результаты соотношения слов, для которых респонденты выбирали синоним и давали определение.

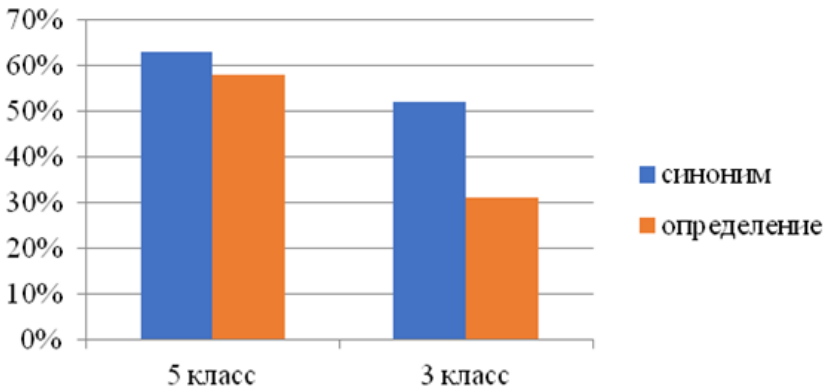

Рис. 2. Соотношение результатов тестов на выбор синонимов и на определение лексического значения

Как можно видеть на графике, два тестовых задания выявляют общую тенденцию возрастания успешности выполнения теста с увеличением возраста респондентов. Ученики пятого класса справляются с заданием в среднем на 20–30% лучше. Вторая закономерность, выявляемая сравнением результатов выполнения заданий первого и второго типа, – это большая успешность респондентов первой и второй групп при выполнении заданий на поиск синонимов по сравнению с выполнением заданий на определение слова. При этом разрыв в успешности выполнения заданий второго типа сокращается с возрастом, в ответах учеников третьего класса разрыв в количестве правильных ответов на задания первого и второго типа составляет более 20%, в группе школьников пятого класса – менее 10%.

Данные описательной статистики, свидетельствующие о совпадении тенденций в эффективности использования одних и тех же групп слов при выполнении заданий разного типа, позволяют поставить вопрос о диагностирующем потенциале различных слов в составе тестовых батарей при выполнении разного типа заданий.

Диагностирующий потенциал лексических единиц теста мы соотносим с параметром их *сложности*, то есть *качества слова, затрудняющего его обработку в процессах восприятия и порождения речи*. Сложность слова – это комплексная характеристика лексической единицы. В разных исследованиях при характеристике сложности слова выделяются аспекты *формальной* (фонетическая [37–39], графическая [37–38] сложность, в том числе длина слова [38], а также синформизм (омофония / омография)) [Ibid. Р. 13], *семантической* (семантическая сложность как комплексная единица [37, 39], многозначность [38], степень образности или абстрактности [38–40], специфичность и регистр [37. Р. 15]), *формально-семантической* (морфологическая и деривационная сложность, идиоматичность, частеречная принадлежность) сложности. В качестве важнейших выделяются также частотность, степень известности слова (familiarity) и возраст усвоения [39, 41–42].

Кратко охарактеризуем данные параметры.

Лингвисты, психологи и специалисты смежных областей в качестве основного параметра для измерения сложности слов рассматривают их частотность, выделяя и соотнося субъективный и объективный аспекты. Объективная частотность измеряется на основе анализа частоты использования слова в обширных корпусах текстов, устанавливается соотношение частного количества употреблений целевого слова (вхождений) и общего количества словоупотреблений в корпусе (ipm – item per million). Субъективная частотность устанавливается в системе тестирования, обычно с использованием шкалы Ликерта. В психолингвистических исследованиях доказано влияние частотности слова на время реакции при распознавании слов [40. Р. 1], а также соотношенность с другими параметрами – длиной, звуковой, семантической сложностью [39, 43].

Корреляция *частотности и степени известности слов* активно дискутируется в настоящее время. Сте-

пень известности слова (familiarity) – свойство слова, которое обеспечивает его узнаваемость и легкость восприятия, другими словами, «знакомость» слова.

Ц. Койрала определяет *фонетическую сложность* как аспект сложности слова, затрагивающий его восприятие и воспроизведение [44. Р. 319]. Корреляция фонетической сложности и частотности слов незначительная [Ibid].

Некоторые ученые соотносят *графическую и фонетическую сложность* слова. Соотношение графем и фонем определяет сложность слова. Если данное соотношение неконгруэнтно, т.е. количество графических знаков не совпадает с количеством фонетических знаков, например *купаться* – [купаца], сложность слова возрастает [36–38]. Другим вариантом формальной сложности, определяемым через соотношение фонетического и графического аспектов слова, является синформизм. Под синформизмом понимается схожесть звуковой оболочки слов (омофония) и их графической репрезентации (омография) [38. Р. 13].

Влияние *длины слова* тесно связано с его *графической сложностью*. Существуют экспериментальные данные, свидетельствующие, что короткие слова запоминаются и воспроизводятся быстрее, чем длинные. Однако некоторые длинные слова могут быть морфологически более прозрачны, т.е. значение слова может угадываться из составляющих его морфем, что, следовательно, снижает его сложность [Ibid. С. 11]. Более частотные слова, как правило, характеризуются меньшей длиной [39. С. 70].

Роль *морфемной сложности* в определении общей сложности слова варьируется от языка к языку и зависит от своеобразия морфемных структур языков, диапазона варьирования морфемных структур отдельных слов [37. Р. 145]. *Деривационная сложность* слова как вариант морфемной сложности складывается из количественного (количество деривационных морфем в слове) и качественного (степени идиоматичности семантики деривационно сложного слова) параметров. Способность индивида разбивать слова на морфемы может способствовать извлечению значения нового слова, его восприятию и последующему употреблению. С другой стороны, переносное значение морфем или их многозначность могут затруднить понимание и восприятие, тем самым повысив степень сложности [38. С. 146].

Семантическая сложность слова – один из наиболее сложных параметров, включает частные аспекты образности, абстрактности, многозначности. Т. Ахутина отмечает, что «оперирование семантически более сложным словом требует больше времени, чем семантически менее сложным словом» [39. С. 186]. Семантическая сложность слова тесно связана с возрастом усвоения, так как в первую очередь дети усваивают слова, которые обладают более высокой наглядностью (образностью). Семантическая сложность и время усвоения обуславливают частотность слова: чем позднее усваивается слово, тем сложнее его значение и меньше частотность [Там же. С. 188; 45].

Несмотря на то, что *возраст усвоения* не влияет напрямую на сложность слова, он является одним из

ключевых параметров в понимании степени его сложности. Исследователи К. Моррисон и А. Эллис также отмечают, что существует сильная корреляция между фактором возраста усвоения и частотностью [42, 45]. Таким образом, в оценке сложности слова перечисленные параметры являются не изолированными, а взаимно соотнесенными.

В данной статье при решении проблемы значимости параметров сложности слова в выборе правильного ответа мы включили по одному параметру различных аспектов сложности слова: формального – длина слова, семантического – многозначность, формально-семантического – наличие формально-семантических соседей (деривационно связанных слов), функционального – объективная частотность, чтобы выяснить, насколько коррелятивны данные параметры с диагностирующим потенциалом единицы.

Для этого мы провели количественный анализ признаков сложности каждого стимульного слова по соответствующим академическим источникам. При этом мы предполагаем, что правильность выполнения первого тестового задания зависит и от характеристик синонимов, выбор которых должен осуществить респондент, поэтому перечисленные количественные параметры определяются как для стимульных слов, так и для слов-синонимов.

Длина слов-стимулов и слов-синонимов высчитывалась автоматически в Microsoft Excel. Длина слов-стимулов варьируется от 4 до 18 знаков. Минимальное количество знаков слов-синонимов – 3, максимальное – 21. Самые короткие слова-стимулы – *ложь*, *боец*, *пища*. Самое длинное – *естествоиспытатель*. Самые короткие синонимы – *еда*, *миф*; самый длинный синоним – *легковоспламеняющийся*.

Семантическая сложность слова, количество выделяемых лексико-семантических вариантов определялось по данным «Словаря русского языка» [46]. Диапазон количества значений варьируется от 1 до 9 для слов-стимулов и от 1 до 12 – для синонимов. Единичным значением обладают 43,4% слов-стимулов и 38,6% слов-синонимов. Наиболее многозначным среди стимулов является слово *открывать*. Двенадцать значениями обладает синоним *раскрываться*.

Наличие формально-семантических соседей и их количество определялось по данным «Нового словообразовательного словаря русского языка» [47]: подсчитывалось количество слов в гнезде, при этом целевое слово анализа могло находиться на разных ступенях производности. Для слов, не вошедших в словарь, использовались материалы «Нового словаря русского языка. Толково-словообразовательного» Т.Ф. Ефремовой [48]. Количество формально-семантических соседей варьируется в обеих группах от 1 до 149. Отсутствуют формально-семантические соседи у слов-стимулов *баталья* и *амулет*. Наиболее многочисленным соседством отличаются слова *ведущий* и *боец*. У синонимов наименьшим соседством обладают *тalisman*, *дебаты*, *алчность*; наибольшим – *поддельный*, *перебиваться*.

Частотность слова определялась по данным «Нового частотного словаря русской лексики» [49] и

Национального корпуса русского языка [50]. Диапазон частотности слов-стимулов составляет 0,14–314,7. Диапазон частотности синонимов 0,3–392,7. Наименее частотные слова-стимулы (до 10 вхождений на миллион) составляют 64% от общего числа слов: *прочный*, *сагитировать*, *усугубить* и др.. Наиболее частотные слова-стимулы (свыше 100 вхождений на миллион) составляют лишь 2,8%: *знание*, *короткий*, *спрашивать*, *общество* и др.. Наименее частотные слова-синонимы (до 10 вхождений на миллион) составляют 6,4% от общего количества: *обманища*, *легковоспламеняющийся*, *грандиозность* и др.. Наиболее частотные синонимы (свыше 100 вхождений на миллион) составляют 5,5%: *сложный*, *низкий*, *компания* и др.

Далее был проведен анализ с использованием пакета Statistica 10, направленный на выявление того, насколько коррелируют признаки сложности слова – частотность, наличие формально-семантических соседей, семантическая сложность, длина слова – с его диагностирующим потенциалом, т.е. способностью давать разброс правильных и неправильных ответов в разных группах респондентов при выполнении разных типов заданий.

В табл. 3 представлены результаты корреляционного анализа параметров сложности слова с количеством правильных и неправильных ответов, полученных при выполнении теста на определение синонима.

При выполнении коррелятивного анализа данные о количественных показателях по выделенным параметрам стимульных слов и синонимов теста, а также количестве правильных ответов, полученных при выполнении первого тестового задания, были усреднены.

Как видно из данных, представленных в таблице, в целом корреляционные связи между выделенными в анализе параметрами сложности слова и количеством правильных ответов в тесте являются слабыми и средними.

Прямая коррелятивная связь средней силы наблюдается между количеством правильных ответов и частотностью слов-стимулов (0,290 134), а также количеством правильных ответов и частотностью слов-синонимов (0,330 167), следовательно, и усредненными данными для стимулов и слов-синонимов (0,348 556): чем более частотно слово-стимул и предложенный синоним, тем больше правильных ответов дают испытуемые. На основе этих показателей мы устанавливаем влияние частотности на диагностирующую силу слова в тесте.

Обратная коррелятивная связь выявлена между количеством правильных ответов и длиной стимульного слова, т.е. чем длиннее слово, тем меньше правильных ответов дано испытуемыми, сила данной коррелятивной связи не велика (–0,202 642), однако в целом мы можем констатировать наличие влияния данного параметра на диагностирующую силу слова в тесте. Отметим, что самое длинное стимульное слово *естествоиспытатель* получило 64% правильных ответов, а самые короткие стимульные слова *боец*, *ложь* и *пища* по 92%, 91% и 90% соответственно.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа параметров сложности слова и количества правильных ответов при выполнении теста на подбор синонима

□	Длина Stimul□	Длина Synonym□	Количество значений Stimul□	Количество значений Synonym□	Частотность Stimul□	Частотность Synonym□	Количество формально-семант. соседей Stimul□	Количество формально-семант. соседей Synonym□	Количество правильных ответов□	Средняя частотность□
Длина Stimul□	1,000000□	0,468825□	0,084358□	0,014554□	-0,236586□	-0,198671□	-0,000655□	0,141730□	-0,202642□	-0,239675□
Количество значений Stimul□	0,084358□	0,110998□	1,000000□	0,104311□	0,419995□	0,364962□	0,035525□	0,020370□	0,082898□	0,423084□
Количество формально-семант. соседей Stimul□	-0,000655□	0,152979□	0,035525□	0,014849□	-0,045304□	0,014002□	1,000000□	0,042722□	0,083057□	-0,031671□
Количество синонимов Stimul□	-0,018549□	0,002967□	0,123628□	0,177812□	0,244973□	0,104121□	-0,073103□	-0,090290□	0,058019□	0,153940□
Частотность Stimul□	-0,236586□	-0,270245□	0,419995□	0,281600□	1,000000□	0,631569□	-0,045304□	0,014225□	0,290134□	0,853440□
Количество правильных ответов□	-0,202642□	-0,147925□	0,082898□	0,077004□	0,290134□	0,330167□	0,083057□	0,080231□	1,000000□	0,348556□
Длина Synonym□	0,468825□	1,000000□	0,110998□	-0,139406□	-0,270245□	-0,313193□	0,152979□	0,062899□	-0,147925□	-0,324476□
Количество значений Synonym□	0,014554□	-0,139406□	0,104311□	1,000000□	0,281600□	0,341726□	0,014849□	0,314630□	0,077004□	0,345493□
Количество формально-семант. соседей Synonym□	0,141730□	0,062899□	0,020370□	0,314630□	0,014225□	0,091090□	0,042722□	1,000000□	0,080231□	0,071221□
Частотность Synonym□	-0,198671□	-0,313193□	0,364962□	0,341726□	0,631569□	1,000000□	0,014002□	0,091090□	0,330167□	0,910004□
Средняя частотность□	-0,239675□	-0,324476□	0,423084□	0,345493□	0,853440□	0,910004□	-0,031671□	0,071221□	0,348556□	1,000000□

Таким образом, данные статистического анализа показывают, что только две из исследованных характеристик сложности слова могут быть интерпретированы как влияющие на количество правильных ответов в разных возрастных группах респондентов.

Однако полученные данные свидетельствуют также о более сложной системе влияния выделенных характеристик стимульного слова и слова-синонима в тесте: необходимо обратить внимание на высокую корреляцию между такими параметрами, как *частотность стимула* и *количество его значений* (семантическая сложность) (0,419995), следовательно, хоть и опосредованно, эти характеристики лексем могут влиять и на их диагностирующие возможности. Устанавливаемая коррелятивная связь между семантической и морфемной сложностью синонима (0,314630) не влияет на его диагностирующие возможности.

Отмеченные в анализе высокие значения корреляций (1) частотности стимула и частотности синонима

(0,631569), (2) длины стимула и длины синонима (0,468825) отражают соответствие исходным установкам авторов теста, которые на этапе формирования теста стремились сбалансировать слова-синонимы и слова-стимулы по количеству графических знаков и по частотности.

Несмотря на то, что апробация тестового задания на определение лексического значения слова была проведена на ограниченном материале с привлечением ограниченного количества респондентов, мы провели дополнительный коррелятивный анализ количества правильных ответов при выполнении первого и второго задания и количественных параметров сложности слова. Ответы респондентов при выполнении каждого тестирования были усреднены. В табл. 4 представлены результаты корреляционного анализа количества правильных ответов в группах третьих и пятых классов при выполнении теста на определение параметров сложности слова.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа параметров сложности слова и количества правильных ответов при выполнении теста на определение лексического значения слова

□	Количество правильных ответов □	Длина Stimul □	Количество значений Stimul □	Омофоны Stimul □	Количество формально-семант. соседей Stimul □	Количество синонимов Stimul □	Частотность Stimul □
Количество правильных ответов □	1,000000 □	-0,102247 □	0,031106 □	0,062967 □	0,088435 □	0,220054 □	0,170912 □
Длина Stimul □	-0,102247 □	1,000000 □	0,083485 □	-0,076431 □	0,000754 □	-0,024237 □	-0,237727 □
Количество значений Stimul □	0,031106 □	0,083485 □	1,000000 □	0,115181 □	0,042255 □	0,122272 □	0,418727 □
Омофоны Stimul □	0,062967 □	-0,076431 □	0,115181 □	1,000000 □	0,052209 □	0,147689 □	0,128390 □
Количество формально-семант. соседей Stimul □	0,088435 □	0,000754 □	0,042255 □	0,052209 □	1,000000 □	-0,067188 □	-0,034786 □
Количество синонимов Stimul □	0,220054 □	-0,024237 □	0,122272 □	0,147689 □	-0,067188 □	1,000000 □	0,248447 □
Частотность Stimul □	0,170912 □	-0,237727 □	0,418727 □	0,128390 □	-0,034786 □	0,248447 □	1,000000 □

В табл. 4 отображены результаты корреляционного анализа количества правильных ответов респондентов с параметрами сложности слов-стимулов. Как мы видим, зависимость правильных ответов от частотности стимульного слова, показанная в табл. 3, подтверждается в данном корреляционном анализе (0,170912), однако степень корреляционной зависимости менее значительна, нежели при выполнении тестов на поиск синонима.

Параметр «количество правильных ответов» представляет собой усредненный показатель, полученный на основе ответов учеников третьих и пятых классов, и коррелирует с количеством синонимов стимульного слова (0,220054), т.е. чем больше синонимов у стимульного слова, тем больше правильных ответов.

Таким образом, только один из параметров слова – его частотность – устанавливает коррелятивную связь с количеством правильных ответов при выполнении разных заданий теста на измерение ЛКЯС, разрабо-

танного авторами. Вследствие этого, при создании тестовых батарей, принципом которых является последовательное усложнение тестовых заданий, именно этот параметр слова должен быть учтен в первую очередь. Вместе с тем обнаружено, что при выполнении разных типов заданий могут устанавливаться дополнительные типы коррелятивных связей с компонентами сложности слова, что также должно учитываться составителями тестов.

Настоящее исследование должно быть продолжено, мы планируем соотнести полученные данные со значимыми психолингвистическими параметрами, устанавливаемыми в методиках сбора субъективных оценок респондентов с использованием шкалы Ликерта (возраст усвоения, знакомость слова, элементы семантической сложности слова – образность, идиоматичность) для установления данных параметров сложности слова и его диагностирующих способностей в тесте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В мировой психологии и психолингвистике практика создания тестов для измерения лексического компонента ЯС имеет длительную традицию. Наиболее известны Peabody Picture Vocabulary Test [33], Wechsler Intelligence Scale [34] и Stanford-Binet Intelligence Scale [35] и Mill Hill Vocabulary Scale [36] др.).

²Первичную апробацию теста прошли 149 учеников школ г. Прокопьевска Кемеровской области и г. Томска. Опрос школьников проводился с разрешения администрации образовательного учреждения, испытуемые были проинформированы о научной цели опроса и участвовали в эксперименте при условии письменно зафиксированного согласия. Всего было получено 5 739 реакций. Для вторичной апробации тест был представлен в двух форматах: бумажном и аппаратном. Аппаратная версия тестирования проводилась в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи). Вторичную апробацию теста прошли 182 человека (бумажную версию – 56 человек, аппаратную версию – 126 человек). Опрос школьников проводился с разрешения администрации образовательного учреждения, испытуемые были проинформированы о научной цели опроса и участвовали в эксперименте при условии письменно зафиксированного согласия. Всего было получено 26 264 реакций. Результаты первого и второго тестирования показали воспроизводимость результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология способностей: хрестоматия / ред.-сост. В.Д. Шадриков. Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. 488 с.
2. Ковалев А.Г., Мясисев В.Н. Психические особенности человека. Т. 2: Способности. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 302 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М. : Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.
4. Ананьев Б.Г. Очерки психологии. Л. : Ленингр. газетно-журнальное и книжное издательство, 1945. 160 с.
5. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М. : Смысл ; Издательский центр «Академия», 1999. 288 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
7. Теплов Б.М. Избранные труды: в 2 т. М. : Педагогика, 1985. Т. 1. 328 с.
8. Galton F. Human Faculty and Its Development. New York : Macmillan and Co., 1983. 420 p.
9. Леонтьев А. А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание. Форм существования, функции, история языка. М., 1970. С. 314–370.
10. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М. : Правда, 1989. С. 17–200.
11. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / ред. М.А. Оборина; пер. с нем. Г.В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
12. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М. : Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
13. Бодуэн де Куртэнэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / сост. В.П. Григорьев, А.А. Леонтьев. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 1. 385 с.
14. Фортунатов Ф.Ф. Задачи языковедения и связь его с другими науками // Сравнительное языковедение: общий курс. М. : КРАСАНД, 2010. С. 3–9.
15. Хомский Н. О природе и языке: С очерком «Секулярное совершенство и опасности, которые таит демократия» М. : УРСС : ЛЕНЛАНД, 2017. 288 с.
16. Peabody Picture Vocabulary Test. Wikipedia – The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Peabody_Picture_Vocabulary_Test. (дата обращения: 25.07.2017).
17. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / ред. пер. и примеч. Н. А. Слюсаревой; пер. со 2-го фр. изд. А.М. Сухотина. М. : Логос, 1998. 235 с.
18. Уланович О.И. Развитие языковой способности человека в условиях билингвизма и полилингвизма // Психолого-педагогические проблемы одаренности: теория и практика : материалы VI Междунар. конф. : Иркутск, 12–13 сентября 2009 г. Иркутск, 2009. Т. 1. С. 542–555.
19. Божович Е.Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 33.
20. Pinker S., Jackendoff R. The Faculty of Language: What's Special about it? // Cognition. 2005. № 95. P. 201–236.
21. Tecumseh Fitch W., Hauser M. D., Chomsky N. The evolution of the language faculty: Clarifications and implications // Cognition. 2005. Vol. 97, № 2. P. 179–210.
22. Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, How Did It Evolve? // Science. 2002. Vol. 298, № 5598. P. 1569–1579.
23. Jackendoff R. The Architecture of the Language Faculty // Computational Linguistics. Cambridge, MA : The MIT Press, 1997. Vol. 24, № 4. P. 652–655.
24. Хованская Е.А. Исследование языковой способности: психолого-педагогический и методические аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). С. 184–188.
25. Пузанкова Е.Н., Хованская Е.А. Основные тенденции развития речевой способности учащихся 2–5 классов общеобразовательной школы на уроках русского языка при изучении имени прилагательного // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 371–374.
26. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. С. 185–220.
27. Кочкина О.М. Структура и динамика языковых способностей в дискурсивной практике : автореф. дис ... канд. психол. наук. М. : Ин-т психологии РАН, 2009. 26 с.
28. Pinker S. The language instinct. New York : W. Morrow and Co., 1994. 97 p.
29. Батурич Н.А., Курганский Н.А. Краткое руководство по Универсальному интеллектуальному тесту. Челябинск : Челябинский Дом печати, 1995. 19 с.
30. Набиуллина А.С. Измерение лексического компонента языковой способности (методика формирования тестовой батареи) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов IV (XVIII) Междунар. конф. молодых ученых (20–22 апреля 2017 г.). Томск : Издательский Дом ТГУ, 2017. Вып. 18. Т. 1: Лингвистика. С. 174–178.
31. Набиуллина А.С. Лексический компонент языковой способности (измерение возрастной дифференциации) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов V (XIX) Междунар. конф. молодых ученых (г. Томск, 19–21 апреля 2018 г.). Томск, 2018. С. 141–143.
32. Набиуллина А.С., Резанова З.И. Измерение лексического компонента языковой способности (создание и апробация теста) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 55–62.
33. Peabody Picture Vocabulary Test. Pearson Assessment. URL: <https://www.pearsonassessments.com/store/usassessments/en/Store/Professional-Assessments/Academic-Learning/Brief/Peabody-Picture-Vocabulary-Test-%7C-Fourth-Edition/p/100000501.html> (дата обращения: 25.07.2017).
34. Wechsler Test [Online] Available from: <http://wechsler-test.com/>. (access date: 25.07.2017).
35. Stanford-Binet [Online] Available from: <https://www.stanfordbinet.net/>. (access date: 25.07.2017).
36. Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales. Section 5: The Mill Hill Vocabulary Scale. San Antonio, TX : Harcourt Assessment, 1998. 116 p.
37. Rosa K.D., Eskenazi M. Effect of Word Complexity on L2 Vocabulary Learning // Proceedings of the Sixth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications, 2011. P. 76–80.

38. Laufer B. What's in a word that makes it hard or easy: some intralexical factors that affect the learning of words // *Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy* / Ed. N. Schmitt, M. McCarthy. UK : Cambridge University Press, 1997. P. 140–155.
39. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М. : Языки славянской культуры, 2014. 424 с.
40. Rudell A.P. Frequency of word usage and perceived word difficulty: Ratings of Kucera and Francis words // *Behaviour Research Methods, Instruments, & Computers*. 1993. № 25 (4). P. 455–463.
41. Нагель О.В., Кокшарова Н.Ф., Буб А.С. Соотношение частотности и возраста усвоения русского производного имени и его мотивирующего слова // *Язык и культура*. 2016. № 1 (33). С. 43–57.
42. Morrison C.M., Ellis A.W., Quinlan P.T. Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition. *Memory & Cognition*. 1992. № 20 (6). P. 705–714.
43. Tamayo J.M. Frequency of Use as a Measure of Word Difficulty in Bilingual Vocabulary Test Construction and Translation. 1985. 109 p.
44. Koirala C. The word frequency effect on second language vocabulary learning // *Proceedings of the 2015 EUROCALL Conference*. 2015. P. 318–323.
45. Bonin P., Fayol M., Chalard M. Age of acquisition and word frequency in written picture naming // *The quarterly journal of experimental psychology*. 2001. № 54A (2). P. 469–489.
46. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.; Т. 2. К–О. 736 с.; Т. 3. П–Р. 750 с.; Т. IV. С–Я. 797 с.
47. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М. : АСТ, 2014. 639 с.
48. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: в 2 т. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. 2310 с.
49. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современной русской лексики (на материалах Национального корпуса русского языка). URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 16.01.2019).
50. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.01.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 мая 2019 г.

Word Complexity Effect on the Lexical Component of the Language Faculty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 22–31.

DOI: 10.17223/15617793/442/3

Aleksandra S. Dusheiko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barbazjushka@mail.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Evgeniya A. Alenina, Talent and Success Foundation (Sochi, Russian Federation). E-mail: alenina.ea@talantiuspeh.ru

Keywords: word complexity; word difficulty; word length; frequency; polysemy; derivational complexity; vocabulary test; lexical component; language faculty.

The article aims to reveal the degree of correlation among linguistically relevant parameters of word complexity and the diagnostic potential of lexemes in two types of tasks intended to measure the lexical component of the language faculty. The lexical component of the language faculty is interpreted as not only a set of vocabulary units a person knows but also a person's ability to effectively operate them in various communication conditions. The article considers one of the stages of the development, application, validation and analysis of tests measuring the lexical component of the language faculty. At the previous stages of the research, the authors created and tested a test worked out on the basis of the Russian language and designed for measuring the development of the lexical component of the language faculty. The creation of the test is based on the random selection of units of a dictionary with a subsequent expert assessment. As a result of testing, two groups of words were identified. The first contains the words given nearly the same number of correct and incorrect answers, whereas the second includes the words which serve as markers of the degree of the development of the language faculty in different age groups since the number of answers varies. The authors hypothesized that the number of correct answers depends on word complexity. Word complexity is a psycholinguistic characteristic of a lexeme made up of several parameters. The authors decided to establish a diagnostic potential of the stimuli by revealing absence or presence of correlations between the number of correct answers and the parameters determining word complexity. When identifying how selecting a correct answer depends on the parameters of word complexity, the authors included one parameter from different aspects of word complexity. They selected word-length as a formal aspect; polysemy as a semantic aspect; derivation complexity as a formal-semantic aspect; and word frequency as a functional aspect to reveal the degree of correlation between the parameters and diagnostic potential of the stimuli. The authors made a quantitative analysis of the word complexity parameters of each stimulus using relevant academic dictionaries. A statistical analysis has revealed that frequency is the only parameter that affects the number of correct answers in the authors' test measuring the lexical component of the language faculty. Thus, developing test batteries with a gradual complication of tasks must take this parameter into account. It has also been found that there are some additional types of correlation among the parameters of word complexity which must be taken into account.

REFERENCES

1. Shadikov, V.D. (ed.) (2012) *Psikhologiya sposobnostey: khrestomatiya* [Psychology of abilities: An anthology]. Moscow: MPSP; Voronezh: MODEK.
2. Kovalev, A.G. & Myasishchev, V.N. (1960) *Psikhicheskie osobennosti cheloveka* [Mental features of a person]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
3. Rubinshteyn, S.L. (1989) *Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t.* [Fundamentals of general psychology]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
4. Anan'ev, B.G. (1945) *Ocherki psikhologii* [Essays on psychology]. Leningrad: Leningr. gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo.
5. Leont'ev, A.A. (1999) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl; Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
6. Rubinshteyn, S.L. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t.* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter.
7. Teplov, B.M. (1985) *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
8. Galton, F. (1983) *Human Faculty and Its Development*. New York: Macmillan and Co.
9. Leont'ev, A.A. (1970) *Psikhofiziologicheskie mekhanizmy rechi* [Psychophysiological mechanisms of speech]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Obshchee yazykoznanie. Form sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics. Forms of existence, function, history of the language]. Moscow: Nauka.
10. Potebnaya, A.A. (1989) *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow: Pravda. pp. 17–200.
11. Humboldt, W. von. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Translated from German by G.V. Ramishvili. Moscow: Progress.
12. Zvegintsev, V.A. (1964) *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The history of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts]. Pt. 1. Moscow: Prosveshchenie.

13. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
14. Fortunatov, F.F. (2010) *Sravnitel'noye yazykovedeniye: obshchiy kurs* [Comparative linguistics: A general course]. Moscow: KRASAND. pp. 3–9.
15. Chomskiy, N. (2017) O prirode i yazyke: S ocherkom "Sekulyarnoe sovershenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya" [On Nature and Language: With an essay "Secular Excellence and Dangers that Democracy Hides"]. Translated from English. Moscow: URSS: LENLAND.
16. Wikipedia. (n.d.) *Peabody Picture Vocabulary Test*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Peabody_Picture_Vocabulary_Test. (Accessed: 25.07.2017).
17. Saussure, F. de. (1998) *Kurs obshchey lingvistiki* [A course of general linguistics]. Translated from French by A.M. Sukhotin. Moscow: Logos.
18. Ulanovich, O.I. (2009) [The development of human language faculty in bilingualism and multilingualism]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy odarennosti: teoriya i praktika* [Psychological and pedagogical problems of giftedness: theory and practice]. Proceedings of the VI International Conference. Irkutsk. 12–13 September 2009. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. pp. 542–555. (In Russian).
19. Bozhovich, E.D. (1997) Razvitiye yazykovoy kompetentsii shkol'nikov: problemy i podkhody [Development of language competence in schoolchildren: problems and approaches]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 33.
20. Pinker, S. & Jackendoff, R. (2005) The Faculty of Language: What's Special about it? *Cognition*. 95. pp. 201–236.
21. Fitch, T.W., Hauser, M.D. & Chomsky, N. (2005) The evolution of the language faculty: Clarifications and implications. *Cognition*. 97 (2). pp. 179–210. DOI: 10.1016/j.cognition.2005.04.006
22. Hauser, M.D., Chomsky, N. & Fitch, W.T. (2002) The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, How Did It Evolve? *Science*. 298 (5598). pp. 1569–1579. DOI: 10.1126/science.298.5598.1569
23. Jackendoff, R. (1997) The Architecture of the Language Faculty. *Computational Linguistics*. 24 (4). pp. 652–655.
24. Khovanskaya, E.A. (2014) Study of the language ability: psycho-pedagogical and methodical aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 (59). pp. 184–188. (In Russian).
25. Puzankova, E.N. & Khovanskaya, E.A. (2014) The main tendencies of development of speech ability of pupils of grades 2–5 of comprehensive school at Russian lessons when studying the adjective. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 371–374. (In Russian).
26. Shakhnarovich, A.M. (1991) K probleme yazykovoy sposobnosti (mekhanizma) [On the problem of language faculty (mechanism)]. In: Kurbryakova, E.S. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk i porozhdeniye rechi* [The human factor in language: language and the production of speech]. Moscow: Nauka.
27. Kochkina, O.M. (2009) *Struktura i dinamika yazykovykh sposobnostey v diskursivnoy praktike* [The structure and dynamics of language faculty in discursive practice]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
28. Pinker, S. (1994) *The language instinct*. New York: W. Morrow and Co.
29. Baturin, N.A. & Kurganskiy, N.A. (1995) *Kratkoe rukovodstvo po Universal'nomu intellektual'nomu testu* [A Quick Guide to the Universal Intelligence Test]. Chelyabinsk: Chelyabinskiiy Dom pechati.
30. Nabiullina, A.S. (2017) [Measurement of the lexical component of language faculty (method of forming a test battery)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical issues of linguistics and literature]. Proceedings of the IV (XVIII) International Conference of Young Scholars. Tomsk. 20–22 April 2017. Is. 18. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 174–178. (In Russian).
31. Nabiullina, A.S. (2018) [The lexical component of language faculty (measuring age differentiation)]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical issues of linguistics and literature]. Proceedings of the V (XIX) International Conference of Young Scholars. Tomsk. 19–21 April 2018. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141–143 (In Russian).
32. Nabiullina, A.S. & Rezanova, Z.I. (2018) Developing a test for measuring a lexical component of the language faculty. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/427/7
33. Pearson Assessment. (n.d.) *Peabody Picture Vocabulary Test*. [Online] Available from: <https://www.pearsonassessments.com/store/usassessments/en/Store/Professional-Assessments/Academic-Learning/Brief/Peabody-Picture-Vocabulary-Test-%7C-Fourth-Edition/p/100000501.html>. (Accessed: 25.07.2017).
34. *Wechsler Test*. [Online] Available from: <http://wechsler-test.com/>. (Accessed: 25.07.2017).
35. *Stanford-Binet*. [Online] Available from: <https://www.stanfordbinet.net/>. (Accessed: 25.07.2017).
36. Raven, J., Raven, J.C. & Court, J.H. (1998) *Manual for Raven's Progressive Matrices and Vocabulary Scales*. Section 5: The Mill Hill Vocabulary Scale. San Antonio, TX: Harcourt Assessment.
37. Rosa, K.D. & Eskenazi, M. (2011) Effect of Word Complexity on L2 Vocabulary Learning. *Proceedings of the Sixth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications*. Association for Computational Linguistics. pp. 76–80.
38. Laufer, B. (1997) What's in a word that makes it hard or easy: some intralexical factors that affect the learning of words. In: Schmitt, N. & McCarthy, M. (eds) *Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy*. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Akhutina, T.V. (2014) *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-linguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
40. Rudell, A.P. (1993) Frequency of word usage and perceived word difficulty: Ratings of Kucera and Francis words. *Behaviour Research Methods, Instruments, & Computers*. 25 (4). pp. 455–463.
41. Nagel', O.V., Koksharova, N.F. & Bub, A.S. (2016) Age-of-acquisition and frequency correlation for Russian derivatives and their base words. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (33). pp. 43–57. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/33/4
42. Morrison, C.M., Ellis, A.W. & Quinlan, P.T. (1992) Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition. *Memory & Cognition*. 20 (6). pp. 705–714.
43. Tamayo, J.M. (1985) *Frequency of Use as a Measure of Word Difficulty in Bilingual Vocabulary Test Construction and Translation*. Dissertation. Loyola University Chicago.
44. Koirala, C. (2015) The word frequency effect on second language vocabulary learning. *Proceedings of the 2015 EUROCALL Conference*. Padova, Italy. pp. 318–323.
45. Bonin, P., Fayol, M. & Chalard, M. (2001) Age of acquisition and word frequency in written picture naming. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 54A (2). pp. 469–489.
46. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
47. Tikhonov, A.N. (2014) *Novyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka dlya vseh, kto khochet byt' gramotnym* [New word-building dictionary of the Russian language for those who wants to be literate]. Moscow: AST.
48. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The new dictionary of the Russian language: in 2 vols. Explanatory and word-building]. Moscow: Russkiy yazyk.
49. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennoy russkoy leksiki (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of modern Russian vocabulary (on the materials of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow: Azbukovnik. [Online] Available from: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. (Accessed: 16.01.2019).
50. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 16.01.2019). (In Russian).

Received: 16 May 2019

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСПОВЕДИ В ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ XXI в.: КОНТЕКСТЫ «НАСТАВНИЧЕСТВО» И «ТОВАРИЩЕСТВО»

Исследуется своеобразие российской современной приходской прозы с точки зрения отражения в ней традиций жанра литературной исповеди. На материале произведений А. Дьяченко, А. Шантаева, А. Лисняка, Тихона (Шевкунова) раскрывается специфика типичной для православной литературы ситуации пересечения пастыря с иными персонажами, рассматриваются способы художественного изображения данных пересечений и особенности внутренней реакции на них со стороны повествователя. При этом основной акцент делается на контекстах «наставничество» и «товарищество». Материалом для анализа становятся как наиболее типичные, так и уникальные коммуникативные модели, а также локусы взаимодействия персонажей и особенности образной системы приходских рассказов.

Ключевые слова: литература духовного реализма; православная художественная проза; приходская проза; литературная исповедь; наставничество; товарищество.

Современный этап развития литературного процесса в России характеризуется вниманием ряда отечественных писателей к нравственно-философским и религиозно-христианским проблемам, актуальным для современного человека и общества в целом. Все чаще приходится слышать о формировании нового литературного явления, связанного с традициями православной словесности, создателями которого становятся как вставшие на путь писательства священнослужители, так и верующие миряне. О научном интересе к подобным тенденциям свидетельствует появление ряда диссертационных исследований, монографий, учебных пособий, статей. Наиболее остро в настоящий момент стоит вопрос о терминологическом обозначении данного литературного явления. Филологами предлагается ряд определений, которые, на первый взгляд, могут восприниматься синонимичными, однако при более детальном рассмотрении обнаруживается, что обозначенные направления имеют индивидуальный набор содержательных и эстетических характеристик либо находятся в родовидовых отношениях друг с другом.

В современной науке особую популярность приобретает термин «духовный реализм». По мнению В.А. Редькина, исследуемый феномен «предполагает православный тип мировосприятия художника и соответствующую систему ценностей» [1. С. 71]. Анализируя различные подходы к осмыслению корпуса текстов художественной литературы, отражающих проблемы духовно-религиозного состояния человека (в том числе и нашего современника), В.В. Волков, И.В. Гладилина, Л.Н. Скаковская склонны понимать термин «литература духовного реализма» в качестве обобщающего. Как отмечают исследователи, «во-первых, речь идет не обязательно именно о Православии, во-вторых, не обязательно в литературе духовного реализма открыто декларируется религиозность или, тем более, конфессиональная принадлежность автора или персонажа» [2. С. 49]. Размышления о специфике духовного реализма и его отражении в творчестве отдельных писателей можно найти в работах И.А. Казанцевой [3] и В.В. Рецова [4].

Н.В. Пращерук, исследуя творчество современных православных авторов, использует термин «литературная духовная проза», которая воспринимается ученым как метажанровое явление, включающее сле-

дующие разновидности: фрагмент, паломнический очерк, автобиографическую повесть и другие. С точки зрения ученого, «ценностно-структурное ядро этой прозы составили произведения с преобладанием автобиографического и документального дискурса, с особым статусом повествовательного “я” и установкой на символическую (иконическую) модель мира» [5. С. 7].

В работах М.С. Красняковой [6], А.А. Моториной [7] используется термин «православная проза», который указывает на более четкую ориентацию авторов на религиозно-православную ценностную систему, включающую этический, метафизический и институциональный (конфессиональный) аспекты. В этом смысле определения «православная проза» и «литературная духовная проза» сближаются и могут восприниматься как синонимичные.

В монографии И.С. Леонова и В.А. Корепановой [8] жанровая и стилевая многоплановость православной литературы не отрицается. Однако же основное внимание авторы уделяются двум ее направлениям: миссионерскому и приходскому. Миссионерскую прозу составляют тексты, общая установка которых связана с разработкой и презентацией типичных моделей прихода к вере и воцерковления современного человека. Для этого могут использоваться реалистичные ходы: познание Бога через болезнь, несчастье, одиночество, а также благодаря знакомству с людьми, имеющими богатый опыт духовной жизни. Ряд писателей разрабатывают ситуацию «встреча с чудом», за которой следует обращение персонажа к миру русского православия. К сюжетам миссионерской прозы можно отнести отдельные явления фантастического или фэнтезийного планов: путешествие героев по вымышленным мирам, попадание в компьютерную игру, знакомство с загробной реальностью и т.д.

Вторая тенденция православной литературы связана с возникновением по-своему уникального явления – **приходской** прозы, создателями которой становятся исключительно лица, обладающие духовным саном и опытом приходского служения. По этой причине синонимичным, но не тождественным в полной мере может являться предлагаемое В. Капланом [9] и В. Кононенко [10] определение «священническая (иерейская) проза», указывающее на отражение в литературных текстах опыта пастырского служения авторов. Для приходской прозы характерны установка

на автобиографизм, изображение широкого этнографического контекста, социальную открытость (образ священника раскрывается через общение с односельчанами), психологизм, внимание к деталям. Подобная литература за редким исключением не предполагает вымышленных ситуаций и персонажей.

Миссионерская и приходская литературные тенденции отличаются друг от друга в силу специфики авторских задач. В первом случае доминирует установка на воцерковление читателя, желание писателя через яркие образы и сюжеты привлечь внимание человека к православному миру и церковной традиции. Во втором – акцент делается на изображении повседневной жизни российской глубинки, воспринимаемой и оцениваемой православным пастырем не всегда с однозначных позиций.

Таким образом, «приходская проза» является видовым понятием по отношению к «православной художественной литературе» (как вариант – «литературная духовная проза»), подразумевающему различные в жанровом и стилевом отношении явления. При этом православная литература может восприниматься как часть более широкого и многоаспектного явления – духовного реализма, актуализирующего вопросы метафизики и аксиологии в художественной словесности без четкой религиозной и конфессиональной закреплённости.

Следует оговориться, что под конфессиональной закреплённостью приходской литературы подразумевается не ограничение в выборе тем и проблем, а их авторская интерпретация и оценка. В центре изображения приходских повестей и рассказов находится мир православной общины в единстве его сакрального и институционального понимания. С одной стороны, православная церковь воспринимается авторами как метафизический организм, соединяющий Божественную и земную реальности. С другой, церковный приход – общественный институт, который невозможно воспринимать изолированно от социальных, психологических, ментальных противоречий современного человека. Именно институциональный аспект церковной действительности позволяет приходским писателям более широко и многогранно изображать жизнь современной российской глубинки, что подтверждают слова писателя и этнографа протоиерея Александра Шантаева: «Церковный приход по своей сути представляет участие верных в совершении главнейшего и первейшего христианского Таинства – Евхаристии, а всеми прочими сторонами и гранями распахнут в актуальную действительность, открыт всему фронту истории и народной культуры» [11. С. 11].

Результатом изучения особенностей приходской прозы становится выявление в ней черт жанра литературной исповеди. В качестве содержательной доминанты исповеди М.А. Жиркова выделяет события внутреннего плана. По мысли исследователя, в исповедальном повествовании жизнь внешняя не имеет художественной ценности, развитие действия создается напряжением духовной жизни [12]. Очевидно, что для приходских рассказов внешний событийный ряд теряет актуальность по сравнению с тем, как эти события отражаются во внутреннем мире персонажа.

Так, случайные встречи, беседы, события, свидетелем которых становится повествователь, услышанные им реплики или суждения других людей ценны не сами по себе, а как элементы формируемой в сознании пастыря единой картины мира с ее ценностно-метафизическим вектором – Промыслом Создателя.

По мнению С.И. Патрикеева, «круг поисков исповедального пра-источника значительно сузится, если вести речь не о передаче опыта вообще, а преимущественно о передаче опыта духовного, что подразумевает уже более высокий уровень человеческого сознания» [13. С. 4]. Далее исследователь отмечает: «Являясь вполне определенной жанровой реальностью, исповедь вместе с тем существует как бы на стыке других многочисленных жанров: религиозной исповеди и молитвы, проповеди, поучения и монолога, жития и автобиографии и т.д.» [Там же].

Данное суждение представляется справедливым для произведений Я. Шипова, А. Шантаева, А. Лисняка, А. Дьяченко, Тихона (Шевкунова) и других авторов-священно-служителей, в творчестве которых достаточно глубоко представлены богослужебно-обрядовый, молитвенный, проповеднический, житийный аспекты. Очевидно, что повествователь постоянно балансирует на границе сакральной и бытовой, богослужебной и житейской сторон действительности. При изображении таинства исповеди, совершаемого в доме умирающего человека, православные авторы, с одной стороны, включают в тексты слова молитв и церковных песнопений, элементы проповеди, напутствия. В этой ситуации священник занимает позицию говорящего; иные персонажи выполняют роль слушателей: «В беседах у ложа умирающих людей, предвещающих исповедь, непременно приходится говорить о загробной участи, Суде Божиим, искать совместной оценки прожитой жизни, предупреждать возможные страх и отчаяние» [11. С. 73–74]. Бытовая сторона разворачиваемой ситуации также становится очевидной. Совершая таинство, священник обращает внимание на детали интерьера, убранство комнаты, особо его внимание могут привлекать находящиеся на стене фотографии, что позволяет ему провести своеобразную реконструкцию судьбы исповедника, открыть для себя новые смыслы происходящих на данном этапе событий, лучше понять Промысел Божий. В этом случае происходит трансформация его образа: из активного, говорящего он становится созерцающим, молчаливым свидетелем: «Вычитываю продолжительное последование, в паузах посматриваю на фотографии. На одной – сама бабка Наталья (умирающая. – *И.Л.*) лет пятнадцать, а может, и двадцать назад с мальчиком первоклассником» [14. С. 153].

Знаковой особенностью приходской прозы, отличающей ее от других направлений православной художественной словесности, является особая направленность вектора авторского восприятия. Если в миссионерской прозе, создаваемой чаще всего писателями-мирянами, доминирует взгляд из внешнего мира, направленный на церковь, допускающий при этом элементы идеализации, снятия противоречий и конфликтов, то в приходской прозе восприятие повествователя имеет обратный характер: *из храма – в мир.*

Автор-священник предстает неразрывно слитым с приходским пространством, становится его своеобразным центром, а также адресатом апеллирования как со стороны членов общины, так и людей из внешнего мира, носителей секулярной ментальности. Выполняя не только богослужебно-обрядовую, но и социальную функцию, рассказчик постоянно оказывается в ситуации *выхода за пределы приходского пространства*, что сопровождается рядом латентных (реже – явных) конфликтов, возникающих между ним и иными персонажами приходских очерков и рассказов.

Ситуация *выхода* вовсе не означает видимое, формальное пересечение пастырем границы территории храма. Пребывание внутри приходского мира не всегда оберегает священника от психологических противоречий и скрытой конфликтности. Иными словами, даже близкие священнику люди несут печать секулярного мира, что не позволяет повествователю быть полностью открытым, освободиться от внутреннего сдерживающего фактора. Пример тому можно найти в рассказе А. Шантаева «Проходимец». Вспоминая о преступнике, выдававшем себя за священнослужителя, прихожанка храма отмечает: «Не похож он был на священника <...> нет у него такой *апатии* (курсив наш. – И.Л.), как у священников» [14. С. 233]. Интересен комментарий повествователя: «В своей живописной речи, какую я не в силах воспроизвести во всей полноте, Галина умеет порой вернуть неожиданное словцо, которое покажется поначалу будто бы и нелепым, но, с другой стороны, невероятно уместным» [Там же. С. 233–234].

О скрыто противоречивом характере взаимодействия священника и мирян свидетельствует присутствующий во многих произведениях приходской литературы *мотив молчания* (немного свидетельства), возникающий в эпизодах пересечений пастыря и мирян. Данный мотив проявляется в ситуациях апеллирования человека к духовному опыту священнослужителя, а также в случае встречи с персонажем-оппонентом. Следует признать, что рассказчик часто уходит от ответа на вопросы, не комментирует вслух высказываемые персонажами суждения. Однако подобное внешнее молчание не является следствием равнодушия или полной отстраненности от проблем мира, находящегося «за церковной оградой». Комплекс внешних воздействий, обладающих скрытым или явным конфликтным потенциалом, порождает глубокую внутреннюю реакцию священнослужителя, которая может проявляться как во время процесса коммуникации, так и быть отсроченной. Интерпретация подобных ситуаций (встречи, беседы, бытовые эпизоды), их осмысление с позиций православной этики и метафизики становятся своеобразным содержательным ядром священнической прозы, а также дополнительно свидетельствует о проявлении элементов жанра литературной исповеди в приходских повестях и рассказах. В этом смысле справедливыми представляются размышления М.В. Михайловой, отмечающей, что «литературная исповедь стремится к подробному, детальному, психологизированному описанию всех событий и движений души» [15. С. 11].

Специфику реакции пастыря-повествователя на события внешнего мира предлагается представить в виде следующих двухчастных формул, где под связкой *реплика / монолог* понимается высказывание говорящего, за которым следует внутренняя реакция пастыря:

- реплика / монолог – анализ;
- реплика / монолог – прогноз;
- реплика / монолог – молитва.

Пример реализации формулы *реплика / монолог – анализ* можно найти в книге протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Речь идет об эпизоде, в котором повествуется о знакомстве вновь прибывшего на новое место служения священника с местными рабочими. Формирование образа нового знакомого подчинено следующей схеме: внимание к собственным физиологическим ощущениям (головная боль) – реплика рабочего комментирующего характера (о магнитных бурях) – восприятия обонятельного комплекса (запах перегара в салоне автомобиля) – анализ сложившейся ситуации, выход на проблему нравственной и социальной деградации русского села.

В рассказе без заглавия того же автора, входящим в цикл «Асина память», коммуникация повествователя и случайного попутчика выстроена по формуле *реплика / монолог – прогноз*. Так, высказанная участником коммуникации мысль «И для чего человек живет? Родился, пожил, и нет его...» [14. С. 175] наталкивает повествователя на размышления о возможном духовном перерождении человека, его скрытом поиске Бога. Осмысление реплики сопровождается вниманием к портрету мужчины, отмечается ироничное, «дурашливое» выражение его лица, что позволяет священнику сделать неутешительный прогноз: «За словами его, сказанными от сердца, невзначай вырвавшимися из души, наверняка ничего не последует: задумываться он не станет, предпочтет попросту отмахнуться» [Там же].

Формула *реплика / монолог – молитва* актуализируется при возникновении явной конфликтной ситуации, возникающей между повествователем и персонажем-оппонентом. В качестве примера можно обратиться к рассказу протоиерея Алексия Лисняка «Сятели бисера». Вынужденное пребывание повествователя на автобусной остановке с подвыпившим прапорщиком приводит к монологу со стороны последнего, содержащему явную негативную оценку церкви и ее служителей. Молитва, произносимая шепотом или про себя, в данном контексте становится своеобразной метафизической и психологической защитой на выраженную вербальную агрессию: «Над городом плывет густой звон со всех окрестных колоколен. Мурлыкаю про себя “Христос воскрес из мертвых”, как ночью на службе запало. Стараюсь не слушать собеседника, который все бубнит и бубнит» [16. С. 177–178].

Выше были рассмотрены наиболее частотные коммуникативные модели, встречающиеся в приходской литературе. Реализация данных формул становится наиболее актуальной для контекста взаимодействия пастыря-повествователя с «пограничным» [17], реже – с «сопутствующим» персонажем [18].

Следует признать, что приходская проза предлагает широкий спектр контекстов взаимодействия пастыря-повествователя с иными персонажами, различными по степени духовной направленности и конфессиональной принадлежности. В приходской литературе священник представлен в нескольких ракурсах: совершатель богослужений и треб, проповедник, наставник, администратор, семьянин (муж, отец), друг и т.д. Особую значимость для исследования представляют типы взаимоотношений, позволяющие глубоко раскрыть образ пастыря в двух аспектах: религиозно-сакральном (наставничество) и частном (товарищество).

К числу наиболее интересных, предполагающих наличие уникальных коммуникационных моделей, можно отнести контекст *наставничества*. В данном случае ранее предложенные формулы взаимодействия персонажей трансформируются, подвергаются усложнению за счет третьего элемента, отражающего специфику дополнительной (более поздней) оценки случившегося. К таким формулам можно отнести:

– реплика / монолог – протест – примирение;

– реплика / монолог – принятие – осознанное принятие.

Контекст наставничества предполагает, что во взаимодействие вступают люди, обладающие различным духовным, богослужебным и жизненным опытом. При реализации функции наставничества наблюдается установка на четкую иерархичность: старший священнослужитель занимает позицию говорящего, младший (или готовящийся к принятию сана), – слушающего. Смена ролей в подобных случаях не предусмотрена. Данная трансформация обусловлена тем, что потенциальный или действующий священнослужитель принимает на себя новую, редко обозначенную в приходской прозе позицию – ученическую.

Указанные ситуации во многом связаны со статусом человека, являющегося адресатом высказываний наставнического характера, а также целями, которыми руководствуются оба персонажа, вступая в процесс взаимодействия. Функция наставничества может быть реализована в двух контекстах: официальном (по решению церковного начальства) и связанным с феноменом духовничества, который предполагает добровольное избрание наставника и принятие обязательства следовать его советам.

Формула *реплика / монолог – протест – примирение* актуализируется при реализации наставнической функции в ситуации передачи богослужебного опыта начинающему священнику, иллюстрирует которую рассказ священника Александра Дьяченко «Посвящение». В нем повествуется о рукоположении и первых неделях службы, проходящих под руководством клириков кафедрального собора. В данном случае раскрывается идея, что наставничество может быть связано с определенным уровнем конфликтности. При этом разрешение подобных противоречий становится возможным лишь спустя определенное время, по мере приобретения рассказчиком пастырского опыта: «Через несколько дней служения я стал ощущать боли в области сердца. Сначала относил их на счет священника кафедрального собора, который, как я считал,

постоянно придирался ко мне и делал несправедливые замечания. Сегодня я понимаю, что так он учил меня, а тогда я скорбел» [19. С. 207].

Формула *реплика / монолог – принятие – осознанное принятие* в большей степени характерна для ситуации наставничества, сопряженного с феноменом духовничества. Здесь речь идет о запланированных или случайных встречах рассказчика с пастырями, обладающими не только богатым опытом духовной жизни, но и особо почитаемыми церковными людьми, признающими их старцами. Следует отметить, что промежуточный компонент формулы «принятие» основан не на твердой уверенности в том, что совет или наставления духовника продиктованы Высшей волей, сколько связаны с авторитетом старца, принятием «за послушание», что не исключает наличие внутренних сомнений, противоречий (без их вербального воплощения). При этом окончательное понимание верности решения духовника и его полное, осознанное восприятие как свидетельства Божьего Промысла происходит спустя определенное количество времени. В этом смысле можно говорить о наличии приема ретроспективы: священнослужитель в своих мыслях обращается к прошлому, вспоминает знаковую для него встречу с духовником, слова последнего и собственную реакцию на них. В данный момент наблюдается возникновение мотивов самоукорения, покаяния и благодарности Богу.

В современной православной литературе все чаще возникают образы признанных подвижников: архимандрита Иоанна (Крестьянкина), протоиерея Николая Гурьянова, духовника Боровского монастыря Власия и т.д. Так, в рассказе Александра Дьяченко «Пересечения» повествуется о нескольких встречах с отцом Власием. Следует отметить, что автор избегает подробного пересказа беседы со старцем; его основное внимание сосредоточено на показе следующих этапов: а) принятие решения о поездке в монастырь; б) пребывание у входа в келью монаха; в) первая встреча и впечатления от нее; г) наблюдение за поведением старца во время богослужения. На каждом этапе рассказчик испытывает смешанные чувства, включающие страх, сомнения, удивление. В сознании повествователя сталкиваются две противоположные тенденции: одна связана с личными представлениями о своем призвании (предпочитал научную карьеру священству), другая – с благословением епископа на рукоположение. С этим противоречием связан и тот факт, что решение о поездке к старцу принимается в обстановке, на первый взгляд, не располагающей к аскетике (лежа в ванне, рассказчик размышляет о том, как ему избежать хиротонии: «...нежусь, наслаждаюсь найденным решением и теплой водичкой» [Там же. С. 211]).

Своеобразным испытанием для рассказчика становится ситуация у входа в келью старца. С одной стороны, надпись на двери «Не заходить» могла разубедить его в целесообразности посещения, с другой – вышедший ему навстречу монах стал живым свидетельством воли Творца относительно человека, сомневающегося в необходимости принятия священного сана. В данном случае в тексте возникает мотив входа, пересечения условной границы бытового и

сакрального, рационального и иррационального, что осложняется дополнительным мотивом – испытанием (препятствием).

Подробности беседы рассказчика со священником в тексте произведения не передаются; повествователь лишь ограничивается лаконичной репликой: «Мой вопрос разрешился в течение минуты...» [19. С. 212]. В процессе изображения последующих встреч с отцом Власием и другими духовниками повествователь фиксирует внимание на исходящих от них кратких репликах или действиях сакрального характера, смысл которых становится понятным ему лишь через время. На данном этапе, следуя совету старца, повествователь не до конца осознает ее как волю Бога, о чем свидетельствуют чувства тоски и отчаяния, сопровождающие повествователя накануне таинства: «Скажу честно, ехал на хиротонию, как на казнь, малодушествовал и впадал в уныние» [Там же. С. 114].

Еще один пример непонимания и отсроченного принятия слов духовника можно встретить в произведении архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы», в котором архимандрит Серафим произносит притчу об уехавшем в Москву послушнике. Подлинный смысл высказывания до определенного момента остается непонятным для слушателя, а постигается лишь через время. Передавая в лаконичной форме содержание притчи, старец утрачивает позицию говорящего, отказываясь от возможных пояснений и комментариев. Дальнейшие психологические и духовные противоречия повествователя могут быть выражены с помощью схемы: *непонимание / равнодушие – понимание / протест – принятие «за послушание» – осознанное принятие*.

При исследовании наставнического уровня необходимо учитывать locus взаимодействия персонажей-пастырей. Следует отметить, что наиболее важные советы, влияющие на последующую жизнь, рассказчик получает в сакральном пространстве храма или в его главной части – алтаре. Так, судьбоносное решение отца Иоанна (Крестьянкина) относительно повествователя книги «Несвятые святые» было озвучено во время богослужения; реплика Оптинского духовника Илия («А ты, брат, больше не греша» [Там же. С. 127]), адресованная автору рассказа «Пересечения», также прозвучала во время священнодействия. Литургическое пространство способствует выявлению особой духовной миссии пастыря, раскрывает его тесную связь с Богом, что проявляется не только в словах, но и в действиях, наполненных явным метафизическим смыслом.

Рассматривая контекст наставничества, необходимо отметить его замкнутый характер. Присутствие «третьих лиц» (участников, свидетелей) в данном случае не представляется возможным, что обусловлено иерархическими ограничениями и представлениями о сакральном характере подобного взаимодействия. Последнее наиболее актуально для беседы пастыря со своим духовником.

При описании подобных встреч автор обращается к портретным характеристикам монахов. В случае с отцом Власием внешность духовника изображается крайне лаконично, штрихообразно: «...еще совсем не

старый человек в подряснике и унтах...» [19. С. 212]. Однако указание на возраст старца способствует разрушению стереотипных представлений о подвижниках, сформированных в сознании большинства верующих людей. Во время случайной встречи с отцом Илием рассказчик оказывается заложником собственных ошибочных представлений: «Смотрю, заходит к нам в помощь старенький согбенный батюшка. Я решил, что это – кто-то из старичков, на покое доживающих свой век при монастыре» [Там же. С. 222]. Подобной ошибкой объясняется и выбранный священником снисходительный тон во время общения с известным пастырем.

Контрастное изображение внешности монаха-подвижника присутствует в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «“Несвятые святые” и другие рассказы». В главах, посвященных духовнику повествователя отцу Иоанну (Крестьянкину), дается двойное изображение по принципу *в быту / в процессе реализации наставнической функции*. Бытовые характеристики обладают подчеркнуто десакрализованным характером; в портрете старца доминируют черты обыкновенного человека, не имеющего отношения к аскетическим подвигам: «...такой очень добрый старичок, весьма крепкий <...>, вечно куда-то спешащий, даже суетливый...» [20. С. 39]. Однако облик отца Иоанна меняется во время озвучивания им судьбоносного для рассказчика решения: «Мы расстались с ним полчаса назад, но тут он сразу показался мне каким-то необычным – сосредоточенно-строгим» [Там же. С. 49].

Рассмотрев наставнический уровень взаимодействия персонажей приходской литературы, следует обратиться к еще одному, обладающему особой спецификой – товарищескому. В данном контексте представленные выше коммуникативные модели подвергаются существенной трансформации, так как снятие иерархических барьеров между находящимися в товарищеских отношениях пастырями способствует исчезновению мотива молчания; повествователь обретает позицию не только слушающего и «немного свидетеля», но и говорящего. На первый план в данном контексте выходят личные отношения персонажей, связанные с многолетней дружбой, родственными связями и т.д. Типичной коммуникативной формулой в данном случае является следующая: *реплика / монолог – реплика / монолог*.

Данная трансформация позволяет говорить об ослаблении влияния элементов жанра литературной исповеди на приходскую прозу, смещении акцентов с сакрально-богослужебной на бытовую сторону действительности. Повествователь в данном контексте предстает перед читателем прежде всего рядовым человеком, имеющим свои частные интересы и психологические установки. Параллельно с этим наблюдается большее внимание к внешней, событийной стороне действительности. Требуемая от литературной исповеди акцентировка на внутреннем состоянии человека утрачивает доминирующую роль.

Товарищеский уровень взаимоотношений реализуется в ситуациях поддержки в трудных жизненных обстоятельствах, реализации общих интересов (хобби), при возникновении курьезных случаев.

Ситуация поддержки в трудных жизненных обстоятельствах раскрывается в диапазоне *серьезные испытания / мелкие неприятности*. И то, и другое выпадает на долю рассказчика, который вынужден обращаться к товарищам-священнослужителям за помощью или советом. Проиллюстрировать специфические особенности товарищеских взаимоотношения персонажей применительно к ситуации поддержки можно на примере произведения протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Столкнувшись с трудностями, связанными с неожиданной командировкой, рассказчик обращается за советом к своему другу священнику К. и его супруге. Следует отметить, что включение в число участников беседы жены пастыря является фактором, указывающим на разницу между наставническим и товарищеским уровнями взаимодействия. Если в первом случае присутствие свидетелей или иных участников беседы не предполагается, то для товарищеского уровня подобных ограничений не существует.

Важную роль в данном контексте также играет locus взаимодействия персонажей: разговор происходит за накрытым столом в доме товарища рассказчика: «В пятницу я был в Переславле у своего друга отца К. Мы замечательно посидели: он и матушка всячески меня утешали. За чаем и коньяком в шутку мы придумали самые нелепые варианты, как бы мне избежать монастырской командировки» [21. С. 9]. Непринужденность, доброжелательность, юмористическая окраска беседы подчеркиваются с помощью следующих реплик и комментариев: «раскатиasto засмеялся», «ты, верно, шутишь?», «вот мужики трусы», «послушайте умного человека» и т.д. [Там же. С. 9–10].

Ситуации товарищеского взаимодействия, в основе которых лежат общие интересы внебогослужебного характера, в полной мере представлены в произведении протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами». Речь идет о взаимоотношениях рассказчика с отцом П., увлеченным краеведением и этнографией. В одном из эпизодов автор следующим образом характеризует встречу с товарищем: «Мы посплетничали о церковной жизни, коснулись неременной нашей с отцом П. темы Ростова и ростовцев, Титова и Артынова...» [Там же. С. 69]. Подобные ситуации предполагают свободный locus взаимодействия персонажей, встречи и общение которых могут быть вписаны в атмосферу дома, семьи, совместной прогулки. В ряде случаев возникает контекст застолья: «Мы пили пиво и разговаривали о разных пустяках, впрочем, любопытных. Отец П. собирает материалы по святыням Ростова Великого» [Там же. С. 18]. В то же время данная ситуация не предполагает расширения системы образов за счет других персонажей: родственников, знакомых, оппонентов. Как правило, беседы на темы, связанные с общими увлечениями, происходят между священниками «один на один». Однако это не связано с иерархическим статусом участников беседы или с сакральностью момента, как во время реализации наставнической функции. Подобная замкнутость персонажной системы объясняется исключительно спецификой общих интересов и

отсутствием иных лиц, готовых разделить подобное увлечение.

Ситуации, связанные с возникновением курьезных случаев, участниками которых становятся персонажи-священнослужители, в последнее время все чаще изображаются в приходской литературе. Священник во многих произведениях представлен и как пастырь, и как частный человек, имеющий интересы, выходящие за рамки богослужебной практики, а также погруженный в решение семейных и бытовых вопросов. Именно в этом контексте могут возникать отдельные анекдотические ситуации, в которые попадают обладающие священным саном персонажи. В качестве примера можно привести случай из рассказа А. Дьяченко «Подарок», в котором изображена попытка священника избавиться от спортивного тренажера, ставшего причиной внутрисемейного курьеза (супруга требовала от священника регулярных тренировок). Анекдотичность данного эпизода связана с тем, что пастырь принимает несвойственную для своего статуса роль: «Рассказывая о достоинствах тренажера, отец Виктор напоминал заправского менеджера по реализации спортивного инвентаря» [19. С. 58]. Еще один пример курьезной ситуации, участниками которой становятся священнослужители, приводится в книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Речь идет об эпизоде, в котором иеромонах Рафаил пытался на полном ходу починить руль своего автомобиля, чем вызвал вполне очевидную реакцию со стороны другого находящегося в салоне пастыря: «И уже забыли о произошедшем, как вдруг с переднего сидения раздался нечеловеческий вопль отца Георгия: “Останови!!! Останови!!!” От этого страшного крика отец Рафаил настолько перепугался, что разом принес в жертву все свои принципы и нажал на тормоза» [20. С. 614].

Очевидно, что подобные ситуации предполагают свободный locus взаимодействия персонажей: события могут разворачиваться в домашней обстановке, во время путешествия и т.д. Единственным исключением становится литургическое пространство храма, где на первый план выходят сакральные аспекты, связанные с основной миссией пастыря. Кроме того, в подобных ситуациях нет ограничений по количеству и иерархическому статусу персонажей. В данных эпизодах могут быть задействованы члены семьи пастыря, его друзья из числа священнослужителей и мирян, прихожане, случайные свидетели.

В рамках представленного исследования была рассмотрена специфика приходской литературы как явления современного литературного процесса, исследовано отражение элементов литературной исповеди в приходских повестях и рассказах, предложены ведущие коммуникативные модели, раскрывающие особенности взаимодействия пастыря-повествователя и его окружения. Кроме того, были выявлены особенности наставнического и товарищеского уровней взаимоотношений персонажей-священнослужителей, проанализированы ключевые ситуации их взаимодействия, раскрывающие специфику обозначенных уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Редькин В.А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. 2018. № 1. С. 71–78.
2. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Литература духовного реализма в преподавании русского языка как иностранного // Казанская наука. 2017. № 1. С. 49–54.
3. Казанцева И.А. Концепция мира и человека в современной прозе духовного реализма // Вестник ТвГУ. Сер. Филология. № 1. 2015. С. 52–59.
4. Рецов В.В. Черты «нового реализма» в современной православной прозе // Актуальные вопросы изучения духовно культуры : межд. конф. (Москва, 12–14 мая 2009 г.). Москва ; Ярославль, 2009. С. 141–147.
5. Пращерук Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. 116 с.
6. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 206 с.
7. Моторина А.А. Русская художественная проза XX – начала XXI века: изображение духовного состояния человека в кризисную эпоху : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 168 с.
8. Леонов И.С., Корепанова В.А. Поэтика православной прозы XXI века. Москва ; Ярославль : Ремдер, 2011. 122 с.
9. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 12.09.2018).
10. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы». URL: <http://dm-jurevch67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 09.09.2018).
11. Шантаев А., иерей. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М. : Благо, 2004. 240 с.
12. Жиркова М.А. Исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997. 146 с.
13. Патрикеев С.И. Исповедь в поэтике русской прозы первой трети XX в. (Проблемы жанровой эволюции) : дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 1999. 181 с.
14. Шантаев А., протоиерей. Асина память: рассказы из российской глубинки. М. : Никея, 2015. 256 с.
15. Михайлова М.В. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). СПб. : Изд-во Института Человека РАН (СПб Отделение), 1997. С. 9–13.
16. Лисняк А., протоиерей. «Сашина философия» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 288 с.
17. Леонов И.С. «Пограничный» персонаж в прозе Александра Дьяченко: типология и приемы создания // Русский язык за рубежом. 2018. № 4. С. 109–115.
18. Леонов И.С. Образ сопутствующего персонажа в современной приходской прозе: функции и приёмы создания // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2017. № 2. С. 89–96.
19. Дьяченко А., священник. Плачущий ангел: Рассказы и очерки. М. : Никея, 2010. 256 с.
20. Тихон (Шевкунов), архимандрит. «Несвятые святые» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2011. 640 с.
21. Шантаев А., священник. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М. : Артос-Медиа, 2005. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 июня 2018 г.

The Tradition of the Literary Genre of Confession in the Parish Prose of the 21st Century: The Contexts of “Mentoring” and “Partnership”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 32–39.

DOI: 10.17223/15617793/442/4

Ivan S. Leonov, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: mamif.lis@rambler.ru

Keywords: literature of spiritual realism; Orthodox fiction; parish prose; literary confession; mentoring; partnership.

The article is devoted to the analysis of the specifics of modern Russian parish prose. It examines a number of substantive and formal features that distinguish this literary phenomenon from close, but not synonymous ones: literature of spiritual realism, Orthodox fiction, spiritual prose, missionary prose. Parish essays and stories of Archpriests Alexander Shantaev, Alexander Dyachenko, Alexy Lisnyak and a book *“Unholy Saints” and Other Stories* by Archimandrite Tikhon (Shevkunov) are the material for the study. The study shows that “parish prose” is one of the varieties of Orthodox fiction; it includes phenomena of literature which are different in genre and style. Parish prose actualizes issues of metaphysics and axiology in terms of a clear religious and confessional consolidation; it includes elements of autobiography and documentalism, pays attention to detail, tends to an objective reflection of modern rural (parish) realities. Parish prose also has the features of the genre of literary confession, which is reflected in parish stories and short stories. The features are: the change of focus from events to psychology, the story of the spiritual experience of the narrator, inclusions of elements of prayer and preaching discourses in the texts. The priest is engaged in the liturgical and ceremonial as well as everyday household spheres of the parish world thus constantly going beyond the church space; therefore, he loses the position of the speaker and becomes a listener or a mute witness to what is happening. The weakening or loss of the verbal level of communication does not exclude the deep inner dialogue of the priest with other characters, which is expressed by means of universal formulas in the poetics of literary texts. These formulas are: (a) a conversational turn / monologue and analysis; (b) a conversational turn / monologue and prediction; (c) a conversational turn / monologue and prayer. In the context of “mentoring”, in which the image of the priest acquires a student’s function and hierarchical relationships are established between the characters, there is a complication of communicative models associated with the retrospection device. In this case, the formulas are: (a) a conversational turn / monologue – protest – reconciliation; (b) a conversational turn / monologue – acceptance – conscious acceptance. The study of the context of “partnership” leads to the conclusion about the weakening of the influence of the traditions of the genre of literary confession on parish stories. This is evidenced by the shift of emphasis from the inner life of the priest to the outer one, the expansion of the event series, the loss of the priest’s position of “listener” and “silent contemplator”, the verbalization of communication. The previously stated communicative models undergo changes expressed by the formula “a conversational turn / monologue and a conversational turn / monologue”.

REFERENCES

1. Red’kin, V.A. (2018) Spiritual realism as a creative method of contemporary literature. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya – Herald of Tver State University Series: Philology*. 1. pp. 71–78. (In Russian).
2. Volkov, V.V., Gladilina, I.V. & Skakovskaya, L.N. (2017) Literatura dukhovnogo realizma v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [The literature of spiritual realism in teaching Russian as a foreign language]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 1. pp. 49–54.

3. Kazantseva, I.A. (2015) Kontseptsiya mira i cheloveka v sovremennoy proze dukhovnogo realizma [The concept of the world and man in modern prose of spiritual realism]. *Vestnik TvGU. Ser. Filologiya – Herald of Tver State University Series: Philology*. 1. pp. 52–59.
4. Retsov, V.V. (2009) [Features of the “new realism” in modern Orthodox prose]. *Aktual'nye voprosy izucheniya dukhovno kul'tury* [Topical issues of the study of the spiritual culture]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 12–14 May 2009. Moscow; Yaroslavl: Remder. pp. 141–147. (In Russian).
5. Prashcheruk, N.V. (2018) *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika* [Modern spiritual prose: traditions, meanings, poetics]. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Krasnyakova, M.S. (2016) *Sovremennaya pravoslavnyaya proza: genesis, osnovnye motivy, tipologiya syuzhetov* [Modern Orthodox prose: genesis, basic motives, plot typology]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
7. Motorina, A.A. (2018) *Russkaya khudozhestvennaya proza XX – nachala XXI veka: izobrazhenie dukhovnogo sostoyaniya cheloveka v krizisnuyu epokhu* [Russian fiction of the 20th – early 21st centuries: the depiction of the spiritual state of a person in a crisis epoch]. Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Leonov, I.S. & Korepanova, V.A. (2011) *Poetika pravoslavnoy prozy XXI veka* [Poetics of Orthodox prose of the 21st century]. Moscow; Yaroslavl: Remder.
9. Kaplan, V. (2010) Iereyskaya proza. Stanet li ona literaturnym yavleniem? [Priestly prose. Will it become a literary phenomenon?]. *Foma*. 1 (81). [Online] Available from: <http://foma.ru/iereyskaya-proza.html>. (Accessed: 12.09.2018).
10. Kononenko, Yu. (2010) Fenomen “svyashchennicheskoy prozy” [The “priestly prose” phenomenon]. [Online] Available from: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html>. (Accessed: 09.09.2018).
11. Shantaev, A. (2004) *Svyashchennik. Koldun'i. Smert'. Etnograficheskie ocherki sel'skogo prikhoda* [A priest. Witches. Death. Ethnographic essays of a rural parish]. Moscow: Blago.
12. Zhirkova, M.A. (1997) *Ispovedi v romane F.M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”* [Confessions in the F.M. Dostoevsky's novel “The Brothers Karamazov”]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
13. Patrikeev, S.I. (1999) *Ispoved' v poetike russkoy prozy pervoy treti XX v. (Problemy zhanrovoy evolyutsii)* [Confession in the poetry of Russian prose of the first third of the twentieth century. (Problems of genre evolution)]. Philology Cand. Diss. Kolomna.
14. Shantaev, A. (2015) *Asina pamyat': rasskazy iz rossiyskoy glubinki* [Asya's memory: stories from the Russian hinterland]. Moscow: Nikeya.
15. Mikhaylova, M.V. (1997) [Silence and word (sacrament of repentance and literary confession)]. *Metafizika ispovedi. Prostranstvo i vremya ispovedal'nogo slova* [Metaphysics of confession. The space and time of the confessional word]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 26–27 May 1997. St. Petersburg: Izd-vo Instituta Cheloveka RAN (SPb Otdelenie). pp. 9–13. (In Russian).
16. Lisnyak, A. (2014) *“Sashina filosofiya” i drugie rasskazy* [“Sasha's Philosophy” and other stories]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyra.
17. Leonov, I.S. (2018) The boundary character in the prose of Alexander Dyachenko: Typology and techniques of creating. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 4. pp. 109–115. (In Russian).
18. Leonov, I.S. (2017) The image of the companion character in the modern parish prose: The functions and methods of creating. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Russkaya filologiya – Bulletin of the Moscow State Regional University (Russian Philology)*. 2. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-89-96
19. D'yachenko, A. (2010) *Plachushchiy angel: Rasskazy i ocherki* [A crying angel: Stories and Essays]. Moscow: Nikeya.
20. [Shevkunov], Tikhon. (2011) *“Nesvyatye svyatye” i drugie rasskazy* [“Unholy saints” and other stories]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyra; OLMA Media Grupp.
21. Shantaev, A. (2005) *Mezhdubom i L'vami. Zapiski na polyakh tserkovnogo goda* [Between the sky and Lvy. Notes on the margins of the church year]. Moscow: Artos-Media.

Received: 28 June 2018

Т.Е. Машанло

ИЗМЕНЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛОНГИТУДНОЕ ОКУЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер индивидуального плана работ 1.8901.2017/9.10.

Рассматривается динамика изменения показателей процесса чтения у русскоязычных студентов, изучающих китайский язык в качестве основного иностранного на языковом факультете. У студентов отмечен прогресс по всем основным показателям чтения (продолжительность фиксаций, частота регрессий, вероятность пропуска иероглифа), а также зафиксировано различное влияние факторов, традиционно влияющих на процесс чтения, показатели процесса чтения на разных этапах изучения языка.

Ключевые слова: учебный билингвизм; китайский язык; логографическая система письменности; чтение; движения глаз; окулографические методы; лонгитюдное исследование.

Введение

Одним из актуальных в настоящее время направлений изучения процесса чтения с использованием окулографических методов (методов слежения за движениями глаз) является изучение особенностей становления данного навыка. Значительное внимание уделяется проблеме возрастных изменений в характеристиках процесса чтения; в такого рода исследованиях ученых интересуют как физиологические, так и когнитивные изменения, влияющие на данный процесс на разных этапах взросления и формирования навыка чтения [1]. Другой актуальной проблемой, находящей в последнее время интерес у исследователей, являются особенности билингвального чтения¹, а именно выявление характерных особенностей процесса чтения билингвов по сравнению с процессом чтения монолингвов [2]. В изучении этих двух направлений подавляющее большинство исследований проводится на материалах европейских языков, в первую очередь английского. В последние два десятилетия сложившийся перевес в сторону европейских языков начинает исправляться: активно изучаются типологически другие языки, а также языки с отличными от алфавитных системами письменности.

Как правило, участниками окулографических экспериментов становятся взрослые люди с уже сложившимся навыком чтения. Это во много связано с техническими трудностями при работе с детьми, однако в последние два десятилетия сравнительно большое количество исследований было посвящено описанию характеристик движений глаз при развитии навыка чтения у детей [1]. Так, было установлено, что после года изучения системы письменности родного языка положение первой фиксации² на слове начинает приходиться на его центр, к 11 годам наблюдается снижение количества коротких саккад³, связанных с ошибками окуломоторного программирования; показатели средней продолжительности фиксаций и общей продолжительности чтения предложений у детей сравниваются с аналогичными показателями у взрослых после возраста 11–12 лет [3, 4]. У китайских детей навык, в целом, развивается аналогичным образом [5].

На материале европейских языков, использующих алфавитные системы письменности, были изучены многие факторы, влияющие на процесс чтения. Среди них самым существенными оказываются длина [6], частотность [7], возраст усвоения слова [8], а также контекст, в который помещено слово [9]; важную роль также оказывает выделение орфографических слов посредством пробелов [10]. Большая длина слова увеличивает продолжительность фиксаций, а также снижает вероятность пропуска слова. Так, слова длиной больше 8 букв почти никогда не пропускаются [11], а более высокая частотность, предсказуемый контекст, ранний возраст усвоения слова понижают продолжительность фиксаций на нём, также повышая вероятность того, что слово будет пропущено.

В языках, в которых слова на письме разделяются пробелами, информация о границах слов помогает читателю установить место следующей фиксации в тексте: он стремится направить свой взгляд к центру слова – таким образом, все слово находится в области центрального зрения и отсутствует необходимость в повторных фиксациях на данном слове. На продолжительность фиксаций большое влияние оказывают место запуска саккады – начальное положение саккады, связывающей текущую фиксацию с предыдущей, а также положение первой фиксации на слове [12].

В настоящее время нет единого мнения относительно того, каким образом читатели определяют положение своей следующей фиксации в тексте на китайском языке. С одной стороны, в исследовании Х.-М. Яна и Дж.У. Макконки было показано, что носители китайского с одинаковой вероятностью фиксируются как на иероглифах, так и на промежутках между двумя соседними иероглифами [13]. С другой стороны, в эксперименте М. Яня с соавт., наоборот, было продемонстрировано, что читатель стремится зафиксироваться на середине слова, если для прочтения слова ему требуется одна фиксация, и на первом иероглифе, если для прочтения слова ему требуется несколько фиксаций [14]. Помимо этого, на процесс чтения влияют как частотные характеристики многосложных слов в целом, так и их составных частей, причём частотность первого иероглифа имеет большее значение, чем частотность последующих [15].

Дополнительно на процесс чтения также оказывают влияние визуальные характеристики иероглифа – простые иероглифы, состоящие из малого количества черт, могут пропускаться, а более сложные иероглифы пропускаются реже и требуют большего времени на их обработку [16].

Особенности билингвального чтения на китайском языке отражены в незначительном количестве исследований. Так, например, в исследовании, проведенном М. Эверсоном в 1986 г., сравнивались показатели процесса чтения у англоязычных студентов, в разной степени владеющих китайским языком. В работе М. Эверсон отмечает, что даже хорошо владеющие китайским языком студенты читают тексты на китайском языке значительно медленнее, чем носители языка. Это демонстрировалось на примере средней продолжительности фиксаций (200 мс – у носителей, 317 мс – у начинающих студентов, 370 мс – у продолжающих) и показателе скорости чтения (546, 109 и 194 иероглифа в минуту соответственно) [17]. Представляется, что различие в показателях начинающих и продолжающих обучение студентов может объясняться использованием различных стратегий чтения: при прочтении текста начинающие студенты сделали больше фиксаций (302), чем продолжающие студенты (147), которые в свою очередь показали результат ниже, чем носители языка (92). Таким образом, более низкая средняя продолжительность фиксаций у начинающих студентов может объясняться существенно большим количеством фиксаций.

В другом исследовании Д. Шэнь и соавт. рассматривали влияние родного языка носителей английского, корейского, японского и тайского на чтение предложений на китайском языке. В предложениях были вставлены пробелы (между иероглифами, словами и случайным образом) и прослеживался фактор влияния типа системы письменности родного языка (алфавитная / слоговая, с пробелами / без пробелов). Авторам не удалось обнаружить эффекта влияния родной системы письменности на процесс чтения на китайском языке. Тем не менее им удалось показать, что выделение слов пробелами помогает ускорить процесс чтения [18]. Средняя продолжительность фиксаций у начинающих студентов из Америки составила 350 мс, в то время как у более опытных студентов из Японии, Кореи и Таиланда – 250 мс.

В исследовании А. Вана и соавт. проверялось влияние уровня владения вторым языком носителей корейского языка на некоторые особенности процесса чтения. Было показано, что читатели-билингвы могут извлекать из незафиксированных иероглифов только орфографическую информацию, причем её количество увеличивалось с уровнем владения вторым языком корейских билингвов. Таким образом, они делают вывод о том, что более опытные читатели обладают большим диапазоном зрительного восприятия [19].

На настоящий момент нам неизвестны исследования, изучающие динамику развития навыка чтения на втором языке, использующем систему письменности, отличную от родной системы письменности читателя. В силу недостаточной разработанности проблемы адаптации к новой системе письменности у людей со сложившимся навыком чтения на родном языке, мы

поставили цель установить характер изменения показателей процесса чтения на ранних этапах изучения языка – в течение первых двух лет активного изучения языка. Выбор такого «временного окна» обусловлен, с одной стороны, результатом эксперимента М. Эверсона, в котором было показано, что показатели процесса чтения у опытных студентов не достигают значений соответствующих показателей у носителей языка, с другой стороны, предыдущим экспериментом автора, в котором было отмечено существенное повышение показателей процесса чтения у студентов второго курса по сравнению со студентами первого курса, в то время как разница в показателях у студентов старших курсов была незначительна [20, 21]. Учитывая результаты данных исследований, мы предполагаем, что в условиях наличия навыка чтения на родном языке адаптация к новой системе письменности происходит на раннем этапе её изучения.

Русская и китайская письменность отличаются по способу кодирования фонологической информации. Русская письменность является алфавитной – фонема языка на письме обозначается отдельным знаком или сочетанием знаков. Китайская система письменности является логографической – каждый знак (за небольшим исключением) соотносится с морфемой и может состоять из нескольких звуковых сегментов.

Также по сравнению с кириллической письменностью китайская обладает следующими особенностями: большой и потенциально неограниченный инвентарь знаков; не всегда прозрачная фонетическая структура знака (создающая сложности при чтении незнакомых иероглифов); отсутствие пробелов между словами; отсутствие различия строчных / прописных написаний. Все перечисленные трудности, несомненно, должны отразиться в показателях процесса чтения у студентов, начинающих изучать китайский язык.

В рамках данного исследования определяется влияние продолжительности обучения на следующие показатели чтения, среди них:

а) **продолжительность чтения** предложения без учета продолжительности перечитывания (first pass reading time). Ранняя мера⁴. На рис. 2 продолжительность чтения охватывает фиксации 1–11;

б) **продолжительность первой фиксации** на слове (first fixation duration). Учитывая отсутствие консенсуса относительно того, уделяет ли читатель внимание отдельным иероглифам или же целым словам при выборе места следующей фиксации, а также сложностью определения слова как такового в китайском языке, было принято решение рассматривать иероглиф в качестве основной единицы анализа процесса чтения. Продолжительность первой фиксации определяется как продолжительность самой первой фиксации на иероглифе без учета любых последующих фиксаций, при этом предыдущая фиксация должна находиться на иероглифе, расположенном слева от текущего, а иероглифы, расположенные по правую сторону от текущего, до этого не были зафиксированы. Ранняя мера. На рис. 2 фиксации 1–6, 9, 10 являются первыми фиксациями на иероглифе;

в) **продолжительность взгляда** на иероглифе при первом проходе (gaze duration) определяется как сумма всех фиксаций на иероглифе с момента пер-

вой его фиксации до момента фиксации на другом иероглифе, все остальные условия соответствуют условиям определения продолжительности первой фиксации. Ранняя мера. На рис. 2 продолжительность взгляда совпадает с продолжительностью первой фиксации во всех случаях, кроме фиксаций на последнем иероглифе, где продолжительность взгляда представляется суммой продолжительности фиксаций 10 и 11;

г) **место первой фиксации** (initial landing position) определяется как относительное положение первой фиксации на иероглифе, где 0 соответствует левая граница иероглифа, а 1 – правая. Ранняя мера. На рис. 2 первая фиксация на иероглифе 快, «скоро» смещена вправо относительно центра – её можно закодировать как «0,65», а первая фиксация на иероглифе 了 (грамматический показатель) приходится на его начало – её можно отметить как «0,1».

д) **вероятность пропуска** иероглифа при первом проходе (skip probability). Ранняя мера. На рис. 2 при первом проходе были пропущены два иероглифа: 国, «государство» и ↑ (классификатор);

е) **вероятность повторной фиксации** на иероглифе (refixation probability) – вероятность того, что иероглиф получит повторную фиксацию, после того как был зафиксирован другой иероглиф. Поздняя мера⁵. На рис. 2 иероглифы 我, «я», 两, «два» и 星, «звезда»⁶ были зафиксированы повторно;

ж) **частота регрессий** (regression rate) – частота возвратных саккад (справа налево) среди всех саккад первого прохода. Поздняя мера. На рис. 1 восемь саккад являются прогрессивными (представлены тонкими непрерывными линиями), две – регрессивными (пунктирные линии), а ещё три саккады не используются для вычисления данной характеристики (жирные непрерывные линии).

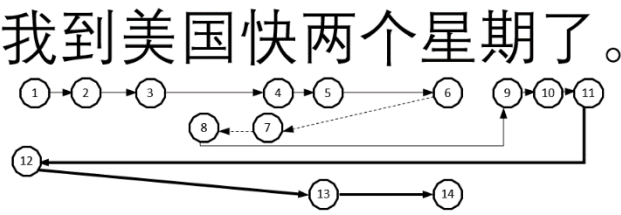

Рис. 1. Показатели движений глаз. Числами обозначены фиксации, стрелками – саккады. Предложение переводится как «Прошло две недели с того момента, как я приехал в Америку»

Участники

В двух этапах исследования приняли участие студенты первого и второго курсов кафедры китайского языка Томского государственного университета. Студенты первого курса приняли участие после первого (27 человек) и второго семестра обучения (26), студенты второго курса приняли участие после третьего (20) и четвертого (13) семестров обучения. До поступления в университет никто из участников не владел китайским языком, но некоторые студенты изучали его в течение непродолжительного периода времени (не более полу-года). Студенты принимали участие в экспериментах после окончания 1-го и 2-го семестров обучения (группа первого курса), а также после 3-го и 4-го семестра обучения (группа второго курса). Участие в исследовании было добровольным и не оплачивалось.

Материал

Материалом для эксперимента послужили 520 предложений на китайском языке. Предложения

были разбиты на 4 списка таким образом, что в каждом списке содержалось 130 предложений. 10 предложений являлись тренировочными, 120 – основными. Предложения под одинаковым порядковым номером во всех списках были построены по одной структуре, между списками в предложениях изменялось не более двух словосочетаний. Так как участниками исследования стали студенты, только начавшие изучать язык, в одном списке одна конструкция могла использоваться несколько раз. С использованием предложений были составлены 50 конструкций, изученных в первом семестре обучения, 40 – во втором, 16 – в третьем, 14 – в четвёртом. Это было сделано для того, чтобы предложения не казались слишком простыми для студентов на более поздних этапах изучения китайского языка, и они внимательно прочитывали каждое предложение. Длина предложений составляла от 7 до 19 знаков. К предложениям были также составлены контрольные вопросы – переводы предложений на русский язык. Половина предложений в каждом списке была переведена правильно, половина содержала фактические ошибки в переводе.

Таблица 1

Примеры предложений, использованных в эксперименте. Жирным обозначены слова, отличающиеся в каждом из четырёх списков. Курсивом выделены слова, неправильно переведённые в проверочном предложении

Предложение	Перевод	Перевод	Список
今天晚上我跟朋友一起去看电影。	Сегодня вечером мы с другом пойдём смотреть кино	Правильный	1
明天晚上我跟朋友一起去看衣服。	Завтра вечером мы с другом пойдём покупать пальто	Неправильный	2
明天晚上我跟朋友一起去看电影。	Завтра вечером мы с другом пойдём смотреть телевизор	Неправильный	3
今天晚上我跟朋友一起去看衣服。	Сегодня вечером мы с другом пойдём покупать одежду	Правильный	4

Оборудование

Эксперимент был создан при помощи программного обеспечения SR-Research Experiment Builder версии 2.1.1. Для демонстрации стимулов использовался 24-дюймовый ЖК-монитор BenQ XL2430 с частотой обновления экрана 144 Гц и разрешением 1 920 × 1 080 пикселей. Чтение предложений осуществлялось с дистанции 70 см от центра экрана, фиксированное расстояние соблюдалось при помощи подставки под голову. Все предложения были набраны шрифтом SimSun черного цвета и представлялись на слегка сером фоне (RGB: 245; 245; 245) в пределах одной строки. Размер одного символа составил 0,87° визуального угла. Запись движений глаз осуществлялась при помощи прибора для слежения за движениями глаз SR-Research Eyelink 1 000 Plus в бинокулярном режиме с частотой записи 1 000 Гц.

Процедура

Каждый этап экспериментального исследования построен по одному и тому же принципу. Перед участием в каждом этапе участники заполняли анкету опыта и знания языков Leap-Q [23] для определения языкового опыта и выявления факторов, способствующих изучению языка. Данная анкета использовалась для отсеивания участников, для которых русский язык был не родным, а также участников, изучавших китайский в течение продолжительного периода времени (более 6 месяцев) перед поступлением в университет.

Перед началом эксперимента участник внимательно читал инструкцию к эксперименту, по окончании чтения которой осуществлялась процедура 9-точечной калибровки и валидации. Максимальная

ошибка при валидации не превышала 0,5° визуального угла. Сначала участники читали 10 тренировочных предложений на китайском языке, построенных по той же структуре, что и основные предложения. После ознакомления с процедурой эксперимента участники читали оставшиеся 120 основных предложений.

Чтение предложений осуществлялось про себя и проходило по следующей схеме. Участник внимательно смотрел в точку, расположенную посередине экрана в левой части. Положение точки совпадало с серединой первого символа предложения. После нажатия клавиши «пробел» на экране появлялось предложение на китайском языке. По прочтении предложения участник повторно нажимал клавишу «пробел». После этого на экране появлялся перевод предложения на русский язык. Участник должен был нажать клавишу 1 на клавиатуре, если перевод был верным, или клавишу 0, если перевод содержал ошибку; участнику также предоставлялась возможность нажать клавишу «ENTER», если он по каким-либо причинам сомневался в содержании предложения. После нажатия одной из клавиш на экране появлялось предложение на китайском языке, в котором участника просили прочитать следующее предложение. Наличие данного предложения было необходимо для того, чтобы минимизировать влияние русского языка на чтение на китайском языке. Предложение исчезало с экрана через 5 секунд после появления или после того, как участник прочитывал его целиком. После этого на экране снова появлялась точка и процедура чтения предложения повторялась.

У студентов первого курса продолжительность эксперимента составляла от 1 до 1,5 ч, у студентов второго курса – от 35 мин до 1 ч.

Рис 2. Процедура эксперимента. Слева направо: фиксационная точка, располагающаяся по центру первого иероглифа экспериментального предложения; экспериментальное предложение на китайском; перевод предложения на русский; предложение на китайском, подготавливающее участника к чтению экспериментального предложения. Снизу обозначены действия, необходимые для перехода к следующему экрану. Данный цикл повторялся 130 раз за эксперимент, из них 10 были тренировочными и 120 основными

Анализ данных

Предварительная обработка данных осуществлялась при помощи программного обеспечения SR-Research Data Viewer версии 3.2.48. При анализе – данные правого глаза; для двух респондентов использовались данные левого глаза, так как при прохождении эксперимента для них не удалось откалибровать данные от правого глаза.

Из анализа удалялись предложения, в которых содержались серьезные проблемы с информацией о положении глаз: фиксации за пределами экрана, ошибочные саккады, связанные с ошибкой трекинга глаз.

После этого к предложениям применялась процедура 4-ступенчатой очистки данных о фиксациях, встроенная в программное обеспечение. Таким образом, располагавшиеся рядом друг с другом короткие фиксации (< 80 мс) объединялись в одну, а продолжительные фиксации (> 1 200 мс) удалялись. После этого данные экспортировались в среду R [24] для их дальнейшей обработки.

Из анализа были исключены предложения, на контрольные вопросы которых были даны неправильные ответы. В итоге были использованы данные 7 394 прочитанных предложений из 10 200 возможных (72,5%).

Для анализа данных использовался метод смешанной линейной регрессии [25], реализованный в библиотеке lme4 [26]. Данный метод позволяет сочетать в пределах одной статистической модели фиксированные и случайные эффекты. Существуют различные критерии определения того, является эффект фиксированным или случайным [26]. В данной работе мы используем следующие критерии: фиксированные эффекты – это эффекты, имеющие постоянное значение для всех участников и влияние которых изучается в исследовании (т.е. те, которые представляют прямой интерес для исследования), случайные эффекты – это эффекты, которые отражают вариативность в показателях разных участников, стимулов и т.д.

Для анализа данных на уровне отдельных иероглифов в модели в качестве фиксированных эффектов учитывались факторы продолжительности обу-

чения, места первой фиксации на иероглифе, места запуска саккады, приведшей к фиксации на иероглифе, визуальная сложность иероглифа (т.е. количество черт в иероглифе⁷). В качестве случайных эффектов были включены интерсепт – точка пересечения оси ординат, в данном анализе отмечающая общее среднее значение зависимой переменной, – для идентификаторов участников (с подуровнем номера экспериментального этапа), списка предложений (с подуровнем идентификатора предложений), а также идентификатор иероглифа, таким образом в модели предполагалось одинаковое влияние фиксированных факторов на зависимые переменные для всех случайных факторов, однако вместе с тем учитывался тот факт, что исходный уровень зависимой переменной у разных участников, предложений и иероглифов может отличаться.

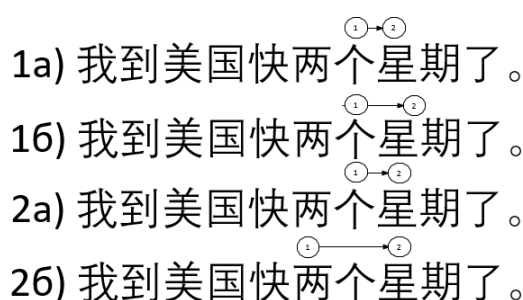

Рис. 3. Эффекты места первой фиксации и места запуска саккады. 1a – фиксация 2 приходится на начало иероглифа, 1b – фиксация 2 приходится на конец иероглифа. 2a – фиксация 1 находится на коротком расстоянии от фиксации 2 (короткое место запуска), 2b – фиксация 1 находится на большом расстоянии от фиксации 2 (дальнее место запуска)

Фактор продолжительности обучения был закодирован при помощи скользящего контраста – таким образом, сравнение проводилось по отдельности между студентами первого и второго, второго и третьего, третьего и четвертого семестров. Стоит отметить, что при таком кодировании может возникнуть ситуация, когда два смежных уровня не имеют статистически значимых различий, однако между двумя несмежными уровнями имеется статистически значимое различие. В случае неудовлетворения требования нормальности распределения остатков линейной модели переменная подвергалась трансформации.

Все независимые непрерывные переменные были предварительно центрированы по среднему значению, т.е. из каждого отдельного значения вычиталось среднее арифметическое значение данной переменной, таким образом, новое среднее значение оказывалось равным 0, а значения переменной указывали на то, насколько сильно отклоняется каждое конкретное значение от этого среднего. Такой подход преследует две цели: с одной стороны, приводит все независимые переменные к одной шкале, с другой стороны, упрощает интерпретацию модели. Вторым пунктом представляется особенно важным: во всех представленных моделях базовым уровнем (относительно которого высчитываются эффекты) является значение показателей чтения предложения для студента после первого семестра обучения при всех остальных независимых эффектах, имеющих среднее значение.

При построении моделей сначала строилась максимально сложная модель, учитывающая все взаимодействия. Однако большое количество факторов приводило к излишне большому количеству взаимодействий между факторами и существенно снижало интерпретируемость полученных результатов, поэтому из моделей по очереди удалялись незначимые взаимодействия. Сравнение моделей осуществлялось при помощи функции anova библиотеки stats языка программирования R. В статье представлены результаты оптимальных моделей; формулы, использованные при вычислении результатов модели, дополнительно представлены в соответствующих таблицах.

В реализации метода смешанных линейных моделей в библиотеке lme4 не предусмотрено вычисление статистической значимости в силу отсутствия консенсуса относительно вычисления количества степеней свободы для смешанных линейных моделей. Одним из возможных способов установления значимости является использование t-значения в качестве статистического теста значимости. При большом объеме выборки t-значение, большее, чем $|\pm 1,96|$, принимается как статистически значимое ($p < 0,05$). Другой способ, используемый исследователями, – применение приближения Кенварда–Роджерса для вычисления степеней свободы, реализованное в пакете lmerTest [28]. Р – значения, вычисленные с использованием данного метода, также приведены в таблицах.

Стоит учесть, что данный анализ имеет разведочный характер, т.е. данный анализ не ставит целью про-

верить одну или несколько конкретных гипотез. Целью данного анализа является выявление различий в показателях чтения на различных этапах овладения китайским языком. Таким образом, данный анализ включает большое количество сравнений, что непременно приводит к увеличению количества ошибок первого типа (ложноположительный результат). Во избежание возникновения таких ошибок было принято решение считать эффект значимым, если t -значение превышает $|\pm 3,3|$, что приблизительно соответствует p -значению 0,001. Значения, превышающие $|\pm 3,3|$, в таблицах отмечены жирным шрифтом. T -значения, большие, чем $|\pm 1,96|$, рассматриваются как свидетельство о возможном наличии эффекта. P -значения, вычисленные по приближению Кенварда–Роджерса, меньшие 0,05 также выделены жирным шрифтом, для того чтобы отметить потенциально значимые факторы.

Так как повторная фиксация и пропуск иероглифа предполагают бинарный исход (например, иероглиф либо был пропущен, либо нет), для анализа данных зависимых переменных использовалась генерализованная смешанная линейная модель с бинарным исходом. В качестве фиксированных и случайных эффектов использовались те же переменные, что и в обычных линейных моделях.

Построение графиков, отражающих результаты моделирования, было произведено при помощи пакетов `splot` [29] и `ggplot2` [30].

Результаты

Студенты после первого семестра правильно ответили на 61,2% контрольных предложений, после второго – на 81,8%, после третьего – на 89,7%, после четвертого семестра – на 90,27%.

Таблица 2

Результаты моделирования продолжительности чтения

Фактор	Продолжительность чтения предложения			
	$\text{lmer}(\log(\text{td}) \sim \text{term} + \text{sl} + (1 \text{subj}/\text{visit}) + (1 \text{list}/\text{sid}))$			
Фактор	Значение	SE	t	p
Общее среднее, мс, log	8,59	0,03	275,4	<0,001
1-й и 2-й семестры (12)	–0,33	0,04	–8,64	<0,001
2-й и 3-й семестры (23)	–0,09	0,07	–1,35	0,178
3-й и 4-й семестры (34)	–0,24	0,05	–4,86	<0,001
Длина предложения, знаков	0,09	0,00	31,99	<0,001

Положение первой фиксации на иероглифе. Положение первой фиксации определялось в границах от 0 до 1, где 0 соответствовала левая граница иероглифа, а 1 – правая граница. Среднее значение положения первой фиксации оказалось равным 0,44 ($SD = 0,23$) для студентов первого семестра, 0,46 ($SD = 0,24$) – второго семестра, 0,47 ($SD = 0,25$) – третьего семестра, 0,51 ($SD = 0,25$) – четвертого семестра. Таким образом, наблюдается тенденция к смещению положения первой фиксации ближе к центру иероглифа с увеличением продолжи-

Общая продолжительность чтения. Средняя продолжительность чтения составила 7,59 с ($SD = 2,88$) для студентов первого семестра, 5,96 с ($SD = 2,77$) – второго семестра, 5,83 с ($SD = 2,31$) – третьего семестра, 4,38 с ($SD = 1,8$) – четвертого курса. В качестве фиксированных эффектов в модель были включены продолжительность обучения и длина предложения.

Результаты модели представлены в табл. 2. В целом студенты продемонстрировали понижение продолжительности чтения предложения с увеличением продолжительности изучения языка (рис. 4). Очевидным образом фактор длины предложения оказал существенное влияние на продолжительность чтения.

Стоит отметить отсутствие различия между студентами второго и третьего семестра по данному показателю. С одной стороны, это может быть связано с тем фактом, что в действительности результаты первого и второго семестра, а также третьего и четвертого семестра представлены двумя различными группами, а наблюдаемые эффекты могут быть объяснены эффектом знакомства с экспериментальной процедурой. Тем не менее при проверке эффекта длительности эксперимента на продолжительность чтения не было выявлено ни усталости – снижения характеристик процесса чтения, ни привыкания – повышения характеристик с ходом эксперимента. В таком случае представляется, что эффект знакомства с процедурой эксперимента должен был проявиться уже в ходе первого экспериментального этапа. Более вероятным представляется, что студенты освоили программы семестров в несколько различных темпах. В дальнейшем эффект перехода со второго на третий семестр (который наблюдается и в других показателях) не обсуждается.

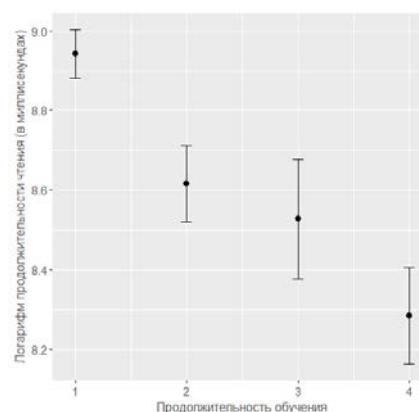
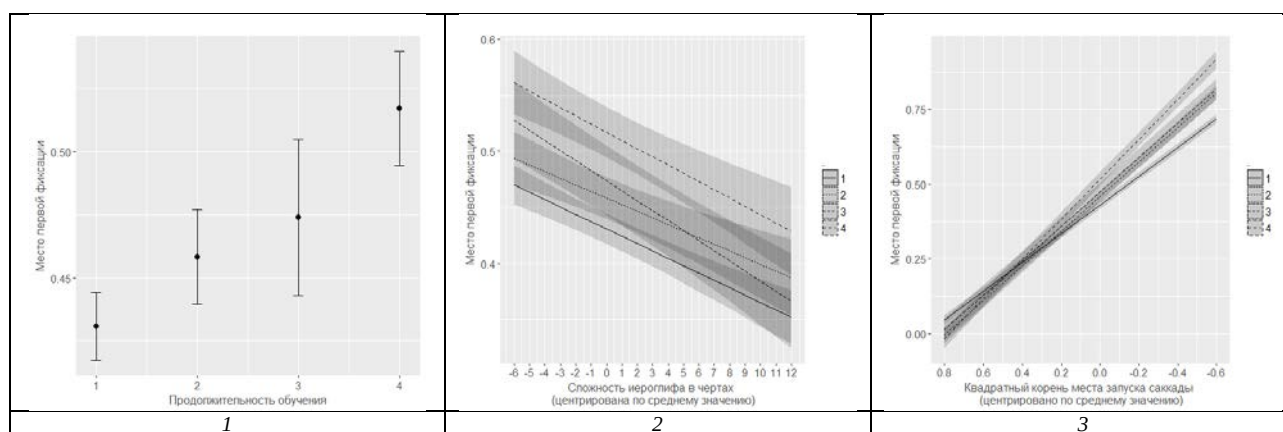

Рис. 4. График зависимости продолжительности чтения от продолжительности обучения

тельности обучения (рис. 5, 1). Большая сложность иероглифа приводила к фиксации ближе к его началу ($b = -0,01$, $SE = 0,00$, $t = -8,30$) для студентов всех групп (рис. 5, 2). Также были зафиксировано взаимодействие продолжительности обучения с местом запуска саккады. У студентов с большим опытом изучения языка положение первой фиксации сдвигается ближе к концу иероглифа для фиксаций с близким положением начала саккады и ближе к началу иероглифа для более дальних положений (рис. 5, 3).

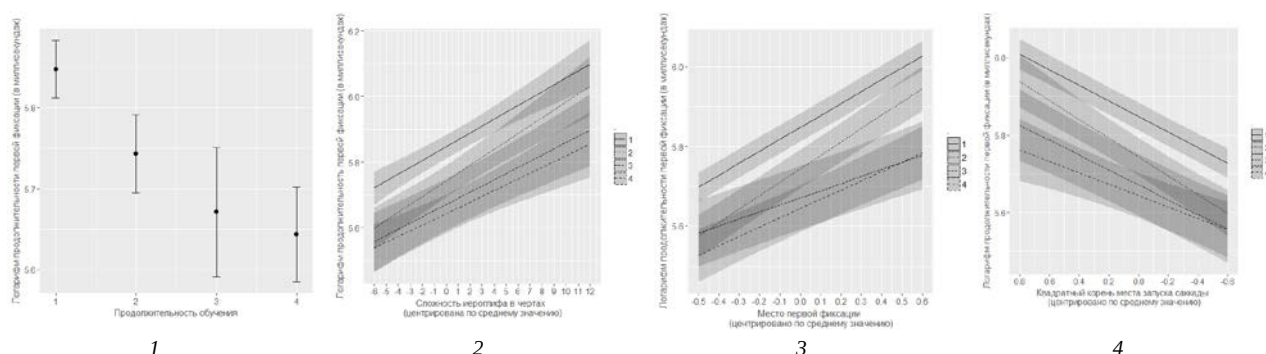
Результаты моделирования места первой фиксации

Фактор	Место первой фиксации			
	lmer(rlp ~ term * csc + term * cls + (1 subj/visit) + (1 list/sid) + (1 wid))			
Значение	SE	t	p	
Общее среднее, знаков	0,47	0,01	68,91	<0,001
1-й и 2-й семестры (12)	0,03	0,01	4,20	<0,001
2-й и 3-й семестры (23)	0,02	0,01	1,17	0,242
3-й и 4-й семестры (34)	0,04	0,01	5,02	<0,001
Сложность иероглифа (СИ), черт	-0,01	0,00	-8,30	<0,001
Место запуска саккады (МЗС), знаков	-0,58	0,00	-122,12	<0,001
12:СИ ⁸	0,00	0,00	0,68	0,494
23:СИ	-0,00	0,00	-3,42	0,001
34:СИ	0,00	0,00	1,52	0,129
12:МЗС	-0,10	0,01	-7,68	<0,001
23:МЗС	0,00	0,01	0,30	0,761
34:МЗС	-0,09	0,01	-6,67	<0,001

Рис. 5. Графики зависимости места первой фиксации от 1 – продолжительности обучения, 2 – взаимодействия сложности иероглифа и продолжительности обучения⁹, 3 – взаимодействия места запуска саккады и продолжительности обучения¹⁰

Продолжительность первой фиксации на иероглифе. Средняя продолжительность первой фиксации составила 352 мс (SD = 174) после первого семестра обучения, 322 мс (SD = 159) – после второго, 304 мс (SD = 141) – после третьего, 302 мс (SD = 136) – после четвертого. Продолжительность фиксаций существенно снизилась после второго семестра по сравнению с первым семестром, в дальнейшем наблюдалось незначительное снижение на каждом из этапов (рис. 6.1). Большая визу-

альная сложность иероглифа (рис. 6.2) приводила к увеличению продолжительности первой фиксации ($b = 0,02$, $SE = 0,00$, $t = 7,21$), смещение положения первой фиксации ближе к концу иероглифа (рис. 6.3) также приводило к увеличению продолжительности фиксации ($b = 0,26$, $SE = 0,01$, $t = 28,75$), увеличение расстояния от места запуска саккады до текущей фиксации (рис. 6.4) также приводило к увеличению продолжительности фиксации ($b = 0,20$, $SE = 0,01$, $t = 17,93$).

Рис. 6. Графики зависимости продолжительности первой фиксации от 1 – продолжительности обучения, 2 – взаимодействия сложности иероглифа и продолжительности обучения, 3 – взаимодействия места первой фиксации и продолжительности обучения¹¹, 4 – взаимодействия места запуска саккады и продолжительности обучения.

Продолжительность взгляда на иероглифе. Средняя продолжительность взгляда после первого семестра составила 483 мс (SD = 235), после второго – 403 мс

(SD = 209), после третьего – 379 мс (SD = 196), после четвертого семестра – 353 мс (SD = 184). Студенты продемонстрировали существенное снижение продол-

жительности фиксации на всех этапах исследования (рис. 7, 1). Дополнительно все эффекты, которые обычно влияют на продолжительность фиксации, также оказались статистически значимыми: большая визуальная сложность иероглифа (рис. 7, 2) приводила к большей продолжительности фиксации ($b = 0,03$, $SE = 0,00$, $t = 7,04$), продолжительность фиксации увеличивалась с увеличением расстояния от места предыдущей фиксации ($b = 0,22$, $SE = 0,01$, $t = 18,31$), продолжительность фиксации также снижалась со смещением относительного положения первой фиксации к правому краю иероглифа ($b = -0,08$, $SE = 0,01$, $t = -8,48$). Несмотря на отсутствие статистически значимого различия во взаимодействии между смежными уровнями продолжительности обучения и позицией первой фиксации, наблюдается общая тенденция к уменьшению влияния положения первой фиксации на продолжительность

взгляда с увеличением продолжительности обучения (рис. 7, 3). Представляется, что это связано со снижением количества фиксации при первом проходе с увеличением продолжительности обучения: после первого семестра студенты совершали в среднем 1,34 ($SD = 0,61$) фиксации на каждом иероглифе, после второго – 1,25 ($SD = 0,51$), после третьего – 1,23 ($SD = 0,5$), после четвертого – 1,16 ($SD = 0,41$). Также наблюдается общая тенденция к уменьшению влияния начального положения саккады на продолжительность взгляда: увеличение длины саккад, предшествующих фиксации, приводит к увеличению разницы в продолжительности фиксации у студентов с различной продолжительностью обучения. Напротив, для коротких саккад разница в продолжительности фиксации у студентов после второго, третьего и четвертого семестров не является существенной (рис. 7, 4).

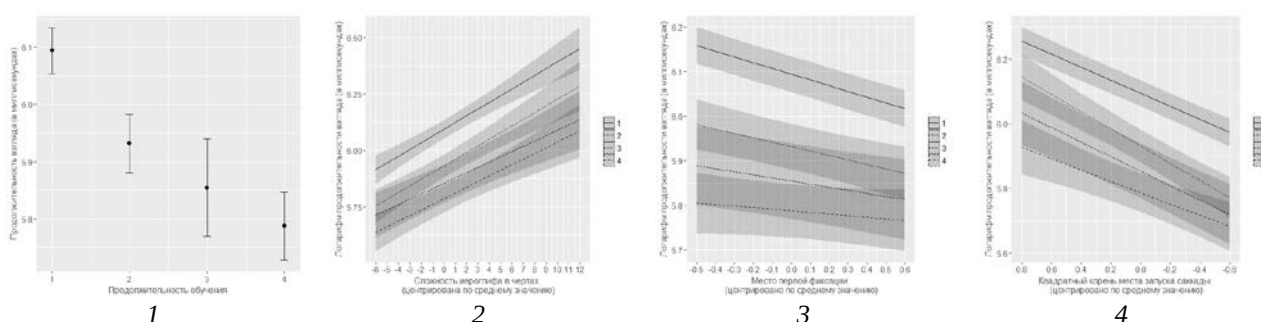

Рис. 7. Графики зависимости продолжительности взгляда от 1 – продолжительности обучения, 2 – взаимодействия сложности иероглифа и продолжительности обучения, 3 – взаимодействия места первой фиксации и продолжительности обучения, 4 – взаимодействия места запуска саккады и продолжительности обучения

Таблица 4

Результаты моделирования продолжительности первой фиксации и продолжительности взгляда

Фактор	Продолжительность первой фиксации				Продолжительность взгляда			
	lmer(log(ffd) ~ term * csc + term * clp + term * cls + csc * clp * cls + (1 subj/visit) + (1 list/sid)) + (1 wid)				lmer(log(gd) ~ term * csc + term * clp + term * cls + csc * clp * cls + (1 subj/visit) + (1 list/sid)) + (1 wid)			
Фактор	Значение	SE	t	p	Значение	SE	t	p
Общее среднее, мс, log	5,73	0,02	315,40	<0,001	5,92	0,02	288,45	<0,001
1 и 2 семестры (12)	-0,10	0,02	-6,29	<0,001	-0,16	0,02	-10,33	<0,001
2 и 3 семестры (23)	-0,07	0,03	-2,11	0,035	-0,08	0,04	-2,16	0,031
3 и 4 семестры (34)	-0,03	0,02	-1,25	0,210	-0,07	0,02	-3,23	0,001
Сложность иероглифа (СИ)	0,02	0,00	7,21	<0,001	0,03	0,00	7,04	<0,001
Место первой фиксации (МПФ)	0,26	0,01	28,75	<0,001	-0,08	0,01	-8,48	<0,001
Место запуска саккады (МЗС)	0,20	0,01	17,93	<0,001	0,22	0,01	18,31	<0,001
12:СИ	0,00	0,00	1,62	0,105	-0,00	0,00	-0,13	0,897
23:СИ	-0,01	0,00	-2,89	0,004	-0,01	0,00	-3,12	0,002
34:СИ	-0,00	0,00	-0,63	0,529	0,00	0,00	0,68	0,494
12:МПФ	0,04	0,02	1,55	0,121	0,03	0,03	1,14	0,256
23:МПФ	-0,16	0,02	-6,96	<0,001	0,03	0,02	1,21	0,227
34:МПФ	0,06	0,03	2,16	0,031	0,03	0,03	1,18	0,239
12:МЗС	0,04	0,03	1,48	0,139	0,06	0,03	2,09	0,037
23:МЗС	-0,05	0,03	-1,86	0,063	-0,04	0,03	-1,41	0,159
34:МЗС	-0,05	0,03	-1,41	0,159	-0,05	0,03	-1,42	0,156
МПФ:МЗС	-0,07	0,04	-1,77	0,076	-0,19	0,04	-4,80	<0,001
СИ:МЗС	-0,00	0,00	-1,06	0,287	0,01	0,00	1,27	0,204
СИ:МПФ	-0,00	0,00	-0,32	0,749	-0,01	0,00	-3,43	0,001
СИ:МПФ:МЗС	0,04	0,01	3,04	0,002	0,00	0,01	0,13	0,895

Вероятность пропуска иероглифа. После первого семестра студенты пропускали 6% иероглифов во время первого прохода чтения, после второго семестра – 7%, после третьего – 9%, после четвертого – 13%. Результаты статистической модели представлены в табл. 5. Для визуально простых иероглифов было зафиксировано приближающееся к статистической значимости повышение вероятности пропуска иероглифа с увеличением продолжительности обучения ($b = 0,95$, $SE = 0,01$, $t = -3,23$). Для визуально сложных иероглифов, однако, веро-

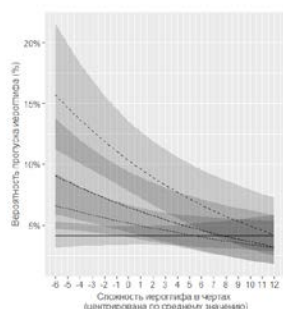

Рис. 8. Графики зависимости вероятности пропуска иероглифа от взаимодействия продолжительности обучения и сложности иероглифа

Частота регрессий при первом проходе. В значениях частоты регрессий можно отметить понижение данного показателя с повышением продолжительности обучения. Частота регрессий после первого семестра составила 18%, после второго – 13%, после третьего – 14%, после четвертого – 8%.

Заключение

Таким образом, результаты исследования продемонстрировали следующие особенности адаптации носителей языков с алфавитной системой письменности к чтению текстов логографической системы письменности на раннем этапе её изучения.

I. В целом, наблюдаются изменения по всем показателям чтения с увеличением продолжительности обучения. Были отмечены изменения как в показателях ранних, так и поздних мер, среди них: постепенное и устойчивое понижение продолжительности первой фиксации и продолжительности взгляда; снижение продолжительности чтения, частоты регрессий и вероятности повторной фиксации; повышение вероятности пропуска иероглифа; смещение позиции первой фиксации ближе к середине иероглифа.

II. Было установлено, что факторы, традиционно влияющие на процесс чтения у носителей китайского языка, оказывают разное влияние на процесс чтения у студентов, находящихся на разных стадиях изучения языка как иностранного:

1) Отмечено различное влияние места запуска саккады на продолжительность взгляда – это выражается в снижении различий в скорости обработки иероглифов для коротких саккад у более опытных студентов (второго, третьего и четвертого семестров), в то время как для длинных саккад отмечается постепенное повышение скорости обработки у студентов всех семестров обучения. Это свидетельствует о том, что

ятность пропуска не отличалась существенно между четырьмя группами (рис. 8).

Вероятность повторной фиксации. После первого семестра студенты возвращались к иероглифам, которые уже были до этого зафиксированы, в 33% случаев, после второго семестра – в 24%, после третьего – в 24%, после четвертого – в 14%. Результаты статистической модели представлены в табл. 5. Показатель вероятности возврата к прежде зафиксированному иероглифу продемонстрировал снижение с увеличением продолжительности обучения (рис. 9).

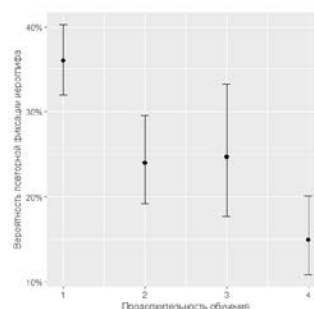

Рис. 9. График зависимости вероятности повторной фиксации на иероглифе от продолжительности обучения

студенты уже на раннем этапе изучения языка могут осуществить частичную обработку иероглифа ещё до того, как зафиксируются на нём, в том случае, если предшествующая фиксация находилась на коротком расстоянии от иероглифа.

2) Аналогичный эффект проявляется во влиянии сложности иероглифа на продолжительность первой фиксации. Простые иероглифы обрабатываются одинаково быстро всеми студентами уже после второго семестра изучения китайского языка, в то время как сложные иероглифы вызывают затруднения как у студентов первого, так и второго семестров. Данное наблюдение может свидетельствовать о трудностях с идентификацией иероглифов, содержащих большее количество черт, на ранних этапах изучения языка. Большое количество визуально сложных иероглифов являются составными; представляется вероятным, что опытные студенты осуществляют идентификацию составных частей иероглифа (и, как результат, всего иероглифа) более эффективно, чем только начавшие обучение студенты.

3) Наконец, взаимодействие продолжительности обучения также отмечено в показателе вероятности пропуска иероглифа – в случае простых иероглифов вероятность пропуска повышается с повышением продолжительности обучения, однако сложные иероглифы пропускаются одинаково редко независимо от продолжительности обучения. Таким образом, вероятно, что визуально сложные иероглифы требуют слишком большого количества ресурсов внимания и не могут быть обработаны до того, как будут зафиксированы в области центрального зрения/

III. В значениях других показателей чтения (продолжительность чтения, вероятность повторной фиксации и частота регрессий) зафиксировано влияние продолжительности обучения без взаимодействия с другими факторами. Данные показатели тесно связа-

ны друг с другом: регрессии и повторные фиксации увеличивают продолжительность чтения. Совместное изменение в данных показателей свидетельствует о повышении эффективности когнитивной обработки языкового материала – опытным студентам требуется меньше времени и попыток, чтобы успешно извлечь и обработать информацию из текста.

IV. В сравнении с характеристиками процесса чтения у носителей языка можно отметить следующее:

1) Продолжительность первой фиксации и продолжительность взгляда на иероглифе оказались существенно выше значений, характерных для носителей китайского языка (260 мс [16]). Это свидетельствует о низкой эффективности процесса чтения на раннем этапе формирования данного навыка в другой системе письменности: читатель может испытывать трудности с распознаванием иероглифа, определением произношения, интеграцией его в пределах слова, словосочетания или предложения.

2) Эффект смещения положения первой фиксации на иероглифе может быть объяснен как на уровне отдельных иероглифов, так и на уровне слов. В обоих случаях это может быть объяснено известным эффектом предпочтительного положения первой фиксации, наблюдаемого в алфавитных системах письменности [12]. У начинающих изучение языка студентов постепенно вырабатывается аналогичная стратегия в отношении китайского: они предпочитают фиксироваться либо на центральной части иероглифа, либо ближе к центру слова¹² – таким образом в область центрального зрения попадает весь иероглиф или целое слово. В любом из этих случаев смещение положения первой фиксации вправо может свидетельствовать об увеличении диапазона зрительного восприятия с увеличением уровня владения языком.

3) У изучающих китайский язык студентов также было зафиксировано влияние эффекта сложности иероглифов, встречающегося у носителей языка: визуально простые иероглифы пропускаются чаще, чем визуально сложные. Это свидетельствует о том, что даже начинающие изучение языка студенты используют информацию из области парафо-вального зрения для выбора места следующей фиксации.

V. В заключение отметим ограничения данного исследования. Одним из них является отсутствие контрольной группы носителей языка. В сравнениях показателей чтения, во-первых, мы ориентировались на результаты других исследований, однако даже в случае привлечения контрольной группы возникает вопрос о возможности сопоставления результатов. Известно, что задача, поставленная перед испытуемым, оказывает значительное влияние на процесс чтения [32]. Для носителей китайского языка экспериментальное задание, используемое в данном исследовании, носит иной характер, чем для носителей русского языка – проверка правильности перевода в таком случае осуществляется не на родном для них языке, а любые изменения в дизайне эксперимента могут привести к ещё большему искажению результатов. Во-вторых, в исследовании приняли участие только студенты первого и второго курсов, однако представляется возможным, что изменение показателей процесса чтения продолжается и после начального периода изучения языка, пусть и в замедленном темпе. Наконец, представляется, что в результатах прослеживается эффект экспериментальной группы, и результаты могут быть уточнены при условии участия одной группы студентов в течение всего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ То есть чтение на втором или иностранном языке.

² Фиксация – это состояние относительно неподвижного положения глаз, во время которого происходит извлечение информации (в данном случае языковой).

³ Саккада – это быстрое, скачкообразное движение глаз, соединяющее две соседние фиксации, во время которой не происходит извлечение новой информации.

⁴ То есть показатель чтения, отражающий начальный, моментальный этап когнитивной обработки языкового материала (например, доступ к фонологической, орфографической или семантической репрезентации слова в ментальном лексиконе читателя), также называется показателем первого прохода [22].

⁵ То есть показатель чтения, отражающий поздний этап когнитивной обработки языкового материала, имеющий место после того, как читатель «покинул» интересующее слово, словосочетание или предложение [22].

⁶ Это основное значение отдельно стоящего иероглифа, в данном случае это первый иероглиф составного слова 星期, «неделя».

⁷ Например, иероглиф 一, «один» содержит одну черту и является визуально простым, в то время как иероглиф 碗, «чашка» содержит тринадцать черт и является визуально сложным.

⁸ Здесь и далее двоеточие обозначает взаимодействие между двумя факторами, а именно указывает, насколько основной эффект одного фактора (в данном случае «сложность иероглифа») отличается на разных уровнях другого фактора (в данном случае «продолжительность обучения»).

⁹ В левой части графика представлены простые иероглифы, в правой – сложные. Числа и линии обозначают различную продолжительность обучения (1–4-й семестры).

¹⁰ В левой части графика представлены длинные саккады, предшествующие первой фиксации на иероглифе, в правой – короткие.

¹¹ Фиксации, находящиеся в левой части графика, приходились на начало иероглифа, в правой части – на конец.

¹² 80% слов, используемых в устной речи, являются двусложными [31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Schroeder S., Hyönä J., Liversedge S.P. Developmental eye-tracking research in reading: Introduction to the special issue Developmental eye-tracking research in reading: Introduction to the special issue // *Journal of Cognitive Psychology*. 2015. Vol. 27, № 5. P. 500–510.
2. Whitford V. Eye Movement Methods to Investigate Bilingual Reading // *Methods in Bilingual Reading Comprehension Research*. 2015. P. 183–211.
3. Blythe H.I., Joseph H.S.S.L. Children's eye movements during reading // *The Oxford Handbook of Eye Movements*. 2011. P. 643–662.

4. Kirkby J.A. et al. Binocular Coordination During Reading and Non-Reading Tasks // *Psychological bulletin*. 2008. Vol. 134, № 5. P. 742–763.
5. Feng G. Orthography and the development of reading processes: An eye-movement study of Chinese and English // *Child development*. 2009. Vol. 80, № 3. P. 720–735.
6. Hyönä J., Olson R.K. Eye fixation patterns among dyslexic and normal readers: Effects of word length and word frequency // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. Vol. 21, № 6. P. 1430–1440.
7. Inhoff A.W., Rayner K. Parafoveal word processing during eye fixations in reading: Effects of word frequency // *Perception & Psychophysics*. 1986. Vol. 40, № 6. P. 431–439.
8. Juhasz B.J., Rayner K. The role of age of acquisition and word frequency in reading: Evidence from eye fixation durations // *Visual Cognition*. 2006. Vol. 13, № 7–8. P. 846–863.
9. Rayner K., Well A.D. Effects of contextual constraint on eye movements in reading: A further examination // *Psychonomic Bulletin & Review*. 1996. Vol. 3, № 4. P. 504–509.
10. Perea M., Acha J. Space information is important for reading // *Vision Research*. 2009. Vol. 49, № 15. P. 1994–2000.
11. Rayner K. Eye movements in Reading and Information Processing: 20 Years of Research // *Psychological Bulletin*. 1998. Vol. 124, № 3. P. 372–422.
12. Vitu F., O'Regan J.K., Mittau M. Optimal landing position in reading isolated words and continuous text // *Perception & Psychophysics*. 1990. Vol. 47, № 6. P. 583–600.
13. Yang H.M., McConkie G.W. Reading Chinese: Some basic eye-movement characteristics // *Reading Chinese script: A cognitive analysis*. 1999. P. 207–222.
14. Yan M. et al. Flexible saccade-target selection in Chinese reading // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2010. Vol. 63, № 4. P. 705–725.
15. Yan G. et al. The effect of word and character frequency on the eye movements of Chinese readers // *British Journal of Psychology*. 2006. Vol. 97, № 2. P. 259–268.
16. Liversedge S.P. et al. The effect of visual complexity and word frequency on eye movements during Chinese reading // *Visual Cognition*. 2014. Vol. 22, № 3–4. P. 441–457.
17. Everson M.E. The effect of word-unit spacing upon the reading strategies of native and non-native readers of Chinese: An eye-tracking study. The Ohio State University, 1986.
18. Shen D. et al. Eye movements of second language learners when reading spaced and unspaced Chinese text // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2012. Vol. 18, № 2. P. 192–202.
19. Wang J. et al. Adult Age Differences in Eye Movements During Reading: The Evidence From Chinese // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2018. Vol. 73, № 4. P. 584–593.
20. Mashanlo T.E. Intercultural written communication: bilingual reading of texts written in alphabetic and logographic writing systems // *Rusin*. 2018. № 51. P. 299–311.
21. Mashanlo T.E. The effect of L2 proficiency on the eye movement measures during L2 reading in Russian-Chinese and Chinese-Russian late bilinguals // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 433. P. 22–30.
22. Juhasz B.J., Pollatsek A. Lexical influences on eye movements in reading // *The Oxford Handbook of Eye Movements*. 2011. P. 873–893.
23. Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals // *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967.
24. R Core Team R: A Language and Environment for Statistical Computing // *R Found. Stat. Comput.* Vienna, Austria, 2017.
25. Четвериков А.А. Линейные модели со смешанными эффектами в когнитивных исследованиях // *Российский когнитивный журнал*. 2015. Т. 1, № 2. С. 41–51.
26. Bates D. et al. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using {lme4} // *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67, № 1. P. 1–48.
27. Gelman A. Analysis of Variance: Why It Is More Important than Ever // *The Annals of Statistics*. 2005. Vol. 33, № 1. P. 1–31.
28. Kuznetsova A. lmerTest: Tests in Linear Mixed Effects Models. 2015. 2 (13).
29. Lüdtke D. sjPlot – Data Visualization for Statistics in Social Science. 2018.
30. Wickham H. ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis. 2009.
31. Hoosain R. Psychological Reality of the Word in Chinese // *Advances in Psychology*. 1992. Vol. 90. P. 111–130.
32. Kaakinen J.K., Hyönä J. Task Effects on Eye Movements During Reading // *Journal of Experimental Psychology: Learning Memory and Cognition*. 2010. Vol. 36, № 6. P. 1561–1566.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2019 г.

Developmental Change in the Reading Measures of Russian Students Learning Chinese: A Longitudinal Eye-Tracking Study
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 40–51.

DOI: 10.17223/15617793/442/5

Timur E. Mashanlo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mashanlote@gmail.com

Keywords: late bilingualism; Chinese; logographic writing system; reading; eye movements; eye-tracking; longitudinal study.

The aim of the current study is to investigate the development of reading skill of Russian learners of Chinese at an early stage of language learning. In order to do so, the author set up a longitudinal study in which students' reading performance was monitored at different points of the instruction process. Four lists, each consisting of 120 Chinese sentences, were created for the study. The length of the sentences varied from 7 to 19 characters. Sentences differed in difficulty so that learners could read challenging sentences at every stage of their language learning. 27 first-year students and 20 second-year students participated in the first stage of the longitudinal study that took place during the winter break, 26 first-year students and 13 second-year students participated in the second stage that took place during the summer break. Participants silently read Chinese sentences while their eye movements were recorded using an Eyelink 1000 Plus eye-tracking system with a sampling rate of 1000 Hz. Each sentence was followed by a translation verification task: participants were asked to check if the Russian translation of the Chinese sentence was correct. An additional Chinese sentence that read 'Please read the next sentence' was inserted after the verification task to mitigate the possible unwanted effect of switching between reading in two different writing systems. The resulting data were analyzed using a linear mixed models approach. Results indicate that there is some developmental change in both early and late reading measures. First-pass sentence reading time, first fixation duration, gaze duration, regression rate, and probability of refixation on a character decreased as duration of instruction increased, while probability of skipping a character increased. The initial landing position on the character shifted towards the middle of the character in more proficient students. Additionally, the author found evidence for interaction between duration of instruction and some predictors of reading performance: more experienced students skipped visually simple characters more often than less experienced students; however, there was no difference in skip probability for visually complex characters. There was an interaction be-

tween character complexity and duration of instruction on first fixation duration: first fixation duration on visually simple characters was similar for students after two terms of instruction, while first fixation duration on visually complex characters showed only gradual improvement. There was also a similar interaction between launch site and duration of instruction on first fixation duration: durations were similar for students after two terms of instruction for short launch sites, while there was gradual improvement for long launch sites.

REFERENCES

- Schroeder, S., Hyönä, J. & Liversedge, S.P. (2015) Developmental eye-tracking research in reading : Introduction to the special issue Developmental eye-tracking research in reading : Introduction to the special issue. *Journal of Cognitive Psychology*. 27 (5). pp. 500–510.
- Whitford, V. (2015) Eye Movement Methods to Investigate Bilingual Reading. In: Heredia, R.R., Altarriba, J. & Cieślacka, A.B. (eds) *Methods in Bilingual Reading Comprehension Research*. Springer.
- Blythe, H.I. & Joseph, H.S.S.L. (2011) Children's eye movements during reading. In: Liversedge, S.P., Gilchrist, I. & Everling, S. (eds) *The Oxford Handbook of Eye Movements*. Oxford: Oxford University Press.
- Kirkby, J.A. et al. (2008) Binocular Coordination During Reading and Non-Reading Tasks. *Psychological Bulletin*. 134 (5). pp. 742–763.
- Feng, G. (2009) Orthography and the development of reading processes: An eye-movement study of Chinese and English. *Child Development*. 80 (3). pp. 720–735. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2009.01293.x
- Hyönä, J. & Olson, R.K. (1995) Eye fixation patterns among dyslexic and normal readers: Effects of word length and word frequency. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 21 (6). pp. 1430–1440.
- Inhoff, A.W. & Rayner, K. (1986) Parafoveal word processing during eye fixations in reading: Effects of word frequency. *Perception & Psychophysics*. Vol. 40 (6). pp. 431–439.
- Juhasz, B.J. & Rayner, K. (2006) The role of age of acquisition and word frequency in reading: Evidence from eye fixation durations. *Visual Cognition*. 13 (7–8). pp. 846–863.
- Rayner, K. & Well, A.D. (1996) Effects of contextual constraint on eye movements in reading: A further examination. *Psychonomic Bulletin & Review*. 3 (4). pp. 504–509.
- Perea, M. & Acha, J. (2009) Space information is important for reading. *Vision Research*. 49 (15). pp. 1994–2000. DOI: 10.1016/j.visres.2009.05.009
- Rayner, K. (1998) Eye movements in Reading and Information Processing: 20 Years of Research. *Psychological Bulletin*. 124 (3). pp. 372–422.
- Vitu, F., O'Regan, J.K. & Mittau, M. (1990) Optimal landing position in reading isolated words and continuous text. *Perception & Psychophysics*. 47 (6). pp. 583–600.
- Yang, H.M. & McConkie, G.W. (1999) Reading Chinese: Some basic eye-movement characteristics. In: Inhoff, A.W. & Radach, R. (eds) *Reading Chinese script: A cognitive analysis*. Routledge.
- Yan, M. et al. (2010) Flexible saccade-target selection in Chinese reading. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 63 (4). pp. 705–725. DOI: 10.1080/17470210903114858
- Yan, G. et al. (2006) The effect of word and character frequency on the eye movements of Chinese readers. *British Journal of Psychology*. 97 (2). pp. 259–268. DOI: 10.1348/000712605X70066
- Liversedge, S.P. et al. (2014) The effect of visual complexity and word frequency on eye movements during Chinese reading eye movements during Chinese reading. *Visual Cognition*. 22 (3–4). pp. 441–457. DOI: 10.1080/13506285.2014.889260
- Everson, M.E. (1986) *The effect of word-unit spacing upon the reading strategies of native and non-native readers of Chinese: An eye-tracking study*. The Ohio State University.
- Shen, D. et al. (2012) Eye movements of second language learners when reading spaced and unspaced Chinese text. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 18 (2). pp. 192–202.
- Wang, J. et al. (2018) Adult Age Differences in Eye Movements During Reading : The Evidence From Chinese. *The Journals of Gerontology: Series B*. 73 (4). pp. 584–593.
- Mashanlo, T.E. (2018) Intercultural written communication: bilingual reading of texts written in alphabetic and logographic writing systems. *Rusin*. 51. pp. 299–311. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/19
- Mashanlo, T.E. (2018) The effect of L2 proficiency on the eye movement measures during L2 reading in Russian-Chinese and Chinese-Russian late bilinguals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 22–30. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/3
- Juhasz, B.J. & Pollatsek, A. (2011) Lexical influences on eye movements in reading. In: Liversedge, S.P., Gilchrist, I. & Everling, S. (eds) *The Oxford Handbook of Eye Movements*. Oxford: Oxford University Press.
- Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals. *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007/067)
- R Core Team. (2017) *R: A language and environment for statistical computing*. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing.
- Chetverikov, A.A. (2015) Linear Mixed Effects Regression in Cognitive Studies. *Rossiyskiy kognitivnyy zhurnal – Russian Journal of Cognitive Science*. 1 (2). pp. 41–51. (In Russian).
- Bates, D. et al. (2015) Fitting Linear Mixed-Effects Models Using {lme4}. *Journal of Statistical Software*. 67 (1). pp. 1–48. DOI: 10.18637/jss.v067.i01
- Gelman, A. (2005) Analysis of Variance: Why It Is More Important than Ever. *The Annals of Statistics*. 33 (1). pp. 1–31.
- Kuznetsova, A., Brockhoff, P.B. & Christensen, R.H.B. (2015) lmerTest: Tests in Linear Mixed Effects Models. *Journal of Statistical Software*. 2(13). DOI: 10.18637/jss.v082.i13
- Lüdtke, D. (2018) *sjPlot – Data Visualization for Statistics in Social Science*. DOI: 10.5281/zenodo.1308157
- Wickham, H. (2009) *ggplot2: Elegant Graphics for Data Analysis*. Springer.
- Hoosain, R. (1992) Psychological Reality of the Word in Chinese. *Advances in Psychology*. 90. pp. 111–130.
- Kaakinen, J.K. & Hyönä, J. (2010) Task Effects on Eye Movements During Reading. *Journal of Experimental Psychology: Learning Memory and Cognition*. 36 (6). pp. 1561–1566. DOI: 10.1037/a0020693

Received: 08 May 2019

И.А. Поплавская, Н.Р. Эфендиева

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ XIX–XXI вв. (ДЖ. БАЗИЛЕ, К. ГОЦЦИ, К. КОЛЛОДИ, ДЖ. РОДАРИ)

Рассматриваются итальянские литературные сказки К. Гоцци, К. Коллоди, Дж. Родари в русской критической рецепции XIX–XX вв. Особое внимание уделяется первому в европейской литературе собранию подлинно народных сказок «Пентамерон, или Сказка сказок» создателя итальянской литературной сказки Дж. Базиле. Анализируются русско-итальянские и итало-русские взаимосвязи на основе критической рецепции итальянской литературной сказки.

Ключевые слова: детская литература; Гоцци; Коллоди; Родари; итальянская литературная сказка; русско-итальянские литературные связи.

Литературная сказка, как известно, занимает важное место в круге детского чтения. Характерная особенность литературы для детей видится в особой «двойной» позиции автора по отношению к герою: это позиция «взрослого», становящегося «ребенком». Благодаря ей автор как бы балансирует между общим эстетическим заданием и основным принципом изображения «детского» сознания – принципом «вживания в детство» [1. С. 12].

В истории русской переводной литературы XIX–XX вв. важная роль отводится итальянской литературной сказке. Фольклорная и литературная сказка как самостоятельный жанр появляется в Италии в середине XVI в., когда итальянский язык постепенно вытесняет латынь и начинает восприниматься в качестве литературного языка. У истоков итальянской сказки стоит имя писателя Джованни Франческо Страпаролы (1480–1557), который в известном сборнике новелл «Прекрасные ночи» впервые вводит в новеллу «сказочную стихию» и, по мнению Е.М. Мелетинского, выступает в своем творчестве предшественником известного писателя-сказочника Джамбаттисты Базиле [2. С. 118].

Исключительная роль в становлении итальянской литературной сказки принадлежит неаполитанцу Джамбаттисте Базиле (1566–1632) и его сборнику «Сказка сказок», влияние которого в той или иной мере испытали на себе все большие писатели-сказочники Европы. Опосредованное же влияние книги Базиле, как считает П. Епифанов, можно обнаружить, например, и в сказках Пушкина, и в «Коньке-Горбунке» Ершова, и даже в «Уральских сказах» Бажова [3. С. 9]. Этот писатель, мимо которого прошли самые проникательные литературоведы XVIII и XIX столетий, был не только одним из самых замечательных, но также и одним из самых показательных прозаиков века барокко и классицизма [4. С. 183]. В первом издании книга Базиле называлась «Сказка сказок, или Забава для малых ребят» («Lo cunto de li cunti overo lo trattenemiento de' reserierelle»). Она вышла из печати уже после смерти автора в 1634–1636 гг., в пяти томах, под псевдонимом-анаграммой Джан Алессиньо Аббаттутис. В XX в. итальянский философ и историк литературы Бенедетто Кроче (1866–1952) перевел сборник сказок Базиле с неаполитанского диалекта на современный итальянский язык.

Заглавие «Пентамерон» («Пятидневник») было дано сборнику сказок Б. Кроче.

Сборник Базиле включает в себя 50 прозаических новелл-сказок, которые завершаются девятью эклогами, получившими название «Неаполитанские музы». Книга разбита на пять дней по десять новелл в каждом – по одной новелле, рассказанной десятью рассказчицами в течение пяти дней. Всего их пятьдесят плюс одна сквозная сказка, являющаяся обрамлением всего сборника [5. С. 57]. До «Пентамерона» таких сборников сказок в европейской литературе не было, перед нами подлинно новаторское произведение.

Обобщающих исследований, посвященных разным аспектам творчества Базиле, в отечественном литературоведении на сегодняшний день нет. По словам известного историка итальянской литературы И.Н. Голенищева-Кутузова, в этом сборнике сказок Базиле в полной мере обнаруживает способность «преображать и поэтизировать быт», в нем соединяются народная сказочная традиция, городской говор Неаполя, неизвестные официальной литературе сюжеты и яркий индивидуальный стиль писателя итальянского барокко. При этом одна из важнейших эстетических особенностей «Пентамерона» видится в умелом соединении трагического и комического, иронии и чувствительности, насмешливости и фамильярности [Там же. С. 57–58].

До русского читателя сказки Базиле дошли через итальянского писателя Итало Кальвино (1923–1985). Его сборник «Итальянские сказки» («Fiabe Italiane») (1956), который включал в себя 200 произведений, стал выдающимся вкладом в сохранение итальянской национальной традиции в жанре сказки. Вошли в него и сказки Базиле. Впервые сказки Базиле перевел с неаполитанского диалекта на русский язык Петр Епифанов. Три сказки Базиле: «Сказка про орка», «Миртовая ветка», «Перуонто» в переводе Епифанова были опубликованы в журнале «Иностранная литература» за 2012, № 8, в разделе «Литературное наследие» [6]. Полное же собрание сказок Базиле в переводе и с предисловием Епифанова было выпущено в издательстве Ивана Лимбаха в 2015 г. [7].

Восприятие русской литературой XIX–XX вв. итальянской детской литературы заслуживает особого внимания. Именно в этот период итальянская литературная сказка активно входит в культурную жизнь российских и советских читателей. Итальянский

национальный мирозобраз достаточно ярко представлен, в частности, в сказках Джамбаттиста Базиле, Карло Гоцци, Карло Коллоди и Джанни Родари. Важнейшей его составляющей является интерес к быту. Он становится по существу главным в творчестве итальянских сказочников. Так, например, по замечанию П. Епифанова, «Сказка сказок» Базиле «является богатейшим источником по южно-итальянскому быту начала XVII в. По ней можно составить объемистую коллекцию пословиц и поговорок, список танцев <...> каталог детских и карточных игр, словарь городского и солдатского сленга и ругательств». Все это вводит современного читателя как в материальную культуру юга Италии, так и «в общественные отношения, в повседневную жизнь всех слоев общества – от высшей знати до последней бедноты» [3. С. 13–14]. Социальная среда представлена в итальянских сказках через изображение жизни разных слоев общества, через описание крестьянского быта, который дополняется рассказом о разных видах трудовой деятельности и различных ремеслах. Единство фантастического, социального и бытового начал во многом определяет эстетическую природу и итальянской литературной сказки, и отраженной в ней национальной художественной картины мира.

Перейдем к творчеству Гоцци (1720–1806). Он известен прежде всего как создатель неповторимого жанра театральной сказки – фьябы. В период с 1861 по 1865 г. Гоцци написал свыше двадцати театральных пьес, в том числе десять сказок-фьяб, среди которых «Любовь к трем апельсинам», «Ворон», сюжет которых был заимствован автором из «Пентамерона» Базиле, «Король-олень», «Турандот» и др.

Интерес к творчеству Гоцци в России XIX в. совпал с потребностями и исканиями русской литературы этого времени. Именно через рецепцию творчества Гоцци в отечественную литературу входит эстетика комедии дель арте. Своеобразным «проводником» драматургии Гоцци в русскую литературу становится А.Н. Островский. Известно, что Островский перевел фрагмент пьесы Гоцци «Женщина, истинно любящая», отрывок из его «Чистосердечного рассуждения и подлинной истории происхождения моих десяти театральных сказок», оставил пометы при чтении театральной сказки «Король-Олень». По мнению современных исследователей, «эстетический принцип К. Гоцци, при котором возрождение комедии масок, сохранявшей фольклорные основы, сочеталось с воссозданием театральной сказки, проникнутой современными идеями, для Островского был необычайно важен» [8. С. 13–14, 17]. Влияние принципов театра Гоцци исследователи видят в сказке Островского «Иван-царевич», оставшейся незавершенной, в его «весенней сказке» «Снегурочка», в пьесе «Поздняя любовь».

Спустя почти 50 лет после смерти Островского в 1933 г. журнал «Театр и драматургия» публикует работу Н.П. Кашина «Островский и итальянцы», освещающую вопрос о влиянии творчества Гоцци на русского драматурга. В ней исследователь сопоставляет пьесу Гоцци «Женщина, истинно любящая» и пьесу Островского «Поздняя любовь». Автор выделяет ос-

новные особенности творчества Гоцци в восприятии Островского, которые связаны с художественной обрисовкой характера «истинно любящей женщины» и с ироническим описанием бытовой реальности [9. С. 29].

В 1974 г. А.Л. Штейн в своем труде «Островский и мировая драматургия» обращается к изучению итальянской темы в творчестве русского драматурга. Эта проблема позволила раскрыть идейное и эстетическое влияние итальянской литературы на художественное сознание Островского, в результате чего происходило активное вхождение «чужой» литературы в круг культурных интересов русской литературы. Исследователь отмечал: «Интерес к Гоцци был связан у Островского прежде всего с мыслью о том, что в театре, кроме изображения реальной жизни, нужно чудесное и фантастическое» [10. С. 53]. Л.М. Лотман во вступительной статье к оставшейся незавершенной сказке «Иван-царевич» Островского также указывает на следы влияния Гоцци. Оно сказалось главным образом в общей концепции фантастики, а также в сочетании фантастического элемента с реальным, в сочетании сатирической традиции русской народной сказки с итальянской «народно-импровизационной комедией» [11. С. 339]. Итак, можно сказать, что Островский одним из первых вводит творчество итальянского писателя в контекст национальной литературы и культуры второй половины XIX в.

В XX в. в атмосфере бурных эстетических новаций эпохи Серебряного века наблюдается новый этап в восприятии творчества Гоцци в России, и связан он прежде всего с русским театральным искусством. Один из самых ярких представителей этого периода режиссер В.Э. Мейерхольд (1874–1940) в своих поисках новых театральных форм и принципов чистой театральности обратился к комедии дель арте, что, естественно, повлекло за собой и интерес к фьябам Гоцци [12]. Переводы на русский язык драматургических фьяб Гоцци, статьи о его творчестве и о постановках его пьес на русской сцене впервые появляются в журнале Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам».

Этот журнал, как известно, был посвящен театру и литературе и издавался в Санкт-Петербурге – Петрограде в период с 1914 по 1916 г. Организатором и главным редактором являлся Мейерхольд, который выступал в нем под псевдонимом «Доктор Дапертутто», взятым из новеллы Э.Т.А. Гофмана «Приключения в ночь под Новый год». В журнале особое внимание уделялось творчеству Гоцци. Почти в каждом его номере помещались материалы, связанные или с творчеством итальянского драматурга, или с эстетикой комедии дель арте. Так, в № 1 за 1914 г. была опубликована пьеса под названием «Любовь к трем апельсинам». Дивертисмент. Двенадцать сцен, пролог, эпилог и три интермедии», сочиненная совместно поэтом К.А. Вогаком (1887–1938), Мейерхольдом и театральным режиссером, и педагогом В.Н. Соловьевым (1887–1941) по сценарию Гоцци «Рефлексивный разбор сказки «Любовь к трем апельсинам». В № 3 за 1914 г. было опубликовано полемическое «Открытое письмо авторов дивертисмента «Любовь к трем апельсинам», адресованное театральному критику

А.А. Гвоздеву (1887–1939), написавшему отзыв об этом произведении. В нем создатели данной пьесы называют ее не переводом одноименной сказки Гоцци, а переработкой. Основные эстетические цели видятся им в сохранении «живописных традиций итальянской комедии масок» и в одновременном создании «преувеличенной пародии» на нее, в отказе от полемического элемента Гоцци и сознательном противопоставлении «импровизированной комедии писанной, театра масок театру характеров» [13. С. 86–88].

В том же № 1 и в пяти других выпусках журнала за 1914–1915 гг. печатаются материалы В.Н. Соловьева «К истории сценической техники *commedia dell'arte*» (1914, № 2, 3, 4–5, 6–7, 1915, № 1–3), адресованные актерам театральной студии Мейерхольда. В них, в частности, говорится о том, что «одним из возможных методов изучения “*commedia dell'arte*” следует считать <...> “сценический”, сущность которого заключается “в воссоздании и реконструкции” “театра масок”, в выработке традиционных, условно-театральных мизансцен, а затем “оживлении” их словами, “сочиненными не заранее, а тут же во время хода, в момент напряженного действия. Определение момента напряжения в действии есть постижение тайны импровизации” [14. С. 12–13]. В другой лекции В.Н. Соловьев говорит о том, что «весь секрет искусства импровизации итальянских актеров заключался в умении различать отдельные части спектакля и в знании тех “шутки, свойственных и приличных театру”, с помощью которых схематический остов сценария превращался в пышный и благоуханный цветок театральности» [15. С. 70].

Также в журнале были опубликованы «Чистосердечное рассуждение и подлинная история моих десяти театральных сказок» Гоцци (1914, № 4–5, № 6–7) в переводе К.А. Вогака и его пьеса «Женщина-змея» (1916, № 2–3) в переводе известного театроведа и издателя Я. Н. Блоха (1892–1968). Кроме того, в журнале были помещены и театральные рецензии на постановки пьес Гоцци в России. Например, в статье В.Н. Соловьева под названием «Турандот» графа Карло Гоцци на русской сцене» анализируется пьеса «Принцесса Турандот», переведенная на русский язык А. Вознесенским с немецкого перевода Шиллера, у которого «ироническая улыбка Гоцци» оказалась замененной «психологической мотивацией», в результате чего «театр чудес Гоцци» был принесен немецким драматургом в жертву «жизненности и поэзии» [16. С. 47]. Постановка пьесы Гоцци режиссером К.Н. Незлобиным (1857–1930) в его театре в Петербурге была выполнена «в манере преувеличенной пародии», а неудачная игра актеров находилась «в тесной связи с шиллеровским взглядом на пьесу Гоцци». [Там же. С. 48–49]. «Счастливым исключением» кажется критику игра актера Крамова, исполнявшего роль Альтоума в «манере гротеска и с хорошо подчеркнутой двойственностью. Как только публика начинала сживаться с образом богдыхана как с лицом, реально существующим, так тотчас актер Крамов неуловимым смешком или острым кивком в зрительный зал напоминал зрителю, что надо иметь дело с актером, играющим богдыхана, а не с богдыханом самим, которого нет» [16. С. 49].

Одновременно с этим в русской театральной и сценической культуре первых десятилетий XX в. возникает интерес к эксперименту с использованием сценических приемов комедии дель арте, в частности, масочной игры и импровизации. Так, например, в статье К.А. Вогака «О театральных масках» говорится о том, что «в очаровательных театральных сказках Гоцци <...> маски создают как бы неподвижный и знакомый фон, на котором мелькают и движутся прочие создания его фантазии – даже карикатуры на современников, даже звери» [17. С. 13]. В этом же номере журнала была опубликована статья режиссера и историка театра К.М. Миклашевского (1885–1943) под названием «Основные типы в “*commedia dell'arte*”». Автор среди основных персонажей итальянской комедии выделяет двух стариков – Панталоне и Доктора и двух слуг – Zanni. Он пишет: «Эти “маски” (в особенности “Zanni”) были столпами, на которых покоился успех и залог популярности итальянской комедии». В примечании он поясняет: «...1-й Zanni являлся носителем динамического комизма, а 2-й Zanni представлял комизм статический. Традиционное соединение ловкача и простака, взаимно друг друга дополнявших и выделявших, было одною из самых мудрых черт итальянской комедии» [18. С. 73].

Также необходимо остановиться на рассмотрении в этом журнале основных положений статьи Я.Н. Блоха под названием «*Commedia dell'arte* в новом энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона». В ней, отмечая недостаточную компетентность автора статьи о *commedia dell'arte*, помещенной в данном словаре, Блох говорит об ее «немеркнувшей славе во всей Европе». Отличительную ее особенность он видит в том, что в ней «театральность быть может в первый и единственный раз сумела эмансипироваться от литературы», отсюда перед зрителем возникает «театр в его чистом виде – театр как таковой» [19. С. 81]. На протяжении всей своей истории *commedia dell'arte* базировалась «почти исключительно на искусстве представления, притом в плане преувеличенной пародии», и если народная комедия Италии получает свое логическое завершение в бытовом театре Гольдони, то *commedia dell'arte*, по словам критика, «приводит нас в своей постепенной эволюции к драматическим сказкам Гоцци» [Там же. С. 83]. В 1915 г. в журнале «Любовь к трем апельсинам» была опубликована статья известного литературного и театрального критика Д.В. Filosofova (1872–1940) под названием «Принцесса Брамбилла». В ней речь шла об увлечении в России в это время творчеством Э.Т.А. Гофмана и опосредованно через него комедией дель арте. Говоря о студии Мейерхольда, автор с подчеркнутой иронией писал: «“Комедия дель арте” – таков идеал этой школы, граф Карло Гоцци – ее кумир. <...> Через Гофмана полюбили графа Гоцци и сегодняшние участники “студии”. Сам Гоцци был, в известном смысле, Фирс из “Вишневого сада”. <...> Он восстанавливал “комедию дель арте”, реставрировал “народное искусство” <...> Но, Боже, до чего печально, когда эту реставрацию “в кубе” преподносят как новое, молодое течение в театре!» [20. С. 192].

Своеобразным завершением «сюжета» о Гоцци в журнале доктора Дапертутто может служить статья тогда молодого литературоведа В.М. Жирмунского «Карло Гоцци – политик или художник? (По поводу статьи А.А. Гвоздева “Общественная сатира Карло Гоцци”))». В ней, полемизируя с позицией этого театрального критика и историка западноевропейского театра, Жирмунский утверждает, что «для нас граф Карло Гоцци – не консерватор-аристократ, в своем подполье бессильно злобствующий на новую, торжествующую жизнь, а один из отдаленных предшественников романтизма в самый неромантический век, в век рационализма, и в этом мы видим его историческое значение» [21. С. 131].

Итак, интерес к фьябам Гоцци в России как возможности манифестации «чистой театральности» на сцене, воссоздание театра масок с одновременной пародией на него, стихия импровизационности, синтез фантастического и бытового начал, демонстрация разных типов комического, восприятие творчества драматурга как предшественника западноевропейского романтизма – таковы основные тенденции в рецепции произведений итальянского драматурга в журнале «Любовь к трем апельсинам».

Сказки Гоцци в русской рецепции эпохи Серебряного века связаны с представлением о превосходстве эстетического видения над изображением бытовой жизни. Примером может служить фьяба «Принцесса Турандот» (1762). Она значительно отличается от остальных сказок Гоцци тем, что автор освободил ее от волшебников и превращений. Маски здесь играют незначительную роль [22. С. 235].

Важнейшим событием в культурной жизни Советской России 1920-х гг. стала постановка Е.Б. Вахтанговым спектакля «Принцесса Турандот» в 1922 г. Режиссер поставил «Турандот» как ироническую сказку, в которой актеры играли не самих героев, а актеров венецианской театральной труппы, разыгрывающих «Принцессу Турандот» [23]. Критик Б.Е. Гусман писал о постановке Вахтангова: «Трогательная сказка Карло Гоцци о принце Калафе, добывающемся любви капризной принцессы Турандот, такая наивная и вместе с тем такая глубокая в своих вечных символах, вся трепетала современностью на изломанной сценической площадке. Стиль постановки – гротескный неореализм» [24. С. 508].

Итак, по верному замечанию Н.Б. Томашевского, любая импровизированная комедия, и прежде всего комедия Гоцци, – это всегда «театр в театре». В театрализованной сказке итальянского драматурга, которая своими корнями уходит в волшебную сказку и комедию дель арте, усматриваются «огромные возможности для контрастного совмещения сказочного, реально-бытового и буффонного элементов. В фьябах Гоцци «даже история дается в сказочном растворе. В них все рождается и умирает в атмосфере чуда» [25. С. 16, 21, 27]. Как видим, соотношение в театральной сказке Гоцци реального и фантастического начал, присущий ей интерес к быту, стихия импровизации, пародийные стратегии, обращение к аллегории, языковая игра – все это в той или иной мере было унаследовано другими итальянскими писателями,

обращавшимися к жанру сказки.

Один из них – Карло Коллоди (настоящее имя Карло Лоренцини) (1826–1890), основоположник итальянской детской литературы. Коллоди написал одну из самых известных книг для детей – «Приключения Пиноккио. История одного буратино» («Le avventure di Pinocchio. Storia d'un burattino»). Сказка печаталась в «Газете для детей» («Giornale per i bambini») в период с 1881 по 1883 г., а в 1883 г. вышла отдельным изданием. Данная книга относится к категории «Bildungsgroman» (роман становления человека), получившей широкое распространение в литературе немецкого Просвещения. В этой связи не случайно Е.М. Мелетинский говорит о том, что «биографизм» сказки (рассказ о становлении героя) «...» скорее приближает сказку к роману (особенно рыцарскому), чем к новелле» [2. С. 6].

Оригинальность сказки Коллоди заключается в том, что в ней автор соединяет фантастику с изображением современной социальной действительности, с ее сатирическим осмыслением. Впервые российские читатели познакомились с «Приключениями Пиноккио» в 1895 г. в коллективном сборнике под редакцией С. Молчанова «Для легкого чтения: Сборник юмористических повестей и рассказов» [26. С. 259]. Далее, в 1906 г., в журнале «Задушевное слово» (№ 1. С. 14–16) был опубликован перевод этой сказки под названием «Приключения деревянного мальчика. Повесть для детей К. Коллоди. – Перевод с 15-го итальянского издания Камилла Данини», в этом же году вышел перевод С.Е. Павловского «Приключения Фисташки: Жизнеописание петрушки-марионетки». В 1908 г. появилась переработанная версия этой повести под редакцией С.И. Ярославцева «Пиноккио. Приключения деревянного мальчика», и одновременно был напечатан перевод анонимного автора О.Х. под названием «Приключения паяца». В 1913 г. в приложении к журналу «Мирок» (1912. № 11) были изданы «Приключения Фисташки: Жизнеописание петрушки-марионетки» в переводе С.Е. Павловского [27]. В 1914 г. вышел еще один перевод сказки Коллоди без указания имени переводчика под названием «История куклы, или Приключения Пиноккио: Рассказ для детей». Полный же перевод сказки на русский язык был выполнен Э.Г. Казакевичем в 1959 г. Переводы этой сказки Коллоди стали неотъемлемой частью истории русской переводной литературы и культуры XX в.

«Приключения Пиноккио» Коллоди являются сказкой, исключительно значимой для русской детской литературы. Как известно, к ее сюжету обратился А.Н. Толстой при создании своей знаменитой сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино», сыгравшей важную роль в развитии итало-русских взаимосвязей. Первое знакомство А. Толстого с итальянской сказкой относится к 1924 г., когда в Берлине на русском языке вышла книга «Приключения Пиноккио. История одной марионетки», перевод с итальянского был сделан Н. Петровской под редакцией А. Толстого. Это свидетельствует о том, что между итальянским оригиналом Коллоди и классическим произведением русской советской литературы для детей А. Толстого следует поместить текст, создан-

ный посредником-переводчиком. А. Толстой, по-видимому, хотел поначалу лишь отредактировать перевод «Пиноккио», выполненный Петровской, но такое редактирование переросло в дискуссию. В результате позднее появился уже не отредактированный перевод, а художественная переделка [28. С. 92]. Первые шесть глав «Золотого ключика» можно назвать вольным пересказом сюжета «Приключений Пиноккио» Коллоди, но встреча Буратино с Карабасом Барабасом меняет в дальнейшем весь строй повествования. Адаптация для советских детей А. Толстым одного из наиболее востребованных сюжетов мировой литературы «Приключения Пиноккио» подсказала один из возможных путей создания советской детской литературы. В 1930-е гг. Пиноккио становится прообразом одного из самых любимых героев русской литературы советского периода – Буратино [29. С. 158], сам же Буратино воспринимается как культурный архетип, воздействие которого выходит за пределы советской эпохи [30. С. 126], становится одной из констант русской культуры [31. С. 699].

Сказка Коллоди «Приключения Пиноккио» входит в круг детского чтения наравне со сказкой А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». В свою очередь, сказка Толстого была переведена на итальянский язык Луиджи Гардзоне в 1984 г. Это очень интересный пример взаимообмена в процессе переводческой деятельности, когда итальянская сказка выступает в качестве основы для создания произведения на русском языке, а это последнее, в свою очередь, переводится на итальянский язык.

В 1936 г. в журнале «Детская литература» выходит рецензия Н. Константинова под названием «Приключения Пиноккио», в которой автор пишет о влиянии этой книги на писателей и читателей. Он говорит: «Все писатели были некогда детьми, и книга о Пиноккио вошла в их жизнь в числе первых впечатлений. История одной марионетки стала главным мифом детства многих поколений» [32. С. 64]. Характеризуя творчество Коллоди, Н. Константинов делает интересное наблюдение. Он видит главную особенность творчества Коллоди в умении передать чувства и переживания главного героя.

Э.Г. Казакевич в своем предисловии к переводу «Пиноккио» (1959) выделил несколько проблем. Одна из них касается генеалогии образа Пиноккио, его связи с кукольным театром и театром масок Италии. Казакевич пишет: «То, что образ Пиноккио возник именно в Италии, вполне естественно. Италия – родина кукольного театра и театра масок <...> Родина знаменитых авторов комедий Карло Гоцци и Карло Гольдони. <...> Маски итальянского кукольного театра уходят корнями в богатейшую культурную почву Рима и Италии» [33]. Другая проблема касается сравнения сказки Коллоди и «Золотого ключика» А. Толстого, названного Казакевичем вольным переложением. «Кто читал книжку “Золотой ключик”, – пишет он, – пусть прочтет “Пиноккио”. Знающий копию да познакомится с оригиналом. Впрочем, А. Толстой только отталкивался от Коллоди, “Пиноккио” был как бы только поводом для “Золотого ключика”. Это две разные книги. “Буратино” Колло-

ди, по сути дела, ничем не похож на “буратино” Толстого» [33]. Наконец, важнейшая черта жанра «фантастической сказки» Коллоди видится переводчику «в реализме обрисовки человеческих характеров», соединенном с «простонародным итальянским юмором», с «бьющим через край воображением», с «могучей уверенностью в победе добра над злом», в «действенном, активном гуманизме», позволяющими понять, «какими путями из вздорного буратино получился настоящий человек» [Там же].

Отклики современных исследователей на сказку Коллоди присутствуют в основном в статьях, посвященных «Золотому ключику» А. Толстого. Так М.А. Чернышева, сравнивая сказку итальянского писателя и «Золотой ключик» А. Толстого, говорит о том, что важная для «Пиноккио» антитеза куклы и человека, игры и жизни снимается у А. Толстого, для которого «кукла и есть человек, игра и есть жизнь» [34. С. 117]. Отсюда «марионеточность у Толстого полностью лишается трагизма: если жизнь – театр, то это самое подходящее место для игры <...> того, к чему более всего приспособлен Буратино» [30. С. 129]. Е.Д. Толстая указывает на связь образа Пиноккио с персонажами итальянской комедии дель арте. Пиноккио, чье имя означает «орешек огромной шишки пинии – итальянской сосны», воспринимается одновременно и как «эхо имени известной маски», связанной с едой. Пиноккио вместе с другим персонажем театра масок Финоккио, что означает «анис», «анисовый корень», «бело-зеленая луковица», «салатный овощ», представляют варианты «второго из двух комических слуг, дзанни. Если первый слуга, Бригелла или Скапино, это энергичный, активный динамичный плут, то второй слуга представляет из себя плута скорее деревенского и неотесанного» [35. С. 30]. Акцентируя внимание на сюжете превращения Пиноккио в мальчика, автор статьи отмечает, что герой может сбросить «внешнего человека» только тогда, когда он обеспечивает чудесное спасение обоих своих названных родителей: чтобы вочеловечиться, стать «сыном человеческим», он должен их как бы сам себе «родить». Ведет его сквозь все пагубы любовь», любовь к Фее и к его отцу Джеппетто. В этом главное отличие героя Коллоди от Буратино А. Толстого, который живет «в мире безлюбья» [Там же. С. 30–31].

Ю.С. Степанов отмечает в сказке Коллоди характерный синтез фантастического начала с живописными картинками реальной итальянской жизни и мотивами итальянских народных сказок и верований [31. С. 700]. Автор подчеркивает связь итальянской сказки с комедией дель арте и выделяет четыре мотива, присутствующие в сказке Коллоди и «Золотому ключику» А. Толстого: «Кукла», «Живое дерево с душой человека», «Искусственный человек», «Приключения мальчика» [Там же. С. 702]. М.Н. Липовецкий рассматривает образы и Пиноккио, и Буратино как фигуры медиаторов-трикстеров, как посредников между неживой и живой природой, когда они оказываются одновременно и деревянными, и живыми, выступают как куклы, марионетки и в то же время как «стоцентные мальчишки» [30. С. 137–138]. Герой-медиатор с его характерным «антиповедением», соединяющий при-

родный и антропологический, вещный и социальный миры, выступающий посредником между жизнью и искусством, между официальной и неофициальной культурой, сближает Пиноккио и Буратино.

Можно сказать, что в русской рецепции главный персонаж сказки Коллоди воспринимается как прообраз Буратино и как культурный архетип, как медиатор-трикстер. Русские критики и исследователи акцентируют внимание на связи Пиноккио с персонажами итальянской комедии дель арте, в частности, с одним из образов комического слуги – дзанни, доверчивого, простодушного, необразованного. Еще один аспект связан с жанровой природой сказки Коллоди. В русском культурном сознании произведение о Пиноккио воспринимается как фантастическая сказка, в которой волшебные элементы соединяются с описанием итальянского быта и фольклорными традициями. Наконец, одно из главных отличий «Приключений Пиноккио» от «Золотого ключика» А. Толстого видится в обращении итальянского сказочника к археосюжету инициации, итогом развития которого становится превращение деревянной куклы в мальчика. При этом подчеркивается связь «Приключений Пиноккио» с романом о становлении человека, о поэтапном его взрослении, что потребовало от итальянского писателя обязательной дидактики, связанной с образами мудрого наставника / наставницы.

Особое место в круге отечественного детского чтения второй половины XX в. занимает Джанни Родари (1920–1980) – итальянский писатель, сказочник и журналист, пришедший в детскую литературу через газету «Унита», в которой он сотрудничал, начиная с 1948 г. В этой газете он создал специальную рубрику под названием «Уголок для малышей», где стали появляться его первые стихи для детей.

Заложенная Коллоди традиция сатирико-юмористической повести-сказки получила продолжение в итальянской детской литературе в творчестве Родари, в его знаменитых сказках «Приключения Чиполлино», «Джельсомино в Стране лжецов», «Путешествия Голубой Стрелы».

«Приключения Чиполлино» (первоначально под названием «Il romanzo di Cipollino», затем «Le avventure di Cipollino» с 1957 г.) Родари опубликовал в детском итальянском журнале «Пионере» («Pioniere») в 1951 г. В целом, сохраняя верность сказочной традиции и комедии дель арте, Родари отказывается от привычных героев волшебной сказки, создавая неповторимых и оригинальных героев, в числе которых оказываются фрукты, овощи, насекомые и животные. В произведении читатель сталкивается с двумя мирами: реальным и фантастическим. В центре повествования оказывается тема дороги, странствований, а характеры героев главным образом раскрываются через диалоги, которые во многом являются средством сатирической характеристики персонажей.

Впервые советского читателя с творчеством Родари познакомил С.Я. Маршак. Он начал переводить стихи своего итальянского коллеги, когда тот еще делал первые шаги в литературе. В статье «Почему я перевел стихи Джанни Родари» Маршак писал: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной пес-

ней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя» [36. С. 693]. Творческие принципы Родари оказываются близки принципам Маршака. В поэзии русского автора труд также воспринимается как форма ежедневного бытового героизма, он, как и Родари, в своем творчестве прославляет труд как высшую ценность, соединяющую детей и взрослых и раскрывающую внутренне единство мира.

Перевод книги «Приключения Чиполлино» на русский язык был выполнен З.М. Потаповой под редакцией Маршака в 1953 г. Она выдержала не один десяток изданий в России. Сам Родари высоко ценил опыт советской детской литературы и одного из ее основоположников – Маршака, стихотворения которого, в свою очередь, переводил на итальянский язык. Эта сказочная повесть сразу завоевала сердца читателей, потому что «попала на благодатную почву»: она продолжала традицию литературной сказки, которая сложилась, благодаря «Золотому ключику» А.Н. Толстого и «Трем толстякам» Ю.К. Олеши [37. С. 345].

Рассмотрим статьи, посвященные рецепции творчества Родари в России. Через год после выхода книги «Приключения Чиполлино» в 1954 г. на страницах журнала «Начальная школа» публикуется статья писателя С.А. Баруздина. В ней автор пишет: «Нашим читателям, большим и маленьким, хорошо известно имя итальянского писателя-коммуниста Дж. Родари. Многие читали на страницах журнала “Пионер” его замечательную повесть “Приключения Чиполлино”, наполненную сказочной фантазией и суровой правдой. <...> Герои его произведений – простые люди современной Италии. И потому они особенно интересны нашим детям, ибо дают предельно ясное представление о жизни в одной из стран капитала, где даже милых фей, по образному выражению поэта, “заела безработица”» [Там же. С. 52].

Итак, сочетание фантастики и быта, интерес к социальной проблематике, аллегорическая образность вызывают интерес у русского читателя сказки Родари.

Следующая статья Г. Савченко «Стихи Дж. Родари», напечатанная в журнале «Семья и школа» за 1955 г., отражает интерес итальянского писателя к теме труда, к повседневной жизни простого человека, к социальным вопросам. Ср.: «В стихах поэта нет итальянской экзотики, любования знойным морем или голубым небом. Поэт рассказывает детям о рыбке, которому нужно выловить очень много сардин, чтобы купить сыну ботинки» [38. С. 31].

Для русских переводчиков и читателей Родари воспринимался как художник-новатор, как выдумщик и как мастер словесной игры. Этому, по-видимому, помогало и то, что он совмещал писательскую деятельность с исследовательской работой в области детской психологии и педагогики. Ю. Добровольская в своей статье «Джанни Родари и капитан, человек в небе!», напечатанной в журнале «Современная художественная литература за рубежом» за 1965 г., отмечала: «Одна из главных задач его педагогического

труда – стремление научить детей самостоятельному мышлению, привить вкус к самостоятельности в самом широком смысле этого слова» [39. С. 71].

В журнале «Детская литература» за 1968 г. была опубликована статья «Неиссякаемый родник» Б. Бегака, в которой автор размышляет на тему современной зарубежной поэзии для детей. В этой статье автор затрагивает и творчество итальянского сказочника Родари. Он отмечает, что книги Родари адресованы читателям всех возрастов, их любят за жизнерадостность и неистощимую фантазию, за добрый душевный юмор и народность. В его стихах за вымышленными событиями всегда просматриваются подлинные картины жизни. Б. Бегак также говорит о том, что «Родари воскресил и обновил итальянские фольклорные формы, наложившее столь яркий отпечаток на русскую поэзию». Именно через творчество Родари <...> строится мост от вековых фольклорных традиций к сегодняшнему дню зарубежной поэзии для детей. <...> Обращаясь к ребенку, он раскрывает свою душу поэта, проникнутую колоритом своего народа, раскрывает ее средствами теплой улыбки и ядовитой насмешки [40. С. 58].

Наибольший интерес представляет статья Я.Г. Нестурха «Джанни Родари», напечатанная в журнале «Начальная школа» за 1971 г. Кратко осветив творчество Родари, автор видит основное достоинство итальянского писателя в выражении социальных проблем своего времени, в сочетании драматизма и юмора, фантастики и реальности. Он пишет: «Хорошо знавший жизнь современной Италии, ее народа, знавший о тяжелом положении крестьян и рабочих <...> Родари не мог писать развлекательных легковесных произведений. <...> Произведения Родари привлекают и поражают сочетанием серьезности жизненного материала, важности поднимаемых проблем и фантазии, доброго юмора, оптимизма...» [41. С. 75].

Как видим, народность творчества Родари, оригинальность созданных им образов, волшебносатирическая картина действительности, социальная

проблематика, пристальное внимание к бытовой жизни – все это определяло значение произведений итальянского писателя и поэта для российского и советского читателя.

Итак, обращение к творчеству итальянских писателей-сказочников раскрывает особенности формирования итальянского национального мирообраза в русской литературе и критике XIX–XXI вв. Обращение Базиле, Гоцци, Коллоди, Родари к фантастике, к синтезу волшебного и бытового изображения действительности, к комедии дель арте с ее игрой масками, к творческой импровизации формировало в русском культурном сознании преимущественное эстетическое восприятие Италии и ее культуры. Эта эстетизация действительности и ее развитие по законам красоты и нравственности воспринимаются в России XIX–XXI вв. как один из возможных путей преобразования мира по законам искусства, эстетической игры.

Можно сказать, что влияние итальянской литературной и театральной сказки-фьябы на российского читателя и зрителя происходило в России XIX–XXI вв. очень интенсивно. Так, например, по данным итальянского библиографического справочника «Сказки для театра» Гоцци в период с 1946 по 2013 г. переиздавались на русском языке 9 раз, «Приключения Пинокио» с 1959 по 2008 г. – 19 раз, а «Приключения Чиполлино» с 1958 по 2013 г. – 114 раз [42. С. 473–475, 77–81, 129–155]. В этой связи не случайно П.П. Муратов говорит о «сказочной притягательности» Италии для русского человека. Здесь имеется в виду и мягкий климат этой страны по сравнению с Россией, и ее экзотическая природа, и волшебный колорит ее красок, и своеобразие ее истории и культуры. Вместе с тем «сказочность» была связана и с восприятием Италии как страны вечного праздника, в которой повседневная жизнь людей «была так похожа на театральное зрелище», где каждый осознавал себя «участником какой-то вечной комедии, разыгрываемой на улицах и площадях, в виду моря, гор и садов» [43. С. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пичугина В.С., Поплавская, И.А. «Сказки просто так» («Just so stories») Д.Р. Кипплинга в русской издательской и переводческой рецепции XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 12–22.
2. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 278 с.
3. Елифанов П. Об этой книге // Базиле Джамбаттиста. Сказка сказок, или Забава для малых ребят. 3-е изд. / пер. с неап. Петра Елифанцева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 552 с.
4. Хлодовский Р.И. Пентамерон Дж. Базиле и итальянская литература на рубеже XVI и XVII столетий // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. 515 с.
5. Голенищев-Кутузов И.Н. Итальянская литература, новелла и Пентамерон Базиле // История всемирной литературы. М.: Наука, 1985. Т. 4. 687 с.
6. Базиле Дж. Сказка сказок. Перевод с итальянского и вступительная статья Петра Елифанова // Иностранная литература. 2012. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/8/d4.html> (дата обращения: 25.11.2017).
7. Базиле Дж. Сказка сказок, или Забава для малых ребят / пер. с неап. Петра Елифанцева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 552 с.
8. Жиликова Э.М., Буданова И.Б. А.Н. Островский и Карло Гоцци // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 13–19.
9. Кашин Н.П. Островский и итальянцы // Театр и драматургия. 1933. № 4. С. 29–35.
10. Штейн А.Л. Островский и мировая драматургия // А.Н. Островский Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М., 1974. Т. 88, кн. 2. С. 43–77.
11. Лотман Л.М. Вступительная статья, подготовка текста и примечания // Островский А. Снегурочка: Пьеса. Л., 1989. С. 7–64, 207–318.
12. Итальянская драматургия и русский театр на рубеже XIX–XX вв. // Новые российские гуманитарные исследования. URL: www.nrgumis.ru/articles/122 (дата обращения: 25.11.2017).
13. Вогак К.А., Мейерхольд В.Э., Соловьев В.Н. Открытое письмо авторов дивертисмента «Любовь к трем апельсинам» А.А. Гвоздеву // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 3. С. 86–88.
14. Соловьев В.Н. К истории сценической техники *commedia dell'arte* // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 1. С. 10–14.
15. Соловьев В.Н. К истории сценической техники *commedia dell'arte* // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 6–7. С. 70–83.

16. Соловьев В.Н. «Турандот» графа Карло Гоцци на русской сцене // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 2. С. 47.
17. Вогак К.А. О театральных масках // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 3. С. 11–16.
18. Миклашевский К.М. Основные типы в «commedia dell'arte» // Любовь к трем апельсинам. 1914. № 3. С. 73–76.
19. Блох Я.Н. Commedia dell'arte в новом энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона // Любовь к трем апельсинам. 1915. № 1–3. С. 80–88.
20. Философов Д.В. Принцесса Брамбилла // Любовь к трем апельсинам. 1915. № 4–7. С. 189–195.
21. Жирмунский В.М. Карло Гоцци – политик или художник? // Любовь к трем апельсинам. 1916. № 2–3. С. 119–131.
22. Реизов Б.Г. Итальянская литература XVIII в. СПб. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 354 с.
23. Исаева Е.И. Карло Гоцци и русская театральная сказка // Итальянская драматургия и русский театр на рубеже XIX–XX вв. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-ita/isaeva-karlo-gocci-russkaya-skazka.htm> (дата обращения: 26.11.2017).
24. Лозинский М.Л. Сказки Карло Гоцци. М. : Худ. лит., 1983. 515 с.
25. Томашевский Н.Б. Итальянский театр XVIII века // Карло Гольдони. Комедии. Карло Гоцци. Сказки для театра. Витторио Альфьери. М. : Худ. лит., 1971. 800 с.
26. Молчанов С. Для легкого чтения: Собрание юмористических повестей и рассказов. СПб. : Издатель К. Геруц, 1895. 259 с.
27. Акимов А.С. Приключения Пинокио в России: к истории мирового сюжета // Культурологический журнал. 2014. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/priklyucheniya-pinokkio-v-rossii-k-istorii-mirovogo-syuzheta> (дата обращения: 26.11.2017).
28. Петровский М.С. Книжки нашего детства. М. : Книга, 1986. 286 с.
29. Балина М.Р. Советская детская литература : сб. ст. СПб. : Алетейя, 2014. 364 с.
30. Липовецкий М.Н. Утопия свободного марионетки // Веселые человечки: Культурные герои советского детства : сб. ст. / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 125–152.
31. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования, 2008. С. 125–152.
32. Константинов Н. Приключения Пинокио // Детская литература. 1936. № 7. 85 с.
33. Казакевич Э.Г. Юным и взрослым читателям «Пинокио». URL: <http://chto-chitat-detyam.ru/pino4.html> (дата обращения: 26.11.2017).
34. Чернышева М.А. Утверждая игру... (Из творческой истории «Золотого ключика» А.Н. Толстого) // А.Н. Толстой: Новые материалы и исследования. М. : Наследие, 1995. 240 с.
35. Толстая Е.Д. Буратино и подтексты Алексея Толстого // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 2. С. 28–39.
36. Родари Дж. Римские фантазии. М. : Правда, 1987. 701 с.
37. Минералова И.Г. Зарубежные детские писатели в России : Библиографический словарь. М. : Флинта, 2005. 429 с.
38. Михальская Н.П. История зарубежной литературы XIX в. М. : Альянс, 2016. 495 с.
39. Добровольская Ю. Джанни Родари и капитан, человек в небе // Современная художественная литература за рубежом. 1965. № 2. С. 70–78.
40. Бегак Б. Неиссякаемый родник // Детская литература. 1968. № 10. С. 56–65.
41. Нестурх Я.Г. Джанни Родари // Начальная школа. 1971. № 10. С. 74–84.
42. Италия кириллицей. Italia in cirillico. Верона: Ассоциация «Познаем Евразию», 2013. 785 с.
43. Муратов П.П. Образы Италии: Полное издание: I–III том: Исторический путеводитель. М. : Изд-во В. Шевчук, 2016. 672 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 февраля 2018 г.

The Italian Literary Fairy Tale in the Russian Reception of the 19th–21st Centuries (Giambattista Basile, Carlo Gozzi, Carlo Collodi, Gianni Rodari)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 52–60.

DOI: 10.17223/15617793/442/6

Irina A. Poplavskaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: poplavskaj@rambler.ru

Nazrin R. Efendieva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastyafendieva@gmail.com

Keywords: children's literature; Gozzi; Collodi; Rodari; Italian literary fairy tales; Russian-Italian literary relations.

The article deals with the Italian literary fairy tales of Carlo Gozzi, Carlo Collodi and Gianni Rodari in the Russian critical reception of the 20th century. Particular attention is paid to the first collection of authentic folk tales in the European literature, *The Pentamerone* (*The Tale of Tales, or Entertainment for Little Ones*) by Giambattista Basile (1566–1632), the creator of the Italian literary fairy tale. The Russian-Italian and Italian-Russian interrelations are examined on the basis of the analysis and critical reception of the Italian literary fairy tale. Translated literature has always been important in children's reading: like national literature, it has a serious impact on the moral and aesthetic education of children. Literary fairy tales of the greatest foreign writers (e.g., Perrault, Brentano, Tieck, Novalis, Wieland, the brothers Grimm) became an important component of Russian children's reading long ago. The seventeenth century can be considered the golden age of the fairy tale in Italy thanks to Basile's *The Pentamerone*. Basile's followers in the genre of the literary fairy tale are Gozzi, Collodi and Rodari. Gozzi's dramatic fairy tales brought him tremendous success in the Russian theatrical world of the 20th century. Russian readers first got acquainted with Collodi and his wonderful *The Adventures of Pinocchio* in A.N. Tolstoy's free retelling called *The Golden Key or the Adventures of Buratino*. In the 19th century, Collodi developed Basile's traditions in the genre of a literary fairy tale. High artistry, light humor, closeness to the folk world outlook, organic combination of the comic and subtle edification made his book *The Adventures of Pinocchio* a classical children's reading. Rodari also entered the circle of Russian children's reading. His main book, *The Adventures of the Little Onion (Cipollino)*, was first translated into Russian in 1953. It should be mentioned that it is also the great merit and excellent work of Samuil Marshak on translating Rodari's poems and tales that made Rodari's books favorite among Russian children. Rodari's works in poetry and prose are undoubtedly perceived as an important contribution to the creation of new, democratic children's literature in Italy and enjoy the deserved popularity and love of young readers, not only Italian, but also Russian.

REFERENCES

1. Pichugina, V.S. & Poplavskaya, I.A. (2016) Just So Stories by J.R. Kipling in Russian publishing and translation reception of the 20th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. pp. 12–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/2
2. Meletinskiy, E.M. (1990) *Istoricheskaya poetika novelly* [Historical poetics of the story]. Moscow: Nauka.
3. Epifanov, P. (2018) Ob etoy knige [About this book]. In: Basile, G. *Skazka skazok, ili Zabava dlya malykh rebyat* [The Tale of Tales, or Entertainment for Little Ones]. 3rd ed. Translated from Neapolitan by Pyotr Epifantsev. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh.

4. Khlodovskiy, R.I. (1969) Pentameron Dzh. Bazile i ital'yanskaya literatura na rubezhe XVI i XVII stoletiy [The Pentameron by G. Basile and Italian literature at the turn of the 17th century]. In: Vipper, Yu.B. et al. (eds) *XVII vek v mirovom literaturnom razvitiy* [The 17th century in the world literary development]. Moscow: Nauka.
5. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1985) Ital'yanskaya literatura, novella i Pentameron Bazile [Italian literature, short story and The Pentameron by Basile]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Istoriya vsemirnoy literatury* [The history of world literature]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
6. Basile, G. (2012) Skazka skazok. Perevod s ital'yanskogo i vstupitel'naya stat'ya Petra Epifanova [The Tale of Tales. Translation from Italian and introductory article by Pyotr Epifanov]. *Inostrannaya literatura*. 8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/8/d4.html>. (Accessed: 25.11.2017).
7. Basile, G. (2015) *Skazka skazok, ili Zabava dlya malykh rebyat* [The Tale of Tales, or Entertainment for Little Ones]. Translated from Neapolitan by Pyotr Epifantsev. St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh.
8. Zhilyakova, E.M. & Budanova, I.B. (2017) A.N. Ostrovsky and Carlo Gozzi. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 417. pp. 13–19. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/417/2
9. Kashin, N.P. (1933) Ostrovskiy i ital'yantsy [Ostrovsky and Italians]. *Teatr i dramaturgiya*. 4. pp. 29–35.
10. Shteyn, A.L. (1974) Ostrovskiy i mirovaya dramaturgiya [Ostrovsky and World Drama]. In: Zil'bershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) *A.N. Ostrovskiy Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo* [A.N. Ostrovsky New materials and research. Literary heritage]. Vol. 88. Book 2. Moscow: Nauka.
11. Lotman, L.M. (1989) Vstupitel'naya stat'ya [Introduction]. In: Ostrovskiy, A. *Snegurochka: P'esa* [Snow Maiden: A Play]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'.
12. Isaeva, E.I. et al. (2008) *Ital'yanskaya dramaturgiya i russkiy teatr na rubezhe XIX–XX vv.* [Italian drama and Russian theater at the turn of the 20th century]. [Online] Available from: www.nrgumis.ru/articles/122. (Accessed: 25.11.2017).
13. Vogak, K.A., Meyerkhof, V.E. & Solov'ev, V.N. (1914) Otkrytoe pis'mo avtorov divertissementa “Lyubov' k trem apel'sinam” A.A. Gvozdevu [An open letter from the authors of the divertissement Love for Three Oranges to A.A. Gvozdev]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 3. pp. 86–88.
14. Solov'ev, V.N. (1914) K istorii stsenicheskoy tekhniki kommedia dell'arte [On the history of the stage technique of commedia dell'arte]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 1. pp. 10–14.
15. Solov'ev, V.N. (1914) K istorii stsenicheskoy tekhniki kommedia dell'arte [On the history of the stage technique of commedia dell'arte]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 6–7. pp. 70–83.
16. Solov'ev, V.N. (1914) “Turandot” grafa Karlo Gottsi na russkoy stsene [“Turandot” by Count Carlo Gozzi on the Russian stage]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2. pp. 47.
17. Vogak, K.A. (1914) O teatral'nykh maskakh [On theatrical masks]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 3. pp. 11–16.
18. Miklashevskiy, K.M. (1914) Osnovnye tipy v “commedia dell'arte” [The main types in commedia dell'arte]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 3. pp. 73–76.
19. Blokh, Ya.N. (1915) Commedia dell'arte v novom entsiklopedicheskom slovare Brokgauza–Efrona [Commedia dell'arte in the new Brockhaus–Efron encyclopedic dictionary]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 1–3. pp. 80–88.
20. Filosofov, D.V. (1915) Printsessa Brambilla [Princess Brambilla]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 4–7. pp. 189–195.
21. Zhirmunskiy, V.M. (1916) Karlo Gottsi – politiki ili khudozhniki? [Is Carlo Gozzi a politician or an artist?]. *Lyubov' k trem apel'sinam*. 2–3. pp. 119–131.
22. Reizov, B.G. (1966) *Ital'yanskaya literatura XVIII v.* [Italian literature of the 18th century]. Leningrad: Leningrad State University.
23. Isaeva, E.I. (2008) *Karlo Gottsi i russkaya teatral'naya skazka* [Carlo Gozzi and the Russian theatrical fairy tale]. [Online] Available from: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-ita/isaeva-karlo-gocci-russkaya-skazka.htm>. (Accessed: 26.11.2017).
24. Lozinskiy, M.L. (1983) *Skazki Karlo Gottsi* [Tales by Carlo Gozzi]. Moscow: Khud. lit.
25. Tomashevskiy, N.B. (1971) Ital'yanskiy teatr XVIII veka [Italian theater of the 18th century]. In: Tomashevskiy, N.B. (ed.) *Karlo Gol'doni. Komedi. Karlo Gottsi. Skazki dlya teatra. Vittorio Al'fieri* [Carlo Goldoni. Comedies. Carlo Gozzi. Fairy tales for the theater. Vittorio Alfieri]. Moscow: Khud. lit.
26. Molchanov, S. (1895) *Dlya legkogo chteniya: Sobranie yumoristicheskikh povestey i rasskazov* [For light reading: A collection of humorous stories and short stories]. St. Petersburg: Izdatel' K. Geruts.
27. Akimova, A.S. (2014) Story of Pinocchio in Russia. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*. 4 (18). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/priklucheniya-pinokkio-v-rossii-k-istorii-mirovogo-syuzheta>. (Accessed: 26.11.2017).
28. Petrovskiy, M.S. (1986) *Knigi nashego detstva* [Books of our childhood]. Moscow: Kniga.
29. Balina, M.R. (2014) *Sovetskaya detskaya literatura* [Soviet Children's Literature]. St. Petersburg: Aletteya.
30. Lipovetskiy, M.N. (2008) Utopiya svobodnogo marionetki [The utopia of a free puppet]. In: Kukulin, I. et al. (eds) *Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* [Cheerful little men: Cultural heroes of the Soviet childhood]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
31. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
32. Konstantinov, N. (1936) Priklucheniya Pinokkio [The Adventures of Pinocchio]. *Detskaya literatura*. 7.
33. Kazakevich, E.G. (1959) *Yunym i vzroslym chitatel'yam “Pinokkio”* [To the young and adult readers of Pinocchio]. [Online] Available from: <http://chto-chitat-detyam.ru/pino4.html>. (Accessed: 26.11.2017).
34. Chernysheva, M.A. (1995) Utverzhdaya igru... (Iz tvorcheskoy istorii “Zolotogo klyuchika” A.N. Tolstogo) [Claiming the game . . . (From the creative history of The Golden Key by A.N. Tolstoy)]. In: Vorob'eva, N.N. et al. (eds) *A.N. Tolstoy: Novye materialy i issledovaniya* [A.N. Tolstoy: New materials and research]. Moscow: Nasledie.
35. Tolstaya, E.D. (1997) Buratino i podteksty Aleksey Tolstogo [Buratino and Alexey Tolstoy's Subtexts]. *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 56 (2). pp. 28–39.
36. Rodari, G. (1987) *Rimskie fantazii* [Gip in the TV and Other Stories in Orbit]. Translated from Italian by I. Konstantinova. Moscow: Pravda.
37. Mineralova, I.G. (2005) *Zarubezhnye detskie pisateli v Rossii: Bibliograficheskiy slovar'* [Foreign children's writers in Russia: A bibliographic dictionary]. Moscow: Flinta.
38. Mikhalskaya, N.P. (2016) Istoriya zarubezhnoy literatury XIX v. Moscow: Al'yans.
39. Dobrovol'skaya, Yu. (1965) Dzhanni Rodari i kapitan, chelovek v nebe [Gianni Rodari and the captain, a man in the sky]. *Sovremennaya khudozhestvennaya literatura za rubezhom*. 2. pp. 70–78.
40. Begak, B. (1968) Neissychaemyy rodnik [An inexhaustible spring]. *Detskaya literatura*. 10. pp. 56–65.
41. Nesturkh, Ya.G. (1971) Dzhanni Rodari [Gianni Rodari]. *Nachal'naya shkola*. 10. pp. 74–84.
42. Pavan, S. (ed.) (2013) Italiya kirillitsey. Italia in cirillico [Italy in Cyrillic]. Verona: Assotsiatsiya “Poznaem Evraziyu”.
43. Muratov, P.P. (2016) *Obrazy Italii: Polnoe izdanie: I–III tom: Istoricheskiy putevoditel'* [Images of Italy: Complete Edition: Volume I–III: A Historical Guide]. Moscow: Izd-vo V. Shevchuk.

Received: 03 February 2018

Е.А. Щеглова

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»)

В исследовании представлен поиск комплексного методического подхода к анализу лексического своеобразие отдельно взятого художественного произведения. Выдвигается и обосновывается предположение, что лексические особенности текста определяются употреблением и функционированием лексики, образующей словесные ряды и выполняющей в тексте текстообразующую функцию. Выделяется два типа словесных рядов: организующих формально-структурную целостность текста и формирующих его концептуальное единство.

Ключевые слова: лексическое своеобразие; художественное произведение; текстообразующая функция; словесный ряд; методика анализа; лексикология; историческая стилистика.

Проблема исследования лексических особенностей отдельно взятого художественного текста, казалось бы, не нова в науке. Так, еще создатели академического «Словаря Церковно-славянского и русского языка» 1847 г. подчеркивали необходимость изучения языка крупнейших писателей для создания толкового словаря общего типа: «Не полезно ли, прежде приступа к составлению его, издать лучших писателей наших и составить для каждого из них особый Словарь» [1. Т. 1. С. X–XI]. Постепенно в русской науке сложилась традиция изучения языка художественного произведения, в которой отдельный текст выступает в качестве образца реального употребления единиц национального языка соответствующего периода. В изучение проблемы большой вклад внесли труды В.В. Виноградова [2–4]. В 40–50 гг. XX в. происходит окончательное становление традиции изучения языка художественной литературы как отдельного научного направления изучения истории языка, был опубликован цикл статей Г.О. Винокура, посвященных данной проблематике и отличающихся глубоким осмыслением терминологии, среди которых итоговой стала «Об изучении языка художественной литературы» [5]. Историческое изучение языка и отдельно лексики художественного произведения остается актуальным и в настоящее время (см., например, [6, 7]).

Одним из наиболее существенных теоретических положений этого направления является мысль о необходимости сопоставления лексического материала отдельно взятого произведения с лексической системой литературного языка определенного периода: «Значение языкового материала, из которого состоит индивидуальное литературно-художественное произведение, может быть уяснено и осмыслено в аспекте истории литературного языка лишь в том случае, если этот материал будет всесторонне освещен и исследован с точки зрения активных, живых процессов и закономерностей развития грамматики, лексики, фразеологии и даже стилистической системы литературного языка в целом» [8. С. 24]. Эту же мысль находим в трудах Ю.С. Сорокина [9], Ю.А. Бельчикова [10, 11]. Очевидно, что исследователю в этом случае необходимо определить состав лексических средств произведения в их отношении к лексической системе соответствующего периода истории развития языко-

вой системы. Имея данные о лексических ресурсах, использованных автором и оказавшихся невостребованными, исследователь вплотную подходит к проблеме отбора языковых средств в художественном произведении. Необходимость такого сопоставления индивидуального и исторического не подлежит сомнению, однако возникают проблемы сугубо практического характера: каким образом при работе с эмпирическим материалом осуществить подобную сверку при работе с текстом большого объема, как учесть все возможные варианты лексического выражения, существующие на данном этапе развития языка, и т.п.

Другое направление изучения слова в художественном тексте было заложено в трудах Б.А. Ларина, который предложил выделить три семантико-стилистические категории: значения орфографических слов, их концептуальные и эстетические значения. Прежде всего Б.А. Ларина интересовало эстетическое (художественное) значение слова, отражающее процесс превращения слова в образ: «Оно не примыкает к ближайшим словам по смыслу, а служит намеком включенных мыслей, эмоций, волений» [12. С. 384–385]. Концепция художественного значения слова была развита в дальнейшем, в частности, в работах Д.М. Поцепни [13, 14].

Таким образом, при таком подходе в фокусе исследовательского внимания находится слово как эстетический феномен, при этом на второй план уходит проблема соотношения индивидуального авторского словоупотребления и узуса определенной исторической эпохи. Можно заметить внутреннюю корреляцию изучения слова как эстетического феномена, порожденного личностью автора, разработкам в области индивидуального авторского стиля, идиостиля (работы Н.С. Болотновой, А.В. Болотнова, В.В. Наумова, Е.В. Старковой и др. [15–18]) и исследованиям в области языковой личности в работах Ю.Д. Апресяна, Ю.Н. Караулова, В.Г. Гака [19–21] и др. В этом случае на первый план выходит личность творца как основа формирования стилевой и речевой специфичности текста (иногда в соединении с традицией рассмотренной жанровой специфики [22]).

Таким образом, каждое из направлений представляет одну сторону рассмотрения лексической специфичности отдельно взятого художественного произ-

ведения, рассматривая его либо как образец реального употребления слова, как отражение динамических процессов лексической системы своего времени, либо как речевое произведение творческой языковой личности. Между тем кажется очевидным, что для определения лексической специфичности отдельно взятого текста необходим комплексный подход, объединяющий достижения нескольких научных направлений. В этом отношении основой для такого подхода представляется взгляд на текст художественного произведения как «единство целого» [23] (ср. определение текста в словаре лингвистических терминов: «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [24]). Исследования в области лингвистики и стилистики текста, начиная с классических работ И.Р. Гальперина [25] и В.В. Одинцова [26], проводятся в том числе с опорой на лексический материал. Дальнейшее изучение текста показало необходимость выделения лексических единиц, организующих текст как целостное и связное речевое произведение. Так, Т.В. Матвеева вводит понятие «тематические цепочки» для обозначения последовательности слов-наименований, создающих единство текстового пространства [27]. Ю.М. Калинина выделяет две группы компонентов композиции текста – структурные и идейно-содержательные: «К первой относятся языковые явления, имеющие непосредственное отношение к структурной организации текста, воспроизводящие хронологию событий и описывающие окружающую героев обстановку (элементы фактического и идиостилистического типов), ко второй – лингвистические явления, несущие большую смысловую нагрузку, выражающие идейную позицию персонажей и автора (элементы идейного и индивидуализированного типов)» [28. С. 6]. Л.Г. Кайда, развивая такую область научного знания, как композиционная поэтика текста, демонстрирует зависимость подтекста от семантики композиционно значимых лексических единиц [29, 30]. Однако следует подчеркнуть, что эти работы не ставят задачи выявления лексической специфичности отдельно взятого текста.

Как уже отмечалось, подход к исследованию лексической специфичности текста как целостного речевого произведения был намечен в работах В.В. Виноградова, который предложил термин «словесные ряды» (ср. «тематические цепочки» Т.В. Матвеевой), понимая композицию текста как систему «динамического развертывания словесных рядов в сложном единстве целого» [31. С. 49]. Эта идея получила свое развитие в трудах А.И. Горшкова, в частности, им было уточнено определение словесных рядов, которые он понимает как последовательность «представленных в тексте языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционными функциями и соотношенностью с определенной сферой языковой коммуникации или определенным приемом языкового выражения» [32. С. 18]. В этом случае атрибут «словесные» следует понимать в расширенном ключе: «...это не только собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других языковых единиц и единств, т.е. ряды, которые могут вестись в слова

и составиться из слов» [33. С. 22]. К сожалению, данный подход не получил дальнейшей научной разработки, а лексический материал отдельно взятого произведения в этом аспекте не рассматривался.

Между тем такой подход представляется весьма перспективным именно с позиции выявления лексических особенностей конкретного текста, поскольку позволяет объединить в себе различные аспекты анализа лексических средств. Взгляд на текст как единое речевое произведение диктует отказ от понимания лексики как «строительного материала», отбор которого обусловлен историческим этапом развития языковой системы или желанием автора. В этом случае лексику следует рассматривать как организующее начало, образующее структурную и концептуальную целостность текста. Можно предположить, что именно употребление и функционирование лексики, выполняющей текстообразующую функцию, будут составлять лексическое своеобразие конкретного текста. Отбор этой лексики определяют, на наш взгляд, три рода факторов: 1) исторический (влияние процессов внутри языковой системы на данном этапе ее развития); 2) жанровый (влияние стилистических и речевых особенностей жанра); 3) личностный (влияние языковой личности автора). Взаимовлияние указанных факторов определяют лексическое своеобразие текста. При этом доминирование какого-либо фактора в каждом конкретном случае будет определяться характером реализации лексическими единицами текстообразующей функции.

Очевидно, что можно выделить два аспекта функционирования лексики как текстообразующего начала: 1) организация формально-структурной целостности текста; 2) формирование его концептуального единства. В первом случае мы будем иметь дело со словесными рядами, пронизывающими весь текст, равномерно распределенными по нему, образующими его своеобразный лексический «скелет» (структурные элементы композиции по Ю.М. Калининой [28. С. 6]). Во втором случае работа исследователя будет заключаться в поиске ключевых слов, формирующих сеть парадигматических и синтагматических связей (часто отличных от узуса определенного периода), позволяющих следить за мельчайшим движением авторской мысли (идейно-содержательные элементы). В первом случае можно говорить о линейной реализации текстообразующей функции, во втором – о нелинейной. Изучение словесных рядов обоих типов позволяет проникнуть в словесную композицию текста. Состав и характер употребления лексических единиц словесных рядов первого типа будут определяться в первую очередь особенностями жанровой формы. Для второго типа доминирующим фактором является личность автора. Это следует из различия роли лексики в текстообразовании. Историческая группа факторов в равной степени значима для обоих типов, однако разный оказывается характер влияния исторических факторов. Отбор лексики с линейным характером реализации текстообразующей функции обусловлен историческими динамическими изменениями в лексической системе, связанными с различными пластами лексики. Состав слов с нелинейным характером реа-

лизации текстообразующей функции формируется во взаимосвязи с языковой картиной мира соответствующей эпохи и ключевыми словами и концептами, ее составляющими.

Методика анализа лексических особенностей отдельно взятого художественного текста, основанная на изложенных выше положениях, была разработана и апробирована на материале очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» (подробный анализ лексического своеобразие произведения см. в [34, 35]). Выбор произведения не был случайным. Во-первых, мы имеем дело с одним из писателей первого ряда второй половины XIX в., творческое наследие которого осталось практически не изученным лингвистами. Во-вторых, в качестве материала выступает одно из ключевых произведений творчества писателя, любимое автором и читателями, выдержавшее множество переизданий. В-третьих, очерки И.А. Гончарова являются одним из ключевых текстов в истории русского травелога. Таким образом, в этом случае мы можем говорить о высокой интенсивности влияния всех трех обозначенных факторов: исторического, жанрового и личностного. Исследование лексических особенностей конкретного художественного текста предполагает последовательный ряд исследовательских шагов.

Подготовительный этап – обработка лексического материала произведения. Первичная обработка лексического материала предполагает сочетание лексикологических и лексикографических методов. Появление и дальнейшее совершенствование технических возможностей компьютерной обработки обширного текстового материала позволили не только в значительной степени упростить работу лексиколога, но и обеспечить иной уровень верификации полученных результатов. Электронный конкорданс исследуемого произведения является необходимой отправной точкой исследования [36, 37]. Дальнейшая обработка лексического материала представляет собой создание лемматизированного словника произведения, работа с которым позволяет решить ряд задач, необходимых для дальнейшего определения лексических особенностей произведения.

Во-первых, такая работа дает представление о лексическом составе произведения в его соответствии лексическим группам лексико-семантической системы соответствующего периода истории русского литературного языка, что важно для выделения словесных рядов первого типа.

Во-вторых, определяется ряд наиболее частотных слов, среди которых в дальнейшем будут выявлены ключевые слова, входящие в словесные ряды второго типа.

В-третьих, формируется представление о парадигматических связях слов рассматриваемого текста: например, в ходе работы с конкордансом и словником в произведении И.А. Гончарова были выявлены антонимические пары, играющие роль в формировании концептуальной целостности текста: *человеческий – нечеловеческий, цивилизованный – дикий (полудикий), просвещенный – непросвещенный (полупросвещенный)* и т.д.

В-четвертых, выявляются деривационные гнезда, при этом наличие нескольких дериватов указывает на концептуальную значимость лексики: в тексте И.А. Гончарова были обнаружены следующие ряды дериватов, состоящие из концептуально значимой лексики: *торг, торгашество, торговать, торговаться, торговец, торговля, торговый, торгующий; цивилизация, цивилизованный, цивилизовать*.

Определение групп лексики, организующей формально-логическую целостность текста. Как было уже указано выше, свойством лексики, составляющей словесные ряды первого типа, является в большей или меньшей степени равномерное распределение ее по всему произведению. При этом отдельные слова, входящие в такие словесные ряды, не отличаются частотностью (вполне возможно и единичное употребление). Однако маркером наличия словесного ряда с линейной реализацией текстообразующей функции является существование в лексическом составе произведения группы лексики, систематически употребляемой автором на протяжении всего произведения или его значительного фрагмента. Анализ контекстов часто демонстрирует схожие черты употребления и функционирования такой лексики. Следует отметить, что классифицирующий признак, характеризующий группу, может быть самым различным: историческим, стилистическим, обусловленным происхождением лексики и т.п. – в значительной степени это будет определяться жанром произведения. Для очерков путешествия «Фрегат “Паллада”» нами были выявлены следующие группы: 1) наименования экзотических реалий в «экзотических» очерках, региональная лексика в «сибирских» главах; 2) этнонимы и топонимы; 3) морская лексика. Текстообразующая роль этих групп слов в произведении И.А. Гончарова обусловлена не только жанровыми особенностями путешествия, но и историческими процессами: повышенный интерес к слову как таковому, проникновение региональных слов в слой общеупотребительной лексики, изменение роли профессиональной лексики, выход ее за пределы узкоспециального употребления.

Определение ключевых слов произведения, имеющих концептуальное значение. Методика выделения лексических единиц словесных рядов второго типа принципиально отличается от определения состава словесных рядов первого типа. Можно выделить совокупность признаков, наличие которых позволяет определить круг слов, составляющих концептуальное содержание произведения, его смысловую целостность: 1) частотность; 2) наличие дериватов; 3) множественность синтагматических и парадигматических связей; 4) употребление в концептуально значимых контекстах произведения. В случае очерков путешествия И.А. Гончарова нами были выделены словесный ряд, в основе которого лежали слова *англичане* и *английский*. Нахождение в основе словесного ряда этнонима и оттопонимического прилагательного является, как видится, характерной чертой жанра путевого очерка, а образование ряда именно от дериватов топонима *Англия* связано с положением Великобритании в XIX в. как господствующей морской державы.

Анализ словесных рядов первого типа. Свойства и функциональные особенности текстопорождения, характеризующие каждый из двух типов словесных рядов, определяют суть исследовательского подхода к анализу входящих в них лексических единиц.

Линейный характер реализации текстообразующей функции в словесных рядах первого типа обуславливает необходимость выделения общих функциональных особенностей употребления лексических единиц, входящих в них.

Так, при анализе произведения И.А. Гончарова, было выявлено, что лексические единицы с линейной реализацией текстообразующей функции в большинстве случаев сопровождаются внутритекстовыми толкованиями (в понимании А.А. Малышева [38]), имеющими ряд характерных особенностей: 1) ярко выраженное авторское начало; 2) структурное сходство с энциклопедическим толкованием понятия (в особой степени это касается толкований наименований экзотических растений и животных); 3) соблюдение принципа «от известного к неизвестному»; 4) наличие элементов фатической речи. Все эти особенности можно увидеть в следующем примере толкования: *«Потом целыми грудами лежат, как у нас какой-нибудь картофель, мандарины, род мелких, но очень сладких и пахучих апельсинов. Они еще хороши тем, что кожа отделяется от них сразу со всеми волокнами, и вы получаете плод облупленный, как яйцо, сочный, почти прозрачный»* [39. С. 418–419] – авторское начало выражено в оценочных элементах (*очень сладких и пахучих; хороши*); соблюден принцип научного описания растения, принятого в ботанике, определяется родо-видовая принадлежность (*род апельсинов*), описывается внешний вид (*мелких; почти прозрачный*), характерные свойства (*кожа отделяется от них сразу; сладких и пахучих; сочный, почти прозрачный*); принцип «от известного к неизвестному» реализуется через сравнения (*как у нас какой-нибудь картофель; как яйцо*); к контактоустанавливающим средствам относятся местоимения 1-го лица мн. ч., вербализация визуальных образов, хорошо известных читателю (*целыми грудами лежат, как у нас какой-нибудь картофель*).

На примере употребления в очерках И.А. Гончарова группы экзотических фитонимов можно увидеть, каким образом происходит линейная реализация текстообразующей функции. Слова этой группы распределены по всему тексту очерков, например: *кастард-эпплз* в главе о Мадере, *broomtree* и *айва* – о мысе Доброй Надежды, *баниан* – об острове Ява, *жужубы*, *пампль-мусс* и *мандарин* – о Китае, *какисы (какофиги)* – о Японии. Во всех случаях употребление нового слова сопровождается авторским толкованием. Экзотические фитонимы играют роль маркеров смены местонахождения автора, средством описания маршрута, поскольку наименования непосредственным образом связаны с определенной географией. Таким образом, лексемы этой группы становятся частью системы представления отдельной территории. Особенности употребления связаны с функциональностью таких слов в путевых очерках И.А. Гончарова, определяемой их жанровой принадлежностью: просвещение

читателя, контактоустановление, развитие диалога, результатом чего становится формирование единого словаря автора и читателя.

Анализ отдельных слов сводится в данном случае к установлению корреляции авторского употребления и узуса соответствующего периода. Например, характер употребления И.А. Гончаровым наименований экзотических растений и животных демонстрирует особенности формирования научной терминологии и роль отдельной языковой личности в этом процессе. Так, встречаясь в английском термине *sugarbird*, обозначающим вид птиц, автор подбирает к нему русскоязычную кальку, которая при этом носит выраженный научный характер (субстантивное словосочетание с атрибутом, обозначающим типологический признак вида) *«Я заметил одну, синюю, с хвостом более четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около так называемого сахарного кустарника»* [39. С. 153].

Анализ словесных рядов второго типа. Поскольку при изучении лексического материала словесных рядов второго типа мы имеем дело с ключевыми словами, несущими концептуальный смысл произведения, имеющими большое количество синтагматических и парадигматических связей, основной задачей исследователя является тщательный семантико-стилистический анализ каждого случая. Таким образом, слово рассматривается во всей системе его синтагматических и парадигматических связей. Особое значение приобретает сочетаемость, поскольку изменение семантики слова в словосочетании является источником «повышенного семантического напряжения и, соответственно, повышенной энергетичности текста» [40. С. 41]. Анализ словесного ряда второго типа, связанного с лексемами *англичане* и *английский*, выявил лексические единицы, являющиеся частью речевой репрезентации страны в произведении И.А. Гончарова, среди них: *комфорт, удобство, торговля, цивилизация, практичность* и т.д.

На примере употребления слова *практичность* продемонстрируем, как осуществлялся анализ отдельных лексических единиц: *«В человеке подавляется его уклонение от прямой цели; от этого, может быть, так много встречается людей, которые с первого взгляда покажутся ограниченными, а они только специальные. И в этой специальности – причина успехов на всех путях... Механик, инженер не побоятся упрека в незнании политической экономии: он никогда не прочел ни одной книги по этой части; не заговаривайте с ним и о естественных науках, ни о чем, кроме инженерной части, – он покажется так жалко ограничен... а между тем под этою ограниченностью кроется иногда огромный талант и всегда сильный ум, но ум, весь ушедший в механику... Все бы это было очень хорошо, то есть эта **практичность**, но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона: не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень **практически**, как машина. Незаметно, чтоб общественные и частные добродетели свободно истекали из светлого человеческого начала <...>. Здесь,*

напротив, видно, что это все есть потому, что оно нужно зачем-то, для какой-то цели. <...> На лицах, на движениях, поступках резко написано **практическое** сознание о добре и зле, как неизбежная обязанность, а не как жизнь, наслаждение, прелесть» [39. С. 50]. Использование корневого повтора (*практичность – практически – практическое*) создает акцент на ключевом слове *практичность*. Поиск лексемы по лексикографическим источникам XIX в. не дал результатов. Ю.С. Сорокин относит появление и узаконивание этого слова в языке к 50–70-м гг. XIX в. [41. С. 194–195]. В «Словаре Церковно-славянского и русского языка» (1847) прилагательное *практический* определяется как ‘состоящий в применении умозрения к практике; опытный’ [1. Т. III. С. 422]. Однако из дефиниции, данной В.И. Далем к сочетанию *практическая жизнь* (‘деятельная, трудовая, дельная, которая не увлекается умозрением, мечтами’ [42. Т. III. С. 381]), следует, что значение слова было несколько шире предлагаемого в Словаре 1847 года. При этом *практик* в XVIII в. понимался и как ‘обученный человек’ (начало века), и как ‘искусный в своем деле мастер’ (конец века) (Картотека Словаря русского языка XVIII в., ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). Слова *практичность, практический* оказываются в этом контексте связаны со словами *специальный* и *ограниченный*. В «Словаре церковнославянского и русского языка» даются следующие дефиниции указанных слов: *ограниченный* – ‘посредственный, небольшой’ [1. Т. 3. С. 47]; *специальный* – ‘относящийся к отдельным частям, представляющий отдельные части чего-нибудь’ [Там же. Т. 4. С. 200]. Корреляция понятий «специальность» и «практичность» обеспечена понятием «цель» (слово *цель* дважды встречается в этом небольшом фрагменте). Значение лексемы *специальный* определяется как ‘хорошо подготовленный для достижения определенной цели’. Слово в употреблении И.А. Гончарова имеет в своем значении коннотативный эмоционально-оценочный компонент. Слова *ограниченный* и *специальный* связаны синонимическими отношениями (общее в значениях – ‘конкретность целевой установки при подготовке человека к определенному виду деятельности’). Таким образом, практичность оказывается тем свойством английского общества, которым обеспечивается успех внешней и внутренней политики Англии середины XIX в.

(успех – ‘спорина в работе; удача, удачное старание, достижение желаемого’ [42. Т. IV. С. 514]). Контекстуально подготовленным оказывается появление весьма характерного для XIX в. [41. С. 384–385] сравнения жизни с машиной. Таким образом, слова *практичность, специальный, ограниченный* приобретают в произведении И.А. Гончарова дополнительные коннотативные смыслы, не отмеченные в лексикографических изданиях XIX в. Рассмотренные лексемы встают в один ряд с другими лексическими единицами указанного словесного ряда, становясь неотъемлемой частью характеристики английского национального характера и образа жизни. Семантико-стилистический анализ употребления ключевых слов этой характеристики позволяет выявить оттенки значения и коннотации, не отмеченные в словарях как узусные, а следовательно, являющиеся индивидуальными особенностями словоупотребления. Именно такие оттенки смысла лексического значения позволяют восстановить отдельные фрагменты индивидуальной картины мира языковой личности, что может стать темой отдельного исследования.

Можно заключить, что для изучения лексического своеобразия отдельно взятого художественного произведения необходим комплексный подход, интегрирующий методические разработки нескольких научных направлений: лексикологии и исторической лексикологии, лексикографии, стилистики и исторической стилистики, текстологии и др. Именно такой подход позволяет определить лексическую специфичность текста в зависимости от трех факторов: исторического, жанрового и личностного. Принципиальным для представленной методики исследования лексического своеобразия отдельно взятого произведения является взгляд на лексику как составную часть системы средств, участвующих в процессах текстообразования и текстопорождения. Именно на этом основании было сделано предположение, что особенности употребления и функционирования лексики, выполняющей текстообразующую функцию, будет составлять лексическое своеобразие произведения. Учет же трех родов факторов при анализе лексики делает результаты подобного исследования значимыми не только для лексикологии, но и для изучения истории русского языка, исторической языковой личности, индивидуального стиля писателя, стилистических особенностей жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь Церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : В тип. Имп. Акад. наук, 1847.
2. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М. ; Л. : ACADEMIA, 1935. 459 с.
3. Виноградов В.В. Литературный язык и язык художественной литературы. Роль личности в формировании национально-литературных языков // Виноградов В.В. Проблема литературных языков и закономерностей их образования и развития. М. : Наука, 1967. С. 83–91.
4. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982. 529 с.
5. Винокур Г.О. Об изучении языка художественных произведений // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М. : Высш. шк., 1991. С. 32–63.
6. Ковтунова И.И. Язык прозы И.А. Гончарова // Русская речь. 2004. № 4. С. 35–39.
7. Калиновская В.Н., Старовойтова О.А. Язык Н.В. Гоголя и его лексикографическая интерпретация // Русский язык XIX века: Роль личности в языковом процессе : материалы IV Всерос. науч. конф. 18–20 октября 2012 г. С.-Петербург / РАН Институт лингвистических исследований; отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб. : Наука, 2012. С. 322–327.
8. Виноградов В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 3–34.
9. Сорокин Ю.С. Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 75 с.

10. Бельчиков Ю. А. О методах лексикологического исследования // Проблемы современной филологии : сборник статей к семидесятилетию В.В. Виноградова / АН СССР, Отд-е лит-ры и яз.; [отв. ред. М.Б. Храпченко и др.]. М. : Наука, 1965. С. 26–29.
11. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М. : Либроком, 2012. 224 с.
12. Ларин Б.А. Филологическое наследие. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. 952 с.
13. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997. 38 с.
14. Поцепня Д.М. Эстетическое значение слова как семантико-стилистическая категория // Словоупотребление и стиль писателя. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. С. 12–29.
15. Болотнова Н.С., Болотнов А.В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187–193.
16. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М. : КомКнига, 2006. 240 с.
17. Старкова Е.В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 5. С. 75–81.
18. Иванова Л.А. Физическое время в идиолексиконе сибирского старожила // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 3–43.
19. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
21. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
22. Юркина О.В. Жанровые нормы путешествия и идиостиль писателя (очерк путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”») : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 252 с.
23. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 656 с.
24. Николаева Т.М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990.
25. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
26. Одинцов В.В. Стилистика текста. М. : Наука, 1980. 263 с.
27. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 162 с.
28. Калинина Ю.М. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2009. 24 с.
29. Кайда Л.Г. Композиционная поэтика текста. М. : Флинта, 2011. 408 с.
30. Кайда Л.Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритмы обратной связи. М. : Флинта, 2013. 152 с.
31. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М. : Высш. шк., 1971. 239 с.
32. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М. : Высш. шк., 1984. 319 с.
33. Горшков А.И. Русский язык в русской словесности. М. : Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2015. 248 с.
34. Щеглова Е.А. Лексика очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» как структурный элемент текста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 60–66.
35. Щеглова Е.А. Лексико-фразеологические особенности очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 24 с.
36. Герд А.С. Еще раз об автоматизации лексикографических работ // Советская лексикография : сб. ст. / науч. совет по лексикологии и лексикографии АН СССР. М. : Рус. яз., 1988. С. 225–232.
37. Добрынина К.С. О методике работы над конкордансами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 59–63.
38. Малышев А.А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2017. 24 с.
39. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия : в 2 т. // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997. Т. 2. 746 с.
40. Осипов Б.И. Размышления о русском слове // Мир русского слова. 2002. № 1. С. 39–44.
41. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 565 с.
42. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1989–1991. Т. 4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 февраля 2019 г.

The Lexical Originality of a Literary Work: On the Technique of Analysis (A Case Study of Ivan Goncharov's Book of Travel Essays *The Frigate “Pallada”*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 61–68.

DOI: 10.17223/15617793/442/7

Ekaterina A. Shcheglova, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.shcheglova@bk.ru

Keywords: lexical originality; literary work; text-forming function; word rows; analysis technique; lexicology; historical stylistics.

The aim of the study is the development of a complex technique for lexical features analysis in a single literary work. The author's technique is tested on the material of a book of travel essays *The Frigate “Pallada”* by Ivan Goncharov. The choice of the material is not random: Goncharov is a prominent writer; *The Frigate “Pallada”* is one of his key works; this text in many respects determined the further research of the Russian travelogue. Methods of three scientific directions which consider the lexical originality of the text were the basis for the technique of the analysis: historical lexicology and lexicography, research of individual style, linguistics of the text and theory of composition. The research is partly a continuation and development of V.V. Vinogradov's ideas about “word rows” which make up the basis of a literary work composition. The analysis of the lexical originality of *The Frigate “Pallada”* was carried out as follows: (1) the preparatory stage: the lexical material was processed; (2) the lexicon of the first-type word rows was determined; (3) the lexicon of the second-type word rows was determined; (4) the first-type word rows were analyzed; (5) the second-type word rows were analyzed. The preparatory stage assumes receiving an electronic concordance. Selection of lexicon in the first-type word rows is based on identification of lexicon groups distributed throughout the text and having similar functions. The structure of lexicon in the second-type word rows is determined by several criteria: (1) frequency; (2) multiple derivation; (3) plurality of syntagmatic and paradigmatic connections; (4) use in significant contexts. In the first-type word rows, the structure of lexicon is analyzed in comparison with the historical stage of language development. In the second-type word rows, the thorough semantic and stylistic analysis of word use is made. In *The Frigate “Pallada”*, exotic names, toponyms, ethnonyms and regional lexicon can be referred to the first-type word rows. The second-type word rows include rows connected with words *Englishman* and *English* formed by the keywords *comfort*, *convenience*, *patriarchal character*, *trade* and others. Thus, the author established

existence of two types of word rows. The first-type word rows organize the structural integrity of the text. The second-type word rows form its conceptual integrity. The structure of word rows is determined by three types of factors: (1) historical; (2) genre; (3) personal. In the author's opinion, the use and functioning of words in word rows makes up the lexical originality of a literary work.

REFERENCES

1. Second Division of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' Tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences: in 4 volumes]. St. Petersburg: V tip. Imp. Akad. nauk.
2. Vinogradov, V.V. (1935) *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's language. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow; Leningrad: ACADEMIA.
3. Vinogradov, V.V. (1967) *Problema literaturnykh yazykov i zakonornostey ikh obrazovaniya i razvitiya* [The problem of literary languages and the laws of their formation and development]. Moscow: Nauka. pp. 83–91.
4. Vinogradov, V.V. (1982) *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow: Vyssh. shk.
5. Vinokur, G.O. (1991) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Vyssh. shk. pp. 32–63.
6. Kovtunova, I.I. (2004) *Yazyk prozy I.A. Goncharova* [The language of I.A. Goncharov's prose]. *Russkaya rech'*. 4. pp. 35–39.
7. Kalinovskaya, V.N. & Starovoytova, O.A. (2012) [The language of N.V. Gogol and its lexicographical interpretation]. *Russkiy yazyk XIX veka: Rol' lichnosti v yazykovom protsesse* [Russian language of the 19th century: The role of personality in the language process]. Proceedings of the IV All-Russian Conference. St. Petersburg. 18–20 October 2012. St. Petersburg: Nauka. pp. 322–327. (In Russian).
8. Vinogradov, V.V. (1955) *Problema istoricheskogo vzaimodeystviya literaturnogo yazyka i yazyka khudozhestvennoy literatury* [The problem of the historical interaction of the literary language and the language of fiction]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 3–34.
9. Sorokin, Yu.S. (1960) *Instruktsiya po sostavleniyu slovary k "Mertvym dusham" N.V. Gogolya* [Instructions for compiling a glossary for Dead Souls by N.V. Gogol]. Moscow: USSR AS.
10. Bel'chikov, Yu.A. (1965) *O metodakh leksikologicheskogo issledovaniya* [On the methods of lexicological research]. In: Khrapchenko, M.B. et al. (eds) *Problemy sovremennoy filologii: sbornik statey k semidesyatiletiyu V.V. Vinogradova* [Problems of modern philology: a collection of articles on the seventieth anniversary of V.V. Vinogradov]. Moscow: Nauka.
11. Bel'chikov, Yu.A. (2012) *Russkiy literaturnyy yazyk vo vtoroy polovine XIX veka* [Russian literary language in the second half of the 19th century]. Moscow: Librokom.
12. Larin, B.A. (2003) *Filologicheskoe nasledie* [Philological heritage]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Potsepnya, D.M. (1997) *Obraz mira v slove pisatelya* [The image of the world in the word of a writer]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
14. Potsepnya, D.M. (1995) *Esteticheskoe znachenie slova kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya* [The aesthetic meaning of the word as a semantic-stylistic category]. In: Kovtun, L.S. & Potsepnya, D.M. (eds) *Slovopotrebleniye i stil' pisatelya* [Word usage and the style of the writer]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
15. Bolotnova, N.S. & Bolotnov, A.V. (2012) *Kognitivnyy stil' yazykovoy lichnosti v strukture modeli idiostilya: k postanovke problemy* [Cognitive style of language personality in the structure of idiostyle model: on the formulation of the problem]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 187–193.
16. Naumov, V.V. (2006) *Lingvisticheskaya identifikatsiya lichnosti* [Linguistic identification of a person]. Moscow: KomKniga.
17. Starkova, E.V. (2015) The problem of idiostyle phenomenon interpretation in linguistic studies. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 5. pp. 75–81. (In Russian).
18. Ivanova, L.A. (2017) Physical time in the idiolect of a Siberian old-timer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 420. pp. 3–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/420/5
19. Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person according to the language: an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 37–67.
20. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
21. Gak, V.G. (1998) *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
22. Yurkina, O.V. (2009) *Zhanrovye normy puteshestviya i idiostil' pisatelya (ocherk puteshestviya I. A. Goncharova "Fregat "Pallada"")* [Genre norms of travel and writer's idiostyle (I.A. Goncharov's travel essays The Frigate "Pallada")]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
23. Vinogradov, V.V. (1959) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat.
24. Nikolaeva, T.M. (1990) *Tekst* [Text]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
25. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka.
26. Odintsov, V.V. (1980) *Stilistika teksta* [The stylistics of the text]. Moscow: Nauka.
27. Matveeva, T.V. (1990) *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy: Sinkhronno-sopostavitel'nyy ocherk* [Functional styles in the aspect of text categories: A synchronous comparative essay]. Sverdlovsk: Ural State University.
28. Kalinina, Yu.M. (2009) *Kompozitsiya khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyrazheniya ego antropotsentrichnosti* [Composition of the literary text as a means of expressing its anthropocentricity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Elets.
29. Kayda, L.G. (2011) *Kompozitsionnaya poetika teksta* [Compositional poetics of the text]. Moscow: Flinta.
30. Kayda, L.G. (2013) *Kompozitsionnyy analiz khudozhestvennogo teksta: Teoriya. Metodologiya. Algoritmy obratnoy svyazi* [Compositional analysis of the artistic text: Theory. Methodology. Feedback algorithms]. Moscow: Flinta.
31. Vinogradov, V.V. (1971) *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of literary speech]. Moscow: Vyssh. shk.
32. Gorshkov, A.I. (1984) *Teoriya i istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Theory and history of the Russian literary language]. Moscow: Vyssh. shk.
33. Gorshkov, A.I. (2015) *Russkiy yazyk v russkoy slovesnosti* [Russian language in Russian literature]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute.
34. Shcheglova, E.A. (2018) *Leksika ocherkov puteshestviya I.A. Goncharova "Fregat "Pallada" kak strukturnyy element teksta* [Vocabulary of I.A. Goncharov's travel essays The Frigate "Pallada" as a structural element of the text]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.150
35. Shcheglova, E.A. (2017) *Leksiko-frazeologicheskie osobennosti ocherkov puteshestviya I.A. Goncharova "Fregat "Pallada" "* [Lexical and phraseological features of I.A. Goncharov's travel essays The Frigate "Pallada" as a structural element of the text]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
36. Gerd, A.S. (1988) *Eshche raz ob avtomatizatsii leksikograficheskikh rabot* [Once again about the automation of lexicographical works]. In: Karaulov, Yu.N. et al. (eds) *Sovetskaya leksikografiya* [Soviet lexicography]. Moscow: Rus. yaz.
37. Dobrynina, K.S. (2012) *Author's fairy tale characters system. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1. pp. 59–63. (In Russian).

38. Malyshev, A.A. (2017) *Tolkovanie v nauchno-populyarnykh tekstakh pervoy poloviny XVIII veka (na primere zhurnala Primechaniya k Sankt-Peterburgskim vedomostyam)* [Interpretation in popular science texts of the first half of the 18th century (using the example of the journal "Primechaniya k Sankt-Peterburgskim vedomostyam")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
39. Goncharov, I.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
40. Osipov, B.I. (2002) Razmyshleniya o russkom slove [Reflections on the Russian word]. *Mir russkogo slova*. 1. pp. 39–44.
41. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka 30–90-e gody XIX veka* [The development of the vocabulary of the Russian literary language of the 1830s–90s]. Moscow; Leningrad: Nauka.
42. Dahl, V.I. (1989–1991) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.

Received: 17 February 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

С.В. Бердаус

МЕСТО РАННЕЙ ЭТИКИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ Э. ГУССЕРЛЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-33-01027
«Ранняя этика Э. Гуссерля в его “Лекциях по этике и аксиологии” (1914)».*

Обсуждается место ранней этики Гуссерля в его феноменологическом проекте. Автор обращается к таким понятиям, как «обучение искусству», параллелизм логики и этики, формальная практика и аксиология. С помощью анализа понятий «а priori» и «опыт» объясняется возможность исследования априорных структур сознания, касающихся практики и оценивания. Сделан вывод, что реконструкция этики Гуссерля открывает возможность проследить динамику процесса деформации соотношения теоретического и практического знания.

Ключевые слова: Гуссерль; феноменологическая этика; практический поворот; формальная этика; ранняя этика Гуссерля; феноменологический опыт; а priori.

Западная философия начала XX в. ознаменована двумя парадигмальными «поворотами»: метафизическим и лингвистическим. Однако не менее фундаментальное влияние оказал на облик современной философии также и практический поворот (конечно, имеющий отношение к метафизическому и лингвистическому). Суть этого поворота в общих чертах может быть сведена к потере актуальности демаркации знания на теоретическое и практическое в силу как минимум двух причин: 1) расставания философии с миром умозрачного, отвлеченного, «платоновского»; 2) обращения философии к жизни индивидуального сознания, опыту конкретного человека. Примеры хайдеггеровских экзистенциалов бытия в достаточной мере ясно иллюстрируют это затирание, смещение, если не ликвидацию границы между практическим и теоретическим. Безусловно, все это не могло не сыграть роли в развитии этики как неотъемлемой составляющей философского знания.

Одним из инициаторов практического поворота выступил основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль. Его учение, что не всегда очевидно, представляет собой традиционный союз онтологии, эпистемологии и этики. Неочевидность же этого союза, а также сложности интерпретации его этической составляющей во многом, на наш взгляд, объясняются как раз внутренней революцией в понимании практического и теоретического знания самого по себе. Не меньшее значение имеет и то обстоятельство, что феноменология привлекала и привлекает к себе внимание в первую очередь как эпистемологический проект, как методология – заостренность именно на вопросах познания, логики и т.п., а также в целом антисистемный настрой феноменологии привели к тому (хотя формально это не основная причина), что исследования по этике остались в тени.

Таким образом, в данной статье мне хотелось бы восстановить равновесие и привлечь внимание российского читателя к тем исследованиям, которые Гуссерль проводил в области этики. Предметом исследования выступит ранний период этики Гуссерля, поскольку именно в рамках этого времени сформулированы те положения, которые, с одной стороны, де-

монстрируют сущностную сопричастность этики феноменологическому канону в целом, а с другой – помогают ухватить основной «нерв» трансформации как самой этики – если иметь в виду ее поздний этап, – так и мысли Гуссерля в целом – если иметь в виду достаточно этически (и экзистенциально) нагруженную позднюю работу «Кризис европейских наук». В этой связи задачами в статье видятся: 1) проведение общего обзора раннего периода этики Гуссерля; 2) экспликацию оснований сопричастности ранней этики феноменологии в целом.

Ранняя этика Гуссерля: истoki, проблемы, специфика

К работам по этике раннего периода относится ряд лекций, прочитанных Гуссерлем с 1908 по 1914 г. и изданных в 28-м томе «Собрания сочинений»¹ под названием «Лекции по этике и аксиологии 1908–1914 гг.» [1]. Примечательно, что изданные в этом томе «Лекции об основных вопросах этики и аксиологии 1914 г.» (далее «Лекции 1914 г.») были прочитаны годом позже публикации «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Поэтому эпитет «ранняя» по отношению к этическим работам этого периода носит скорее технический характер. «Лекции 1914 г.» произрастали на почве уже зрелых феноменологических идей: во-первых, Гуссерль неоднократно отсылает нас к Прологоменам (первому тому «Логических Исследований»), где он вводит понятие «обучение искусству» (Kunstlehre), которое является средоточием проблемы соотношения теоретического и практического знания; во-вторых, нашла свое продолжение концепция трех видов разума (теоретического, практического и аксиологического) из «Идей к чистой феноменологии», которая в «Лекциях 1914 г.» предстала в виде идеи параллелизма (Parallelismus) логики и этики.

В первом разделе «Лекций 1914 г.», который называется «Параллелизм между логикой и этикой», Гуссерль предлагает обратиться «...к параллелям логики и этики в соответствии с параллелями типов действий (Akt) и разума, на которых эти дисциплины

сущностно основаны: с одной стороны, разум, выносящий суждение, с другой – практический разум, в связи с чем напрашивается идея, что теперь также логике – в определенном и узко ограниченном смысле формальной логики – как параллель должна соответствовать в аналогичном смысле формальная и равным образом априорная практика» [1. S. 3]. Сама по себе идея параллелизма логики и этики, по всей видимости, важна была для Гуссерля по той причине, что предметную область этического знания он целенаправленно включал в общий план феноменологической психологии: «Научно обоснованные нормы психической деятельности предполагают научное познание этой деятельности, поэтому, само собой разумеется, что правила мышления, правила воли основываются на психологии мышления, психологии воли. Сущностные основы этики лежат также в психологии» [Ibid. S. 17]. В этой связи, как справедливо отмечает Лаврухин, «научное обоснование логики и этики должно осуществляться одновременно, по мере решения одной главной задачи – разработки универсальной феноменологической концепции разума, деятельность которого подразумевает как теоретическую, так и практическую составляющую» [2. С. 67].

С дисциплинарной точки зрения развитие параллели этики и логики происходит в плоскости концепта «обучение искусству»², которому в равной мере должны соответствовать и логика и этика. Достаточно четкое схватывание сути этого концепта мы находим у А. Рота: обучение искусству «не имеет цели проследить бесчисленные теоретические связи, оно является не системой истин, но системой правил, которым предписана практическая задача содействовать человеку в достижении определенных целей» [4. S. 71]. Первое, на что необходимо обратить внимание в приведенном определении, – это его нормативная природа. Этика как обучение искусству чего бы то ни было – искусству медицины, строительства, науки и проч. – это больше, чем просто моральный кодекс обыденной и профессиональной жизни человека, это сложный механизм, ответственный за *каждую* деятельность человека (ее цели, мотивы, средства и т.д.). Этика оказывается «нормативной наукой, которая должна предшествовать каждой технологии, универсальным способом обзирать человеческие цели и судить о них универсально со своей нормативной точки зрения, другими словами, исследовать, являются ли эти цели тем, чем должны быть (*ob sie so sind, wie sie sein sollen*)» [Ibid. S. 69]. В этом смысле Гуссерля не интересовали дескрипции и дефиниции добродетелей, которые мы находим, например, в «Никомаховой этике» Аристотеля. Скорее феноменологическая этика демонстрирует определенное сближение с этическими идеями Аристотеля в отношении – и это второе, на что мы хотели бы обратить внимание, – проблемы применения универсальной нормы к частной ситуации. Аристотель пытается решить эту проблему в контексте рассмотрения такой добродетели практического разума, как рассудительность (фроне́сис), в основе которой лежит особый тип силлогизма – практический, включающий в себя посылку с единичным термином. Гуссерль же, говоря об этике как о

дисциплине, формирует своего рода механизм, прибегнув к которому любой человек сможет «просчитать» алгоритм своего поведения в конкретной ситуации. Таким образом, с одной стороны, «этика – это научная дисциплина, а именно *обучение искусству*, которое постигает высшие жизненные цели, и, с другой стороны, пытается установить правила, которые бы облегчили отдельно взятому действующему субъекту разумное обустройство жизни и деятельности с учетом этих целей» [1. S. 384].

Для того чтобы механизм обучения искусству носил универсальный характер³, его нужно было «формализовать». В этом вопросе мы вновь наблюдаем столкновение идей Стагирита и основателя феноменологии: Гуссерль, признавая за Аристотелем основоположника классической логики, отмечал не в пример более слабую разработку этики, потому что «с самого начала он (Аристотель. – С.Б.) направлял исследования на материю поступка и его высшую цель, вместо того чтобы рассматривать общий формальный вопрос, а именно, формальные условия возможности разумного действия» [Ibid. S. 442]. Действительно, описание добродетелей в этике Аристотеля предполагает не более чем универсализацию характеров и нравственных особенностей его времени. По сути дела, это чисто эмпирическое исследование, хоть и обусловленное теорией счастья и общими представлениями об основаниях и целях человеческой деятельности. Поскольку исходным материалом для Аристотеля выступала моральная практика его времени, произведенная им универсализация имела достаточно узкие рамки. Гуссерль в этом смысле стремится к более «универсальной» универсализации: «В этической сфере, в сфере рациональной практики должно быть что-то вроде аналитики, что-то вроде формальной практики, комплекса принципов и законов, которые абстрагируются от “материи” практики и выражают закономерности в чистой форме, аналогично тому, как формально-логические законы поступают относительно знания, абстрагируясь от так называемой материи знания» [Ibid. S. 37].

С целью разъяснения собственной точки зрения Гуссерль посвящает часть своих лекций критическому осмыслению оппозиции этического эмпиризма Юма и этического абсолютизма (в терминологии «Лекций 1914 г.») Канта. В «Лекциях 1914 г.» он описывает традиционные недостатки этих двух этических систем: эмоциональная выхолощенность категорического императива в системе Канта и опасное – в смысле этического скептицизма – доминирование эмоции (аффекта, чувства) в системе Юма. Здесь может вызвать недоумение тот факт, что Гуссерль в поисках пути формализации этического дискурса отвергает (а не дорабатывает, например) кантовскую версию этического формализма. В настоящей работе мы не можем подробно осветить эту проблему, она имеет свою историю, связанную с резкой критикой категорического императива, инициированную еще Ф. Brentano, которую Гуссерль разделял и всячески развивал в своих этических работах. Одним из основных было различие взглядов на то, какая предметная область должна быть формализована. Кант в поисках

нравственно априорного отсекает все внешне детерминированное, в том числе и чувства, эмоции, которые, будучи апостериорными, по своему статусу опасны для этики, главным образом в силу своей относительности. Гуссерль же, несмотря на то что его антирелятивистский пафос в равной мере распространялся и на этику, «допускает» чувства и эмоции в эту область⁴. Это возможно в силу того, что феноменологическая этика охватывает иную предметную область, а именно специфические формы опыта, в которых нам дают любые этические переживания (в том числе и связанные с ними эмоции). Подробнее об этом будет сказано во второй части статьи. Здесь же отметим, что исследования этих специфических форм опыта должны осуществляться в рамках таких составляющих формальную этику дисциплин, как формальная практика, формальная аксиология и феноменология воли. И далее, согласно принципу параллелизма логики и этики, выстраивается следующее соотношение: «...формальная логика, которая чисто формально имеет дело с предложениями истинности, возможности, предположения и вероятности, вопросительности и т.д., коррелирует с учением о соответствующих актах разума и их нормативном регулировании, и исследование этого затем переходит в общую феноменологию сознания логического разума. Точно так же в отношении этики. С объективной или нозматической точки зрения мы переходим в точку зрения акта и его регулирования, и отсюда мы получаем систематически полное исследование в (рамках) чистой феноменологии оценивающего разума и волящего разума, которое интегрируется в общую феноменологию сознания в целом» [1. S. 141].

Итак, феноменология выводит нас из плоскости двухуровневого строения знания, где наука и эпистема имели самодовлеющее положение, не выходящее за рамки себя, и приводит нас к сознанию как динамичной системе, которую следует подробно изучить, обнаружить закономерности и, может быть, подчинить здравому смыслу. В результате этика становится не просто дисциплиной о поступке как следствии функционирования сознания, о целях и средствах этого поступка; этика становится знанием о душе и *всех* ее способностях, как отвлеченно-спекулятивных, так и предметно-ориентированных. Остается вопрос: каким образом этическое знание «интегрируется в общую феноменологию сознания в целом»?

Ранняя этика в системе феноменологии

Итак, из вышесказанного можно сделать вывод, что формальные этические дисциплины каким-то образом должны быть интегрированы в общую феноменологию сознания. Если мы обратимся к работам Гуссерля, соотносимым с периодом ранней этики, то сможем обнаружить ряд текстов, в которых формальной практике и аксиологии отводится определенное место в иерархии (или системе) феноменологического знания.

Например, во «Введении и заключении к лекциям об основных проблемах этики и аксиологии» (1911), работе, посвященной скорее «идеи философии»,

нежели этике, Гуссерль предлагает следующий дисциплинарный эскиз сферы мунданной феноменологии: «Совершенно очевидно, что мы должны разделить философию как науку об абсолютном, во-первых, на чистую или априорную философию: она включает в себя целый комплекс учений о принципах, чистых или рациональных дисциплинах, чистой логике, чистом матезисе, чистой естественной науке, чистом учении о пространстве и времени, чистом сущностном учении о душе (индивидуальной и социальной), чистой теории ценности, чистой практике; и, кроме того, нозматические дисциплины и высшие дисциплины <...>. Во-вторых, на метафизику как абсолютную науку о фактической реальности, хорошо обоснованной в чисто философских дисциплинах, которые, конечно, не дают ей презумпции бытия, но скорее принципы обоснования и прояснения смысла, чистых норм и идеалов» [1. S. 182]. Более подробных рассуждений о формальной практике (чистой практике) и формальной аксиологии (чистой теории ценности), о каких-то особенностях этих дисциплин в этой работе нет; по всей видимости, уже в 1911 г. Гуссерль планировал посвятить им отдельные лекции, что имело место в «Лекциях 1914 г.». Еще одно упоминание или, точнее, включение интересующих нас формальных дисциплин в системный план можно встретить в «Лекциях по логике и всеобщей теории науки» (1917–1918 гг.), в которых Гуссерль предлагает очередной вариант проекта наукоучения, развернутый и весьма широкомасштабный. В этом проекте формальной практике и формальной аксиологии отведен целый параграф [5. S. 286–311], в котором около двадцати страниц посвящено базовым вопросам этих дисциплин.

Из того, что Гуссерль регулярно включал обсуждаемые дисциплины в общий план феноменологии, хотя и уделял им несравнимо меньшее внимание, чем иным вопросам, можно заключить, что роль этих дисциплин обусловлена их причастностью к основной области, в которой разворачиваются феноменологические исследования – сознанию. Это тривиальное заключение может быть специфицировано тем, что – как мы помним из вышеуказанного разделения – формальная практика, формальная аксиология представляют собой дисциплины, входящие в корпус априорной философии. И если в отношении, например, формальной логики или чистого матезиса, вопрос о возможности априорного исследования не возникает, то в отношении исследования практической области такой вопрос может возникнуть. Поэтому представляется целесообразным сделать несколько пояснений общего характера о понимании в рамках феноменологии а priori, а также соотносимого с ним понятия опыта.

Главное, на что следует указать, – Гуссерль не рассматривал предикаты «врожденный», «доопытный» по отношению к а priori. Акцент в понимании (толковании) смещен на необходимое, универсальное и общезначимое. Однако, в отличие от кантовской традиции, где «априорны в первую очередь принадлежащие субъекту способности, инструменты, орудия познания <...> а также все то содержание знания, ко-

торое выведено из априорных положений (понятий, принципов) самих по себе без непосредственного обращения к материалу опыта» [6. С. 83], в феноменологии необходимым, универсальным и общезначимым является именно опыт. И «лишь благодаря рефлексивно постигающим на опыте актам мы и знаем хотя бы что-то о потоке переживаний и о необходимой сопряженности такового с чистым Я, т.е. знаем о том, что поток переживания есть поле свободного совершения когитаций одного и того же чистого Я, что все переживания, относящиеся к этому потоку, суть переживания этого Я именно постольку, поскольку это Я может направлять свой взгляд на них, а “через них” может бросать взгляд и на иное – на чуждое этому Я». [7. С. 237]⁵.

Будучи одним из базовых в феноменологии, понятие опыта (*Erfahrung*) – многослойной, сложно охватываемой единым взором топки – живо реагировало на все эволюции гуссерлевской мысли. Метафорически феноменологический опыт может быть изображен как жизнь сознания, чистого Я, открытость сознания для перманентного познания. Если избегать метафор, то опыт может быть представлен как допредикативная, недискурсивная структура сознания, функционирование которой отражает универсальные и всеобщие условия познающей субъективности, чистого Я. Дабы еще раз подчеркнуть своеобразие феноменологического понимания опыта, в частности развеять какие-либо сомнения в том, что Гуссерль не противоречил сам себе, критикуя все формы эмпирической психологии и при этом выстраивая свою философию на понятии опыта, обратимся к следующим словам Л. Тенгели: «Под “опытом”, напротив, понимается процесс (*Vorgang*), который – по крайней мере частично – не подпадает под юрисдикцию сознания. В нём появляется, как выразился в “Феноменологии духа” Гегель, нечто новое “за спиной сознания”» [10. С. 210]. Таким образом, приступая к феноменологическому исследованию «фундаментальных артикуляций опыта: перцептивного, имагинативного, интеллектуального, волевого, аксиологического и т.д.» [11. С. 309], мы обращаемся к тем процессуальным структурам, к которым субъект не имеет сознательно-созидательного отношения, но в которых он себя обнаруживает и создает.

По всей видимости, широкий спектр априорных наук, составляющих чистую (априорную) феноменологию, и предусматривает возможность охвата всех вышеперечисленных «фундаментальных артикуляций опыта». Какие примеры феноменологического опыта мы можем привести для интересующих нас формаль-

ной практики и формальной аксиологии? Анализ «Лекций 1914 г.» показывает, что внимание Гуссерля было заострено на таких видах опыта, как оценивание, выбор, мотив, цель, желание и т.п. Как мы можем отметить, эти «позиции» одинаково актуальны и собственноручно для этики (если выходить за рамки ее феноменологического извода) как моральной теории, и для более широкого контекста – всех форм деятельности человека. Все это, в принципе, согласуется с тем глубоким убеждением Гуссерля, что «моральная философия – это *только часть* (курсив мой. – С.Б.) той этики, которая должна быть необходимо понята как наука о жизни рациональной субъективности» [12. С. 21].

В самом начале статьи мы сказали о том, что Гуссерль был одним из тех философов, кто в начале XX в. находился у истоков обратной стороны метафизического поворота – «практического поворота» в развитии западной философии. Идеальной задачей для нас было представить этику Гуссерля как одну из граней универсума феноменологического знания в целом, суммировав такие ее особенности, как: 1) постулирование примата практического над теоретическим в концепции обучения искусству (*Kunstlehre*); 2) формализация практического дискурса как «путь» комплементарной интеграции этики и онтологии в едином знании о сознании; 3) специфическая трактовка опыта как вариативной пульсации сознания, функционирования его как попеременно так и одновременно в теоретическом и практическом модусах. Нам сложно судить об успешности нашего предприятия, однако есть два соображения, которые не вызывают никакого сомнения. Первое – это необходимость экспликации этической стороны феноменологического знания, которая позволит ухватить концептуальный замысел этого проекта. Второе соображение носит историко-философский характер и заключается в том, что реконструкция этической составляющей феноменологии даст возможность проследить динамику процесса деформации соотношения теоретического и практического знания. Ключевыми фигурами этого процесса выступали Кант (постулат о независимости друг от друга теоретического познания и этики), Фихте (примат практического знания над теоретическим), Гуссерль (примат конкретно-этического исследования) и ученик Гуссерля Левинас, которому «принадлежит заслуга в установлении того факта, что онтология, даже фундаментальная, может не достигнуть основания, потому что основание принадлежит не к теоретической философии, а к этике» [13. С. 138].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомним, что Гуссерлиана состоит из четырех серий: основной является «Собрание сочинений» (*Gesammelte Werke*), которая включает книги и статьи, опубликованные Гуссерлем при жизни, и подборку его рукописей; серия «Документы» содержит биографические и библиографические материалы и переписку Гуссерля; серия «Материалы» в основном включает расшифровки лекций, которые были прочитаны Гуссерлем, а также дополнительные рукописи; кроме того, есть серия «Собрание сочинений» (*Collected Works*), в которой опубликованы английские переводы некоторых основных текстов.

² Перевод термина *Kunstlehre* в русских текстах имеет непростую историю. Несмотря на то что составляющие его лексемы – *Kunst* (искусство) и *Lehre* (учение, учеба, наставление) – лишены какой бы то ни было сложности в своем значении, при слиянии они образуют нечто настолько «концептуальное», что адекватный эквивалент слова, обозначающего этот концепт, подобрать в русском языке пока не получилось. Переводчики прибегают к самым разным словосочетаниям. Э.А. Бернштейн («Прологомены») переводит как «практическое руководство», В.И. Молчанов («Логические исследования» 2-й том) – как «техническое учение», Д.В. Кузнецов («Кризис европейских наук») – и

этот перевод нам ближе всего – как «научение искусству». Со своей стороны, мы сначала избрали «легкий путь» и, сославшись на многослойность смысла концепта *Kunstlehre*, в [3] оставили его без перевода. Однако теперь понимаем, насколько важен этот термин для практической феноменологии Гуссерля и предлагаем свой перевод – «обучение искусству». По какой причине мы не принимаем до конца вариант Кузница? Дело в том, что слово «научение» само по себе уже имеет терминологическую нагрузку (психология), и эта нагрузка, на наш взгляд, может привести к искаженному пониманию значения *Kunstlehre*.

³ Универсальность в данном случае касается именно структурных аспектов. В содержательном смысле помимо идеи «общего, психологически обоснованного, логического обучения искусству, также вполне оправданы специальные обучения искусству, опирающиеся на группы наук и отдельные науки» [1. С. 5].

⁴ Этим объясняется интерес Гуссерля к этике Юма, да и в целом к его философии. Гуссерль отдает должное последовательности и внутренней согласованности теоретической и практической философии шотландского философа. Однако откровенно релятивистский настрой юмизанской этики был для Гуссерля неприемлем.

⁵ Отметим, что Гуссерль, часто сгущающий на проблему эквивокций в философской терминологии, обращал внимание студентов и своих читателей и на термин опыт. И если в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» термин «опыт» употребляется на регулярной основе, хотя и с оговорками, то, например, в работе «Феноменология и теория познания» (1917) Гуссерль без обиняков рекомендует избегать употребления этого термина: «...в современной научной ситуации для феноменологических взглядов лучше избегать слова «опыт» вообще, как бы неудобно это ни было. Поэтому мы предпочитаем говорить о (изначально дающем или опредмечивающем) *взгляде* (*Anschauung*) на индивидуальные единичные формы сознания (или «феномены», которые при очищении феноменологической редукцией называются трансцендентными чистыми феноменами)...» [8. С. 161]. В более поздних работах системный контекст наук, занятых описаниями различных видов опыта, будет соотноситься с так называемым миром опыта (*Erfahrungswelt*): «Этот мир опыта очевидным образом имеет определенную общую структуру во всех своих субъективных формах, которые изменяются в субъективной жизни и деятельности (*Wirken*), и не случайным образом, а априорно необходимым» [9. С. 57].

ЛИТЕРАТУРА

1. Husserl E. Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914 / Husserliana, Gesammelte Werke. Dordrecht; Boston; London : Kluwer Academic Publishers, 1988. Bd. 28. 523 s.
2. Лаврухин А.В. Идея практического разума в феноменологии Э. Гуссерля // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311, № 7. С. 80–84.
3. Бердаус С. В. «Kunstlehre» в философии Гуссерля: нормативность и выполнимость // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 352–365.
4. Roth A. Edmund Husserls ethische Untersuchungen. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1960. 171 s.
5. Husserl E. Logik und allgemeine Wissenschaftstheorie: Vorlesungen 1917/18 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 30. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1996. 555 s.
6. Перов Ю.В. Лекции по истории классической немецкой философии. СПб. : Наука, 2010. 531 с.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М. : Академ. проект, 2009. 489 с.
8. Husserl E. Aufsätze und Vorträge 1911–1921 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 25. Dordrecht : Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 408.
9. Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925. Dordrecht : Springer-Science+Business Media, B.V., 1968. 651 s.
10. Тенгели Л. Феноменология и категория опыта // HORIZON. Феноменологические исследования. 2012. № 1 (2). С. 201–219.
11. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет? // Историко-философский ежегодник '90. 1991. С. 296–316.
12. Husserl E. Aufsätze und Vorträge 1922–1937 / Husserliana, Gesammelte Werke. Bd. 27. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1989. S. 333.
13. Марион Ж.-Л. Метафизика и феноменология – на смену теологии // Логос. 2011. № 3 (82). С. 124–143.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 12 февраля 2019 г.

The Place of Early Ethics in the Phenomenological Project of Edmund Husserl

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 69–74.

DOI: 10.17223/15617793/442/8

Svetlana V. Berdaus, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: s.berdaus@yandex.ru

Keywords: Husserl; phenomenological ethics; practical turn; formal ethics; early ethics of Husserl; phenomenological experience; a priori.

The article attempts to show the place of Husserl's early ethics within the project of phenomenology. Although it is a common-place to consider phenomenology as epistemology or methodology, there is a great number of Husserl's works on ethics. The author thinks that Husserl's early ethics works (which coincide with the transcendental stage) are devoted to the solving of the problems related to the practical turn. The practical turn correlating to the metaphysical turn of the beginning of the 20th century includes a number of radical modifications that eliminated the border between practical and theoretical areas. Since this eliminating affected the whole of the philosophical tradition of the past century, the study of Husserl's ethics is a relevant task. This article is one of the attempts to start this study. First of all, the author addresses the main ideas and concepts of Husserl's *Lectures on Ethics and Value Theory (1908–1914)*: the notion of practical and normative discipline (*Kunstlehre*), the idea of parallelism between logic and ethics, the concepts of formal practice and formal axiology. Considering the key ideas of Husserl's early ethics, the author notes the connection of these ideas with Husserl's previous works, shows their differences with the previous philosophical tradition (Aristotle), and briefly presents the essence of Husserl's disagreement with the ethical concepts of Hume and Kant. The author suggests solving the problem of the place and role of early ethics in phenomenology taking into account the involvement of formal ethical disciplines in consciousness as the main field of phenomenological research. Therefore, the author raises the question: how is it possible to study the a priori structures of consciousness which relate to practice and assessment? In order to answer it, the author of the article refers to the concepts of "a priori", "experience" and shows that Husserl understood these concepts differently from Kant. An experience within phenomenological tradition might be presented as a non-predicative and non-discursive structure of consciousness; the functioning of this structure displays universal conditions of cognitive subjectivity (pure I). Phenomenological research consists in referring to the process structures subjects do not have direct access to, but in which they find and recognize themselves. Thus, the aim of Husserl's formal ethics was to provide the possibility of a full coverage of all the "fundamental articulations of experience".

REFERENCES

1. Husserl, E. (1988) Vorlesungen über Ethik und Wertlehre 1908–1914. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 28. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers.
2. Lavrukhin, A.V. (2007) Ideya prakticheskogo razuma v fenomenologii E. Gusserlya [The idea of practical reason in the phenomenology of E. Husserl]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 311 (7). pp. 80–84.
3. Berdaus, S.V. (2016) Kunstlehre in Husserl's philosophy: normativity and practicability. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 14 (3). pp. 352–365. (In Russian).
4. Roth, A. (1960) *Edmund Husserls ethische Untersuchungen*. Den Haag: Martinus Nijhoff.
5. Husserl, E. (1996) Logik und allgemeine Wissenschaftstheorie: Vorlesungen 1917/18. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 30. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
6. Perov, Yu.V. (2010) *Lektsii po istorii klassicheskoy nemetskoj filosofii* [Lectures on the history of classical German philosophy]. St. Petersburg: Nauka.
7. Husserl, E. (2009) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Book 1. Moscow: Akadem. proekt.
8. Husserl, E. (1987) Aufsätze und Vorträge 1911–1921. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 25. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers.
9. Husserl, E. (1968) *Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester 1925*. Dordrecht: Springer-Science+Business Media.
10. Tengelyi, L. (2012) Fenomenologiya i kategoriya opyta [Phenomenology and the category of experience]. Translated from German by D. Kononets. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. 1 (2). pp. 201–219.
11. Ricouer, P. (1991) Chto menya zanimaet poslednie 30 let? [What occupies me during the past 30 years?]. In: Motroshilova, I.V. (ed.) *Istoriiko-filosofskiy ezhegodnik'90* [Historical and Philosophical Yearbook'90]. Moscow: Nauka. pp. 296–316.
12. Husserl, E. (1989) Aufsätze und Vorträge 1922–1937. In: *Husserliana, Gesammelte Werke*. Bd. 27. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
13. Marion, J.-L. (2011) Metaphysics and phenomenology – a relief for theology. *Logos*. 3 (82). pp. 124–143. (In Russian).

Received: 12 February 2019

О.В. Костина, О.Ф. Филимонова

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ ИСКУССТВА: VIDE SUPRA, ИЛИ СМОТРИ ВЫШЕ

В контексте общего концептуального поля философии постмодерна и в качестве организующего анализ принципа выдвигнут афоризм *vide supra*, смысловая развертка которого представлена измерением трансцендентного. Эта позиция предполагает уход от плоскостного понимания бытия к его сущностному перспективному видению, от идолоподобных фабрикаций к экзистенциальному восхождению. Метафизический вектор искусства позволяет быть в пространстве духовно оторефлектированных форм, свободных от диктата художественного и культурного техницизма.

Ключевые слова: трансценденция в культуре; философско-эстетическая критика; культура постмодерна; духовные ориентиры; креативная экономика.

Современная интеллектуальная мысль глубоко увязла в дилемме: как можно говорить об искусстве, если само его существование вызывает вопрос. Проблема заключается в фиксации демаркационной линии в той пограничной зоне, внутри которой искусство уже не является искусством, а существует как бы «по ту сторону искусства». Ведь, собственно говоря, возникнув как нехудожественные настроения, как нечто обозначающее опыты, новые искания, пробы, разнообразные, нередко сомнительные, но всегда достаточно смелые и убеждающие, экстремальные художественные движения конца XIX–XX в. были сориентированы на внехудожественные силы и, судя по их манифестам и лозунгам, они вовсе не желали оставаться искусством. В таком подходе присутствует значительная доля рискованной эмпирии, но для бунтарей-деятелей экспериментаторство представляло собой необходимое методологическое требование.

В разное время, не располагая свободными от иллюзий ответами, гуманитарии-исследователи предлагали описания наблюдаемых процессов, объясняя их сущностные проявления в виде дегуманизации и не-трансцендентности искусства, оскудения художественных и человеческих источников для творчества, синдрома сциентизма и техноцентризма в культуре, подмены искусства утилитарно-рассудочной, сочленённой с эстетическим эффектом индустрией и т.п. Создавшееся положение вещей, пожалуй, очень удачно обрисовал В. Вейдле, резюмируя свои размышления довольно радикальной тезой об умирании искусства, в том смысле что если эстетические потребности человека убить нельзя, то искусство убить можно, как можно и человека отучить от творчества [1. С. 289].

Разумеется, можно скорбно и благородно уверять в гибели искусства, тем не менее оно само будет жить даже притом, что сегодня его положение в тумане собственных духовных мытарств весьма неустойчиво. Говорят, трудные времена скупы на обещания, но щедры надеждами. В формате этой сентенции исторический момент является конститутивным. Теперь, когда слабые стороны нынешнего дробного, калейдоскопического времени, отмеченного неопределенностью и смутностью самосознания искусства, предельным субъективизмом и тяготеющей к анархии свободой посткультуры стали болезненно очевидными, впору ожидать более глубоких перемен в эстетическом сознании и художественном творчестве. Не бу-

дучи наивными в оценке этого далекого от наивности ожидания, признаем, что действительность намного сложнее и никакому анализу и наблюдательности не исчерпать ее вполне. И все же, пока еще не сказано последнее слово.

Нужда в эстетическом осмыслении действительности сегодня выражена вполне явственно. Современность располагает возможностями сформулировать ряд положений, которые обозначают суть эстетической рефлексии в современной культуре. Во-первых, можно говорить о своеобразном расширении эстетического опыта в культуре, который уже охватывает не только искусство, но и смежные территории политики и этики, дает способ доступа к реальности через эстетические коды. Во-вторых, сам мир оказывается развернут в сторону эстетических вопрошаний, указывая на плюрализм и нужду в индивидуальном. Мир может быть оправдан не иначе как эстетический феномен, по Ф. Ницше. Именно искусство помогает выйти из замкнутого круга технологий и продемонстрировать иные способы понимания мира. В-третьих, искусство всегда демонстрировало, в силу парадоксальности своей природы, дистанцию между миром и предметом, а сила символической природы искусства заключается в трансцендентном измерении, которую никто не может отменить.

Таким образом, видимые состояния современного искусства и волнения творческого духа могут служить ценным источником для непосредственных размышлений и вопрошаний: камо грядеши? Можно ли говорить, что это движение способно повернуть в каком-то определенном направлении, перейти на какую-то новую высотную позицию? Если да, то какую?

Акцент высоты. Главной подсказкой в этом смысле может стать латинский афоризм *vide supra*, выведенный нами в название данной статьи. В буквальном смысле максима «смотри выше» – это побуждение к действию, совет, понуждающий взгляд, который пока не может осуществиться свободно и непринужденно, к вырастанию вверх. Смотреть – это всегда внимание, обращенное на часть окружающего мира, но в призыве «смотри» звучит внешнее требование активного усилия изнутри, и потому координата «выше» инициирует рефлекссию, начало и важнейшие детали действия. Переход из покоя в движение, т.е. изменение, которое должно явиться из области чувственно-телесного, высказывает себя в устремле-

нии взора вверх. Акцент высоты придает вертикальному восхождению взгляда градус сфокусированного состояния и, как следствие, открывается новое видение ситуаций или отношений между вещами. В этом смысле взгляд равен духовной рефлексии, потому-то он есть задача духа и опора тела, начало всякого действия и модели смысла; он ценен сам по себе и сам себя выражает через свои качества и характеристики.

Высота дается нам как некий прирост видения, сближающий наш взгляд с трансцендентным. Он дает сверхчеловеческую перспективу, раскрывая подлинную глубину вещей, укрытую за их внешними характеристиками. Направленность взгляда в высоту гарантирует стереоскопичность видения, этот взгляд зорек, а не подозрителен, он видит не только нижнюю кромку вещей, а всю полноту их смысла. Таким образом, эта стратегия является смыслонесущей, позволяющей человеку ориентироваться в культуре, которая не может не существовать без собственных механизмов трансценденции как образцов совершенства, полноты и системности.

Расширение контекста. Максима «смотри выше» – это совет человеку духовно подняться настолько, чтобы мыслью (умный взгляд) проникнуть в недоступное чувству. Другими словами, увидеть за видимым невидимое. Для древних греков такой сокрытой для чувств сущностью была вечность, пребывающая выше звезд. Как убеждал Платон, только «духовный взор», направленный на сверхчувственное, невидимое оком, открывает истинную сущность вещей, лишь свет умопостигаемой вечности наполняет душу зрением, делает все сущее зримым.

Тема движения вверх содержательно представлена в разных культурно-исторических ракурсах.

Вертикальная позиция связана в архаической культуре с высшим проявлением сакральности. Показывая культурно-историческую изнанку слов английского языка, М. Маковский отмечает и такое значение бытия, как «тянуться вверх, восходить, иметь вертикальное положение». Вертикальное положение в пространстве символизировало, в отличие от горизонтального, все божественное: например, *stand* – «стоять» восходит к индоевропейскому *stha-* и может быть сопоставлено с такими значениями, как английское *understand* – означает буквально «стоять под небом, Богом», древнеанглийское *stan* – «камень, гора», осетинское *dis* – «чудо», древне немецкое *zetten* – «выпрямлять, приводить в порядок» [2. С. 60].

Само определение человека (*άνθρωπος*) типологически соотносится в первой части слова с древнеиндийским *adri* – «устремленная вверх гора», а вторая соотносится с корнем, представленным в немецком *em-rog* – «вверх». Человек мыслился как микрокосм и отождествлялся с вертикально стоящим шестом (настоящий, истинный, следовательно, находящийся в вертикальном положении, тянущийся к небу; ср.: латинское *sublestus* – «слабый, тривиальный, не имеющий значения, буквально «не поднявшийся по лестнице до Бога, не пообщавшийся с Божеством»). Человек в этом смысле выстраивается снизу вверх, переступая пределы, преодолевая себя. Удерживать вертикализм и есть представить структуру культуры в целом.

Из нового порождающего опыта – ощущения себя ввергнутым в небо – развились различные формы ориентации человека в пространстве [2. С. 60]. Так, мифологема «высота» является древнейшей формой ориентации человека в смысловом пространстве культуры. Любой холм или возвышенность есть репрезентация неба – абсолютного верха как источника позитивных смыслов в культуре.

Обратимся к Платону, который задает парадигму «высокого места» в европейской культуре. Платон создает, по мнению С. Аверинцева, миф второй степени, послерефлексивный и символический. Все в терминологии Платона – эквивалент неба. Оно не только объемлет сущее, но и включает его в себя. Душа неба – это душа универсума, предельная духовность. Истинная Земля находится под самыми небесами в чистом эфире. Люди же не могут достичь крайнего рубежа воздуха по своей слабости и медлительности. Они находятся внизу, во впадинах, воображая, что живут на поверхности. Обитатели же небесной земли видят солнце, звезды такими, какими они есть на самом деле, а спутником всему этому является полное блаженство.

В диалоге «Федр» дается описание вечного и прекрасного неба, где правят в вышине миром. Тема высокого, связанного с легкостью, парением, красотой, мудростью, доблестью, истиной и низкого как причастного злу, безобразному, дурному, всей силой тянущего к земле, пронизывает всю ткань указанного диалога. Бессмертные души (боги) могут созерцать занебесную область, подлинное знание в подлинном бытии, стоя на небесном хребте в круговом движении. Судьба других душ такова: некоторые поднимаются в занебесную область и несутся в круговом движении по небесному своду, но с трудом созерцают бытие, другие – то поднимаются, то опускаются или носятся в глубине, топчут друг друга, пытаются опередить. Все они довольствуются мнимым пропитанием, и не в состоянии созерцать истину. Но души, которые созерцали священное, благодаря памяти могут припомнить увиденную когда-то прекрасную местность. Человеческая тоска оттуда, от памяти, которая припоминает то, «что некогда видела наша душа, когда она сопровождала бога, свысока глядела на то, что мы называем бытием, и поднималась до подлинного бытия» [3. С. 158].

Таким образом, высота – это место, которое утрачено, его нет, но без него жизнь не имеет, по Платону, смысла. Культура немислима без культа, который постигается, по П.Флоренскому, не снизу вверх, а сверху вниз. Такую сверхчеловеческую перспективу дают духовные практики, открывающие новую, надмирную точку зрения, сообщающие связь разрозненным впечатлениям души. Если обратиться к пейзажу П. Брейгеля «Охотники на снегу», то можно увидеть воплощенную в художественном произведении космическую точку зрения. Взгляд художника зорек, он исполнен любви и подробностей, это дар зрения, способный заключить в объятия всю землю.

Вышеизложенное показывает, что высокое место, как набор позитивных характеристик, представляет перенапряженную структуру небесного видения и

покровительства. Высота понимается как необходимая связь с абсолютным. Из близости к этому «умному» месту проистекают сакральные характеристики объектов, определяются главные действующие лица и смысловые векторы движения культуры. Вот почему верность своему древнему символическому характеру хранит христианско-православное искусство: иконописание, стремящееся к проявлению нетленного, невидимого, исполняет взятую на себя задачу одухотворить земное, осуществить, подобно вере, ожидаемое, вознести мысль и сердце человека в мир духовного, приблизить к душе нашей вечность.

П. Флоренский, рассуждая об особенностях иконы, указывает, что она связана с высшей реальностью, без этой символической предназначенности она просто поверхность, материальная ценность, но никак не свидетельство духовного мира. «Икона всегда или больше себя самое, когда она – небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе как расписанной доской [4. С. 100]. Следуя порядку прочтения иконы, только на последнем анагогическом уровне мы можем достичь уровня чистого созерцания, непосредственного общения с первообразом. Сама икона есть взгляд, который направлен не на сиюминутное, бренное, но на вечное, поэтому в ней совмещаются разные временные и пространственные моменты, содержание выверяется каноном, а техника писания есть обожение, преобразование под действием света.

Чтобы увидеть значимость этой дистанции, которая заставляет смотреть выше, от чувственного переходить к сверхчувственному, полезно привести разграничение Ж.-Л. Мариона. Размышляя о даре Божественного бытия в своей сокрытости, автор указывает на дистанцию как свидетельство этого различия, где Абсолют не будет приручен человеческим опытом ближайшего. Идол – это попытка фамиллярного отношения с Божеством, он, по Мариону, устраняет дистанцию между нами и Абсолютом, делает невозможной высь и даль, поставляет Божество в наше распоряжение, снижая все способы восхождения к Абсолюту. Не означает ли оно неслышного, но радикального устранения той выси и той неопровержимой инаковости, коими в собственном смысле удостоверяется божественное? – задается вопросом Марион. Конечно, в своем утешении, свидетельстве идолические образы убедительны и действительны, но они не могут решить главного – возобновить трансцендентную связь, делая все близким, доступным, усеченным, поскольку больше не существует зазора между вечным и конечным. Икона же говорит о другом. Дистанция между человеческим и божественным становится неодолимой, более того, она становится мотивом видения и понимания. «Икона же оберегает эту дистанцию и высвечивает ее в незримой глубине непроницаемого и открытого образа» [5]. Топология зеркального изображения идола сменяет типика призмы, где незримое является фокусом видения зримого, образ непреодолим, им нельзя манипулировать, он открывается из собственной глубины. Все характеристики изображения читаются в семиотическом ключе как знаки незримых вещей.

Что же остается, когда божественное исчезает, или фабрикуется или возникает в пространстве всеобщих равнозначностей? Это пустое пространство, где ничего не происходит. Где все разворачивается на поверхности, где исчезает из мира тайна, а появляется ближняя траектория развития, движения, переворачивания. Надежды, по Мариону, можно возлагать на парадоксальные жесты искусства, на исключительный способ прохождения дистанции человеком, на чистоту этой линии, которая не присваивает, а высвобождает и хранит, поэтически выдерживает меру, ритм, строгость. Одним словом, на искусство, которое сохраняет высоту.

В сущности, максима «смотри выше» может быть отнесена к числу принципов, органичных для творческих практик. Вспомним С. Дали, который из радикала превратился в классика и чьи слова, сказанные по поводу своего обращения к традиции (т.е. великим памятникам европейской духовной культуры), сегодня прозвучат весьма актуально: «Классика есть целостность, космос, вера, а не разобщенность, не хаос и не цинизм; *классика* – это значит, что в произведении искусства уже есть *все* – то все, которое отовсюду, – но этому *всему* совершенно точно определено место в строжайшей иерархии, так организующей шедевр, что никакая деталька (а имя им легион) не лезет в глаза» [6. С. 264]. Ясно, что модернистская причастность к традиции – не «бескрылый возврат к истокам», но внутренняя потребность не упускать из виду вневременное. Наконец, на факт синтетических обобщений опыта классики и неклассики (под знаками эстетического, игры, иронии) как художественно-эстетической деятельности постнеклассического этапа указывают современные исследователи [7. С. 58].

Хотелось бы указать еще на одно существенное обстоятельство. Возвращение к традиции, как отмечал С. Франк, есть прорастание изнутри сквозь всю толщу материала, которым располагает культура, а не движение по касательной, тогда ничто не может быть отброшено, а все складывается в духовно отрефлексированные формы. Традиция здесь понимается не в строго каноническом ключе, а как экзистенциальное пространство исполненных сил и переживаний. Вот почему мы можем говорить о современных пространствах искусства как о пространствах сложных, не редуцированных до удобных составляющих, не представляющих собой неуловимой игры значений, эстетического калейдоскопа вариантов, но промысленных и прочувствованных глубоко, которые и делают присутствие эстетического опыта действительным. Об этих формах магического, сложного производства жизни в измерении эстетического опыта писал Х.У. Гумбрехт [8].

Итак, проведенная нами короткая отсылка к онтологическим смыслам есть знак расширения контекста ценностных ориентиров в современной эстетике и искусстве. К началу XXI в. – и это симптом нового положения дел в аксиологии – возникает понимание того, что современность, перенесенная в метафизический план, обретает более устойчивую и убедительную реальность. Конечно, ценности эти становятся живой реальностью только в восприятии людей, по-

буждая мыслить, переживать, действовать, – иначе они мертвы. Не столь случайно культивирование мысли относительно того, что признак большого искусства состоит в том, что его «влияние всеобще и вечно», что художник призван «выговорить» в своем произведении «зрело промедитированное суждение о вечных предметах», возвестить людям, «притом для многих, сокровенные духовные содержания» [9. С. 334].

Онтологическое содержание эстетического опыта свидетельствует о всех формах превосходения плоскостного видения мира и его неукорененности в человеческом бытии и опыте в рамках онтологии, метафизики как архитектурного понимания мира в кантовском смысле этого слова. Станным образом складывается парадоксальная ситуация, когда метафизика и сомнительна, и желательна. На карте желаний пути понимания множатся, ибо в обмирщенном обществе искусство все же остается прибежищем духа. Сознание грезит надеждой вернуться от внеэстетической эстетичности к Эстетике с большой буквы, к «страданию» мысли, к поиску содержания разных определений, которые звучат возвышенно и нетленно. Художественные деятели пытаются в своем творчестве преломить традицию и сочетать ее с новыми тенденциями, уловить то, что есть вне времени, то, что шире пределов нашего бытия. Однако новые духовные интенции – не более чем технический прием (в узком и широком смысле этого слова), а отнюдь не полный набор условий, который должен быть выполнен для того, чтобы сущностный сдвиг действительно состоялся. Тем не менее можно сказать, что это определенные шаги на пути искусства к новому самопониманию, к установлению иных художественно-эстетических соответствий и гармоний. Такая бесконечность может быть названа бесконечностью прекрасного и возвышенного, смысловыми движениями вверх, а не вниз.

Внутри новых состояний. Если продолжить попытку говорить о том, насколько современная художественно-эстетическая деятельность отражает имидж и перспективы искусства с позиций косвенных значений и ассоциативных возможностей максимы «смотри выше», то, пожалуй, условно опознаются несколько траекторий.

Одно из направлений обозначим метафорой «рассеянный взгляд». Мы отмечали уже, что движение и фокусировка взгляда всегда взаимодополнительны. К примеру, визуальная устремленность перед собой в пространство символизирует выполнение конкретного проекта. Цель, форма, иерархия, мастерство в виде законченного произведения с реализованной художественной идеей автора фиксируют сущности артпроцесса в традициях классики. «Рассеянный взгляд» – неприцельный, скользящий, без установленных фокусов и перспектив далекого и близкого, поверхностный, по поводу которого тому, кто захотел бы без остатка высветить для себя его осязаемые визуальные привилегии, сказать просто нечего. Здесь невольно напрашиваются ассоциации с постмодернистским понятием процессуальности (как единственной, бытийной стороны произведения искусства), с его мыслительной практикой погружения в беззвучно-

бесцветную стихию объекта, с дефицитом аксиологической устойчивости, фактом принципиального отсутствия реализованной идеи. Ведь заявили Ж. Делез и Ф. Гваттари, что творческая устремленность художника в будущее свидетельствует о том, что лучшие его картины не закончены, при этом миссия творца – в осуществлении прорыва к новому искусству как воплощению процесса без цели. Едва ли не здесь концентрируется эстетическая методология ризоматики и широта аллюзий, возникающих с понятиями корня и корневища.

Господство привычной постмодернистской оптики шизоаналитического метода выдерживает будущность артпроцессуальности в плоскости «сниженной эстетики». Отсюда натурализм, чрезмерное преобладание отрицания, разрушения и отвращающего чувства, в силу чего картография новой эстетики метафорически может быть сравнима лишь с беспорядком корневища, с мелкотравчатым полем («трава в голове»). Революционность эстетической затеи неизбежно обернулась консерватизмом (реанимация мистики, архаики). Ведь как это верно увидел В.В. Розанов: «Эстетическое начало есть по существу своему пассивное: оно вызывает нас на созерцание, оно удерживает, отвращает нас от всего, что ему противоречит; но бросить нас на подвиг, жертву – вот чего оно никогда не сможет. Люди не соберутся в крестовые походы, они не начнут революции, не прольют крови... из-за Афродиты земной» [10. С. 301]. Однако не следует забывать, что и прекрасное, эстетически совершенное по своему историческому бытию есть призыв собраться вместе всем тем, кто восхищался им раньше (В. Беньямин). Прекрасное, если оно действительно прекрасное, выманивает человека из темных углов бытия и позволяет настроить себя на новую оптику видения, ведет всегда дальше, чем есть, является событием вхождения в иные сферы. Современная культура все чаще работает с сырой и грубой негативностью, возможно, сохраняя таким образом самообладание в пространстве хаоса, снижая повседневное до чудовищного в «нижнем мире титанов».

Следующее соображение попробуем проговорить через метафору «блуждающий взгляд». Обратимся за коротким разъяснением к В. Далю. Дело в том, что слова «блуждать» в его словаре русского языка нет, а есть слово «блуд», от которого первое является производным. Слово «блуд» со всеми своими производными включает в себе двоякий смысл: народный – «уклонение от прямого пути»; церковный и книжный – «любодейство» (с припиской, что «посему слова этого лучше в общежитии избегать»).

Глагол «блуждать» сохранил прямой и переносный смыслы: колобродить, скитаться, шататься, бродить, ездить, сбившись с дороги и не опознаваясь в местности, сбиться с пути, блукать, плутать, путать. А вот глагол «блудить», напротив, дополнился значениями. К примеру, в народной речи – прокудить, проказить, шалить, причинять убыток; блудяшка – игрушка, потешка, безделушка; блудяга – шатун, бродяга. В церковном понимании – любодейный, блудный, нравственно блуждающий, отпавший от истинной веры, впавший в раскол или в ересь; как пример –

повествование евангельской притчи о блудном сыне – человеке, заблудшем на пути жизни.

Надо отметить, что в английском разговорном языке семантика слова «блуд» (lechery, fornication) сходна с русским: «блудить» (fornicate) тождественно «плутать» (stray); блуждать (roam, wander); скитаться (rove), блуждающий взгляд (rovinglook).

Пожалуй, теперь будет легче вообразить характер свойств, суть которых мы хотим передать выражением «блуждающий взгляд». Может быть, только скажем о ряде черт, чтобы оттенить специфику нашего толкования. «Блуждающий взгляд» кажется обзорным в силу множественной линейности поверхностного схватывания, пронизывающей зримое поле. Оптическое качество «блуждающего взгляда» имеет зрительную ценность, так как строит обозреваемое пространство по принципу противоположности. Линия взгляда бежит от одного объекта к другому, удерживая и смещая внимание от одной детали к другой, «ощупывая» и различая, дистанцируя и локализуя пригодное на пути своего движения. Любая догадка здесь приблизительна, смутна, но не равнозначна полной неопределимости. В любом случае «блуждающий взгляд», заведующий изменением перспективы, свидетельствует о растревоженном сознании, и теза Ж. Делёза в этом контексте смыслов отчасти иллюстративна: «Все идет сверху вниз и этим движением утверждается самое низкое – ассиметричный синтез... Речь идет о глубине и ее сущностной принадлежности – дне. Глубина всегда «обшаривает» дно: здесь вырабатывается дистанция как утверждение дистанцируемого ею, различие как сублимация» [11. С. 286].

В конечном итоге блуждание, как и рассеянность, может рождать неподлинное, невнимательное бытие [12. С. 46]. Внимательность же связана с сосредоточенностью, промедлением, некой неспешностью существования, где формам «невыносимой легкости бытия» противопоставляются формы «умного делания» и сердечной затронутости «живым опытом». Здесь уже невозможны фокусы, симуляции и техническая комбинаторика, поспешные перемены, когда главное вытесняется первостепенным, а истинное уводится на периферию. Внимательный взгляд не может отменить груза прошлого, он укоренен в традиции, знает линию горизонта.

В свое время Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что для дегуманизации (неприязнь к традиционной интерпретации вещей) не обязательно искажать первоначальные формы вещей, достаточно изменить привычную перспективу, т.е. перевернуть иерархический порядок и создать такое искусство, где поэтическое «вознесение» может быть заменено «погружением ниже уровня» естественной перспективы. Лучший способ преодолеть реальность – наделить мельчайшие жизненные детали монументальностью, периферийные сферы нашего сознания – центральностью и т.д. [13. С. 245]. В этой игре фокусировок все мнимо, амбивалентно, все смешивается, сублимируется (двойственно, «разрублено в фарш», изменчиво).

Уже позднее деконструктивистский постмодерн переоткрыл эту методику опрокидывания бинарных оппозиций. Ироничное переосмысление реальности и

эстетического процесса составило генеральную линию современного искусства. Отсюда возникающие аллюзии с «блуждающим взглядом»: скольжение между революционным и конформистским полюсом, поэтика кочевничества и бегства от мира, мистика и фэнтези. Все эти явления – эффект предельного взглядывания в реальность (объективную данность) настолько близкого, что исчезает разделяющая ее грань с искусством (гиперреальность). Все эти эффекты продолжают в культуре и в социальном поле, когда эстетика доминирует над реальностью, придавая ей онтологический статус. Желание все приблизить, сделать легким, доступным и обозримым, безусловно, лишает мир и искусство тайны, метафизической глубины, заставляет следовать одномерной логике существования системы, лишая искусство нерва прорыва, энергетики становления в онтологическом смысле этого слова как соответствия «живому делу». Современная гиперреальность и есть такого рода «недород» (С.С. Хоружий), которому не хватает до воплощения силы жизни, чувств, энергетики восхождения к высшим смыслам.

Вот, собственно, подходящий момент для того, чтобы возвратиться к поставленным в начале статьи вопросам. Вступило ли искусство на путь, следуя которому оно стало бы самотождественным?

Без альтернатив. То, что на стадии постмодернистского артпроцесса судьба искусства выглядит печально, не является ли свидетельством исчезновения потребности в «высокой эстетике»? Вопреки тому что религиозные идеи как бы отпали, заглушенная религиозная потребность все-таки страстно рвется наверх, хотя для ее удовлетворения и выбирают всякого рода суррогаты. Отсюда, из этого почти языческого забвения вытекают полимифизм, реанимация различных форм архаического и имитация его символики. Такого рода духовные блуждания сравнимы со скольжением вниз (достичь глубины), с «обшариванием» дна. Хотя, возможно, именно здесь, в глубине бездны будет усмотрена (в страданиях мысли) линия возврата, восхождения «над бессмыслицей мыслью», как сказал бы Е. Трубецкой.

Определенное сходство между неустойчивым тоном современной духовной жизни и ситуацией в Античности увидел П. Козловски. Подобно тому как античная философия пыталась преодолеть нигилизм, распространившийся после смерти богов мифа, через свой «гнозис», так постмодерн через атеологический мистицизм восстает против выкованной системным мышлением «стальной клетки модерна». Тем не менее полимифизм и атеистическая мистика должны быть решительно преодолены философским постижением содержания христианства, возрождением подлинно христианской мистики и христианского гнозиса. П. Козловски убежден, что только постмодерн, который сумеет присоединиться к модерну (не будучи его реставрацией) в значении христианского зона, станет реставрацией христианства и сможет считаться постмодерном по-истине [14. С. 355]. Следовательно, лишенный теологической напряженности духа постмодерн не может претендовать на эпохальный характер. Романтически-революционный настрой его идей под-

готовил и / или спровоцировал кризис искусства и культуры, но стать эпохальным явлением постмодерна не способен. Соответственно, вне христианского горизонта духовности искусство несостоятельно.

И наконец, другая сторона дела принадлежит давней проблеме, спор вокруг которой длится много столетий, не приводя к окончательным результатам, а именно – к тезису «Искусство для искусства» и «Искусство для жизни». Культурно-эстетическая ситуация второй половины XX в. обозначила не наблюдаемую ранее тенденцию – трансформацию антагонизма поставангарда и капиталистического рынка. Старая эстетическая критика (истеблишмента, его буржуазной морали и культуры) переродилась в позитивную креативность новой экономики, а богемная среда (деятели искусства, интеллектуалы) институционализировалась в так называемый креативный класс.

Соглашение служить системе (арт-бизнес), преследующей практические цели, есть поразительная сторона отречения (низкого конформизма) искусства от притяжения высоты, откуда творческий дух всегда искал удовлетворения в своем свободном осуществлении. Ведь принимая новые правила, деятели от искусства вынуждены принять и меркантильные ценности, не являющиеся по этой причине чисто духовны-

ми. В своем роде это свободный переход на реалистичные, лояльные подмости сознания. Причастность к буржуазной форме души неизбежно и настойчиво вызывает не только к жажде ощущений, но и побуждает к действию по извлечению выгоды, правда, в зависимости от того, какие чувства и эмоции она сможет возбудить и как послужит воплощению субъективных устремлений. Вполне вероятно, все это выглядит правильно со стороны тех, кто не видит предела возможностям и средствам в достижении практических целей, а, соответственно, и неизбежных мечтаний. Однако не потому ли наша культура живет в стихии соблазнительных страстей с неотъемлемыми от нее двусмысленностями и противоречиями?

Это ли есть ответ на решение проблем настоящего момента? Должно ли в сложившемся положении вещей отказываться от иного взгляда? Вовсе нет. Интуиция У. Йейтса о том, что последнее знание часто приходит к мятущимся людям, принося на время мировое смятение, должна только укрепить сознание в намерении не отбрасывать сверхчувственную силу созерцательной мысли. Сказано было: «Духа не угашайте» (1 Фес. 5, 19). Для тех же, кого смущает жар ревности апостольского свидетельства, есть пожелание внимать зову «Смотри выше».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
2. Маковский М.М. Язык-Миф-Культура. Символы жизни и жизнь символов. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. 330 с.
3. Платон. Федр // Платон: собр. соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
4. Священник Павел Флоренский. Иконостас // Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. 333 с.
5. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. URL: <http://esxatos.com/marion-idol-i-distanciya> (дата обращения: 02.12.2018).
6. Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим // Иностранная литература. 1992. № 8-9. С. 238–281.
7. Бычков В.В. После «Корневища». Прологомены к постнеклассической эстетике // Эстетика на переломе культурных традиций. М., 2002. 237 с.
8. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
9. Ильин И.А. О художественном совершенстве // Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
10. Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. 605 с.
11. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 387 с.
12. Петров Н.И. Герменевтика внимания в православном опыте. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2004. 240 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
14. Козловски П. Супермодерн или постмодерн? Деконструкция и мистика в двух версиях постмодернизма // Историко-философский ежегодник '97. М.: Наука, 1999. С. 338–356.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 марта 2019 г.

The Trajectory of Art: Vide Supra, or See Above

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 75–81.

DOI: 10.17223/15617793/442/9

Olga V. Kostina, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: kostina1965@yandex.ru

Olga F. Filimonova, Yuri Gagarin Saratov State Technical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: Filmon-2006@yandex.ru

Keywords: transcendence in culture; philosophical and aesthetic criticism; postmodern culture; art process; spiritual landmarks; creative economy.

The article is aimed at clarifying the nature of spiritual changes in contemporary aesthetic consciousness, art and culture. As a basis for reasoning, a number of theoretical premises and observations from the history of philosophical and aesthetic ideas which have not lost their relevance in the contemporary art history have been put forward. In the context of the general conceptual field of the postmodern philosophy and as an organizing principle of the analysis, the aphorism *vide supra* (its interpretation is represented by the transcendence dimension) is proposed. This position involves a departure from the planar understanding of existence to its essential perspective vision – from idolatry fabrication to existential ascertainment. Such intuitions are revealed in a wide field of cultural and historical contexts. So the mythologem “heights” is the oldest form of human orientation in the semantic space of culture linking verticalism with the highest manifestation of sacredness. As a symbolic expression of spiritual reflection on desires emanating from the outside, the height of the gaze can be attributed to the maxims, organic for the modern creative practices, that call for the fullness of cultural tradition, the depth of feeling and the blossoming complexity of life. The value of metaphysics is determined by the architectonics of a piece of art whose metaphysical vector allows it to be in the space of spiritually reflected forms, free from the dictates

of artistic and cultural technicality. It is shown that the aspirations, landmarks and lines of movement of the postmodern art are mediated not only by the variability of political, social and cultural links, but also by the impact of economic strategies upon the art process and its results when the antagonism of post-avant-garde and the capitalist market is reborn into the positive creativity of the new economy, and the Bohemia environment is institutionalized into the so-called creative class. In the given context, the maxim *vide supra* is considered from two interrelated semantic points. One of them is the “diffused gaze”, which metaphorically concentrated aesthetic methodology of rhizomatics and the breadth of allusions arising with the concepts of rhizome – a procedural deficit of axiological sustainability and the lack of implemented ideas. The second point, the “wandering gaze”, signals the fluctuations between the revolutionary and conformist poles, which, being important ideological phenomena, are outlined and proceed in art, culture and the social field. The study notes that, in their aesthetic terms, these options are flawed without the spiritual orientation of *vide supra*.

REFERENCES

1. Veydle, V. (1991) Umiranje iskusstva. Razmyshleniya o sud'be literaturnogo i khudozhestvennogo tvorchestva [Dying art. Reflections on the fate of literary and artistic creativity]. In: Averintsev, S.S. et al. (eds) *Samosoznanie evropeyskoy kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve* [Self-consciousness of the European culture of the twentieth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society]. Moscow: Politizdat.
2. Makovskiy, M.M. (1996) *Yazyk-Mif-Kul'tura. Simvoly zhizni i zhizn' simvolov* [Language-Myth-Culture. Symbols of life and life of symbols]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Science.
3. Plato. (1993) Fedr [The Phaedrus]. In: Losev, L.F. et al. (eds) *Platon: sobr. soch.: v 4 t.* [Plato: Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
4. Florenskiy, P. (1996) Ikonostas [Iconostasis]. In: Trubachev, A.S., Trubacheva, M.S., Florenskiy, P.V. & Bychkov, V.V. *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selected Works on Art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
5. Marion, J.-L. (2009) *Idol i distantsiya* [Idol and distance]. [Online] Available from: <http://esxatos.com/marion-idol-i-distanciya>. (Accessed: 02.12.2018).
6. Dali, S. (1992) *Taynaya zhizn' Sal'vadora Dali, napisannaya im samim* [The Secret Life of Salvador Dali]. Translated from French. *Inostrannaya literatura*. 8-9. pp. 238–281.
7. Bychkov, V.V. (2002) Posle “KorneviShcha”. Prolegomeny k postneklassicheskoy estetike [After KorneviShche. Prolegomena to post-non-classical aesthetics]. In: Man'kovskaya, N.B. (ed.) *Estetika na perelome kul'turnykh traditsiy* [Aesthetics at the turn of cultural traditions]. Moscow: IPh RAS.
8. Gumbrecht, H.U. (2006) *Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhет peredat' znachenie* [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Il'in, I.A. (1993) *Put' k ochevidnosti* [Path to evidence]. Moscow: Respublika.
10. Rozanov, V.V. (1990) *Nesovmestimye kontrasty zhitiya* [Incompatible contrasts of life]. Moscow: Iskusstvo.
11. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. Translated from French. St. Petersburg: Petropolis.
12. Petrov, N.I. (2004) *Germenevtika vnimaniya v pravoslavnom opyte* [Hermeneutics of attention in the orthodox experience]. Saratov: Saratov. gos. sots.-ekon. un-t.
13. Ortega y Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Translated from Spanish. Moscow: Iskusstvo.
14. Kozlovski, P. (1999) Supermodern ili postmodern? Dekonstruksiya i mistika v dvukh versiyakh postmodernizma [Supermodern or postmodern? Deconstruction and mysticism in two versions of postmodernism]. In: Motroshilova, I.V. (ed.) *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik'97* [Historical and Philosophical Yearbook'97]. Moscow: Nauka.

Received: 02 March 2019

ФИКЦИОНАЛИЗМ И ЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПРИ РАЗГРАНИЧЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО И ЕСТЕСТВЕННОГО ТИПОВ ИНТЕЛЛЕКТА

Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда «Влияние античных идей на науку, культуру и образование современности» (грант № 15-18-10002).

Представлены характеристики фикционализма как нового подхода в исследованиях проблем развития искусственного интеллекта. Автор показывает, каким образом может быть смоделировано понимание искусственного интеллекта и к каким логическим трудностям это приводит. Предложено решение, в основе которого – перенос признаков с искусственного интеллекта на типы естественного, но не человеческого интеллекта.

Ключевые слова: художественная литература; искусственный интеллект; естественный интеллект; сила мышления; логика; античное наследие; современность.

Развитие идей, которые обнаруживаются в современных работах, посвященных вопросам искусственного интеллекта и реализации принципов так называемого *философского фикционализма* [1], открывает перспективы по поиску путей решения логических трудностей, возникающих в сфере моделирования деятельности искусственного и естественного типов интеллекта. Логические трудности возникают при моделировании ситуации, в которой проявления искусственного интеллекта сближаются с характеристиками возможных версий внеземного (инопланетного) интеллекта. Под искусственным интеллектом в данном случае подразумевается дискурсивная сила мышления, демонстрируемая компьютерами и роботами и выделяемая по аналогии с «дискурсивной силой мышления» человека¹, которую отмечает Ш. Стил при анализе историко-философских вопросов [2].

В то же время общие принципы фикционалистского подхода реализуются и в данной статье. Поэтому прежде чем указать на суть упомянутых трудностей, важно отметить, что автор имеет в виду под фикционализмом. Это требуется сделать, ибо, несмотря на более чем вековую историю самого фикционализма, который реализовывали в составе эпистемологических исследований прошлого (например, проводившихся Г. Файхингером [3]) как самостоятельный философский подход, он стал активно развиваться сравнительно недавно.

Таким образом, **научной проблемой** статьи является *поиск способов решения логических затруднений, возникающих в ходе операций по делению понятия интеллекта на естественный (натуральный) и искусственный (неестественный, ненатуральный) виды. Целью* исследования выступила апробация новых методологических подходов, в особенности фикционализма, которые применяются для преодоления упомянутых логических затруднений. Статья включает два основных раздела. В первом рассматриваются варианты истолкования фикционализма и связанных с ним способов понимания искусственного интеллекта. Второй раздел посвящен конкретизации логических трудностей деления искусственного и натурального видов интеллекта, а также в нем предложены способы разрешения этих трудностей. Данные способы харак-

теризуют **новизну** полученных результатов, ибо формулируются впервые в научной литературе.

Фикционализм как методологический подход к анализу проблем искусственного интеллекта. В рамках исторического развития современной философии фикционализм есть подход, в основе которого допускается условность границ между представлением объектов в качестве буквальной правды или вымысла. Название подхода образовано от английского *fiction*, т.е. «беллетристика», «художественная литература». Следует, однако, помнить, что для основоположника фикционализма Г. Файхингера, который писал свои книги в оригинале по-немецки, «фикция» прежде всего была все-таки вымыслом, который ученые реализуют в ходе исследований с пользой для дела (к числу таких фикций он относил, допустим, атомы, что вполне объяснимо, если учесть время написания книг – последнюю треть XIX столетия) [3. Р. 70–72]. В настоящее время все же возобладало представление о связи фикционализма не просто с учением, в основе которого – ориентация на «полезный вымысел», но с подходом, в котором вымысел имеет вид аналога художественной литературы. Так, по замечанию специалистов [4], в фикционалистских источниках иногда отождествляют математические модели, используемые в экономике, с разновидностью «поэм» или «баллад».

Фикционализм, стирающий границы между буквальной правдой и вымыслом, разрабатывается в русле аналитической философии и не является порождением постмодернистских воззрений. Несомненно, в том виде, как он сформулирован в данной статье, фикционализм напоминает методики, которыми пользовался, например, Ж. Деррида при анализе наследия Ж. Лакана в работе «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только». Вместе с тем в разработках современных сторонников философского фикционализма упор делается на формальную логику и семиотику. Поэтому ухода в метафорические способы отображения действительности не получается. Можно даже выдвинуть предположение, что фикционализм есть «секретное оружие», которое философы-аналитики способны применять в ходе диалога с представителями континентальной философии. Признание условности границ между буквальной и вы-

мысленной истиной, в конце концов, не ведет к отрицанию оправданности самой процедуры проведения этой границы. Тем самым постмодернистский скепсис в отношении устойчивости любых убеждений если и не преодолевается, то существенным образом корректируется.

В контексте проблематики искусственного интеллекта фикционализм имеет следующие перспективы к признанию в качестве респектабельного исследовательского подхода. Прежде всего, при реализации фикционализма можно не учитывать аргументацию, лежащую в основе мысленного эксперимента «китайская комната» [5], который ставит под сомнение саму возможность сильных (автономных) версий искусственного интеллекта. Вполне вероятно, что нет сейчас и в действительности никогда не будет такого интеллекта, который бы имелся у роботов и компьютеров и позволял им как минимум потенциально надеяться на обретение возможности принятия самостоятельных решений. Вполне вероятно, что удел роботов и компьютеров – только симуляция интеллектуальной деятельности, которая на самом деле не является таковой. Но ситуация меняется, если мы подходим к интерпретации искусственного интеллекта фикционалистски. Интерпретация исследуемых объектов как вымышленных образований влечет за собой и шанс отвлечься от их реальной возможности или невозможности. Эти объекты уже в любом случае есть, ибо существуют как часть литературного дискурса и их можно вписывать в социальные сюжеты и оценивать их социальные (и не только) последствия. Действительно, современные виды искусственного интеллекта – это в основном наборы компьютерных приложений, которые обеспечивают работу автоматизированных устройств, а также алгоритмы поведения персонажей в компьютерных играх. Конечно, такое воплощение искусственного интеллекта отличается от того, что рисует воображение писателей-фантастов и сценаристов кинофильмов. В книгах и кинофильмах искусственный интеллект – это реальный субъект, способный вступать в социальные отношения. Такие субъекты могут угрожать человеку, а могут ему помогать. Но в целом данные образы являются эмоционально более привлекательными, нежели скучный мир реальной робототехники. Фикционализм помогает и в этом случае. И вот почему.

Компьютерные технологии и робототехника, описанные в художественных произведениях, порождают страхи читателей, которые, несмотря на свою иллюзорную (вымышленную) природу, имеют вполне реальные последствия. Читатели книг и зрители фильмов, в принципе, готовы обманываться, принимая изображение искусственного интеллекта за его подлинную суть. Более того, в повседневности люди склонны руководствоваться данными обманами в своих действиях. Достаточно вспомнить знаменитую в недавнем прошлом «проблему 2000», которой пугали пользователей представители компьютерных корпораций (с переходом счетчика лет в компьютере с 99 на 00 должен был произойти глобальный сбой). Как в итоге оказалось, проблема изначально была *фиктивной*. Но для предотвращения ее последствий пользо-

ватели затратили вполне реальные средства. Понимание исходной вымышленности ситуации позволило бы проработать ее развитие в рамках нескольких сценариев и принять оптимальный сценарий как руководство к действию. Вместо этого пользователи программного обеспечения просто потратили деньги. Принятие исходной фиктивности искусственного интеллекта позволяет понять, что смешение интеллекта и сознания у зрителей и / или читателей неизбежно не только и не столько в силу их психологических характеристик. Такова сценарная основа «реальности», в которой они живут. В этой реальности у компьютерных систем, роботов и вообще «умных» устройств *может быть* возможность обрести сознание, а вместе с ней возможно и пробуждение негативного отношения к своим создателям-рабовладельцам.

Таким образом, оправдан вывод о том, что фикционализм занимает особое место в истории современной философии, включая в свой состав совокупность методик исследования искусственного интеллекта, позволяющих добиться нетривиальных результатов. Искусственный интеллект предстает разновидностью *fiction*, беллетристики, которая демонстрирует способы включения этого вида интеллекта в состав различных социальных практик. Вместе с тем при выделении искусственного интеллекта в самостоятельный вид интеллектуальной деятельности обнаруживаются логические трудности, с которыми сталкивается реализация фикционалистского подхода и которые требуют к себе специального внимания. Экспликация таких трудностей, а также способы их разрешения представлены ниже.

Логические затруднения при делении естественного и искусственного видов интеллекта и способы их преодоления. С фикционалистской позиции основная проблема заключается в самой возможности провести границу между вымышленным и реальным характером искусственного интеллекта, ибо не вполне ясно, чем все искусственное, т.е. созданное человеком, отличается от естественного как человеком не создававшееся. Автор статьи расширяет пределы обсуждения данной проблемы, уже получившей освещение в современных публикациях [6]. Реализация фикционалистского подхода в этом отношении влечет за собой следующее: Необходимо еще раз обратиться к работам философов, в которых отражен проблематичный характер разграничения искусственного и естественного типов интеллекта. В частности, С. Крипке [7. Р. 144–155] и Р. Рорти [8. Р. 70–86] разбирают феномены боли и ума. Первый автор ставит целью прояснение вариантов адекватного выражения боли, доступного для передачи в рамках общих способов коммуникации. Второй анализирует степень необходимости идеи ума как основы цивилизации. Для достижения всего упомянутого были созданы два вымышленных образа инопланетян. Первый образ подразумевал, что стимуляция «С-волокон» позволяет выразить все богатство психофизиологических переживаний. Второй образ включал в свой состав отображение цивилизации, построенной существами, которые не обладают идеей ума, точнее прекрасно строят цивилизацию и без такой идеи. В итоге были пред-

ложены модели поведения, которые описывали субъектов с альтернативными чувствами и интеллектом сравнительно с чувствами и интеллектом человека. При этом оказалось затруднительным найти способы интерпретации, позволяющие в общем ключе истолковать сообщения о процессах ощущения и размышления, воспроизводящих моменты нечеловеческой и человеческой линии действий.

В уже цитированной работе [1] полученные данные анализируются в свете вопросов развития искусственного интеллекта. В частности, была построена специальная модель, позволившая ответить на правомерный вопрос, является ли так называемое нечеловеческое поведение и общение аналогом искусственного интеллекта. Установлено, что признак «нечеловеческий» соответствует описанию инопланетных рас, появившихся естественным путем на другой планете. Была допущена возможность существования трех субъектов, обозначенных как S , S' и S'' . В этом контексте S – обладатель естественных качеств у человека, S' – носитель искусственных качеств, а S'' – представитель естественных качеств у нечеловеческих существ. Знаком « $\neq$ » предложено обозначать нетождественность во всех отношениях. В противовес этому тождественность во всех отношениях следовало обозначить как « $=$ ». Стало возможным обобщить положения, высказанные Рорти и Крипке, допустившими $S \neq S'$ и $S \neq S''$ в отношении чувств и ума соответственно. Показано, что субъект S' , руководствующийся в частном случае искусственным интеллектом, и субъект S'' , руководствующийся в том же отношении естественным, но нечеловеческим интеллектом, взаимно отличаются в общем случае от субъекта S как носителя человеческих качеств и свойств. В итоге $S = S$, а значит, и $S' = S''$. В данном контексте признак естественности в отношении носителя нечеловеческого интеллекта не имел значения, ибо его можно было рассматривать как проявление искусственного интеллекта, служащее реальной альтернативой интеллекту человека.

Автор предлагаемой в настоящее время работы уточняет, что выполненная в цитированной работе [1] формализация открывает перспективы обнаружения методик понимания искусственного интеллекта как объекта, любое высказывание о котором не есть буквальная правда. Но именно этот путь ведет к логической трудности, которую требуется решить в составе данной работы. Трудность возникает для случая, в котором при сходстве двух субъектов по общим качествам становится необходим переход от сходства субъектов между собой в общности частных свойств к их же несходству по общим свойствам с неким третьим субъектом. Представим это следующим образом. Пусть P , Q , R выражают общие качества субъектов S , S' и S'' , что можно записать как $S(P)$, $S'(Q)$, $S''(R)$. A , B , C будут выражать частные качества, например $S(A)$, $S'(B)$, $S''(C)$. Отсутствие качества запишем как $\neg S(Q)$ для общих характеристик или $\neg S(A)$ для частных, т.е. «неверно, что $S(Q)$ », «неверно, что $S(A)$ » и т.д. Знаки равенства и неравенства сохраняют значение тождественности и нетождественности. Тогда получается, что при

$S(A) \neq S'(B)$ и $S(A) \neq S''(C)$ становится верно, что $S'(Q) = S''(R)$. Иными словами, необходимо станет допустить, что равенство $B=C$ влечет и равенство $Q = R$.

Вместе с тем выполненные процедуры дают шанс понять условия для возникновения парадокса. Он становится неизбежен в случаях, когда не только $B \neq C$, но и достоверно известно, что $B \neq C = \neg B$ либо $B \neq C = \neg C$ и т.д. Теоретическая возможность обнаружить противоречивость Q и R , по понятным соображениям, значения не имеет. Иначе говоря, если при сходстве двух субъектов по общим качествам оказывается необходимым переход от сходства субъектов между собой в общности частных свойств к их же несходству по общим свойствам с неким третьим субъектом, то возникновение парадокса неизбежно лишь при условии взаимного исключения характеристик у субъектов S , S' и S'' . В случаях же, когда характеристики отличаются, но не исключают друг друга, равенство $S' = S''$ становится возможным. Именно здесь проясняется, что в рамках предложенного подхода и инопланетный и искусственный типы интеллекта в отношении к естественному (человеческому) интеллекту будут равно «нечеловеческими», хотя в других своих проявлениях они и могут расходиться. Ситуацию можно было бы оценить еще проще, если на месте нечеловеческого искусственного (т.е. машинного, компьютерного) интеллекта расположить свойство «быть лысым», а на месте нечеловеческого инопланетного – свойство «быть пьяным». Вполне оправданным становится вариант, когда два разных субъекта и пьяны, и лысы, тогда как третий субъект трезв и волосат. Парадокс, стало быть, возникает только при условии, что все лысые, допустим, обязательно еще и трезвы, тогда трезвость одного из двух субъектов обязательно исключает наличие волос у третьего субъекта, а его волосатость исключает возможность одновременно с тем быть пьяным.

Таким образом, проблема отношения, с одной стороны, естественного человеческого к искусственному машинному интеллекту, а с другой, – естественного инопланетного к опять-таки искусственному машинному типу интеллекта, заключается не в характеристиках «естественности» человеческого и инопланетного типов интеллекта, а в возможности понять искусственный интеллект как нечеловеческий. Это также свидетельствует, что проблема связана со способами обозначения, т.е. требует обращения к одному из подразделов семантики. Семантические же проблемы в общем случае предполагают привлечение семиотического анализа, основанного на общей теории знаков и знаковых ситуаций, которая начала складываться еще во времена поздней Античности. Поэтому можно смело заявить, что именно семиотический анализ занимает центральное место в ряду методик, которые позволяют построить релевантные модели искусственного интеллекта в качестве разновидности *fiction*. Точно так же есть основания заявить, что логические трудности, возникающие в ходе моделирования отношений типов интеллекта друг к другу, требуют реактивации отдельных аспектов античного наследия.

В заключение следует отметить, что выявленные причины необходимости совмещения в отдельно взятом логико-философском исследовании фикционализма, семиотики и наработок антиковедения обусловлены богатыми возможностями, которые возникают в ходе обсуждения вопросов, связанных с развитием искусственного интеллекта. Семиотика позволяет затронуть искусственный интеллект как вид *fiction* и в семантическом, и в прагматическом аспекте. В конечном итоге современные модели искусственного интеллекта совпадают с комплексом алгоритмов [9]. Семиотика, во всяком случае, ее отдельные виды, способны показать, как такие алгоритмы могут быть обозначены; в полной мере откроется путь фикциона-

листского прочтения проблемы. Алгоритмы станут «историями», которые «расскажет» семиотика. Применительно к вопросам искусственного интеллекта как варианта воплощения *fiction* видится оправданной опора на идеи Ю. Лотмана и Б. Успенского [10], а именно идею культуры как аппарата (устройства), созданного человеком для шифровки и дешифровки сообщений (идеалов, норм, запретов и т.д.), которые необходимо запоминать и транслировать. Культурные ситуации могут быть означены специфическим образом, что даст возможность сформировать основные принципы практической реализации искусственного (нечеловеческого) интеллекта в мире человеческих связей и отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ

Возможные представители внеземных цивилизаций, обладающие интеллектом, также должны демонстрировать как минимум аналоги дискурсивной силы мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов С.Б. Философский фикционализм и проблема искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. Т. 10, № 2. С. 42–57. DOI: 10.17726/phil IT.2015.10.2.811.93.
2. Steel S. Recovering Ancient and Medieval Contemplative Taxonomies as an Alternative to Bloom's Taxonomy of Educational Objectives // *Paideusis*. 2012. Vol. 20, № 2. P. 46–56.
3. Vaihinger H. The Philosophy of 'As if': A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind / trans. by C.K. Ogden. London : Routledge and Kegan Paul, 1925. 415 p.
4. Salis F. Fictional Reports. A Study on the Semantics of Fictional Names // *Revista de Teoría, Historia y Fundamentos de la Ciencia*. 2010. Vol. 25, № 2. P. 175–185.
5. Searle J. R. Minds, brains, and programs // *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–457. DOI: 10.1017/S0140525X00005756.
6. Kulikov S.B. Non-anthropogenic mind and complexes of cultural codes // *Semiotica*. 2016. Vol. 2016, № 213. P. 63–73. DOI: 10.1515/sem-2015-0034.
7. Kripke S. Naming and Necessity. Oxford : Basil Blackwell, 1980. 172 p.
8. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton : Princeton University Press, 1979. 401 p.
9. Kotthoff L. Algorithm Selection for Combinatorial Search Problems: A Survey // *AI Magazine*. 2014. Vol. 35, № 3. P. 48–60.
10. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992–93. Т. 3. С. 326–344.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 апреля 2019 г.

Fictionalism and Logical Difficulties in the Differentiation of Artificial and Natural Types of Intelligence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 82–86.

DOI: 10.17223/15617793/442/10

Sergey B. Kulikov, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

Keywords: fiction; artificial intelligence; natural intelligence; thinking force; logic; ancient legacy; modernity.

The article offers ways to resolve logical difficulties that arise when modeling situations in which manifestations of artificial intelligence approach characteristics of extraterrestrial intelligence. This procedure allows applying a fictionalist approach, at the heart of which the conventionality of borders between representations of objects as the literal truth or a fiction is allowed. Fictionalism, which erases borders between the literal truth and a fiction, is developed in line with analytical philosophy and is not generated by postmodern views. Modern supporters of philosophical fictionalism focus on formal logic and semiotics. Recognition of the conventionality of borders between literal and fictional truths does not lead to a denial of correctness of the procedure of demarcating this border. Thereby, postmodern skepticism concerning stability of any beliefs is essentially corrected if not overcome. From a fictionalist perspective, the problem consists in the opportunity to draw a line between the fictional and real nature of artificial intelligence because the difference between the artificial, i.e. created by people, and the natural, i.e. not created by people, is not quite clear. The problem of relation of natural human and artificial machine intelligence, on the one hand, and natural extraterrestrial and artificial machine intelligence, on the other, consists in an opportunity to understand artificial intelligence as inhuman rather than to characterize the “naturalness” of human and alien types of intelligence. The problem is also connected with ways of designation and needs addressing a subsection of types-of-intelligence semantics. Semantic problems assume using semiotics analysis based on the general theory of signs and sign situations, which began to develop at the time of late Antiquity. Semiotics analysis is central among techniques constructing relevant models of artificial intelligence as a kind of fiction. The logical difficulties arising when modeling relations of types of intelligence to each other demand reactivation of separate aspects of Antiquity's heritage. The reasons for the need for combining semiotics and practices of ancient studies in a logic and philosophical research of fictionalism are the rich opportunities which arise in discussions on questions connected with the development of artificial intelligence.

REFERENCES

1. Kulikov, S.B. (2015) Philosophical fictionalism and problem of artificial intelligence. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*. 10 (2). pp. 42–57. (In Russian). DOI: 10.17726/phil IT.2015.10.2.811.93

2. Steel, S. (2012) Recovering Ancient and Medieval Contemplative Taxonomies as an Alternative to Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. *Paideusis*. 20 (2). pp. 46–56.
3. Vaihinger, H. (1925) *The Philosophy of 'As if': A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind*. Translated by C.K. Ogden. London: Routledge and Kegan Paul.
4. Salis, F. (2010) Fictional Reports. A Study on the Semantics of Fictional Names. *Revista de Teoría, Historia y Fundamentos de la Ciencia*. 25 (2). pp. 175–185.
5. Searle, J.R. (1980) Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 3 (3). pp. 417–457. DOI: 10.1017/S0140525X00005756
6. Kulikov, S.B. (2016) Non-anthropogenic mind and complexes of cultural codes. *Semiotica*. 213. pp. 63–73. DOI: 10.1515/sem-2015-0034
7. Kripke, S. (1980) *Naming and Necessity*. Oxford: Basil Blackwell.
8. Rorty, R. (1979) *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press.
9. Kotthoff, L. (2014) Algorithm Selection for Combinatorial Search Problems: A Survey. *AI Magazine*. 35 (3). pp. 48–60.
10. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1992–1993) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra.

Received: 13 April 2019

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.1)05/06:34

Д.С. Бобров

НАКАЗНЫЕ ПАМЯТИ ПРИКАЗЧИКАМ ОСТРОГОВ И СЛОБОД ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ КУЗНЕЦКОГО УЕЗДА)

Приводена типологическая и структурно-генетическая характеристика наказных памяти приказчикам острогов и слобод Западной Сибири конца XVII – первой половины XVIII в. в контексте воеводских наказов как вышестоящих актов административно-правовой иерархии. Обосновывается принадлежность рассматриваемых документов одновременно и к делопроизводственным материалам и к системе российского законодательства. Автор показывает, что наказные памяти состояли из пяти логико-смысловых блоков и заключали в себе проявления тенденций рецепции и оригинальности (вариативности).

Ключевые слова: наказные памяти; приказчики; служилые люди; воеводы; имперское законодательство; система права; Западная Сибирь; Кузнецкий уезд.

Непрекращающийся поиск эвристических путей и способов выстраивания архитектуры современной российской государственно-правовой системы, среди прочего, диктует необходимость обращения к историческому опыту переломных в административно-политическом плане эпох. Одной из таких, без сомнения, является период конца XVII – первой половины XVIII в. С одной стороны, он сопровождался генезисом обновленной модели государственности – имперской, предполагавшей распространение на все уровни управленческой иерархии идей камерализма [1. С. 99–107] и бюрократического централизма [2. С. 103; 3. С. 104]. С другой стороны, правовая система страны, как ведущий инструмент претворения в жизнь и регламентации соответствующих трансформаций, во многом продолжала оставаться феодальной и в определенной мере сохраняла черты прецедентности в сочетании с очевидными тенденциями партикуляризма.

Наиболее явную специфику нормативно-правовое строительство получало в только что присоединенных областях, где задачи освоения требовали оперативной разработки и внедрения законодательной базы, которая четко регулировала бы множественные аспекты деятельности региональных и местных управленческих структур: от военно-политических до социально-экономических. Дефицит времени, вызванный откровенно слабым соответствием изначальной управленческой доктрины освоенческой конъюнктуре, не позволял в короткие сроки разрабатывать оригинальное нормативно-правовое обеспечение деятельности управленцев, которое учитывало бы реальную обстановку в районе, а существенная динамика хозяйственно-колониальных реалий делала невозможной механическую перцепцию общеимперского законодательства. Как следствие, законодательные основы функционирования местных властей при освоении имперских окраин являлись гибридными и эклектичными.

Активный восточный вектор российской колониальной политики второй половины XVII – первой половины XVIII в. превращал Западную Сибирь в стратегически важный регион. Особенно это касалось ее южных областей с нестабильными внутренними, и внешними границами, территорий, являвшихся своего

рода буфером между Россией и политическими образованиями Средней Азии [4. С. 5–25].

В конце XVII – первой половине XVIII в. типичным для этих характеристик районом являлся Кузнецкий уезд, устойчиво ощущавший волны военно-колониальной политики Российского государства [5; 6. С. 91–94] и, как следствие, испытывавший значительные территориальные приращения за счет появления новых периферийных административных центров: Бердского острога, Мунгатского станца, Белоярской и Бикатунской крепостей, Малышевой слободы и др. [7. С. 186–194, 214–222, 250–258; 8. С. 71–76]. Система управления областью являлась типичной для Сибири после губернской реформы Петра I [9. С. 73–126, 154–177; 10. С. 45–47]: ошутимая роль в претворении в жизнь решений центральных и региональных властей принадлежала местным структурам. Среди них особняком выступали воеводы, но едва ли не большее значение приобретала деятельность низовых органов управления – приказчиков острогов и слобод. Должность приказчика замещалась «годовальщиками» – служилыми людьми, привлекавшимися административным аппаратом для решения строго определенного круга задач в течение установленного периода, как правило, одного года [11. С. 132–133, 141]. В реальности срок пребывания лиц в должности приказчиков варьировался от нескольких месяцев – одного года до 3–5 лет [12. Л. 35; 13. Л. 1–1 об.; 14. Л. 60; 15. Л. 255–256; 16. Л. 7–44 об.]. Правоустанавливающей основой их деятельности становилась наказная память – акт, издававшийся воеводой и определявший административный статус локальных управленцев.

Несмотря на очевидный эвристический потенциал, наказные памяти, с историко-юридической позиции изучены в недостаточной степени. На фоне существенного интереса специалистов к управленческим стратегиям и практикам сибирских воевод (в том числе в контексте их взаимодействия с другими социальными и политическими институтами), а также законодательному обеспечению их деятельности [3; 9. С. 28–45, 73–85, 191–205; 17; 18; 19. С. 395–402; 20. С. 161–178; 21. С. 107–141; 22;

23. С. 3–15] можно выделить лишь ряд работ, посвященных рассмотрению отдельных содержательных, а еще реже – типологических аспектов наказных памятей [24. С. 10–12; 25. С. 185–188; 26. С. 102–105; 27. С. 178–186]. Гораздо чаще эти документы рассматриваются в контексте экстраординарных экспедиций и других служб служилых людей либо анализа личного состава низшего звена управленцев [28. С. 11–21; 29. С. 80–83; 30. С. 527–532]. В целом в отношении наказных памятей на текущий момент фактически установились две историографические константы: эти документы по умолчанию и, как правило, без проведения обоснованных параллелей должного уровня отождествляются с наказами воеводам, вследствие чего первые зачастую позиционируются в качестве придатка вторых, им полностью отказывается в самостоятельности и оригинальности.

В результате до сих пор сохраняет свою научную значимость вопрос о ревизии роли наказных памятей в обеспечении управленческого процесса, в том числе в свете сопоставления с вышестоящими документами инструктивного и распорядительного характера. В начале – середине XVII в. наблюдалась устойчивая вариативность адресатов наказных памятей: от служилых людей, отправлявшихся в экстраординарные экспедиции (например, командовать отрядами по строительству острогов и крепостей [29. С. 80–83]), до лиц, вступавших в ординарные должности на местном уровне системы управления. Однако уже в первые десятилетия XVIII в. акты второй группы практически полностью вытеснили все остальные, которые в документообороте собирались стали именовать «памяти» или вовсе приобрели форму рядовых воеводских указов. В связи с этим целью текущей публикации явилась типологическая и структурно-генетическая характеристика наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири в контексте реалий административно-правовой системы конца XVII – первой половины XVIII в. Источниковую базу исследования составили делопроизводственные материалы соответствующего периода, извлеченные из фондов № 517, 1134, 1402 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также отдельные законодательные и подзаконные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи [31. № 3294. С. 624–632; 32. № 3534. С. 141–160] и сборнике «Памятники Сибирской истории XVIII в.» [33. С. 350–364]. Наказных памятей служилым людям Западной Сибири первой половины XVIII в. сохранилось чрезвычайно мало, что объясняется не только объективно слабым отложением региональных нормативно-правовых актов в архивах различного уровня в совокупности с оставляющей желать лучшего степенью сохранности документов, но и изменением структуры делопроизводства в период правления Петра I, а также объективным усложнением характера управленческих практик, внедрявшихся воеводами. В общей сложности в нашем распоряжении оказались 23 наказные памяти приказчикам Кузнецкого уезда. В хронологическом плане подвергнутые анализу документы разделяются

на четыре группы: конец XVII в., середина – конец 10-х гг., начало 20-х гг., конец 30 – начало 40-х гг. XVIII в. Специфика фондообразования заключается в том, что зачастую в одной единице хранения (деле) сконцентрировано сразу несколько наказных памятей (от двух до шести).

Реалии позднефеодальной правовой системы детерминировали наличие ощутимой связи между наказными памятями и нормативно-установительными документами воевод как вышестоящих институтов в иерархии власти. Наказы воеводам одновременно являлись и перечнем позиций, которые определяли принципы местного управления, и специальными должностными инструкциями конкретному лицу, охватывавшими его общие и главные обязанности [22. С. 65, 79]. В более широком смысле они представляли собой важный переход от кормленческой системы к единому общегосударственному административному праву [Там же. С. 79]. В XVII в. в зависимости от содержательной направленности акты делились на чрезвычайные и общего формуляра [19. С. 397].

Наказы воеводам образца начала XVIII в. отразили реформаторские новации Петра I, поскольку предполагали определенную оригинальность отдельных блоков текста каждого соответствующего документа. В первой трети XVIII в. были выпущены две официальные типовые инструкции уездным управителям: в 1719 и 1728 гг. Наиболее интересным представляется наказ воеводам, завизированный Петром I в январе 1719 г. [31. № 3294. С. 624–632]. Он состоял из 46 пунктов и представлял собой типовую инструкцию, конкретизировавшую параметры правового статуса администраторов в различных сферах деятельности. Однако для восточных окраин складывавшейся Российской империи механическое копирование общегосударственного централизованного наказа и адресация его лицам, вступавшим в должность воеводы, без учета освоенческой конъюнктуры конкретного уезда автоматически предполагали бы снижение эффективности управленческого процесса. Для сравнения Наказ вступавшему в должность кузнецкого воеводы Б.А. Синявину 1721 г., с одной стороны, состоял из все тех же 46 положений, что и общегосударственный акт, с другой – шесть пунктов являлись полностью оригинальными по отношению к исходному акту 1719 г. и еще три претерпели серьезные пертурбации при сохранении своей смысловой направленности [33. С. 350–364].

Дискуссия о типологической характеристике наказных памятей служилым людям и приказчикам острогов по своим масштабам значительно уступает многочисленным версиям места и роли наказов воеводам в управленческой системе Сибири XVII – первой половины XVIII в. Л.В. Самбуева отождествляет наказные памяти с воеводскими наказами [24. С. 11]. Очевидная эклектика терминов представляется в данном случае не совсем уместной, так как еще Е.В. Вершинин использовал словосочетание «воеводский наказ» как синоним наказа воеводе, т.е. акта принципиального иного уровня нормативной иерархии [22. С. 102]. Корректность же полного механического отождествления наказов воеводам и наказных

памятей вызывает очень большие сомнения. Е.А. Тимохин называет специальные документы, регулировавшие деятельность приказчиков, «воеводскими памятями» [26. С. 102], что, однако, не способствует однозначной идентификации адресата документа. Подавляющее большинство специалистов при характеристике документов, выдававшихся служилым людям Западной Сибири, рационально использует категорию «наказная память». Во-первых, это не создает двойственности в вопросе установления адресатов соответствующих актов, поскольку «памяти» выдавались воеводами служилым людям, но никогда – самим уездным управленцам. Во-вторых, наказные памяти сочетали в себе признаки наказов (определение административного статуса органа управления с градацией функций) и памятей (установление и пояснение конкретной административной задачи, конкретизация механизмов ее выполнения) [27. С. 181].

Указанная бинарность, среди прочего, явившаяся следствием общих тенденций развития права и нормативной регламентации управления начала XVIII в., оставляет открытым и вопрос о типологической принадлежности наказных памятей к корпусу законодательных или делопроизводственных актов. Известные советские источниковеды и сибиреведы фактически единодушно относили документы инструкционного характера к делопроизводству, выводя их за рамки законодательной системы [34. С. 43–48; 35. С. 23–25; 36. С. 38–46].

Между тем Генеральный регламент, один из главных ориентиров в вопросе организации делопроизводства первой половины XVIII в., рассматривал «инструкцию» в качестве иностранного синонима «наказа» [32. № 3534. С. 160]. Местные власти Западной Сибири для решения административных задач на протяжении первой четверти XVIII в. издавали не «инструкции», а памяти, что служило своего рода инерционным шлейфом системы управленческих практик предшествующего столетия. Только с конца 20-х гг. XVIII в. воеводы начали разрабатывать «инструкции» служилым людям и регулярным воинским подразделениям [37. Л. 32–37], однако целевая направленность этих документов по отношению к наказным памятям была значительно уже и заключалась в регламентации исполнения одного локального поручения, а также установлении необходимого для этого функционального статуса исполнителя. Следует констатировать, что сибирская региональная административно-распорядительная система 20–40-х гг. XVIII в. видела определенные различия между наказными памятями и инструкциями. Лишь к середине столетия первые были вытеснены последними, в результате чего наказные памяти превратились в рудимент нормативной базы регламентации управления. Эти суждения следует соотносить с реалиями раннеимперской административно-правовой системы, где в законодательстве наибольший удельный вес принадлежал не самим законам, а подзаконным правовым актам. Решения, исходившие из столицы, зачастую содержали лишь волю монарха или центральных органов управления, а пути их реализации раскрывались как раз в подзаконных актах. Учитывая это, важно подчеркнуть, что все

наказные памяти облекались в форму воеводского указа, а следовательно, неоспоримо относились именно к категории подзаконных актов, являясь составной частью российского законодательства. С другой стороны, памяти отложились в архивах как делопроизводственные материалы и содержат необходимые признаки соответствующей группы источников, в том числе функцию документного обслуживания административных систем, наличие формуляра, распорядительный характер [38. С. 392–393], а также в целом обеспечение формально-юридической стороны коммуникации между различными акторами управления. Иными словами, наказные памяти являлись актами, соединявшими в себе ряд номинальных признаков делопроизводственных материалов и законодательства, поэтому невозможно отнести их только к одной категории. Более того, рассматриваемые акты представляли собой строго персонифицированные документы, где в отличие от воеводских наказов не существовало общеупотребительных формально-обезличенных вариантов.

В более широком смысле наказные памяти можно определить как особый вариант партикулярной персональной должностной инструкции, имевшей силу и характер распорядительного подзаконного нормативно-правового акта и адресованной лицу, вступавшему в ту или иную должность.

В структуре наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири просматривается пять содержательно-смысловых блоков: легально-легитимационный (легализация процедуры передачи власти), имущественно-инвентарный (фиксация наиболее важного имущества административной округи), административно-статусный (определение сферы полномочий и обязанностей приказчиков, порядка их взаимоотношений с другими властными структурами), экстраординарный (действия в случае природных катаклизмов, внезапной военной опасности или социальных конфликтов), а также запретительно-декларативный (перечень действий, по умолчанию признававшихся преступными). Очевидно, утвердившись единожды, последовательность изложения в дальнейшем уже не претерпевала кардинальных трансформаций, а изменялись лишь внутреннее устройство каждой части, ее формат и объем.

В начале документа традиционно для подзаконных актов первой половины XVIII в. указывался источник нормотворчества: воевода (а в случае, если воеводский указ возникал на основе соответствующего предписания региональной власти, – губернатор и воевода). Функциональное назначение этого блока заключалось в легализации полномочий приказчика, в том числе путем формальной фиксации процедуры передачи власти от прежнего управленца текущему. Распоряжения могли адресовываться сразу обоим администраторам. Например, в памяти первому приказчику Белоярской крепости Степану Серебренникову сначала приказывалось руководителю строительного отряда Ивану Максюкову «отдать тебе [Серебренникову] в той крепости кузнецких служилых людей», а затем уже вновь прибывшему приказчику предписывалось «и тебе б вышепомянутых служилых людей и

беломестных казаков, и гулящих людей... у него, Ивана Максуюкова, принять» [39. Л. 43]. Такой подход в существенной мере соответствовал практике, установившейся в среде воеводского управления, с единственным, но существенным отличием: в 10 – начале 30-х гг. XVIII в. персональные и значительные по объему воеводские указы все больше стали уступать место чрезвычайно компактным губернаторским указам (как правило, 1,5–2 листа). В этих актах едва ли не центральное место уделялось вопросам транзита власти, фиксирувавшимся при этом максимально простой формулой: «...велено тебе... [указание на конкретное лицо] быть в городе [указание на уездный центр] воеводою на месте воеводы [указание на прежнего управителя]» [15. Л. 19]. Таким образом, испытывая рецепцию со стороны инструктивных документов вышестоящих органов власти, наказные памяти приказчикам острогов и слобод сохраняли свою оригинальность и местами более четкий функциональный акцент. Однако переоценивать его также не стоит, поскольку он изначально был призван решать лишь локальные задачи. К примеру, наказные памяти приказчикам, в отличие от наказов воеводам, не содержали упоминания о необходимости проведения и текста присяги при вступлении в должность¹.

Второй блок предполагал максимально точную фиксацию имущества и инвентаря, поступавших в распоряжение приказчика. Окраинное расположение Кузнецкого уезда, угроза рецидива набегов калмыков на административные центры², сохранение ясачных аборигенных волостей, перемежавшихся с русскими поселениями, вместе предопределили существенное внимание наказных памятей первых десятилетий XVIII в. к оружейному комплексу и доступным инженерным ресурсам. Максимально точному учету подвергались пушки и снаряды к ним, находившиеся в границах вверенной приказчику административной округи: «Две пушки больших железных, ядер к ним восемьдесят, дробь железной полтора пуда, три пушки малых железных же, пороху пушечного пять пуд, ручного семь пуд пятнадцать фунтов... а военной снаряд, пушки, порох и свинец блюсти опасно» [39. Л. 43–44]. В районах, где военно-политическая опасность была значительно меньшей или отсутствовала вовсе, достаточно быстро утвердилась распорядительная фраза-клише «и принять... что есть казны Великого Государя, пушки, порох, ядра и свинец, також указные памяти и приходные и сборные оброчные книги... и наказ прежде бывшего прикащика» [39. Л. 49]. Спустя несколько лет в наказных памятях стала фигурировать более краткая резолюция «принять у прикащика... крепость / острог, и острожные ключи, и на крепости снаряд, и артилерские припасы, и приходные и расходные книги» [16. Л. 7], которая имела и расширенный (по сути, переходный по отношению к первым двум упомянутым) вариант, предполагавший учет отдельно пушек, пороха и свинца, а также «наличной денежной казны всей, что есть налицо и присланных... Великого Государя указов и челобитчиковых дел» [Там же. Л. 44]. Установившаяся формула была максимально лаконична, особенно на фоне указов воеводам, предписывавших «печати,

грамоты, и указы Ея Императорского Величества, и печатные воеводские инструкции, и всякие дела, приходные и расходные книги, також и наличную, денежную и товарную казну и мягкую рухлядь, артиллерию и провиант, и прочее все, что есть, казенное по описи, а служилого чина людей по имянным списком принят с росписками...» [15. Л. 19–19 об.]. Более того, вступавшие в должность уездные администраторы обязывались составлять погодные выписки и экстракты, которые фиксировали бы обоснованность / необоснованность финансовых трат предшествующих управителей [Там же. Л. 19 об.]. В. Кулешов полагает, что это являлось одним из способов возбуждения ответственности в управленческой среде [17. С. 12], а Е.В. Вершинин проводит мысль о том, что такие проверки подспудно повышали уровень легитимности местной власти [22. С. 68–69]. В отличие от этого наказные памяти были ориентированы именно на фиксацию и учет перечня административно-хозяйственных ресурсов, передававшихся от прежнего приказчика нынешнему, что отражалось в императиве «и что надлежит по указу у [прежнего] прикащика... принято, о том в [уездный центр] писать» [16. Л. 7 об.–8]. Параллельно с этим воеводами практиковалось наделение специально посланных из уездного центра служилых людей контрольно-ревизионными функциями в отношении бывших приказчиков, однако инициировалось соответствующее действие специальным указом, а не наказной памятью [41. Л. 7–7 об.].

Третий блок обладал наибольшим удельным весом и заключал в себе определение функционального статуса приказчика. Минимальное количество новелл раннеимперского законодательства в отношении местных органов управления не только не позволило преодолеть установившуюся еще в документах XVII в. эклектику направлений деятельности администраторов, но и существенно ее углубило в силу синкретизма формировавшейся на региональном уровне управленческой доктрины. Наказные памяти строго выстраивались на основе принципа территориальности управления в том смысле, что создавали правовые основания власти лица, вступавшего в определенную должность, только применительно к конкретному локальному району [25. С. 186]. За пределами соответствующей административной округи за редким исключением управленец терял всякие юридические prerogatives.

Следует констатировать, что авторитетнейшими авторами и изданиями в историографии сформулирован тезис об исключительном приоритете административно-хозяйственного направления деятельности приказчиков [42. С. 206; 43. С. 137–142, 327–328]. Доступные нам наказные памяти показывают, что природные особенности вверенного района и освоенческая конъюнктура порой диаметрально противоположно определяли акценты в функциональном статусе локальных управленцев. При сохранении идущей еще с XVII в. формулы «ведать тебе... судом и расправою», которая предполагала общий административный надзор в отношении местного населения и служилых людей, в районах с нестабильной военно-политической обстановкой, располагавшихся рядом с

не всегда мирными ясачными волостями, на первый план выходила оборонительная функция приказчиков. Наказные памяти в таких случаях содержали детальные предписания, направленные на поддержание безопасности крепости, в том числе регламентировали расстановку и надзор за караулами, периодический осмотр оружия служилых людей [39. Л. 43 об.–44]. Административно-хозяйственная функция в инструктивных документах проявлялась, в первую очередь, в необходимости контроля над заселением вверенной приказчику округи, а вот упоминаний о десятинной пашне, даже единичных, как ни парадоксально, не наблюдалось [16. Л. 7–8 об., 21–23 об., 44–45 об.; 39. Л. 43–45 об., 49–50, 51–52; 44. Л. 31–31 об.]. Не менее запутана ситуация с названной в свое время еще В.И. Шунковым «судебно-полицейской» функцией [42. С. 206]. В наказных памятях четко указывалось, что тяжкие и особо тяжкие преступления не находились в ведении приказчиков, а передавались (вместе с подозреваемыми) в уездный центр. Персональные инструкции лишь оговаривали обязанность конвоирования задержанных, а также предусматривали возможность приведения в исполнение только одного вида наказания – «бития батожем нещадно» [39. Л. 43 об.]. Что касается судебной функции, то она просматривалась лишь в тех наказных памятях, которые адресованы приказчикам наиболее спокойных административных округ, и проявлялась в рассмотрении приказчиком имущественных споров размером до 5 руб. [16. Л. 7–7 об.].

Дополняющим эти сюжеты становились положения наказной памяти, предполагавшие чрезвычайные (экстраординарные) действия. Объем этого блока напрямую зависел от военно-политической обстановки в административном районе: чем больше сомнений относительно безопасности округи оставалось у уездных властей, тем подробнее и строже в персональной инструкции детализировались действия приказчика. В первые год-два после сооружения острога или слободы локальным управленцам строго предписывалось максимально ограничить контакты с автохтонами и лишь принимать по несколько аманатов, а остальным «велеть жить до указа верстах в десяти и болши» [39. Л. 44 об.–45]. Также запрещалось посылать служилых людей в степи и урочища для промыслов и торговли.

В заключительной части наказных памятей содержался перечень запрещенных действий. В первые годы после строительства острога или слободы среди наказуемых деяний приказчиков значилась лишь сдача неприятелю возведенного укрепления (даже в ходе сражения с превосходящим числом противников), а также заключение нелегального соглашения с автохтонными жителями или кочевниками «без указа Великого государя» [Там же. Л. 45 об.]. За это предусматривалась немедленная смертная казнь в уездном центре, которая утверждалась и приводилась бы в исполнение даже без резолюции губернского центра, что в реалиях первой половины XVIII в. являлось скорее грозным напоминанием, своего рода запретительной декларацией. Во-первых, преступления управленцев низшего звена (приказчики, земские комиссары, таможенные головы) находились на контроле у губернской канцелярии, а все решения приводи-

лись в исполнение воеводами или выносились ими исключительно после соответствующего указа из Тобольска. Во-вторых, даже первый приказчик Бикатунской крепости А. Муратов, который допустил сожжение острога калмыками в 1710 г. и спустя несколько лет вернулся в Кузнецк из джунгарского плена, не был казнен, а служил вместо этого на аманатском дворе уездного центра [33. С. 335, 336, 346].

В дальнейшем перечень действий приказчиков, признававшихся незаконными, расширился и включил в себя торговлю с аборигенным населением, в том числе организованную посредством посылки служилых людей; махинации с налогами и «чинение обид» поднадзорному населению; взяточничество; дачу ложных показаний в суде или подстрекательство к этому; сдачу укрепления в случае нападения; наконец, преступным признавалось любое действие, противоречившее «Великого Государя указу и сего наказу» [16. Л. 7 об.–8]. В дополнение к этому расширялась и декларация потенциальных санкций: помимо смертной казни для приказчика более поздние памяти предусматривали конфискацию его имущества: «...а имение твое движимое и недвижимое взято будет на Великого государя» [Там же. Л. 8 об.].

Помимо этих четко просматривающихся структурных элементов почти каждая наказная память содержала указание на необходимость решения конкретных локальных вопросов (эпизодов). Е.В. Вершинин справедливо предлагает деление наказной памяти на две части: наказ, заключающий в себе ординарную инструкцию, и память-приложение, т.е. экстраординарные персональные предписания управленцу [22. С. 69–71]. Например, в памяти бердскому приказчику Василию Соколову, среди прочего, содержалось указание разыскать в кратчайшие сроки приписанных к соответствующей округе Т. Корякина и И. Середка, обвинявшихся в убийстве барабинских татар, а также воспрепятствовать тому, чтобы «многие бердские жители ездили в степь и привозили соль тайною в Бердский острог» [39. Л. 49].

Отражая состояние управленческих стратегий и практик административно-правовой системы переходного периода, наказные памяти на протяжении конца XVII – первой половины XVIII в. эволюционировали в сторону унификации. Однако в отличие от воеводских наказов, которые прошли соответствующий путь во второй половине – конце XVII в. [22. С. 71], инструкции приказчикам острогов и слобод приобрели максимально стандартизированный вид лишь к середине следующего столетия. В структурно-генетическом плане унификация проявилась в двух тенденциях. Во-первых, в существенном уменьшении удельного веса административно-статусного, экстраординарного и запретительно-декларативного блоков вплоть до их полного нивелирования. В результате акцент автоматически сместился в сторону легально-легитимационной и имущественно-инвентарной частей, которые в совокупности стали занимать половину и более текста всей наказной памяти [44. Л. 31–31 об.]. Это привело к тому, что на непродолжительный период (20–30-е гг. XVIII в.) размеры «наказной» и «памятной» частей фактически сравнялись, но с

40-х гг. столетия первая практически полностью заменила вторую, отражая схожие процессы, проявившиеся в воеводских наказах несколькими десятилетиями ранее [22. С. 71]. Во-вторых, в неуклонном снижении общего объема наказных памятей на протяжении первой половины XVIII в. акты конца 10 – начала 20-х гг. превосходили свои аналоги середины 40-х гг. более чем вдвое [39. Л. 43–45 об.; 44. Л. 31–31 об.]. Возникновение новых административных округ порождало необходимость максимально детализированных наказных памятей, и, наоборот, в районах с устоявшейся управленческой повесткой документы приобретали строго компактный вариант. Кроме того, по мере сжатия текста полностью исчезло деление на статьи, а также отсылки к ранее имевшим место управленческим прецедентам. В целом стремление к стандартизации наказных памятей вылилось скорее в их симплификацию, что, очевидно, стало одной из важнейших причин деградации роли соответствующих актов в управленческой и делопроизводственной системе.

Интересным представляется и вопрос правопреемства наказных памятей по отношению к аналогичным, выпущенным ранее документам. В наказах воеводам на протяжении первой половины XVIII в. фактически сохранялся выработанный еще в середине – второй половине предшествующего столетия прецедентный принцип, который предполагал использование в управленческой деятельности не только актуальных актов, но и изданных ранее. В. Кулешов считает, что воеводы могли руководствоваться / не руководствоваться предшествующими наказами по своему усмотрению «и прежних им государевых грамот и наказов высматривати и вычитати накрепко, почасту» [17. С. 5–6]. Однако формула «да что в прежних наказах и грамотах добро, и великому государю прибыльно и к обереганью написано с укреплением, а не к убыли, и им [воеводам] дела делать по прежним государевым наказам и по грамотам»³ предполагала скорее обязательное, а не произвольное соблюдение тех положений ранее изданных актов, которые соответствовали текущим управленческим задачам и интересам власти в регионе. В отличие от этого ни одна из наказных памятей не содержала четкого указания необходимости или даже

упоминания о возможности использования ранее выпущенных, хотя среди перечня имущества в большинстве актов значилась «инструкция». Очевидно, предполагалось, что каждая наказная память будет замещать свои предыдущие аналоги, аккумулируя фундаментально значимые характеристики правового статуса приказчиков и одновременно акцентируя внимание на группе первоочередных задач.

Таким образом, наказные памяти приказчикам Западной Сибири в значительной степени основывались на императивном (строгая регламентация правового поведения субъекта) и в гораздо меньшей – на диспозитивном (свобода выбора модели поведения) методах правового регулирования. Документы одновременно сочетали черты адресности и нормативности: с одной стороны, они заключали в себе предписания, обязательные для исполнения конкретными должностными лицами, с другой – обладали важнейшими признаками правовых норм, таких как формальная определенность, многократная применимость, санкции за неисполнение или нарушение.

Нормативно-правовая база осуществления администрирования на местном уровне, с одной стороны, сохраняла ощутимые черты преемственности (в виде механического заимствования отдельных блоков) по отношению к ранее изданным вышестоящим документам, с другой – стремилась к оригинальности и не допускала тотального копирования соответствующих актов. В этом проявлялось взаимопроникновение традиции и новаций в управленческой системе первых десятилетий выстраивания обновленной (имперской) российской государственности, когда архаичная унифицированность освоения Сибири XVII в. постепенно теряла свою актуальность на фоне потребности учета освоенческой конъюнктуры отдельных локальных районов. Вместе с тем наказные памяти на протяжении конца XVII–XVIII вв. претерпели существенную унификацию вслед за воеводскими наказами, пока полностью не превратились в рудимент обновленной административно-правовой системы. После завершения переходной эпохи в системе нормативного обеспечения, управленческих практик и делопроизводства наказные памяти оказались полностью вытеснены партикулярными должностными инструкциями.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Примечательно, что сами приказчики приводили к присяге служилых людей, прибывавших на «обереговую службу» [40. Л. 26–31].

² В первые два десятилетия XVIII в. Кузнецк и юго-западные административные округа уезда неоднократно подвергались набегу джунгарских кыштымников [3. С. 11–13; 7. С. 89–101].

³ Это не являлось сугубо декларативной формулой, а имело реальные прецеденты, в том числе на вышестоящем уровне управленческой иерархии. Например, в 1722 г. находившийся под следствием бывший кузнецкий воевода Б.А. Синявин [45. С. 7–10] в ходе одного из допросов ссылался на применение им в середине 10-х гг. XVIII в. пунктов некоего наказа 1702 г., по всей видимости, имевшего уже постатейный вид [33. С. 310]. Очевидно, речь шла о положениях более раннего наказа воеводам, разработанного в конце XVII – первом десятилетии XVIII в. в рамках исполнения именного указа Петра I 1695 г. [22. С. 77].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968. 368 с.
3. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск : Сова, 2005. 264 с.
4. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.
5. Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут : Таймер, 2011. 233 с.

6. Исупов С.Ю. Роль Бийской крепости в военно-колониционной политике Российской империи на Алтае в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. Т. 3, № 4. С. 91–94.
7. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул : Изд-во Алт. гос. пед. ун-та, 2015. 415 с.
8. Ширин Ю.В. О месте и условиях появления Мунгатского острога // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3. С. 71–76.
9. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. Москва ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
10. Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв. : науч. и док. материалы. Барнаул : Алтайский полиграфический комбинат, 2005. С. 44–70.
11. Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.
12. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 14.
13. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16.
14. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25.
15. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26.
16. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1.
17. Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII в.: исторический очерк. 2-е изд. Болград : Изд. Г.В. Юдина, 1894. 51 с.
18. Оглоблин Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. Ч. 1: Документы воеводского управления. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. 433 с.
19. Градовский А.Д. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 2: История местного управления в России. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1899. 492 с.
20. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 260 с.
21. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
22. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург : Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
23. Ананьев Д.А. Воеводское управление в Сибири в XVIII в.: особенности процесса бюрократизации // Российская история. 2007. № 2. С. 3–15.
24. Самбуева Л.В. Наказные памяти как нормативно-правовой акт феодального права // История государства и права. 2005. № 7. С. 10–12.
25. Мамонтов В.М. Наказы таможенным головам в системе нормативных актов, регулирующих правоотношения в таможенной сфере Московского централизованного государства в XVI–XVII вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3. С. 185–188.
26. Тимохин Е.А. Законодательная основа деятельности служилых людей Западной Сибири: структура норм, взаимосвязь и механизм функционирования // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2012. № 4. С. 102–105.
27. Бобров Д.С. Наказные памяти приказчикам крепостей Верхнего Приобья в конце 10 – начале 30-х гг. XVIII в. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX в.): сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 178–186.
28. Исупов С.Ю. Приказчики и коменданты Бийской крепости // Бийские градоначальники: исторические очерки. Бийск : Типография Бийск. пед. гос. ун-та, 2002. С. 11–21.
29. Добжанский В.Н. «Наказные памяти» строителям Мелесского острога М. Лаврову и О. Кокореву // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 80–83.
30. Пашинин А.В. Документы второй половины XVII – первой половины XVIII в. как источники составления родословной // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2013. С. 527–532.
31. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание I (1649–1825). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V.
32. ПСЗРИ. Собрание I (1649–1825). СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI.
33. Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1885. Кн. 2: 1713–1724. 592 с.
34. Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР : учеб. пособие. М. : [б.и.], 1959. 359 с.
35. Миненко Н.А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1981. 91 с.
36. Лукашевич А.А. Виды документов в Российском государстве первой четверти XVIII в. (на материале Генерального регламента) // Советские архивы. 1991. № 4. С. 38–46.
37. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 18.
38. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т; ин-т «Открытое общество», 2004. 701 с.
39. РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8.
40. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-6.
41. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51.
42. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М. : Изд-во АН СССР, 1946. 229 с.
43. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
44. РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1-а.
45. Каменецкий И.П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 7–10.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2018 г.

Mandatory Instructions for Clerks of Jails and Settlements of Western Siberia at the End of the 17th – the First Half of the 18th Centuries (Based on the Analysis of the Documents Issued in Kuznetsk Uyezd)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 87–95.

DOI: 10.17223/15617793/442/11

Denis S. Bobrov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: bds-eureka@yandex.ru

Keywords: mandatory instructions; clerks; servicemen; vaivodes; imperial legislation; system of law; Western Siberia; Kuznetsk Uyezd.

The article is devoted to the historical and legal analysis of mandatory instructions for clerks of jails and settlements of Western Siberia at the end of the 17th – the first half of the 18th centuries. This kind of documents still requires a thorough analysis, especially taking into consideration the significant interest in the management strategies and practices of Siberian vaivodes, as well as legisla-

tive support for their activities. Mandatory instructions presented a special version of a personalized job description written in a form of a vaivode's ordinance addressed to the incoming department clerk. The structure of a mandatory instruction was divided into five blocks. The purpose of the first block was to formally fix the procedure for transferring power from the previous clerk to the current one. The second one implied the inventory of assets and items that came to the disposal of the manager. The third block determined the functional status of the clerk. The limited number of regulations of early imperial laws intended for local governments not only made it impossible to avoid the eclecticism of administrators' activities, characteristic of the documents of the 17th century, but also increased it significantly due to the syncretism of the administrative doctrine that was formed at the regional level. Regulations with guidelines on emergency measures complemented the documents. The final part of mandatory instructions contained norms that determined the range of potential offences. During the first years after the introduction of a top-down management style, clerks' punishable offences were only the surrender of fortifications and the signing of illegal agreements with autochthonous inhabitants or nomads. Later, the list of illegal acts was expanded and included trade with the aboriginal population, tax fraud, "offending" the supervised population, bribery, giving false testimony in court or inciting to it. In general, the regional legal and regulatory framework of Western Siberia at the end of the 17th and in the first half of the 18th centuries retained tangible features of continuity (it actually mechanically borrowed separate blocks from previously issued documents), yet it developed as an original one and excluded exact replications of the previous regulations. This manifested the interpenetration of the tradition and innovations of the administrative system during the first decades of building the renewed (imperial) Russian statehood when the archaic unification of strategies for the development of Siberia in the 17th century gradually lost its relevance because of the necessity to take into account individual needs of local areas.

REFERENCES

1. Anisimov, E.V. (1997) *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII v.* [State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Eroshkin, N.P. (1968) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Anan'ev, D.A. (2005) *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [Vaivode office of Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Sova.
4. Bulygin, Yu.S. (1974) *Pervye krest'yane na Altae* [The first peasants in the Altai]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
5. Puzanov, V.D. (2011) *Voennaya politika Russkogo gosudarstva v Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XVIII v.)* [The military policy of the Russian state in Western Siberia (the end of the 16th – the beginning of the 18th centuries)]. Surgut: Taymer.
6. Isupov, S.Yu. (2010) Rol' Biyskoy kreposti v voenno-kolonizatsionnoy politike Rossiyskoy imperii na Altae v pervoy polovine XVIII v. [Significance of the Biysk Fortress in Military and Colonization Policy of the Russian Empire in the Altai in the First Half of the 18th Century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 3 (4). pp. 91–94.
7. Borodaev, V.B. & Kontev, A.V. (2015) *Formirovanie rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg.* [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620–1720]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
8. Shirin, Yu.V. (2017) *About place and conditions of appearing of Mungat burg. Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Ser. Historical sciences*. 3. pp. 71–76. (In Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.71-76
9. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and the administration of Siberia in the 18th century: the structure and composition of the state bodies]. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche.
10. Konteva, O.E. & Kontev, A.V. (2005) *Territoriya Altayskogo kraya v obshchegrazhdanskoy i vedomstvennoy sistemakh upravleniya (XVIII v.)* [The territory of Altai Krai in the civil and departmental management systems (18th century)]. In: Shcheglova, T.K. (ed.) *Istoriya Altayskogo kraya. XVIII–XX vv.: nauch. i dok. materialy* [History of Altai Krai. 18th–20th centuries: research and documents]. Barnaul: Altayskiy poligraficheskii kombinat.
11. Puzanov, V.D. (2009) *Godoval'shchiki v Sibiri v XVII v.* [Godoval'shchiks in Siberia in the 17th century]. *Voprosy istorii*. 2. pp. 132–142.
12. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 14. (In Russian).
13. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 16. (In Russian).
14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 25. (In Russian).
15. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 26. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1. (In Russian).
17. Kuleshov, V. (1894) *Nakazy sibirskim voevodam v XVII v.: istoricheskiy ocherk* [Instructions to Siberian vaivodes in the 17th century: historical essay]. 2nd ed. Bolgrad: Izhd. G.V. Yudina.
18. Ogloblin, N.N. (1895) *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza* [Review of the columns and books of the Siberian order]. Pt. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya, Strastnoy bul'var.
19. Gradvoskiy, A.D. (1899) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
20. Bakhrushin, S.V. (1959) *Nauchnye trudy* [Research]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.
21. Aleksandrov, V.A. & Pokrovskiy, N.N. (1991) *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and society. Siberia in the 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
22. Vershinin, E.V. (1998) *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII v.)* [Vaivode administration in Siberia (17th century)]. Yekaterinburg: Munitsipal'nyy uchebno-metodicheskiy tsentr "Razvivayushchee obucheniye".
23. Anan'ev, D.A. (2007) *Voevodskoe upravlenie v Sibiri v XVIII v.: osobennosti protsessa byurokratizatsii* [Vaivode administration in Siberia in the 18th century: features of the bureaucratization process]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 3–15.
24. Sambueva, L.V. (2005) *Nakaznye pamyati kak normativno-pravovoy akt feodal'nogo prava* [Mandatory instructions as a regulatory legal act of feudal law]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 7. pp. 10–12.
25. Mamontov, V.M. (2011) *Instructions for Customs Masters in the System of Statutory Acts Regulating Legal Relationships in Customs Sphere in Moscow Centralized State in the XVIth–XVIIth Centuries. Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 3. pp. 185–188. (In Russian).
26. Timokhin, E.A. (2012) *The legislative basis of activity of state servitors of Western Siberia (XVII century): the structure of rules, the relationship and mechanism of functioning. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4. pp. 102–105. (In Russian).
27. Bobrov, D.S. (2014) *[Mandatory instructions to commanders of the Upper Ob fortresses in the late 1710s – early 1730s]. Soslovnye i sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Aziatskoy Rossii (XVII – nachalo XX v.)* [Estates and sociocultural transformations of the population of Asian Russia (17th – early 20th centuries)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Novosibirsk: Parallel'. pp. 178–186. (In Russian).
28. Isupov, S.Yu. (2002) *Prikazchiki i komendanty Biyskoy kreposti* [Commandors and commandants of the Biysk fortress]. In: Bulanichev, V.V. (ed.) *Biyskie gradonachal'niki: istoricheskie ocherki* [Biysk town governors: historical essays]. Biysk: Biysk State Pedagogical University.
29. Dobzhanskiy, V.N. (2012) *"Nakaznye pamyati" stroitel'yam Melesskogo ostroga M. Lavrovu i O. Kokorevu* ["Mandatory instructions" for the builders of the Melets fortress M. Lavrov and O. Kokorev]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 80–83.

30. Pashinin, A.V. (2013) Dokumenty vtoroy poloviny XVII – pervoy poloviny XVIII v. kak istochniki sostavleniya rodoslovnoy [Documents of the second half of the 17th – the first half of the 18th centuries as sources of family history compilation]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2013* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2013]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law.
31. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I (1649–1825). Vol. V. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
32. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection I (1649–1825). Vol. VI. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
33. Timofeev, A.I. (ed.) (1885) *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII v.* [Monuments of the Siberian history of the 18th century]. Book 2. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
34. Mityaev, K.G. (1959) *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v SSSR* [History and organization of records management in the USSR]. Moscow: [s.n.].
35. Minenko, N.A. (1981) *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Essays on the source study of Siberia of the 18th – first half of the 19th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
36. Lukashovich, A.A. (1991) Vidy dokumentov v Rossiyskom gosudarstve pervoy chetverti XVIII v. (na materiale General'nogo reglamenta) [Types of documents in the Russian state of the first quarter of the 18th century (on the material of the General Regulations)]. *Sovetskie arkhivy*. 4. pp. 38–46.
37. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 18. (In Russian).
38. Danilevskiy, I.N. et al. (2004) *Istochnikovedenie. Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source studies. Theory. Story. Method. Sources of Russian history]. Moscow: RSUH; in-t "Otkrytoe obshchestvo".
39. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1134. List 1. File 8. (In Russian).
40. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1-b. (In Russian).
41. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 517. List 1. File 51. (In Russian).
42. Shunkov, V.I. (1946) *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII v.* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the 17th – early 18th centuries]. Moscow: USSR AS.
43. Okladnikov, A.P. (ed.) (1982) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [The peasantry of Siberia in the era of feudalism]. Novosibirsk: Nauka.
44. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 1402. List 1. Pt. 1. File 1-a. (In Russian).
45. Kamenetskiy, I.P. (2009) Rozysknoe delo voevody B. Sinyavina: k voprosu o vzaimootnoshenii sibirskoy administratsii i korennykh narodov v Yuzhnoy Sibiri v epokhu Petra I [The search case of vaivode B. Sinyavin: on the relationship between the Siberian administration and indigenous peoples in Southern Siberia in the era of Peter I]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 7–10.

Received: 24 April 2018

Е.А. Брюханова, Н.П. Иванова

ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 г.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-78-10156.

Проведены обзор архивных фондов и обстоятельств сохранности первичных материалов переписи 1897 г., их источниковедческий и документоведческий анализ (структурно-функциональный, типологический, классификационный методы). Источниковедческую базу исследования составили переписные листы, отложившиеся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Красноярского края и Государственного архива в г. Тобольске.

Ключевые слова: перепись 1897 г.; категории населения; переписные листы; бланк; архив; архивный документ; источниковедческий анализ; документоведческий анализ.

Историографический обзор проблемы, источники и методы исследования. Одной из тенденций современного источниковедения является пристальное внимание к массовым историческим источникам, особенно содержащим сведения персонального характера. С одной стороны, это обусловлено развитием и распространением информационных технологий, позволяющих аккумулировать и анализировать большие объемы данных, с другой – признанием высокого информационного потенциала подобных исторических источников. В таком контексте определенный интерес представляют первичные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а именно переписные листы, которые, по устоявшемуся мнению, долгое время считались несохранившимися. Тем не менее на рубеже XX–XXI вв. в разных регионах стали появляться публикации, основанные на первичных материалах переписи 1897 г. Исследователи опирались как на ставшие уже традиционными источники – нормативные акты Центрального статистического комитета, организационные и делопроизводственные документы региональных комиссий и др. (Н.Д. Борщик [1], А.А. Сафронов [2], С.С. Воропаева [3]), формы и бланки переписного материала (Н.В. Неженцева [4]), так и на «открывшиеся» сведения о сохранившихся массивах переписных листов. Например, работы С.Г. Кашенко, М.А. Марковой, О.В. Родионовой [5] основаны на анализе первых экземпляров переписных листов по русскому населению в Финляндии. Вторые экземпляры переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. также стали источниками для различных направлений конкретно-исторических исследований: брачные отношения крестьян Тобольской губернии (В.А. Зверев [6]), социальная структура и занятость жителей г. Тобольска (Е.А. Брюханова, В.Н. Владимиров [7]), население заводских поселков Уральского региона (Т.А. Васина [8]), биографические (И.К. Загидуллин [9]) и генеалогические (Ю.В. Стриганова [10], Т.К. Edlund [11], А. Dunai [12]). В качестве самостоятельного источника использовались ведомости подсчета населения в работах К.Б. Литвака для оценки репрезентативности агрегированных данных переписи [13] и Т.Т. Курчатовой

при анализе численности округов, волостей и отдельных населенных пунктов в Якутской области [14].

Даже этот небольшой историографический обзор показал, что в конце XX – начале XXI в. стали появляться сведения о наличии сохранившегося корпуса первичных материалов переписи 1897 г. (переписные листы, ведомости подсчета населения, обложки и др.) в разных региональных и некоторых зарубежных архивах, которые либо не введены в научный оборот, либо введены не в полном объеме. До сих пор не предпринимался обзор архивных фондов и обстоятельств сохранности переписных листов, кроме того, не проводился источниковедческий и документоведческий анализ первичных материалов переписи 1897 г.

Цель статьи – обзор архивных фондов и обстоятельств сохранности первичных материалов переписи 1897 г., их источниковедческий и документоведческий анализ. Источниковую базу исследования составили первичные материалы переписи 1897 г., отложившиеся в первую очередь в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Красноярского края (ГАКК) и Государственного архива г. Тобольска (ГА в г. Тобольске), а также в других архивах нашей страны и некоторых зарубежных. Выбор архивов обусловлен характерными особенностями организации хранения первичных материалов переписи и самих комплексов переписных листов.

Исследование основано на системном и структурно-функциональном подходе, при котором Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. рассматривается как система, а материалы, отложившиеся в архивных фондах (законодательные и другие нормативные документы, связанные с ее организацией и проведением, первичные материалы переписи и пр.), имеющие четкую структуру и выполняющие определенную функцию – как элементы этой структуры. В рамках источниковедческого исследования переписных листов будут проведены анализ происхождения (обзор архивных фондов, в которых отложились переписные листы и обстоятельства их сохранности), анализ содержания [15. С. 204–205], предусматривающий применение структурно-функционального анализа, историко-сравнительного мето-

да и метода классификации. Документоведческий анализ [16. С. 7] предполагает выявление функций бланков для учета населения, их места в системе документации переписных комиссий, а также изучение композиционно-содержательной структуры коллекций переписных листов. Комплексный междисциплинарный подход к анализу сохранившихся переписных листов разных архивов позволит не только выявить историко-генетические особенности отдельных переписных бланков и форм как исторических источников, но и дать предварительную оценку их репрезентативности и информационного потенциала для конкретно-исторических исследований.

Обзор архивных фондов и обстоятельства сохранности переписных листов. Коллекции переписных листов, обнаруженные в разных архивах, являются неоднородными по составу форм и объему документов. Обстоятельства и условия сохранности первичных учетных материалов переписи 1897 г. зависели от того, какие категории переписных листов (первые, вторые экземпляры, бланки пробной переписи) отложились в фондах конкретного архива.

В соответствии с Положением о первой всеобщей переписи населения Российской империи от 5 июня 1895 г. (п. 33) [17. С. 15] переписные листы должны были создаваться в двух экземплярах: первые экземпляры, вместе с итоговыми ведомостями по населению городов, уездов и губерний, отправлялись в Главную переписную комиссию при Центральном статистическом комитете (ЦСК), вторые экземпляры составляли свое рода «страховой фонд» и должны были оставаться на местах. В Главную переписную комиссию поступили переписные листы по 125 миллионам жителей всех регионов Российской империи. Последующая работа по проверке, разметке переписных листов, подсчету данных на электрических машинах Холлерита и подготовке сведений к публикации заняла около 8 лет. Судьба первых экземпляров переписных листов после завершения обработки данных, действительно, оказалась печальной. По сведениям одного из участников переписной кампании 1897 г., ответственных за разметку и проверку переписного материала, и ее яркого критика А.Н. Котельникова, Центральный статистический комитет «своевременно озабочился получением разрешения министра внутренних дел постепенно продавать на фабрику подлинный материал первой всенародной переписи населения» [18. С. 93], т.е. ценнейший исторический источник был отдан на вторичную переработку, для изготовления бумаги. Эти показания подтверждает другой участник обработки переписных материалов, редактор Центрального статистического комитета С.К. Патканов, который стремился завершить составление собственных подробных выборок этнографического характера из переписных листов по населению Сибири до того времени, когда «использованный материал подлежал быть проданным на бумагу» [19. С. VIII]. Кроме того, А.Н. Котельников отмечал, что часть первичных материалов переписи, «касающийся остяков, вогулов и лопарей, живущих в северной части Тобольской губернии, северо-западе Томской губернии, в зауральских уездах Пермской и в

Кольском уезде Архангельской губерниях», был по специальному разрешению сенатора Н.А. Тройницкого передан финно-угорскому обществу в Гельсингфорсе (ныне г. Хельсинки) [18. С. 93–94], дальнейшая судьба данного комплекса переписных листов автором не известна.

Обзор фонда Центрального статистического комитета [20], отложившегося в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), подтвердил вышеприведенные данные. Архивные дела по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. сосредоточены в двух описях: опись 10 с делами о «подготовке, проведении и разработке данных Первой всероссийской переписи населения и о подготовке ко Второй переписи, отчеты о деятельности переписных комиссий за 1897–1899 гг.»; опись 11, аннотация к которой гласит: «Переписные листы Первой Всероссийской переписи 1897 г.». В предисловии к описи 11 содержится разъяснение, что «все вошедшие в опись материалы переписи являются тремя формами переписных листов: сведения о населенных местах, ведомости подсчета населения и ведомости распределения населения по вероисповеданиям» [20. Оп. 11. Л. II]. Перечисленные документы представляли собой формы первичной статистики, первые из которых предшествовали переписи, вторые – заполнялись уездными и губернскими комиссиями после сбора всех переписных листов, третьи – заполнялись в ЦСК. Кроме того, в опись 11 были внесены дела с особыми бланками: 1) сведения о лицах, находящихся во время переписи в поездах, на станциях, в плавании, на военных и торговых судах; 2) сведения о лицах, достигших 100-летнего возраста [Там же. Л. IV].

Первую группу форм составляли опись или перечень станций по направлениям и участкам железных дорог, собственно ведомости с обобщенными сведениями о пассажирах и ожидающих, количество ведомостей соответствовало количеству станций [Там же. Д. 2820]. Во второй группе дел находились: Наставление для собирания сведений о лицах, достигших 100 и более лет, подготовленное ЦСК; справка об этой же категории; вопросный листок о них с разделением по полу, официальные сопроводительные письма от крестьянских начальников, волостного правления и священников о выявленных / невыявленных сведениях, подтверждающих возраст. Сбор персональных сведений о лицах 100-летнего возраста и обстоятельствах их жизни проводился после основной переписной кампании по специально разработанным формам. Тем не менее работы исследователей [5] и изучение авторами статьи архивных дел с материалами переписи 1897 г. позволили вывить отдельные комплексы первых экземпляров переписных листов по некоторым населенным местам. В РГИА были обнаружены переписные листы по городам Бухара, Керки, Чаржуй и русского поселения Новая Бухара в Бухарском ханстве [Там же. Д. 100. Л. 192–735] (дело представлено на микрофильме), городам Выборг, Фридрихсгам, Вильманstrand Выборгской губернии [Там же. Д. 441. Л. 6–918] (дело представлено на микрофильме), по крейсерам, канонерским лодкам, паро-

ходам и броненосцам эскадры Тихоокеанского флота, Средиземной эскадры (в Вест-Индии, на острове Св. Фомы), эскадры в Каспийском море (в Астрабадском заливе) [20. Оп. 11. Д. 2821], двум кораблям Амударьинской флотилии [Там же. Д. 100. Л. 708–725, 795]. В выявленных комплексах переписных листов можно отметить некоторые особенности: 1) переписные листы преимущественно отражают состав русских воинских команд и их технический персонал (например, полк Уральского казачьего войска, Туркменские линейные батальоны, корпуса пограничной стражи в Бухарском ханстве, Финляндский стрелковый полк, штаб Выборгской крепости и т.п.); 2) большую часть сохранившихся переписных листов составляют воинские и общие перечневые ведомости (для нижних чинов и персонала), переписные листы формы В, которые использовались для занесения сведений об офицерском составе, а также как обложки. Исключением являются общие перечневые ведомости по учащимся 16 медресе (высшим мусульманским школам) г. Бухары, в которые были внесены сведения о местном населении [Там же. Л. 736–754]. Таким образом, изучение описей и дел фонда Центрального статистического комитета в РГИА позволяет констатировать, что все первые экземпляры переписных листов в полном объеме, действительно, не сохранились. Обстоятельства сохранности первых экземпляров переписных листов указывают на то, что выявленные комплексы переписных листов представляют скорее счастливое исключение, чем правило, большая часть, по-видимому, была действительно отправлена на переработку.

Вторые экземпляры, в соответствии с Положением о переписи, должны были передаваться на хранение в одно из местных учреждений Министерства внутренних дел (п. 38) [17. С. 17]. В специальном циркуляре Главной переписной комиссии от 26 марта 1897 г. за № 3505 уточнялось, что вторые экземпляры переписных листов должны храниться в архивах губернских (областных) правлений под надзором секретаря Губернского статистического комитета [21. Ф. 31. Оп. 1. Д. 200. Л. 3–3 об.]. Вследствие того что вторые экземпляры служили «единственным обеспечением результатов переписи, в случаях каких-либо непредвиденных обстоятельств», они должны были оставаться неприкосновенными до окончания обработки переписного материала в Центральном статистическом комитете [Там же. Л. 19–19 об.]. Разработка и публикация собранного переписью материала непосредственно в регионах по Положению о переписи не предусматривались, а для извлечения любых сведений из вторых экземпляров и их специальной разработки требовалось разрешение министра внутренних дел (п. 41) [17. С. 17–18]. Несмотря на то что в нормативных документах уделялось особое внимание недопущению утраты и использования вторых экземпляров, их сохранность на местах зависела как от исполнительности органов власти, так и от случайных факторов, особенно после передачи документов в распоряжение региональных статистических комитетов. В архивных материалах и в исследованиях встречаются различные обстоятельства причин утери первичных

материалов переписи; например, в г. Хабаровске часть переписных листов сгорела во время нахождения их в почтово-телеграфной конторе [21. Ф. 31. Оп. 1. Д. 200. Л. 8], в Казанской губернии вторые экземпляры переписных листов, находящиеся в здании Гостиного двора, были проданы торговцам для упаковки товаров [22]. Но и те массивы вторых экземпляров переписных листов, которые оставались в ведении статистических комитетов, не всегда отличаются полнотой и упорядоченностью. Так, в работе действительного члена Кубанского областного статистического комитета Л.В. Македонова отдельное внимание уделялось характеристике вторых экземпляров переписных листов после поступления их в распоряжение местного статистического комитета. Автор отмечает плохую систематизацию переписного материала: «листы были перепутаны», «на многих листах не оказалось отметок о населенном пункте и приходилось гадать о принадлежности листа», «перечневых ведомостей во многих случаях не оказалось» и т.д. Кроме того, «в тюках не оказалось не только многих отдельных листов, но и целых счетных участков» [23. С. 11–12]. Описанные ситуации позволяют понять причины, почему во многих регионах вторые экземпляры переписных листов не сохранились или представлены не в полном объеме.

Тем не менее в отдельных региональных архивах вторые экземпляры переписных листов составляют довольно крупные коллекции с хорошей сохранностью оригинальных документов. Например, комплексы вторых экземпляров переписных листов были выявлены в российских государственных архивах Ярославской, Тюменской областей, Удмуртской Республики, Республики Татарстан, городов Москвы и Тобольска, в зарубежных архивах Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии.

Одна из наиболее крупных из выявленных к настоящему времени (март 2018 г.) коллекций переписных листов представлена в Государственном архиве в г. Тобольске [24]. В Государственном архиве в г. Тобольске сохранились четыре фонда переписных комиссий: Тобольской губернской [Там же. Ф. И477], Тобольской окружной [Там же. Ф. И571], Сургутской окружной [Там же. Ф. И572], Березовской окружной [Там же. Ф. И573]. Документы других окружных комиссий Тобольской губернии отложились в государственных архивах Тюменской, Омской и Свердловской областей. Фонды переписных комиссий содержат организационную и делопроизводственную документацию. Переписные листы в представленных фондах не хранятся. В фонде Губернского статистического комитета [Там же. Ф. И417] было выявлено более 4 тысяч дел со вторыми экземплярами переписных листов 1897 г. Изучение описи второго фонда Губернского статистического комитета [Там же. Ф. И417] показало, что переписные листы сохранились более чем по 3 тысячам населенных пунктов всех волостей Ишимского, Курганского, Тарского, Тобольского, Туринского, Тюкалинского, Тюменского, Ялуторовского округов (уездов). Переписные листы по Березовскому и Сургутскому округам не представлены, и их судьба не известна. Стоит отметить,

что все дела с переписными листами 1897 г. оцифрованы и представлены в информационной системе Государственного архива в г. Тобольске [25]. В информационной системе размещен научно-справочный аппарат к документам архива: путеводитель, описи (в том числе электронные копии), а также тематические базы данных, среди которых есть база данных по переписи населения 1897 г., включающая краткие сведения о 54 912 персонах. Доступ к оцифрованным образам архивных документов предоставляется зарегистрированным пользователям за плату.

Для сравнения в государственном архиве Ярославской области сохранилось около 3 тысяч дел с переписными листами [26], а в Национальном архиве Республики Татарстан – только 148 дел [27]. Таким образом, изучение обстоятельств сохранности вторых экземпляров переписных листов Первой всеобщей переписи 1897 г. показало, что в региональных архивах отложились коллекции первичных документов переписи, но, к сожалению, разного объема и степени сохранности.

Кроме первых и вторых экземпляров переписных листов в некоторых архивах отложились небольшие по объему коллекции пробных переписных листов. В соответствии с Циркуляром Главной переписной комиссии от 12 марта 1896 г. за № 188 [24. Ф. И417. Оп. 1. Д. 453. Л. 1] в губернии были разосланы проекты некоторых форм переписных листов и наставления счетчикам. В письме предлагалось заполнить по несколько экземпляров каждой формы для местностей «с какими-либо особенностями в бытовых условиях» и высказать соображения по «удобоприменимости форм» и «удобопонятности» наставлений. Так, пробные переписные листы по некоторым губерниям, присланные в Главную переписную комиссию, отложились в фонде Центрального статистического комитета в РГИА [20. Оп. 10. Д. 38. Л. 179–242]. В Государственном архиве в г. Тобольске формы пробных листов сохранились в фонде Губернского статистического комитета [24. Ф. И417. Оп. 1. Д. 453. Л. 3–6], а несколько заполненных листов были выявлены в «непрофильных» фондах, например в фонде Ивановского Иоанно-Введенского женского монастыря [Там же. Ф. И197. Оп. 1. Д. 78].

Наиболее интересным в контексте изучения условий сохранности и форм пробных переписных листов представляется рассмотрение материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Красноярского края (ГАКК) [21]. В ГАКК сохранились пять фондов переписных комиссий: Енисейской губернской [Там же. Ф. 22], Енисейской окружной [Там же. Ф. 21], Красноярской окружной [Там же. Ф. 682], Канской окружной [Там же. Ф. 689], Ачинской окружной [Там же. Ф. 870]. Одной из особенностей материалов переписи 1897 г., отложившихся в ГАКК, является «разрозненность» их хранения в нескольких фондах, в том числе самих переписных листов. Так, дела с переписными листами (предположительно пробными в связи со спецификой бланков) были выявлены в фонде Енисейской губернской переписной комиссии [Там же. Ф. 22], Енисейского губернского управления [Там же. Ф. 595], а также в некоторых «непрофильных» фондах, например Красноярского

Знаменского женского монастыря [21. Ф. 322. Оп. 1. Д. 11], Земского заседателя 3-го участка Енисейского уезда [Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 60], Конторы Красноярских богоугодных заведений [Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 193]. Пробные переписные листы были заполнены по городам Енисейску и Канску, а также по отдельным населенным местам Ачинского, Минусинского, Енисейского округов. Как уже отмечалось, пробная перепись не преследовала цель учета всего населения, а необходима была для «испытания на практике» форм, поэтому подобные материалы охватывали лишь малую часть населения. При этом пробная перепись должна была проводиться в местностях с определенной спецификой и, таким образом, отразить наиболее характерные региональные особенности. Так, в ГАКК сохранилось около 100 переписных листов по бродячим инородцам Енисейского округа, охватывающих 12 тунгусских родов [Там же. Ф. 333. Оп. 1. Д. 60. Л. 18–105, 112–126]. Последнее обстоятельство, особенно в условиях отсутствия или плохой сохранности других материалов переписи 1897 г., делает пробные листы весьма интересным и информативным источником для отдельных конкретно-исторических исследований.

Следует отметить, что представленный обзор архивов и фондов не является исчерпывающим: в ряде других региональных архивов также отложились комплексы оригинальных первичных материалов Первой всеобщей переписи 1897 г. Кроме того, можно предположить, что дальнейшее изучение уже проанализированных архивов позволит выявить еще несколько фондов и дел с сохранившимися переписными листами. Однако даже такой неполный обзор позволяет установить, что первичные материалы переписи 1897 г. сохранились не только в центральных, но и в региональных и зарубежных архивах. Степень их сохранности разная, материалы переписи можно обнаружить не только в специализированных фондах, но и в непрофильных. Имеет смысл продолжить обследование фондов других архивов, в которых могут быть сохранены первичные материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Характеристика форм и бланков первичных материалов переписи. Все первичные материалы переписи 1897 г., встречающиеся в архивных фондах, представляют собой комплексы документов, состоящие из различных форм и бланков. Первые и вторые экземпляры переписных листов, которые идентичны, можно типологизировать по следующим признакам: 1) категория переписываемого населения; 2) тип фиксируемых сведений (категория данных). По первому признаку можно выделить такие формы переписных листов: 1) для сельского (или внегородского) населения; 2) для городского населения. По второму архивные материалы можно разделить на две группы: 1) документы первичной статистики, содержащие агрегированные данные по населенным местам или домохозяйствам, входящим в счетный участок (ведомости для подсчета населения и обложки); 2) документы, содержащие персональные данные, т.е. собственно переписные листы. В целом классификация первичных материалов переписи 1897 г. приведена в таблице.

Классификация переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Категории данных	Категории населения	
	сельское (внегородское) население	городское население
<i>Формы переписных листов 1897 г.</i>		
Первичная статистика	1. Ведомость для подсчета населения по сельскому учетному участку. 2. Обложка формы I (для переписных листов формы А, Б и А / Б). 3. Обложка формы II (для переписных листов формы Б)	1. Ведомость для подсчета населения по городскому учетному участку. 2. Обложка – переписной лист формы В
Персональные данные	1. Форма А (для крестьянских хозяйств). 2. Форма Б (для владельческих усадеб, хуторов и других, не входящих в сельские общества, поселков). 3. Форма А / Б (общая для всего внегородского населения)	1. Форма В (для городского населения)
	1. Общая перечневая ведомость для воспитанников, учеников, монашествующих, призываемых, заключенных, находящихся на излечении. 2. Военская перечневая ведомость. Перечень нижних чинов, состоящих на действительной службе	
<i>Формы пробных листов 1896 г.</i>		
Первичная статистика	— ¹	1. Ведомость для подсчета населения по городскому учетному участку. 2. Обложка – переписной лист для городского населения
Персональные данные	1. Переписной лист для сельского оседлого и кочевogo населения. 2. Форма Г (для бродячего инородческого населения) ²	1. Переписной лист для городского населения

¹ Документы первичной статистики по сельским учетным участкам в фондах рассматриваемых архивов не выявлены.

² Заполненные переписные листы формы Г были обнаружены только в Государственном архиве Красноярского края в деле, которое датировано 1896 г. [21; Ф. 333. Оп. 1. Д. 60. Л. 18–105, 112–126]. Обложки и ведомости в указанном деле не представлены. В комплексах вторых и первых экземпляров переписных листов 1897 г. форма Г на данный момент (март 2018 г.) не выявлена.

В обязанности счетчиков, в соответствии с «Наставлениями», входило не только заполнение вопросов бланков (переписных листов), но и осуществление предварительного подсчета с помощью специальных бланков, обложек и ведомостей населения по учетным участкам, т.е. проведение первичного статистического подсчета. Порядок заполнения был следующим: сначала счетчик заполнял переписные листы, в том числе титульные страницы, где необходимо было заполнить статистическую таблицу по наличному, оседлому и приписному населению каждого хозяйства, затем статистические данные переносились в аналогичную таблицу обложки, а сами переписные листы по всем хозяйствам помещались в эту обложку. Следующим шагом было внесение данных из обложек в ведомость для подсчета населения по вверенному учетному участку [28. С. 3–4; 29. С. 6–8]. В архивных делах с полным комплексом вторых экземпляров переписных листов, как правило, сохранилась обратная последовательность форм: ведомость для подсчета населения по учетному сельскому / городскому участку – обложки (формы I, II или В) – переписные листы.

В соответствии со структурой архивных дел рассмотрим сначала формы первичной статистики переписи 1897 г. Центральным статистическим комитетом были разработаны две формы ведомостей для подсчета населения: для сельских учетных участков и для городских учетных участков. Обе формы имели аналогичный внешний вид и структуру. Все ведомости для подсчета населения были отпечатаны типографским способом, имели физический размер, соответствующий формату А2, и состояли из четырех страниц формата А3 – титульной страницы, двух разворотов с таблицей для внесения данных, страницы с инструкцией. Титульная страница ведомостей для под-

счета населения имела четыре структурные части:

1) информация о мероприятии (Первая всеобщая перепись населения Российской империи), основание его проведения («на основании Высочайше утвержденного Положения от 5 июня 1895 г.»), форма листа («Ведомость для подсчета населения по сельскому учетному участку»; «Ведомость для подсчета населения по городскому учетному участку»); 2) сведения о учетном участке – губерния (область), уезд (округ), номер переписного участка и номер учетного участка, для сельского участка – номер стана или полицейского участка, для городского участка – название города (посада, местечка); 3) правила производства подсчета населения по сельскому / городскому учетному участку; 4) статистическая таблица, общими графами которой являлись: «всего наличного населения», «постоянно живущего здесь населения», «в числе наличного населения было лиц некрестьянских сословий», «приписанного здесь крестьянского населения», с разделением на лиц мужского и женского пола, по сельским участкам подсчет производился по обложкам соответствующих сел, деревень и так далее, по городским участкам – по переписным листам.

Заполнение ведомости по сельскому учетному участку состояло из следующих этапов: сначала счетчик подбирал все обложки формы I по порядку номеров и выписывал из них сведения в соответствующие графы, делал итоговую запись, затем вносил данные из обложек формы II, подводил итог, далее подводил по всему учетному участку общий итог по каждой графе [24. Ф. И417. Оп. 2. Д. 46. Л. 1]. В ведомость для городского участка вносились данные: 1) из переписных листов, служащих обложкой, т.е. в которых сделаны подсчеты по целому дому; 2) из отдельных переписных листов, если дом занят одной квартирой, по каждой графе ведомости подводится итог

[24. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1. Л. 1]. К каждой ведомости прилагались переписные листы по всему сельскому / городскому счетному участку.

Для сельского (внегородского) населения Центральным статистическим комитетом были разработаны две формы обложек. Внешний вид и структура обложек были аналогичны ведомостям для подсчета населения, но имели некоторые отличия. Все обложки имели свой номер, который проставлялся в верхнем правом углу. Наибольшие отличия касались обложки формы I, сопровождавшейся подробным административно-топографическим описанием. В эту часть титульной страницы формы I необходимо было внести сведения: о губернии (области), уезде (округе), номер переписного и счетного участка, стана (или полицейского участка), название волости, гмина, станицы или соответствующего деления, сельского общества, села, деревни или другого поселения на землях сельского общества (требовалось подробно указать, какое поселение и его название). В обложку формы I вкладывались переписные листы как формы А, так и формы Б для хозяйств, находящихся в черте указанного селения, деревни и пр. При этом в статистическую таблицу, аналогичную по форме таблице, размещенной в ведомостях для подсчета населения, вносились сначала сведения о крестьянских хозяйствах из переписных листов формы А, а затем – о других хозяйствах из переписных листов формы Б, по всем хозяйствам подводились итоги, в конце таблицы делалась итоговая запись по всему селению, деревне и т.п. [24. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1. Л. 8]. В обложку формы II вкладывались переписные листы владельческих хозяйств (листы формы Б) в усадьбах, хуторах, поселках и пр., находящихся на землях владельческих, церковных, казенных и пр. В статистическую таблицу, аналогичную по форме таблице ведомостей для подсчета населения, кроме номеров переписных листов, требовалось внести название усадьбы, хутора, поселка или имя, отчество и фамилию владельца [Там же. Л. 2].

Для городского населения специальной формы обложки разработано не было, поэтому в качестве нее использовался дополнительный лист формы В, где проставлялись общие сведения о всем доме или дворе, внутренняя сторона такого листа обложки зачеркивалась [28. С. 5].

Документы первичной статистики представляют определенный интерес для конкретно-исторических исследований, так как содержат сведения о различных видах населенных мест Российской империи и статистические данные по ним, тогда как в программу разработки материалов переписи 1897 г. вошли данные по административным центрам, уездам, губерниям, регионам.

Персональные данные по отдельным категориям населения сохранились в переписных листах. Ввиду того что состав населения Российской империи отличался разнообразием и региональными особенностями, Центральным статистическим комитетом были разработаны несколько форм переписных листов для отдельных категорий населения. Остановимся подробнее на документоведческой и источниковедческой характеристике разных форм переписных листов.

Все формы переписных листов отпечатаны типографским способом, имеют физический размер, соответствующий формату А2. Переписные листы имеют четыре разворота (формат А3), на первом развороте помещена титульная страница, на втором и третьем (внутренней стороне переписного листа) – таблица, содержащая графы и ячейки, которые заполнялись в ходе переписи, на четвертом – правила заполнения переписного листа.

Для переписи сельского (внегородского) населения использовались формы А (для крестьянских хозяйств), Б (для владельческих усадеб, хуторов и других не входящих в сельские общества поселков). Для некоторых регионов, например Привислинского края [30. С. 351] и Центральной Азии [31. Л. 207–208], перепись могла производиться с помощью листов формы А / Б. Для переписи городского населения применялась форма В, которая заполнялась на каждую квартиру или отдельный дом.

Сравнительный анализ форм А, Б, В и А / Б показал, что они отличались только титульными страницами при идентичном содержании вопросной части. Титульная страница имела следующие структурные части: информационный блок; административно-топографический блок; сведения о строениях хозяйства; статистический блок.

Информационный блок титульной страницы включал сведения о бесплатном распространении, номер переписного листа, изображение герба Российской империи, название проводимого мероприятия (Первая всеобщая перепись населения Российской империи), основания для его проведения («на основании Высочайше утвержденного Положения от 5 июня 1895 г.»), вид переписного листа («переписной лист Форма А», «переписной лист Форма Б», «переписной лист Форма В» и др.). Информационный блок являлся универсальным для всех переписных форм и отличался только наименованием вида переписного листа.

Основные отличия форм переписных листов связаны с административно-топографическим блоком, так как состав данных этой части титульной страницы зависел от вида переписываемого хозяйства. Общей для всех форм была информация о названии губернии или области (слева), уезда или округа (справа), а также указание на номер переписного и счетного участка. Остальные пункты имели различия. Для формы А необходимо было заполнить следующие графы: номер стана или полицейского участка (нужно было подчеркнуть, что именно указано); волость, гмина, станица или соответствующее им деление; сельское общество или соответствующее ему деление; село, деревня, другое поселение на землях сельского общества (прописать подробно, какого рода поселение и его название); имя, отчество и фамилия хозяина двора; живет ли хозяин в собственном дворе (да, нет) или в чужом дворе (квартире). Та же часть титульной страницы формы Б выглядела более лаконичной, необходимо было указать: номер стана или полицейского участка; какой поселок – владельческая усадьба, фабричный поселок, лесная сторожка, железнодорожная станция, будка, мельница, усадьба священно- или церковнослужителя, школа и т.п. (прописать по-

дробно название и род поселка); кому принадлежит означенный поселок или на чьей земле находится; число хозяйств в поселке и номер хозяйства. «Гибридная» форма А / Б сочетала в себе информацию форм А и Б именно в этой части переписного листа. Административно-топографический блок формы А / Б состоял из следующих граф: номер полицейского участка; волость, станица или соответствующее им деление; какой поселок – село, деревня, выселок и т.д., владельческая усадьба, фабричный поселок и т.п. (прописать подробно название и род поселка); имя и фамилия хозяина двора или владельческого поселка; число хозяйств в крестьянском дворе или владельческом поселке и номер хозяйства. Административно-топографический блок формы В существенно отличался от переписных форм для сельского (внегородского населения) и включал следующие разделы: город (посад, местечко); городская часть; участок (квартал); пригород (предмestье, пригородная слобода); улица, площадь, переулок, номер дома / дворового места (если нумерации дворовых мест не было, то следовало указать фамилию домовладельца); номер квартиры (если занят весь дом, то необходимо было записать «весь дом»).

Блок «Сведения о строениях хозяйства» титульной страницы начинался с вопроса «Сколько во дворе / дворовом месте жилых строений?», далее следовала таблица. Для форм А, Б и А / Б таблица состояла из двух столбцов, в первом из которых следовало указать «из чего каждое строение построено» («из дерева», «кирпичное» и т.п.), во втором – «чем крыто» («тесом», «соломой», «железом» и т.д.). Для формы В таблица была дополнена еще двумя столбцами: «сколько в нем квартир», «в том числе незанятых». Справа от таблицы во всех формах располагались пояснения к этому блоку титульной страницы. Сведения о строениях относились ко всему двору / дворовому месту или усадьбе и заполнялись хозяином. Но если дворовое место состояло из нескольких жилых строений или квартир, то такие сведения отмечались только на тех листах, которые выполняли функции обложки и в которые были помещены остальные переписные листы, относящиеся к указанному. При этом на переписных листах отдельных хозяйств или квартир, входящих в дворовое место, представленная таблица оставалась пустой.

Статистический блок титульной страницы был универсальным для всех форм переписных листов, содержал «подсчет населения в день, к которому приурочена перепись» и представлял собой таблицу, состоящую из следующих разделов: всего наличного населения, постоянно живущего здесь населения, в числе наличного населения было лиц некрестьянских сословий, приписанного здесь крестьянского населения. Информация представлена с разделением на лиц мужского и женского пола. Статистический блок отражал стремление разработчиков переписной кампании учесть одновременно три категории населения: наличное, оседлое и приписное, что на практике привело к дублированию записей. Так, В.В. Пландовский описывал следующий пример: если лицо приписано к одной из волостей Тверской губернии, проживает

обыкновенно в Петербурге, а в день переписи оказалось в Петергофе, то оно заносилось в переписные листы в трех местах [30. С. 335]. Такие ситуации предстояло разрешать Центральному статистическому комитету при разработке материалов переписи.

Внизу титульной страницы всех форм проставлялась подпись счетчика, собиравшего информацию, а в формах Б и В начинались правила заполнения переписного листа, которые продолжались на четвертом развороте.

Все вышеперечисленные блоки титульного листа несли определенную функциональную нагрузку. Так, в информационном блоке содержалась информация о самом мероприятии и типах переписных листов (сельское / городское население), что позволяет исследователям производить выборку переписных листов в зависимости от категории населения. Административно-топографический блок позволяет делать выборку по административно-территориальному или топографическому признакам (для городов). Статистический блок позволяет производить сравнительный анализ первичных и агрегированных статистических данных.

Внутренняя сторона переписного листа делилась по вертикали на 14 граф, последние из которых (13-я, 14-я) дополнительно разделялись на две графы, а по горизонтали – на 10 строк. Одна строка предназначалась для занесения сведений об одном человеке. Поскольку единицей учета в ходе переписи было признано в сельской местности – домохозяйство, в городах – квартира, то на каждое домохозяйство (квартиру) заполнялся отдельный переписной лист. В инструкции сказано, что в один переписной лист входят сведения о 10 лицах, если же в домохозяйстве проживало меньше 10 человек, то строчки переписного листа, оставшиеся незаполненными, следовало перечеркнуть. Если же ситуация была обратной, т.е. одного переписного листа не хватало на всех членов домохозяйства (квартиры), то нужно было дополнительно заполнить столько переписных листов, сколько понадобится для внесения всех членов домохозяйства (квартиры).

Графы, подлежащие заполнению, составляли основную программу переписи, они нумеровались по порядку, в них указывались следующие сведения о каждом человеке:

1. Фамилия (прозвище), имя, отчество, в этой же графе нужно было указать физические (глухота, слепота) или психические недостатки человека на момент переписи.

2. Пол указывался сокращенно буквами М – мужской, Ж – женский.

3. Родственные, свойственные или иные отношения с главой домохозяйства, т.е. кем приходится главе хозяйства. Причем если в хозяйстве проживало несколько семей, то нужно указывать, какое отношение человек имеет не только к главе хозяйства, но и к главе собственной семьи.

4. Возраст проставлялся цифрами в годах или в месяцах (обязательно указать месяцы, если ребенку меньше года).

5. Семейное положение проставлялось буквами (Х – холост, Д – девица, Ж – женат, Рз – разведен, В – вдов). У малолетних ставился прочерк.

6. Состояние, сословие или звание (потомственный или личный дворянин, чиновник без дворянства, мещанин, почетный гражданин, купец такой-то гильдии, крестьянин с обозначением разряда – бывший владельческий, бывший государственный и т.п.).

7. Место рождения, но если родился в пределах той же местности, то указывалось «здесь», если нет, то – полностью губерния, уезд, город.

8. Место приписки, записывалось для лиц, обязанных быть приписанными к сельским или городским обществам. Если приписан к той же местности, к которой относится данный переписной лист, то проставлялось «здесь», если нет, то полностью прописывалось название волости (гмины, станицы), сельского общества или города (местечка, посада) с указанием губернии, уезда, города. Для иностранцев указывалось подданство государства.

9. Место постоянного пребывания. Если человек проживал в данной местности, то писалось «здесь», если нет, то где именно жил (губерния, уезд, город).

10. Отметка об отсутствии, отлучке («врем. отлуч.») или временном пребывании («врем. пребыв.») в данной местности на момент переписи.

11. Вероисповедание могло указываться сокращенно: «прав.» – православные, «единов.» – единоверцы, «римск. Кат.» – католики, «лют.» – лютеране, «иуд.» – иудеи, «буд.» – буддисты и т.д.

12. Родной язык писался полностью, если не относился к трем языковым группам, которые оформлялись буквами Р – русский, М.Р. – малороссийский, Б.Р. – белорусский.

13. Графа «грамотность» разделилась на две. В первой указывалось «да», если умел читать по-русски, и «да и название другого языка», на котором человек умел читать; во второй графе указывалось, где человек обучался (дома или название учебного заведения). Для детей младше пяти лет ставился прочерк.

14. Графа «род занятий» также подразделялась на две. В первой проставлялся основной род занятий (ремесло, промысел, служба, должность), который давал данному человеку средства к существованию. Причем нужно было проставлять не только род занятия, но и положение, которое он занимал в указанном занятии (молочной фабрики – хозяин, слесарь – подмастерье, служащий в транспортной конторе, работник на ткацкой фабрике и пр.). Видимо, правильное заполнение этой графы имело особое значение, поскольку в инструкции довольно подробно описывалось, как должна быть заполнена эта графа. Вторая графа делилась продольной чертой на две строки внутри: 1) дополнительные занятия; 2) отношение к воинской обязанности (офицеры с обозначением чина и рода оружия; врачи; нижние чины в запасе армии и флота; офицеры и нижние чины казачьих войск на льготе и нижние чины этих войск в запасе с обозначением названия войска и чина).

Кроме того, в инструкции, размещенной на последнем развороте, четко оговаривалось, в какой последовательности должны вноситься лица в переписной лист. Сначала заносилась информация о: а) домохозяине, б) его жене и в) детях, если они проживают вместе с домохозяином. Причем встречается несколько

вариантов внесения детей: 1) по старшинству; 2) сначала сыновья по старшинству, потом дочери в том же порядке; затем переписывались: г) родители домохозяина и д) его жены, е) братья и сестры хозяев с семьями, ж) остальные родственники и свойственники, з) служащие, работники прислуга, живущие здесь же, и) жильцы, постояльцы, гости и пр.

Стоит отметить, что в соответствии с Положением о переписи (п. 5) [17. С. 2] переписные листы печатались на русском языке, но для местностей, где население «употребляло, преимущественно, местные наречия, имеющие письменность», допускалось «припечатание» на переписных листах перевода заголовков и текста при сохранении русского варианта. По сведениям В.В. Пландовского, переписные листы были переведены более чем на 20 языков и наречий [30. С. 351]. В таких случаях на четвертом (последнем) развороте вместо правил заполнения переписного листа был напечатан полный перевод титульной страницы соответствующей формы.

Разворот переписных листов содержит наиболее востребованную исследователями информацию: персональные данные по конкретному человеку и ответы на вопросы, заложенные в программу переписи. Вопросный лист содержал демографические, социальные, экономические сведения, данные о постоянных и временных миграциях, которые могут использоваться в исторических исследованиях разной тематики.

Следующая группа переписных листов представлена общими и воинскими перечневыми ведомостями, которые имели особенности как в структуре титульной страницы, так и в вопросной части переписного листа. В информационный блок титульной страницы перечневых ведомостей требовалось внести дополнительные сведения, кроме названия самой формы: «Общая перечневая ведомость для воспитанников, учеников, монашествующих, призреваемых, заключенных, находящихся на излечении» дополнялась сведениями о названии и роде учреждения или заведения, «Воинская перечневая ведомость» – названием воинской части, в которой состояли на действительной службе нижние чины, внесенные в ведомость. Административно-топографический блок перечневых ведомостей кроме указания губернии и уезде содержал таблицу, разделенную на две колонки. Левая колонка заполнялась, если учреждение / заведение или воинская часть находились в городе, в этом случае заполнялись следующие графы: город (посад, местечко), городская часть, участок (квартал), пригород (предмestье), улица (площадь), номер дома (дворового места). Правая колонка заполнялась для учреждений / заведений или воинских частей, располагавшихся вне городов, тогда необходимо было внести сведения: о стане, волости, гимн, станице или соответствующем делении, селе, деревне или поселке (подробно прописать название и род поселка). Во всех ведомостях необходимо было вписать номер переписного участка. Далее следовало указать расположение учреждения или воинской части в доме. В этой части титульного листа перечневые ведомости несколько отличались. Для воинской ведомости требовалось отметить (проставить отметки «да» / «нет»),

где была расквартирована воинская часть: «в казенной казарме», «в частном доме казарменным порядком», «в квартирах у обывателей». Общим для перечневых ведомостей был вопрос о том, занимает ли учреждение / воинская часть «только часть дома» или «весь дом» (проставить отметки «да» / «нет»). Структура блока «Сведения о строениях хозяйства» титульной страницы перечневых ведомостей соответствовала формам А и Б, а содержание статистического блока аналогично остальным формам.

Вопросная часть перечневых ведомостей существенно отличалась друг от друга. Если структура анкеты общей перечневой ведомости полностью соответствовала основным формам А, Б и В, то воинская перечневая ведомость имела следующие графы: 1) № п/п; 2) фамилия, имя, отчество; 3) год рождения (в других формах – возраст); 4) семейное положение; 5) сословие; 6) место рождения; 7) место приписки; 8) вероисповедание; 9) родной язык; 10) грамотность: а) умеет ли читать; б) где обучался; 11) занятие: а) прежнее, до поступления на службу; б) теперь, на службе; 12) отметка об отсутствии.

Кроме воинской перечневой ведомости существенные отличия как в титульной странице, так и в вопросной части имела «упрощенная» форма Г, предназначенная для переписи инородческого бродячего населения. Содержание информационного блока титульной страницы формы Г совпадало с основными формами. Административно-топографический блок был разделен на две части. Левая колонка содержала стандартные вопросы, характерные для большинства форм: губерния (область), округ (округа), номера переписного и полицейского участков, имя, отчество и фамилия хозяина. Графы правой колонки отражали специфику управления инородческими регионами и содержали следующую информацию: «ведомство инородческой управы или соответствующее волости деление», «улус, род или соответствующее сельскому обществу деление», «кочевье, зимовье, наслег, поселок или селение» (требовалось подробно прописать название). Сведения о строениях хозяйства в титульный лист не были включены. Статистический блок сокращен до одного пункта о количестве населения с разделением на мужчин и женщин. Внизу титульной страницы начинались Правила заполнения переписного листа, которые продолжались на последнем развороте. Вопросная часть формы Г была сокращена до десяти граф: 1) фамилия (прозвище), имя, отчество, физические или психические увечья; 2) пол; 3) отношение к главе хозяйства и к главе своей семьи; 4) возраст; 5) семейное положение; 6) вероисповедание; 7) родной язык; 8) умеет ли говорить по-русски; 9) грамотность: а) умеет ли читать по-русски; б) умеет ли читать на ином языке и на каком именно; 10) занятие, промысел или ремесло [21. Ф. 333. Оп. 1. Д. 60. Л. 30–31; 30. С. 350].

Определенный исследовательский интерес представляет рассмотрение пробных переписных листов, значительный комплекс которых был обнаружен в Государственном архиве Красноярского края. Такие формы, как правило, не имели литерного обозначения формы переписного листа, а имели указание, для какого населения предназначены. Так, были выявлены

переписные листы для «сельского кочевого и оседлого населения» и «городского населения» [21. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11]. Следует отметить, что вопросная часть пробных листов на отличалась от основных форм А, Б и В, а титульные листы, отражая аналогичную основным формам информацию, имели некоторые структурные особенности в расположении элементов информационных блоков.

Итак, классификация и структурно-функциональный анализ первичных материалов переписи 1897 г. может быть использован профессиональными историками или любителями для формирования информационной базы для собственного исследования.

Выводы. Таким образом, в сохранившихся комплексах первичных материалов переписи 1897 г. были выделены две большие группы – первые экземпляры переписных листов, отложившиеся в центральных архивах (РГИА) и вторые экземпляры в региональных архивах России и зарубежных стран. Кроме того, в некоторых архивах сохранились небольшие комплексы пробных листов, заполнение которых проводилось в 1896 г.

Наличие первых экземпляров в архивохранилищах является большой удачей, поскольку изначально предполагалось отправить их на вторичную переработку (изготовление бумаги). Специфика обнаруженных в РГИА первых экземпляров заключается в видовом и содержательном составе переписных листов: сохранившиеся воинские и общие перечневые ведомости отражают состав русских воинских команд и их технического персонала в Финляндии, Бухарском ханстве, а также отдельных эскадр русского флота. Вторые экземпляры переписных листов составляют довольно крупные коллекции в архивах отдельных регионов России и ряда зарубежных стран, например, в государственных архивах Ярославской, Тюменской областей, Удмуртской Республики, Республики Татарстан, городов Москвы и Tobольска, в зарубежных архивах Белоруссии, Украины, Латвии, Эстонии. Одну из наиболее крупных коллекций переписных листов на сегодняшний день составляют материалы Государственного архива в г. Tobольске (более 4 тысяч дел со вторыми экземплярами переписных листов по населенным пунктам всех волостей Ишимского, Курганского, Тарского, Tobольского, Туринского, Тюкалинского, Тюменского, Ялуторовского округов (уездов). Все дела с переписными листами 1897 г. оцифрованы и представлены в информационной системе Государственного архива в г. Tobольске.

Авторами предложены оригинальный подход к типологизации первых и вторых экземпляров переписных листов по нескольким признакам (категория переписываемого населения, тип фиксируемых сведений), а также классификация бланков документов каждого типа. По первому признаку выделено две категории – сельское (или внегородское) и городское население; по второму – документы первичной статистики, содержащие агрегированные данные по населенным местам или домохозяйствам (ведомости для подсчета населения и обложки), документы, содержащие персональные данные (переписные листы). Произведен структурно-функциональный и документоведческий анализ

всех форм и бланков переписных листов. Сравнение первичных документов переписи 1897 г. позволило выявить специфику каждой из форм, а также особенности их заполнения для разных категорий населения Российской империи конца XIX в. Источниковедческий и документоведческий анализ

переписных листов, а также их типологизация и классификация позволяют учесть особенности форм при выборе направления исторического исследования, формировании источниковой основы конкретного исследования, а так же при разработке источник-ориентированной базы данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщик Н.Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 45–53.
2. Сафронов А.А. Из истории подготовки первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. Вып. 1. С. 211–231.
3. Воропаева С.С. Формирование и состав переписных комиссий Тобольской губернии при подготовке Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 25–30.
4. Неженцева Н.В. Некоторые аспекты разработки переписных листов Первой всеобщей переписи населения 1897 г. (на примере графы о занятиях населения) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2012. С. 248–251.
5. Кашенко С.Г., Маркова М.А., Родионова О.В. Российские подданные на территории Великого княжества Финляндского (по данным российской и финской демографической статистики конца XIX в.) // Былые годы. 2017. № 43, вып. 1. С. 169–178. DOI: 10.13187/bg.2017.1.169.
6. Зверев В.А. Семейно-брачный строй в деревнях Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2009. № 4 (8). С. 63–70.
7. Bryukhanova E., Vladimirov V. Urban Occupations in a Siberian City (Tobolsk, 1897) // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 1. P. 56–73. DOI: 10.15826/qr.2017.1.210.
8. Васина Т.А. Пудемский завод в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 57–61.
9. Загидуллин И.К. Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года о семье Гаяза Исхаки. Эхо веков (Гасырлар авазы). 2001. № 1-2.
10. Стриганова Ю.В. Всеобщая перепись населения 1897 г. как историко-статистический и генеалогический источник по материалам переписных листов Тюменского округа // Пятые Тюменские родословные чтения : материалы тез. и докл. (23–24 мая 2005). Тюмень : Вектор Бук, 2005. С. 96–100.
11. Edlund T.K. The Russian National Census of 1897 // Avotaynu. 2000. Vol. XVI, № 3. P. 29–39.
12. Dunai A. The 1897 All-Empire Russian Census // Avotaynu. 2008. Vol. XXIV, № 3. P. 12–14.
13. Литвак К.Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.
14. Курчатова Т.Т. Материалы переписей населения в Якутской области (конец XIX начало XX в.) как исторический источник // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 116–119.
15. Румянцева М.Ф. Источниковедческий анализ // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
16. Косова М.В. Метод документоведческого анализа в лингвистических исследованиях: содержание и цели // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.1>.
17. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской империи: высочайше утвержденное 5-го июня 1895 года. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1895.
18. Котельников А.Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб., 1909.
19. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1: Тунгусы собственно. Вып. 1. СПб., 1906.
20. Российский государственный исторический архив (Ф. 1290).
21. Государственный архив Красноярского края.
22. Нерозникова Н.Д. Исполнение генеалогических запросов в условиях роста общественного интереса к своим корням: проблемы и пути их решения // Заседание научно-методического совета архивных учреждений ПФО от 28–29 сентября 2011 г. (г. Саранск). URL: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=4708> (дата обращения: 19.03.2018).
23. Македонов Л.В. Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1906.
24. Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГА в г. Тобольске).
25. Путеводитель по фондам архива и автоматизированные тематические комплексы по документам архива: ГА в г. Тобольске // Управление по делам архивов Тюменской области: официальный сайт. URL: <https://tobarhiv.72to.ru/Default.aspx?ReturnUrl=%2f> (дата обращения: 20.03.2018).
26. Список оцифрованных единиц хранения, доступных пользователям в АИС Архив // Государственный архив Ярославской области: официальный сайт. URL: https://ais.yararchive.ru/units_list.html (дата обращения: 28.03.2018).
27. Информация о переписных листах, отложившихся в фондах Национального архива Республики Татарстан, по проведению первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // Архивная служба Республики Татарстан: официальный сайт. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/6NSA_1/informacia (дата обращения: 28.03.2018).
28. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наставление городским счетчикам от 5 июня 1895 года. СПб., 1896.
29. Всеобщая перепись населения. Проект наставления сельским счетчикам. Б. м., 1896.
30. Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898.
31. Центральный архив Республики Казахстан. Ф. 536. Оп. 1. Д. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2018 г.

Document Study Analysis and Source Study Analysis of the First 1897 General Census of the Russian Empire: Nominative Data

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 96–107.

DOI: 10.17223/15617793/442/12

Elena A. Bryukhanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: brelenochka@mail.ru

Natalya P. Ivanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanovanp@gmail.com

Keywords: 1897 census; population categories; census papers; form; archive; archival document; source study analysis; document study analysis.

The article reviews archival funds and the preservation of the 1897 census nominative data, their source study analysis and document study analysis (structural and functional method, typological and classification methods). The source base is census papers stored in the Russian State Historical Archive (RGIA), the State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK) and the State Archive in Tobolsk. The 1897 census nominative data were divided in two groups. These are first copies of census papers stored in the central archives (RGIA) and second copies stored in Russian regional archives and abroad. First copies are a great piece of luck since they were initially supposed to be recycled (used for paper manufacture). The RGIA first copies can boast specific features of census papers as far as their types and content are concerned. The military and general enumeration lists inform about the composition of Russian military troops and their technical staff in Finland, the Khanate of Bukhara and about some squadrons of the Russian fleet. Second copies are multiply stored in Russian regional archives and in some foreign countries, for instance, in the state archives of Yaroslavl Oblast, Tyumen Oblast, the Udmurt Republic, the Republic of Tatarstan, in Moscow, Tobolsk, the Republic of Belarus, the Ukraine, Latvia and Estonia. One of the largest census paper collections is stored in the State Archive in Tobolsk (over four thousand files with second copies covering all volosts of Ishim, Kurgan, Tara, Tobolsk, Turinsk, Tyukalinsk, Tyumen and Yalutorovsk okrugs (uyeysds). All the files are digitized and presented in the information system of the State Archive in Tobolsk. The article describes the authors' approach to classifying first and second census paper copies. Several characteristics are considered: the population category and the type of data recorded. Census paper forms of each type are analyzed as well. The first characteristic allowed the authors to single out two categories of the population: rural (non-urban) and urban. The second characteristic made it possible to name primary statistical documents with aggregated data on settlements and households (lists to count population and covers) and documents with personal data (census papers). The authors carried out the structural and functional analysis as well as document study analysis of all the census paper forms. The comparison of the 1897 census primary documents showed the specificity of each form and of the way they were filled in by different population categories in the Russian Empire in the late 19th century. The source study analysis and the document study analysis of census papers allow researchers to take into account the specific character of forms when choosing a historical research line, forming a source base of a specific study and developing a source-oriented database.

REFERENCES

1. Borshchik, N.D. (2017) The first all-Russian population census of 1897. Record keeping and document management. *Vestnik RGGU. Ser. Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost' – RSUH Bulletin. Series: Records Management and Archival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security*. 3 (9). pp. 45–53. (In Russian).
2. Safronov, A.A. (2001) Iz istorii podgotovki pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. [From the history of the preparation of the first general census of the Russian Empire in 1897]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* 1. pp. 211–231.
3. Voropaeva, S.S. (2013) Formirovanie i sostav perepisnykh komissiy Tobol'skoy gubernii pri podgotovke Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda [Formation and composition of the census commissions of the Tobolsk province in the preparation of the First General Census of the Russian Empire in 1897]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 6 (297):54. pp. 25–30.
4. Nezhenstseva, N.V. (2012) [Some aspects of the development of census sheets of the First General Census of 1897 (using the section on occupations of the population as an example)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Proceedings of the IV International Conference. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 248–251. (In Russian).
5. Kashchenko, S.G., Markova, M.A. & Rodionova, O.V. (2017) Russian Subjects on the Territory of the Grand Duchy of Finland (according to the Russian and Finnish Population Statistics of the late 19th century). *Bylye gody*. 43 (1). pp. 169–178. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.1.169
6. Zverev, V.A. (2009) Semeyno-brachnyy stroy v derevnyakh Zapadnoy Sibiri (po materialam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 1897 g.) [Family and marriage system in the villages of Western Siberia (based on the materials of the 1897 All-Russian Census)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (8). pp. 63–70.
7. Bryukhanova, E. & Vladimirov, V. (2017) Urban Occupations in a Siberian City (Tobolsk, 1897). *Quaestio Rossica*. 5 (1). pp. 56–73. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2017.1.210
8. Vasina, T.A. (2016) pudemsky mine in the materials of the First National Population Census of the Russian Empire of 1897. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Art Studies. Issues of Theory and Practice*. 2 (64). pp. 57–61. (In Russian).
9. Zagidullin, I.K. (2001) Materialy pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda o sem'e Gayaza Iskhaki [Proceedings of the first general census of the Russian Empire in 1897 about the family of Gayaz Iskhaki]. *Ekho vekov (Gasyrlar avazy)*. 1–2.
10. Striganova, Yu.V. (2005) [The general census of the population in 1897 as a historical, statistical and genealogical source based on materials from the Tyumen district census sheets]. *Pyatye Tyumenskie rodoslovnye chteniya* [Fifth Tyumen Genealogy Readings]. Abstracts and Proceedings. 23–24 May 2005. Tyumen: Vektor Buk. pp. 96–100. (In Russian).
11. Edlund, T.K. (2000) The Russian National Census of 1897. *Avotaynu*. XVI (3). pp. 29–39.
12. Dunai, A. (2008) The 1897 All-Empire Russian Census. *Avotaynu*. XXIV (3). pp. 12–14.
13. Litvak, K.B. (1990) Perepis' naseleniya 1897 goda o krest'yanstve Rossii (istochnikovedcheskiy aspekt) [The census of 1897 about the peasantry of Russia (a source study aspect)]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 114–126.
14. Kurchatova, T.T. (2015) The data of population censuses in Yakutsk region (late 19th – early 20th centuries) as a historical source. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 116–119. (In Russian).
15. Rummyantseva, M.F. (2014) Istochnikovedcheskiy analiz [Source Study Analysis]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. Moscow: Akvilon.
16. Kosova, M.V. (2016) Documental Analysis Method in Linguistic Research: Content and Objectives. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 1 (30). pp. 7–17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2016.1.1
17. Russian Empire. (1895) *Polozhenie o pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii: vysochayshe utverzhdennoe 5-go iyunya 1895 goda* [Regulations on the first general census of the population of the Russian Empire: Highly approved on June 5, 1895]. St. Petersburg: Tip. M-va vnutr. del.
18. Kotelnikov, A.N. (1909) *Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchey perepisi naseleniya 28-go yanvarya 1897 g.* [The history of the production and development of the general census of the population of January 28, 1897]. St. Petersburg: kn. mag. "Nasha zhizn".
19. Patkanov, S.K. (1906) *Opyt geografii i statistiki tunguskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov* [The experience of geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on data from the census of 1897 and other sources]. Pt. 1. Is. 1. St. Petersburg: tip. Spb. AO "Slovo".
20. Russian State Historical Archive. Fund 1290. (In Russian).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai. (In Russian).

22. Neroznikova, N.D. (2011) *Ispolnenie genealogicheskikh zaprosov v usloviyakh rosta obshchestvennogo interesa k svoim kornyam: problemy i puti ikh resheniya* [Execution of genealogical requests in the context of the growing public interest in their roots: problems and ways to solve them]. [Online] Available from: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=4708>. (Accessed: 19.03.2018).
23. Makedonov, L.V. (1906) *Naselenie Kubanskoy oblasti po dannym vtorykh ekzemplarov listov perepisi 1897 g.* [The population of the Kuban region according to second copies of the 1897 census sheets]. Ekaterinodar: tip. Kuban. obl. pravl.
24. State Archive in Tobolsk. (In Russian).
25. Office of Archives of Tyumen Oblast. (n.d.) *Putevoditel' po fondam arkhiva i avtomatizirovannye tematicheskie komplekсы po dokumentam arkhiva: GA v g. Tobol'ske* [The guide to the archival funds and automated thematic complexes according to the documents of the archive: State Archive in Tobolsk]. [Online] Available from: <https://tobarhiv.72to.ru/Default.aspx?ReturnUrl=%2f>. (Accessed: 20.03.2018).
26. State Archive of Yaroslavl Oblast. (2018) *Spisok otsifrovannykh edinits khraneniya, dostupnykh pol'zovatelyam v AIS Arkhiv* [The list of digitized storage units available to users in the Archive AIS]. [Online] Available from: https://ais.yararchive.ru/units_list.html. (Accessed: 28.03.2018).
27. Archival Service of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Informatsiya o perepisnykh listakh, otlozhivshikhsya v fondakh Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tatarstan, po provedeniyu pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [Information on census sheets deposited in the funds of the National Archive of the Republic of Tatarstan for the first general census of the Russian Empire in 1897]. [Online] Available from: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/6NSA_1/informacia. (Accessed: 28.03.2018).
28. Russian Empire. (1896) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii. Nastavlenie gorodskim schetchikam ot 5 iyunya 1895 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire. Manual to the city enumerators of June 5, 1895]. St. Petersburg: Pechatnya S.S. Yakovleva.
29. Russian Empire. (1896) *Vseobshchaya perepis' naseleniya. Proekt nastavleniya sel'skim schetchikam* [General census. Draft instruction for rural enumerators]. St. Petersburg: tip. M-va vn. del.
30. Plandovskiy, V.V. (1898) *Narodnaya perepis'* [The census]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otd. korpusa pogram. strazhi.
31. Central Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 536. List 1. File 1. (In Russian).

Received: 26 April 2018

А.А. Быков

ГЕНЕЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА (VI–XV вв.)

Рассматривается генезис европейской благотворительности после падения Западной Римской империи (476 г.) до начала буржуазной трансформации европейских стран в XVI в. Анализируются тенденции развития форм социальной поддержки и взаимоподдержки от архаичных способов до более поздних церковных и светских. Автор уделяет внимание динамике ценностно-нормативной системы, идеалам Средневековья и отмечает дрейф общества в сторону трактовки труда как главной ценности. Отсюда изменение отношения к бедным и нищим и видам помощи данным категориям населения. Делается вывод, что в позднем Средневековье наметилась тенденция к возрастанию роли государства, городских властей, самоорганизующихся обществ в благотворительной сфере.

Ключевые слова: благотворительность; Западная Европа; ценностно-нормативная система; Средневековье.

Падение Западной Римской империи, согласно теории Р.К. Мертон, можно принимать за референтную точку, после которой начинается новое социальное время Средневековья [1. С. 114]. Данная историческая эпоха характеризуется противоречивостью, неоднозначностью социально-экономической динамики, растянувшейся на целое тысячелетие.

Неоднозначны и оценки историков, анализирующих «темные века». По этому поводу советский ученый А.Я. Гуревич писал: «Средневековье пасынок истории, историческая память обошлась с ним несправедливо. Средний век (*Medium aevum*) – безвременье, разделяющее две славных эпохи истории Европы, средоточие между Античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, провал, “темные столетия” – таков был приговор гуманистов, закреплённый просветителями, так судили и в XIX в., противопоставляя динамичное Новое время “застойному”, “косному” средневековью» [2. С. 16].

После распада Западной Римской империи на ее территории возникают варварские королевства, романизированные в очень разной степени. Поэтому во многих провинциях бывшей империи происходит возврат к доцивилизационным, архаичским нормам поведения. Особенно это проявилось в самой крупной державе германцев – франкской. Население Западной и Центральной Европы в этих условиях вынуждено было вернуться к древним формам взаимопомощи. П.А. Кропоткин считал, что «он (человек) также подчинен великому началу взаимной помощи, которая обеспечивает наилучшие шансы выживания только тем, кто оказывает друг другу наибольшую поддержку в борьбе за существование» [3. С. 111].

Виды взаимопомощи отличались разнообразием и кроме традиционных для индоевропейской общины видов поддержки (сирот, вдов, стариков, калек) касались и таких деликатных вопросов, как переселение в деревни новых членов. В Салической правде франков (*Lex Salica*) сказано: «Если кто захочет переселиться в виллу (деревню) к другому, и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению; он не будет иметь права там поселиться» [4. XLV. С. 45]. Отметим, что христианская церковь в раннем Средневековье еще не могла стать главным субъектом благотворительной помощи населению хотя бы потому, что, во-первых, не имела достаточной экономической

мощи, во-вторых, многие территории Европы еще не были христианизированы. Поэтому поддержка уязвимых групп населения в раннем Средневековье строилась на архаических формах взаимопомощи, опирающихся на адекватные им ценности и идеалы варварской эпохи.

Среди доблестей на первом месте стояла щедрость. “Давать” и “дарить” – главные добродетели с точки зрения трубадура. Расторжение единства между богатством и радостью, доставляемой его раздачей, означает разрушение миропорядка, ибо жадность – мать всех грехов, а щедрость – смысл всех добродетелей» [2. С. 259]. Социальные связи между членами общины были более плотными, «душевными» и строились на взаимоподдержке, которая еще долгое время была главным способом самозащиты и спасения населения.

Однако христианство постепенно расширяет и углубляет сферы своего влияния, глубоко трансформируя ментальность средневекового человека, но оно не могло полностью вытеснить те представления, которые доминировали во времена варварства. Не следует забывать и о достаточно многочисленном римском романизированном населении Европы, обладающем несравненно более высоким культурным капиталом, чем германские племена. Античное наследство как «златая платформа» европейской цивилизации продолжало влиять на мировидение уже в новом социальном времени, и в позднем Средневековье его влияние возросло, не говоря уже об эпохе Возрождения. Итогом взаимодействия варварства, христианства и античного наследия был сложный синтез этих компонентов, которые и определили облик европейской цивилизации, ее ценностно-нормативную основу.

О многом говорят и идеалы эпохи, особенно в сравнении с другими социальными временами. Так, идеальный человек Античности – всесторонне развитый гражданин (знаток наук, риторики, философии, физически развитый, участник олимпиад). «Если и можно говорить о физическом идеале христианского Средневековья, то им служило распятие: мертвое тело со страшными следами пыток и мук, перенесенных Спасителем во искупление грехов рода человеческого. Идеал Средневекового общества – монах, святой, аскет, человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и потому более всех

остальных приблизившийся к Богу» [2. С. 253]. По мнению А.Я. Гуревича, «даже рыцарский идеал помимо воинских качеств подразумевал службу Богу и церкви». В таком социуме, с такими ценностями и идеалами «удачливый богач в этом обществе не мог стать предметом восхищения и образцом поведения» [Там же. С. 254].

Несомненно, на идеалах Средневековья сказалось влияние позднего античного христианства с его суровыми, практическими установками, записанными в Постановлениях Апостольских. Там же прописаны и рекомендации по поводу оказания помощи ближнему, как и кому, т.е. основа христианской благотворительной деятельности. В совокупности с евангельскими текстами все это надолго определило этику и конкретные социальные практики в поддержке различных категорий населения в Средние века. Однако различные регионы Европы, да и бывшие территории Римской империи, куда входили провинции из Африки и Азии, находились далеко не в одинаковом экономическом положении. Держава ромеев (Византийская империя) была более урбанизирована, стабильна и защищена от внешних вторжений, что сказывалось и на материальном положении населения. Следует отметить, что территория Византийской империи была более христианизирована, поэтому именно там возникают различные богоугодные заведения: богадельни, странноприимные дома. Принципиально иная ситуация сложилась в Западной и Центральной Европе, сотрясаемой «переселением народов», где политическая ситуация была крайне нестабильна, а экономическое положение вследствие дезурбанизации и свертывания торговли постоянно ухудшалось.

В сельской местности еще долгое время практиковались архаические формы общинной взаимопомощи, но их, очевидно, в бедственные годы неурожая и голода, было недостаточно. Позднее христианская церковь, единственная в Европе централизованная структура и уже совсем не бедная, в лице епископов берет на себя заботу о наиболее бедных прихожанах. В сельских районах значимую социально-экономическую роль стали играть монастыри (как и в России), помогающие странникам и кормившие местных нищих и бедных.

В Западной Европе периода раннего Средневековья монастыри были наиболее крупными благотворительными учреждениями: «...они отвечали многим признакам, по которым определяются такие учреждения в современном мире: владели земельными угодьями и другим имуществом, собирали арендные платежи, а полученные средства использовали для помощи нуждающимся, раздавая милостыню и предоставляя приют путникам и больным, кроме того, в них существовали организационные структуры, обычно подчинявшиеся уставу Св. Бенедикта или Св. Августина и позволявшие воплощать в жизнь благотворительные замыслы богатого жертвователя или группы благотворителей. Кто-нибудь из братии, чаще всего привратник, распоряжался одной десятой монастырского дохода, наделяя едой и одеждой бедняков, которые приходят к воротам монастыря с просьбой о помощи. В конце X – начале XI в. такие раздачи стали настоль-

ко объемными, что с этого времени ими ведало особое лицо – монастырский податель милостыни. В больших монастырях для раздачи милостыни были отведены отдельные строения, причем на нее расходовалась фиксированная часть монастырского дохода (не считая, разумеется, раздачи объедков и поношенного платья). Из конторских книг аббатства Ключни видно, что на благотворительные цели обычно уходила примерно треть его доходов: главным образом эти средства, распределялись среди тех, кто проживал в непосредственной близости от аббатства» [5]. В Ключни «кормили в иные годы до семнадцати тысяч бедняков» [2. С. 251].

Постепенно происходит осознание необходимости создания более крупных и многофункциональных стационарных заведений. В VII в. появляются первые городские приюты (*hospitals*), синтезирующие деятельность богаделен, странноприимных домов и отчасти медицинских учреждений. В XII в. происходит рост торговли и общий экономический подъем, что способствовало увеличению масштабов благотворительной деятельности и росту количества приютов. Интересна география их размещения в Европе. Они строились вдоль путей, по которым двигались паломники, участники крестовых походов и купцы; в частности, приюты размещались на горных перевалах в Пиренеях и Альпах, возле речных переправ, у лесных дорог. На пожертвования богатых горожан сооружались и ремонтировались каменные мосты; так, в частности, были построены несколько мостов через Рону. Порой строительством таких мостов, притом в индивидуальном порядке, занимались религиозные братства и собрания каноников. Именно собрания каноников, обычно подчинявшиеся «уставу Св. Августина», занимались организацией систематической помощи беднякам и больным в городах, расположенных между Рейном и Сеной. По-видимому, их деятельность предвосхищала будущую профессионализацию этого сектора экономической жизни, закладывала основы внутреннего учета и контроля в благотворительных учреждениях [5].

Богатые слои населения, которые жертвовали на богоугодные заведения, тем не менее, в общественном мнении считались более далекими от Бога, чем нищие и бедные. Именно в них видели образ самого страдающего Христа. Это было достаточное основание для развития благотворительности, ее поощрения как церковью, так и светской властью. Многие монархи и аристократы кормили при своих дворах большое количество нищих, раздавали деньги: «в особенности усердствовали знатные женщины, а некоторые царственные особы не останавливались и перед пожертвованием нищим части государственных доходов» [2. С. 251].

Однако в любом деле, связанном с деньгами, материальными ресурсами, рано или поздно происходит институционализация, т.е. появляются четкие кодифицированные формы и религиозные ритуалы. В житие шотландской королевы Маргариты (XI в.) есть забота о нищих. Это случалось по большим праздникам с четкой фиксацией числа нуждающихся. «Сперва королева мыла ноги шестерым нищим, затем про-

исходил церемониал кормления девятерых сирот, наконец, триста обездоленных допускались в монаршие покои, где их обслуживала сама королевская чета». А.Я. Гуревич считал, что «строгая регламентированность и подчеркнутая публичность всех этих актов заставляет предполагать, что в основе подобной благотворительности лежала не столько проповедуемая любовь к ближнему, сколько забота жертвователей о собственном душевном благополучии» [2. С. 252].

Еще одним существенным мотивом благодеяний была библейская установка на необходимость делиться богатством с бедными, что явилось концептуальным основанием для «теории естественной общности имущества, следствием которой было представление о том, что собственники являются лишь распорядителями доставшегося им богатства и что они должны приобщить к своему благополучию других» [5]. Следует вспомнить и фразу Христа «Бедные среди вас будут всегда». Поэтому в Средние века в христианском мире, включая и Русь, никто не рассматривал нищенство и в целом бедность как социальную проблему, которую необходимо решать. Бедных кормили, одевали, заботились об их детях, а также стариках, калеках, больных, но ничего радикального, меняющего их статус и материальное положение не предпринималось. Европа еще не доросла даже до постановки проблемы, не говоря уже о практических действиях. Все определяется уровнем социально-экономического и цивилизационного развития, прямо влияющего на устроения эпохи.

Мало того, в поляризации общества, в его делении на богатых и бедных церковь и светские власти находили своеобразное взаимодополнение, духовно-практический смысл. «Богатые люди созданы для спасения бедных, а бедные – для спасения богатых», так говорили на Западе. «Бедный богатым питается, а богатый бедного молитвой спасается», – говорили на Руси. Как видим, и у католиков и православных подход к восприятию нищенства был очень похож, едва ли не идентичен. В подаянии нищим видели своего рода источник «страхования» душ имущих [2. С. 252], средство нравственного воспитания и спасения.

Однако следует признать, что отношение к нищим и на западе и на востоке Европы было сложным, неоднозначным. Постепенно меняется ценностно-нормативная система средневекового общества. Экономическая стабилизация, а затем и подъем XII в. были тесно связаны с новыми идеалами, с возраставшим ценностями труда. По мнению французского историка Жака Ле Гоффа, «увлекшись своим новым идеалом труда, Средневековье изгоняло тех, кто добровольно или вынужденно пребывал в праздности. Оно выталкивало на большую дорогу убогих, больных, безработных, сбивавшихся в толпу бродяг. По отношению к этим несчастным, отождествлявшимся с Христом, оно испытывает те же чувства, что и к Христу: влечение и страх» [6. С. 384].

В этом смысле показателен перечень бесчестных профессий, включающий и профессию нищего. Главное основание для включения – лень, т.е. туда попадали попрошайки, которые могли бы работать, но не хотели. «Бертольд Регенсбургский в XII в. относит к

отбросам христианского общества лишь бродяг, праздношатающихся (*vagi*). Они составят *familia diaboli*, дьявольское отродье, в противоположность другим профессиям, другим состояниям (*etats*), отныне допускаемым в христианскую семью, *familia christi*» [6. С. 67].

Тем не менее в XIII в., который считается временем святых, но и еретиков, появляются нищенствующие ордена, т.е. большие «братии» нищенствующих монахов. Однако их никто не относил к *familia diaboli*. Это *Fratres minores* или францисканцы, которые получили свое название от Франциска Ассизского (1182–1226). Римский папа Гонорий III утвердил очень суровый устав, в котором запрещалось «обладать чем-либо или принимать деньги прямо или косвенно, так что братья должны были жить только милостыней и оказывать послушание папе» [7. С. 188]. В 1216 г. утвержден устав ордена доминиканцев.

Любопытна фигура Франциска Ассизского, которого называли Апостолом нищеты. Он никогда и никому не отказывал. Если у него просили помощь именем Бога, он раздавал не только деньги, но и свою одежду. «Все отдать нищим и самого себя им отдать – вот жертва, угодная Богу и достойная любви к Нему» [8. С. 100] Францисканская община не должна иметь общей собственности, «чтобы его монахи не знали, чем будут питаться на следующий день, и, не ведая никаких земных забот, испрашивали посредством милостыни свой ежедневный хлеб» [Там же. С. 529].

Нищенствующие монахи постоянно находились в среде бедняков и в своих проповедях открыто осуждали вопиющее неравенство среди людей, ведущее к страданиям наиболее обездоленных. Они выдвинули на первый план связь между христианской любовью и справедливостью. Бедный человек, учили эти монахи, обладает внутренним достоинством, нельзя видеть в нем лишь средство, с помощью которого богатч, подающий милостыню, спасает собственную душу. В XIII–XIV вв. теологи и знатоки церковного права, продолжая осмысление новых экономических отношений, основанных на денежном обращении, изучая природу банковского и ростовщического дела, сурово осуждали имущественное неравенство, характерное для городов. Если в раннем Средневековье главным грехом считалась гордыня (а главной добродетелью – соответственно, смирение), то в позднем Средневековье первую строчку в перечне грехов заняла скупость, а важнейшей добродетелью было признано человеколюбие, *caritas*. Богословы подвергли более придирчивому рассмотрению и практику подаяний, сосредоточившись при этом на серьезной проблеме – когда, как именно и кому следует давать милостыню. Еще более важная проблема, обсуждавшаяся в то время: где разумные пределы, за которыми богатство следует считать избыточным [5]. Если вторая проблема вряд ли была разрешима, то первая обсуждалась с первых веков существования христианства. Споры продолжались и в Новое, и Новейшее время, что отразилось в конкретных благотворительных практиках.

Тем не менее, параллельно с рефлексией о различных аспектах благотворительности, развивались новые виды богоугодных заведений. В XII–XIII вв. было

начато строительство лепрозориев, приютов для слепых («приют трехсот» во Франции), дома сестер милосердия, и это при активном участии королевской власти, того же Людовика IX (1214–1270).

Помимо лепрозориев строились и другие лечебницы. В Париже их число возросло за относительно короткое время до шестидесяти с лишним, во Флоренции – до тридцати, в Генте – примерно до двадцати, и даже в небольших городах насчитывалась дюжина, а то и больше. Количество и величина медицинских учреждений зависели от уровня общего экономического развития города и численности его населения. В Южной Франции и на Пиренейском полуострове больниц было не так уж и мало, но они не могли похвастать большой вместимостью. В городах Англии, Священной Римской империи, Венгрии и Польши больницы и другие благотворительные учреждения начали строить позже, и число их росло не так быстро, как в Северной Италии, Франции и Фландрии [5].

В XII–XIII вв. продолжается процесс секуляризации благотворительной деятельности. Активизируются приходские общины, братства мирян (как и на Руси), торговые и ремесленные гильдии, которые помогали вдовам, сиротам и другим уязвимым членам своих сообществ.

«Светскость» благодетелей возрастает и через деятельность городских властей. Так, в Монсе (Бельгия) городской фонд помощи, куда стекались пожертвования горожан (как прижизненные, так и по завещаниям), выполнял множество полезных функций: устраивал похороны бедняков, оплачивал учебу в школе детей из нуждающихся семей, распределял среди низших слоев населения денежное и натуральное вспомоществование и, как во многих других городах, ссуды под невысокие проценты деньгами тех, кто имел работу. В 1318 г. трое граждан Монса, назначенные городской управой распорядителями фонда, обязались также взять под свой надзор городские больницы. В течение XIV в. власти в городах Нидерландов и Северной Италии все чаще брали на себя ответственность за состояние больниц, позже эта практика мало-помалу распространилась в Португалии, Кастилии и Англии [Там же].

В дальнейшем, в эпоху позднего Средневековья (XIV–XV вв.) благотворительность продолжала развиваться, однако уже в существенно других социально-экономических условиях. Мировоззрение всех слоев населения также претерпело серьезные изменения. Европа латентно «созревала» до нового социального времени – эпох Возрождения и Реформации.

Два конкретных явления сильно повлияли на развитие Европы в позднем Средневековье – экономический кризис и эпидемия чумы. Жак Ле Гофф писал: «Кризис развернулся во всей своей полноте, когда поразил жизненно важную сельскую экономику. В 1315–1317 гг. ненастная погода повлекла за собой плохие урожаи, рост цен и всеобщий голод, почти неведомый на Западе, во всяком случае, на крайнем Западе в XIII в. В Брюгге умерло от голода две тысячи жителей из тридцати пяти» [6. С. 132]. Люди, ослабленные недоеданием, в условиях типичной для

того времени антисанитарии были подвержены различным эпидемиям, уничтожившим значительную часть населения Западной Европы. Вполне естественно, что человек этой эпохи воспринимал эти трагические события как конец света.

В позднем Средневековье на фоне различных бедствий происходят огрубление нравов, отступление от христианских ценностей, возврат к некоторым элементам язычества. Голландский историк И. Хейзинга писал об этом так: «До каких несовместимых с христианством крайностей доходило смещение веры с жаждой мести, показывает обычай, господствовавший во Франции и Англии: отказывать приговоренному к смерти не только в причастии, но и в исповеди. Его хотели тем самым лишить спасения души, отягчая страх смерти неизбежностью адских мучений. Напрасно папа Климент V в 1311 г. повелел допускать осужденных, по крайней мере, к таинству покаяния» [9. С. 25]. Отход от принципа «любви к ближнему» проявлялся и в живучести кровной мести, которая широко применялась даже в таких высокоразвитых регионах, как Северная Франция и Южные Нидерланды.

Изменилось отношение и к церковным праздникам, которые проходили в необузданном веселье, с игрой в карты, бранью и сквернословием; в ответ на увещевания люди ссылались на то, что знатные господа, попы и прелаты без всяких помех делали то же самое [Там же. С. 174]. Посещение церкви превратилось в «ярмарку тщеславия». Церковь стала местом свиданий, демонстрации своих нарядов, манер, положения. В таких условиях христианская забота о бедных превратилась в холодное формальное приличие.

Для позднего Средневековья характерно возрастание недоверия к нищим. К XV – началу XVI в. страх перед бродягами, цыганами, пришельцами из дальних стран, преступностью бедняков становится все более явным. Обездоленность бедного человека, страдания, уподобляющие его Христу, уже не кажутся достойными похвалы. Гуманисты в своих сочинениях начинают высмеивать бедность и превозносить осязаемые преимущества богатства [5]. К концу Средневековья нищенство как социальное явление было настоящим бедствием для европейских городов, их не любили даже священники, поскольку они порой мешали богослужению.

Образ нищего был отражен и по-своему осмыслен в живописи и литературе того времени. И. Хейзинга писал об этом: «В то время как изобразительное искусство уже видит живописность нищего, т.е. схватывает магию формы, литература все еще полна тем, каково значение этого нищего: она либо сочувствует ему, либо превозносит его, либо его проклинает. Именно в этих проклятиях крылись литературные первоисточники реалистического изображения бедности» [9. С. 339].

Однако помимо совершенно не мотивированных на труд нищих, были и другие категории населения, также нуждающиеся в поддержке и не вызывающие негативного отношения. Одна из таких социально-демографических групп – дети. Жак Ле Гофф даже вопрошал: «Да и были ли дети на средневековом За-

паде? Если взглянуть в произведения искусства, то их там не обнаружится. В условиях высочайшей детской смертности интерес этот был воплощен в чувстве тревоги: тема “избиения младенцев” отразилась в распространении праздника Невинноубиенных. Под их патронатом находились приюты для подкидышей, но они появились не ранее XV в.» [6. С. 349].

Приюты для детей, больницы во время социально-экономических катаклизмов, известной чумной эпидемии финансировались явно недостаточно. Падение доходов населения, ухудшение материального положения отразилось и на состоянии благотворительности. Тем не менее острота экономических трудностей отчасти компенсировалась ростом числа завещаний, в которых имущество жертвовалось на благотворительные цели. Как свидетельствуют тексты завещаний, составленных на рубеже XIV–XV вв., даже не слишком зажиточные люди очень часто оставляли свое имущество больницам и приютам, а также своим приходам или нищенствующим орденам и созданным ими учреждениям. Главный мотив этих людей – побудить как можно большее число бедняков молиться за их души. Частные пожертвования все еще были мотивированы главным образом средневековыми представлениями о покаянии и искуплении грехов [5].

Помимо традиционных воззрений на мотивацию благотворительности и существующих адекватных им форм социальных практик, в позднем Средневековье появляются новые организации, вряд ли возможные ранее. Например, бегинки – члены полумонашеских объединений одиноких женщин, посвятивших себя уходу за больными и другим делам милосердия. Жили общинами, проповедовали воздержание, скромность в поведении и одежде: в частности носили белые чепцы. В отличие от монахинь не приносили никаких формальных обетов и могли выйти из общины в любое время.

Существовала и сходная мужская организация – беггарды. Культивировавшиеся среди бегинки и беггардов идеи внецерковной (хотя и не антицерковной) мистики вызвали со стороны церкви подозрения в ереси, а отсутствие обетов безбрачия – даже обвинения в свальном грехе [9. С. 466]. Это были самоорганизующиеся сообщества, занимающиеся благодеяниями и предвосхитившие появление общин сестер милосердия в Новое время.

В XIV–XV вв. усиливается роль братств в поддержке своих членов. Братствами, также самоорганизующимися сообществами, в Средние века называли бюргерско-ремесленные объединения жителей города или квартала, членов одного цеха или гильдии, группировавшихся вокруг церкви того или иного святого патрона братства. В функции братства входили совместное участие в богослужении, взаимопомощь и благотворительность, забота о погребении и заупокойном поминовении сочленов, а также устройство празднеств в честь своего патрона: организация шествий, театральных представлений, поэтических состязаний [Там же. С. 500].

Таким образом, в Средние века, не смотря на экономическую и политическую нестабильность, сложную ситуацию в религиозной сфере, произошла дальнейшая институционализация благотворительности, которая, оставаясь по содержанию христианской, тем не менее, становилась все более светской. Роль церкви в поддержке маргинальных слоев населения была достаточно велика, но именно в позднем Средневековье наметилась тенденция к возрастанию роли государства, городских властей, самоорганизующихся обществ в делах благотворения. В XVI в. в эпоху Реформации происходит переосмысление как церковной благотворительности, так и содержания деятельности других субъектов социальной поддержки населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.: Либроком, 2013. 280 с.
4. Lex Salica (Салическая Правда). М., 1950. 167 с.
5. Боргман К., Смит Д.А. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст // Отечественные записки. 2006. № 4. URL: www.strana-oz.ru
6. Гофф Ж. Ле. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург: Фактория, 2005. 560 с.
7. Робертсон Дж. История христианской церкви: в 2 т. Т. 2. СПб.: И.Л. Тузова, 1891. 1290 с.
8. Герье В. Франциск Ассизский. Апостол нищеты. Б.м. б.г. 544 с.
9. Хейзинга И. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. 540 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2019 г.

The European Philanthropy Genesis in the Middle Ages (6th–15th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 108–113.

DOI: 10.17223/15617793/442/13

Alexandr A. Bykov, Tomsk State University (Tomsk Russian Federation). E-mail: aab56@sibmail.com

Keywords: charity; Western Europe; value-normative system; Middle Ages.

The article discusses the genesis of European philanthropy after the fall of the Western Roman Empire (476) to the beginning of the European countries transformation in the sixteenth century. The Middle Ages are characterized by contradictions and ambiguity of socio-economic dynamics spanning a whole millenium. The new conditions after the collapse of civilization structures forced the population of Western and Central Europe to return to the old forms of mutual assistance. Types of assistance were diverse. In addition to the traditional Indo-European community types of support (orphans, widows, the elderly, the maimed), assistance included such sensitive issues as the resettlement of new members to villages, which was an undoubted good for the resettlers. Archaic forms of population support were based on adequate values and ideals of the barbaric era. “Give and donate” were the main virtues of this

era. Social ties between community members were more “tight”, “sincere” and were based on mutual help, which had long been the main method of self-defense and survival of the Medieval Europe’s population. The Christian Church in the early Middle Ages could not become the main subject of charity care as it did not have sufficient economic resources and many areas of Europe were not yet christianized. The situation gradually changed: the church played a dominant role in charity matters. This process and its analysis are the aim of this article. The author analyzes the transformation of the values, norms and ideals of the period under review. The intentions of the New Testament for a long time determined ethics and specific social practices in the support of various categories of population in the Middle Ages. In rural areas, monasteries (like in Russia) came to play a significant socio-economic role in helping the homeless and feeding the local poor. The economic recovery in Western Europe in the twelfth century contributed to the increase of charitable activities, the institutionalization of the basics of internal accounting and control in charitable institutions. New types of charity institutions appeared, for example, along with hospice and children’s shelters leper colonies, orphanages for the blind (“The Hospital of the Three Hundred” in France), houses of Sisters of Mercy were built with the active participation of the royal power. The author concludes that the role of the Church in supporting marginalized population was large enough, but in the late Middle Ages the role of the state and municipal authorities and self-organizing communities in the field of charity increased.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. & Merton, R.K. (2004) *Sotsial’noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional’nogo analiza* [Social time: A methodological and functional analysis]. Translated from English by N. Romanovskiy. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 112–119.
2. Gurevich, A.Ya. (1984) *Kategorii srednevekovoy kul’tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskustvo.
3. Kropotkin, P.A. (2013) *Vzaimnaya pomoshch’ sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel’ progressa* [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress]. Moscow: Librokom.
4. Anon. (1950) *Lex Salica*. Translated from German by N.P. Gratsianskiy. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
5. Borgman, K. & Smit, D.A. (2006) *Blagotvoritel’nye uchrezhdeniya v evropeyskikh stranakh: istoricheskiy kontekst* [Charitable institutions in European countries: the historical context]. *Otechestvennye zapiski*. 4. [Online] Available from: www.strana-oz.ru
6. Le Goff, J. (2005) *Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada* [Medieval Civilization]. Yekaterinburg: Faktoriya.
7. Robertson, Dzh. (1891) *Istoriya khristianskoy tserkvi: v 2 t.* [The History of the Christian Church: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: I.L. Tuzova.
8. Guerier, V. (n.d.) *Frantsisk Assizskiy. Apostol nishchety* [Francis of Assisi. The Apostle of Poverty]. S.I.
9. Kheyzinga, I. (1988) *Osen’ Srednevekov’ya* [The Fall of the Middle Ages]. Moscow: Nauka.

Received: 11 April 2019

А.А. Иванов, А.А. Савилов

УЧАСТИЕ ИРКУТСКИХ ЖАНДАРМОВ В НАДЗОРЕ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ССЫЛЬНЫМИ (1860–1900 гг.)

Выявляются особенности участия чинов Корпуса жандармов в надзоре за политическими ссыльными в Иркутской губернии. Авторы исследуют законодательную базу работы жандармского ведомства в надзоре за государственными преступниками и приходят к заключению о ее своевременной трансформации в зависимости от требований времени. Показано участие жандармов в этапировании политических ссыльных, контроле за их размещением, перепиской, профессиональной и оппозиционной деятельностью.

Ключевые слова: жандармы; полицейский надзор; ссылка; российское законодательство; Иркутск.

На протяжении второй половины XIX в. политическая ссылка в Сибирь являлась одним из важнейших институтов охранительной и карательной политики самодержавия. Посредством политической ссылки государство стремилось, помимо достижения карательных целей, максимально изолировать представителей леворадикального движения. Одним из основных инструментов, служивших достижению этой цели, являлась система полицейского надзора за политическими ссыльными в местах отбывания наказания. В системе этого надзора, наряду с центральными органами власти, губернской администрацией и общей полицией, важнейшее место было отведено территориальным органам политической полиции – губернским жандармским управлениям.

Без преувеличения можно сказать, что на протяжении всего периода существования в Иркутской губернии жандармского ведомства надзор за ссыльными революционерами оставался одним из главных направлений его деятельности. Создание в Прибайкалье в начале 1830-х гг. жандармской службы неразрывно связано с политической ссылкой. Пребывание на тот момент в регионе высланных участников восстания 14 декабря 1825 г. обуславливало необходимость неотступного государственного контроля за исполнением наказания и поведением дворянских революционеров в Сибири.

Жандармы стремились контролировать все стороны жизни каторжных декабристов. Даже получение или отправление обычной посылки вызывало обширную ведомственную переписку. Надзор за государственными преступниками, водворенными на территории региона, помимо Нерчинской каторги, осуществляли чиновники МВД, обязанные также регулярно отчетываться перед жандармами. Каждый становой пристав должен был докладывать о поведении политических ссыльных ежемесячно [1].

К началу второй половины XIX в. количество политических ссыльных в Сибири значительно уменьшилось. Это произошло вследствие амнистии 1856 г., после которой многие осужденные в ссылку «политики» вернулись на родину в Европейскую Россию. Однако уже с началом 1860-х в стране нарастает социальная напряженность, увеличивается количество крестьянских выступлений, формируются нелегальные леворадикальные кружки и организации. Обостряется борьба государства с антиправительственным

движением, результатом чего становится возрастание числа политических ссыльных в Сибири. Последнее обстоятельство обусловило необходимость восстановления эффективной системы полицейского надзора в местах отбывания наказания. Сообразно с этим в указанный период в российском законодательстве возрастает внимание к вопросу регулирования политической ссылки и отдельных элементов полицейского надзора, в том числе участия в нем чинов корпуса жандармов.

Надзор чинов жандармского ведомства к политическим ссыльным применялся уже во время следования к местам отбывания наказания. Практика его применения берет начало еще в первой половине XIX в., когда участники восстания на Сенатской площади отправлялись к местам ссылки под конвоем жандармских офицеров. В дальнейшем порядок употребления чинов Корпуса жандармов для препровождения ссыльных получил развитие в Уставе о ссыльных в редакции 1857 г., а именно в ст. 512–513. Данные нормы определяли, что тем лицам, ссылаемым на житье в Сибирь, которые не присуждались к тюремному заключению и имели собственные средства для отправления к месту ссылки, «может быть дозволено ехать в своем экипаже, но не иначе, как всякий раз по особому разрешению Министра Внутренних Дел». В качестве критериев для принятия такого решения закон называл «болезнь», «старость» и «прежнее значение» ссылаемых. В случае получения разрешения министра внутренних дел указанные выше лица отправлялись к местам ссылки «под надзором одного или двух жандармов» (ст. 513). Также указанная норма предписывала назначать чинам жандармерии содержание «в оба пути» и «прогонных для обратного следования денег на счет пересылаемых и с предоставлением сим жандармам... назначать время и место для отдохновения» [2. С. 74].

С началом 1860-х гг. в России во многих сферах общественной жизни происходят существенные изменения. Это было связано с проведением реформ Александра II, центральное место среди которых занимали крестьянская, земская, судебная. Параллельно в стране начинает нарастать социально-политический кризис, обостряется борьба государства с политическими противниками. Появление леворадикальных организаций и кружков, пропаганда революционных идей в обществе, покушение студента Д.А. Каракозо-

ва на императора в 1866 г. – все это требовало от правительства адекватной реакции. Ее проявлением стало переустройство существующей системы территориальных органов политической полиции, начавшееся с принятием Положения о Корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. (далее Положение 1867 г.) [3]. Именно с изданием данного закона в России были созданы губернские жандармские управления. Для нас особый интерес представляют те нормы Положения 1867 г., которые прямо или косвенно касались регламентации обязанностей чинов жандармского ведомства в части надзора за политическими ссыльными.

Параграф 26-й Положения 1867 г. четко устанавливал, что ГЖУ, наблюдательный состав Корпуса и уездные жандармские управления, «несут обязанности только наблюдательные, содействуя восстановлению нарушенного порядка только в том случае, когда будут приглашены к тому местными властями». В § 28 уточнялось, что обязанности чинов Корпуса в строевом, хозяйственном и дисциплинарном отношениях определяются существующими постановлениями. В наблюдательном же отношении, «составляющем служебное назначение жандармов, обязанности их определяются особыми инструкциями» [Там же]. На наш взгляд, не вызывает сомнения, что негласный надзор за политическими ссыльными относился к обязанностям наблюдательным, это вытекает из самого понятия надзора. Тем самым, можно с уверенностью утверждать, что негласный надзор не мог и не должен был регулироваться официальным законодательством, иначе его секретность теряла всякий смысл. Ввиду указанного его формы и методы определялись вышеуказанными «особыми инструкциями», исходящими от центрального аппарата политической полиции империи – III Отделения.

Для нас представляют интерес нормы Положения 1867 г., касающиеся порядка употребления чинов Корпуса жандармов. В частности, п. «д» § 34 названного закона указывал, что столичные дивизионы и конные городские команды могут привлекаться для препровождения важных преступников и арестантов. Нам видится, что государственные преступники, осужденные в сибирскую ссылку, в эту категорию входили. В § 38 уточнялось, что чины поименованных в § 34 частей для указанных целей могут быть определяемы в командировки, причем как местным (губернским), так и жандармским начальством. Порядок участия в препровождении важных преступников и арестантов нижних чинов ГЖУ был закреплён в § 39 Положения 1867 г.: «Для тех же надобностей, но только в особенно важных случаях, командировются и унтер-офицеры Наблюдательного Состава и Уездных Жандармских Управлений, но не обязательно, а если ближайшее жандармское начальство найдет это возможным, и не иначе, как до первого по пути губернского города, где командированные жандармы заменяются другими» [Там же].

Обращает на себя внимание тот факт, что перечень вышеуказанных «особенно важных случаев» законом никак не конкретизировался, а всецело отдавался на усмотрение местной администрации, от которой и исходило требование о необходимости командировки.

Как правило, это происходило в тех случаях, когда пересыльный своим поведением обращал на себя внимание губернской администрации. Например, 8 января 1882 г. Главное управление Восточной Сибири уведомляло Иркутского губернатора, что содержащегося в Красноярском тюремном замке ссыльного Александр Долгушина необходимо отпустить с женой и сыном в Иркутск на почтовых лошадях под конвоем жандармов ввиду «выдающейся неблагонадежности и опасности» названного преступника [4. Л. 1].

Нельзя не отметить также, что всякий раз командирование для вышеуказанных целей жандармских унтер-офицеров было осуществимо только в случае, «если ближайшее жандармское начальство найдет это возможным». Однако практика показывает, что в конце 1870 – начале 1880-х гг. участие чинов Иркутского ГЖУ в препровождении политических ссыльных было далеко не редкостью, а скорее правилом. Приведем некоторые примеры. В ночь на 25 сентября 1878 г. в г. Верхотенск в сопровождении двух жандармов прибыл государственный преступник Моисей Рабинович. В декабре 1879 г. из Иркутска в сопровождении жандарма и казака были отправлены ссыльные Натансон и Обручников – в Верхотенск и Киренск соответственно [5. Л. 30]. Прибывший в Иркутск 2 августа 1881 г. Сергей Жебунев был отправлен в г. Балаганск в сопровождении жандармского унтер-офицера и ефрейтора [6. Л. 10].

Помимо порядка командирования нижних чинов ГЖУ для препровождения важных преступников, Положением регулировались и вопросы материального обеспечения. Они были определены в § 40: «...прогонные и кормовые деньги в оба пути... жандармские чины получают от тех мест и лиц, которые их командируют». Примечание к § 40 устанавливало размер кормовых денег: командируемым по железным дорогам – по 1/10 коп., а по прочим трактам – по 1 коп. за версту каждому жандарму [3].

Таким образом, Положение 1867 г. на законодательном уровне закрепило практику командирования нижних чинов губернских жандармских управлений для этапирования политических ссыльных. Данным нормативным актом были определены, хотя и весьма расплывчато, перечень случаев, когда такая командировка признавалась необходимой, порядок принятия решения о возможности такой командировки, а также организационные вопросы, касающиеся материального обеспечения командируемых унтер-офицеров в пути следования. Порядок, установленный Положением 1867 г. в части препровождения ссыльных, оставался неизменным на протяжении последующих десятилетий и, несмотря на некоторые недостатки, продолжал успешно применяться в дальнейшем.

С 1880-х гг. положение с правовым обеспечением участия жандармов в надзоре за политическими ссыльными существенно меняется. В августе 1880 г. ликвидируется III Отделение, а его дела поступают в специально созданный орган – Департамент государственной полиции МВД. Руководство политической полицией было передано министру внутренних дел, на которого было возложено заведование Корпу-

сом жандармов. После событий 1 марта 1881 г. в охранительной и карательной политике России происходят значительные изменения. С принятием Положения 14 августа 1881 г. в борьбе с политической преступностью значительно возрастает роль административной ссылки. Данным нормативным актом было закреплено право генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников в определенных местностях «воспрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в положении усиленной» или чрезвычайной охраны (п. 16) [7]. Решение об административной ссылке принималось Особым совещанием при министре внутренних дел, а ее срок был определен в п. 36 Положения 1881 г.: «от одного до пяти лет» [Там же]. В дальнейшем административная ссылка по политическим мотивам являлась важнейшей составляющей карательной политики самодержавия.

Над всеми лицами, высланными в Сибирь в административном порядке по политическим мотивам, учреждался гласный полицейский надзор. Это правило было установлено Положением о полицейском надзоре от 12 марта 1882 г. Отдельные статьи указанного нормативного акта непосредственно касались участия чинов Корпуса жандармов в надзоре за ссыльными. Проанализируем ст. 29 Положения 12 марта 1882 г., которая устанавливала правила получения и отправления почтовой и телеграфной корреспонденции для поднадзорных. Данная норма указывала следующее: «Министру внутренних дел дозволяется в каждом отдельном случае воспрещать поднадзорному непосредственное получение сим последним его частной почтовой или телеграфной корреспонденции» [8]. Поскольку в Положении 12 марта 1882 г. не содержится иных норм, касающихся корреспонденции административно-высланных, можно заключить, что другие категории ссыльных, например, сосланные по суду или вышедшие на поселение после отбытия каторжных работ, а также члены их семей, не были ограничены в приеме и от отправлении писем или телеграфной корреспонденции. Даже запрет министра внутренних дел для определенного круга поднадзорных никак не ограничивал их в возможности отправлять и получать письма. Он предполагал лишь невозможность собственноручной сдачи и приема писем на почте, предписывал обязательность их предварительного досмотра.

Порядок такого досмотра законом был подробно определен. Так, в случае вышеуказанного «запрета» составлялись особые списки лицам, на просмотр корреспонденции которых было дано разрешение. В дальнейшем указанные списки направлялись в отделения почты и телеграфа. Служащими последних все получаемые письма и депеши, следующие на имя указанных в списках поднадзорных, задерживались, а затем предоставлялись на просмотр: в губернских городах – начальникам жандармских управлений, а в уездных – местным исправникам. Последние, в случае обнаружения «предосудительного содержания» в письмах, задерживали их, а остальные передавали по принадлежности. Задержанная корреспонденция немедленно отсылалась исправником начальнику жандармского управления. Что касается отправляемой

корреспонденции, то она предоставлялась поднадзорными тем же лицам для просмотра [8].

Таким образом, в соответствии с законодательством о гласном полицейском надзоре просматривались письма только тех из поднадзорных, в отношении которых было принято решение министра внутренних дел. Как правило, Департамент полиции направлял в губернии особые списки указанных поднадзорных. В таком списке, например, направленном иркутскому губернатору 5 ноября 1882 г., значилось 26 фамилий [9. Л. 159]. Из этого числа в Иркутском ГЖУ подлежали досмотру все отправляемые и получаемые письма и депеши административно-ссыльных, проживающих в губернском городе. Кроме того, со всех округов губернии в Иркутское ГЖУ окружными исправниками доставлялась корреспонденция, содержание которой признавалось «предосудительным». Заметим, что поскольку понятие «предосудительное содержание» в законе никак не конкретизировалось, под такую трактовку могло попадать весьма значительное количество корреспонденции.

Следует отметить, что Положением 12 марта 1882 г. никак не регулировалось получение поднадзорными денежных средств, периодических изданий, посылок. Закон также не учитывал возрастающих масштабов административной ссылки, ввиду чего в отдельных населенных пунктах Иркутской губернии сосредотачивалось значительное число высланных судебным порядком за государственные преступления и административно-ссыльных. Принимая во внимание, что последние практически не ограничивались в части отправки и получения писем, проживание в непосредственной близости от сосланных по суду давало им реальную возможность принимать и получать на свое имя письма других «политиков», что, конечно, существенно осложняло надзор и негативно сказывалось на его эффективности.

С середины 1880-х гг. объем досматриваемой в ИГЖУ корреспонденции ссыльных увеличивается. Это было связано с изданием циркуляра министра юстиции от 19 декабря 1884 г., в котором указывалось: «Письма, как адресованные политическим арестантам, так и сими последними составляемые», надлежало передавать в жандармские управления «на предмет химического исследования». Исследование состояло в проверке «воспроизведенного химическим способом текста» [10. С. 173]. Письма, в которых такового не обнаруживалось, надлежало немедленно отправить по назначению. А уже 23 сентября 1885 г. в обращении к иркутскому губернатору начальник Иркутского ГЖУ просит, «чтобы вся корреспонденция всех государственных преступников, поселенных во вверенной вам губернии, присылалась бы ко мне для химического исследования оной» [11. Л. 214]. Таким образом, менее чем через год с начала применения досмотра корреспонденции политических арестантов в жандармских управлениях такая практика распространялась на всех вообще политических ссыльных, находящихся в губернии.

Попытки законодательства 1880-х гг. подчинить корреспонденцию отдельных категорий политических ссыльных строгому досмотру на практике не давали

нужных результатов. Это подтверждает следующий пример. 1 марта 1888 г. начальник Иркутского ГЖУ сообщает иркутскому губернатору: «Из поступающих в управление на просмотр писем политических преступников усматривается, что содержащиеся в Иркутском тюремном замке административно-ссылные ведут бесконтрольно переписку и посылают даже телеграммы в разные места таковым же ссылкой и ссылнокаторжным государственным преступникам». Далее указывалось, что из поступающих на имя других административно-ссылных писем видно, «что некоторые из них последовали в ответ на письма от содержащихся в тюремном замке таковых же ссылкой, но были отправлены без просмотра» [11. Л. 269]. Данный пример также позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые недостатки, система контроля за корреспонденцией ссылных давала важнейшие сведения, позволяла вскрыть пробелы в законодательстве, устранение которых в значительной мере способствовало бы повышению эффективности системы надзора.

Другим важнейшим направлением деятельности жандармских управлений в 1880–1890-е гг. был надзор негласный.

Окончание сроков административной или судебной ссылки и освобождение от гласного полицейского надзора не являлись основанием для окончательного убеждения в политической благонадежности человека. Для снятия с таких лиц всяких подозрений в принадлежности к революционной деятельности использовался надзор негласный, в осуществлении которого самое непосредственное участие принимали чины Корпуса жандармов. Данный вид надзора регулировался Положением о негласном надзоре от 1 марта 1882 г. (далее Положение 1 марта 1882 г.), которое более подробно рассмотрим ниже [12].

В первую очередь остановимся на понятии негласного надзора, которое было закреплено в п. 1 Положения 1 марта 1882 г. Прочитав этот пункт: «Негласный полицейский надзор, именуемый также секретным, есть одна из мер предупреждения Государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной благонадежности» [Там же. С. 132]. Как видим, целью негласного надзора являлось предупреждение преступлений против государства. Средством его достижения являлось наблюдение, а субъектом – лица «сомнительной благонадежности». Суть понятия «негласный» раскрывалась в п. 2 Положения и заключалась в отсутствии возможности у субъекта надзора знать об учрежденном за ним наблюдении. Последнее достигалось путем избрания соответствующих способов наблюдения, а также запретом ограничивать субъекта в образе жизни, выборе занятий, свободе передвижения и пр.

Порядок учреждения секретного надзора был установлен в п. 3. Прямо указывалось, что такой надзор устанавливается «исключительно Департаментом полиции». Решение об установлении надзора принималось как по непосредственному усмотрению Департамента, так и вследствие представления местных начальств. Однако в Положении оговаривалось, что существуют определенные категории населения,

за которыми негласный надзор мог быть учрежден без предварительного разрешения Департамента полиции. Как раз к одной из таких категорий относились «лица, возвращенные из административной ссылки и освобожденные от гласного надзора полиции» [12. С. 133]. Важнейшим обстоятельством являлся и тот факт, что освобождение от гласного надзора полиции и возвращение из административной ссылки к месту прежнего жительства по срокам не совпадали. Это означало, что лица, срок гласного надзора у которых истек, в дальнейшем не подлежали наблюдению до момента их возвращения на родину.

В Иркутской губернии к концу 1880-х гг. количество таких лиц было весьма значительным. Основным пунктом их сосредоточения был губернский город Иркутск. Многие освобожденные от гласного надзора полиции, никак не ограниченные в праве передвижения, приезжали в Иркутск из разных районов губернии и соседних регионов и оставались в городе на неопределенный срок. Такое положение вещей на практике нередко становилось серьезным препятствием эффективного действия системы наблюдения, что являлось предметом внимания исполнительных органов надзора. Вот что указывал начальник Иркутского ГЖУ в своем рапорте Иркутскому генерал-губернатору от 30 октября 1887 г.: «В последнее время начало увеличиваться в г. Иркутске число лиц, состоящих под надзором полиции за государственные преступления, надзор за которыми при местных условиях весьма затруднителен; если же принять во внимание, что здесь проживает весьма много бывших преступников этого рода, нисколько не отрешившихся от прежних своих убеждений, но ускользающих вовсе от надзора в силу освобождения от оною или таких, которые прибыли по окончании срока надзора из других мест и потому неизвестны полиции – то скопление в городе лиц с вредным политическим направлением оказывается весьма значительным» [13. Л. 1 об.]. На наш взгляд, данный пример наглядно иллюстрирует недостаток правовой базы полицейского надзора, никак не регламентировавшей положение ссылных с момента окончания гласного надзора до момента прибытия на прежнее место жительства. Вследствие указанных обстоятельств исполнительные органы надзора становились бессильны в ситуациях, аналогичных той, что описана нами выше.

Несмотря на отмеченные недостатки, негласное наблюдение за политическими ссылными в Иркутской губернии являлось одним из важнейших источников сведений об их деятельности, а отсюда – благонадежности. Примечание к п. 1 Положения 1 марта 1882 г. устанавливало, что в определенных случаях негласное наблюдение могло применяться в качестве самостоятельной меры, а не только как средство достижения целей секретного надзора. В таком случае негласное наблюдение имело характер меры «исключительно розыскной» и могло осуществляться по распоряжению местных властей. Местными властями негласное наблюдение устанавливалось временно «для проверки полученных сведений о вредной деятельности данного лица, его связей, а также для обнаружения разыскиваемых лиц, которые, по имеющим-

ся указаниям, могли войти с ним в сношение». Осуществление негласного наблюдения возлагалось на чинов Корпуса жандармов [12. С. 132].

В Иркутской губернии субъектами такого наблюдения в первую очередь становились политические ссылки, окончившие сроки гласного полицейского надзора, восстановленные в правах и оставшиеся в регионе на постоянное жительство. Обычной практикой было обращение губернской администрации к начальнику ИГЖУ с запросом проверки благонадежности политических ссыльных, в том числе окончивших срок ссылки. Как правило, это происходило, когда бывший политический ссыльный изъявлял желание заниматься какой-либо публичной деятельностью или поступал на государственную службу и пр. В подобных ситуациях при сборе сведений губернское правление не ограничивалось лишь официальными сведениями о месте жительства, звании, вероисповедании, данных о составе семьи, получаемых от чинов общей полиции. Сведения же, собираемые жандармами негласным путем, являлись гораздо более информативными и зачастую были определяющими для окончательного разрешения дела. Это хорошо иллюстрирует следующий пример.

В апреле 1889 г. в губернском правлении решался вопрос о разрешении бывшему ссыльному, а ныне дворянину Н.И. Витковскому взять в аренду у отставного коллежского советника М.В. Загоскина типографию. Для разрешения дела из губернской администрации необходимо было получить данные о политической благонадежности Витковского, для чего были отправлены надлежащие запросы в полицейское управление г. Иркутска и начальнику ИГЖУ. Данные, предоставленные иркутским полицмейстером, сводились к тому, что Витковский «в политической неблагонадежности замечаем не был» [14. Л. 1]. Иного мнения на этот счет было Иркутское ГЖУ. Из секретной справки начальника ИГЖУ полковника фон Плотто от 7 июня 1889 г. следует, что, «по собранным негласным путем сведениям», «политическая благонадежность Витковского, по знакомству его и сношениям с политическими ссыльными, может давать некоторый повод к сомнениям» [Там же. Л. 4]. По всей видимости, предоставленные жандармским управлением сведения и стали определяющими в разрешении вопроса о возможности аренды типографии, поскольку 12 июня 1889 г. в уведомлении Иркутскому полицмейстеру сообщалось, что ходатайство Витковского следует «оставить без удовлетворения» [Там же. Л. 5].

Как видим, восстановление в правах бывшего политического ссыльного и снятие с него всякого рода ограничений в правах не всегда являлось критерием исправления. Поскольку получение в аренду типографии ранее совершившим серьезное политическое преступление лицом теоретически могло способствовать распространению революционных идей в сибирском обществе, то, на наш взгляд, решение губернских властей о проверке благонадежности такого лица выглядит вполне обоснованным. Нельзя не отметить и того факта, что только с получением сведений, доставленных жандармским ведомством и полученных негласным путем, вопрос получил окончательное разрешение.

Постоянное увеличение масштабов ссылки административной и продолжавшееся применение политической ссылки по судебным приговорам обуславливали необходимость четкой регламентации порядка содержания и надзора ссыльных разных категорий на всем пути следования из Европейской России до мест назначения. Особое внимание в законодательстве было уделено порядку содержания политических арестантов, в том числе и пересыльных, в губернских и уездных тюрьмах. Важную роль в урегулировании этого вопроса сыграло издание Правил о порядке содержания в тюрьмах политических заключенных, утвержденных в феврале 1886 г.

Отдельные нормы названных Правил прямо касались применения надзора жандармов к пересыльным политическим арестантам, поэтому ниже остановимся на них подробнее. Важнейшее значение для темы нашего исследования имеет п. 5 Раздела 1 указанных Правил. В соответствии с этим пунктом чины жандармского корпуса имели право входа в помещения, занимаемые политическими преступниками, «во всякое время дня и ночи» [15. Л. 2]. Чины корпуса жандармов имели также право осматривать все бумаги, прошения или письма на имя должностных лиц, родственников или знакомых. Предварительному рассмотрению подлежала и все следовавшая на имя заключенных корреспонденция (п. 21). В пункте 7 Правил 1886 г. губернаторам дозволялось передавать права о разрешении свиданий или ходатайств заключенных начальникам жандармских управлений [Там же. Л. 2–5].

Правила 1886 г. в значительной степени способствовали разграничению надзора за пересылаемыми в Сибирь государственными преступниками между тюремной администрацией, губернскими властями, чинами полиции и жандармским ведомством. Так, упомянутый нами п. 5 Правил 1886 г. запрещал жандармам делать какие-либо распоряжения в части административного заведования политическими арестантами и внутреннего порядка их содержания. При этом закон предоставлял чинам жандармерии право «обо всех усмотренных ими в этом отношении неправильностях, беспорядках, а также и желательных улучшениях» доводить до сведения губернатора в письменном порядке [15].

В системе надзора за политическими ссыльными их учет являлся важнейшим элементом на протяжении всего исследуемого периода. Ведение надлежащей статистики требовало тесного взаимодействия всего губернского аппарата: своевременный сбор данных во всех полицейских округах, последующая их систематизация, обработка и обобщение. Особое внимание уделялось г. Иркутску, численность ссыльных в котором была под постоянным контролем жандармов. Так, например, в обращении к Иркутскому полицмейстеру от 12 июля 1889 г. начальник Иркутского ГЖУ полковник фон Плотто указывал: «В виду необходимости сосредоточения в делах вверенного мне управления всех сведений, касающихся государственных преступников, имею честь просить в имеющей быть доставленной от вас за настоящий июль месяц числовой ведомости о государственных пре-

ступниках и административно-ссылных, состоящих под надзором полиции в г. Иркутске» указывать «вероисповедание этих лиц», возраст, род занятий, «получает ли от казны пособие и в каком размере» и «если имеют семейства, то из кого оно состоит и где находится» [16. Л. 16].

Конец XIX – начало XX в. характеризуется в России значительным подъемом рабочего движения. По всей стране проходит волна забастовок, стачек, демонстраций. В этот период организационно оформляются партии социал-демократов и эсеров. Борьба с политической преступностью, соответственно, принимает особо острый характер. Повышение революционной активности во всей стране в целом и в Сибири в частности, вовлечение в революционные круги все большего количества людей требовали соответствующего усиления штата полицейского аппарата. В определенной мере это было достигнуто созданием охранных отделений, а также развернутой сети жандармских полицейских управлений железных дорог. Тем не менее нехватка кадрового состава в 1900-е гг. в деле надзора за ссылными становится одной из основных проблем.

Однако это обстоятельство усугублялось тем, что по-прежнему унтер-офицеры наблюдательного состава использовались для препровождения ссылных в северные районы губернии, а также в Забайкалье и Якутскую область. Употребление жандармов для препровождения ссылных, в значительной мере закрепленное еще в Положении 1867 г., не подверглось к началу XX в. каким-либо изменениям. И хотя в соответствии с указанным нормативным актом такой порядок использования чинов Корпуса жандармов мог иметь место лишь в строго ограниченных случаях, на практике все было иначе. Более того, в 1903 г. Иркутский военный генерал-губернатор в своем обращении к В.К. Плеве подчеркивал эффективность этапирования поднадзорных из Александровской тюрьмы в северные уезды Иркутской губернии и Якутской области именно жандармскими унтер-офицерами и в дальнейшем предлагал не отступать от сложившейся системы. Глава региона объяснял это тем, что «этот путь совершается частью на лошадях, частью на пароходах и требует особо тщательного наблюдения» [17. Л. 25 об.]. В другой части своего обращения к министру генерал-губернатор указывал на необходимость увеличения состава нижних чинов ИГЖУ. Глава региона отмечал, что действующий наблюдательный состав управления даже без командировок «не имеет возможности... осуществить надзор за политическими ссылными, число которых... все возрастает» [Там же].

Подведем некоторые итоги. С 1860-х гг. надзор за политическими ссылными являлся одним из главных направлений деятельности жандармов в Сибири, в

том числе и в Иркутской губернии. Унтер-офицеры наблюдательного состава Иркутского ГЖУ обеспечивали надлежащий порядок этапирования политических ссылных к местам причисления, весьма успешно применявшийся на всем протяжении исследуемого периода. Наряду с общей полицией, губернской администрацией, тюремным начальством и почтовым ведомством Иркутское ГЖУ являлось важнейшим звеном в системе контроля за корреспонденцией политических ссылных. Кроме того, на жандармов возлагалась организация и осуществление негласного наблюдения, объектом которого в Иркутской губернии зачастую становились политические ссылные, в том числе уже отбывшие сроки ссылки. Несмотря на значительное внимание, которое уделялось государством законодательному регулированию осуществления надзора за политическими ссылными, в правовой базе такого надзора имелось немало упущений, которые так и не были устранены к началу 1900-х гг. Это обстоятельство, в совокупности с постоянно возрастающими масштабами ссылки и существенным недостатком штатов жандармского управления, в значительной мере негативно сказалось на достижении целей принудительной изоляции государственных преступников.

Нельзя не отметить также того факта, что территориальным органам жандармерии отводилась важная роль в системе контроля и надзора за пересыльными политическими арестантами. Так, в соответствии с Правилами 1886 г. ближайшим и основным звеном надзора за государственными преступниками, осужденными в ссылку, во время следования их в Сибирь и остановок в пересыльных тюрьмах являлись тюремная администрация и подведомственная ей тюремная стража. Контроль за ее деятельностью возлагался на губернатора, который осуществлял его через подведомственный ему аппарат общей полиции. Чины Корпуса жандармов в этой системе стоят несколько особняком: несмотря на наличие у них довольно широких прав, их власть ограничивалась лишь возможностью письменных обращений к губернатору с докладом о замеченных упущениях. Тем самым жандармерия являлась обособленным контрольным органом, который, в отличие от остальных звеньев системы надзора за политическими арестантами, наиболее тесно взаимодействовал по всем вопросам наблюдательной деятельности с центральным органом политической полиции России – Департаментом полиции. На наш взгляд, такое положение чинов жандармского ведомства могло, с одной стороны, способствовать скорейшему устранению упущений в режиме содержания политических арестантов, а с другой стороны, могло послужить поводом к соперничеству и разногласию с иными ведомствами системы надзора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М., Кодан С.В. Система контроля за перепиской ссылных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. Вып. 9. С. 171–187.
2. Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV. Тетр. 5.
3. Полное собрание законов Российской империи. (далее – ПСЗ). Собр. 2. СПб., 1871. Т. 42. Отд. 2. № 44956.
4. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 32. Оп. Оц. Д. 131.
5. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 20.

6. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 99.
7. ПСЗ. Собр. 3. Т. I, № 350.
8. ПСЗ. Собр. 3. Т. II, № 730.
9. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275.
10. Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного Корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908.
11. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16.
12. Положение о негласном полицейском надзоре, утвержденное 1 марта 1882 г. // История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. М. : Щит-М, 1998. С. 132–140.
13. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 5.
14. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 243.
15. ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 442.
16. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 647.
17. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2018 г.

Participation of Irkutsk Gendarmes in the Supervision over Political Exiles (1860–1900)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 114–121.

DOI: 10.17223/15617793/442/14

Aleksandr A. Ivanov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru

Aleksandr A. Savilov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru

Keywords: gendarmes; police supervision; exile; Russian legislation; Irkutsk.

This article is devoted to the study of the participation of ranks of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Department in the supervision over political exiles. The chronological scope of the article is significant and covers the 1860s to the beginning of the 1900s, which makes it possible to fully trace the forms and types of Irkutsk gendarmes' activities on monitoring administrative exiles, settlers by a court decision and convicts who served their sentence in the province. This topic has not received a special study in Russian historiography, which confirms its relevance and timeliness. The article is mainly based on sources of legislative nature and on the previously unpublished materials of the State Archive of Irkutsk Oblast. During the work on the material, the authors used both general scientific and historical methods, for example, problem chronological, historical comparative and narrative ones. By studying a considerable amount of documentary material, the authors came to the following conclusions. The emergence of political police in Irkutsk Province was directly related to the presence of exiled members of the Uprising of 14 December 1825 in the Senate Square. During the supervision over the Decembrists, the principles of supervisory activities were developed: monitoring of the daily life of exiled revolutionaries, prohibition of unauthorized absences, control over correspondence. Gendarmerie services developed this experience in the 1860s when exiled populists began to dwell in Siberia, including in Irkutsk Province. The supervision over the life of exiled revolutionaries was regulated by a number of legislative acts, the most important of which were: the 1881 Regulations on Measures to Protect Public Order and Public Peace, the 1882 Regulations on Police Supervision Established by the Order of the Administrative Authorities, the 1882 Regulations on Secret Police Supervision, the 1886 Rules on the Procedure for the Detention of Political Prisoners. In addition, some elements of police supervision over political exiles were supplemented and specified by administrative orders of both central (Ministry of Internal Affairs, Police Department) and regional (Governor-General of Eastern Siberia, Irkutsk Province Administration) authorities. During the period under study, the forms of gendarmes' participation in the supervision over political exiles in Siberia were consistently improved and expanded. One of the forms was the transfer of exiled revolutionaries under the supervision of non-commissioned gendarme officers to the places of exile; the form was fixed in the 1867 Statute on the Corps of Gendarmes. This procedure for exiles was very successfully used in the 1900s. Despite the development of forms and methods of supervision over political exiles in the 1860s–1900s, some elements of supervision became ineffective by the end of the period under study. The main reasons for this state of affairs were the poorly considered increase in the number of exiled revolutionaries in Siberia, the lack of timely growth of the personnel of the executive bodies of supervision, including the Irkutsk Provincial Gendarmerie Department. The ineffectiveness of the supervision system was also exacerbated by the omissions in the legal framework governing the mechanism of serving political exile in Siberia.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Kodan, S.V. (1985) Sistema kontrolya za perepiskoy ssyl'nykh dvoryanskikh revolyutsionerov v Sibiri (1826–1856 gg.) [The system of control over the correspondence of the exiled noble revolutionaries in Siberia (1826–1856)]. In: Shcherbakov, N.N. et al. (eds) *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (19th century – February 1917)]. Is. 9. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 171–187.
2. Russian Empire. (1857) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Collection of Laws of the Russian Empire]. XIV (5).
3. Russian Empire. (1871) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42. Pt. 2. No. 44956. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
4. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 131. (In Russian).
5. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 20. (In Russian).
6. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 99. (In Russian).
7. Russian Empire. (1885) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. I. No. 350. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
8. Russian Empire. (1886) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. II. No. 730. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
9. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List 1. File 275. (In Russian).
10. Special Gendarmes Corps. (1908) *Sistematicheskiy sbornik tsirkulyarov Departamenta politzii i Shtaba Otdel'nogo Korpusa Zhandarmov, odnosyashchikhsya k obyazannostyam chinov korpusa po proizvodstvu doznaniy* [Systematic collection of circulars of the Police Department and the Headquarters of the Special Gendarmes Corps relating to the duties of the officials of the Investigation Corps]. St. Petersburg: tip. Shtaba Otd. korp. zhand.
11. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List OTs. File 16. (In Russian).

12. Kuritsyn, V.M. (ed.) (1998) *Istoriya politsii Rossii. Kratkiy istoricheskiy ocherk i osnovnye dokumenty* [History of the Russian Police. A brief historical essay and the main documents]. Moscow: Shchit-M. pp. 132–140.
13. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List Ots. File 5. (In Russian).
14. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 243. (In Russian).
15. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 32. List Ots. File 442. (In Russian).
16. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 91. List 2. File 647. (In Russian).
17. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 25. List Ots. File 157. (In Russian).

Received: 26 April 2018

Л.В. Кальмина*, Л.В. Курас**

РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЧЕРЕЗ КЯХТУ В 1840–1900-е гг.: ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

** Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект 14-18-00552)
«Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Исследуется история русско-китайской торговли через Кяхту в XIX – начале XX в. Причиной ее упадка после длительного процветания стало появление более дешевых способов доставки товаров из Китая – сначала морского, затем по железной дороге. Однако и после этого ввоз китайских товаров через Кяхту не прекратился. Российское правительство, преследовавшее свои геополитические цели в Китае и заинтересованное в выходе русских товаров на китайский рынок, искусственно поддерживало кяхтинскую торговлю.

Ключевые слова: Кяхта; купечество; чайная торговля; пошлина; предмет ввоза; мануфактура.

Кяхта со своим статусом чисто торгового поселения, не имевшего аналогов в Восточной Сибири, приобрела общероссийскую значимость как центр русско-китайской торговли. Ее золотой век продолжался с последней четверти XVIII в., когда город стал единственным пунктом легального русско-китайского торгового обмена, почти до 40-х гг. XIX в., когда его годовой оборот превышал 16 млн руб. Основным продуктом ввоза в Россию был чай. В Китае большим спросом пользовались российская пушнина, хотя во второй четверти XIX в. наметилась тенденция увеличения вывоза товаров российского промышленного производства, особенно тканей, заметно потеснивших мануфактуру других стран. К концу 1830-х гг. доля тканей в российском экспорте составляла более 50% [1. С. 24, 40–41]. Современники отмечали: «Чайная торговля была двигателем нашей мануфактурной промышленности; она, заставив купцов увеличить заготовку товаров, вместе с тем побудила капиталистов заводить новые фабрики для выработки их». Таким образом, роль чайной торговли для экономической жизни России определялась, во-первых, приобретением широкого рынка сбыта для продукции мануфактурной промышленности; во-вторых, – возможностью обменивать ее на чай, который постепенно входил в число продуктов первой необходимости [2. С. 292, 443]. В 1840-х гг. таможенные сборы в Троицкосавске с русских и китайских товаров возросли с 3,5 до 5,5 млн руб. серебром [1. С. 46]. С учетом этого, казалось бы, трудно объяснить тот факт, что в 1854–1855 гг. российское правительство дало разрешение на использование серебряных изделий и золотых монет в качестве платежного средства, которым купечество расплачивалось за китайские товары, хотя вывоз драгоценных металлов все-таки регламентировался, первоначально заметно уступая объемам привычных предметов торга – мануфактуры и пушнины. С 1861 г. были разрешены свободная беспошлинная торговля в Кяхте и в Забайкалье и вывоз в Китай золота и серебра в неограниченных количествах – джинна выпустили из бутылки. «Главный предмет ввоза из Китая чай, а вывоза – драгоценные металлы» – эта фраза отныне регулярно повторялась в статистических отчетах о

состоянии Забайкальской области. В обзоре за 1889 г. указывалось, что «из вывезенных в Кяхту и Монголию товаров на сумму 3 242 235 руб. 91 3/4 коп. самая большая сумма приходится на золото и серебро 1 618 680 руб. 98 3/4 коп., тогда как изделий фабричных и ремесленных на 668. 227 р. 40 к.» [3. С. 27; 4. 1891. Прибавление 11 и 12 к 1890 г.]. Вместе с российскими кредитными билетами как своего рода валюты, используемой в расчетах обеих сторон, драгоценные металлы годами оставались главным предметом российского экспорта в Китай, составляя в нем от 56,7% в 1886 г. до 43,3% в 1892 г. [5. Оп. 1. Д. 2237. Л. 2; Д. 3017. Л. 7].

Причины такого решения заключались, во-первых, в неэквивалентности меновой торговли с Китаем. Ценовую политику Китай формировал практически единолично, завышая цены на главный продукт своего экспорта – чай – и занижая их на предметы русского ввоза. Такие торговые операции приносили немалые убытки русскому купечеству, несмотря на запрет продажи китайцам товаров по ценам ниже и покупки чая по ценам выше установленных купеческими старшинами. Невыгодность менового торга тормозила торговлю и оставляла русское купечество без достаточного оборотного капитала, необходимого для закупки чая. Второй причиной стала контрабандная торговля, которая приняла такой размах, что жители Забайкалья, жившие недалеко от Кяхты, могли вообще обходиться без легальной торговли: в пограничных пунктах у китайских контрабандистов всегда можно было разжиться и чаем, и китайскими тканями. Убытки, которые терпело кяхтинское купечество, не позволяли им платить пошлину. Для расплаты с государством оно брало деньги под залог, в том числе и у казны. Обеспокоенное ростом казенных долгов и заинтересованное в выходе русских товаров на китайский рынок, русское правительство вынуждено было поддержать кяхтинское купечество отменой пошлин и позволением ему торговать на деньги [1. С. 47].

Разрешение закупать товар за деньги оживило торговлю: ускорились торговые обороты, капитал возвращался быстрее, так как не нужно было искать покупателя на свой товар, чтобы получить деньги для

закупки чужого. Но покровительственные меры правительства недолго помогали процветанию кяхтинской торговли. Открытие ряда морских портов Китая для торговли и разрешение ввоза чая через западную границу, что было несравненно дешевле караванной доставки через Кяхту, отправили последнюю в нокаут. Ввоз дешевых иностранных товаров через порты Китая начал вытеснять более дорогую русскую мануфактуру [6. С. 67]. Однако и здесь российское правительство приняло нестандартное решение, искусственно поддерживав кяхтинскую торговлю разницей пошлин: пошлины на чай, ввозимый морем, устанавливались более высокие, чем на доставленный через азиатскую сухопутную границу, чтобы последний был конкурентоспособным. Спрашивается, зачем нужно было идти на этот заведомо экономически невыгодный шаг? В качестве объяснения рассмотрим три версии.

Версия первая – ностальгическая – с целью поддержки былой славы кяхтинской торговли. Хотя российское правительство трудно заподозрить в излишних сантиментах, это мнение было достаточно популярно. «...признавая громадное значение кяхтинской торговли и принимая в соображение ее прошлое, – писала газета “Восточное обозрение”, – правительство не сочло себя вправе нанести ей сразу смертельный удар и признало необходимым принять меры к тому, чтобы таковая все-таки не была бы убыточнее по сравнению с торговлей кантонским чаем» [7. 1885. № 28]. Кяхтинское купечество, «балованное дитя» российского протекционизма, восприняло это как должное. Когда же в 1885 г. пошлины на кяхтинский чай, ввезенный через иркутскую таможенную, выросли на рубль с пуда больше, чем на чай, ввезенный морским путем, это вызвало очень нервную реакцию сибирского купечества, хотя пошлина за пуд ввезенного морем чая оставалась на 9 руб. больше, чем кяхтинского. Торговцы шантажировали правительство полным прекращением провоза чая через Сибирь и пугали исключением любимого напитка из меню сибиряка, который «по дороговизне вследствие высокой пошлины» «обратится к дрянным травам». Но газета «Сибирский Вестник» дала русским чаоторговцам жесткую отповедь, обвинив их в постоянном требовании привилегий исключительно для себя под маркой заботы о народных нуждах [8]. Интересно, что такую же позицию занял непримиримый оппонент еженедельника – газета «Восточное обозрение», высказавшаяся, что «кахтинская торговля со временем должна пасть как искусственно поддерживаемая и основанная на нерациональных началах» и решительно отмежевавшаяся от обвинений своего соперника в защите «всесильной богатой Кяхты», поскольку является последовательным противником протекционизма, в какой бы форме он ни проявлялся и кого бы ни касался [7. 1885. № 28; 1894. № 29]. Купеческий ультиматум никого не впечатлил. Было ясно, что покровительственная система по отношению к кяхтинской торговле – дело временное.

Версия вторая – экономическая. Несмотря на поддержку кяхтинской торговли, правительство ценило ее как способ непосредственных экономических контактов с Китаем. Поднебесная представляла собой

емкий рынок сбыта российской продукции: в конце XIX в. несколько московских и владельцы текстильных фабрик работали только на Кяхту. Прекращение кяхтинской торговли с полной ее заменой морской доставкой китайских товаров означало бы его потерю. К тому же в аргументах сибирских чаоторговцев о предстоящем обездоливании сибиряков, кормившихся «возле чая», определенный резон был. В Троицкосавске – Кяхте значительная часть населения занималась обслуживанием транзитной торговли. В отличие от жителей других забайкальских городов они даже не ходили на заработки, потому что кяхтинская торговля обеспечивала стабильный заработок [9. С. 120]. Ежегодно расходуемые кяхтинцами на провоз товаров 2,5–3,5 млн руб. составляли доход притрактового населения [6. С. 67]. Правда, публицисты считали, что сибирскому крестьянству, промышляющему доставкой товаров в Кяхту – из Кяхты, ничего не грозит, раз «никакого разорения не последовало» даже с разрешением ввоза чая морским путем, и «плач о его грядущем разорении... внесен был в записку [чаоторговцев] только для красоты слога» [8].

Версия третья – геополитическая. Россия рассматривала Китай как одно из важнейших направлений своих внешнеполитических действий. Идея «распространения влияния на Китай» в противовес усилению там британских позиций была развернута в «Записке о Китайских делах» еще в 1862 г. [10. С. 68]. В дальнейшем при формировании своей восточной политики Россия все время держала «в уме» Китай, рассматривая его и как торгового партнера, и как возможного противника в будущих военных действиях [11. С. 139]. Даже при планировании проведения Транссиба Комитет Сибирской железной дороги считал «вполне своевременным всестороннее ознакомление с условиями нашей торговли на крайнем Востоке», выражая уверенность, что магистраль сделает Китай более доступным «как для сбыта отечественных продуктов, так и для вывоза к нам... предметов его производства». По мнению Комитета, открытие русским купцам китайских городов и гаваней для свободной торговли было бы выгодно в первую очередь Китаю, поскольку это будет содействовать развитию и укреплению взаимных торговых связей «между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст» [4. 1894. № 7]. Уход же России с китайского рынка означал окончательный проигрыш восточной политической игры западноевропейским державам, которые и без того чувствовали себя здесь очень уверенно.

Как бы там ни было, усилиями российского правительства вплоть до конца XIX в. Кяхта оставалась главными «воротами» чайной торговли, особенно дешевыми сортами плиточного и зеленого чая, хотя торговый баланс определенно складывался не в пользу России: она вывозила товаров гораздо меньше, чем ввозила, причем вывоз год от года падал. «...вывоз русских изделий через Кяхту крайне ничтожен и почти не повышается», – писали газеты [7. 1897. № 50]. Вдобавок китайцы через Кяхту ввозили своих товаров и вывозили российских гораздо больше, чем сами русские купцы. К примеру, в 1893 г. русские ввезли

через Кяхту товаров на 13,6 млн руб., а китайцы – на 14,9 млн руб.; в 1896 г. – соответственно на 16,8 и 19,4 млн руб. [12. 1896. С. 258; 1899. С. 150]. Однако дело здесь даже не в нерасторопности русского купечества. Просто около 3/5 русских товаров отправлялись в Китай морем для снижения транспортных издержек, а после сбыта их в китайских портах или во внутренних районах Китая закупленный там чай ввозился в Россию через Кяхту [13. С. 194], поскольку считалось, что именно «кяхтинский» чай обладает высоким качеством, в то время как ввозимый через западную границу «кантонский», переходя от англичан к остальным потребителям, «упрочивается в своей дешевизне не в малой степени и от различных фабрикации» [14. С. 6]. В структуре ввоза-вывоза изменений к лучшему тоже не произошло: к концу XIX в. кяхтинская торговля свелась к покупке чая за деньги, и только незначительный объем товаров китайцы и монголы обменивали на российские продукты: хлеб, омуль, сало. Китай, видя выгоду торговли с Россией, ни в коем случае не желал ее потери как торгового партнера. В условиях высокой конкуренции китайскому шелку со стороны Японии, Франции и Италии и индийского и цейлонского чая – его китайскому аналогу, Китай просто цеплялся за Россию, которая была крупным потребителем того и другого. Тем более что западные державы скупали китайское серебро, наводняя страну долларами, в то время как Россия ввозила в Китай драгоценные металлы [4. 1897. № 64]. Идя на уступки в экономике, российское правительство рассчитывало выиграть в политике.

Последний удар Кяхте был нанесен проведением КВЖД. Провозная плата чая, составлявшая теперь на всем огромном расстоянии 4,97 руб. за пуд – намного меньше, чем при доставке гужевым способом через

Кяхту, – плюс более быстрая доставка по железной дороге лишили город чайных грузов, после чего как центр чайной торговли он просто перестал существовать [15. С. 43]. В 1900-е гг. вывоз товаров через Кяхту едва переваливал за миллион рублей или даже не достигал его [16. С. 433]. Оптовые фирмы, сделавшие на торговле чаем миллионные состояния, стали покидать город. Привыкшее к привилегиям, щедро предоставляемым правительством, сибирское купечество оказалось не готовым к действиям в форс-мажорных обстоятельствах.

Рассуждая о перспективах развития чайного транзита, Кяхтинский пограничный комиссар Генке счел его возможную реанимацию напрасной тратой казенных денег. По его мнению, путь этот, начавший «глохнуть» еще до открытия Маньчжурской железной дороги, не имел будущего, в противном случае кяхтинское купечество, «разработавшее» его на собственные деньги, его бы не забросило [17. С. 251]. Надежды на возрождение Кяхты как центра русско-китайской торговли связывались с проектированием Кяхтинской ветки железной дороги, которая, пройдя через Монголию до Пекина, должна была у Верхнеудинска соединиться с Транссибирской железнодорожной магистралью. Само обсуждение этого вопроса заметно повлияло на объем русского экспорта через Кяхту: с 1911 по 1914 г. вывоз мануфактуры через город возрос с 83,3 до 379, 5 тыс. руб. [18. С. 186]. Интересно, что в экономической записке о значении будущей Кяхтинской ветки железной дороги основной акцент делался на ее роли как инструмента полного вытеснения с монгольского рынка тканей нероссийского производства российской мануфактурой [19. С. 68, 75]. Той самой, которая во время расцвета кяхтинской чайной торговли господствовала здесь безраздельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хохлов А.Н. Кяхта и Кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1989. С. 15–50.
2. Корсаков А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань : Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 445 с.
3. Обзор Забайкальской области за 1884 г. Чита : Тип. Заб. обл. правления, 1885. 64 с. [51 с. табл.].
4. Забайкальские областные ведомости.
5. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1(о).
6. Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 146 с.
7. Восточное обозрение.
8. Сибирский Вестник. 1885. № 2.
9. Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 248 с.
10. Синиченко В.В. К вопросу о выборе стратегии развития внешнеэкономических связей Восточно-Сибирского региона в 60-х гг. XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2000. С. 67–71.
11. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. : Издание военно-ученого комитета главного Штаба, 1891. Вып. XLVIII. 277 с.
12. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. Томск : Издание Ф.П. Романова, 1896, 1899.
13. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) // Власть. 2016. № 7. С. 193–198.
14. Огородников [Б.и.]. Несколько слов о Кяхтинской торговле. Приложение к Историко-статистическому обозрению торговых сношений России с Китаем. Казань : Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1857. 35 с.
15. Пронин В.И. Сибирь в составе Всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.). Новосибирск : НГТУ, 1999. 89 с.
16. Вольский З. Вся Сибирь. Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб. : Изд. и склад издания при первом Петербургском адресном деле, 1908. 582 с.
17. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения Сибири. Т. II: Материалы / под ред. В. Попова. Иркутск : Издание канцелярии Иркутского Генерал-губернатора, 1908. 479 с.
18. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 308 с.
19. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении / под ред. П.П. Червинского. СПб. : Тип. Т-ва С. Суворина «Новое время», 1913. 212 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 октября 2018 г.

Russian-Chinese Trade Through Kyakhta in the 1840s–1900s: A Sad Detective Story

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 122–125.

DOI: 10.17223/15617793/442/15

Lilia V. Kalmina, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kalminal@gmail.com

Leonid V. Kuras, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Keywords: Kyakhta; merchants; tea trade; import duty; import item; manufacture.

The aim of the article is the research of the Russian-Chinese trade dynamics through Kyakhta and the definition of reasons influencing its volume and intensity. The sources of the study are official statistic reviews about Asian frontier trade and publications in the periodicals expressing all the variety of opinions about its perspectives. The vicinity of China, the necessity of marketing Russian goods, the Russian Government's protectionism, which allowed unlimited import of gold and silver in exchange for Chinese tea and duty free trade through Kyakhta, gave the trade longevity and prosperity. Nevertheless, development of alternative, more economically profitable means of deliverance of Chinese tea to Russia led Kyakhta trade to decline though ancient tea transit was not completely stopped and Chinese tea import through the town continued in the 20th century. In the process of the research, the authors came to the following conclusions. The development of transport infrastructure in the Far East, starting the sea route of tea deliverance to Europe and construction of the Chinese Eastern Railroad (KVZhD) gave the opportunity to cheapen Chinese import to Russia but damaged Kyakhta trade. Protectionism on the side of the Russian Government did not allow it to fail. Among the reasons of Kyakhta protectionism is the bygone fame of a large trading centre having no analogues in Eastern Siberia and the desire to strengthen frontier Russian-Chinese trade relations which faced the danger of failure due to the ceasing of Kyakhta trade. The main aim to preserve Kyakhta tea transit was geopolitical. Russia considered China to be the area of its future influence which was impossible to introduce without elimination of European powers as economic rivals on the Chinese territory. In order to realize these plans it was supposed to use all the means of marketing Russian goods in China, among them Kyakhta tea transit as time proved. In its turn, China regarded Kyakhta transit the fastest and the most reliable way of opening up the huge Russian market, so the country was greatly interested in frontier trade preservation. The Russian Government's geopolitical aspiration included the Kyakhta branch railroad construction that would connect China with the Trans-Siberian Railway. The Kyakhta railroad was to be the tool to remove goods of non-Russian origin from the Chinese market. In this connection, Siberian merchants hoped for Kyakhta trade rebirth and ancient trading centre renaissance.

REFERENCES

1. Khokhlov, A.N. (1989) Kyakhta i Kyakhtinskaya torgovlya (20-e gg. XVIII v. – seredina XIX v.) [Kyakhta and Kyakhta trade (1720s–1850s)]. In: Kim, N.V. (ed.) *Buryatiya XVII – nachala XX v. Ekonomika i sotsial'no-kul'turnye protsessy* [Buryatia of the 17th – early 20th centuries. Economy and socio-cultural processes]. Novosibirsk: Nauka.
2. Korsak, A. (1857) *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovykh snosheniy Rossii s Kitaem* [Historical and statistical review of trade relations between Russia and China]. Kazan: Izdanie knigoprodavtsa Ivana Dubrovina.
3. Transbaikalian Region Administration. (1885) *Obzor Zabayskoy oblasti za 1884 g.* [Overview of the Transbaikalian Region for 1884]. Chita: Tip. Zab. Obl. pravleniya.
4. *Zabaykalskie oblastnye vedomosti*.
5. State Archive of Zabaysk Krai. Fund 1(o). (In Russian).
6. Vorob'ev, V.V. (1959) *Goroda yuzhnoy chasti Vostochnoy Sibiri (istoriko-geograficheskie ocherki)* [Cities of the southern part of Eastern Siberia (historical and geographical essays)]. Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo.
7. *Vostochnoe obozrenie*.
8. *Sibirskiy Vestnik*. (1885) 2.
9. Evdokimova, S.V. (2007) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye gorodov Zabaysk'ya v XVII–XIX vv.* [Socio-economic development of cities in Transbaikalia in the 17th–19th centuries]. Ulan-Ude: Buryat State University.
10. Sinichenko, V.V. (2000) K voprosu o vybere strategii razvitiya vneshneekonomicheskikh svyazey Vostochno-Sibirskogo regiona v 60-kh gg. XIX v. [On choosing a strategy for the development of foreign economic relations of the East-Siberian region in the 1860s]. In: Tsykunov, G.A. et al. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Izd-vo IGEA.
11. Military Scientific Committee of the General Staff. (1891) *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographic, topographical and statistical materials on Asia]. Is. XLVIII. St. Petersburg: Izdanie voenno-uchennogo komiteta glavnogo Shtaba.
12. Romanov, F.P. (1896) *Sibirskiy torgovo-promyshlennyy i spravochnyy kalendar'* [Siberian commercial and industrial calendar]. Tomsk: Izdanie F.P. Romanova.
13. Kal'mina, L.V. & Plekhanova, A.M. (2016) Towns of Transbaikalia in the transboundary trading space (1880–1920s). *Vlast' – The Authority*. 7. pp. 193–198. (In Russian).
14. Ogorodnikov. (1857) *Neskol'ko slov o Kyakhtinskoy torgovle. Prilozhenie k Istoriko-statisticheskomu obozreniyu torgovykh snosheniy Rossii s Kitaem* [A few words about Kyakhta trade. An appendix to the Historical and Statistical Review of Russia's Trade Relations with China]. Kazan: Izdanie knigoprodavtsa Ivana Dubrovina.
15. Pronin, V.I. (1999) *Sibir' v sostave Vserossiyskogo i mirovogo rynkov v nachale XX v. (1897–1917 gg.)* [Siberia as part of the All-Russian and world markets in the early twentieth century (1897–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
16. Vol'skiy, Z. (1908) *Vsya Sibir'. Spravochnaya kniga po vsem otraslyam kul'turnoy i torgovo-promyshlennoy zhizni Sibiri* [All Siberia. Reference book on all branches of cultural, commercial and industrial life of Siberia]. St. Petersburg: Izd. i sklad izdaniya pri pervom Peterburgskom adresnom dele.
17. Popov, V. (ed.) (1908) *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutsk o putyakh soobshcheniya Sibiri* [Proceedings of the 1906 meeting on the communication routes of Siberia held in Irkutsk]. Vol. 2. Irkutsk: Izdanie kantselyarii Irkutskogo General-gubernatora.
18. Startsev, A.V. (2003) *Russkaya torgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian trade in Mongolia (the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University.
19. Chervinskiy, P.P. (1913) *Rayon Kyakhtinskoy zheleznoy dorogi v ekonomicheskoy otnoshenii* [The Kyakhta railway area in terms of economy]. St. Petersburg: Tip. T-va pp. Suvorina "Novoe vremya".

Received: 25 October 2018

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ПРОТОЗАНОВЫ: ИЗ ОПЫТА СРАВНИТЕЛЬНОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

На основании впервые вводимых в научный оборот источников проведено сопоставление судеб трех исторических персонажей конца XIX–XX вв., объединенных одной сходной фамилией. Цель статьи заключалась в выявлении общих черт биографии, объясняющих у двух героев исследования отсутствие на протяжении жизни каждого, склонности к воспоминаниям, как и наличие особых моделей поведения. Автор определил прямое родство двух персонажей исследования, относительно родства двух с третьим имеются лишь косвенные доказательства.

Ключевые слова: Киев; купец; биография; эмиграция; генерал; партийный деятель; режиссер.

Проблема биографий исторических персонажей XX в. требует особого внимания. Сам XX в. в истории России представляет сложное явление, связанное с изломами в истории страны и в человеческих судьбах. Причины изменения судеб зачастую коренились в событиях, предшествовавших или реализовавшихся в 1917–1920 гг. Последствия их не замыкались в узком временном промежутке, а протягивались нитями на длительный исторический период. Переломная революционная эпоха заставила даже тех, кто не имел непосредственного отношения к процессам, тогда происходившим, осваиваться в новых реалиях. Для утверждения в жизни, продвижения по карьерной лестнице создавались рабоче-крестьянские по своим корням, нередко, при их отсутствии, автобиографии. Они отражали «одобряемые нормы и ценности», а то, что «противоречило им, упускалось» [1. С. 206]. Биография должна была нести информацию «о социально одобряемых образцах и из ближайшего окружения» [Там же. С. 203]. В создаваемой политической системе индивидуальная жизнь человека должна была соответствовать жизни общества [2. С. 401]. При этом модельные, базисные отношения, освоенные с детства, сделавшие индивида «человеком, личностью» [Там же. С. 409–410] наталкивались на схему «человек – государство» [Там же. С. 405]. Человек в такой «социальности» не мог не переживать «трагический разлад» и вынужден был жить «двоемыслием»: для себя и близких и для других и посторонних [Там же. С. 409–410].

Историография проблемы, взятой для изучения, опирается собственно на работы по проблемам биографии, биографических исследований. Среди этих работ – труды А. Алексеева с подробным анализом биографического метода и вводимого в него исследователем концепта «случай», интерпретация значимости в биографических исследованиях «протоколов жизни – писем», дневников, личных документов, автобиографических повествований [3. С. 352, 354, 359, 360, 365, 379]. Очень ценными оказались разработки в формировании основ биографии А.И. Рейтблата [1], О. Божкова [4], В. Голофаства [2]. Второй блок исторических исследований, очень значительный по объему и широко использованный и представленный в статье, составили публикации, касающиеся как биографий изучаемых персонажей, так и исторического контекста, в котором персонажи действовали.

Источниковую базу исследования составили многочисленные архивные документы, лично выявленные автором в региональных архивах, давшие информацию, как о биографиях исследуемых персонажей, так и об исторических событиях, в которых они действовали. Важное значение имели также сведения, извлеченные из центральных архивов России и Украины, в том числе и через исследовательские запросы, переписку с сотрудниками архивов Украины. Автор широко использовал метод интервьюирования. Были найдены родственники одного из героев исследования, общение с которыми позволило получить информацию, уже отраженную в ряде публикаций и анализируемую в данной статье.

Основным методом исследования является биографический метод, рассматривающий биографию как процесс длиною в жизнь, состоящий из «событий» [3. С. 381]. События жизни совершаются в определенном историческом, социальном контексте. Исходим из того, что «биография – жизнь отдельного человека» [1. С. 204], которая приобретает историческую ценность, когда некий «данный человек признается значимым для общества» [Там же. С. 212]. Опираемся на выдвинутый А. Алексеевым в биографическом методе «случай», как «некоторую развивающуюся конкретную ситуацию, становящуюся предметом особого исследовательского внимания» [3. С. 382]. По мнению А. Алексеева, именно «случай» соединяет «черты общего, универсального» [Там же. С. 381], и именно в нем происходит «пересечение биографии и истории» [Там же. С. 383]. Представляется достаточно значимым в используемом методе вводимый В. Голофаством концепт «человек-государство». Суть концепта заключается во влиянии «большой социальности» на индивида, которая может обуславливать внутренний «разлад», «двоемыслие» [2. С. 405–406]. В статье используется и генеалогический метод исследования, обращенный к семейно-родственной группе, состоянию ее социальной памяти [4. С. 389]. Все исследование осуществлено на основе историко-сравнительного метода.

Основная цель статьи заключается в обосновании гипотезы о родстве взятых для исследования исторических персонажей, являвшихся носителями одинаковой фамилии, наделенных очень сходными личностными чертами, дистанцировавшихся на протяжении жизни от своих родовых корней и имевших явно выраженную несклонность к воспоминаниям.

Исходным моментом для данной статьи явилась работа над книгой о видном представителе тюменской региональной элиты Александре Константиновиче Протозанове, потребовавшая изучения разных периодов его жизни. Было обращено внимание на отсутствие склонности к воспоминаниям, в первую очередь, о начальном этапе жизни. Только в интервью 1997 г., в возрасте 83 лет, А.К. Протозанов журналисту газеты «Рудный Алтай» А. Кротенко сказал, что «жили в Киеве», «отец умер рано, в 1920 г.», «в семье было шесть детей», «никого не осталось! Я один!» [5]. Чрезмерный лаконизм фразы и год смерти отца – 1920 г., как и утверждение, что «своей подноготной не занимался, наплевать было тогда – что, где, как» [2], поставили вопрос о причинах отсутствия памяти о «подноготной» у героя исследования.

Местом своего рождения А.К. Протозанов всегда указывал г. Киев, где он родился в 1914 г. В 1920 г., когда, как он сказал, ушел из жизни отец, ему было всего шесть лет. Вспомнился Петька Щеглов из булгаковской «Белой гвардии». Петька был «маленький, поэтому не интересовался ни большевиками, ни Петлюрой...», в его сне «взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаются оторвать ноги от трясины...» [6. С. 297–298]. Александр Протозанов, как и Петька Щеглов, в те сложные времена был маленьким, младшим из шести детей.

Чтобы что-то понять из изначальной биографии А.К. Протозанова, не было под рукой ничего, не оставалось другого варианта, как начать вновь читать булгаковскую «Белую гвардию». Киев представал в образе «Города», из которого были М. Булгаков и А. Протозанов. События в Киеве менялись достаточно быстро: «В марте 1917... в самых первых числах... офицеры в Городе при известиях из Петербурга становились кирпичными», затем «родились какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары... Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов... Но однажды пришли в Город серыми шеренгами немцы...» [Там же. С. 71–72], потом началась эпоха гетмана. Киев стал прибежищем разных сил: «Город разбухал, ширился, лез, как опара из горшка» [Там же. С. 94]. Жители булгаковского Города «мечтали о Франции, о Париже, тосковали при мысли, что попасть туда трудно, почти невозможно... Большевиков ненавидели...» [Там же. С. 95–96]. «Никто и ничего не понимал в Городе» [Там же. С. 155]. «Дни Турбиных» М. Булгакова, дополняя картину, отразили ситуацию сложного человеческого выбора: «уехать из страны?», «отправиться на Дон к Краснову?», «идти за Петлюрой?», «Остаться в Киеве?», «Перейти на сторону большевиков?» или же «Будь что будет» [7. С. 368–369, 371]. Украина в те годы делала свой выбор. Но имело ли это отношение к семье Протозановых?

В графе о социальном происхождении А.К. Протозанов указал «рабочие», уточнив, что отец «работал ремонтным рабочим службы пути на железной дороге» [8. С. 6]. Для начинаемой карьеры будущего партийного деятеля такая черта биографии была очень удобной, хотя на фотографии из семейного архива

Протозановых, на которой изображены родители, ничего не говорило об их статусе рабочих. Встреча с дочерью А.К. Протозанова новой информации на этот счет не дала. Через обращение в правительство республики Удмуртии удалось найти племянника А.К. Протозанова – Сергея Владимировича, который поделился информацией, полученной им от украинских родственников из г. Фастов. Он сообщил, что отца А.К. Протозанова звали Константин Михайлович, и род его деятельности был иным. Он окончил казенную низшую сельскохозяйственную школу в бывшем Белокриницком дворце А.Ф. Воронина, стал работать управляющим в имениях частных владельцев: под Херсоном, Полтавой, Киевом. Известно, что служил в должности эконома в имении великого князя Михаила Николаевича в пос. Бузулук, на Любимовской ферме, а также руководил помещичьим хозяйством В.Я. Кременского под Харьковом [9. С. 13]. Женой Константина Михайловича была Прасковья Григорьевна Сидоренко. Имена своих родителей А.К. Протозанов не называл никогда.

Обращения к адресным книгам некоторых городов Украины, как и Киева, информации о Протозановых не дали. При этом обозначился один своеобразный момент. У А.К. Протозанова во втором слого фамилии периодически менялись гласные: «а» или «о». Это прослеживалось в разного рода документах: в дипломе об окончании Высшей партийной школы в 1944 г. он «Протазанов»; в статье «Воспитанник Ленинского комсомола» 1939 г. фамилия была написана через букву «о» [10]; как и в «Довидке про нарощение». В архивной справке из Государственного архива Российской Федерации о награждениях А.К. Протозанова фамилия дана через букву «о» во втором слого [11].

При этом было обращено внимание, что есть и еще один человек, фамилия которого писалась столь же своеобразно – режиссер Яков Александрович Протазанов. У него наиболее часто в фамилии во втором слого писалась буква «а», однако на надгробном памятнике на Новодевичьем кладбище фамилия во втором слого имеет букву «о». Биограф Я.А. Протазанова М.С. Арлазоров в процессе работы над биографией Я.А. Протазанова также удивлялся «белым пятнам биографии», подчеркивая, что «их оказалось так много» [12. С. 5]. Он отмечал, что Яков Протазанов отличался сдержанностью, даже замкнутостью, отсутствием воспоминаний, был «наглухо застегнутый на все пуговицы» [Там же]. А.К. Протозанов также не любил воспоминаний, но при этом был общителен, любил «крепкие» слова, и в интервью А. Кротенко говорил, что учился этому специально [13]. Учился «крепким словам», употреблял их часто, и очень демонстративно любил картошку. М.И. Лагутина в воспоминаниях поделилась: «Александр Константинович обедать в столовую не ходил. Приедет из командировки с севера, просит, чтобы из столовой принесли молоко и картошку. Специально для него всегда было готово это нехитрое блюдо» [14. С. 185].

Отметив сходство в написании фамилий двух разных Протозановых и общую черту не любви к воспоминаниям, обратилась к биографии знаменитого режиссера Якова Протозанова, и оказалось, что корни

его также уходили в Киев, откуда его отец – Александр Саввич (1843 г.) приехал в Москву, где и женился в возрасте 30 лет. Имел при этом статус Почетного потомственного гражданина. Отец Александра – Савва Яковлевич – умер рано. Согласно родословным поискам потомка Я.А. Протозанова, Д.С. Аглицкого, в начале XIX в. на Украину прибыл Яков Иванович Протозанов [15]. Точка исхода Якова Протозанова г. Бронницы, в 52 км к юго-западу от Москвы. Городок отличался развитием промыслов и торговли. В начале века в нем среди хозяев, которые содержали постоянные дворы, значатся М.В. Протозанов и владелец торговой лавки И.И. Протозанов [16]. В 1837–1838 гг. упомянут бургомистр города И. Протозанов.

Первый сын выходца из города Бронницы Якова Протозанова родился в 1817 г. Сам Яков Иванович стал «известным купцом г. Киева» [15]. Кроме того, купец приобрел, примерно в 1868 г., у помещика С. Абрамовича с. Чубинцы в Сквирском уезде Киевской губернии [17. Оп. 5. Д. 570. Л. 172 об.]. В имении были мельницы, что отразил контракт на их содержание, заключенный с купцом С.М. Левом [Там же. Д. 571. Л. 170]. Скончался Яков Иванович где-то в 1870–1871 гг., оставив после себя наследство. Как следует из дела «О признании прав наследства **на усадьбы в г. Киеве** и с. Чубинцы Сквирского уезда, оставшегося после смерти купца Я.И. Протозанова **за его детьми** и женой» (1871–1872 гг.), наследство было распределено между детьми и вдовой [Там же. Оп. 1. Т. 7. Д. 15428. Л. 65]. Таким образом, Яков Иванович был не просто купец, он – землевладелец. Его **село Чубинцы** – на реке Раставице в **12 верстах от г. Сквир**. Но имел он и усадьбы в Киеве.

Интересен ответ из ЦГИАК Украины от 20 апреля 2016 г. по запросу о содержании дела «О признании прав наследства», в котором написано буквально следующее: «Сообщаем, что ф. 486., оп. 1, спр. 15 429 (справа – дело. – Г.К.) является делом “Об имуществе, которое осталось после смерти дворянина Фомы Блонского”, а далее фраза очень странная: «однако при пересмотре описания фонда обнаружено спр. 15428, который является делом “Об имуществе, которое осталось после смерти купца Якова Протозанова (1868–1872 гг.)”. Каким образом эти два дела взаимосвязаны? Про дело Фомы Блонского вопрос не стоял! Как-будто первое дело прикрывало существование второго, и второе было обнаружено при дополнительном просмотре фонда. И далее – очень утвердительно: «...обращаем внимание, что непосредственным потомком купца Я.И. Протозанова, о котором идет речь по упомянутому делу о наследстве, есть известный режиссер немого кино Яков Александрович Протозанов». Но Яков Протозанов – режиссер немого кино еще не родился на момент смерти купца Якова Ивановича, его дата рождения 1881 г., и в деле 1871–1872 гг. он никаким образом не мог быть упомянут. В названии зафиксировано: «дети и жена». Из чего следует, что должны быть названы жена и дети Якова Ивановича, имена которых не раскрыты в ответе. Согласно еще одному ответу из Киевского государственного исторического архива (переписка с сотрудником архива Орлом Ю.К.), в деле якобы упоми-

нается только сын Якова Протозанова Савва Яковлевич, у которого были дети Александр и Елизавета.

Даже из названия дела следует, что от Якова Ивановича остались как минимум усадьба (усадьбы?) в Киеве и село Чубунцы в Сквирском уезде. Смерть Якова Ивановича последовала в 1870 (1871 г.) г. Но почему нет ни слова о том, что была еще как минимум сестра Саввы и дочь Якова Ивановича, в последующем известная как «тетка». Александр Саввич, внук Якова Ивановича, сын старшего сына Саввы, как пишет Станислав Цалик, «в 1874 г. дом в Киеве продал купцу Якову Бернеру. Дом располагался на ул. Крещатик, 7. Дом был двухэтажный, каменный, недавно возведенный. Владелец запросил за него невысокую цену... прогуляв отцовское наследство и оказавшись в долгах, он должен был срочно расплатиться с кредиторами» [18]. Александр отправился в Москву, где вскоре женился на коренной москвичке. По данным М.С. Арлазорова, «на момент заключения брака **Александр Савельевич** был студент», затем он «поступил на работу, не завершив образования» [12. С. 8], стал работать в фирме Шибаевых. Женой Александра Саввича Протозанова стала Елизавета Михайловна Винокурова. Он – Потомственный Почетный гражданин. *Много читал*. Жили не бедно [Там же. С. 8–9].

Будущий великий режиссер Яков родился в Москве, был четвертым ребенком Александра Саввича. Учился в Коммерческом училище, окончил его в 1900 г. [Там же. С. 15]. В аттестате фамилия во втором слогe написана через «а». В это самое время последовало ухудшение материального положения семьи: в связи с болезнью отца и прекращением им работы [Там же. С. 18], а в 1902 г. – разорение семьи. М.С. Арлазоров объяснял это обстоятельство делами брата Елизаветы Сергея Михайловича. И здесь появляется очень ценная информация: дочь Александра Саввича, сестра Якова, Лидия Александровна была замужем за московским купцом Михаилом Петровичем **Аристовым**. Аристовы и предложили Протозановым квартиру в своем доме [Там же] на углу Первой Тверской-Ямской и Большой Грузинской улиц. Аристовы не бедствовали, и дом не являлся единственным. В это же самое время, в 1900 г., «в Киеве скончалась тетка Александра Саввича», по всему, сестра Саввы Яковлевича, от нее Протозановы получили наследство [12. С. 20], которое спасло положение московских Протозановых, Яков в 1904 г. получил свою долю в 5 000 руб., после чего провел за границей 1904–1906 гг., занимался самообразованием во Франции и Италии. Тетку, от которой пришло наследство, звали Ефросинья Яковлевна Протозанова, а значит, она являлась дочерью купца Якова Ивановича, а Александр Саввич ей приходился внучатым племянником. Из чего следует, что у Саввы Яковлевича была сестра Ефросинья, и таким образом детей у купца Якова Ивановича все-таки было больше, чем один сын, как утверждалось в ответе из Киевского архива.

Теперь вернемся к Александру Константиновичу Протозанову. Сергей Владимирович Протозанов, племянник Александра Константиновича, сын его брата Владимира, сообщил (2011 г.), что до него от

отца – Владимира Константиновича (внука Константина Михайловича) – дошла семейная информация «о знатных корнях семьи Протозановых», в частности, о завещании «киевской тетки, по которому основное имущество рода было отписано монастырям и только незначительная часть имущества – собственно Протозановым» [9. С. 13], что и было мной опубликовано в книге, вышедшей в 2013 г., опровержения не последовали, а значит, информация такого рода имела место быть.

Таким образом, получаем совершенно разных Протозановых, но при этом корнями уходящими в Киев, связанными с этим городом и получением наследства, которое в том и другом случае соотносилось с «теткой», которая дожила до 1900 г. Возвращаясь к купцу Я.И. Протозанову, предполагаем, что Ефросинья, по завещанию отца, скорее всего, унаследовала одну из киевских «усадб» отца, и эта усадьба в Киеве после ее смерти тоже кому-то должна была достаться. Знаем, что еще один дом в Киеве на Крепчатике в начале 1870-х гг. продал и уехал в Москву Александр Саввич. А кто-то из Протозановых унаследовал после смерти Якова Ивановича земельное владение в селе Чубинцы в Сквирском уезде Киевской губернии.

Вернемся к А.К. Протозанову, местом рождения которого, по всем документам, был г. Киев, но в начале 1920-х гг. место пребывания семьи – городок Фастов, в 60 км от Киева, где в 1925 г. Александр поступил в Фастовскую железнодорожную школу-семилетку, сразу во второй класс.

Я.А. Протозанов обозначился после революционных лет в России в 1923 г. Он в этот год вернулся из-за границы, был во Франции и Германии, уже в дореволюционный период, имея ряд ярких кинематографических работ [19. С. 15]. Что он делал за границей? Был в эмиграции. М.С. Арлазоров писал, что Яков Протозанов 10 февраля 1920 г. эмигрировал из Ялты в Стамбул, затем – в Бизерту (Тунис), а потом перебрался в Марсель – Париж – Германию [12. С. 80, 90].

Для режиссера Якова Протозанова 1923 г. – возвращение в Россию, для биографии Александра Константиновича Протозанова отправной точкой стал 1925 г., когда он в городе Фастов пошел во второй класс. Учился ли он в предшествующий период неизвестно, об этом он не обмолвился ни разу, как и о том, почему в 11 лет он пошел во второй класс. Школу окончил в 1930 г., жизнь строил очень разумно: вступил в пионеры, затем в комсомол; организовал в школе комсомольскую ячейку; после окончания школы работал инструктором по пионерской работе, за хорошую работу был удостоен «бюста Ленина». В 1931 г. он уже член бюро комсомольского железнодорожного коллектива. От комсомола направлен на учебу в пединститут в г. Бердичев, но в августе 1932 г. учебу оставил, пошел работать грузчиком на материальный склад станции Фастов, затем назначен заведующим столовой, одновременно активно занимался комсомольской работой. В ноябре 1933 г. Александр уже в Киеве на курсах при индустриальном рабфаке по подготовке в вуз. Учился на них до лета 1934 г.

Летом 1934 г. Александр Протозанов отправился в Москву. При нем были «Довидка про нарождение» от 26 сентября 1934 г. и сходным почерком написанный еще один документ – справка о проживании в г. Москве на ул. Короленко 17, кв. 7. Он поступил в Институт цветных металлов и золота на горный факультет. Учился очень хорошо, правильно строил карьеру. В 1938 г. в № 4 о нем писал журнал «Sovietland» [20. С. 5–9]. 10 декабря 1939 г. вузовская газета «Горняк на учебе» призывала избирателей 36-го округа г. Москвы проголосовать в день выборов в Московский городской совет депутатов трудящихся за кандидата, «воспитанника Ленинского комсомола» А.К. Протозанова [6], еще одна статья в газете называла его «прекрасным образцом советского человека» [21]. Диплом «горного инженера» по специальности «Разработка рудных и россыпных месторождений» получил в июне 1941 г. Далее последовала карьера партийного деятеля эпох И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко; работа на Алтае, в Белоруссии, аппарате ЦК партии, затем в Удмуртии, Тюменской и Северо-Казахстанской областях. Рождение крупнейшего нефтегазодобывающего района в стране – Западно-Сибирского – напрямую связано с очень талантливой деятельностью А.К. Протозанова.

Но все-таки оставался вопрос о том, почему память о своих корнях была такой блокированной для А.К. Протозанова. Дочь А.К. Протозанова Людмила в разговоре с автором упоминала, что слышала от отца об одном из братьев Константина Михайловича, получившем военно-медицинское образование, служившем, и «имя его было увековечено в храме». Но в семье якобы имени его не знали. Проведенный поиск привел к Тарасу Михайловичу Протозанову.

Архивная справка из Российского государственного военно-исторического архива содержала послужной список офицера Российской императорской армии Т.М. Протозанова [22] на период до 23 мая 1917 г., и его воинское звание на тот момент – «генерал-майор». Происходил Тарас Михайлович из мещан, хотя мещанин мог быть просто жителем города, как и достаточно состоятельным человеком. Родился Тарас Протозанов 25 февраля 1872 г. Имел православное вероисповедание. Место рождения почему-то точно не указано нигде и никем – «просто из Киевской губернии». На специальный запрос о месте рождения Тараса Михайловича Протозанова последовал ответ, что данных на этот счет нет. Странно! Офицер императорской армии с незафиксированным местом рождения.

Но известно, что Тарас Михайлович «воспитывался» в училище г. Сквир [22]. Нельзя не обратить внимание на то, что с. Чебунцы, бывшее село Я.И. Протозанова, относилось именно к Сквирскому уезду, находилось в 12 км от г. Сквир. Хотя кто-то скажет – совпадение! В 13 лет Тарас поступил на обучение в Киевскую военно-фельдшерскую школу казенным воспитанником. По окончании школы был прикомандирован к Киевскому военному госпиталю для практических занятий в качестве младшего фельдшера. Было ему на тот момент 17 лет. 1889 г. стал

началом его службы. 28 июля 1889 г. последовало направление на службу в 36-й драгунский Ахтырский полк, где он служил два года. Затем был переведен в 12-ю кавалерийскую дивизию для письменных занятий у дивизионного врача, где прослужил пять месяцев, в октябре 1890 г. – перевод в Главное военно-медицинское управление для письменных занятий, в следующем месяце – в 11-ю артиллерийскую бригаду.

Все перемещения Тараса Протозанова отражают то, что за его военной карьерой кто-то следил и старался постоянно содействовать продвижению по службе. 4 ноября 1892 г. в возрасте 20 лет он производится в старшие медицинские фельдшеры и направляется в Киевское окружное военно-медицинское управление. Однако в 1893 г. поступает в Чугуевское пехотное юнкерское училище, где учится по 1896 г. За эти годы – с 22 июня 1895 г. – «строевой рядовой», с 5 августа 1895 г. – «младший унтер-офицер», в июле 1896 г. – «переименован в подпрапорщики с переводом в 20-й пехотный Галицкий полк», в феврале 1897 г. произведен в подпоручики. Служил «делопроизводителем полкового суда», полковым «жалонерным офицером», «*полковым адъютантом*». 15 мая 1901 г. был произведен в поручики [22]. В 1901 г. он предпринимает первую попытку поступить в **Николаевскую академию Генерального штаба**. В августе 1903 г. третий раз держал экзамен «на поступление в академию». 14 октября 1903 г. Тарас Михайлович Протозанов был «зачислен слушателем в Николаевскую академию Генерального штаба». Академия находилась в Санкт-Петербурге, осуществляла подготовку высшего офицерского состава русской императорской армии. В нее после трех упорных попыток и поступил Тарас Протозанов, был ему 31 год.

Однако вскоре его обучение прервано, почему – в архивной справке об этом нет информации. 25 июня 1904 г. он переведен в 122-й пехотный Тамбовский полк, зачислен в списки полка 9 августа, в этот же день назначен «командующим 7-й ротой», 10 октября 1904 г. произведен в штабс-капитаны. И только 13 сентября 1905 г. вновь командирован в Николаевскую академию Генерального штаба для прохождения курса наук. По какой необходимости было прервано обучение в академии молодого офицера, можно только догадываться. 27 января 1904 г. началась Русско-японская война, которая закончилась 23 августа 1905 г. подписанием мирного договора. И отвлечение от учебы как раз вписывается во временные рамки Русско-японской войны. Подтверждением того, что занимался Тарас Михайлович Протозанов делами, важными для государства, стали его награды, полученные в это время: 5 ноября 1904 г. – орден св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 12 января 1905 г. – орден св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 21 апреля 1905 г. – орден св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, 24 апреля 1905 г. – орден св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом он был награжден 13 декабря 1905 г.

В 1906 г. Тарас Михайлович женился на дочери купца Фаворова, Марии Александровне, уроженке

Харьковской губернии. Продолжил учебу в Академии, которую окончил в мае 1908 г., и был откомандирован в штаб Киевского военного округа. После этого – постоянные перемещения: штаб Киевского военного округа (9 июня 1908 г.), штаб 10-го армейского корпуса для лагерного сбора (14 июня 1908 г.), штаб 9-й пехотной дивизии (14 июня 1908 г.), штаб округа (1 сентября 1908 г.), и затем перевод – в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 38-й пехотной дивизии (26 ноября 1908 г.), и почти четыре года службы в этой должности. 25 февраля 1912 г. был награжден орденом св. Анны 2-й степени [22]. Была ли награда приурочена только к 40-летию со дня рождения, неизвестно.

С 1912 по 1915 г. его биография второй раз в жизни, но не последний, оказалась связана с Чугуевским военным училищем, к которому он был прикомандирован 14 октября 1912 г. «для преподавания наук», 6 декабря 1913 г. произведен в подполковники, 15 июня 1915 г. – в полковники. В Российской государственной библиотеке имеется карточка книги Т.М. Протозанова [23], из описания книги следует, что начальником училища являлся генерал-майор Еремей Яковлевич Враский, он редактор книги, а написал книгу преподаватель тактики и истории русской армии Т.М. Протозанов.

Семь лет биографии после окончания академии достаточно спокойны: старший адъютант штаба, преподаватель. Уже шла война, в которой Россия оказалась с августа 1914 г., «Большая война», получившая название «Первая мировая». Прошел 1914 г. и катастрофический период первой половины 1915 г. Как будто кто-то оберегал Тараса Михайловича, идет война, а он – преподаватель Чугуевского училища. Этот кто-то должен был быть достаточно влиятельным человеком, чтобы в условиях войны оставлять дорогого для него человека длительное время вне войны. Но с осени 1915 г. все изменилось. Во главе армии, как известно, встал новый Верховный главнокомандующий. 5 октября 1915 г. Т.М. Протозанов был командирован в распоряжение начальника штаба армий Юго-Западного фронта для назначения на «должность военного времени», 11 октября 1915 г. назначен начальником штаба 101-й пехотной дивизии. 13 октября 1915 г. вступил в должность [22].

Так начался очень сложный период в жизни и карьере Т.М. Протозанова. Уже 2 ноября 1915 г. он – «исполняющий обязанности начальника штаба 101-й пехотной дивизии». Воевал на Юго-Западном фронте, 14 июля 1916 г. около г. Броды был тяжело ранен «ружейной пулей в грудь», был отправлен в полевой госпиталь, вернулся в строй 14 октября 1916 г. «За совершенные им подвиги в боях 7 июля 1916 г. при форсировании р. Стири и в бою у г. Броды 14 июля 1916 г.» был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени. Кроме того, 2 октября 1916 г. он был награжден орденом св. Владимира 3-й степени с мечами [Там же]. Служил начальником штаба той же 101-й дивизии, в этой же должности встретил революцию, падение монархии.

С приходом к власти Временного правительства ситуация меняется: Т.М. Протозанов 6 марта 1917 г.

сдал должность начальника штаба 101-й пехотной дивизии, так как 16 февраля 1917 г. был назначен командиром 11-го пехотного Псковского полка. Надо полагать, что полку предстояло противостоять наступлению немцев на Западном фронте. 7 апреля 1917 г. был произведен в генерал-майоры, а в условиях организации Временным правительством второго крупного наступления был назначен командующим 156-й дивизией (8 июня 1917 г.) [22]. Однако 25 августа 1917 г. 156-я пехотная дивизия была расформирована. Т.М. Протозанов был назначен командовать 3-й гвардейской пехотной дивизией [24. С. 271]. С установлением на Украине власти гетмана П.П. Скоропадского вошел в его подразделения. Режим Скоропадского был связан с Германией, проявлявшей недовольство действиями Центральной Рады [25. С. 680]. П.П. Скоропадский – генерал-лейтенант, георгиевский кавалер, происходил из дворян, имел блестящий послужной список, с декабря 1917 г. командовал 29-м армейским корпусом в войсках Украинской Народной Республики (УНР), а 29 апреля 1918 г. – совершил переворот, упразднил УНР, провозгласил Украинскую державу [26. С. 634].

Крупный исследователь Гражданской войны, эмиграции, судеб русского офицерства С.В. Волков пишет о Т.М. Протозанове: «...1918 г. – в Гетмановской армии, с 24 сентября 1918 г. – начальник Чугуевского училища в Гетмановской армии, помощник начальника Учебного управления, член Военно-учебного комитета при Главном управлении Генерального штаба, с 12 ноября 1918 г. – начальник Главного военно-учебного управления» [24. С. 271]. По данным С.В. Волкова, Т.М. Протозанов в 1919 г. – в Украинской армии [Там же. С. 271]. Что значит в Украинской армии? В 1919 г. после падения режима гетмана, «который бежал вместе с немцами», «19 декабря 1918 г. к власти пришел Петлюра» [26. С. 681]. Один из булгаковских героев говорил: «Гетман... позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал как последняя каналья и трус» [6. С. 148]. С.В. Петлюра – не внешняя сила для Украины: в феврале 1917 г. – председатель Украинского Совета войск Юго-Западного фронта, в мае 1917 г. – возглавлял военный комитет при Центральной раде, в 1918 г. совершил восстание против гетмана и возглавил армию Украинской Народной Республики, стал командовать войсками УНР, но с 11 февраля 1919 г. – появляется название «Директория» [27. С. 534]. Как писал М. Булгаков: «...в Городе густо-погонно! В городе ярость при слове “Петлюра”, но и тут-же: “Слава! Слава Петлюра! Слава нашему Батько!”» [6. С. 255, 259]. В.А. Слюсаренко отмечает, что «с 13 февраля 1919 г. Петлюра – Председатель Директории УНР» [28. С. 556].

В армии Украинской Народной Республики и стал служить Т.М. Протозанов: с 1 января 1919 г. – начальник корпуса пограничной стражи, с 22 апреля 1919 г. – начальник штаба Северной группы армии УНР, вскоре был арестован прежним командующим группой В. Оскилком. После ликвидации выступления вновь вступил в должность 30 апреля 1919 г. Но Северная группа была разгромлена, и 16–17 мая 1919 г. Т.М. Протозанов состоял без должности.

Быстро менялись события в 1919 г.: власть Директории, изгнание большевиками Директории из Киева, власть Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, падение большевистского правительства, вступление Деникина. Т.М. Протозанов перешел на сторону Вооруженных сил юга России (ВСЮР). Когда это произошло, точно определить трудно. ВСЮР объединили в январе 1919 г. белые силы юга России с целью похода на Москву. Идея не была реализована. С октября 1919 г. положения ВСЮР ухудшилось, а зимой 1919–1920 гг. белыми были потеряны Харьков, Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону.

По данным С.В. Волкова, Т.М. Протозанов в 1920 г. остался в окружении [20. С. 271]. Где именно это произошло? 16 декабря 1919 г. Красной армией был занят Киев, возможно, что именно в Киеве и остался он в окружении. На завершающем этапе своей карьеры в России Т.М. Протозанов – преподаватель Кубанского Алексеевского военного училища, созданного по приказу Деникина для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Второй из курсов училища – Ставропольский – получил название Корниловского училища, переведен в Новочеркасск, с 22 июля 1920 г. Т.М. Протозанов являлся его начальником [24. С. 271].

В это же самое время ситуация для белого движения на юге все более усугублялась. В начале апреля в отставку ушел Деникин. К осени 1920 г. армия Врангеля оказалась зажата в Крыму, теряла позиции, отступала [29. С. 18]. Учащиеся училищ – юнкера принимали участие в последних операциях Белого движения: в Приморско-Ахтырском десанте, боях на Перекопе, Сивашской дамбе.

По всему, именно с юнкерами Т.М. Протозанов и эмигрировал. «Эвакуация русской армии генерала Врангеля», по данным С.В. Волкова, осуществлялась «из Крыма в Константинополь на 126 кораблях, численностью 145 693 чел.», из них 30 тыс. офицеров. С.В. Волков указывает, что «по данным Красной разведки, было вывезено 10 тыс. юнкеров», но считает цифру завышенной в 10 раз [30. С. 18]. Корниловская юнкерская школа эвакуировалась из Керчи, хотя военные училища эвакуировались из Феодосии в период с 12 по 15 ноября 1920 г. [31. С. 224]. В Феодосии и Керчи сложилась самая напряженная и трагичная ситуация [29. С. 213]: из Феодосии вывозились раненные, семьи офицеров, беженцы. Часть людей не получила доступ на корабли, часть была высажена с кораблей и поставлена перед необходимостью отправиться в Керчь, где погрузка была очень проблемной, многие остались. 4,5 тысячи военных и 5 тыс. беженцев на транспортах из Керчи «плыли стоя» [31. С. 28].

Далее о судьбе Т.М. Протозанова можно судить, отслеживая положение русской армии в эмиграции, как и юнкерских училищ. Разместились подразделения Врангеля на Галлиполийском полуострове. Военные училища, которые относились к I армейскому корпусу (6 военных училищ, 3 офицерские школы), также находились в Галлиполи, в том числе и Корниловское училище [Там же. С. 42]. Всего насчитывалось 800–900 юнкеров, обучающихся в военных училищах – 1 000–1 500 [Там же. С. 102]. Разместились в старых, полуразрушенных деревянных бараках и даже

просто палатках, которые должны были служить убежищем в зимнюю пору, жили в большей скученности без всяких средств к существованию [30. С. 10]. Немажимо найти в источниках и публикациях то, что среди эмигрировавших было 2 000 женщин и 459 детей [Там же].

По данным С.В. Волкова, военные училища в 1921 г. осуществили в эмиграции свои выпуски: Корниловское училище – 69 человек в июне 1921 г. в Галлиполи. Всего Корниловское училище сделало 5 выпусков офицеров с чином подпоручиков [Там же].

Из Турции силы армии Врангеля вскоре были перебазированы «в Болгарию и Югославию» [Там же]. Переезд завершился к концу декабря 1921 г. Согласно данным «Доклада контрразведки отдела ГПУ о состоянии русской армии и флота от 7 августа 1922 г.», Корниловское военное училище (320 человек) было переведено в Ямбол [28. С. 305], в Болгарию [26. С. 667]. В сводке от августа 1922 г. о расположении и состоянии русской армии на Балканах указано, что все «юнкера сведены в один полк, отправлены на работы в каменноугольную шахту «Пернес» [30. С. 667]. В 1924 г. последовал перевод в Сербию, ставшую сосредоточением наибольшего числа русских офицеров, здесь разрешалось носить форму, действовали кадетские корпуса [Там же. С. 19]. В Югославии возникло объединение бывших юнкеров Чугуевского военного училища, они занимались издательской деятельностью, издали два сборника воспоминаний [Там же. С. 181]. Таким образом, Т.М. Протозанов оказался в эмиграции, в силу обстоятельств перемещался из Турции в Болгарию, Югославию. Дата смерти неизвестна: умер «после 1937 г.».

Тарас Михайлович Протозанов – русский генерал, участник Белого движения, покинул страну в 1920 г. В Крыму после вступления сил Красной армии вернулся террор. Особенно среди тех, кто не смог эвакуироваться из Феодосии и Керчи, последовали массовые расстрелы [29. С. 234]. Именно в этот год «умирает» или «уходит из жизни» отец Александра Протозанова – Константин Михайлович.

Тарас Михайлович Протозанов – дядя Александра Константиновича Протозанова, брат его отца – Константина Михайловича. Предполагаем, что родство с генералом РИА, активным участником Белого движения и определило стремление забывчивостью отгородиться от родственников. Братья и сестра Александра Константиновича: Сергей, Владимир, Михаил, Олимпиада. Но он говорил, что в семье было шесть детей, он шестой. О шестом никакой информации нет. Сергей – инвалид детства, сестра Олимпиада умерла в 1942 г., в те же годы ушла из жизни мать Прасковья Григорьевна. Владимир всю жизнь проработал машинистом на железной дороге. Михаил, по данным семьи, дослужился до полковника НКВД, умер, по одной версии, в Москве – в 1960-е гг., по другой – в Минске в 1950-е гг. Странный разброс в пространстве и во времени, а вроде такой не рядовой родственник. Племянник А.К. Протозанова Сергей Владимирович приводит свои детские воспоминания о приезде к ним дяди – Михаила и отмечает, что на всю жизнь запомнил, как лихо дядя рубил дрова шашкой для домаш-

него титана. Он научился обращаться с шашкой когда-то очень профессионально.

Обращает на себя, что Александр Протозанов в 1925 г. пошел в школу сразу во второй класс. По данным опубликованного сборника «Русская военная эмиграция», имеются сообщения, что «экономический отдел НКВД активно в 1924 г. формировал партии русских эмигрантов для отправки в Россию, учитывая, что была объявлена амнистия бывших солдат белых армий» [32. С. 397]. Среди выезжавших были женщины и дети [Там же. С. 393, 401]. По нашим предположениям, семья Протозановых могла также находиться в эмиграции, вернулась, но поселились не в Киеве, а маленьком городке Фастов, где Александр и пошел в 1925 г. во второй класс железнодорожной школы.

Есть ли доказательства о связи линии режиссера Протозанова с Протозановыми линии Константина Михайловича и Тараса Михайловича. Нет! Однако есть много обращающих на себя общих моментов: начальная часть биографии, связанная с Киевом, наличие информации о наследстве от «тетки» в той и другой линии, село Чебунцы близ г. Сквир, обозначенное в линии Якова Протозанова, как село, принадлежавшее их предку – купцу Якову Протозанову, в линии Александра Константиновича проявившееся в обучении в городе Сквир (близ села Чебунцы) Тараса Михайловича. Есть и такие безобидные явления, как невероятная любовь к футболу у режиссера Якова Протозанова и Александра Константиновича Протозанова (проследившая у последнего до глубокой старости), огромная любовь к чтению у отца и сына – Александра Саввича и Якова Александровича, очень сходная с этой чертой у Александра Константиновича. Но кто не любит читать, скажут некоторые, что тут особенного. Но в разных случаях на это знающими героев людьми было обращено особое внимание. Побывавший во время пребывания А.К. Протозанова на пенсии в гостях у него А.К. Черепанов писал, что в огромной «цековской квартире <...> шли по огромному то ли холлу, то ли коридору, который весь был уставлен стеллажами с невероятным количеством книг <...> а вообще квартира была скромная» [33. С. 238]. Любовь А.К. Протозанова к книге вылилась и в открытие в Тюмени первого крупного книжного магазина. Вторая сходная черта: любовь Якова и Александра к футболу, у А.К. Протозанова проходит через всю жизнь, в связи с этим в Тюмени в начале 1960-х гг. активно строился первый крупный стадион.

Есть еще одно обстоятельство: родственная связь Протозановых и Аристовых, известная из истории семьи отца великого режиссера. Вот, что интересно: у А.К. Протозанова на протяжении длительного периода имелись взаимоотношения с Аверкием Борисовичем Аристовым, которые не афишировались, но явно прослеживаются по документам. Последний – во второй половине 1950-х гг. заместитель Н.С. Хрущева в Бюро ЦК партии по РСФСР. Выйти на А.Б. Аристова в связи с А.К. Протозановым удалось случайно, в связи с поиском ответа на вопрос, чем была обусловлена невероятная решительность в действиях секретаря Тюменского обкома партии, кто оказывал ему поддержку в ре-

шении очень сложных вопросов, за которыми он обращался в верхние эшелоны власти. Приблизил к ответу такой документ, как последнее известное в жизни А.К. Протозанова интервью, данное в 2000 г., когда ему было уже 86 лет, и он последний раз приезжал в Тюмень, уже в статусе персонального пенсионера. В нем и появился, единственный раз, А.Б. Аристов: «Вызвал Аристов и говорит: ЦК считает необходимым направить вас в Венгрию». Я говорю: «Раз ЦК считает нужным, я солдат партии, надо – поеду»... В Венгрии шли бои. Утром собрали нас, рассказали кое-что, а вечером мы уже полетели. Мне 43 года. Секретарей нас человек 40 послали туда. Закончили, навели порядок. ...ЦК решил направить в Тюмень...». Таким образом, в сюжете в связи с направлением в Венгрию возник А.Б. Аристов. Далее в том же интервью читаем: «Когда он мне говорит, что поедешь туда (в Тюмень. – Г.К.), я отвечаю: “Нет, не поеду! В Венгрию поехал, а туда не поеду”. “Нет, поедешь!”. Сначала был “Аристов”, а потом просто – “он”, значит – это один и тот же человек! [34. С. 187–193]. В одном контексте – о Венгрии и Тюмени, по всему память связала эти два события, потому что к этим его партийным направлениям был причастен один человек – А.Б. Аристов. Связь Протозанова и Аристова не афишировалась. Протозанов приехал в Тюмень в начале 1958 г. Будучи просто одним из секретарей обкома, очень активно взялся за дело – знакомством с ситуацией в геологоразведке. Аристов в это время активно занимался вопросами нефтедобычи в Татарии. В 1959 г. Аристов прибыл в Тюмень, о чем 8 мая 1959 г. газета «Тюменская правда» в подвальной части первой страницы поместила краткую информацию, что 7 мая 1959 г. состоялось совещание геологоразведчиков в областном комитете партии. После длинного перечня участников в самом конце было сказано, что в работе совещания принял участие и выступил член Президиума ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов [35]. Все очень скромно. Прибыл крупный партийный деятель, но лишь строчка в подвальной части местной газеты. Это еще раз свидетельствует о том, что не хотели визит афишировать. Не назван в числе присутствующих и А.К. Протозанов. Об этом совещании автор узнал из устного рассказа от выдающегося тюменского геолога И.И. Нестерова и из книги воспоминаний Ф.К. Салманова [36], найдя подтверждение в областной газете «Тюменская правда». Никаких сведений в архивах г. Тюмени об этом совещании не осталось.

Однако это совещание имело последствия очень значимые. После пребывания Аристова в Тюменской области 7 мая 1959 г. события начали развиваться стремительно. Вскоре последовало крупное совещание геофизиков Главгеологии РСФСР и ученого совета ВНИИ геофизики по методике региональных поисковых геофизических работ в Сибири [37]; в августе 1959 г. – судьбоносная передача всех геологоразведочных работ на нефть и газ в Сургутском и Ларьякском районах из Новосибирского в Тюменское геологическое управление [38. С. 108, 111]; 27 сентября 1959 г. – сообщение, что «по поручению секретаря ЦК КПСС А.Б. Аристова, в Тюмени будет организован филиал института СНИИГиМС». Вскоре состоя-

лось решение правительства РСФСР по промышленному освоению Березовского газового месторождения [39], в начале июля 1960 г. готовился проект постановления Бюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению подготовки и использования промышленных запасов Шаимского месторождения в Тюменской области» [9. С. 90, 95, 97].

Но ситуация для Аристова меняется: 4 мая 1960 г. он освобожден от обязанностей Секретаря ЦК КПСС, от обязанностей заместителя Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР его освободили 20 января 1961 г., направили послом в Польшу [40. С. 1075, 1081]. Ключевую роль в Президиуме ЦК КПСС стали играть Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин. В Тюмени в начале 1960 г. А.К. Протозанов с партийных должностей смещен на пост председателя облисполкома. Первым секретарем обкома партии был поставлен переведенный из Иркутской области Б.Е. Щербина, причастный к руководству сооружением двух крупных ГЭС, и его перевод в Тюмень отразил, что с устранением А.Б. Аристова верх в партийном руководстве страной взяли те, кто связывал будущее Тюменской области с сооружением Нижне-Обской ГЭС. Однако стремительность решений Н.С. Хрущева в 1963 г. привела к разделению партийных организаций областного уровня на промышленные и сельскохозяйственные, и А.К. Протозанов оказался во главе Тюменского промышленного обкома партии, на участке партийного руководства сферой, имевшей на тот момент второстепенное значение. На этом посту А.К. Протозанов пробыл менее двух лет, оставив после себя успешно завершленную пробную эксплуатацию нефтяных месторождений, созданную базу нефтегазодобычи, открытый технический вуз, развернувшееся строительство железной и автомобильной дорог Тюмень-Тобольск и т.д. А.Б. Аристов в это время – посол в Польше, а затем – в Австрии, где он и ушел из жизни в 1973 г. Свои позиции в Тюмени А.К. Протозанов не сохранил, был оттеснен от принятия стратегических решений, покинул Тюменскую область в 1969 г., до 1984 г. работал в Северном Казахстане.

Причем в разговоре о Протозановых Аристов? У Протозановых и Аристовых начала XX в. имело место родство, что, как нам представляется, определяло и взаимоотношения А.Б. Аристова и А.К. Протозанова середины XX в. и является одним из косвенных доказательств родства «разных» Протозановых.

Таким образом, в результате изучения выявленных материалов, находим причины родовой непамятности А.К. Протозанова, связанные с наличием родства как минимум с генералом РИА, участником Белого движения Т.М. Протозановым, что на протяжении жизни тщательно скрывалось, как и имена родителей, род их деятельности. Косвенные свидетельства позволяют предположить наличие родства между линией Якова Александровича Протозанова и Александра Константиновича Протозанова, восходящей к купцу и землевладельцу Якову Ивановичу Протозанову, наследство которого через его дочь Ефросинью обозначилось в начале XX в. в той и другой ветви. Сложность поиска более детальной информации, на наш взгляд, может быть обусловлена совокупностью специально созданных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
2. Голофаст В. Концепция индивида и пространство биографий // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Европейский университет в Санкт-Петербурге ; отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб. : Норма, 2003. С. 359–412.
3. Алексеев А. Биографический дискурс: акт общения, отображение реальности и изъятие себя (заметки об эстафете памяти) // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Европейский университет в Санкт-Петербурге ; отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб. : Норма, 2003. С. 351–389.
4. Божков О. Генеалогия и биографические данные: уроки генеалогических экспедиций // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб); Европейский университет в Санкт-Петербурге ; отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб. : Норма, 2003. С. 385–398.
5. Кротенко А. Герои вчерашних дней: Большой человек из великой эпохи // Рудный Алтай (г. Усть-Каменогорск). 1997. 18 июня.
6. Белая гвардия // Булгаков М.М. Белая гвардия: роман, повесть, пьесы / сост. и вступ. ст. В.В. Петелина. М. : Современник, 1991. С. 54–298.
7. Дни Турбиных // Булгаков М.М. Белая гвардия: роман, повесть, пьесы / сост. и вступ. ст. В.В. Петелина. М. : Современник, 1991. С. 299–373.
8. Комгорт М.В., Майданов В.С. Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию А.К. Протозанова). Тюмень : Сибирский издательский дом, 2013. 520 с.
9. Колева Г.Ю. А.К. Протозанов (К 100-летию со дня рождения). Тюмень : Вектор Бук, 2012. 256 с.
10. Клецинов М. Воспитанник Ленинского комсомола // Горняк на учебе (г. Москва). 1939. 10 дек.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Указы Президиума Верховного Совета СССР. Картотека персонального учета лиц, награжденных государственными наградами СССР и РСФСР // Архивная справка от 26 сентября 2012 г. № 10800-Т.
12. Арлазоров М.С. Протозанов: биография одного лица. М. : Искусство, 1973. 281 с.
13. Кротенко А. Герои вчерашних дней: Большой человек из великой эпохи // Рудный Алтай (г. Усть-Каменогорск). 1997. 25 июня.
14. Лагутина М.И. «Его звали в обкоме валовой лошадей» // Колева Г.Ю. А.К. Протозанов. С. 185.
15. Аглицкий Д.С. Семейные хроники не горят // Независимая газета. 2015. 2 марта.
16. Сливка Ирина. Жители большей частью упражняются в торговле // Бронницкие новости (г. Бронницы). 2015. 26 авг.
17. Центральный государственный исторический архив Украины. Г. Киев. Ф. 486 (Фонд Киевской палаты гражданского суда). Оп. 5.
18. Цалик С. «Потомственный купец Яков Бернер угадал с выбором бизнеса» // Капитал (г. Киев). 2013. 15 нояб. (№ 147).
19. История Отечественного кино. Хрестоматия / рук. проекта Л.М. Будак ; авт.-сост. А.С. Трошин, Н.А. Дымщиц, С.М. Ишевский, В.С. Левитова. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 672 с.
20. The Soviet Student // «Sovietland» (Moscow, USSR). 1938. № 4. С. 5–9.
21. Поляков А., Бронштейн Н. «Прекрасный образец передового советского человека» // Горняк на учебе (г. Москва). 1939 г. 10 дек.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1. Д. 180974. П/с 179-997. Исп. А.И. Леонидова // Архивная справка от 26 октября 2012 г. № 3016.
23. Протозанов Т.М. Чертежи, схемы и таблицы к курсу тактики: Пособие для юнкеров военных училищ / сост. Т. Протозанов., полк., преп. тактики и истории русской армии ; под ред. начальника училища ген.-майора Враского. Харьков : Чугуевское воен. училище, 1915. 63 с.
24. Волков С.В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога : в 2 т. М. : ФИВ, 2012. Т. 2. 728 с.
25. Марк фон Хаген. Украина // Критический словарь русской революции. 1914–1921 гг. / сост. А. Акто, У. Розенберг, В. Черняев. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 675–680.
26. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / коммент. С.В. Волкова. М. : Айрис-Пресс, 2011. Т. 2. 704 с.
27. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / предисл., коммент. С.В. Волкова. М. : Айрис-Пресс, 2011. Т. 1. 560 с.
28. Слюсаренко В.А. На мировой войне, в Добровольческой войне и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921 гг. / вступл. и коммент. К.А. Залесского. М. : Кучково поле ; Бехмут, 2016. 592 с.
29. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. М. : Гей, 1998. 426 с.
30. Волков С.В. Русская военная эмиграция. Издательская деятельность. М. : Пашков дом, 2008. 552 с.
31. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. М. : Гей, 1998. 752 с.
32. Русская военная эмиграция. 20–40-е гг. XX в. Документы и материалы. Т. 5: Раскол. 1924–1925 гг. /сост. В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Баск и др. ; ред. кл. А.А. Колотюков, С.О. Панин, В.С. Христофоров ; пер. с франц. В.Н. Карпов. М. : РГГУ, 2010. 753 с.
33. Черепанов А.К. Моя встреча с Протозановым // Колева Г.Ю. А.К. Протозанов (К 100-летию со дня рождения). Тюмень : Вектор Бук, 2012. С. 237–239.
34. Омельчук А.К. Верный солдат сталинской закалки. Интервью А.К. Протозанова руководителю компании «ГТРК «Регион-Тюмень». 2000. Из фонда ГТРК «Регион-Тюмень» // Колева Г.Ю. А.К. Протозанов. С. 187–193.
35. Тюменская правда (г. Тюмень). 1959. 8 мая.
36. Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М. : Молодая гвардия, 1988. 320 с.
37. Тюменская правда (г. Тюмень). 1959. 26, 27, 31 мая.
38. Комгорт М.В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень : Вектор Бук, 2008. 182 с.
39. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3996. Л. 70–71.
40. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 1344 с. (Серия «Архивы Кремля»).

Статья представлена научной редакцией «История» 14 мая 2018 г.

Such Different Protozanovs: From Experience of a Comparative Biographic Reconstruction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 126–136.

DOI: 10.17223/15617793/442/16

Galina Yu. Koleva, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

Keywords: Kiev; merchant; biography; emigration; general; party figure; director.

In the article, on the basis of the sources first introduced in scientific discourse, fates of three historical characters of the end of the 19th–20th centuries united by one similar surname – Protozanov – are compared. Proceeding from one common feature of two persons – Alexander Konstantinovich Protozanov and Yakov Aleksandrovich Protazanov, i.e. their dislike for memoirs, a hypothesis has been made that they do not just have similar surnames, but belong to one family. The research is based on archival and other documentary sources: interviews published and taken personally by the author, correspondence, meetings and conversations. The

author uses a wide range of the published documentary sources on the White Movement and the Russian emigration which allowed reconstructing the historical context. The aim of the article consists in comparison of Alexander's and Yakov's biographies, in identification of the common features of the biographies that explain the absence of tendencies to memoirs and the particular behavior models in the two men. The author has revealed that Alexander Protozanov was a relative of Taras Protozanov, a general of the Russian imperial army, a participant of the White Movement. This fact was disguised throughout Alexander's life, as well as names of his parents, their occupation. In order to prove the relationship of all three characters indirect evidence was used: the place of birth (Kiev), mentions in the biographies of two characters of inheritance from an "aunt" from Kiev, a secretive communication of the Protozanovs and Aristov (in Yakov's line proved as a family relation, in Alexander's line as a secretive "business" relation) and some other facts. Indirect evidence has allowed to assume the existence of a family relationship between Yakov Protozanov's and Alexander Protozanov's lines which goes back to the Kiev merchant and land owner Yakov Ivanovich Protozanov whose inheritance through his daughter Efrosinya was traced in the two lines at the beginning of the 20th century. The complexity of search of more detailed information, in the author's opinion, can be caused by set of purposefully created circumstances.

REFERENCES

1. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: Articles on biographics, sociology and literary history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Golofast, V. (2003) Kontseptsiya individua i prostranstvo biografii [The concept of the individual and the space of biographies]. In: Prit'kina, T.B. (ed.) *Pravo na imya: Biografika XX veka. Chteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe. 2003–2012* [Right to a name: Biographics of the 20th century. Readings in memory of Veniamin Iofe: Selected works. 2003–2012]. St. Petersburg: Norma.
3. Alekseev, A. (2003) Biograficheskiy diskurs: akt obshcheniya, otobrazhenie real'nosti i iz'yavleniye sebya (zametki ob estafete pamyati) [Biographical discourse: the act of communication, the display of reality and self-expression (notes on the contest of memory)]. In: Prit'kina, T.B. (ed.) *Pravo na imya: Biografika XX veka. Chteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe. 2003–2012* [Right to a name: Biographics of the 20th century. Readings in memory of Veniamin Iofe: Selected works. 2003–2012]. St. Petersburg: Norma.
4. Bozhkov, O. (2003) Genealogiya i biograficheskie dannye: uroki genealogicheskikh ekspeditsiy [Genealogy and biographical data: lessons from genealogical expeditions]. In: Prit'kina, T.B. (ed.) *Pravo na imya: Biografika XX veka. Chteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe. 2003–2012* [Right to a name: Biographics of the 20th century. Readings in memory of Veniamin Iofe: Selected works. 2003–2012]. St. Petersburg: Norma.
5. Krotenko, A. (1997) Geroi vcherashnikh dney: Bol'shoy chelovek iz velikoy epokhi [Heroes of yesterday: A great man from a great era]. *Rudnyy Altay*. 18 June.
6. Bulgakov, M.M. (1991) *Belaya gvardiya: roman, povest', p'esy* [White Guard: a novel, a story, plays]. Moscow: Sovremennik. pp. 54–298.
7. Bulgakov, M.M. (1991) *Belaya gvardiya: roman, povest', p'esy* [White Guard: a novel, a story, plays]. Moscow: Sovremennik. pp. 299–373.
8. Komgort, M.V. & Maydanov, V.S. (2013) *Lider neftegazovoy revolyutsii (k 100-letiyu A.K. Protozanova)* [The leader of the oil and gas revolution (on the 100th anniversary of A.K. Protozanov)]. Tyumen: Sibirskiy izdatel'skiy dom.
9. Koleva, G.Yu. (2012) A.K. Protozanov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [A.K. Protozanov (To the 100th anniversary of the birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
10. Kleshchinov, M. (1939) Vospitannik Leninskogo komsomola [Pupil of the Leninist Komsomol]. *Gornyyak na uchebe*. 10 December.
11. State Archive of the Russian Federation. Fund R-7523. Ukazy Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. Kartoteka personal'nogo ucheta lits, nagrazhennykh gosudarstvennymi nagradami SSSR i RSFSR [Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. Card file of personal records of persons awarded state awards of the USSR and the RSFSR]. *Arkhivnaya spravka ot 26 sentyabrya 2012 g. № 10800-T* [Archival certificate dated September 26, 2012, No. 10800-T].
12. Arlazorov, M.S. (1973) *Protozanov: biografiya odnogo litsa* [Protozanov: a biography of one person]. Moscow: Iskusstvo.
13. Krotenko, A. (1997) Geroi vcherashnikh dney: Bol'shoy chelovek iz velikoy epokhi [Heroes of yesterday: A great man from a great era]. *Rudnyy Altay*. 25 June.
14. Lagutina, M.I. (2012) "Ego zvali v obkome valovoy loshad'yu" ["In the regional committee they called him a work horse"]. In: Koleva, G.Yu. *Aleksandr Konstantinovich Protozanov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Konstantinovich Protozanov (To the 100th anniversary of the birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
15. Aglitskiy, D.S. (2015) Semeynye khroniki ne goryat [Family chronicles do not burn]. *Nezavisimaya gazeta*. 2 March.
16. Slivka, I. (2015) Zhiteli bol'shey chast'yu uprazhnyayutsya v torgovle [Residents mostly practice trading]. *Bronnitskie novosti*. 26 August.
17. Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy. G. Kiev. Fund 486 (Fond Kievskoy palaty grazhdanskogo suda). List 5.
18. Tsalik, S. (2013) "Potomstvennyy kupets Yakov Berner ugadal s vyborom biznesa" ["A hereditary merchant Yakov Berner guessed with a choice of business"]. *Kapital*. 15 November. 147.
19. Budak, L.M. et al. (2012) *Istoriya Otechestvennogo kino. Khrestomatiya* [History of national cinema. A reader]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
20. Sovietland. (1938) The Soviet Student. *Sovietland*. 4. pp. 5–9.
21. Polyakov, A. & Bronshteyn, N. (1939) "Prekrasnyy obrazets peredovogo sovetskogo cheloveka" ["A Beautiful Sample of an Advanced Soviet Man"]. *Gornyyak na uchebe*. 10 December.
22. Russian State Military Historical Archive. Fund 409. List 1. File 180974. P/O 179-997. Prepared by A.I. Leonidov. *Arkhivnaya spravka ot 26 oktyabrya 2012 g. № 3016* [Archival certificate dated October 26, 2012, No. 3016].
23. Protozanov, T.M. (1915) *Chertezhi, skhemy i tablitsy k kursu taktiki: Posobie dlya yunkerov voennykh uchilishch* [Drawings, charts and tables to the course of tactics: A Handbook for the cadets of military schools]. Kharkov: Chuguevskoe voen. uchilishche.
24. Volkov, S.V. (2012) *General'y i shtab-ofitsery russkoy armii. Opyt martirologa: v 2 t.* [The generals and staff officers of the Russian army. A martyrology experience]. Vol. 2. Moscow: FIV.
25. Von Hagen, M. (2014) Ukraina [Ukraine]. In: Akton, A., Rozenberg, U. & Chernyaev, V. *Kriticheskiy slovar' russkoy revolyutsii. 1914–1921 gg.* [Critical Dictionary of the Russian Revolution. 1914–1921]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
26. Golovin, N.N. (2011) *Rossiyskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg.* [Russian counterrevolution in 1917–1918]. Vol. 2. Moscow: Ayris-Press.
27. Golovin, N.N. (2011) *Rossiyskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg.* [Russian counterrevolution in 1917–1918]. Vol. 1. Moscow: Ayris-Press.
28. Slyusarenko, V.A. (2016) *Na mirovoy voyne, v Dobrovol'cheskoy voyne i emigratsii: Vospominaniya. 1914–1921 gg.* [In World War I, in the Volunteer War and Emigration: Memoirs. 1914–1921]. Moscow: Kuchkovo pole; Bekhmu.
29. Basik, I.I. et al. (1998) *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov. Dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 1920s–1940s. Documents and materials]. Vol. 1. Book 1. Moscow: Geya.
30. Volkov, S.V. (2008) *Russkaya voennaya emigratsiya. Izdatel'skaya deyatel'nost'* [Russian military emigration. Publishing activities]. Moscow: Pashkov dom.
31. Basik, I.I. et al. (1998) *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov. Dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 1920s–1940s. Documents and materials]. Vol. 1. Book 2. Moscow: Geya.

32. Basik, I.I. et al. (2010) *Russkaya voennaya emigratsiya. 20–40-e gg. XX v. Dokumenty i materialy* [Russian military emigration of the 1920s–1940s. Documents and materials]. Vol. 5. Translated from French by V.N. Karpov. Moscow: RSUH.
33. Cherepanov, A.K. (2012) Moya vstrecha s Protozanovym [My meeting with Protozanov]. In: Koleva, G.Yu. *Aleksandr Konstantinovich Protozanov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Konstantinovich Protozanov (To the 100th anniversary of the birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
34. Omel'chuk, A.K. (2012) Vernyy soldat stalinskoy zakalki. Interv'yu A.K. Protozanova rukovoditelyu kompanii "GTRK "Region-Tyumen". 2000. Iz fonda GTRK "Region-Tyumen" [A loyal soldier of the Stalinist school. Interview of A.K. Protozanov to the head of the company "GTRK Region-Tyumen". 2000. From the fund of the State TV and Radio Company "Region-Tyumen"]. In: Koleva, G.Yu. *Aleksandr Konstantinovich Protozanov (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Konstantinovich Protozanov (To the 100th anniversary of the birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
35. *Tyumenskaya pravda*. (1959) 8 May.
36. Salmanov, F.K. (1988) *Sibir' – sud'ba moya* [Siberia is my destiny]. Moscow: Molodaya gvardiya.
37. *Tyumenskaya pravda*. (1959) 26 May.
38. Komgort, M.V. (2008) *Zapadno-Sibirskaya neftegazonosnaya provintsiya: istoriya otkrytiya* [West Siberian oil and gas province: history of discovery]. Tyumen: Vektor Buk.
39. State Archive of the Social and Political History of Tyumen Oblast. Fund 124. List 1. File 3996. Pages 70–71. (In Russian).
40. Fursenko, A.A. (ed.) (2003) *Prezidium TsK KPSS. 1954–1964 gg. Chernovye protokol'nye zapisi zasedaniy. Stenogrammy. Postanovleniya* [The Presidium of the CPSU Central Committee. 1954–1964 Draft minutes of meetings. Transcripts. Regulations]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Received: 14 May 2018

С.Б. Крих

ПОТЕРЯННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: МИНОЙСКИЙ КРИТ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МД-223.2017.6.

Рассматривается крито-микенская цивилизация в советской исторической науке. Основное внимание уделено анализу дискуссии 1940 г., а особенно ее последствий для дальнейших исследований минойской культуры в советской историографии. Автор указывает, что наиболее активным исследователем Крита в довоенный период был Б.Л. Богаевский, предложивший концепцию позднеродового общества в минойский период. Поражение Богаевского привело к падению интереса к данной эпохе.

Ключевые слова: советская историография; крито-микенская цивилизация; научные дискуссии.

Дискуссию о крито-микенском обществе нельзя назвать неисследованной темой в историографии советской науки о древности. Не останавливаясь на тех случаях, когда дискуссия упоминалась более или менее поверхностно, следует сказать, что впервые она была подробно описана еще в 1960-х гг. К.П. Коржевой – в объемной статье, посвященной крито-микенской цивилизации в советской историографии [1], краткая версия которой появилась и в европейском сборнике [2]. Спустя полвека С.Г. Карпюк, справедливо обратил внимание на то, что в обобщающем труде по советской историографии древности данной дискуссии не уделено никакого внимания [3], и предложил ее анализ с современных научных позиций [4].

Проведенная ранее работа одновременно избавляет нас от необходимости подробно излагать ход дискуссии и требует объяснить, в чем состоит наше намерение при новом обращении к теме. Во-первых, несмотря на качество обоих обзоров (хотя Коржева, претендуя на полноту изложения материала, и упустила несколько ключевых работ), нам кажется, что ряд ценных для адекватного описания дискуссии фактов не был обозначен, и их актуализация позволит как минимум дополнить сложившуюся картину. Во-вторых, в конце исследования мы предполагаем дать новую перспективу для оценки результатов и последствий дискуссии, что, надеемся, будет способствовать лучшему пониманию особенностей развития нашей исторической науки в советский период.

Изложим кратко предысторию и ход дискуссии. Начать следует с того, что дореволюционная российская наука сравнительно активно включилась в процесс популяризации и начального изучения критских находок, поскольку настоящее открытие минойского Крита стало возможным только с самого конца XIX в. и в начале XX в., когда остров сначала обрел фактическую независимость от Османской империи, а после вошел в состав Греции. Основной упор в этих работах (не считая обзоров раскопок) делался на анализ материальной культуры, выяснение истоков и взаимодействия крито-микенской культуры, а также вопросы реконструкции религии.

Учитывая вышесказанное, легко заметить, что работы, вышедшие в первое десятилетие советской власти, продолжали ту же тенденцию, что и на предыдущем этапе, используя те же метод, стиль и часто даже типографский шрифт. Это еще раз доказывает оче-

видное для специалистов наблюдение: марксизация науки в этот период была явно недостаточной для того, чтобы говорить о нем как о советском в полном смысле слова.

Этот момент, однако, не был четко осознан в самой советской историографии, именно поэтому Коржева воспринимает работы В.П. Бузескула [5] и А.А. Захарова [6] как советские труды и предъявляет к ним требования марксистской терминологии, что в сущности парадоксально. Так, не видя в трудах указанных авторов прямых определений формационной принадлежности крито-микенского общества, она находит косвенные высказывания, которые помогают ей интерпретировать Бузескула и Захарова как сторонников феодализма [2. С. 131].

Между тем, Бузескул говорит лишь то, что «тогдашние цари были могущественными владельцами, что в их распоряжении были силы подвластного им населения, масса рабочих рук, вероятно, рабов, огромные материальные средства. Царей окружает придворная знать, аристократическое общество» [5. С. 70]. Захаров также полагает бесспорным существование на Крите сильной центральной власти, а для позднеминойской эпохи отмечает, что на материке «возник целый ряд замков, если можно так выразиться, средневековых феодальных владельцев» [6. С. 126–127] – чисто техническое использование термина «феодальный», подразумевающее здесь состояние раздробленности.

Очевидно, что если такой аккуратный в изложении и внимательный к деталям автор, как Бузескул, не пишет ничего определенного о характере минойской государственности, то это означает, что он не видит возможности выносить о ней какое-либо суждение; он и Захаров равно избегают этого вопроса по причине недостаточности сведений, и приписывать им некие более широкие взгляды просто некорректно.

Это вполне точно характеризует раннюю советскую историографию: в ней существовала «старая» наука, представители которой по большей части старались как-то ужиться в новых условиях, не особенно меняясь, и постепенно, очень сумбурно формировались новые, большевистские научные кадры.

Однако поведение представителей «старой» науки могло быть и другим – и это как раз случай Б.Л. Богаевского (1882–1942), который выбрал путь активного сотрудничества с новой властью. Конечно, это совсем

не означает, что его ранние работы следует определять как марксистские: в книге о крито-микенской культуре 1924 г. идёт речь об «Истории, которая внимательно наблюдает за развитием народов и неукоснительно направляет в новое русло жизнеспособные силы прошлого» [7. С. 246]. Вряд ли уместно полагать, что Богаевский в это время считал Крит феодальным обществом, но попытки добавить к своему восходящему к Ф.Ф. Зелинскому типу воззрения на историю некоторый материалистический компонент здесь, пожалуй, заметны: «Кносский дворец представлял собою ко второй эпохе среднеминойского периода весьма крупную постройку, бывшую, благодаря нахождению “тронного зала”, местопребыванием верховной жрицы и владыки острова и подчиненных ему заморских колоний» [Там же. С. 186–187].

Важную роль во вхождении Богаевского (как и целой когорты «старых» ученых) в марксистскую историографию сыграло становление и развитие так называемого марризма, или яфетидологии, «нового учения о языке», основной движущей и единственной развивающей силой которого был его основатель академик Н.Я. Марр. Активно и открыто сотрудничая с советской властью, Марр к концу 1920-х гг., во многом благодаря помощи и указаниям своих учеников (и теоретическим стараниям примкнувшего к ним С.И. Ковалёва), приходит к выводу, что яфетидология по сути своей – марксистская теория. С точки зрения истории идей это было еще то относительно вегетарианское время, когда «старая» наука могла слиться с «новой» не то чтобы на своих условиях, но хотя бы не теряя видимого достоинства – правда, для этого нужно было принять спорную и странным образом радикализующую теорию. Именно этот своеобразный оммаж, который принесла яфетидология марксизму, на наш взгляд, уберег ее от разгромной критики в 1930-е гг. и позволил в статусе официально признанной теории дотянуть до знаменитой дискуссии о языкознании 1950 г.

Богаевский становится одним из преданных и последовательных сторонников Марра, причем в его работах марристские идеи часто используются действительно как основополагающие, а не только в качестве формальных цитат, как поступал первоначально Богаевский с работами Маркса, Энгельса и Ленина. Поэтому неудивительно, что с той же энергией он приступил в начале 1930-х гг. и к освоению марксизма – в это время он примыкает уже не только к Марру, но и к видному партийному теоретику Н.И. Бухарину. «Освоение марксизма» здесь следует понимать не только как ознакомление с трудами марксистских теоретиков, но и как участие в конструировании нового образа истории – единообразно соответствующего теоретическим установкам в том виде, в каком их начинают вырабатывать партийные теоретики. Эти теоретики, начиная от такого влиятельного, как Бухарин, через фактического преемника Марра академика И.И. Мещанинова и до подвизавшихся в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) А.Б. Пригожина, М.М. Цвибака и С.Н. Быковского, внесли решающий вклад в становление собственно советского видения истории, которое в итоге

было подтверждено Сталиным в виде официально закреплённой версии истории партии (1938), – в том же, что подавляющее большинство творцов этой версии были арестованы и уничтожены, нужно видеть не парадокс и не иронию истории, а стандартную внутреннюю логику тоталитарного общества. Так или иначе, именно в начале 1930-х гг. и возникла советская историография: теория истории была монополизирована партией, причем сделано это было не только с точки зрения насилия (фактически запрещены все идейные конкуренты), но и со стороны убеждения – исторические факты были увязаны с упорядоченной (а для того дополнительно упрощенной) схемой исторического процесса.

Время становления такого рода монопольной теории открывало особенные перспективы (хотя одновременно и некоторые риски) перед теми, кто был готов внести свой вклад в создание сияющего монолита советского видения истории, и Богаевский постарался использовать свои возможности по максимуму – он предлагает новую, истинно марксистскую трактовку крито-микенского общества. Согласно его версии мы имеем дело с позднеродовым строем, в котором поэтапно вызревают черты раннего государства. В статье «Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах» (1933) он выступает уже как освоивший марксистский нарратив исследователь: дает подробный анализ заблуждений буржуазных историков (в распространенной в советской критике манере сводя практически все работы к одному базовому заблуждению¹), критикует ошибки советских авторов и предлагает свой, защищенный ссылками на «классиков» (прежде всего, на Энгельса) рассказ о том, что было «на самом деле» с точки зрения истории способа производства. То, что буржуазные исследователи определили как дворцы, было родовыми поселками [8. С. 699], то, что определялось как небольшие государства, – союзами племен, правителями которых были вожди-военачальники, постепенно оттеснявшие от власти жриц [Там же. С. 702]. Недостаточные экономические ресурсы Крита не дали возможности для быстрого перехода к государству, и эстафету развития позднеродовых отношений подхватила материковая Греция – микенская культура [Там же. С. 709], которая уже очень близко подошла к формированию классового общества [Там же. С. 715–716], ведь «меньшинство начинало чувствовать себя классом, в то время как масса, уже становившаяся тоже классом, ещё этого нового своего общественного состояния отчётливо не сознавала» [Там же. С. 725]. Из специфического багажа 1930-х гг. в данной концепции было то, что Богаевский, следуя марристскому скепсису в отношении миграций, отрицал дорийское завоевание (по крайней мере, в сколько-нибудь исторически значимом масштабе) и полагал, что гомеровское общество было не шагом назад по сравнению с крито-микенским, а его дальнейшим развитием в качестве позднеродового.

Продвигая свои идеи, Богаевский развернул активную деятельность – на 1930-е гг. приходится пик его публикаций и попытка в 1938–1939 гг. стать членом-корреспондентом АН СССР. Однако позиции его

были достаточно шаткими – во время «чисток» исчезает Бухарин и ряд других людей, с которыми сотрудничал Богаевский. Таким образом, мощного административного ресурса, на который он мог бы опираться в расширении своего научного влияния, у него не оказалось, а в научном плане концепция выглядела не слишком привлекательно, так что до конца десятилетия у нее фактически не появилось сильных и последовательных союзников. Играло роль и отрицательное отношение к Богаевскому в научных кругах, связанное с его доносами на учёных и лекторов². Резкую критику вызвали его работы по первобытной культуре, тем более что отсутствие практики полевой археологии было вполне объективным недостатком их автора [10].

Первая решительная попытка легитимировать свою концепцию была предпринята Богаевским при участии в проекте по изданию всемирной истории, начатом ГАИМК; для томов по истории Древней Греции им была написана и большая глава по крито-микенскому обществу [11. С. 50–110]. Однако сама ГАИМК уже доживала последние дни в качестве самостоятельной институции, ослабленная чистками руководящего состава и под шквалом критики научных работников в том, что они поддались влиянию «врагов народа» [12]. Проект по созданию всемирной истории под эгидой ГАИМК был признан неудачным, и вскоре началась работа по созданию многотомника, выпускаемого АН СССР.

Богаевскому удалось, опираясь, видимо, на поддержку не всесильного, но обладавшего очень надежными позициями академика В.В. Струве, подать свою главу и в рукопись планируемого III тома «Всемирной истории». Однако в этот раз возражения против такой трактовки ранней истории Греции появились еще на ранней стадии, договор с Богаевским был расторгнут [13. Л. 27–27 об., 36–36 об.]. Написание главы поручили московскому историку В.С. Сергееву (1883–1941), и теперь уже Богаевский выступил против нового варианта. Для разрешения ситуации было решено провести специальное заседание Отделения истории и философии АН СССР с обсуждением нового варианта главы, которое было назначено на 27–28 марта 1940 г. [14. Л. 8–9]. Обсуждение проходило в Москве, куда приехали Богаевский и поддержавшие его академик А.И. Тюменев и ученик Богаевского А.Н. Дальский. Остается непонятной позиция ленинградца С.И. Ковалёва: судя по протоколу [Там же. Л. 18], он присутствовал на первом заседании, но сведений о его выступлении не сохранилось – видимо, он предпочел молчать. Из Ленинграда также был вызван Д.П. Каллистов, но он не был в числе союзников Богаевского. «Особенность развернувшейся дискуссии заключалась в том, что предметом обсуждения была не столько глава из работы проф. Сергеева, сколько гипотеза проф. Богаевского о доклассовом обществе на Крите» [15. С. 137]. В результате обсуждения позиции сторонников концепции первобытного строя были полностью отвергнуты собравшимися, а глава Сергеева признана наилучшим образом подходящей для планируемого издания [16].

Собственно, этим событием и заканчивается целый этап исследований. Концепция Богаевского была

отнесена к ранним заблуждениям советской историографии, преодоленным в пору ее взросления; сам автор умрет в блокадном Ленинграде, ещё до войны скоростно скончается Сергеев, а проект академической «Всемирной истории» будет возрождён уже в послевоенное время с другим составом авторов. Тексты глав Богаевского и Сергеева до сих пор не обнаружены, и вполне возможно, что они не сохранились, хотя в данном конкретном случае велика вероятность того, что они мало отличались от других очерков, написанных ими на ту же тему: в случае с Богаевским можно утверждать с высокой степенью уверенности, что он подал в качестве рукописи более или менее переработанную главу, напечатанную в томе ГАИМКовской истории Греции; в случае с В.С. Сергеевым, скорее всего, можно предположить, что его рукопись была очень похожа на вариацию главы в его же учебнике по истории Греции или очерка, опубликованного им незадолго до дискуссии в одном из журналов [17, 18]. После войны исследования крито-микенского общества были уже связаны по большей части с материалом, который предоставляли вскоре дешифрованные таблички с письмом Б, т.е. очевидным образом начала преобладать микенология. Принципиального расцвета эта отрасль знания не пережила, тем не менее, благодаря работам С.Я. Лурье и Я.А. Ленцмана [19, 20], легитимировала себя в советской науке и смогла сохранить традицию изучения микенского общества и в постсоветский период.

Теперь уместно высказать некоторые комментарии, которые позволят указать на ряд важных деталей, по тем или иным причинам не обозначенных в предшествующих исследованиях. Прежде всего, в настоящее время мы имеем пересказ дискуссии только с одной точки зрения – с позиции победителей. Написавшая два близких по содержанию обзора дискуссии Т.М. Шепунова (секретарь кафедры истории древнего мира МГУ, которую возглавлял Сергеев), несомненно, адекватно передала ход событий и общее содержание выступлений, но негативное отношение к «партии» Богаевского в ее описании хорошо заметно [15, 16]. Это заставляет предполагать, что некоторые аспекты хода обсуждения могли быть упущены. Далее мы попробуем использовать в нашем обобщении некоторые частности, которые Шепунова, к счастью, все-таки сохранила.

Другой наш комментарий более весом, и он вновь касается тех aberrаций, которые поджидают историографа на его пути к обобщению материала. Использование термина «крито-минойская культура» вполне адекватно позволяет описать примерно первые полвека отечественной историографии данного вопроса, когда давались общие обзоры новых находок или исследований по древнейшей Эгеиде и делались попытки их целостного изучения. Но в послевоенный период, с наступлением эры специализации, ситуация меняется в корне. Минойский Крит становится неинтересен советским историкам, ему не посвящено практически ни одного самостоятельного исследования, в отличие от микенской Греции. Конечно, в общих работах ранняя история Крита также рассматривалась, как в книге Н.А. Сидоровой об искусстве эгейского

мира [21], но это была именно часть другой, более обширной темы; симптоматично, что книги для чтения по древнегреческой истории, ориентированные на школьников, как и пособия для учителей, сразу начинались с микенского периода [22, 23].

Если продолжать говорить об исследованиях крито-микенского общества как о некоей целостности (как это делает Коржева), то падение интереса к Криту останется незамеченным – а это, по нашему мнению, интересная историографическая проблема, потому что в первой половине XX в. в паре Крит – Микены главным объектом интереса предстал именно Крит. Конечно, это не означает, что советский историк науки допускал такое искажение нарочно, но ведь ориентация на изображение прогресса в историографии подталкивала к тому, чтобы рассматривать изучение минойского и микенского периодов совместно, при таком подходе можно было говорить о развитии советской науки в этом вопросе и о том, что внимание историков сместилось от «Крита» к «Микенам» по причине дешифровки линейного письма Б. Проблема лишь в том, что микенологами стали совсем не те ученые, которых ранее интересовал Крит³.

Так или иначе, раз мы сейчас уже в состоянии увидеть проблему упадка советских исследований минойского периода, от нас требуется и дать этому объяснение. Очевидно, что дискуссия 1940 г. оказалась поворотной точкой и следует понять, что же именно произошло в этот момент с точки зрения истории развития науки.

Довоенные дискуссии представляют большой материал для того, чтобы применить сравнительный анализ. Интересно, что с точки зрения как минимум начальных стадий дискуссия о крито-микенской цивилизации может предстать типологически сходной с дискуссией о шумерском обществе, разгоревшейся между В.В. Струве и Н.М. Никольским начиная с 1933 г. (точка в ней поставлена фактически не была). В этой дискуссии «старый» марксист Никольский (он придерживался материалистических взглядов еще с конца XIX в., взаимодействовал с большевиками в годы Первой русской революции), оценивавший древневосточные общества как феодальные, с возмущением выступил против новой, для него очевидно неверной, рабовладельческой концепции. В ранних работах Никольского заметна уверенность в том, что концепция Струве развалится от одного толчка [24, 25]. А далее произошло неожиданное: надо полагать, к изумлению Никольского, у него почти не оказалось сторонников, и новая точка зрения, при частных к ней претензиях, стала разделяться большинством историков, вошла в учебники и обобщающие труды, хотя при этом ее обоснование изначально строилось на небольшой и неоднозначно трактуемой источниковой базе.

Некоторые детали, действительно, совпадают: прежде всего, уверенность Богаевского, видимо, была велика – он ведь поехал на обсуждение в Москву с небольшой поддержкой (надо думать, что кроме А.И. Тюменева, он обращался за помощью и к другому академику В.В. Струве, но тот на обсуждение не приехал), т.е. туда, где его противники заведомо преобладали, а значит, рассчитывал на собственные си-

лы. Косвенно об этой уверенности свидетельствует и выбранная тактика нападения: Богаевский привез большое количество фотографий критских памятников, которые должны были убедить собравшихся в том, насколько очевидно неправ Сергеев [16. С. 206]⁴. Шепунова приводит еще одну интересную деталь: выступавший в защиту позиции Богаевского Тюменев продолжил настаивать на том, что кносский дворец – сравнительно небольшая постройка, и заметил, что «знаменитые критские деревянные колонны – не колонны, а просто брёвна, подпорки, стоящие конусом книзу; такие “колонны могут быть в каждом колхозном дворе”» [Там же. С. 207]. Даже если это сравнение – импровизация, оно все равно отличается неаккуратностью⁵, эмоциональностью и самоуверенностью.

Однако отличия между сопоставляемыми нами дискуссиями, пожалуй, намного существеннее совпадений. Во-первых, Богаевский – не «старый» марксист, в отличие от Никольского, и его траектория прихода к марксизму гораздо ближе к пути в советскую науку у Струве: тесное сотрудничество с Марром [28], активное освоение марксизма в конце 1920-х гг., участие в создании новой концепции истории конкретных обществ, увязанных с единой схемой исторического процесса в начале 1930-х гг. Даже пафос выдвижения их концепций похож: Струве отрицает феодализм или азиатский способ производства в пользу рабовладения, Богаевский отрицает феодализм (и рабовладение) в пользу первобытного коммунизма. Расходятся результаты: концепция Струве победила, а концепция Богаевского – нет, здесь как раз удержалась более консервативная, более близкая к «буржуазной» науке того времени трактовка, и это убедительно показывает нам, что каких-то надежных рецептов преуспевания в советской исторической науке 1930-х гг. не существовало⁶.

Второе отличие, о котором следует сказать, прежде чем перейти к итоговым выводам, заключается в том, что Богаевский был гораздо большим знатоком крито-микенских штудий, чем Сергеев, не написавший по Криту и Микенам ни одной научной работы (ср.: [4. С. 200]). В качестве примера достаточно указать на тот факт, что Богаевский отлично знал – фреска «царя-жреца» является результатом достаточно спорной реконструкции, в которой значительная часть деталей была попросту домыслена сотрудничавшим с Эвансом художником Э. Жильероном (1850–1924) [8. С. 681], знал он и об изменении позиции Эванса по этому вопросу [16. С. 206], в то время как Сергеев, судя по его описанию указанной фрески, принимал реконструированные детали за оригинальное изображение [18. С. 84]. Богаевский еще до революции посещал Крит, прожил на нем несколько месяцев, много лет работал над вопросами сопоставления критских находок с находками в других ранних культурах [29], и этим можно объяснить его готовность принять бой в неравных условиях. Поэтому его победили меньшие профессионалы в конкретной теме, чем был он сам, и победили, как свидетельствует обзор дебатов, опираясь не на тщательное изучение крито-микенского общества, а на логические рассуждения и сравнение этого общества с другими.

Переходя непосредственно к итогам нашего анализа, мы опять вынуждены указать, что на историков науки традиционно сильно воздействует то, насколько разбираемая ими концепция или теория соответствуют современному уровню знаний, и это легко объяснимо – мы естественным образом больше сочувствуем тем идеям, которые считаются нами правильными. Однако поиск «более правильной» концепции скрывает за собой достаточно старую (и прямолинейную) науковедческую парадигму понимания истории науки как истории приращения знания, в то время как сейчас мы в состоянии ставить и пробовать решать куда более тонкие вопросы, связанные с выяснением скрытых механизмов развития науки и проблемой альтернативности путей ее развития.

Исходя из этого, мы можем заявить, что в современной оценке истории науки важно не только, а иногда не столько достижение тех же представлений, которые сейчас разделяем мы, а то, как именно это достижение произошло (и почему не были реализованы другие варианты). С.Г. Карпюк, комментируя дискуссию 1940 г., отмечает, что она была выражением важного достижения предвоенного десятилетия: исследователь безоговорочно разделял общую теорию и получал возможность более или менее спокойно работать с историческими фактами, поскольку известное возвращение позитивизма было частью сталинского проекта возвращения истории конкретного содержания. Он также отмечает, что в результате дискуссии взгляды Богаевского были не полностью заклеены, но переведены в сферу научного спора для профессионалов – за Богаевским было признано право выступать со своей точкой зрения в специальных изданиях (в «Вестнике древней истории»), и это как раз свидетельствует о предвоенной нормализации советской науки с её ограниченной свободой [4. С. 201–202]. У нас нет никаких сомнений, что этот вывод справедлив, но он недостаточен, если говорить о роли дискуссии 1940 г. не только в контексте предшествующих, но и последующих событий, и поэтому нуждается в дополнении.

Во-первых, как мы могли убедиться, победа «фактов» над «схемой» может быть признана только с существенными оговорками. Значительная часть аргументации Сергеева и его сторонников была построена не на фактах как таковых, а на логике, которая, в свою очередь, исходила из безусловной правильности недавнего «открытия» советской науки – представления о том, что древнейшие государства могли быть только рабовладельческими. Если изъять этот тезис из системы аргументации Сергеева, то она становится критически шаткой. Таким образом, перед нами специфический момент: научное сообщество восприняло и истолковало эту дискуссию как очередное свидетельство «нормализации» науки, усиления в ней роли фактов и верификации, но это было в большей мере психологическое впечатление, чем реальность.

Во-вторых, обращаясь к вопросу о дальнейших последствиях, важно обратить внимание на то, что и мы, оценивая эту дискуссию из современности, рискуем оказаться примерно в той же ловушке. Богаевский выступает довольно малосимпатичной фигурой,

проигрыш которой вызывает естественные позитивные эмоции, а его манипуляции с бесконечной критической первобытностью слишком уязвимы даже для непрофессиональной критики, чтобы можно было их достойно защищать. Но при этом в его позиции присутствовал один очень важный аспект, который в дальнейшем был утерян: Богаевский (не будем сейчас концентрироваться на его крайне несовершенной терминологии), по сути дела, нащупал важную проблему – рождение государства осуществлялось через большое количество переходных, часто аморфных форм, и этот процесс перехода требует выделения отдельного периода со специальным дроблением на этапы (это и есть позднеродовое общество Богаевского, которое все усложняется, но никак не может стать государством).

Тогда эта точка зрения была настолько нова (и не только для советской науки), что ее познавательный потенциал даже не был оценен. Уже в послевоенное время как мире, так и в Советском Союзе начинает расти понимание того, что переход к государственным формам общественной жизни был сложным, длительным, многонаправленным процессом, а бинарная оппозиция первобытность – государство представляла слишком грубым инструментом анализа.

С этой точки зрения у концепции Богаевского, будь она соответствующим образом доработана (скорее всего, в виде признания за развитым минойским обществом раннегосударственных форм), появлялся шанс на продолжение дискуссии. Но дискуссия не продолжилась – Богаевский умер, итоги московского заседания были восприняты в трактовке победителей, тема была закрыта и тем самым «обессточена». Как уже было сказано, критские исследования в советской науке останавливаются, деградируют. Можно было бы сказать, что такой путь развития был до известной степени случайным, но случайностью как раз нужно считать то, что быстро исчезла проигравшая точка зрения, а все остальное проявляет вполне закономерное развитие советской науки периода ее «нормализации».

Здесь проявляется в полной силе тот феномен науки сталинского времени, который можно наблюдать и на других примерах, но не в столь крайней форме, – это стремление *финализировать* знание, исчерпать все принципиальные проблемы по данной теме. К этому стремился Струве, когда рисовал образ рабовладения на Ближнем Востоке, к этому стремился А.Б. Ранович, когда определял эллинизм как этап развития рабовладельческой формации. Ни в одном из указанных случаев полностью финализировать темы исследования не удалось – с теорией Струве сначала яростно сражался Н.М. Никольский, а после войны она вызвала критику А.И. Тюменева и И.М. Дьяконова. С трактовкой эллинизма по Рановичу не согласился К.К. Зельин, который смог поставить ее под сомнение уже в начале 1950-х гг. [3]. В обоих случаях это сделало советскую науку более гибкой. А вот другую точку зрения на минойскую цивилизацию после войны было некому отстаивать. В итоге это привело к тому, что тема выглядела исчерпанной, неинтересной для исследователя, т.е. – периферийной. Достижение конечной истины (если оно удавалось) убивало науч-

ный интерес. Это приводит нас к парадоксальному наблюдению, что полная реализация идеальной программы советской исторической науки была бы смертельной для нее самой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае это заблуждение определено как «метод непосредственных впечатлений» [8. С. 681 сл.], и это достаточно интересный концепт, потому что суть его сводится к тому, что, по мнению Богаевского, буржуазные исследователи слишком доверяют тому, что видят в самом археологическом источнике, опираясь на свое первое впечатление, которое мало того, что может быть ошибочным, но ещё и несёт в себе в имманентном виде стереотипы самого исследователя. То есть этот призыв не верить глазам своим, по сути, воспроизводит ту критику позитивизма, которая уже к тому времени утверждалась в мировой исторической науке, отличается лишь лекарством, предлагаемое Богаевским, – использовать правильную всеохватную теорию.

² Память об этой деятельности надежно сохранилась в устной форме, но мы обнаружили и более весомое свидетельство: в своей автобиографии о доносах сообщает лично Богаевский; это было как раз в те годы, когда такими поступками ещё гордились [9. Л. 27].

³ Коржева совершает довольно неуклюжую попытку увязать дискуссию 1940 г. с дальнейшим поворотом исследований именно в эволюционном плане: «В ходе дискуссии выявилась необходимость знания крито-микенской письменности, одной из древнейших письменностей Средиземноморья» [2. С. 133]. Дело не только в том, что для исследователя сам факт наличия непрочитанной письменности является достаточным стимулом к работе над ней (вне зависимости от наличия или отсутствия дискуссий), и не в том, что дискуссия в СССР не оказала (и не могла оказать) никакого влияния на работу исследователей в других странах (дешифровка письма Б. была осуществлена не советскими учеными), но и в том, что в ходе самой дискуссии вопрос знания письменности не поднимался. Иными словами, Коржева хочет сказать что-то вроде того, что дискуссия объективно выявила и так известную проблему дешифровки письма А и Б, т.е. занимается пустословием. Эта фраза свидетельствует, что она почувствовала проблему с написанием прямолинейной истории эволюции знаний, но предпочла ее обойти.

⁴ Иными словами, Богаевский использовал ранее проклятый им буржуазный «метод непосредственных впечатлений» (см. прим. 1).

⁵ Судя по сохранившимся базам для колонн, их нижний диаметр должен был составлять порядка 58 см или несколько больше [26. Р. 212; 389, п. 1; 441, п. 3]. Наверное, в 1940 г. были колхозные дворы, на которых могли стоять подобные подпорки, но ведь и толщина колонн храма Гефестииона в Афинах примерно такая. Некоторые колонны в Фесте могли иметь нижний диаметр в 1,45 м [Ibid. Р. 213, п. 1], что уже приближается к диаметру колонн Парфенона (1,905 м) [27. С. 58. Прим. 14].

⁶ Вопрос, почему концепции Богаевского была уготована столь незавидная участь, интересен, но увел бы нас сейчас слишком далеко от основной темы статьи, поэтому мы намереваемся рассмотреть его в отдельной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коржева К.П. Крито-микенское общество в советской историографии // Ученые труды. Сер. Историческая. Некоторые вопросы всеобщей истории. Алма-Ата, 1967. С. 298–339.
2. Коржева К.П. Крито-микенское общество в советской историографии // *Studia Mycenaea: proceedings of the Mycenaean symposium*. Brno, 1966. Р. 131–141.
3. Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.
4. Карпюк С.Г. А после была война: дискуссия 1940 года о характере крито-микенской цивилизации // *Вестник древней истории*. 2015. № 2. С. 195–205.
5. Бузескул В.П. Древнейшая цивилизация в Европе (эгейская или крито-микенская культура). Харьков, 1918.
6. Захаров А.А. Эгейский мир в свете новейших исследований. Пг., 1924.
7. Богаевский Б.Л. Крит и Микены (эгейская культура). М. ; Л., 1924.
8. Богаевский Б.Л. Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах // Памяти Карла Маркса : сб. статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883–1933. Л., 1933. С. 676–730.
9. Автобиография Б.Л. Богаевского // АРАН. Ф. 411. Оп. 13. Д. 36. Л. 25–28.
10. Пассек Т.М. О дилетантизме в науке. Б.Л. Богаевский. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937 // *Вестник древней истории*. 1938. № 1. С. 129–131.
11. История древнего мира. Т. 2 : История древней Греции. М., 1937. Ч. I.
12. О вредительстве в области археологии и о ликвидации его последствий // *Советская археология*. М. ; Л., 1937. № 3. С. V–X.
13. Копии трудовых договоров по «Всемирной истории» // СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1571.
14. Протоколы заседаний Бюро ОИФ // АРАН. Ф. 457. Оп. 1а–1940. Д. 6.
15. Шепунова Т. В Академии наук СССР. Обсуждение главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории» // *Исторический журнал*. 1940. № 7. С. 135–139.
16. Шепунова Т. Дискуссия об эгейской культуре (Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории») // *Вестник древней истории*. 1940. № 2. С. 204–218.
17. Сергеев В.С. История древней Греции. М., 1939.
18. Сергеев В. Эгейский мир // *Исторический журнал*. 1939. № 6. С. 79–91.
19. Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М. ; Л., 1957.
20. Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
21. Сидорова Н.А. Искусство эгейского мира. М., 1972.
22. Древняя Греция. Книга для чтения / под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утенко. 3-е изд., доп. М., 1963.
23. Колобова К.М., Глускина Л.М. Очерки истории Древней Греции: Пособие для учителя. Л., 1958.
24. Никольский Н.М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке (По поводу статьи В.В. Струве «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура», С.Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг. : сб. статей. Л. : Изд-во АН СССР, 1934 г.) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7–8. С. 207–210.
25. Никольский Н. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока // *История в средней школе*. 1934. № 2. С. 3–11.
26. Evans A. The Palace of Minos. A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the Discoveries. Vol. I : The Neolithic and Early and Middle Minoan Ages. London, 1921.
27. Колобова К.М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961.
28. Крих С.Б. В.В. Струве и марризм // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2016. № 2 (4). С. 46–72.
29. Богаевский Б.Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. Л., 1931 (*Известия ГАИМК*. Т. 6. Вып. VIII–IX).

Статья представлена научной редакцией «История» 5 апреля 2018 г.

The Lost Civilization: Minoan Crete in Soviet Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 137–144.

DOI: 10.17223/15617793/442/17

Sergey B. Krikh, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: krikh@rambler.ru

Keywords: Soviet historiography; Crete-Mycenaean civilization; scholars discussions.

The article is devoted to the study of the Cretan and Mycenaean civilization in Soviet historical science. In giving a brief outline of the study of Cretan culture at the beginning of the twentieth century, the author draws attention to the fact that works about Crete and Mycenae that appeared in the first decade after the revolution cannot be considered in the full sense as the initial phase of Soviet historiography as they continued the pre-revolutionary traditions of historical writing. The bulk of the article is devoted to the analysis of the 1940 discussion about the Crete-Mycenaean civilization in which the “new conception” of Boris Bogaevsky, a professor from Leningrad, was criticized by most of the historians. They approved a more “conservative” vision of the topic by Vladimir Sergeev, a professor from Moscow, for a chapter in the projected academic *World History* edition. Bogaevsky was an unpleasant figure even for the 1930s, the times when fierce rivalry for the top place in Soviet science was reinforced by the peak of purges for all the Soviet society. He began his career in pre-revolutionary Russia and in his early works we can see traces of an idealistic vision on the historical process. However, he wanted to get the best position in a new Soviet society, so he cooperated with the new administration of Leningrad University and was one of the organizers of the persecution of “old” professors. He became an active follower of Academician Nikolai Marr’s new linguistic theory, which in the late 1920s was declared Marxist. At the end of the 1920s, when the coexistence of the “old” and “new” science was over (by repressions of “old” academicians), Bogaevsky began to actively master the Marxist theory. The result of this was a complete change in his views on the Greek prehistory. In 1933 he declared that the Cretan and Mycenaean society was pre-state, a late stage of the tribal society. But in 1940 he lost in the discussion, and his theory was completely rejected in the successive Soviet historiography. After this, there was a significant decline in interest in the study of the Minoan Crete in Soviet studies. The study of the Mycenaean society continued, but Crete was almost completely forgotten. Bogaevsky’s conception, with its insincere and flashy Marxism, had one important advantage: it emphasized the complexity of the transition from the primitive stages to the civilization. This became an intellectual fashion in world historiography after the Second World War, but in Soviet science one of the opportunities for development in this direction (in the study of the Minoan society) was actually lost. The author comes to the conclusion that the Soviet desire to bring the vision of history to the final and only correct view was ultimately detrimental to Soviet historiography itself.

REFERENCES

1. Korzheva, K.P. (1967) Krito-mikenskoe obshchestvo v sovetskoy istoriografii. In: Zaykin, A.N. (ed.) *Uchenye trudy. Ser. Istoricheskaya. Nekotorye voprosy vseobshchey istorii* [Scientific works. History series. Some issues of universal history]. Alma-Ata: Izd-vo TsK KP Kazakhstana.
2. Korzheva, K.P. (1966) Krito-mikenskoe obshchestvo v sovetskoy istoriografii [The Crete-Mycenaean Society in Soviet Historiography]. *Studia Mycenaea: Proceedings of the Mycenaean Symposium*. Brno. pp. 131–141.
3. Krikh, S.B. (2013) *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [The image of antiquity in Soviet historiography]. Moscow: KRASAND.
4. Karpyuk, S.G. (2015) And then There Came War: the Year 1940 Discussion on the Character of the Crete-Mycenaean Civilization. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2. pp. 195–205. (In Russian).
5. Buzeskul, V.P. (1918) *Drevneyshaya tsivilizatsiya v Evrope (egeyskaya ili krito-mikenskaya kul'tura)* [The most ancient civilization in Europe (Aegean or Cretan-Mycenaean culture)]. Kharkov: Izd-vo “Soyuz” Khar'kovskogo kreditnogo soyuza kooperativov.
6. Zakharov, A.A. (1924) *Egeyskiy mir v svete novykh issledovaniy* [The Aegean world in the light of the latest research]. Petrograd: M. i S. Sabashnikov.
7. Bogaevskiy, B.L. (1924) *Krit i Mikeny (egeyskaya kul'tura)* [Crete and Mycenae (Aegean culture)]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
8. Bogaevskiy, B.L. (1933) Pervobytno-kommunisticheskiy sposob proizvodstva na Krite i v Mikenakh [The primitive communist mode of production in Crete and in Mycenae]. In: Bukharin, N.I. & Deborin, A.M. (eds) *Pamyati Karla Marksa: sb. statey k pyatidesyatiletiyu so dnya smerti. 1883–1933* [In Memory of Karl Marx: Articles on the fiftieth anniversary of his death. 1883–1933]. Leningrad: USSR AS.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 411. List 13. File 36. Pages 25–28. *Avtobiografiya, B.L. Bogaevskogo* [Autobiography of B.L. Bogaevsky].
10. Passek, T.M. (1938) O diletantizme v nauke. B.L. Bogaevskiy. Orudiya proizvodstva i domashnie zhivotnye Tripol'ya. L., 1937 [On diletantism in science. Bogaevsky, B.L. (1937) Production tools and domestic animals in Tripoli. Leningrad]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 1. pp. 129–131.
11. Kovalev, S.I. (ed.) (1937) *Istoriya drevnego mira* [History of the ancient world]. Vol. 2. Pt. 1. Moscow: Sotsekgiz.
12. Sovetskaya arkhologiya. (1937) O vreditel'stve v oblasti arkhologii i o likvidatsii ego posledstviy [On sabotage in the field of archeology and on the elimination of its consequences]. *Sovetskaya arkhologiya*. 3. pp. V–X.
13. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 133. List 1. File 1571. Kopii trudovykh dogovorov po “Vsemirnoy istorii” [Copies of employment contracts on the “World History”].
14. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 457. List 1a–1940. File 6. *Protokoly zasedaniy Byuro OIF* [Minutes of the History and Philosophy Department Bureau meetings].
15. Shepunova, T. (1940) V Akademii nauk SSSR. Obsuzhdenie glavy “Egeyskiy mir” dlya III toma “Vsemirnoy istorii” [In the Academy of Sciences of the USSR. Discussion of the chapter “The Aegean World” for the third volume of “World History”]. *Istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 135–139.
16. Shepunova, T. (1940) Diskussiya ob egeyskoy kul'ture (Obsuzhdenie glavy dlya III toma “Vsemirnoy istorii”) [Discussion about the Aegean culture (Discussion of the chapter for the third volume of “World History”)]. *Vestnik drevney istorii – Journal of Ancient History*. 2. pp. 204–218.
17. Sergeev, V.S. (1939) *Istoriya drevney Gretsii* [The history of ancient Greece]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
18. Sergeev, V. (1939) *Egeyskiy mir* [The Aegean world]. *Istoricheskiy zhurnal*. 6. pp. 79–91.
19. Lur'e, S.Ya. (1957) *Yazyk i kul'tura mikenskoy Gretsii* [The language and culture of Mycenaean Greece]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Lentsman, Ya.A. (1963) *Rabstvo v mikenskoy i gomerovskoy Gretsii* [Slavery in Mycenaean and Homeric Greece]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR.
21. Sidorova, N.A. (1972) *Iskusstvo egeyskogo mira* [The art of the Aegean world]. Moscow: Iskusstvo.
22. Kallistov, D.P. & Utchenko, S.L. (eds) (1963) *Drevnyaya Gretsia. Kniga dlya chteniya* [Ancient Greece. A book for reading]. 3rd ed. Moscow: Uchpedgiz.
23. Kolobova, K.M. & Gluskina, L.M. (1958) *Ocherki istorii Drevney Gretsii: Posobie dlya uchitelya* [Essays on the history of ancient Greece: A manual for the teacher]. Leningrad: Uchpedgiz.

24. Nikol'skiy, N.M. (1934) K voprosu o rabstve na drevnem Vostoke (Po povodu stat'i V.V. Struve "Rabovladel'cheskaya latifundiya v Sumire III dinastii Ura" [On slavery in the ancient East (Regarding V.V. Struve's article "Slaveholding latifundia in Sumer of the 3rd dynasty of Ur"). *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv*. 7–8. pp. 207–210.
25. Nikol'skiy, N. (1934) K kakoy obshchestvenno-ekonomicheskoy formatsii prinadlezhit obshchestvo Drevnego Vostoka [What socio-economic structure does the society of the Ancient East belong to?]. *Istoriya v sredney shkole*. 2. pp. 3–11.
26. Evans, A. (1921) *The Palace of Minos. A Comparative Account of the Successive Stages of the Early Cretan Civilization as Illustrated by the Discoveries*. Vol. I: The Neolithic and Early and Middle Minoan Ages. London: Macmillan.
27. Kolobova, K.M. (1961) *Drevniy gorod Afiny i ego pamyatniki* [The ancient city Athens and its monuments]. Leningrad: Leningrad State University.
28. Krikh, S.B. (2016) V.V. Struve i Marrism. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*. 2 (4). pp. 46–72. (In Russian).
29. Bogaevskiy, B.L. (1931) *Rakoviny v raspisnoy keramike Kitaya, Krita i Tripol'ya* [Shells in painted ceramics of China, Crete and Tripoli]. Leningrad: GAIMK.

Received: 05 April 2018

А.Н. Садовой

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЗОНАХ. ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматривается методология выявления в трансграничных зонах взаимообусловленности национальной политики и этнических процессов. На примере Кавказского и Саяно-Алтайского экорегионов обоснована рабочая гипотеза об универсальном характере технологий нейтрализации конфликтных ситуаций (военные экспедиции, депортации меньшинств, изменение этнического состава и др.) в трансграничных районах России (XIX–XX вв.), их обусловленности национальным интересом и политикой сопредельных государств.

Ключевые слова: национальная политика; трансграничные зоны; социальные технологии; этнические процессы; сепаратизм.

Национальная политика (НП) государства в историографии выступает объектом исследований фундаментального и научно-прикладного плана. Фундаментальный характер исследований определяется дефиницией НП как системы мер, направленных на реализацию «национальных интересов» (НИ) на разных этапах развития государственности. Подразумевается, что в своей основе национальная политика содержит ту или иную теорию, цель (цели, задачи), принципы, главные направления и систему мер (социальные технологии) по ее реализации. Критерием неэффективности национальной политики является распад государства. Предметная область исследования не ограничивается территориальными и хронологическими рамками. Внимание акцентируется на системе межгосударственных отношений (связей, коммуникаций). Научно-прикладной характер исследований прослеживается в определении НП как целенаправленной деятельности по регуляции этнополитических процессов, осуществляемой в границах государства и направленной на сохранение его целостности и суверенитета. Основа принятия решения – мониторинг этносоциальной обстановки, реализация которого возможна на основе исследований научно-прикладного характера по запросам органов власти или оппозиции. В англоамериканской историографии это предметная область прикладной антропологии (applied anthropology). В отечественной историографии национальная политика – объект междисциплинарных исследований.

В соответствии с «процессным подходом» НП рассматривается как социальный процесс, объективно инициирующий генезис институтов государственной власти, гражданского общества, трансформацию социальных институтов и этнической экономики и т.д. В этом контексте НП однозначно выводится за предметную область политологии и входит в предметную область политической истории (генезис органов государственной власти, история НП) и этнологии (этнические процессы, этническая история, традиционные социальные институты), социологии [1. С. 109–120]. Во всех сферах знаний субъектом НП выступают институты государственной власти, объектом – социальные институты этнических меньшинств. В силу универсальной природы этих институтов (семья, патронимия, клановая организация, социальные страты и т.д.) использованные государством социальные технологии рассматриваются в качестве универсальных.

С позиции системного подхода НП может рассматриваться как перманентный фактор воздействия на иерархически соподчиненные системы (подсистемы) социальных и межкультурных коммуникаций, определяющих жизнеобеспечение конкретных этнических групп. Это могут быть: сельские анклавы, диаспоры мегаполисов, представители «титульного этноса» и этнических меньшинств. Подразумевается, что системообразующие связи традиционных социальных институтов имеют стохастический характер [2. С. 25], а национальная политика не выступает детерминирующим фактором изменений (положение «государственной школы историографии»). Изменения, как правило, носят случайный характер. Данное обстоятельство существенно ограничивает возможности научного прогнозирования направления и динамики изменения этносоциальной обстановки в случае принятия того или иного политического решения особенно в районах с полиэтничным составом населения, сохраняющего многоукладный характер экономики. Детерминирующим фактором воздействия могут выступать глобальные процессы, определяющие изменение этнической и конфессиональной структуры населения: формирование мирового рынка, экспансия мировых религий, экологические кризисы, миграции, войны и т.д. Следствием каждого процесса является расширение и переорганизация коммуникационных связей между традиционными и формируемыми социальными институтами как внутри, так и на межгосударственном уровне. Особо следует отметить, что для органов власти качественные изменения коммуникационных связей могут нести латентный характер.

Вышеизложенное ставит под сомнение устойчивую в историографии формулировку национальной политики как проявления «целенаправленной» деятельности. Целенаправленность подразумевает прогнозирование средне- и долгосрочных социальных последствий проводимой политики. Однако, как показывает отечественный и международный опыт, цели и последствия национальной политики могут иметь диаметрально противоположную направленность. В качестве примера можно привести социальные последствия национальной политики КПСС, осуществлявшей интеграцию народов СССР на принципах «пролетарского интернационализма». Объективно этот курс провоцировал центробежные процессы, распад СССР, феномен «национальной государствен-

ности». Как следствие – проявляющийся повсеместно на постсоветском пространстве дискриминационный характер НП по отношению к «нетитульным народам». Интерес представляет то, что субъектами НП во всех вновь образованных государствах выступают структуры власти, представленные «выходцами» идеологических структур бывшего СССР (КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, КГБ и др.).

С другой стороны, применение системного подхода не позволяет рассматривать НП исключительно в предметном поле политологов и историков, стоящих на позиции «государственной школы». С позиции классической этнографии и социальной антропологии проявившиеся тенденции сепаратизма выступают в качестве не столько политических, сколько этнических процессов – этнической консолидации, изменения этнической самоидентификации отдельных групп населения, аккультурации, последовательной трансформации систем межэтнической коммуникации, ориентированной на их распад, и т.д. Можно констатировать, что перечисленный спектр процессов, способствующих распаду российской государственности в начале и конце XX в., в отечественной историографии оказался фактически не исследованным. За пределами внимания осталась и взаимосвязь между социальными технологиями, используемыми органами власти СССР различного уровня при реализации проводимого курса НП и этническими процессами. Как показывает мировой опыт, применяемые технологии неэффективны не только в границах Российской империи, СССР и формируемых на постсоветском пространстве государств. Встают вопросы: насколько они определяли в XX столетии механизм (комплекс причинно-следственных связей) распада Австро-Венгерской, Британской, Германской, Османской империй и Югославии? Насколько сопоставимы социальные технологии НП распавшихся империй? Являлись ли они продуктом целенаправленной деятельности или проявлением реакции на неподконтрольное изменение этносоциальной обстановки?

Глобальные тенденции распада европейских государств определяют актуальность установления новых групп источников и выбор научного инструментария, направленного на выявление взаимообусловленности нескольких групп процессов: генезисом (распадом) институтов государственной власти, национальной политикой, социогенезом в среде этнических меньшинств. Связи между этими процессами однозначно не имеют линейного характера. Социальные технологии, используемые при реализации НП, теоретически могут быть обусловлены процессами изменения форм государственного устройства, политических режимов и идеологических конструкторов (противостоянием идеологий), спецификой политического и культурного развития объекта этой политики – социальных институтов этносов и этнических групп. На этом основании можно предположить, что социальные технологии НП, с одной стороны, носят универсальный характер. Во многом они идентичны в полиэтнических по составу государствах. В этой связи деление политологических конструкторов с методологической стороны на «империи зла» или страны «победивших демократий»

бессмысленно. С другой стороны, используемые технологии далеко не всегда ориентированы на поиск баланса между «этническими интересами», представленными элитами этнических меньшинств. В случае явного несовпадения интересов начинают действовать силовые структуры. А «поиск балансов» заменяется нейтрализацией угроз дестабилизации этносоциальной обстановки.

Таким образом, предлагаемые методологические подходы в исследовании национальной политики ориентированы: а) на выявление механизма этнополитических процессов; б) оценку эффективности используемых государством социальных технологий, направленных на стабилизацию этносоциальной обстановки; в) определение соответствия НП национальным интересам; г) определение алгоритма научного прогноза последствий текущей НП.

Стоит акцентировать внимание на том, что в полиэтнических государствах национальные интересы не тождественны «этническим» (ЭИ). Они, как показывают трактовки судьбы «угнетенных» и «оккупированных» наций в СССР [3–6], могут рассматриваться и как антагонистические. В то же время обе группы интересов не являются абстрактной категорией. Они представляют осознание и отражение в повседневной деятельности конкретных представителей элит (государственных, этнических, конфессиональных) *жизненных* потребностей. Основным признаком принадлежности к элите является в этом контексте не столько обладание определенным правовым статусом (на основе действующего законодательства или норм обычного права), сколько признанное социальными (общественными) институтами тождественности между интересами «элит» и потребностями общества в целом. В случае полного несовпадения интересов перед «элитами» может встать угроза их полного уничтожения. В этом контексте физическое уничтожение элит Российской империи в 1920–1930 гг. может рассматриваться и как следствие проводимой в конце XIX – начале XX в. политики, не отвечающей интересам подавляющей части населения страны. И как процесс, направленный на реализацию национальных и этнических интересов.

В историографии под НИ, как правило, подразумевается национально-государственный интерес. Допускается, что в общественном сознании населения многонациональных и этнически однородных государств существует осознанная потребность в самосохранении, устойчивом развитии населения страны, обеспечении безопасности. В социальных установках, формируемых при реализации внутренней политики, проводится тезис, что НИ проявляются в совокупности *сбалансированных интересов* личности, социальных институтов и органов государственной власти в экономической, внутривнутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах жизнедеятельности.

Акцентируем внимание на двух признаках существующих трактовок НИ. Первый связан с идеей «осознанной потребности» большинства населения в безопасности и устойчивом развитии. Как показыва-

ют социальные процессы на постсоветском пространстве, этот тезис далеко не бесспорен. Реализуемые в ходе социальной стратификации на постсоветском пространстве («начальное накопление капитала») групповые интересы неоднократно инициировали военные конфликты (Таджикистан, Чечня, Украина и т.д.). Интересы как «титального большинства», так и «этнических меньшинств при этом, как правило, игнорировались. А уровень «осознания» текущих процессов не прослеживался даже в среде национальной интеллигенции. Более того, людские потери в ходе межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве однозначно отражают отсутствие потребности в «самосохранении» у значительной части населения.

Второй сюжет связан тезисом об ориентации государственных структур на формирование «балансов» между интересами личности, традиционных социальных институтов и органов государственной власти. Динамика процессов депопуляции, распада промышленного потенциала, и, как следствие, снижение уровня жизни населения стран Прибалтики, Украины, Молдавии, Грузии объективно отражают последствия обретения национальной «независимости». При этом баланса между ЭИ и НИ не прослеживается; интересы национальных элит не сориентированы на решение проблемы устойчивого развития и роста благосостояния населения. Групповые интересы доминируют. Представляется, что на постсоветском пространстве в оценке НИ доминируют подходы, предложенные в свое время Г. Моргентгау (1904–1980). Согласно последним НИ рассматриваются вне контекста «общественных интересов» (ОИ). В соответствии с этой концепцией НИ обеспечиваются исключительно внешней политикой, общественные – внутренней. Обе группы интересов не противопоставляются и не сливаются. Базой политики выступает четко выстроенный имидж формируемого государства, посредством которого происходит восприятие национального интереса. Предложенная структура НИ состоит из трех элементов: 1) природы интереса, который должен быть защищен; 2) политического окружения, в котором действует интерес; 3) национальной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств для всех субъектов международной политики.

На наш взгляд, предложение соотношения НИ и ОИ имеет достаточно ограниченные операционные возможности. В качестве примера можно привести «проблему русских диаспор» на постсоветском пространстве. Ограничение правового статуса по этническому признаку однозначно является признаком внутренней политики, реализуемой с позиции группировок, пришедших к власти, а не в «общественных интересах». Однако весь ход выстраивания межгосударственных отношений с РФ в последнее десятилетие показывает, что курс НП по отношению к русским диаспорам объективно способствует сужению НИ: распаду промышленного потенциала, реформированию транспортных коммуникаций и товаропотоков, обнищанию населения и депопуляционным процессам. Таким образом, система коммуникаций, определяемая внутренней политикой, органически вписы-

вается в систему межгосударственных отношений. Как следствие, НП может рассматриваться как единый процесс воздействия на социальные институты не только в пределах, но и за пределами страны. Разграничение между внутренней и внешней политикой становится условным.

Согласно этнической карте мира изопрагмы этнической территории даже крупных этнических образований, как правило, не соответствуют государственным границам. Этническая территория может как «вписываться» в территорию страны, так и быть разделенной государственными границами. Структура населения крупных полиэтнических государств может включать районы компактного проживания этносов, имеющих опыт государственного строительства, генетические линии «этнических элит» или «свои» государственные образования и традиционную социальную стратификацию, создающую основу консервации норм обычного права в качестве действующего регулятора внутриаэтнических отношений. Возникает вопрос, насколько этническая структура населения и динамично меняющиеся системы расселения оказывают воздействие, с одной стороны, на этнические процессы, а с другой – на содержание НП и технологии использования государством «национального фактора» в достижении поставленной задачи на обеспечение НИ.

В отечественной историографии прошедшего столетия этот вопрос фактически не ставился. Национальная политика рассматривалась исключительно в контексте исследования природы противодействия двух идеологических систем (социализма и империализма). Собственно этнические интересы рассматривались исключительно в контексте «классовой» стратификации. Проводился тезис о наличии в полиэтнических классовых государствах двух форм угнетения (эксплуатации) этнических меньшинств – со стороны государства и «своей» буржуазии (вариант – феодальной верхушки). Подразумевалось и отсутствие любых форм антагонистических по содержанию и межэтнических по форме противоречий между представителями «одного класса» (буржуазии или пролетариата). Концепция построения бесклассового общества (социалистического) базировалась на признании в качестве аксиомы положения, что «национальный вопрос» в стране «развитого социализма» решен окончательно и бесповоротно. Проявления форм национализма и сепаратизма, включая движения коллаборационизма в среде некоторых этносов в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) однозначно не рассматривались как индикаторы этнических процессов, инициированных социальной (национальной) политикой социалистического государства.

Активное использование технологии прикладной антропологии в сфере внешней политики, имеющей прямое отношение к этническим процессам в СССР и РФ, отчетливо прослеживается уже со второй половины XX в. В качестве наиболее яркого и далеко не единственного примера правового основания применяемых социальных технологий, направленных в инициирование этнических процессов во враждебном государстве, можно привести «Закон о порабощенных нациях» (США, 1959 г.) [7].

Содержащиеся в нем формулировки и перечень «порабощенных наций» представляют интерес по ряду аспектов. Так, по тексту Закона прослеживается, что в политической культуре США восприятие НП Российской империи, а позднее СССР и РФ не имеет принципиальных отличий. Она на всех этапах российской государственности – «имперская». В силу этого, вне зависимости от условий и времени вхождения (охватывая XVI–XX вв.) «национальных районов» (группы в, г) в состав государства, их население декларируется как «порабощенное». То есть, согласно политической традиции оценки взаимоотношений «метрополии» и «колоний», население последних: а) не имеет правового статуса, аналогичного статусу населения метрополии, и ясных перспектив политического, экономического и культурного развития; б) не интегрировано в высшие органы государственной власти «империи»; в) его уровень благосостояния ниже «титული» нации / «агрессора» / поработителя. Именно на основе трактовки НП как «имперской» руководство США вплоть до настоящего времени выстраивает обоснование необходимости поддержки любых форм сепаратизма, с позиции этнографа – любых форм проявления этнической консолидации, целью которой выступает идея обретения суверенитета. Этносоциальный аспект анализа политических процессов однозначно акцентирует внимание на крайне внимательном отношении к процессам этнической ассимиляции и аккультурации в среде этнических меньшинств, рассматриваемых в качестве критерия проведения политики этноцида – осознанного стирания этнической самоидентификации. В список «аннексированных территорий» не включались национально-территориальные образования, находящиеся в структуре РСФСР. К последним явно нельзя причислить мифические «Казакью» или «Идель-Урал». В то же время перечислялись сопредельные с РСФСР союзные республики и государства. Это позволяет сделать предположение, что в «Законо о порабощенных нациях» приводится перечень трансграничных зон, автохтонное население которых американскими политтехнологами однозначно было отнесено к «порабощенным» нациям. Противодействие «имперской политике» Российского государства трактуется в категории НИ США, реализуемых и ее союзниками (к примеру, страны НАТО) за ее пределами. В этом контексте любые формы сепаратизма в пограничных районах РФ правомерно рассматривать в качестве реализации НИ США.

Интерес представляет то, что применение термина «имперский» при оценке содержания НП СССР в разработках обществоведов из среды национальной интеллигенции находится в полном соответствии с «Законом о порабощенных нациях» и соответствует НИ США; в оценке НП Российской империи – с концепцией о России как «тюрьме народов», принятой в партийно-советской историографии. В этом контексте тезис о прогрессивном характере национально-освободительного движения в «царской России», также активно проводимый в историографии советского периода, оказался востребован не только идеологами сепаратистских движений. Социальные уста-

новки англоамериканской историографии при формировании «образа России» как «агрессора» не могли не оказать воздействия на историографию постсоветского пространства в тех государствах, которые рассматривают США и ЕС как гарант национальной безопасности и «демократического» развития. Здесь вполне объяснимо моделирование социальных технологий НП СССР («голодомор», «геноцид», «оккупация и т.д.»). На наш взгляд, это не отражает достижений региональной историографии и никакого отношения к науке не имеет. В то же время предлагаемые трактовки НП СССР можно рассматривать в контексте исследования этнополитических процессов, направленных на консолидацию национальных элит на основе мифотворчества [8, 9].

Реализация НИ США в качестве фактора прямого воздействия на генезис институтов власти государств и реабилитация идей нацизма на постсоветском пространстве подчеркивают перспективность анализа межгосударственных отношений, включая отношения с РФ, в контексте формирования условий для сохранения очагов перманентных межэтнических конфликтов. Объективно это способствует формированию условий для этнической консолидации диаспор, и не только русской.

Выявление механизма (причинно-следственных связей) и форм взаимодействия НП и этнических процессов осуществимо в хронологических рамках, заданных национальными элитами при обосновании перманентного характера агрессии Российского государства (территориальная экспансия, «порабощение»). С учетом многовековой истории его формирования, условий вхождения в его состав этнических групп, динамично меняющегося курса внешней и внутренней политики исследование причинно-следственных связей (механизма) как макропроцесса возможно на основе выборочного метода. Выборочный метод подразумевает, что выводы по результатам исследования НП во внутренних районах Российского государства не могут быть экстраполированы на трансграничные районы, население которых находилось под воздействием институтов власти сопредельных государств и проводимой этими государствами внешней и внутренней политики. Необходимо учитывать существенные отличия в принципах и социальных технологиях НП, реализуемых Российским государством в трансграничных районах со странами Европы и Азии. Связано это с существенными отличиями в направлениях, темпах и содержании процессов социальной модернизации. В этой связи проявления внутренней политики в трансграничных зонах могли иметь существенные отличия от характера социально-го реформирования во внутренних районах.

Исследование приобретает актуальность и прикладной характер в том случае, если выявленный механизм межэтнической конфронтации (на основе разнотемповых источников) экстраполируется на современную этносоциальную обстановку. Таким образом, в исследовании истории НП по отношению к населению трансграничных зон последовательно выдерживаются принципы мониторинга современной этносоциальной обстановки [2] и научного прогнозирования

ее потенциального изменения при отсутствии корректирующих действий со стороны органов власти.

На наш взгляд, в выделении трансграничных зон (ТГЗ) эффективны и алгоритмы сравнительного типологического анализа, в основе которого лежит упорядочение совокупности социальных / этнических процессов на качественно однородные классы (типы), включая проводимый курс НП, с учетом присущих им общих значимых признаков. Территориальный подход рассматривается нами как основание типологии, позволяющее отразить качественную природу (механизм) этнических процессов, определенных НП Российского государства и внешних факторов воздействия, и собственно ТГЗ, выступающих многокомпонентной системой территориальных социальных связей. И как природно-территориальный комплекс, ресурсы которого, как правило, выступают одним из факторов возникновения межгосударственных конфликтов.

Отметим некоторую условность границ, выделяемых на основе выборочного метода ТГЗ. Во многом это определяется тем, что типология как аналитическая процедура тесно связана с абстрагированием и некоторым упрощением действительности. Из используемых в историографии вариантов применения историко-типологического метода для нас представляют интерес те, которые основаны на дедуктивном методе, т.е. теоретическом осмыслении рассматриваемого явления (теоретическая типология). Использование дедуктивного подхода определяет акцентирование внимания на выделении социальных процессов в заданных хронологических и территориальных рамках, а не экстраполяция на выделенный полигон исследования (ТГЗ) концепций, сформулированных на основе изучения процессов, не имеющих к заданному полигону никакого отношения.

На примере двух горных экосистем, входящих в границы Российской империи / СССР / РФ, – Саяно-Алтайской и Кавказской – обратимся к общим значимым признакам ТГЗ. Выбор полигонов (т.е. территориальных объектов исследования) определен сложным этническим составом, существенными отличиями в истории вхождения автохтонного населения в состав Российского государства: мирным путем (Горный Алтай, Тува) и в результате длительного вооруженного конфликта (Западный Кавказ), а также характерной для горных экосистем уязвимостью традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения, позволяющей проводить моделирование трансформации традиционных социальных институтов под воздействием НП (в динамике).

Неопределенный (спорный) характер государственных границ проявляется в конфликте НИ сопредельных государств. «Глубина» контакта определяет «спорный» правовой статус этнических территорий для всех групп населения, проживающих в зоне межгосударственного противостояния. Так, в соответствии с имперскими традициями, сложившимся в азиатской части Евразийского континента, государственные границы формировались по границам этнической территории народов, контролируемых национальными элитами. Принятие статуса подданного определя-

лось добровольным возложением обязательств по выплате налога (подати, ясака и т.д.), охраны государственной границы, ряда повинностей (содержание дорог, охрана границ и т.д.). Как следствие, с позиции национальных элит государственная граница, проведенная по этнической территории, во многом имела условный характер, с позиции государства национальные интересы (безопасность границ) соотносились с этническими интересами подданных (согласовывать). Обременительный характер повинностей, провоцирующий смену суверена, объективно мог быть поводом для изменения границ. Таким образом, баланс национальных и этнических интересов мог способствовать сужению или расширению этнической территории населения ТГЗ, а в условиях перманентных межэтнических конфликтов за ресурсы «этнической территории» маркировка государственных границ часто принимала условный характер. В качестве примера можно привести Кяхтинский договор (1728 г.), по которому при фиксации границ между Россией и территориями, заселенными монголами, подчеркивался промежуточный (неокончательный) характер разграничения между Россией и Цинским Китаем; определялись вопросы торговых отношений и русской духовной миссии в Пекине. После включения Горного Алтая в состав Российской империи (1756 г.) ее границы с Цинским Китаем вплоть до заключения договора 1864 г. оставались неопределенными. Это проявилось в феномене «двоеданчества» теленгитов, проживавших в бассейне рек Чулышман и Башкаус. Открытый характер границ России в Горном Алтае с районами Внутренней Монголии сохранялся вплоть до середины 1920-х гг. Только по завершению Гражданской войны сформировалась сеть пограничных застав, прервавшая систему традиционных коммуникаций между этническими группами экорегиона. Характер ТГЗ долгое время сохранялся и в сопредельных регионах (Саяны), находящихся под контролем Китая. Так, пять уделов Урянхайского края перешли под протекторат России только в 1914 г. после ряда обращений тувинских правителей к российскому императору с просьбой о подданстве. В 1921 г. Республика Тану-Тува (с 1926 г. – Тувинская Народная Республика) подтвердила свое желание находиться под протекторатом, делегировав РСФСР право представлять интересы республики в сфере международных отношений. Вхождение Тувы в состав СССР по ходатайству Малого Хурала ТНР произошло только 14.10.1944 г., когда по предложению Президиума Верховный Совет РСФСР принял ТНР в состав РСФСР на правах автономной области.

В этой же плоскости неопределенности государственных границ можно рассматривать ситуацию, сложившуюся после Андрианопольского мирного договора 1829 г. на Западном Кавказе. Согласно договору к России от Османской империи переходило все восточное побережье Чёрного моря от устья р. Кубань до пристани святого Николая с крепостями Анапа, Суджук-кале, Потти, городами Ахалцихе и Ахалкалаки. Признавался переход к Российской империи Картли-Кахетинского царства, Имеретии, Мингрелии, Гурии, Эриванского и Нахичеванского ханств (передан-

ных Ираном по Туркманчайскому миру). Проблема заключалась в том, что определенные договором границы не признавались той частью национальных элит, которые не высказывали желания стать российскими подданными [10, 11]. Этническая территория ряда субэтносов адыгов реально вошла в состав России только в ходе Русско-Кавказской войны (1817–1864 гг.), определив направление и динамику этнических процессов на территории не только Западного, но и Северного Кавказа в течение последующего столетия. Территория военных действий однозначно имела трансграничный характер. Формально с позиции нормативных актов международного права она считалась российской. Фактически – трансграничной зоной этнических интересов автохтонного населения, «признаваемых» странами, оказывающими «национально-освободительному движению» поддержку – Османской и Британской империями, республиканской Францией. Интерес представляет и тот факт, что население Закавказья, включенное в подданство русского императора в начале XIX в., на основе концепции международной политики США с середины XX в. стало рассматриваться в качестве «порабощенных» наций. Этот тезис вплоть до настоящего времени принимается частью национальных элит [12] (музеи оккупации в Грузии, риторика политических деятелей и т.д.).

Отдельно стоит акцентировать внимание и на принципиальном отличии характера присоединения ТГЗ Алтае-Саянского экорегиона и Западного Кавказа, что не могло не отразиться на социальных технологиях интеграции автохтонного населения в структуру российской государственности.

Для большинства ТГЗ характерен полиэтничный состав населения, государственные границы, как уже отмечалось, крайне редко совпадают как с изопрагмами этнических территорий. Государственные границы, объективно пересекают территории традиционного природопользования этнических образований (этнических групп, племенных и клановых образований). В отдельных случаях это может стать серьезной преградой для функционирования традиционных внутри- и межэтнических коммуникаций: конфессиональных, производственных (сырьевых), торговых, культурных и т.д. В истории есть прецеденты, когда этнический состав ТГЗ менялся в результате миграций, контролируемых и неконтролируемых сопредельными государствами. Это формирует сложные для восприятия комбинации территориальных интересов, которые могут динамично меняться как в мирные годы, так и в ходе вооруженных конфликтов. Конфликты могут иметь внутренний и межгосударственный характер. Если обратиться к ситуации, сложившейся в границах Алтае-Саянского экорегиона в XVII – начале XX в., то при относительной устойчивости границ этнической территории алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, челканцев (Центральный и Северо-Восточный Алтай) прослеживаются миграции: а) телеутов к северу (формирование «бачатской группы» в совр. Кемеровской области), б) казахов (Юго-Восточный Алтай); в) русских старообрядцев (Центральный Алтай, Уймонская котловина); г) формирование сети миссионерских поселков из русских

переселенцев (Северо-Восточный, Центральный Алтай); д) несколько неконтролируемых правительством волн русских переселенцев в предгорные районы Алтая и Кузнецкого Алатау. Миграционные процессы объективно приводили к переорганизации территориальных связей, определяющих изопрагмы территорий традиционного природопользования автохтонного населения. В границах трансграничной зоны они однозначно имели четко выраженный имманентный характер и не определялись межгосударственными конфликтами и обусловленными ими вынужденными переселениями. Большая часть подвижек населения протекала в зоне экстенсивных форм природопользования, базировавшихся на отгонных формах скотоводства (Юго-Восточный, Центральный Алтай) или промысловом комплексе (Северо-Восточный Алтай). В конце XX – начале XXI в. сужение традиционных территорий природопользования во многом определялось стратегией рекреационного развития региона.

Принципиально иная ситуация сложилась на Западном Кавказе, где миграционные процессы во многом определились ходом военных действий, вынужденным уходом автохтонного населения с территорий традиционного природопользования за пределы Российского государства. Итогом войны стали полная утрата автохтонным населением Западного Кавказа своей этнической территории в результате мухаджирства – переселения на территорию Османской империи, распад традиционных социальных институтов, системы расселения, природопользования и землепользования [13], формирование полиэтничного состава населения экорегиона за счет мигрантов [14–16], высокие темпы урбанизации.

Устойчивость традиционных социальных институтов этнических меньшинств проявляется в толерантном отношении государства к традиционным институтам власти и судопроизводства этнических и конфессиональных меньшинств. Выступает одним из принципов имперской направленности НП, проявляющимся и в настоящее время. В качестве примера можно привести отношение к бывшим противникам: тейпам имама Шамиля в XIX в. и А. Кадырова в начале XXI в. Их представители после отказа от военного сопротивления органически вошли в состав элиты Российского государства. Следует отметить, что этот признак отчасти характерен не только для ТГЗ, но и для внутренних полиэтничных районов. В отдельных случаях нормы обычного права этнических меньшинств кодифицировались, что позволяло придать этнической территории (территории традиционного природопользования) правовой статус и в какой-то мере «закрыть» ее от мигрантов. В качестве примера можно привести «Устав об управлении инородцев» (1822 г.) М.М. Сперанского. В нем почти на столетие (до 1899 г.) за автохтонным населением Алтае-Саянского экорегиона были закреплены этническая территория, традиционные социальные институты и системы природопользования (жизнеобеспечения) [17, 18]. Или национальную политику США, направленную на признание суверенитета и традиционного уклада жизни населения корпораций (территориальных общин) автохтонного населения штата Аляски

[19, 20]. Принятый в 1971 г «Alaska Natives Land Claims Settlement Act» имеет прямые аналоги с традиционной имперской политикой России по отношению к этническим меньшинствам Севера, Сибири и Дальнего Востока [21]. А также имеет перспективу апробации на особо охранных природных территориях, сопредельных с традиционными территориями природопользования коренных малочисленных народов РФ [22, 23].

Спецификой трансграничных зон являются более широкие функции национальных элит, определяющих сохранение и функционирование традиционных социальных институтов на основе норм обычного права. Вне зависимости от того, кодифицированы эти нормы или нет, национальные элиты в какой-то мере (допущенной сувереном) выполняют функцию посредников не только на внутригосударственном, но и на межгосударственном уровне, представляя интересы «своей» этнической или конфессиональной группы. Основанием для признания национальной элиты в качестве субъекта договорных отношений является «свобода выбора», т.е. возможность активного участия в смене «суверена» (как следствия военного конфликта) или миграции на территорию государства, которое (по мнению элиты) обеспечивает большие преференции для данной группы при сохранении традиционных институтов. В границах Алтае-Саянского экорегиона примером такого выбора стало формирование в 1860-е гг. диаспоры казахов (Кон-Агачская этнографическая группа), включившая в свой состав мигрировавшее с территории Внутренней Монголии и Китая население [24, 25]. Обратная миграция (в Китай), охватившая не только представителей автохтонного населения, но и русских переселенцев, была характерна для постреволюционного периода. Распад СССР подстегнул эмиграционные процессы. Массовый выезд казахов за пределы Алтая начался с 1990 г. По заключению правительственной комиссии (работала в 1992 г.) он был обусловлен стремлением к воссоединению нации, усилившимся с провозглашением независимого государства Казахстан. Так, если по данным на 1989 г. казахи Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области составляли 16,4 тыс. человек (54,5%), то уже в 1991 г. в районе их осталось 8,2 тыс. человек, в 1993 г. – 6,4 тыс. человек. Однако процесс исхода с территорий традиционного природопользования, сформировавшихся во второй половине XIX в., оказался неустойчивым. К концу 1990-х гг. наметился процесс реэмиграции: к 1995 г. число казахов увеличилось до 8 тыс. человек (59,7%). К началу XXI в. эта тенденция стала устойчивой. Последние материалы этнографов по указанной этнической группе свидетельствуют, что миграционные процессы не оказали существенного воздействия на этническую самоидентификацию и традиционные социальные институты [26, 27].

На Западном Кавказе социальной причиной мукладжирства, исхода автохтонного населения Западного Кавказа (шапсугов, убыхов, абадзехов, бжедугов) в Османскую империю после Русско-Кавказской войны стала приверженность традиционным формам социальной организации. Мы разделяем позицию извест-

ного кавказоведа В.В. Дегоева, что инициаторами переселения была национальная элита, у которой отсутствовали ясные социально-экономические перспективы сохранения традиционных систем социальной организации «при русской власти». Предложенные к переселению районы р. Кубань не относились к территориям традиционного природопользования, их надо было осваивать с нулевого цикла. После буржуазных реформ 1860–1870-х гг. все «зависимые сословия» получали личную свободу, территориальные общины – земельные наделы и унифицированные с остальным населением системы волостного самоуправления и судопроизводства. Обязательств участия общин в организации хозяйственного комплекса у своей элиты не было. На мирских сходах общинники принимали решения не платить оброка князьям, поскольку с окончанием войны отпадала нужда в них как в военной защите. Менталитет черкесских князей и тфокотлей не допускал переориентации на ведение индивидуального хозяйства или специализации в торговле. Эти факты были в те годы подмечены военным командованием России. Об этом приведено множество свидетельств Р. Фадеевым, Д. Милутиным и другими исследователями. Сохранить традиционную социальную стратификацию этнических групп, выселяемых с побережья Черного моря, было возможно только за пределами Российской империи – в Турции.

В современной отечественной историографии сюжеты, посвященные характеру взаимосвязи между национальной и конфессиональной политикой Российского государства на разных этапах его исторического развития вплоть до настоящего времени остаются малоисследованными. Это создает определенные проблемы при изучении этнических процессов в районах контакта мировых религий. В границах Алтае-Саянской ТГЗ эта система контактов охватывала взаимодействие христианства (РПЦ, старообрядцы), мусульманства (казахи Юго-Восточного Алтая) и буддизма / ламаизма (течение бурханизма). На Западном Кавказе зоны перманентного конфликта проходили между мусульманством, господствующим в Османской империи, и экспансией нескольких течений христианства, осуществляемой при поддержке Российской империи.

Система межконфессионального взаимодействия формирует устойчивую систему коммуникаций между иерархически соподчиненными социальными институтами, формирующими такой социальный институт, как церковь. Функции этих институтов детерминируют достаточно сложную систему отношений и с институтами государственной власти, претендующими на включение ТГЗ в свою структуру. Конфликтная ситуация может сформироваться в следующих сферах: а) в трактовке этнической истории (объяснения прошлого, настоящего и будущего); б) регламентации повседневного поведения с учетом социальной стратификации; в) регулировании морального поведения личности (противоречие конфессиональных и государственных норм); г) оценке (одобрение / критика) предложенных государством форм социального устройства; д) формах этнической консолидации в

кризисные периоды. Таким образом, конфессиональный фактор имеет перманентный характер воздействия на систему коммуникационных связей в сфере воспроизводства традиционных социальных институтов (семья, клановая, племенная организация и т.д.), экономики (системы жизнеобеспечения этнических и иных социальных групп), политики (включение в сферу межгосударственных связей). Фактически конфессиональные отношения органически вписываются («накладываются») в широкий спектр социальных коммуникаций в границах как ТГЗ, так и межгосударственных отношений. Иерархическая соподчиненность этого социального института прослеживается в структуре церкви (стратификация профессионального духовенства), выступающей для государства в качестве юридического лица, владеющего собственностью, составляющей экономическую основу и как социальный регулятор четко разработанную догматику и детализированный культ. На уровне любой конфессиональной организации выделяют управляющую и управляемую подсистемы. Первая система включает социальные группы, ориентированные на сохранение (консервацию) мировоззренческих установок, координацию религиозной деятельности и отношений, организацию контроля за соблюдением конфессиональных норм, включая разработку и применение санкций. Ядро этой системы может находиться как в границах ТГЗ, так и за ее пределами. В границах Алтае-Саянского экорегиона управленческое звено РПЦ было представлено с 1828 г. руководством Алтайской Духовной миссии (г. Бийск в 1828 г., Улала в 1830–1917 гг.) и опиралось на сеть динамично разворачиваемых миссионерских станций и селений [28, 29]. Центры контроля экспансии ламаизма (бурханизма) и мусульманства находились за пределами Российской империи [30–33].

Для Западного Кавказа характерно, что вплоть до выселения автохтонного населения и смены его переселенцами институты конфессионального управления находились за пределами ТГЗ. У мусульман – в Стамбуле. Эволюция христианских религиозных организаций с конца XIX в. на территории Черноморского побережья Кавказа протекала в несколько этапов. На этапе вхождения этого района в ТГЗ (вторая половина XIX – 1917 г.) государством обеспечивалось доминирование Русской православной церкви при поддержке других христианских конфессий [34].

Вторая управляемая подсистема включает социальные институты верующих (формы социальной организации), воспринимающих конфессиональные нормы в качестве социального регулятора повседневной жизни. Подразумевается существование между этими подсистемами системы нормативно оформленных, иерархически выдержанных отношений, позволяющих осуществлять управление религиозной деятельностью. Регулирование этих отношений реализовывалось на основе организационно-институциональных норм, содержащихся в нормативных источниках, регулирующих структуру и функции конфессиональных организаций. Характер отношений между верующими, священнослужителями различных рангов, руководящими органами организаций и их

структурными подразделениями, регламентируют их деятельность, права и обязанности. Необходимо учитывать, что с учетом крайне консервативного характера норм обычного права в сфере семейных отношений и традиционной экономики, конфессиональные нормы, затрагивающие повседневную жизнь населения ТГЗ на всех этапах исторического развития, имели сложную для восприятия конфигурацию, динамично меняющуюся как во времени, так и в пространстве. Кодификация этих норм, делегирование церкви части функций государства (в области семейного права) выступали проявлением не только конфессиональной, но и национальной политики.

По представленной характеристике типобразующих признаков ТГЗ прослеживается ряд методологических проблем, связанных с моделированием в ее границах сложно подчиненной и динамично меняющейся системы межэтнических и межконфессиональных коммуникаций. Предполагается, что на этапе правовой неопределенности ТГЗ используемые социальные технологии ориентированы на системное решение двух проблем, возникающих в процессе межгосударственного противостояния: 1) формирования режимов контроля этносоциальной и конфессиональной обстановки и 2) управления социальными процессами в национально-государственных (общенациональных) интересах.

Специфическим признаком ТГЗ является то, что в их границах, в отличие от внутренних районов государства, противоречия между этими интересами и этническими интересами населения ТГЗ являются скорее нормой, чем исключением. В связи с этим курс НП в границах ТГЗ проявляется не столько в поиске «баланса интересов», сколько в выборе неоднократно апробированных социальных технологий, направленных на сокращение рисков потери подконтрольной территории и населения. Объективно национальная политика в ТГЗ направлена на последовательное формирование пограничного режима, который, в соответствии с современным определением, служит исключительно интересам создания необходимых условий для охраны государственных границы. Как следствие, регламентирует все формы активности населения на подконтрольной территории: передвижение, природопользование, жизнеобеспечение, проведение массовых мероприятий (конфессиональных, общественно-политических, культурных и т.д.). В то же время формирование системы мониторинга за этносоциальной обстановкой в ТГЗ и ее жесткой регламентации в сферах, сталкивающихся с интересами государства, объективно не может входить в противоречие с внутренним содержанием НП, проводимой по отношению к народам, этнические территории которых выходят за границы пограничной зоны. В этой связи применяемые социальные технологии в границах ТГЗ однозначно имеют универсальный характер. На их основе достаточно проблематично выделить специфику НП, ориентированной на первоочередное обеспечение общегосударственных интересов.

Вышеизложенное обуславливает постановку в качестве задачи более широкое использование компаративного анализа при выявлении и оценке социальных

технологий, содержания, средне- и долгосрочных последствий НП стран, чьи национальные интересы пересекались с интересами населения ТГЗ. Расширение спектра методик объективно определяет последовательный отказ от аксиологического (оценочного) подхода, имеющего, как правило, однозначный характер. В качестве примера можно привести оценку социальных последствий мухаджирства, трактуемого как проявление политики геноцида по отношению к автохтонному населению Западного, отчасти Северного Кавказа военной администрацией Российской империи. Противоречивость этого положения проявляется в том, что, с одной стороны, мухаджирство – это проявление НП не только Российской империи, но и Порты, принявшей на свою территорию мигрантов. В историографии неоднократно отмечались массовая гибель мигрантов от болезней и голода и как следствие – распад семей, потеря этнической самоидентификации на территории Турции в течение двух-трех поколений [12], и сохранение этнической самоидентификации у отдельных этнических групп (шапсугов), оставшихся на территории Российской империи. Собственно мухаджирство, как и любая иная форма вынужденной миграции, представляло комплекс взаимообуславливающих друг друга процессов, объединяющих обширный перечень социальных технологий – принятие и согласование решений о депортации, организация и ход депортации, организация приема мигрантов, процедуры их интеграции и т.д. При этом на каждом этапе этого процесса акторы (национальная элита, административные круги государств, включенные в процесс) и сфера их ответственности за социальные последствия динамично менялись. В историографии уже отмечалось, что помимо Российской и Османской империи ответственность за депопуляционные процессы в среде мигрантов несли Британская империя и Франция, блокировавшие выполнение Россией Андрианопольского мирного договора.

С другой стороны, целенаправленные миграции, направленные на формирование выгодной для государства этнической и конфессиональной структуры населения, выступают универсальной технологией формирования населения не только ТГЗ, но и колоний. Исторические прецеденты принудительного переселения на Евразийском континенте известны с Раннего средневековья. Они активно практиковались в Монгольской империи, когда нелояльные чингизидам племена дробились и выселялись с этнической территории. В XVIII – начале XIX в. эти технологии активно использовала Османская империя по отношению к армянам-христианам. Европейские страны активно использовали миграционную политику в качестве технологии перемещения «трудовых ресурсов» колоний в осваиваемые под монокультуры районы. Современная этническая карта мира во многом является результатом миграционных потоков, инициированных в колониальный период. Во второй половине XX в. эти технологии использовались как в ТГЗ СССР, так и в странах Европы. Например, выселение в 1940-е гг. ряда

этносов Крыма с российской части побережья Черного моря (немцев, греков, армян, болгар, крымских татар, венгров, румын, итальянцев и др.) и 12–14 млн немцев с территории Польши, Чехии, Венгрии по своим социальным последствиям были явлениями одного порядка [35, 36]. Несмотря на то, что действовавшая на тот момент Гаагская конвенция 1907 г. прямо запрещала отчуждение собственности гражданского населения (ст. 46), а также принцип коллективной ответственности (ст. 50), почти полтора десятка миллионов немцев, преимущественно женщин, стариков и детей, в течение трех лет были изгнаны из родных мест, а их собственность – разграблена. Если обратиться к истории США как эталона «демократического государства», то его НП по отношению к автохтонному населению вплоть до середины XX в. не имела принципиальных отличий от «имперских технологий»: принудительное переселение с территорий традиционного природопользования, ликвидация традиционных социальных институтов, ограничение социальных лифтов и т.д.

Принимая во внимание вышеизложенное, применение термина «геноцид» должно четко соответствовать принципу историзма: за прошедшие два столетия депортации населения из ТГЗ были универсальной социальной технологией. Прослеживаются и определенные хронологические ограничения в его использовании. В качестве примера можно привести отказ правительства Великобритании в оценке «голодомора» 1932–1933 гг. на территории Украины как геноцида. Специальные парламентские слушания (Лондон, 07.11.2017 г.), инициированные депутатом от правящей Консервативной партии Полина Латама, приняли разъяснение Министрства иностранных дел, согласно которому термин «геноцид» был признан официально приемлемым только по отношению к Холокосту, преступлениям в Сребренице и Руанде. Основанием стала Конвенция ООН, определившая геноцид как концепцию международного права, не имеющего обратной силы (ретроспективного применения). Исключительный статус Холокосту, который случился до 1948 г., был придан как основание для юридического определения этой концепции [37].

Предложенные методологические подходы анализа взаимосвязи (взаимообусловленности) между НП и этническими процессами, с одной стороны, придают динамику исследованию этнической истории народов, этническая территория которых перманентно пресекалась государственными границами, с другой – формируют основы для научного прогнозирования: исследования создают условия для формирования банка данных вариантов (моделей) реакции этнических меньшинств на широкий спектр воздействия на традиционные социальные институты и системы жизнеобеспечения. Трансграничные зоны выступают в качестве наиболее перспективных исследовательских полигонов как для апробации методик, так и для очерчивания перечня социальных технологий НП, имеющих минимальные издержки для традиционных институтов народов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садовой А.Н. Исследования в области социальной антропологии и социологии. Опыт и проблема взаимодействия // Антропологический форум. № 16. Антропология и социология. СПб. : Кунсткамера, 2012. С. 109–120.
2. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 196 с.
3. Алехина Ю. Как наша Россия выглядит в учебниках истории стран бывшего СССР // Комсомольская правда. Краснодар. 13.12.2017. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (дата обращения: 5.02.2018).
4. Материалы совместного заседания Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики, Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения, Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. г. Москва, Медиа-центр. Текущий архив лаборатории этносоциальных проблем. СНИЦ РАН.
5. Россия – «коварный враг» и «оккупант», а мы – самые древние: чему учат детей в школах стран СНГ // Информационное агентство REGNUM. 31.12.2012. URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html> (дата обращения: 5.02.2018).
6. Северьянов М., Лебединский В. Докопаться до правды, или Кто и зачем переписывает историю // Красноярская газета. Красноярск. 28.12.2012. URL: <https://subscribe.ru/group/svobodnyij-mikrofon/3524022/>
7. PUBLIC LAW 86–90. Закон о порабощенных нациях. 1959. США. URL: <http://voprosik.net/zakon-o-poraboshhyonnyx-naciyax-pl-86-90-ot-17-07-1959-g/>
8. Белозёрова М.В. Некоторые события Русско-Кавказской войны 1817–1864 гг. в сети интернет: мифы и реальность // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Ростов н/Д : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2014. С. 90–102.
9. Белозёрова М.В. Критерии научной объективности в освещении исторических событий в современных масс-медиа // Медийные стратегии современного мира. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2014. С. 111–114.
10. Садовой А.Н. Социальная стратификация черкесов Причерноморья в конце XIX – начале XX в. Сословный и классовый аспекты анализа // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. Научно-технический журнал. 2016. № 1 (34). С. 120–129.
11. Садовой А.Н. Институт рабства в XIX в.: форма русско-черкесского противостояния // Славянский мир. Диалог культур : сб. науч. статей. Кемерово; Омск : КемГУКИ, 2011. С. 164–174.
12. Белозёрова М.В. К проблеме российско-черкесского взаимодействия и формирования этнической идентичности: XIX – начало XXI века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2015. № 32. С. 26–33.
13. Садовой А.Н. Традиционная культура и природопользование (автохтонное население Черноморского побережья Кавказа в XIX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (32).
14. Белозёрова М.В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo communicans II: человек в пространстве коммуникации. Szczecin, Poland, 2012. С. 46–52.
15. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX века. Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. 124 с.
16. Щеголькова Е.Ю. Межэтнические взаимодействия населения Большого Сочи // Вестник Института социологии. 2011. Вып. 2. С. 173–186.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗРИ-1). Устав об управлении инородцев 1822 г. Т. 38 (1822–1823), № 129126. С. 394–417.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. (ПСЗРИ-3). Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях (23.05.1896). Т. 16.
19. Alaska Native Claims Land Settlement Act. Public law 92-203 92nd Congress, H.R. 10367. December 18, 1971.
20. Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA) Public law 96-487. December 2, 1980.
21. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск : Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 78–99.
22. Садовой А.Н. К стратегии развития инфраструктуры таежных районов Южной Сибири (компаративный анализ и проблема использования опыта США на территории Аляски) // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: ресурсный потенциал и его рациональное использование в целях устойчивого развития : материалы всерос. науч.-практ. конф. Кемерово : Изд-во ИУУ СО РАН, 2003. Т. 1. С. 145–157.
23. Садовой А.Н. Этносоциальные аспекты реализации концепции развития особо охраняемых природных территорий федерального значения // Этнические, экологические и экономические аспекты развития туризма на особо охраняемых природных территориях горных экосистем. М. : СНИЦ РАН, 2012. С. 14–33.
24. Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата : Наука, 1986. 168 с.
25. Калыш А.Б., Рахимов Е.К. Вклад А.В. Коновалова в разработку казахской диаспоры России // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». № 1 (05). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/425> (дата обращения: 5.02.2018)
26. Ларина Е., Наумова О. Кош-Агачские казахи-мигранты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kosh-agachskie-kazahi-migranty> (дата обращения: 5.02.2018).
27. Ларина Е., Наумова О. Миграции казахов в западной части российско-казахского пограничья // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 32–47.
28. Садовой А.Н. Деятельность Алтайской духовной миссии как фактор воздействия на социально-экономическую структуру населения Горного Алтая в пореформенный период // Алтай в прошлом и настоящем. Барнаул : Архивный отдел. Алтайск. крайисполкома, 1987. С. 85–88.
29. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX в.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.
30. Садовой А.Н. Некоторые аспекты анализа бурханства // Проблемы истории Кузбасса : материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию создания Кемеровской области. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2002. С. 8–11.
31. Шерстова Л.И. Бурханство в Горном Алтае // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 22–37.
32. Шерстова Л.И. Бурханство: истоки этноса и религии. Томск : Изд-во ТГУ, 2010. 288 с.
33. Насонов А.А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Кемерово : ИНТ, 2013. 198 с.
34. Ионова З.Н. Христианские конфессии на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2015.
35. Геноцид немцев цивилизованными соседями. URL: <https://mikle1.livejournal.com/6628320.html> (дата обращения: 5.02.2018).
36. Немцы: изгнаны и убиты. URL: <http://schutz-brett.org/3x/ru/nctopnr/29-russische-beitraege/nctopnr/1348-nemtsy-izgnany-i-ubity.html> (дата обращения: 5.02.2018).
37. Великобритания не признала геноцидом Голодомор в Украине // Страна ua.09:21. 26 ноября 2017. URL: <https://strana.ua/news/107551-velikobritaniya-ne-priznala-henotsidom-holodomor-v-ukraine.html> (дата обращения: 5.02.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июля 2018 г.

Keywords: national policy; cross-border zone; social technologies; ethnic processes, separatism; Caucasus; Altai-Sayan ecoregion.

The determination of methodologies for the identification of the relationship between existing national policies and ethnic processes is the aim of this article. The subject area is outlined by two cross-border zones of Russia (the Caucasus, the Altai-Sayan mountain region) with a characteristic multi-ethnic and multi-confessional composition of the population. The territorial framework is determined by national policy specifics in border areas; the policy is not directly related to the state structure forms and political regimes change. The study has chronological limits: the past two centuries. This period is determined by the orientation of the ethnic processes study. These processes are seen as ethnic and religious minorities' reactions to the national and foreign policies. The author of the article relies on historiographical sources devoted to the history of the Russian national policy and the cross-border zone population's ethnic history. The principles of a systematic approach (as a methodological basis) are attached to the natives' traditional social institutions genesis study. Three plots are considered. The first is devoted to the category of trans-border zones, the principles of their allocation and manifestation forms. The second plot is related to the problem of the border regime definition in areas of intensive intra- and inter-ethnic communications. The third plot is devoted to social technologies aimed at the ethno-social situation stabilization in border areas. Several working hypotheses based on the analysis were formed. The definition of border regimes (state security) is universal. This creates broad opportunities for comparative analysis of neighboring countries' national policies, on the one hand. On the other hand, the conditions for comparing the internal policies of the central and border areas are being formed. The low population density, length of borders, border disputes determined the national policy course specifics in the border areas. The preservation of state sovereignty on the basis of a stable ethno-social situation was a priority task of both foreign and national policy at all stages of Russia's historical development. This trend significantly reduces the possibility of chauvinism of the "titular ethnos" manifestation. The preservation of natives' traditional social institutions (clan organization, family, latent forms of self-government and legal proceedings) was allowed by the state in cases of loyalty of ethnic elites to the ongoing political course. National elites' integration into the social institutions of the state was the central trend of stability of state borders. Technologies for neutralizing conflict situations (military expeditions, deportations of minorities, changes in ethnic composition, etc.) in the border areas of Russia were focused on the internal policy of neighboring states. They were universal in their functions (features).

REFERENCES

1. Sadovoy, A.N. (2012) Issledovaniya v oblasti sotsial'noy antropologii i sotsiologii. Opyt i problema vzaimodeystviya [Research in social anthropology and sociology. Experience and the problem of interaction]. *Antropologicheskii forum*. 16. pp. 109–120.
2. Sadovoy, A.N. & Pruef, N.A. (1996) *Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika* [Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
3. Alekhina, Yu. (2017) Kak nasha Rossiya vyglyadit v uchebnikakh istorii stran byvshego SSSR [How our Russia looks in the history books of the countries of the former USSR]. *Komsomol'skaya pravda*. 13 December. [Online] Available from: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851>. (Accessed: 5.02.2018).
4. Current Archive of the Laboratory of Ethnosocial Problems. *Proceedings of the joint meeting of the Commission on Information Support of the State National Policy, the Commission on Education and Historical Education, the Commission on Migration Issues and Socio-Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Presidential Council on Interethnic Relations*. Moscow. Media Center. (In Russian).
5. REGNUM. (2012) Rossiya – "kovarnyy vrag" i "okkupant", a my – samye drevnie: chemu uchat detey v shkolakh stran SNG [Russia is an "insidious enemy" and an "occupant", and we are the most ancient: what children are taught in schools in the CIS countries]. 31 December. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/1610250.html>. (Accessed: 5.02.2018).
6. Sever'yanov, M. & Lebedinskiy, V. (2012) Dokopat'sya do pravdy, ili Kto i zachem perepisyvaet istoriyu [To get to the bottom of the truth, or Rewriting history: Who and why?]. *Krasnoyarskaya gazeta*. Krasnoyarsk. 28 December. [Online] Available from: <https://subscribe.ru/group/svobodnyj-mikrofon/3524022/>.
7. USA. (1959) *PUBLIC LAW 86–90*. [Online] Available from: <http://voprosik.net/zakon-o-poraboshhyonnyx-nacyax-pl-86-90-ot-17-07-1959-g/>.
8. Belozerova, M.V. (2014) Nekotorye sobytiya Russko-Kavkazskoy voyny 1817–1864 gg. v seti internet: mify i real'nost' [Some events of the Russian-Caucasian war of 1817–1864 on the Internet: myths and reality]. In: Guda, A.N. et al. (eds) *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and public relations: traditions and innovations]. Rostov-on-Don: Rostov State Transport University.
9. Belozerova, M.V. (2014) Kriterii nauchnoy ob"ektivnosti v osveshchenii istoricheskikh sobytii v sovremennykh mass-media [Criteria of scientific objectivity in the coverage of historical events in the modern mass media]. In: Luchinskiy, Yu.V. et al. (eds) *Mediynye strategii sovremennogo mira* [Media strategies of the modern world]. Krasnodar: Kuban State University.
10. Sadovoy, A.N. (2016) Sotsial'naya stratifikatsiya cherkesov Prichernomor'ya v kontse XIX – nachale XX v. Soslovnnyy i klassovyy aspekty analiza [The social stratification of the Circassians of the Black Sea region in the late 19th – early 20th centuries. The estate and class aspects of the analysis]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya. Nauchno-tehnicheskii zhurnal*. 1 (34). pp. 120–129.
11. Sadovoy, A.N. (2011) Institut rabstva v XIX v.: forma russko-cherkesskogo protivostoyaniya [Institute of slavery in the 19th century: the form of the Russian-Circassian confrontation]. In: Kudrina, E.L. et al. (eds) *Slavyanskiy mir. Dialog kul'tur* [Slavic world. Dialogue of cultures]. Kemerovo; Omsk: Kemerovo State University of Culture and the Arts.
12. Belozerova, M.V. (2015) To the problems of the Russian-Circassian interaction and formation of ethnic identity: XIX – early XXI centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Zhurnal teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. Journal of Theoretical and Applied Research*. 32. pp. 26–33. (In Russian).
13. Sadovoy, A.N. (2015) Traditional culture and natural resources use (Black Sea coast natives in the XIX century). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 3 (32). (In Russian).
14. Belozerova, M.V. (2012) K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na territorii rossiyskogo Prichernomor'ya (na primere Bol'shogo Sochi) [To the problem of interethnic interaction in the Russian Black Sea region (on the example of the Greater Sochi)]. In: Yanashek, K. et al. (eds) *Homo communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii* [Homo communicans II: people in the communication space]. Szczecin, Poland: Graf-form studio graficzno-wydawnicze.
15. Tveritinov, I.A. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Sochinskogo okruga vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Socio-economic development of the Sochi area in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries]. Maykop: Poligraf-Yug.
16. Shchegol'kova, E.Yu. (2011) Mezhetnicheskoe vzaimodeystviya naseleniya Bol'shogo Sochi [Interethnic interactions of the population of the Greater Sochi]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2. pp. 173–186.

17. Russian Empire. (1822–1823) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. No. 129126. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 394–417.
18. Russian Empire. (1896) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 16. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
19. *Alaska Native Claims Land Settlement Act*. Public law 92-203 92nd Congress, H.R. 10367. December 18, 1971.
20. *Alaska National Interest Lands Conservation Act (ANILCA)*. Public law 96-487. December 2, 1980.
21. Sadovoy, A.N. (2000) Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SShA na Alyaske [The traditional life support system of the Gwich'in in the Chandalar basin and the United States Regional National Policy in Alaska]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Traditsionnye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional Life Support Systems and Regional National Policy]. Is. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.
22. Sadovoy, A.N. (2003) [Towards an Infrastructure Development Strategy for the Taiga Regions of Southern Siberia (Comparative Analysis and the Problem of Using the US Experience in Alaska)]. *Regional'nye problemy perekhoda k ustoychivomu razvitiyu: resursnyy potentsial i ego ratsional'noe ispol'zovanie v tselyakh ustoychivogo razvitiya* [Regional Problems of Transition to Sustainable Development: Resource Potential and Its Rational Use for Sustainable Development]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Kemerovo: Institute of Coal and Coal Chemistry, SB RAS. pp. 145–157. (In Russian).
23. Sadovoy, A.N. (2012) Etnotsial'nye aspekty realizatsii kontseptsii razvitiya osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriy federal'nogo znacheniya [Ethno-social aspects of the implementation of the concept of development of specially protected natural areas of federal significance]. In: Sadovoy, A.N. et al. (eds) *Etnicheskie, ekologicheskie i ekonomicheskie aspekty razvitiya turizma na osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh gornyykh ekosistem* [Ethnic, environmental and economic aspects of the development of tourism in specially protected natural areas of mountain ecosystems]. Moscow: Sochi Research Center RAS.
24. Konovalov, A.V. (1986) *Kazakhi Yuzhnogo Altaya (Problemy formirovaniya etnicheskoy gruppy)* [Kazakhs of Southern Altai (Problems of the formation of an ethnic group)]. Alma-Ata: Nauka.
25. Kalysh, A.B. & Rakhimov, E.K. (n.d.) A.V. Konovalov's contribution to the study of the Kazakh diaspora in Russia. *edu.e-history.kz*. 1 (05). [Online] Available from: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/425>. (Accessed: 5.02.2018). (In Russian).
26. Larina, E. & Naumova, O. (2008) *Kosh-Agachskie kazakhi-migranty* [Kosh-Agach Kazakh migrants]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/kosh-agachskie-kazakhi-migranty>. (Accessed: 5.02.2018).
27. Larina, E. & Naumova, O. (2006) Migratsii kazakhov v zapadnoy chasti rossiysko-kazakhskogo pogranich'ya [The migration of the Kazakhs in the western part of the Russian-Kazakh borderland]. *Vestnik Evrazii*. 4. pp. 32–47.
28. Sadovoy, A.N. (1987) Deyatel'nost' Altayskoy dukhovnoy missii kak faktor vozdeystviya na sotsial'no-ekonomicheskuyu strukturu nasele-niya Gornogo Altaya v poreformenny period [The activities of the Altai spiritual mission as a factor influencing the socio-economic structure of the population of Gorny Altai in the post-reform period]. In: Kovanov, V.A. et al. (eds) *Altay v proshlom i nastoyashchem* [Altai in the past and present]. Barnaul: Arkhivnyy otdel. Altaysk. krayispolkoma.
29. Sadovoy, A.N. (1992) *Territorial'naya obshchina Gornogo Altaya i Shorii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Territorial community of Gorny Altai and Shoria (late 19th – early 20th centuries)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
30. Sadovoy, A.N. (2002) [Some aspects of the analysis of Burkhanism]. *Problemy istorii Kuzbassa* [Problems of the history of Kuzbass]. Proceedings of the Inter-Regional Conference on the 60th anniversary of Kemerovo Oblast. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 8–11. pp.
31. Sherstova, L.I. (2005) Burkhanizm v Gornom Altai [Burkhanism in Gorny Altai]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 22–37.
32. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
33. Nasonov, A.A. (2013) *Lamaizm v mezhkonfessional'nom vzaimodeystvii na yuge Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v.)* [Lamaism in interfaith cooperation in the south of Western Siberia (the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries)]. Kemerovo: INT.
34. Ionova, Z.N. (2015) *Khristianskie konfessii na Chernomorskom poberezh'e Kavkaza v kontse XIX–XXI vv.* [Christian denominations on the Black Sea coast of the Caucasus in the late 19th–21st centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Stavropol.
35. Mikle1. (2016) *Genotsid nemtsev tsivilizovannymi sosedyami* [The genocide of the Germans by civilized neighbors]. [Online] Available from: <https://mikle1.livejournal.com/6628320.html>. (Accessed: 5.02.2018).
36. Sumlenny, S. (2013) *Nemtsy: izgnany i ubity* [Germans: exiled and killed]. [Online] Available from: <http://schutz-brett.org/3x/ru/nctopnr/29-russische-beitraege/nctopnr/1348-nemtsy-izgnany-i-ubity.html>. (Accessed: 5.02.2018).
37. Strana.ua. (2017) *Velikobritaniya ne priznala genotsidom Golodomor v Ukraine* [Britain did not recognize the Holodomor in Ukraine as genocide]. [Online] Available from: <https://strana.ua/news/107551-velikobritaniya-ne-priznala-genotsidom-holodomor-v-ukraine.html>. (Accessed: 5.02.2018).

Received: 28 July 2018

Т.В. Сарычева

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-х гг.

Приводятся сведения об организации физкультурной работы среди трудящейся молодежи города и сельской местности Западной Сибири в 1920-х гг. Характеризуются существовавшие в начале десятилетия программно-методическое обеспечение физической подготовки молодежи, возможности кадрового обеспечения, участия советов ФК и общественных структур – комсомола и профсоюзов в ее расширении. Рассматривается создание юношеских секций при рабочих клубах, кружков при избах-читальнях и их роль в развитии физкультурного движения.

Ключевые слова: трудящаяся молодежь; физическая подготовка; кружки физической культуры; Западная Сибирь.

Формирование советской системы физической культуры относится к 20-м гг. XX в. Постановка целей в этой социально важной сфере обусловлено рядом факторов, где наиболее значимыми являются политические и социально-экономические условия развития общества. Интересы Советского государства, объективные условия жизни и социокультурная ситуация в этот период диктовали необходимость военно-физической подготовки и оздоровления граждан огромной страны. При отсутствии четкой государственной политики в области физической культуры в начале 1920-х гг. военно-прикладную физическую подготовку населения осуществляла организация Всеобуч. Между тем уже с 1923 г. физическое воспитание граждан вошло в компетенцию профильной организации – совета физической культуры (СФК). Утилитарная направленность (физическая подготовка к труду, защите Родины) доминировала в системе физической культуры с установлением советской власти на протяжении нескольких десятков лет. Безусловно, оздоровление населения Советского государства имело большое значение, однако улучшение физических кондиций рабочих и крестьян, повышение их производительности труда напрямую отражались на росте экономических показателей государства. Помимо этого, вовлечение трудящихся в данную сферу создавало предпосылки для оказания опосредованного влияния на формирование идейных гражданских позиций, нравственных установок, привлечения к общественно-политической жизни страны, приобщения к новой культуре. Проблема социокультурной активности этих категорий граждан актуальна и на сегодняшний день. В этой связи интересен опыт 1920-х гг., когда физическая культура стала входить в быт рабоче-крестьянской молодежи.

Одной из первых попыток регламентации деятельности по физической подготовке трудящихся Западной Сибири стала программа физкультурных занятий для рабоче-крестьянской молодежи, составленная летом 1923 г. Наличие в г. Томске института физической культуры (закрыт в 1923 г.), а также новаторская деятельность в этой области врача и общественного деятеля В.С. Пирусского позволили разработать программно-методическое обеспечение достаточно высокого уровня. Молодые люди в возрасте от 14 до 23 лет дифференцировались по группам: городские учащиеся, городские работающие на производстве и деревен-

ские. Графа «труд» в программе предусматривала для физического развития городской молодежи организацию показательных работ (топором, лопатой, пилой) в целях формирования элементарных навыков. Критериями для работающих молодых людей являлись выработка темпа и выносливости в работе. Игры подразделялись на спортивные (футбол, городки) и народные (принятые населением данного района). Спортивные мероприятия носили массовый, коллективный характер. Состязания имели прикладную направленность, способствовали формированию трудовых навыков и развитию физических качеств. Была обозначена необходимость систематичности в проведении занятий не менее 3 раз в неделю с инструктором. Остальные занятия позиционировались как повторение пройденного материала. Предпринимались попытки введения методики, было установлено соотношение времени в недельном 6-часовом курсе на проведение игр, занятий спортом, упражнениями и трудом для групп до 16 лет, 16–18 лет, 18 лет и старше. Программой предусматривался учет не только возрастных, но и индивидуальных особенностей. Однако осуществление физической подготовки молодежи, наряду с программным обеспечением, предполагает задействование профильных специалистов, нехватка которых ощущалась в регионе в начале 1920-х гг. особенно остро [1. Л. 1243–1244, 1246–1249].

Наиболее сложной организацией физкультурной работы была в сельской местности. Тем не менее план политпросветработы в деревне летом 1924 г. включал, в числе других, организацию физкультурных мероприятий: «Там, где есть возможность подыскать товарища, который может руководить занятиями, нужно создать спорткружок». Притязания к уровню компетентности организаторов физического воспитания отсутствовали: «К этому нужно привлечь демобилизованного красноармейца или товарища, знающего спорт (хотя и немного)». Для компенсации недостатка знаний инструкторов предлагалось подобрать соответствующую литературу. Кружок должен был охватить всех комсомольцев, а также значительное количество беспартийной молодежи, в первую очередь допризывного возраста. В программу-минимум должны были войти футбол, бег, вольные упражнения, при наличии спортивных снарядов – снарядная гимнастика. При возможности обеспечить руководство предла-

галось разнообразить программу. Изготовление спортивного инвентаря, оборудование спортплощадок также возлагались на местных энтузиастов [2. Л. 105].

В конце 1924 г. в Сибири был рассмотрен проект «Программы физического воспитания для организации физкультуры молодежи». В ней были обозначены принципы построения физвоспитания пролетарской молодежи. Была задекларирована цель – достичь максимум производительности труда. Программа была рассчитана на две возрастные группы (15–18 и 18–23 года). Для первой она включала четыре основных раздела: 1) строевые и порядковые упражнения и передвижения; 2) гимнастика естественных упражнений; 3) игры; 4) экскурсии. Для второй возрастной группы предназначались аналогичные разделы, но к разделу 3 была добавлена легкая атлетика. Рекомендуются к распространению видами спорта были легкая атлетика, плавание, гребля, верховая езда, фехтование [3. Л. 363–368].

Вовлечение трудящихся в сферу физической культуры создавало предпосылки к формированию новой личности, приобщению к незнакомой и непривычной советской культуре общества и быта. Ограниченность ресурсов советов ФК в тот период компенсировала участие комсомола, на комитеты которого возлагалось привлечение рабоче-крестьянской молодежи к занятиям физкультурой. Это решало сразу две проблемы: нехватки кадров физкультурных работников и оказания идеолого-политического воздействия на данный контингент. В 1924 г. концентрация досуговой работы предполагалась при клубах комсомола. Всего в регионе на январь 1925 г. имелось 35 комсомольских клубов. В районах, где для максимального охвата молодежи было явно недостаточно потенциала комсомольских клубов, предполагалось создание юношеских секций (ЮС) при рабочих клубах. ЮС, осуществлявшие свою деятельность под руководством комитетов Российского ленинского коммунистического союза молодежи (РЛКСМ), были признаны основной формой клубной работы с молодежью и утверждены Секретариатом ЦК РЛКСМ 29.06.1925 г. как структурная единица. Руководили секциями выборные бюро. Основными задачами ЮС являлись пропаганда, организация социально-адекватных развлечений и отдыха молодежи. В рамках деятельности ЮС при клубах создавались различные кружки, в том числе и физкультурные [4. Л. 9 об.; 5. Л. 125, 125 об.; 6. Л. 80; 7. Л. 242; 8. Л. 6].

Летом 1925 г. физкультурная деятельность была включена в план политпросветработы комсомола. Проведение занятий предполагалось на уличных спортплощадках не менее 2 дней в неделю по различным видам спорта: легкая атлетика, футбол, баскетбол, городки и т.д., а в качестве основного метода предлагался игровой. Основным видом спорта, культивируемым в летний период, по-прежнему был футбол. Большое внимание предполагалось уделять оздоровительным мероприятиям: прогулкам, экскурсиям, купанию, принятию солнечных ванн, а также личной гигиене и санитарии. Советы ФК должны были организовать врачебный контроль комсомольцев, занимавшихся физкультурой (до начала занятий и после

их окончания). Однако план физкультурной работы в летний период был сорван на 60–70%. В ноябре 1925 г. этот вид деятельности был передан в ЮС, а райкомы комсомола осуществляли работу «по движению и обработке физкультурного актива» [9. Л. 307; 10. Л. 89].

Основными формами работы ЮС являлись массовая и кружковая. Физкультурными видами массовой работы были прогулки, вечера физкультуры, спортивные праздники, стрельба в тире, подвижные и гимнастические игры. Предусматривалось проведение лекций и бесед, основной тематикой которых были санитарно-гигиеническое просвещение, популяризация идей физкультуры и Красного спортинтерна [10. Л. 94; 11. Л. 2. об.; 12. Л. 204, 205].

Кружковая физкультурная работа должна была тесно переплетаться с массовой работой ЮС. Практиковалась и так называемая вечерняя работа ЮС, включавшая, в числе других мероприятий, вечера физкультуры и подвижные игры. Данный вид организации досуга молодежи был одобрен Сибкрайкомом ВКП(б) [12. Л. 205; 13. Л. 198, 198 об.].

Необходимость учета запросов и интересов рабочей молодежи и рабочих среднего возраста рассматривались на XIV съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) в декабре 1925 г. и на VII съезде РЛКСМ. Организация досуга молодежи под руководством комсомола должна была усилить политическое влияние на данную категорию граждан и исключить возможность появления инакомыслия [13. Л. 198, 198 об.]. Аналогичная работа планировалась и в сельской местности, а оказание помощи в организации физвоспитания молодежи сел возлагалось на городские физкультурные организации.

Так, представители Омского совета ФК в целях инструктирования и инспектирования совершили за лето 1926 г. шесть выездов в районы, где делали доклады, проводили беседы на физкультурные темы, давали указания в практической работе РСФК. Однако нехватка средств дестабилизировала физкультурную деятельность, так как постоянная связь ОСФК с РСФК отсутствовала. Например, в Новосибирском округе связь между городом и деревенскими кружками практически отсутствовала и в 1927 г. [14. Л. 212, 234, 235, 238; 15. Л. 3]. Наиболее активными структурами в организации физкультурной работы в деревне являлись комсомол, райисполкомы и профсоюзы. Между тем использование инструкторов городских аппаратов различных ведомств в деревнях было невозможно за неимением командировочных средств. Шефство над деревенскими кружками городских физкультурников в летнее время не проводилось. Физкультурная работа в сельской местности осуществлялась посредством организации кружков при избах-читальнях. Из-за отсутствия профильных кадров руководство данной деятельностью возлагалось на работников изб-читален (избачей), врачей и др. По архивным приблизительным статистическим данным, в летний период 1926 г. по 21 району Омского округа насчитывалось 65 физкультурных кружков (свыше 1,5 тыс. человек). Указывалось о проведении в большинстве деревень медицинского осмотра. Следует

отметить, что отношение населения к физкультурным мероприятиям было позитивным. Большое распространение в летний период получили виды спорта и физические упражнения, не требующие серьезного оснащения спортивным инвентарем: футбол, городки, легкая атлетика, пирамиды. Футбольные матчи, занятия кружков и проведение соревнований в районных советах ФК Западной Сибири имели пропагандистское значение и привлекали к физкультуре сельских жителей [14. Л. 212, 234, 235, 238].

Для улучшения физкультурной работы в сельской местности, на заседании Сибкрайсовета ФК при крайисполкоме в декабре 1926 г. было принято решение о проведении до 1 мая 1927 г. смотра деревенских кружков физкультуры. В качестве вознаграждения лучших, по результатам конкурса, коллективов предлагался спортивный инвентарь на сумму 400 руб. Смотр активизировал деятельность советов ФК, которые провели ряд организационных мероприятий. Так, Томский окружной совет ФК в 1927 г. выписал библиотеку для районных СФК, а в населенные пункты, где отсутствовали райсоветы ФК, были переданы материалы по их организации. Были разработаны планы по физкультуре для курсов клубных работников, положение об участии райкомов комсомола в проведении летней оздоровительной кампании и т.д. Физкультурные кружки были обеспечены соответствующими программами [16. Л. 36; 17. Л. 9 об.].

Однако данных мер было явно недостаточно для организации планомерной физкультурной работы в сельских районах, которая в 1927–1928 гг. практически отсутствовала. Так, общее количество физкультурников в Томском округе на ноябрь 1927 г. составляло 12 508 человек, из которых только 252 были крестьяне. Малочисленность крестьянской молодежи, задействованной в физической подготовке, объясняется отсутствием в ряде районов округа инструкторов, помощи советов ФК, профсоюзов и др. О потенциале развития этой сферы на селе и наличии интереса населения к физической культуре свидетельствуют факты стихийного появления кружков физкультуры в районах и деревнях, несмотря на кратковременность их функционирования. Попыткой расширения массовости физкультурного движения, например, в Алтайском крае стало направление в 1928 г. в сельскую местность 20 активистов. Реализации этой же цели должна была способствовать организация в 1929 г.

массовых физкультурных соревнований: впервые состоялись сельский велопробег из Алейского района в Барнаул (5 участников) и 1-я крестьянская спартакиада Алтая. Спартакиада с участием команд из 21 района была проведена в Барнауле на стадионе профсоюзов (позднее «Динамо»). В программу соревнований входили футбол, баскетбол, легкая атлетика. Первое место заняли алейцы [17. Л. 6, 6 об., 9; 18. Т. 1. С. 310; 19. С. 31–32]. К концу 1920-х гг. по округам в большинстве районов Сибири были созданы райсоветы ФК при райисполкомах [20. Л. 14].

Распространение физкультуры в рабочей среде городского населения, как и в сельской местности, было незначительным. В 1928 г. лишь 3% взрослого населения было вовлечено в эту сферу. Численность физкультурников, занимавшихся в кружках на постоянной основе, обычно была невысокой. Так, в Томском округе общее количество занимающихся в кружках в 1927 г. составило 950 человек, а в 1928 г. – 1 178 человек. Рост организаций происходил в основном за счет учащихся и служащих, особенно в тех профсоюзах, которые материально обеспечивали кружки физкультуры (медики, СТС, рабпрос). В 1927 г. число служащих и учащихся составляло 588 человек, а в 1928 г. – 813, а численность рабочих снизилась с 329 человек в 1927 г., до 180 в 1928 г. [21. Л. 101].

Таким образом, 1920-е гг. стали периодом становления физической культуры, как части культуры нового времени в рабоче-крестьянской среде Западной Сибири. Многофункциональность сферы, ее большое утилитарное значение, при острой нехватке профильных специалистов и минимальных возможностях советов ФК, обусловили участие в организации данной деятельности непрофильных структур – комсомола и профсоюзов, имевшее существенное значение для ее расширения. Внедрение физической культуры в рабочую среду населения западносибирских регионов в 1920-х гг. осуществлялось в основном через комсомольские клубы, юношеские секции при рабочих клубах, кружки в избах-читальнях. Важным итогом десятилетия, несмотря на ограниченность численности задействованной в физкультурных мероприятиях трудящейся молодежи, стали привлечение внимания данной категории граждан к физкультурным занятиям и формирование позитивного отношения к этой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 32.
2. ЦДНИ ТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188.
5. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 217.
6. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 336.
7. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 327.
8. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 188. Оп. 1. Д. 33.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 84.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 193.
11. ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 66.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 210.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 126.
14. Исторический архив Омской области. Ф. 28. Оп. 1. Д. 117.
15. ГАНО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 415.

16. ГАНО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 376.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 420.
18. Энциклопедия Алтайского края : в 2 т. Барнаул, 1995. Т. 1.
19. Баников С. Из истории края. Физкультура и спорт // Агитатор Алтая. 1988. № 16.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 415.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 414.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 апреля 2018 г.

The History of the Formation and Development of Physical Culture Among the Worker-Peasant Youth of Western Siberia in the 1920s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 157–160.

DOI: 10.17223/15617793/442/19

Tatiana V. Sarycheva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

Keywords: working youth; physical training; physical education clubs; Western Siberia.

The article deals with the formation of the Soviet system of physical culture in the 1920s. In this socially important area, goal setting depends on a lot of factors, the most significant are the political and socio-economic conditions of the society development. Engaging the working people in physical culture created preconditions for improving their health conditions and physical qualities, increasing labor productivity, engaging in the country's public and political life and introducing them to a new culture. One of the first attempts to regulate the physical training of working people was a physical education program for workers and peasants in Siberia, drawn up in the summer of 1923. It defined age limits, physical training criteria, PE facilities and forms of organization. The 1924 "Physical Education Programs for Organizing the Youth Physical Culture" project in Siberia outlined the principles for building up physical education for proletarian youth, defined recommended sports and declared a goal – to achieve maximum productivity. In addition to PE councils, the worker-peasant youth involvement in physical training was assigned to the Komsomol committees. Leisure activities was supposed to be concentrated at the Komsomol clubs, there were 35 of them in the region in January 1925. To maximize the Komsomol outreach of young people at activity clubs, members of the organization created youth sections (YS), whose main objectives were propaganda, organization of socially adequate entertainment and recreation for young people. The main forms of physical culture activities for YS were massive and club (walks, physical culture evenings, sports events, action-oriented and gymnastic games). The need to integrate the demands and interests of working youth was considered at the XIV Party Congress in Dec. 1925 and at the VII Congress of the Komsomol. The organization of the leisure time for young people under the Komsomol leadership was supposed to increase political influence on this category of citizens and exclude the possibility of nonconformity. The Komsomol and trade unions provided all possible assistance to PE councils in expanding physical education programs for working youth in cities and villages, but its volume was small and measures taken did not yield significant results. At that stage, it was important to attract the attention of the youth to physical education and to form a positive attitude towards this activity. The author concludes that the 1920s became a period of the physical culture formation as part of the new time culture in the worker-peasant environment of Western Siberia. The multifunctionality of the sphere, its great utilitarian importance, with an acute shortage of subject matter experts and minimal opportunities for PE councils, involved the non-core structures – the Komsomol and trade unions – in the organization of physical culture formation; their participation was essential for physical culture expansion.

REFERENCES

1. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 32. (In Russian).
2. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5. List 1. File 1. (In Russian).
3. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 35. (In Russian).
4. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 188. (In Russian).
5. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 217. (In Russian).
6. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 336. (In Russian).
7. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 327. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 188. List 1. File 33. (In Russian).
9. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 84. (In Russian).
10. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 193. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 196. List 1. File 66. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 3. List 1. File 210. (In Russian).
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 126. (In Russian).
14. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 28. List 1. File 117. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 196. List 1. File 415. (In Russian).
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 188. List 1. File 376. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 420. (In Russian).
18. Mishchenko, V.T. et al. (eds) (1995) *Entsiklopediya Altayskogo kraja: v 2 t.* [Encyclopedia of Altai Krai]. Vol. 1. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo.
19. Bannikov, S. (1988) *Iz istorii kraja. Fizkul'tura i sport* [From the history of the region. Physical culture and sport]. *Agitator Altaya*. 16.
20. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 78. List 1. File 415. (In Russian).
21. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 414. (In Russian).

Received: 24 April 2018

Л.Б. Степанова

РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТИИ В XX в.

Актуализирована востребованность визуальных методов исследований в работе академических экспедиций АН СССР, в качестве основного полевого инструментария проводившихся этнографических и историко-антропологических исследований. История академического экспедиционного изучения Якутии в XX в. рассматривается через призму интеллектуальных традиций советской этнографической школы как часть методологического гуманитарного проекта советской визуальной антропологии.

Ключевые слова: академические стратегии; краеведческое движение; визуальное наследие; визуальные методы исследований; традиционная повседневность; интеллектуальная культура.

Произошедший в октябре 1917 г. государственный переворот в обществе имел огромные последствия в дальнейшем развитии академической науки страны. Изменение социальных условий привело к переходу к оседлому образу жизни кочевых народов, ознаменовало начало борьбы с неграмотностью и антисанитарией, были созданы условия для формирования национальной интеллигенции. Дан мощный толчок к возрождению коренных малочисленных народов Севера, включая культурную революцию, охватившую все стороны жизни населения, начат процесс национального и культурного строительства; были определены новые границы расселения этнонациональных групп и племен, формировалась сеть культурно-просветительских учреждений, оказавших влияние на развитие науки и культуры.

До октября 1917 г. научная жизнь окраинных территорий России была зачастую сосредоточена вокруг групп энтузиастов, состоявших в местных научно-исследовательских обществах, инициировавших изучение родного края, а исполнение роли координирующего и научного центра отводилось областному музею. Научная работа не всегда планомерно велась и не имела преемственного характера ввиду различной степени подготовленности и квалификации сотрудников. Однако необходимо признать, что именно объемные культурные сдвиги, произошедшие в общественном сознании населения, и труд людей, вовлеченных в краеведческое движение в 1920-х гг., обусловили начало комплексного научного изучения Якутии и позволили впоследствии открыть в Якутске первый институт, а затем и Якутский научный центр с профильными институтами. Так, в условиях развала страны в результате Гражданской войны была организована сеть региональных научно-исследовательских институтов, которым были переданы полномочия ведения научных изысканий, чем раньше занимались научные общества и областные музеи. Прошли подготовку местные кадры, стали выделяться ежегодные ассигнования на научные исследования. Централизованная поддержка сделала возможным создание института нового типа, в котором соединились местные научные силы, ранее рассеянные по научно-исследовательским обществам, открывались новые возможности для проведения экспедиционных полевых исследований. Произошла перестройка исследователь-

ских стратегий, обусловленных изменениями, в том числе оснований науки. Безусловно, в лихорадке научных изысканий, охватившей страну в 1920–1930-е гг., имелись свои региональные особенности. Это было время поиска новых форм и методов работы.

Уже в 1925 г. на территории молодой Якутской Автономной Советской Социалистической Республики (ЯАССР) были возобновлены академические экспедиционные исследования. Комплексная Якутская экспедиция по изучению производительных сил (далее КЯР) стал первым проектом масштабной комплексной, долговременной экспедиции АН СССР, охватившей своими исследованиями основные аспекты жизнедеятельности населения, с одновременным проведением оценки ресурсного потенциала республики, подсчета запасов ее водных, биологических и недровых богатств. Впервые государство создало условия для ведения обширной научной деятельности. Один из организаторов КЯР П.В. Виттенбург об этом писал: «За время работы Якутская комиссия создала в республике в общей сложности 32 самостоятельных учреждения: обсерватории, лаборатории, станции, рыбоконсервный завод, библиотеку в 60 тысяч томов и многое другое. Деятельность КЯР имела следствием не только помощь в организации изучения состояния и возможностей естественно-производительных сил республики, но и конкретные действия по оздоровлению ее населения, организации медицинской службы, методов ведения сельского хозяйства и многое другое. Работы КЯР подготовили условия для начавшегося освоения Северного морского пути. Благодаря изучению устьев рек Лены, Яны, Индигирки, Колымы, гидрологии прибрежных районов моря Лаптевых и Восточно-Сибирского стало возможным приступить к строительству морских портов. Функционирование сети метеостанций, и особенно Ляховской станции, внесло существенный вклад в организацию арктического мореплавания» [1. С. 137].

Стратегия молодого правительства ЯАССР, направленная на всестороннее изучение родного края, имела огромное значение для освоения северных территорий в масштабах страны. В 1925–1940-х гг. экспедиции КЯР и Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР последовательно реализовали на северных территориях страны модель комплексных академических исследований, которые с течени-

ем времени оформились в один из крупнейших, модернизационных научных проектов. Они сыграли огромную роль в освоении малоисследованных окраин огромной страны и потребовали внедрения принципиально новых методов в сферу академической науки. Один из них мы рассмотрим в рамках принятого исследования.

Важнейшим итогом работы КЯР в ЯАССР стала реализация Академией наук СССР первого опыта межведомственных исследований с привлечением широкого круга лучших ученых страны, которая определила в дальнейшем преемственность комплексных академических экспедиционных исследований, обозначив научно-исследовательский потенциал СССР перед ведущими мировыми державами. Опыт КЯР был уникален еще и тем, что он соответствовал мировому уровню комплексных научных исследований. Это масштабное мероприятие способствовало повышению международного престижа советских ученых и одновременно подтвердило присутствие СССР на самых отдаленных северных территориях земного шара со специфическим комплексом природных условий, богатыми недрами, уникальным географическим ландшафтом, а проводившиеся научные исследования обеспечивались экспедиционной инфраструктурой академических экспедиций. Именно данный инновационный метод комплексного изучения определил преемственность проводившихся в последующие годы академических экспедиционных исследований СССР на всем пространстве Северной Азии.

Свидетельством широкомасштабных исследований служит значительный массив визуального наследия академических экспедиций АН СССР, ныне сосредоточенного в различных учреждениях культуры и науки нашей страны. Этот огромный комплекс фотодокументальных материалов (фотографии, полевое рисуночное фиксирование) представляет собой репрезентативную картину научных исследований, проводившихся по изучению населяющих огромную страну народов и содержит массив антропологических материалов, которые только начинают вводиться в научный оборот. В ходе интерпретации экспедиционных фотоматериалов, собранных экспедициями АН СССР по народам Якутии, был применен опыт российских ученых комплексного изучения архивных, музейных и частных фотоколлекций методом внешнего анализа их содержания [2. С. 62–67; 3. С. 38].

В качестве вариативного подхода автор предлагает рассмотреть экспедиционные рисунки и этнографические фотографии в русле проблемного поля интеллектуальной культуры и визуальных исследований, что позволит изучить состояние исследовательских стратегий и практик ученых с характерным мыслительным инструментарием и коммуникативными практиками интеллектуальных сообществ и научных школ, разработавших практическое применение визуальных методов исследования в социологии и антропологии «примитивных» народов. Это изучение культуры и образа жизни различных сообществ в этническом и в социальном отношении: обычаи, обряды, празднества, игры, развлечения и промыслы [4. С. 138].

Данная перспектива также откроет возможность для изучения биографики и визуального творчества экспедиционных фотографов, художников, а также их коллекторов. Анализ собирательских программ и инструкций научных экспедиций в части отбора объектов для визуальной фиксации позволит всесторонне рассмотреть реализацию поставленных задач, выделить в общем массиве материалов, уникальные образцы уже утраченных предметов, иллюстрирующих культуру народов Якутии, а также локальные особенности традиционной повседневности.

В ходе работы КЯР в 1920–1930-е гг. по заказу Совета народных комиссаров ЯАССР было собрано большое количество фотоиллюстративного материала. Практически все этнографические и собирательские программы, разработанные КЯР для этнографического изучения ЯАССР, содержат пункты по сбору и фотофиксации объектов исследования. Например, программа Д.Д. Травина по исследованию Верхоянского округа содержала следующие объекты визуальной фиксации: образцы жилищ, одежды, утвари, промысловых орудий и предметов культа; фотографии народов, проживающих на территории ЯАССР, – русских, якутов, ламутов и юкагиров; фотографии пород местных лошадей, быков, коров, оленей и ездовых собак; транспорт (нарты, лодки, ветки); виды конской, оленьей и собачьей упряжи; характерные бытовые сцены (фотоматериалы Верхоянской экспедиции Д.Д. и Н.Д. Травиных из собрания Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского). За процесс рисуночного фиксирования и фотодокументирования отвечал художник Н.Д. Травин.

В этнографическом отряде И.П. Сойконена работали художники П.М. Дикой и И.В. Попов. В программу исследований Хатанго-Анабарского этнографо-экономического отряда АН СССР под руководством П.В. Слепцова также входили задачи по зарисовке и фотографированию образцов жилищ, одежды, утвари, промысловых орудий и предметов культа [5. Л. 219–224]. Тщательную фотофиксацию вел начальник Ленского ихтиологического отряда КЯР, доктор биологических наук, профессор П.Г. Борисов. Его отряд в 1925–1929 гг. в составе П.А. Дрягина и Н.П. Вагнера, был единственным, который пересек Якутию с юга на север, впоследствии сосредоточив свои исследования за полярным кругом. За время своей работы отряд даже собрал этнографическую коллекцию для Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН (Кунсткамера; кол. 4415). В 1926–1928 гг. в составе экспедиции КЯР В.Н. Васильев обследовал районы центральной и северной Якутии до Охотского побережья, а также Алдано-Майский улус. Результатом этих поездок стал сбор колоссального этнографического материала, характеризующего традиционную культуру населения этих территорий. Собранные им фотоиллюстративные и этнографические коллекции хранятся в составе музейных собраний Российского этнографического музея, МАЭ РАН (Кунсткамера) им. Петра Великого и Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского.

В 1920–1930-е гг. вели рисуночное фиксирование, в ходе исследования Вилюйского округа ЯАССР А.А. Попов, этнографическими зарисовками иллюстрировал свои полевые исследования в ходе работы Хатанго-Анабарского этнографо-экономического отряда КЯР П.В. Слепцов. Его материалы по этнографии, истории, фольклору якутов и тунгусов были снабжены целым альбомом орнаментов. Значительный иллюстративный материал был выполнен художником А.А. Шишовым, работавшим в составе экспедиции, организованной Центральным музеем народоведения (г. Москва) под руководством С.А. Токарева в ЯАССР в 1934 г.

Иллюстративные рисунки и фотоматериалы 1920-х гг. экспедиций КЯР транслируют первые итоги происходившей постепенной трансформации научно-исследовательской стратегии и оформления советской этнографической школы. Из методологических программ визуальных исследований, разработанных в конце 1920-х гг., необходимо отметить программу В.Г. Богораз-Тана, содержащую подробные указания по выбору сюжета этнографической фотографии, выделения основных свойств и его правильной обработки. Ученый считал, что приемы фотографа-этнографа должны быть приближены к приемам киносъемки [6. Л. 3–15].

Разнообразие методологического инструментария исследовательских программ тех лет подчеркивает значение, которое придавали экспедиции КЯР визуальным методам исследования. Это также хорошо коррелирует с итогами экспедиционной деятельности и научных коммуникаций представителей якутской национальной интеллигенции из числа первых сотрудников Научно-исследовательского института языка и культуры (НИИЯК) при СНК ЯАССР и Якутского краеведческого музея им. Ем. Ярославского, совместными усилиями в 1930–1940-е гг. выполнивших большой объем разноплановой научно-исследовательской работы по изучению населения ЯАССР. Поддержав краеведческое движение в стране, Академия наук СССР сумела в кратчайшие сроки реализовать поставленные перед ней задачи, опираясь на помощь и силы местной интеллигенции. Якутская экспедиция КЯР АН СССР под руководством крупных ученых (П.В. Виттенбург, В.Г. Богораз-Тан, И.И. Майнов, Э.К. Пекарский и др.) определила и сформировала навыки собирательства и этнографических исследований, в том числе с применением визуальных методов. В ходе полевых этнографических работ якутские этнографы и краеведы Г.В. Ксенофонтов, С.И. Боло, А.А. Саввин, И.В. Попов, М.М. Носов, М.И. Ковинин, И.Д. Новгородов и другие параллельно с основными исследованиями вели различными способами (рисунки, чертежи, фотография) визуальную фиксацию антропологических объектов и явлений – обычаев, празднеств, ритуалов и других малоизвестных сторон жизни общества и этносов. Изучение личных архивов этих исследователей позволило выявить в их составе наличие обязательного фотоиллюстративного материала. Это служит дополнительным свидетельством в пользу того, что проводимая ими работа по сбору исторических, этнографических и фольклорных данных обязательно сопровождалась

рисуночной иллюстрацией или фотофиксацией. Параллельно с основной деятельностью практически все они в соответствии с программой действий членов местных научно-исследовательских обществ «Саха Аймах», «Саха кэскилэ», Якутского отдела Русского географического общества, членами которых являлись, они уделяли внимание и этому аспекту своей работы. В частности, в личных фондах якутского народного поэта Н.Д. Неустроева, ученого-фольклориста Г.У. Гермогенова-Эргиса, этнографов А.А. Саввина и С.И. Боло в собрании Рукописного фонда архива ЯНЦ СО РАН удалось обнаружить сборы фольклорных данных, проиллюстрированных сериями тематических рисунков, которые они вели параллельно со своей основной литературной и научной работой. Там же, в фонде якутского ученого-этнографа Г.В. Ксенофонтова, среди материалов по происхождению якутского орнамента, помимо рисунков самого исследователя (рисунки предметов материальной культуры якутов и бурятов, эстампажи с орнаментики предметов якутской традиционной утвари), были выявлены образцы, выполненные народным художником И.В. Поповым и самодеятельным художником И. Корякиным (1910–1920-е гг.).

В середине 1920-х гг. художник-исследователь М.М. Носов начал свою фундаментальную работу по сбору и хранению исчезающих предметов повседневного быта якутов, к концу 1940-х гг. оформившуюся в отдельную большую программу по фиксации народного орнамента. В ней впервые был поставлен вопрос о необходимости сбора сведений об истории происхождения и бытования предметов материальной культуры. Он придавал большое значение необходимости фиксации и описания не только самого предмета, но и инструментов, при помощи которых его производили. Инструментарий программы был рассчитан на практическое внедрение принципа первичного научного описания предметов, разделяя общий массив предметов быта по их исходному функциональному назначению [7. Л. 8]. В 1935 г. все эти исследователи вошли в состав научных сотрудников Научно-исследовательского института языка и культуры при Совете народных комиссаров ЯАССР. Предварительные итоги изучения индивидуальных биографий этих якутских ученых позволяют говорить о них как о первых интеллектуалах, рассматривавших этнографию, фольклор и произведенные ими сборы музейных экспонатов, как единый текст культуры [8; 9. С. 7–10; 10. С. 78–104; 11. С. 95].

В 1930-е гг. в инструментарии научных этнографических исследований произошла смена методологических подходов, что можно рассмотреть на примере методики фотографирования объектов краеведческого изучения П. Тимофеева, рекомендованного для производственных экспедиций сети музеев краеведческого профиля. В его программе, основной упор был сделан на подробный технический инструктаж по съемке различных объектов [12. 1933. С. 41–47]. В те же годы существенно усовершенствовалась фототехника, которая позволяла произвести сравнительно большой объем фотосъемки. Эти технические рекомендации в некоторой степени нашли отражение в

экспедиционных фотоматериалах якутского этнографа А.А. Саввина.

Применение визуальных методов исследования позволили ему зафиксировать то, что можно упустить при простом текстологическом описании в дневнике. Экспедиционные фотографии А.А. Саввина уникальны тем, что исследователь, дополняя свои фольклорные и этнографические материалы средствами визуальной фиксации (в том числе рисуночной), впервые попытался запечатлеть мифологическую картину мира народа саха, воссоздать карту сакральных мест, определить связь системы родовых кладбищ с окружающим миром. Впервые провел планомерную портретную съемку всех известных шаманов и олонхосутов (олонхосут – исполнитель традиционного эпического произведения якутского народа, хранитель и знаток якутской мудрости) Вилуйского, Сунтарского и Абыйского районов ЯАССР в которых он побывал с исследовательскими целями, а также попытался выполнить тщательную покадровую фиксацию наиболее интересных с его точки зрения обрядов, что позволяет сделать вывод, что ученый реализовывал стоявшие перед ним программные задачи по визуальной фиксации специфики отправления обрядовой стороны народных верований.

Изучение Якутии академическими экспедициями продолжилось после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и оставило нам в наследство большой пласт визуального материала, иллюстрирующего советскую повседневность народов Якутии. Среди них по своему объему и широте охвата тем, зафиксированных в визуальных образах, выделяется фотоколлекция Г.В. Наумова, участника II Якутской комплексной экспедиции СОПС, известного советского географа, автора ряда монографий, по народному хозяйству ЯАССР [13–15]. В конце 1948 г. Якутская научно-исследовательская база подняла вопрос об организации комплексной экспедиции АН СССР. По инициативе руководящих органов Якутии изыскательские работы производились Якутским филиалом СО АН СССР и с Южно-Якутской комплексной экспедицией Читинского геологического управления совместно с 18 научными учреждениями. Основная часть отрядов (16 из 36) была сосредоточена на территории Алданского горнопромышленного района ЯАССР. Параллельно с деятельностью ЯКЭ в 1952–1955 гг. совместно с СОПС АН СССР и Якутским филиалом АН СССР Институт экономики АН СССР организовал экономическую экспедицию, которая занималась проблемами освоения природных ресурсов и была ориентирована на решение народно-хозяйственных задач. Сельскохозяйственная группа экономической экспедиции под руководством Г.В. Наумова разработала основные пути развития сельского хозяйства на севере [16. С. 10]. Фотоколлекция Г.В. Наумова, которая иллюстрирует итоги работы экспедиции, охватывающей период 1948–1952 гг. можно отнести к «научной» фотографии, так как большая часть фотоматериала создавалась в качестве будущего исследовательского источника [17]. Содержание фотоматериалов отражает четкое разделение задач, которые ставил ученый при фотографировании

объектов. Тематические серии, призванные показать работу отряда, отличаются тщательным подбором сюжетных кадров, иллюстрирующих те или иные стороны развития народного хозяйства. Поэтому большой раздел в коллекции представляет тема так называемой производственной этнографии, где много внимания уделено традиционным промыслам и отраслям сельского хозяйства (охоте, заготовке пушнины, коневодству, животноводству и оленеводству). Выполненные Г.В. Наумовым сюжеты по советской повседневности приобретают вид зарисовки, где внимание фокусируется на людях. Интерес преимущественно сосредоточен на антропологических типах, костюмах и обстановке. В коллекции присутствуют все основные институты советского общества – семья, сельские правления и колхозы, представители различных профессий (олeneводы, чумработницы, передовики-охотники, доярки, нянечки яслей, капитаны речных судов, телятницы, доярки, пастухи и др.). Ценность коллекции Г.В. Наумова заключается в том, что посредством объектива своей фотокамеры ученый интуитивно выполнил социологическое исследование, произведя фотофиксацию визуально доступных объектов и явлений, которые предоставляют наибольшую возможность для социологического анализа – семья, работа, отдых (развлечения). Таким образом, визуальные методы академических экспедиций КЯР и СОПСа задали тон дальнейшим визуально-антропологическим исследованиям проводившимися АН СССР в Якутии в последующие годы.

Северная комплексная экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством И.С. Гурвич, работавшая на широком пространстве северных территорий СССР со второй половины 1950-х гг. (включая и ЯАССР), внесла большой вклад в изучение состояния сельского и промыслового хозяйства северных районов. В программе исследования, разработанной совместно с сектором экономики Севера Института экономики АН СССР, было уделено внимание выявлению существовавших недостатков и диспропорций в размещении отраслей хозяйства. Были внесены предложения по поиску резервов и путей улучшения размещения, специализации, эффективного использования природных и экономических ресурсов [18. 1957. Л. 1–18]. Ко всем видам работ прилагались фотоматериалы и картографические данные. Одновременно производился опрос об удовлетворенности населения в продуктах питания, снабжении промтоварами, качестве оказываемых образовательных услуг и медицинской помощи. Полевая экспедиция И.С. Гурвич сопровождалась сбором статистических сведений по изучаемому району, национальному составу и смешанным бракам, по возможности исследовались собрания местных архивов и музеев, собирались данные похозяйственных переписей, статистические данные об экономике отдельных семей, колхозов и совхозов. В задачи экспедиции входило: описание, фотографирование, киносъемка и зарисовка изучаемых объектов (поселения, жилища, утварь, одежда, орудия производства и других предметов материальной культуры). Все свои исследования, начиная с 1940-х гг., ученый сопро-

вождал иллюстративным материалом, фотографируя окружающую его повседневность, собирая образцы наивной живописи коренных народов Севера, а также их декоративно-прикладного искусства. Каждая его экспедиция обязательно сопровождалась штатным художником, фотографом либо кинооператором, в последние годы – фотографом-кинооператором. Был накоплен большой опыт полевой этнографической фотосъемки. Экспедиционные фотоматериалы И.С. Гурвич зафиксировали основные контексты повседневной и общественной жизни северян (дом, работа, потребление, традиционные занятия, болезнь, смерть и др.). Применение И.С. Гурвичем метода визуальной фиксации практических наблюдений в 1970-е гг. окончательно оформилось в авторскую визуальную программу исследования повседневности, включавшего фото- и киносъемку, на долгие годы определив целое направление советской школы «визуальных исследований».

Эмпирический и внешний анализ фотодокументальных комплексов академических экспедиций, ныне хранящихся в составе архивных, библиотечных и музейных собраний Российской Федерации, показал, что визуальные методы исследований являлись необходимым инструментарием проводившихся полевых экспедиционных исследований на протяжении всего XX в. Так, в рамках советской этнографической школы произошло формирование интеллектуальных традиций советской визуальной антропологии, посвященной исследованию повседневной культуры народов.

Вопреки сложившемуся мнению, советская этнографическая школа придавала большое значение ви-

зуальной фиксации экспедиционных будней. Каждая экспедиция АН СССР обязательно включала в число сотрудников штатного фотографа или художника. Таким образом, визуальные методы исследования советской этнографической школы стали во многом предтечей исследований современных ученых в этом направлении. На наш взгляд, широкое применение учеными визуальных методов исследования послужило решением методологических проблем антропологии в области изучения культурного опыта народов и его репрезентации. На примере практики применения визуальных методов исследований академическими экспедициями АН СССР автор представил их востребованность в качестве основного полевого инструментария проводившихся этнографических и историко-антропологических исследований, позволяющего детально отразить бытование собранных экспонатов в культуре повседневности.

В заключение можно резюмировать, что реализация задачи комплексного экспедиционного исследования Якутии по образцу прорывного академического проекта КЯР должна стать первостепенной задачей долгосрочной региональной стратегии исследований. Комплексный синтез междисциплинарных изысканий позволит актуализировать научные данные в области современного состояния народов, произвести оценку качества окружающей среды в районах, попавших в зону активного промышленного освоения, организовать демографические, социологические, статистические, экономические и этнографические исследования, включая изучение природно-ландшафтных комплексов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виттенбург, Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа // Воспоминания дочери Е.П. Виттенбург / ред. Н.В. Михайлов. СПб. : Нестор-История, 2003. 430 с.: ил.
2. Рубинина З.М. Фотографии семьи Левицких в филиале Государственного исторического музея // Отечественные архивы. 2010. № 2. С. 62–70.
3. Толмачева Е.Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. Научный сборник. СПб., 2010. Вып. 1. С. 38–42.
4. Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137.
5. Переписка И.И. Майнова // Архив СПбФ РАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 332. Л. 219–224.
6. Макарьев С.А. Программа полевой этнографии (краткая сводка курса полевой этнографии, читаной В.Г. Богоразом). 1927 г. Ленинградский государственный университет // Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-1. Оп. 8. Д. 3.
7. Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Д. 11: Носов М.М. Краткие указания по сбору и фиксации народного орнамента. Л. 8.
8. Винокуров П.В. С. Боло: известный и неизвестный. Якутск, 1993. 55 с.
9. Романова Е.Н. Рукописное наследие первых якутских ученых (А.А. Саввин) // Якутский архив. 2000. № 1. С. 7–10.
10. Романова Е.Н. Г.В. Ксенофонов: миф о странствующем герое // Репрессированные этнографы. М. : Вост. лит., 2003. Т. 2. С. 78–104.
11. Романова Е.Н. Опыт осмысления культуры: этнограф и время // Якутия в российском научном пространстве XX – начала XXI в.: гуманитарные исследования. Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 90–102.
12. Тимофеев П. Методика фотографирования объектов краеведного изучения // Советское краеведение. 1933. № 10. С. 41–47.
13. Наумов Г.В., Чудинов Г.М. Советская Якутия. М. : Знание, 1956. 39 с.
14. Наумов Г.В. Западная Якутия (экономико-географическая характеристика). М. : Изд-во АН СССР, 1962. 143 с.
15. Наумов Г.В. Русские географические исследования Сибири в XIX – начале XX в. / Ин-т истории естествозн. и техн. АН СССР. М. : Наука, 1965. 148 с.: ил., карт.
16. Ермолаева Ю.Н. Три академические экспедиции // Вестник СВФУ. 2016. № 1. С. 6–12.
17. Рукописный фонд архива ЯНЦ СО РАН. Ф. И. Оп. 21. Д. 3: Коллекция Г.В. Наумова. 1948–1952 гг.
18. Программа работы сектора экономики Севера института экономики АН СССР по проблеме: Вопросы развития, размещения и специализации сельского и промыслового хозяйства Севера. 1957 // Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) им А.С. Пушкина. Личный архив И.С. Гурвич. Ящ. 40. Д. 6. Л. 1–18.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

The Development of Academic Strategies of Expedition Studies of Yakutia in the 20th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 161–166.

DOI: 10.17223/15617793/442/20

Lena B. Stepanova, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: solo007_79@rambler.ru

Keywords: academic strategies; local history movement; visual heritage; visual methods of research; visual heritage; traditional everyday life; intellectual culture.

On the example of the expedition of the Commission for the Study of the Yakut ASSR (1925–1930), the R&D potential of the Soviet Union and the importance of the USSR's contribution to the academic study and development of the northern territories of the country are described. In the first half of the twentieth century, the Academy of Sciences of the USSR implemented the method of an integrated innovative study on the basis of the Commission for the Study of the Yakut ASSR, which determined the continuity of the academic expeditionary studies of subsequent years in Northern Asia. The close scientific communications of Yakut regional historians and representatives of St. Petersburg scientific elite, who took part in the expeditions of the Academy of Sciences of the USSR allowed testing the methodological tools of various intellectual communities and scientific schools. The transformation of the scientific research strategy and the initial stage of the Soviet ethnographic school's formation in the specified chronological period are considered in line with the problem field of intellectual culture. The existing researchers' programs on the visual fixation of the traditional daily life of the Yakut population helped to collect a huge array of anthropological evidence in a relatively short period of time. Analysis of these materials as special phenomena of the visual culture of their time in terms of different conceptions will give them a broader interpretation, including an assessment of their relationship with social reality and the history of their further existence. The author showed that visual methods of research in the work of expeditions of the Academy of Sciences of the USSR was the main field tool for ethnographic and historical-anthropological studies, which reflected in detail the existence of the collected exhibits in the culture of everyday life. It seems that the implementation of complex interdisciplinary studies, following the example of academic expeditions of the Soviet period, at the present stage of science development would allow us to update the scientific data on the present state of peoples, to assess the quality of the environment in areas that are in the zone of active industrial development, to organize demographic, sociological, statistical, economic and ethnographic studies, including the research of natural landscape complexes. In conclusion, it is summarized that the use of visual methods of research by scientists contributed to solving the methodological problems of anthropology in the study of the cultural experience of peoples and its representation.

REFERENCES

1. Vittenburg, E.P. (2003) Pavel Vittenburg: geolog, polyarnik, uznik GULAGA [Pavel Vittenburg: geologist, polar explorer, GULAG prisoner]. In: Mikhaylov, N.V. (ed.) *Vospominaniya docheri E.P. Vittenburg* [Memoirs of the daughter E.P. Vittenburg]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
2. Rubiniina, Z.M. (2010) Fotografii sem'i Levitskikh v filiale Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Photos of the Levitsky family in the branch of the State Historical Museum]. *Otechestvennye arkhivy*. 2. pp. 62–70.
3. Tolmacheva, E.B. (2010) Metodologiya izucheniya fotografii s etnograficheskimi soderzhaniami [Methodology of studying photos with ethnographic content]. In: Tsympkin, D.O. et al. (eds) *Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument. Nauchnyy sbornik* [Photography. Picture. Document. Scientific collection]. Is. 1. St. Petersburg: Gosudarstvennyy muzeino-vystavochnyy tsentr ROSFOTO.
4. Repina, L.P. & Myagkov, G.P. (2014) Intellectual culture and research communications. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 3. pp. 137.
5. Archive of the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 47. List 1. File 332. Pages 219–224. *Perepiska I.I. Maynova* [Correspondence of I.I. Mainov].
6. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Fund K-1. List 8. File 3. Makar'ev, S.A. (1927) *Programma polevoy etnografii (kratkaya svodka kursa polevoy etnografii, chitanoy V.G. Bogorazom)* [Field ethnography program (summary of the course of field ethnography, read by V.G. Bogoraz)]. Leningrad State University.
7. Manuscript Fund of the Yakutsk Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund 5. List 9. File 11: Nosov, M.M. *Kratkie ukazaniya po sboru i fiksatsii narodnogo ornamenta* [Brief instructions on the collection and fixation of folk ornament].
8. Vinokurov, P.V. (1993) *S. Bolo: izvestnyy i neizvestnyy* [S. Bolo: known and unknown]. Yakutsk: KIF "Sitim".
9. Romanova, E.N. (2000) Rukopisnoe nasledie pervykh yakutskikh uchenykh (A.A. Savvin) [Handwritten heritage of the first Yakut scientists (A. Savvin)]. *Yakutskiy arkhiv*. 1. pp. 7–10.
10. Romanova, E.N. (2003) G.V. Ksenofontov: mif o stranstvuyushchem geroe [G.V. Ksenofontov: the myth of a wandering hero]. In: Tumarkin, D.D. (ed.) *Repressirovannyye etnografy* [Repressed ethnographers]. Vol. 2. Moscow: Vost. lit.
11. Romanova, E.N. (2005) Opyt osmysleniya kul'tury: etnograf i vremya [Experience of comprehension of culture: ethnographer and time]. In: Ivanov, V.N. (ed.) *Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nachala XXI v.: gumanitarnyye issledovaniya* [Yakutia in the Russian scientific space of the 20th – beginning of the 21st centuries: humanitarian studies]. Yakutsk: Izd-vo YaRC SB RAS.
12. Timofeev, P. (1933) Metodika fotografirovaniya ob'ektov kraevednogo izucheniya [Methods of photographing objects of local lore study]. *Sovetskoe kraevedenie*. 10. pp. 41–47.
13. Naumov, G.V. & Chudinov, G.M. (1956) *Sovetskaya Yakutiya* [Soviet Yakutia]. Moscow: Znanie.
14. Naumov, G.V. (1962) *Zapadnaya Yakutiya (ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika)* [Western Yakutia (economic and geographical characteristics)]. Moscow: USSR AS.
15. Naumov, G.V. (1965) *Russkie geograficheskie issledovaniya Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Russian geographical research of Siberia in the nineteenth – early twentieth centuries]. Moscow: Nauka.
16. Ermolaeva, Yu.N. (2016) From the History of Three Yakutian Academic Expeditions. *Vestnik SVFU – Vestnik of NEFU*. 1. pp. 6–12. (In Russian).
17. Manuscript Fund of the Yakutsk Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Fund I. List 21. File 3: *Kollektsiya G.V. Naumova. 1948–1952 gg.* [Collection of G.V. Naumov. 1948–1952].
18. National Library of the Republic of Sakha (Yakutia) named after A.S. Pushkin. Personal archive of I.S. Gurvich. Box 40. File 6. Pages 1–18. *Programma raboty sektora ekonomiki Severa instituta ekonomiki AN SSSR po probleme: Voprosy razvitiya, razmeshcheniya i spetsializatsii sel'skogo i promyslovogo khozyaystva Severa. 1957* [The program of work of the sector of the economy of the North of the Institute of Economics of the Academy of Sciences of the USSR on the issues of development, location and specialization of the agricultural and industrial economy of the North. 1957].

Received: 24 October 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

Н.М. Меженная

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ АЛГЕБРЫ И MICROSOFT EXCEL МАГИСТРАНТАМИ ИНЖЕНЕРНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ

Проведено исследование восприятия программных продуктов Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel и Wolfram Alpha студентами первого курса магистратуры инженерного направления подготовки, обучаемых в больших потоках. Установлено, что интерфейс всех программных продуктов достаточно понятен, но системы компьютерной алгебры (Matlab, Mathcad, Mathematica) в отличие от Microsoft Excel считаются неудобными для представления результатов; удобство использования на планшете или смартфоне не определяет выбор программного комплекса. Не выявлено принципиальных различий между носителями русского языка и студентами-иностранцами.

Ключевые слова: системы компьютерной алгебры; Microsoft Excel; инженерное обучение; восприятие программных продуктов.

Введение

В современных условиях обучение в вузе ведется в больших потоках, состав которых очень разнороден. Если на первых курсах бакалавриата эти различия несколько сглаживаются, то при обучении магистрантов, закончивших первую ступень образования в разных университетах, городах и странах, эти различия очень существенны, особенно ввиду малого срока обучения и насыщенности образовательных программ. Некоторые из курсов изучаются в больших потоках, поэтому студенты различных специализаций могут обучаться вместе. К тому же при обучении студентов, для которых русский язык не является родным, вместе с носителями языка возникают проблемы языкового общения. Часто иностранцы просто не успевают принимать участие в занятии из-за языкового барьера, требующего времени на перевод некоторых терминов либо на осознание заданий на иностранном языке. Поэтому необходимо разрабатывать средства обучения, направленные на устранение данных различий и приспособленные для иностранных студентов, в том числе для самостоятельной работы.

Как известно, любые средства обучения должны вовлекать студента в образовательный процесс, мотивируя на достижение поставленных образовательных целей. Важность мотивации и ее положительное влияние на академические результаты установлены во многих работах, (см., например: [1–3]).

Одним из дидактических методов, повышающих мотивацию студентов, является использование специализированных компьютерных программных комплексов в обучении: систем компьютерной алгебры (далее CAS – Computer Algebra System) [4–6]; электронных таблиц [7–9]; программных комплексов для мобильных устройств [10], например, программы GeoGebra [11, 12], Wolfram Alpha [13] и др.

Важным является вопрос об отношении современного научного сообщества к CAS. Установлено (см.: [4]), что ученые-математики и инженеры воспринимают CAS как интегральную составляющую современной математики, и, соответственно, их использование в исследовательской деятельности является

одним из главных драйверов внедрения CAS при обучении. При этом выявлено, что в обучении CAS используются преимущественно как средство решения задач и достаточно редко как средство текущего и финального контроля. Выбор же в пользу использования CAS и / или конкретного вида системы преимущественно является индивидуальной инициативой преподавателя. Способы внедрения CAS в образовательный процесс в целом описаны во многих работах (см., например: [6]). Дидактические аспекты применения CAS, такие как проектирование учебных материалов, включая презентации, варианты тестовых и домашних заданий, шаблоны для самостоятельной работы, автоматизированную систему проверки и оценивания, обеспечение бесшовного соединения новых материалов с уже существующими, интеграция учебных материалов в учебный процесс в рамках модульно-рейтинговой системы и т.д. при изучении отдельных дисциплин математического цикла приведены в [5, 14–16]. При внедрении CAS в обучение могут возникать и определенные сложности, вызываемые, например, потерей навыков аналитического решения, отсутствием навыков верификации результатов, полученных с помощью CAS, определенными сложностями в освоении языка каждой конкретной системы [16]. Кроме того, количество программных продуктов очень велико, многие из них недостаточно универсальны. Поэтому неправильный выбор того пакета, на котором будут основаны учебные материалы, вместо ожидаемых положительных результатов может иметь и отрицательные последствия. Используемые программные продукты должны удовлетворять следующим критериям: а) широкая распространенность (нет необходимости в выделении дополнительного времени на изучение, возможность использования студентами в будущей профессиональной деятельности); б) удобство интерфейса и широкие возможности визуализации (в системе должны присутствовать встроенные средства для быстрого решения типовых задач без программирования); в) вариативность для решения задач разных типов (должны присутствовать модули для решения задач из разных областей науки); г) поддержка работы с «большими данными» (что

делает возможным широкое применение систем в современной инженерной практике).

При внедрении новых образовательных технологий необходимо опираться на существующий опыт, свидетельствующий об их общем положительном влиянии на процесс обучения и, как следствие, качество образования. Влияние использования CAS на академические результаты сейчас широко изучается не только педагогами, но психологами, исследователями, будущими работодателями. Так, в [17, 18] исследовано отношение студентов первого курса магистратуры университета к использованию средств обучения, основанных на Matlab. Установлено, что первоначальные трудности, связанные с первичным изучением интерфейса и синтаксиса системы, были преодолены достаточно быстро. Сравнительный анализ отношения студентов к основанным на Matlab учебным материалам и навыкам в начале и в конце семестра показал большой потенциал от использования и внедрения данной образовательной технологии, в первую очередь, за счет роста заинтересованности студентов в процессе обучения. Также установлено значимое положительное влияние использования CAS не только на достигаемые результаты обучения, но и на удовлетворенность студентов процессом обучения [19]. Использование CAS выступает дополнительным фактором, устанавливающим баланс между оценкой студентами своих навыков в решении задач с помощью компьютера или аналитически и действительным уровнем подготовки по математике, что, как установлено в [20], повышает уровень академических результатов.

Так, основы использования CAS могут быть освоены достаточно быстро, следовательно, не требуется выделения отдельных часов для их изучения, в отличие от обычных языков программирования, изучение которых является достаточно сложным [21]. Кроме того, такие языки менее приспособлены для решения математических задач, например, через символьные вычисления. Дополнительным преимуществом систем компьютерной алгебры является возможность создания интерактивных шаблонов [5, 22], которые используются как студентами, так и преподавателями, и сокращают время на самостоятельную работу, составление и обновление банка заданий, проверку работ. Кроме того, в результате их применения студенты активно участвуют в процессе обучения. Пример использования шаблонов, созданных с помощью электронных таблиц, приведен в [23].

Напомним, что, рассматривая обучение в больших потоках, нельзя забывать о возможном интернациональном составе отдельных групп. Трудности при обучении иностранных студентов на языке, носителями которого они не являются, такие как отсутствие понимания некоторых слов и понятий, изменение восприятия отдельных утверждений, недостаточное владение сложными терминами и понятиями, вплоть до дискриминации со стороны студентов, обучающихся на родном языке, хорошо известны (см., например: [24]).

В настоящее время большое количество людей в той или иной мере изучают английский язык [25]. Не являются исключением и российские студенты, которые преимущественно владеют базовыми навыками

английского языка (как носители русского языка, так и те, для кого русский язык не является родным). При использовании CAS, электронных таблиц и других программных комплексов сглаживаются языковые различия за счет наличия либо локализованных версий, либо англоязычного интерфейса.

Настоящее исследование посвящено изучению нескольких широко распространенных программных продуктов (Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel и Wolfram Alpha), а также их восприятия среди студентов первого курса магистратуры инженерного направления подготовки (на примере МГТУ им. Н.Э. Баумана). Выбор программ обусловлен, в первую очередь, тем, какие программные комплексы установлены в дисплейных классах в университете, какие из них используются в обучении по различным специальностям, и тем, какие лицензии доступны студентам. При этом считается, что при решении сложных инженерных задач необходимо использовать CAS либо языки программирования из-за значительного ограничения функций программ, рассчитанных на мобильные устройства. Также в исследовании будут изучены сценарии использования программных комплексов (Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel и Wolfram Alpha) студентами-инженерами. При помощи анкетирования будет изучен имидж программных продуктов в двух группах студентов: группа студентов – носителей русского языка; группа студентов, для кого русский язык не является родным. Целью исследования является установление тех программных продуктов, которые могут успешно применяться при обучении больших потоков, возможно, включающих иностранных студентов. В настоящем исследовании будет рассмотрен следующий основной исследовательский вопрос:

Вопрос 1. Возможно ли использование одних и тех же обучающих материалов для носителей русского языка и иностранных студентов?

При обучении по программе бакалавриата в МГТУ им. Н.Э. Баумана часть направлений включает обязательные отдельные курсы по программе Mathcad, а часть – по программе Matlab. В этой связи возникает второй исследовательский вопрос:

Вопрос 2. Как влияет обязательное изучение определенных программ на выбор программных продуктов, используемых студентами при дальнейшем обучении самостоятельно, а также на имидж программных продуктов в целом?

При этом отметим, что не все студенты-магистранты обучались по программе бакалавриата в МГТУ им. Н.Э. Баумана, кроме того, не все направления подготовки включают обязательные отдельные курсы по одной из рассматриваемых программ.

При изучении результатов внедрения образовательной технологии, основанной на CAS Mathematica, при изучении курса теории вероятностей в [5] установлено, что демонстрационные материалы, созданные преподавателями с помощью интерактивных шаблонов в системе Wolfram Mathematica, хорошо воспринимались студентами. Полученные обучающимися с помощью CAS студентами академические результаты оказались значимо выше, чем у студентов, которые не использовали

эти дополнительные материалы. В то же время использование описанных шаблонов студенты посчитали достаточно сложным. Возможные причины этого состояли в том, что, с одной стороны, часть студентов не были мотивированы к тому, чтобы разбираться и модифицировать предложенные файлы-шаблоны, а с другой – система Wolfram Mathematica оказалась малораспространенной среди студентов-инженеров. Таким образом, выяснилось, что выбор системы Wolfram Mathematica был отчасти неверным. Хотя эта система успешно применяется при обучении студентов-математиков. С целью установления причины таких результатов необходимо провести исследование об отношении к распространенным программным комплексам, в том числе с целью выявления сходства и различий между студентами – носителями языка и студентами-иностранцами, которые учили русский язык.

Третий исследовательский вопрос, рассматриваемый в статье:

Вопрос 3. Насколько распространенность продуктов влияет на их восприятие и оценку?

В исследовании отдельно не выделена мобильная версия программы Matlab, так как ее использование практически эквивалентно использованию стационарной версии, но выделена Wolfram Alpha по следующей причине. Замечено, что многие студенты младших курсов бакалавриата активно ее применяют при решении задач по базовым разделам математического анализа, но при этом не пользуются десктопной версией программы. Поэтому параллельно рассмотрен следующий вопрос:

Вопрос 4. Установить сценарии использования программы Wolfram Alpha студентами-магистрантами. Является ли определяющим фактором доступность мобильных версий любой из программ?

Материалы и методы

Исследуемая выборка

В исследовании изучено отношение студентов магистратуры инженерного направления подготовки МГТУ им. Н.Э. Баумана, поступивших на первый курс в сентябре 2018 г., к ряду распространенных программных продуктов: Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel и Wolfram Alpha. Проведен анализ сходства и различий в отношении к этим продуктам и их использовании. Исследование включает данные, собранные в декабре 2018 г. Анкетирование проходили как носители русского языка, так и студенты-иностранцы.

Исследуемая группа состояла из 68 студентов – носителей языка (35 мужчин и 33 женщины) и 23 студентов-иностранцев (18 мужчин и 5 женщин), для которых русский язык не является родным. Выборку из носителей русского языка будем называть Sample I, группу из студентов-иностранцев – Sample II. Анкетирование проводилось в течение двух первых недель декабря 2018 г. Данные о демографии выборки представлены в табл. 1.

Программа первого семестра обучения в магистратуре не включает обязательных курсов по изу-

чению CAS, однако зачастую студенты используют их либо самостоятельно, либо по рекомендации преподавателя.

Все опрошенные студенты использовали, по крайней мере, одну из систем компьютерной алгебры (Matlab, Mathcad, Mathematica) либо Microsoft Excel при обучении. Из 91 опрошенного 86 (94,5%) использовали, по крайней мере, одну из систем компьютерной алгебры, оставшиеся 5 (5,5%) – только Microsoft Excel.

Таблица 1
Данные о демографии всей выборки, а также групп студентов – носителей русского языка (Sample I) и студентов-иностранцев, для которых русский язык не является родным (Sample II)

Выборка	Показатель	Вся выборка	Sample I	Sample II
Вся выборка	Число студентов	91	68	23
	В процентах	100	75	25
	Мин. возраст	21	21	21
	Макс. возраст	38	38	26
	Средний возраст	22,80	22,74	23,00
	С.к.о. для возраста	2,84	3,23	1,17
Мужчины	Число студентов	53	35	18
	В процентах	58	51	78
	Мин. возраст	21	21	21
	Макс. возраст	38	38	26
	Средний возраст	23,25	23,31	23,11
	С.к.о. для возраста	3,29	3,97	1,28
Женщины	Число студентов	38	33	5
	В процентах	42	49	22
	Мин. возраст	21	21	22
	Макс. возраст	33	33	23
	Средний возраст	22,18	22,12	22,60
	С.к.о. для возраста	1,94	2,07	0,55

Анкетирование было анонимным, а все данные о студентах представлены в обезличенной форме (не содержат имен и фамилий, указаний на их принадлежность к одной из учебных групп) и не влияют на академическую успеваемость.

Инструмент и процедура исследования

В качестве инструмента исследования использовалась анкета, представленная в табл. 2. Анкета включала стандартный блок о демографии, а также ряд специальных вопросов об использовании компьютерных программ при обучении. Включенные в анкету вопросы содержали блок (вопрос 5) о том, какие из программных пакетов использовались в процессе обучения, а также блок о сценариях использования пакетов (вопрос 6). Предлагалось оценить удобство использования каждого из пакетов для решения задач по математике, физике и специальности; для подготовки презентаций; для использования на мобильных устройствах (смартфоны и планшеты); удобство использования в дисплейных классах (либо аудиториях, оснащенных стационарными компьютерами) и в обычных лекционных / семинарских аудиториях; удобство интерфейса и применимость программных

пакетов для решения ресурсоемких задач. Последний блок (вопрос 7) включал вопрос о том, какие из про-

граммных пакетов студенты собираются использовать в дальнейшем.

Т а б л и ц а 2

Анкета, предлагаемая студентам для заполнения

1. Укажите Ваш пол	☐ женский ☐ мужской	2. Сколько Вам полных лет?					
3. Укажите курс обучения		4. Является ли русский язык для Вас родным?	☐ Да ☐ Нет				
5. Отметьте те программные пакеты для математических вычислений, которые Вы использовали при обучении в университете (самостоятельно или на занятиях):							
☐ Matlab		☐ Microsoft Excel					
☐ Mathcad		☐ Wolfram Alpha					
☐ Wolfram Mathematica		☐ Другие онлайн-калькуляторы					
6. Для каждого из использованных Вами пакетов оцените по пятибалльной шкале, насколько каждое из высказываний соответствует Вашему мнению о нем (5 – полностью соответствует, 1 – полностью не соответствует). Для тех программных пакетов, которые Вы не использовали (не отмечены в вопросе 3), или если Вы не знаете , оставьте клеточки пустыми.							
Этот пакет:		Программный пакет					
		Matlab	Mathcad	Mathematica	Microsoft Excel	Wolfram Alpha	Другие пакеты
Q1. удобен для решения задач по математике							
Q2. удобен для решения задач по физике							
Q3. удобен для решения задач, связанных со специальностью							
Q4. удобен для использования на стационарном компьютере							
Q5. удобен для использования на планшете							
Q6. удобен для использования на смартфоне							
Q7. удобен для подготовки презентации / отчета							
Q8. удобен для небольших, сравнительно простых вычислений							
Q9. удобен для ресурсоемких вычислений							
Q10. удобен для использования на занятиях не в компьютерных аудиториях							
Q11. удобен для использования на занятиях в компьютерных аудиториях							
Q12. хорошо подходит мне для решения задач							
Q13. обладает простым, интуитивно понятным интерфейсом							
Q14. обладает формой представления данных, близкой к традиционной							
Q15. сложен / неудобен для использования							
7. Для каждого из пакетов (неважно, использовали Вы его или нет) оцените по пятибалльной шкале, насколько вероятно Вы будете использовать его в будущем (5 – буду использовать, 1 – не буду использовать). Если Вы не знаете , оставьте соответствующие клеточки пустыми.							
Matlab	Mathcad	Mathematica	Microsoft Excel	Wolfram Alpha	Другие пакеты		

Каждый студент получал персональную анкету в бумажном виде и заполнял ее индивидуально без помощи интервьюеров. Студенты были предупреждены о том, что анкетирование анонимное, не оценивается и не влияет на академические результаты в текущем семестре.

Анализ данных

Заполненные анкеты были проверены на предмет корректности заполнения ответов. Вопросы 1–5 должны быть заполнены и не содержать пропущенных значений, вопрос 6 заполняется только по тем программным продуктам, которые отмечены в вопросе 5, и может содержать пропущенные значения. Во-

прос 7 заполняется независимо от предыдущих вопросов и также может содержать пропущенные значения. Те анкеты, которые не соответствовали хотя бы одному из перечисленных требований, были исключены из исследования. Всего было выбраковано 7 анкет.

К полученной выборке из 91 анкеты применялись стандартные методы статистического анализа, такие как описательные методы статистики, анализ таблиц сопряженности, анализ соответствий и др. Сравнивались результаты двух групп – Sample I, состоявшей из студентов – носителей русского языка, и Sample II, состоявшей из студентов, для которых русский язык не является родным. Гендерные отличия в этих двух группах мы не учитывали, так как процентные соот-

ношения в группах сильно отличаются (см. табл. 1). Отметим, что исследование гендерных отличий не является необходимым для достижения основной цели исследования – выявления сходства и различий в использовании и восприятии программного обеспечения студентами групп Sample I и Sample II, а также выявления тех программных комплексов, использование которых является оптимальным.

Результаты исследования

Использование программ

На рис. 1 представлены данные о процентах студентов, использовавших каждый из пакетов. Над столбиками гистограммы указаны соответствующие абсолютные величины.

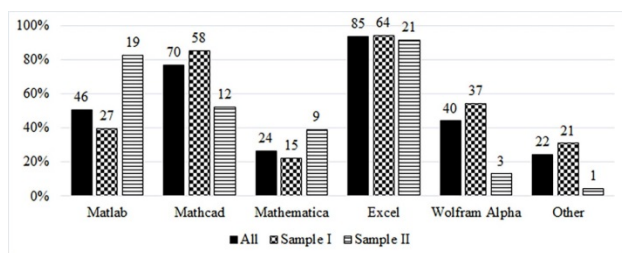

Рис. 1. Доли студентов, использовавших каждый из пакетов: для всей выборки, для группы Sample I, для группы Sample II. Числовые метки на графике соответствуют абсолютным значениям

Как видно из рис. 1, процент использования CAS отличается для групп Sample I и Sample II. То же самое касается использования Wolfram Alpha и других онлайн-калькуляторов. Для установления количественных различий в распределениях проведено попарное сравнение процентных соотношений по каждому из пакетов. При проверке гипотезы о равенстве долей установлены следующие значения p -value: по пакету Matlab p -value = 0,0004, по пакету Mathcad p -value = 0,0012, по пакету Mathematica p -value = 0,1094, по пакету Microsoft Excel p -value = 0,6203, по пакету Wolfram Alpha p -value = 0,006. Таким образом, на уровне значимости 5% установлено, что доли студентов, использовавших Matlab, Mathcad и Wolfram Alpha, значимо отличаются в группах Sample I и Sample II. По остальным пакетам (Mathematica и Microsoft Excel) значимых различий установить не удалось.

Одна из причин наличия статистически значимых различий по программам Matlab и Mathcad в группах Sample I и Sample II заключается в упомянутом во введении факте о том, что часть студентов, обучавшихся по программе бакалавриата, прослушали обязательные курсы по Mathcad или Matlab. Причем оказалось, что носители русского языка преимущественно изучали Mathcad, а студенты-иностранцы – Matlab. Это объясняется разной популярностью данных программ в России и за рубежом.

Оказалось, что практически все студенты в обеих группах использовали Microsoft Excel. Причина этого состоит в широкой распространенности данного программного продукта, а также в том, что программа бакалавриата или специалитета включает много задач

(прежде всего задачи регрессионного анализа), решение которых без использования персонального компьютера представляется нереализуемым. На этом этапе часто выбирается Microsoft Excel как наиболее простое и приемлемое программное обеспечение. В большинстве случаев не требуется установка пакета, так как он представлен в большинстве дисплейных классов, кроме того, совместим с другими электронными таблицами, в том числе бесплатными, которые студенты могут использовать при самостоятельной работе.

Для системы Mathematica также не выявлены значимые различия. Причина этого, возможно, кроется в том, что данный программный комплекс не слишком распространен среди студентов-инженеров. Кроме того, представленные выборки недостаточно велики, чтобы можно было делать выводы о наличии различий.

Подводя итоги настоящего раздела, отметим следующие установленные факты:

- 1) доля студентов, использовавших Microsoft Excel, в обеих группах высока, статистически значимые различия между группами Sample I и Sample II не установлены;
- 2) студенты – носители русского языка чаще используют Mathcad, чем Matlab; студенты-иностранцы, наоборот, чаще используют Matlab;
- 3) по системе Mathematica значимые различия не установлены.

Чтобы проанализировать восприятие программных комплексов и сценарии их использования, проведем статистический анализ для каждой из двух сравниваемых групп Sample I и Sample II. Для этого в каждой группе вычислим число студентов, поставивших оценки 4 или 5 по каждому из высказываний в вопросе 6 (что соответствует тому, что высказывание ассоциируется с программой), а затем проведем классический анализ соответствий для каждой из таблиц. В группе Sample I мы анализировали все программные продукты и высказывания, в группе Sample II – исключили Wolfram Alpha и Other, так как число ответов по этим программам было маленьким.

Анализ соответствий для группы Sample I

Начнем с анализа соответствий для студентов группы Sample I, поставивших оценки 4 или 5 по каждому из высказываний в вопросе 6. График собственных значений для полученной таблицы приведен на рис. 2, а.

Из рис. 2, а видно, что график испытывает излом при числе размерностей 2. Процент объясненной инерции на две первые оси составляет 91,25% (по 78,52 и 12,73% на оси 1 и 2 соответственно). Значит, в анализе будет использоваться двумерная карта, представленная на рис. 3. При анализе карты каждое из высказываний Q1–Q15 расшифровывается в тексте только при первом упоминании.

На первом этапе анализа проводим интерпретацию осей по высказываниям. Ось Dim. 1 нагружается высказываниями Q2 «удобен для решения задач по физике», Q3 «удобен для решения задач по специальности», Q9 «удобен для ресурсоемких вычислений» (левая сторона)

и Q5 «удобен для использования на планшете», Q6 «удобен для использования на смартфоне» (правая сторона). Значит, ось Dim. 1 интерпретируется как характеристика, выражающая степень пригодности программного продукта для сложных или простых вычислений. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, инженерные задачи воспринимаются как вычислительно сложные, требующие больших ресурсов

и времени, и мобильные версии этих программ для этого не подходят. С другой стороны, возможно, студенты недостаточно владеют соответствующими мобильными и облачными сервисами либо просто не знают о них. Также при анализе анкет было установлено, что далеко не все студенты владеют планшетами или же не используют их на занятиях (много пропущенных значений в соответствующих вопросах).

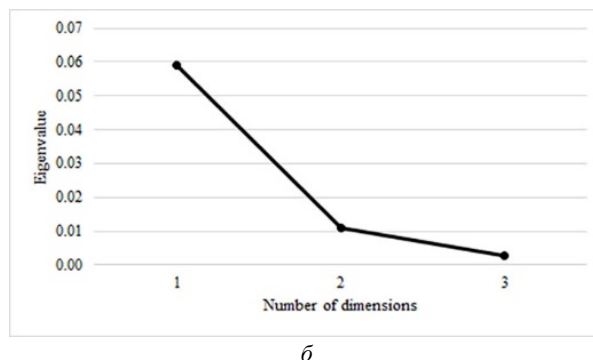
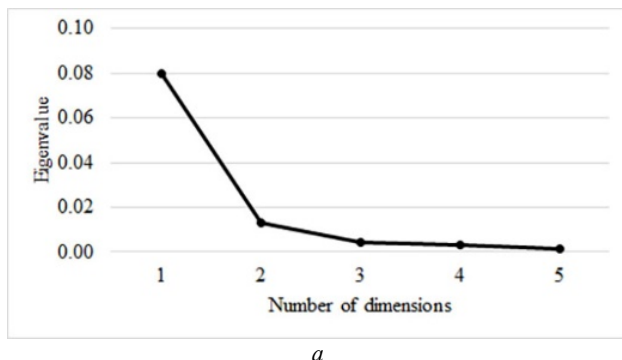

Рис. 2. а – график собственных значений для группы Sample I; процент инерции на оси составляет: ось 1 – 78,52%; ось 2 – 12,73%; ось 3 – 4,48%; ось 4 – 2,89%; ось 5 – 1,38%; б – график собственных значений для группы Sample II; процент инерции на оси составляет: ось 1 – 81,44%; ось 2 – 15,00%; ось 3 – 3,56%

Ось Dim. 2 нагружается высказываниями Q1 «удобен для решения задач по математике» (верхняя сторона) и Q7 «удобен для подготовки презентации / отчета» (нижняя сторона). Ось 2, таким образом, интерпретируется как степень пригодности для удобного представления результатов. Оказывается, что решение задач по математике и представление результата студенты противопоставляют удобной подготовке презентации или отчета. Из этого можно сделать вывод, что при изучении CAS недостаточно внимания уделяется встроенным средствам визуализации и представления результатов. По-

этому студенты воспринимают эти пакеты как неподходящие для представления результатов.

На втором этапе проводим анализ программных продуктов. Программы Mathcad и Matlab воспринимаются практически одинаково. Пара Mathcad – Matlab, Wolfram Alpha и Microsoft Excel равноудалены от начала координат, и соответствующие точки образуют треугольник (обозначен серыми пунктирными линиями на карте). Значит, все три вершины воспринимаются существенно по-разному и находятся в оппозиции друг к другу.

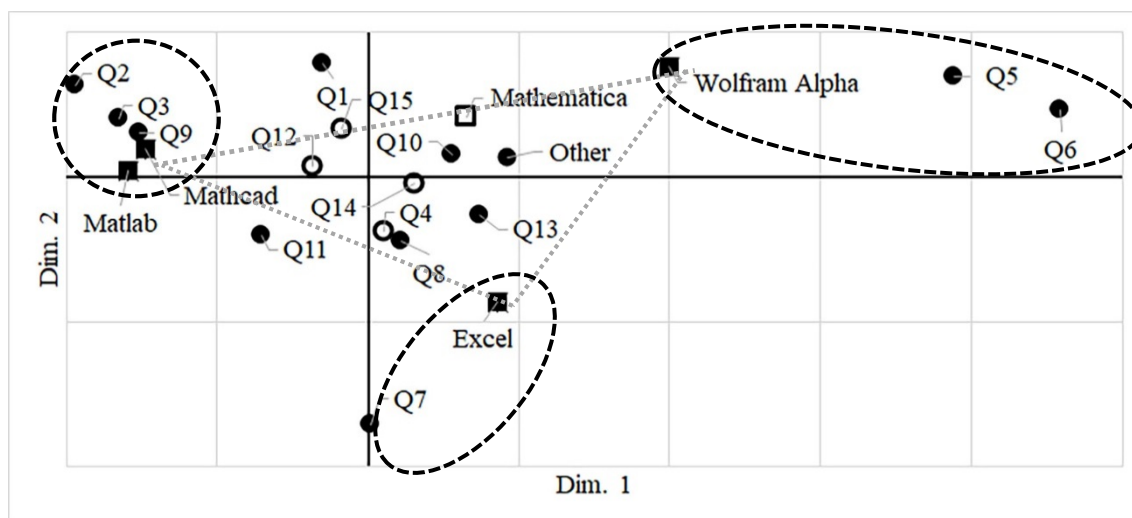

Рис. 3. Карта анализа соответствий для группы Sample I. Высказывания из вопроса 6 помечены круглыми маркерами, программные продукты – квадратными маркерами. Те точки, для которых качество проекции на плоскость оказалось неудовлетворительным ($< 0,5$), помечены маркерами той же формы, но без заливки (Mathematica, высказывания Q4, Q12, Q14 и Q15)

Теперь обратимся к анализу образовавшихся на карте кластеров (отмечены черными пунктирными линиями на карте). Первый из них образован программами Matlab и Mathcad и высказываниями Q2, Q3 и Q9. Это говорит о том, что программы Matlab и Mathcad воспринимаются как хорошо подходящие для

решения инженерных задач и / или задач, требующих большого объема вычислений. Кроме того, как отмечено выше, Matlab и Mathcad воспринимаются преимущественно одинаково.

Присутствует менее тесная связь между ними и высказываниями Q1 и Q11 «удобен для использова-

ния на занятиях в компьютерных аудиториях». Таким образом, студентами плохо воспринимается версия Matlab для мобильных устройств или же студенты о ней мало знают.

Второй кластер образован программой Microsoft Excel и высказыванием Q7 «удобен для подготовки презентации / отчета». Это ожидаемый результат. Также с Microsoft Excel ассоциированы высказывания Q8 «подходит для небольших, сравнительно простых вычислений» и Q13 «обладает простым, интуитивно понятным интерфейсом». Это подтверждает сделанный ранее вывод о том, что восприятие Microsoft Excel в некоторой степени противоположно восприятию Matlab и Mathcad.

Третий кластер образуют программа Wolfram Alpha и высказывания Q5 «удобен для использования на планшете», Q6 «удобен для использования на смартфоне». Это также ожидаемый результат. Неожиданным является то, что данный программный продукт не ассоциирован с высказываниями Q1, Q2, Q3. Оказывается, решение задач по математике при помощи этого пакета в целом воспринимается как неудовлетворительное. Одной из причин этого может выступать своеобразный язык CAS Mathematica и связанной с ней программы Wolfram Alpha. Кроме того, можно сказать, что высказывания Q10 и Q13 более тесно ассоциированы с Wolfram Alpha, чем с Matlab и Mathcad. Следовательно, две последних CAS воспринимаются как несколько более сложные. Все приведенные факты относятся к ответу на вопрос 4.

Положение CAS Mathematica и высказываний Q4, Q12, Q14 и Q15 не анализируется на текущей карте, так как качество проекции соответствующих точек на карту не является удовлетворительным.

Таким образом, основные факты, установленные в настоящем разделе для группы Sample I, состоят в следующем:

1) высказывания «удобен для решения задач по математике» и «удобен для подготовки презентации / отчета» противопоставляются друг другу. Возможная причина этого состоит в том, что студенты недостаточно владеют методами визуализации данных в CAS в отличие от Microsoft Excel;

2) противопоставляются удобство для ресурсоемких вычислений и удобство использования на мобильных устройствах, что является вполне ожидаемым результатом;

3) программы Matlab и Mathcad воспринимаются преимущественно одинаково, как хорошо подходящие для решения инженерных задач и ресурсоемких вычислений. Этот факт также является ожидаемым результатом;

4) Microsoft Excel воспринимается как простая и удобная система, в том числе для визуализации данных. Такое восприятие преимущественно связано с предшествующим широким использованием программы, начиная со старшей школы;

5) программу Wolfram Alpha воспринимают как удобную для использования на мобильных устройствах, хотя установленная в предыдущем разделе ее недостаточная распространенность представляется достаточно неожиданной. Отчасти это может быть

вызвано недостаточным знакомством с системой Wolfram Mathematica в целом, что вызывает определенные трудности и в использовании Wolfram Alpha. Другой возможной причиной этого факта может быть распространенное мнение о том, что полученные с помощью этой системы решения могут быть неполными или неудовлетворительными;

6) пара Mathcad – Matlab, Wolfram Alpha и Microsoft Excel воспринимаются существенно поразному и находятся в оппозиции друг к другу. Такое положение Mathcad, Matlab и Microsoft Excel достаточно неожиданно, так как они в равной степени пригодны для большинства задач, возникающих в процессе инженерного обучения. Возможно, такое положение обусловлено восприятием Microsoft Excel исключительно как программы для бухгалтерских расчетов. Противопоставление Wolfram Alpha остальным программам достаточно типично.

Анализ соответствий для группы Sample II

Перейдем к анализу для группы Sample II. Также начнем с графика собственных значений, представленного на рис. 2, б. График на рисунке испытывает излом при числе размерностей 2, процент объясненной инерции на две первые оси составляет 96,44% (по 81,44 и 15,00% на каждую из осей). Значит, как и в предыдущем разделе, в анализе будет использоваться двумерная карта, представленная на рис. 4.

Можно отметить следующий радостный факт. Высказывание Q15 «сложен / неудобен для использования» не ассоциировано ни с одним из рассматриваемых программных продуктов. Значит, все опрошенные студенты считают каждый из пакетов пригодным для анализа в той или иной степени.

Начнем с интерпретации осей. Ось Dim. 1 нагружается высказываниями Q15 «сложен / неудобен для использования» (левая сторона) и Q5, Q6 (правая сторона). Последние два можно объединить как «удобство использования на мобильных устройствах». Таким образом, ось Dim. 1 интерпретируется как характеристика, выражающая степень удобства интерфейса программного продукта. Также можно сделать вывод о том, что программы, используемые на мобильных устройствах, воспринимаются как простые и удобные, к тому же большинство опрошенных студентов не видят разницы между использованием смартфонов и планшетов. Отчасти это может быть вызвано тем фактом, что не все студенты имеют планшеты или используют их в учебном процессе.

Ось Dim. 2 нагружается высказыванием Q15, которое, как отмечено выше, стоит особняком от остальных высказываний и программных продуктов (нижняя сторона), и Q7 и программой Mathematica (верхняя сторона). Значит, ось Dim. 2 будет рассматриваться как характеристика, выражающая удобство подготовки презентации.

Далее перейдем к анализу программных продуктов. Программы Mathcad, Mathematica и Microsoft Excel равноудалены от начала координат и соответствующие точки образуют треугольник (обозначен серыми пунктирными линиями на карте). Это означа-

ет, что все три программных продукта воспринимаются по-разному и находятся в оппозиции друг к другу. В середине одной из сторон треугольника (с вершинами Mathematica и Mathcad) располагается программа Matlab. Значит, ее восприятие также несколько отличается от восприятия других систем компьютерной алгебры. Можно заметить, что проекции всех трех точек на ось Dim. 1 находятся очень близко, следовательно, по степени удобства интерфейса (характеристика, выражаемая осью Dim. 1) программы воспринимаются практически одинаково.

Ни рис. 4 точки образуют два кластера, отмеченных черными пунктирными линиями. Первый из них образован программой Matlab и высказываниями Q1, Q2, Q3, Q9 и Q12 «хорошо подходит мне для решения задач». Это говорит о том, что высказывания Q1, Q2 и Q3 воспринимаются практически одинаково, т.е. студенты не позиционируют задачи отдельно по математике, отдельно по физике и отдельно по специальности. Значит, они видят существующие междисциплинарные связи при их анализе. Программы Mathcad и Mathematica стоят в некотором отдалении от этой группы. Соответственно, они также ассоциированы с

указанными высказываниями, но в несколько меньшей степени.

Второй кластер образует программа Microsoft Excel и высказывания Q5, Q6. Значит, студенты находят вполне приемлемым использование Microsoft Excel на мобильных устройствах по сравнению с другими математическими пакетами. Причины этого, возможно, такие же, как и для группы Sample I: от широкого распространения Microsoft Excel до плохой осведомленности о мобильных версиях систем компьютерной алгебры. Отметим также, что Microsoft Excel ассоциирован с высказыванием Q7, как и для группы Sample I.

Высказывания Q4, Q10 и Q11 находятся примерно в середине треугольника, образованного программами (обозначен серым пунктиром), следовательно, эти высказывания примерно одинаково ассоциированы с каждым программным продуктом. Интересно, что точки, соответствующие высказываниям Q10 и Q11, стоят рядом. Из этого можно сделать вывод о том, что студенты не видят существенной разницы между использованием стационарных компьютеров в дисплейных классах и ноутбуков либо мобильных устройств, принесенных с собой.

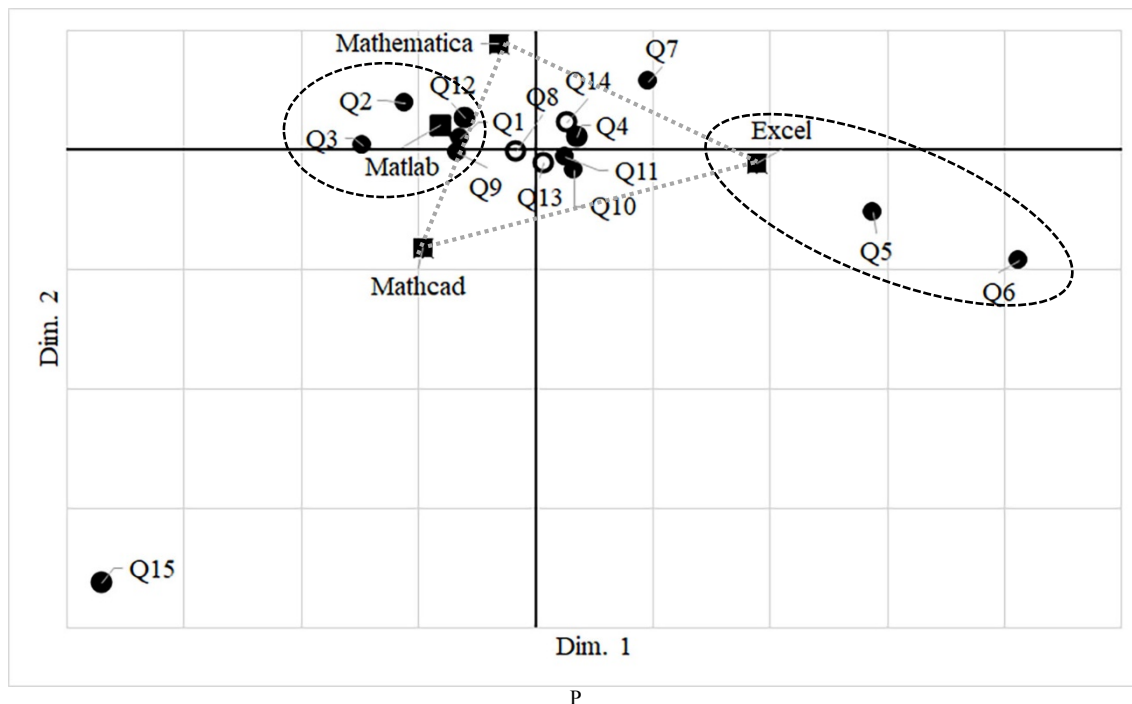

Рис. 4. Карта анализа соответствий для группы Sample II. Высказывания из вопроса 6 помечены круглыми маркерами, программные продукты – квадратными маркерами. Те точки, для которых качество проекции на плоскость оказалось неудовлетворительным ($< 0,5$), помечены маркерами той же формы, но без заливки (вопросы Q8, Q13 и Q14)

Положение высказываний Q8, Q13 и Q14 не анализируется на текущей карте, так как качество проекции соответствующих точек не является удовлетворительным.

Подводя итог, отметим основные факты, установленные в настоящем разделе для группы Sample II:

1) программы Mathcad, Mathematica и Microsoft Excel противопоставляются друг другу, программы Mathcad и Matlab противопоставляются Microsoft Excel, как и в группе Sample I. Причины этого такие же, как и для группы Sample I;

2) студенты группы Sample II не позиционируют задачи отдельно по математике, отдельно по физике и

отдельно по специальности (в группе Sample I этого не наблюдалось). Возможно, что студенты-иностранцы иначе воспринимают инженерные задачи в целом, а возможно, повлиял и языковой барьер. Результаты настоящего исследования не позволяют установить причину этого факта;

3) программы Matlab, Mathcad и Mathematica воспринимаются одинаково с точки зрения удобства интерфейса;

4) наиболее популярная в группе Sample II программа Matlab воспринимается как подходящая для решения любых задач и удобная для ресурсоемких

вычислений, что аналогично восприятию программы группой Sample I;

5) программа Microsoft Excel воспринимается как простая и удобная для визуализации данных как на стационарном компьютере, так и при использовании на мобильных устройствах. Этот факт тоже находится в согласии с наблюдениями для группы Sample I.

Сравнение результатов анализа соответствий для групп Sample I и Sample II

Можно отметить общие закономерности, которые присутствуют на картах из двух предыдущих разделов:

1) интерфейс всех программных продуктов студенты считают приемлемым;

2) ассоциированность программ Matlab и частично Mathcad с решением задач по физике и по специальности (высказывания Q2, Q3) и их применимостью для ресурсоемких вычислений (высказывание Q9);

3) ассоциированность Microsoft Excel с удобством для подготовки презентации / отчета (высказывание Q7);

4) Microsoft Excel более ассоциирован с использованием на планшете / смартфоне (высказывания Q5, Q6), чем остальные CAS, рассчитанные на использование на стационарном компьютере;

5) CAS в определенной степени противопоставляются программе Microsoft Excel. Значит, студенты четко выделяют различия в задачах, решение которых возможно с помощью того или иного продукта.

Различия восприятия программ, выявленные на картах из предыдущих разделов, состоят в следующем:

1) студенты группы Sample I практически не видят различий между Mathcad и Matlab в отличие от груп-

пы Sample II. Причины могут крыться в том, что процент студентов, использовавших эти программы, в двух группах существенно отличается. В то же время студенты группы Sample I меньше ассоциируют эти программы и с решением задач по математике, что является неожиданным результатом;

2) студенты группы Sample II очень мало используют Wolfram Alpha, что также является неожиданным результатом.

Приведенные отличия не так сильны и обусловлены преимущественно разной степенью распространенности программных продуктов. Например, Microsoft Excel одинаково сильно распространен в обеих группах и воспринимается практически одинаково. Таким образом, приведенные результаты исследования позволяют дать положительный ответ на вопрос 1 из введения о том, что возможно использование одних и тех же средств обучения для обеих групп Sample I и Sample II.

Важно проанализировать, какие продукты студенты собираются использовать в будущем. Обратимся к рис. 5. На нем представлены средние оценки, поставленные студентами в вопросе 7 для каждого из программных продуктов – столбцы, отмеченные Sample I / All и Sample II / All. При анализе анкет установлено, что если студенты ранее не использовали одну из программ, то часто оставляли соответствующее поле пустым, так как не знали ответа (в соответствии с правилами заполнения анкеты). Вообще говоря, представляется разумным анализировать в этом вопросе ответы тех, кто пользовался каждым продуктом ранее. Соответствующие столбцы отмечены Sample I / Использовали ранее и Sample II / Использовали ранее.

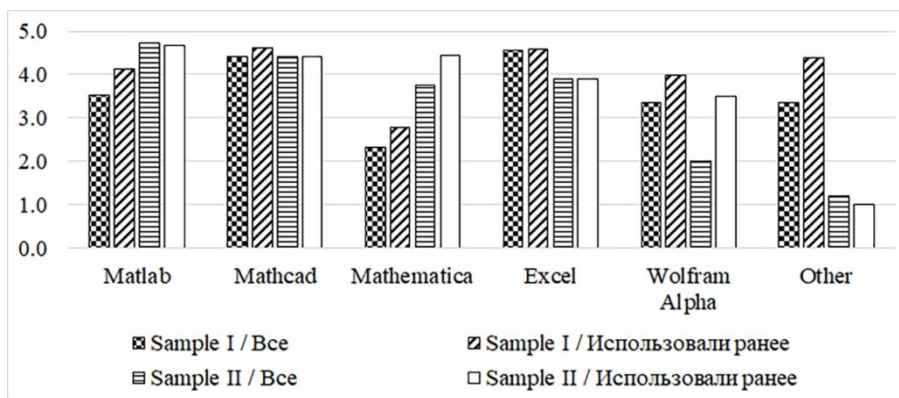

Рис. 5. Средние баллы, полученные каждым из программных продуктов в вопросе 7 в каждой группе студентов Sample I и Sample II; дополнительно вычислены средние значения оценок по каждому из программных продуктов только для тех студентов каждой группы, которые использовали данную программу ранее

Сравнивая средние оценки, можно сразу отметить общее положительное отношение к каждому из использованных продуктов среди тех студентов, кто использовал его ранее. Действительно, средние баллы для каждого из программных продуктов выше в той группе, которая использовала его ранее либо остается практически на том же уровне (как в Sample I, так и в Sample II). Таким образом, студенты, ранее разобравшиеся с каждой из программ, преимущественно хотят использовать ее и в будущем.

В группе Sample I лидерами являются Mathcad и Microsoft Excel, в группе Sample II преимущество отдается программам Matlab и Microsoft Excel, при этом высокие оценки получили и другие математические пакеты, в том числе Mathcad. Данный факт и выводы, сделанные в предыдущих разделах, позволяют ответить на вопрос 2. Действительно, студенты относятся лучше к тем программам, которые осваивались в рамках обязательных курсов в программе бакалавриата (как для группы Sample I, так и для группы Sample II).

При этом отмечается, что на предыдущих этапах обучения недостаточно внимания было уделено изучению встроенных возможностей для визуализации данных. В будущем желательно скорректировать программу обучения так, чтобы устранить этот печальный факт.

Установленные факты относятся и к вопросу 3. Студенты в обеих группах лучше оценивают те продукты, которые более широко распространены. Возможно, это связано с тем, что для них легче найти совет у друзей или ресурсы в сети Интернет (например, на родном для студента языке). Кроме того, значение может иметь и доступность лицензии. В настоящем исследовании студенты не опрашивались относительно причины выбора каждого из продуктов, поэтому в будущем возможно провести дополнительное исследование о том, что является важным при выборе каждого продукта.

Обсуждение результатов

Использование CAS в качестве средства обучения может быть представлено на нескольких уровнях [16]. С точки зрения дидактики образовательного процесса, наиболее важными являются развитие концептуального понимания рассматриваемых задач и явлений, а также навыки численного анализа и моделирования, которые возможно применять в будущей инженерной практике. Большинство представителей научного сообщества воспринимают CAS как интегральную составляющую современной математики и ее методов [4]. Поэтому внедрение CAS в обучение становится необходимостью с самых первых его этапов. Применение CAS в обучении способно вызывать мотивационные ограничения [16], когда использование программного обеспечения ведет к тому, что пользователь должен изучать дополнительный материал. Это вызвано тем, то получаемые с помощью программ пошаговые решения либо неудовлетворительны, либо содержат определенные неточности или допущения, либо не могут быть получены стандартными методами. Тогда обучаемые вынуждены изучать дополнительные материалы и придумывать способы их совмещения с теми результатами, которые возможно получить на компьютере. Например, символьные вычисления в пакете Matlab могут помочь студентам восполнить недоработки математической подготовки средней школы при изучении курсов дифференциального и интегрального исчисления в университете [26].

Дополнительным преимуществом использования CAS может быть повышение мотивации преподавателя к использованию новых средств обучения, направленных на повышение мастерства учащихся и, как следствие, на повышение качества образования. Использование CAS положительно влияет на дидактический интерес преподавателя – заинтересованность в составлении и обновлении методического комплекса дисциплины. К тому же освобождает его от рутинной работы по ручному отбору вариантов с «хорошими» числами, сокращает время на проверку заданий и т.д. [22]. Появляется возможность для решения реальных практических задач, в которых возникают большие

данные и «плохие» числа. Известно, что присутствует тесная положительная связь между мотивацией преподавателя и мотивацией обучаемых (см., например: [27]). Как результат повышается качество обучения.

Приведенные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют о том, что при обучении больших потоков, возможно, включающих студентов-иностранцев, для преодоления проблем языкового общения могут быть использованы практически любые из рассмотренных CAS (Mathcad, Matlab, Mathematica), так как студенты готовы разбираться в основах использования каждого из предлагаемых продуктов. Настоящие выводы находятся в согласии с результатами работы [17]. Однако ввиду невысокой распространенности системы Wolfram Mathematica ее использование требует выделения дополнительно учебного времени для изучения основ работы и интерфейса. Это может представлять дополнительную сложность как для преподавателя (например, если часы на обучение не запланированы в учебном плане), так и для студентов, не являющихся носителями русского языка, поскольку обучение ведется на иностранном языке.

Небольшое преимущество перед CAS Mathematica имеют CAS Matlab и Mathcad. Причем оценки, получаемые каждой из систем, в основном обусловлены степенью ее распространенности, а также включением обязательных курсов по их изучению в программу бакалавриата. Поэтому представляется разумным не делать выбор в пользу только одного средства, а использовать программы совместно, выбирая ту или иную, исходя из решаемой задачи. Хорошо известно, что каждая из программ лучше подходит для решения определенного круга задач. Поэтому преподаватель может варьировать средства обучения. Однако отметим, что естественно возникающая при этом сложность состоит в том, что слушатели могут быть недостаточно подготовлены к пользованию сразу несколькими системами. Поэтому желательно выбрать одну из математических программ и сочетать ее применение с наиболее широко распространенным пакетом Microsoft Excel.

Использование программных продуктов студентами, для которых русский язык является родным, и теми, кто не является носителем русского языка, воспринимается практически одинаково, поэтому возможно использовать одни и те же средства обучения, основанные на одной и той же CAS. Положительное влияние использования CAS на академические результаты по отдельным курсам установлено в [5, 15, 18], на успехи по математике вообще и общую удовлетворенность студентами процессом обучения доказано в [3, 17, 19].

Гендерный состав выборки Sample I и Sample II имел значимые различия, поэтому вопрос о влиянии пола на восприятие программных продуктов в данном исследовании не представлен. Необходимы сбор и обработка дополнительных данных. Исследование влияния гендерных различий на восприятие обучения математике с помощью любых CAS представлено в работе [28]. Например, в работе [29] выявлено присутствие определенных гендерных различий в восприятии планшетов при обучении. Так, юноши приписывали

большее влияние от использования планшета как в когнитивной, так и эмоциональной сфере. В дальнейшем необходимо провести подобное исследование и в отношении рассматриваемых программных комплексов.

Известно [1], что часть студентов испытывает страх перед сложными STEM-предметами (science, technology, engineering, and mathematics). Аналогичная ситуация может быть и в отношении рассматриваемых программных продуктов. Например, известно, что Matlab воспринимается как сложная программа для сложных математических расчетов. Поэтому часто студенты уже перед началом работы боятся плохих академических результатов, если им придется использовать какую-либо CAS. Особенно это характерно для тех, кто ранее не пользовался такими системами либо имеет общую недостаточную подготовку по математике и программированию [20]. Поэтому необходимо проводить разъяснительную работу, также предлагать студентам готовые шаблоны для решения задач, подготовленные с использованием CAS, поощрять дополнительными баллами тех, кто активно использует предлагаемые средства обучения. Установлена тесная связь между степенью уверенности в решении задач, демонстрируемой студентами, со степенью вовлеченности в образовательный процесс, а также с отношением к изучению математики с использованием компьютерных технологий [19]. Таким образом, использование CAS как дополнительного дидактического приема способствует повышению качества образования.

В настоящее время мобильные устройства оказывают большее влияние на все сферы жизни, в том числе и на обучение. Поэтому необходимо изучение различных аспектов этого процесса. Например, при исследовании отношения к мобильным устройствам при обучении установлено, что нет различий в их использовании при изучении STEM-предметов и остальных предметов [29]. Интересный факт, выявленный в настоящей статье, состоит в том, что студенты не отдают предпочтение тем программам, которые хорошо адаптированы для мобильных устройств. Вообще, анализ тех анкет, в которых было много пропущенных данных в вопросе Q5 «удобен для использования на планшете», говорит о том, что многие студенты не использовали планшеты при обучении, поэтому затрудняются с ответом на этот вопрос. В исследовании не установлено, чем вызвано

данное обстоятельство, и оно требует дополнительного изучения. Зато при анализе анкет выявлено, что многие не видят разницы между использованием смартфона и планшета, что в общем не лишено оснований.

Выводы

Проведено анкетирование студентов первого курса магистратуры МГТУ им. Н.Э. Баумана об использовании ряда программных продуктов при решении задач, возникающих в процессе обучения. Среди опрошенных было 68 студентов – носителей русского языка и 23 студента-иностранца, для которых русский язык не является родным. Исследовано их отношение к программным продуктам Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel и Wolfram Alpha и сценарии их использования.

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что при обучении больших потоков, возможно, включающих студентов-иностранцев, могут быть использованы любые из рассмотренных в настоящем исследовании CAS (Mathcad, Matlab, Mathematica), а также широко распространенный пакет Microsoft Excel. Установлено, что интерфейс всех программных продуктов для студентов достаточно понятен, но при этом CAS считаются неудобными для представления результатов в виде отчета или презентации. Для этих целей опрошенные студенты посчитали более подходящим пакет Microsoft Excel. Выявлена ассоциированность программ Matlab и частично Mathcad с решением задач по физике и по специальности (в области инженерной практики) и их применимостью для ресурсоемких вычислений. Установлено, что студенты четко выделяют различия в задачах, решение которых возможно с помощью того или иного программного продукта. Удобство использования на планшете или смартфоне не является важным фактором при выборе программного комплекса для решения задач. Не выявлено принципиальных различий в отношении и способах использования программных комплексов между носителями русского языка и студентами-иностранцами. CAS Mathematica является менее распространенной по сравнению с другими программными продуктами, поэтому ее успешное использование требует выделения дополнительного времени для изучения основ языка и интерфейса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Peng Y., Hong E., Mason E. Motivational and cognitive test-taking strategies and their influence on test performance in mathematics // *Educational Research and Evaluation*. 2014. Vol. 20, № 5. P. 366–385. DOI: <https://doi.org/10.1080/13803611.2014.966115>.
2. Barba P.G., Kennedy G.E., Ainley M.D. The role of students' motivation and participation in predicting performance in a MOOC // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2016. Vol. 32, № 3. P. 218–231. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcal.12130>.
3. Иванюшина В.А., Александров Д.А., Мусабилов И.Л. Структура академической мотивации: ожидания и субъективные ценности освоения университетского курса // *Вопросы образования*. 2016. № 4. С. 229–250. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-4-229-250>.
4. Buteau C., Jarvis D.H., Lavicza Z. On the integration of computer algebra systems (CAS) by Canadian mathematicians: Results of a national survey // *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*. 2014. Vol. 14, № 1. P. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.1080/14926156.2014.874614>.
5. Mezhenaya N.M., Pugachev O.V. On the results of using interactive education methods in teaching Probability Theory // *Problems of Education in the 21st Century*. 2018. Vol. 76, № 5. P. 678–692. URL: <http://oaji.net/articles/2017/457-1540320285.pdf>
6. Särvari C. CAS integration into learning environment // *ZDM*. 2005. Vol. 37, № 5. P. 418–423. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11858-005-0031-3>.
7. Haspekian M. An "Instrumental approach" to study the integration of a computer tool into mathematics teaching: the Case of spreadsheets // *International Journal of Computers for Mathematical Learning*. 2005. Vol. 10, № 2. P. 109–141. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10758-005-0395-z>.

8. Neuwirth E. Visualizing formal and structural relationships with spreadsheets // A.A. diSessa, C. Hoyles, R. Noss, L.D. Edwards (eds). *Computers and Exploratory Learning*. NATO ASI Series (Series F: Computer and Systems Sciences). Springer, Berlin, Heidelberg, 1995. Vol. 146. P. 155–173. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-642-57799-4_9.
9. Sanford J. Introducing computational thinking through spreadsheets // Khine M. (ed), *Computational Thinking in the STEM Disciplines*. Springer, Cham, 2018. P. 99–124. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-93566-9>. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-93566-9>
10. Harrison T.R., Lee H.S. iPads in the mathematics classroom: Developing criteria for selecting appropriate learning apps // *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology (IJEMST)*. 2018. Vol. 6, № 2. P. 155–172. DOI: <https://doi.org/10.18404/ijemst.408939>.
11. Jacinto H., Carreira S. Mathematical problem solving with technology: the Techno-mathematical fluency of a student-with-GeoGebra // *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2017. Vol. 15, № 6. P. 1115–1136. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10763-016-9728-8>.
12. Albano G., Dello Iacono U.J. GeoGebra in e-learning environments: a possible integration in mathematics and beyond // *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. 2018. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12652-018-1111-x>.
13. Weisstein E. Computable data, Mathematics, and digital libraries in Mathematica and Wolfram|Alpha // Watt S.M., Davenport J.H., Sexton A.P., Sojka P., Urban J. (eds). *Intelligent Computer Mathematics*. Lecture Notes in Computer Science. Springer, Cham, 2014. Vol. 8543. P. 26–29. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-08434-3_3. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-08434-3>
14. Васильева Л.Н. Использование пакета Matlab в курсе изучения дифференциальных уравнений // *Педагогическая информатика*. 2011. № 4. С. 67–73.
15. Ivanov O.A., Ivanova V.V., Saltan A.A. Discrete mathematics course supported by CAS MATHEMATICA // *International Journal of Mathematical Education in Science and Technology*. 2017. Vol. 48, № 6. P. 953–963. DOI: <https://doi.org/10.1080/0020739X.2017.1319979>.
16. Dana-Picard T. Motivating constraints of a pedagogy-embedded computer algebra system // *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2007. Vol. 5, № 2. P. 217–235. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10763-006-9052-9>.
17. Cretchley P., Harman C., Ellerton N., Fogarty G. MATLAB in early undergraduate mathematics: An investigation into the effects of scientific software on learning // *Mathematics Education Research Journal*. 2000. Vol. 12, № 3. P. 219–233. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03217086>.
18. Durán M.J., Gallardo S., Toral S.L., Martínez-Torres R., Barrero F.J. A learning methodology using Matlab/Simulink for undergraduate electrical engineering courses attending to learner satisfaction outcomes // *International Journal of Technology and Design Education*. 2007. Vol. 17, № 1. P. 55–73. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10798-006-9007-z>.
19. Barkatsas T., Gialamas V., Orellana C. Secondary students' attitudes toward learning mathematics with computer algebra systems (CAS) // T. Barkatsas, A. Bertram. (eds) *Global Learning in the 21st Century*. Global Education in the 21st Century Series. SensePublishers, Rotterdam, 2016. P. 121–137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6300-761-0_8.
20. Morán-Soto G., Benson L. Relationship of mathematics self-efficacy and competence with behaviors and attitudes of engineering students with poor mathematics preparation // *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology (IJEMST)*. 2018. Vol. 6, № 3. P. 200–220. DOI: <https://doi.org/10.18404/ijemst.428165>.
21. Broley L., Caron F., Saint-Aubin Y. Levels of programming in mathematical research and university mathematics education. *International Journal of Research in Undergraduate Mathematics Education*. 2018. Vol. 4, № 1. P. 38–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40753-017-0066-1>.
22. Меженная Н.М. Использование систем компьютерной математики как инструмента раскрытия междисциплинарных связей в курсах вероятностных дисциплин // *Международный журнал экспериментального образования*. 2018. № 9. С. 24–31.
23. Fisher C.R. A pedagogic demonstration of attenuation of correlation due to measurement error // *Spreadsheets in Education (eJSiE)*. 2014. Vol. 7, № 1. Article four. Retrieved from: <http://epublications.bond.edu.au/ejsie/vol7/iss1/4>.
24. Choi L.J. Embracing identities in second language learning: current status and future directions // *Problems of Education in the 21st Century*. 2018. Vol. 76, № 6. P. 800–815. DOI: <https://doi.org/10.33225/pec/18.76.800>.
25. Crystal D. *The Cambridge encyclopedia of language*. New York, NY : Cambridge University Press, 2010. 524 p.
26. Шамилев Т.М. Применение символьных вычислений пакета программ Matlab при обучении математике будущих инженеров-педагогов // *Ученые записки крымского инженерно-педагогического университета*. 2016. № 2 (52). С. 107–112.
27. Кальяр М.Н., Ахмад Б., Кальяр Х. Влияет ли мотивация учителя на мотивацию учащегося. Опосредующая роль профессионального поведения педагога // *Вопросы образования*. 2018. № 3. С. 91–119. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-91-119>.
28. Barkatsas A., Kasimatis K., Gialamas V. Learning secondary mathematics with technology: Exploring the complex interrelationship between students' attitudes, engagement, gender and achievement // *Computers & Education*. 2009. Vol. 52, № 2. P. 562–570. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2008.11.001>.
29. Davidovitch N., Yavich R. The impact of mobile tablet use on students' perception of learning processes // *Problems of Education in the 21st Century*. 2018. Vol. 76, № 1. P. 29–42. URL: <http://oaji.net/articles/2017/457-1519987967.pdf>

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 марта 2019 г.

On the Use of Computer Algebra Systems and Microsoft Excel by Students in the MSc Program in Engineering

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 167–180.

DOI: 10.17223/15617793/442/21

Natalia M. Mezhenayay, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalia.mezhenayay@gmail.com

Keywords: computer algebra system; Microsoft Excel; engineering education; perception of program packages.

The article presents the investigation of how large (potentially international) groups of first-year students in the MSc program in Engineering perceive and use scenarios of software products: computer algebra systems Matlab, Mathcad, Mathematica, a common spreadsheet Microsoft Excel, and the computer algebra system adapted for mobile devices Wolfram Alpha. The first stage of the research included the use of statistical methods for the collection and processing of empirical data: namely, the survey of first-year graduate students of Bauman Moscow State Technical University on the perception and usage of scenarios of software products Matlab, Mathcad, Mathematica, Microsoft Excel and Wolfram Alpha in solving problems arising in the educational process. The methodological basis of the second stage of the research is quantitative and qualitative methods of statistical analysis: qualitative analysis and comparison of distributions, correspondence analysis, chi-square test, etc. The research ascertained that students consider the interface of all aforementioned software products to be quite understandable; however, computer algebra systems are not perceived as convenient for presenting results in the form of a report or a presentation. For these purposes, the interviewed students found the package Microsoft Excel to be more suitable. The association of the program Matlab, and partly Mathcad, with solving problems in physics and specialty (in engineering practice), and applicability for demanding computing has been revealed. The research established that students clearly distinguish the differences in the tasks, the solution to which is possible with the help of different software product. The ease of use on a tablet or a smartphone is not an important factor when choosing a software package for solving problems. However, respondents believe that Microsoft Excel is better adapted for use on a smartphone or a tablet compared to computer algebra systems. There are no critical differences in the attitude and methods of using software systems between native

speakers of Russian and foreign students – non-native speakers of Russian, but significant differences are present in the proportion of students using different computer algebra systems in these two groups. The results of the present research show that any of the computer algebra systems considered in this study (Mathcad, Matlab, Mathematica), as well as the widely spread package Microsoft Excel, can be used in teaching large engineering groups that can include foreign students. It is advisable to choose one of the computer algebra systems and use it simultaneously with Microsoft Excel.

REFERENCES

1. Peng, Y., Hong, E. & Mason, E. (2014) Motivational and cognitive test-taking strategies and their influence on test performance in mathematics. *Educational Research and Evaluation*. 20 (5). pp. 366–385. DOI: 10.1080/13803611.2014.966115
2. Barba, P.G., Kennedy, G.E. & Ainley, M.D. (2016) The role of students' motivation and participation in predicting performance in a MOOC. *Journal of Computer Assisted Learning*. 32 (3). pp. 218–231. DOI: 10.1111/jcal.12130
3. Ivanyushina, V.A., Aleksandrov, D.A. & Musabirov, I.L. (2016) The Structure of Students' Motivation: Expectancies and Values in Taking Data Science Course. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. pp. 229–250. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-229-250
4. Buteau, C., Jarvis, D.H. & Lavicza, Z. (2014) On the integration of computer algebra systems (CAS) by Canadian mathematicians: Results of a national survey. *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*. 14 (1). pp. 35–57. DOI: 10.1080/14926156.2014.874614
5. Mezhenyaya, N.M. & Pugachev, O.V. (2018) On the results of using interactive education methods in teaching Probability Theory. *Problems of Education in the 21st Century*. 76 (5). pp. 678–692. [Online] Available from: <http://oaji.net/articles/2017/457-1540320285.pdf>.
6. Särvari, C. (2005) CAS integration into learning environment. *ZDM*. 37 (5). pp. 418–423. DOI: 10.1007/s11858-005-0031-3
7. Haspekian, M. (2005) An "Instrumental approach" to study the integration of a computer tool into mathematics teaching: the Case of spreadsheets. *International Journal of Computers for Mathematical Learning*. 10 (2). pp. 109–141. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10758-005-0395-z>
8. Neuwirth, E. (1995) Visualizing formal and structural relationships with spreadsheets. In: diSessa, A.A. et al. (eds) *Computers and Exploratory Learning*. NATO ASI Series (Series F: Computer and Systems Sciences). Vol. 146. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 155–173. DOI: 10.1007/978-3-642-57799-4_9.
9. Sanford, J. (2018) Introducing computational thinking through spreadsheets. In: Khine, M. (ed.) *Computational Thinking in the STEM Disciplines*. Springer, Cham. pp. 99–124. [Online] Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-93566-9>. DOI: 10.1007/978-3-319-93566-9
10. Harrison, T.R. & Lee, H.S. (2018) iPads in the mathematics classroom: Developing criteria for selecting appropriate learning apps. *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology (IJEMST)*. 6 (2). pp. 155–172. DOI: 10.18404/ijemst.408939
11. Jacinto, H. & Carreira, S. (2017) Mathematical problem solving with technology: the Techno-mathematical fluency of a student-with-GeoGebra. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 15 (6). pp. 1115–1136. DOI: 10.1007/s10763-016-9728-8
12. Albano, G. & Dello Iacono, U.J. (2018) GeoGebra in e-learning environments: a possible integration in mathematics and beyond. *Journal of Ambient Intelligence and Humanized Computing*. November. pp. 1–13. DOI: 10.1007/s12652-018-1111-x
13. Weisstein, E. (2014) Computable data, Mathematics, and digital libraries in Mathematica and Wolfram|Alpha. In: Watt, S.M. et al. (eds) *Intelligent Computer Mathematics. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 8543. Springer, Cham. pp. 26–29. [Online] Available from: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-08434-3>. DOI: 10.1007/978-3-319-08434-3_3
14. Vasil'eva, L.N. (2011) Use of package "Matlab" in a course of studying of the differential equations. *Pedagogicheskaya informatika*. 4. pp. 67–73. (In Russian).
15. Ivanov, O.A., Ivanova, V.V. & Saltan, A.A. (2017) Discrete mathematics course supported by CAS MATHEMATICA. *International Journal of Mathematical Education in Science and Technology*. 48 (6). pp. 953–963. DOI: 10.1080/0020739X.2017.1319979
16. Dana-Picard, T. (2007) Motivating constraints of a pedagogy-embedded computer algebra system. *International Journal of Science and Mathematics Education*. 5(2). pp. 217–235. DOI: 10.1007/s10763-006-9052-9
17. Cretchley, P., Harman, C., Ellerton, N. & Fogarty, G. (2000) MATLAB in early undergraduate mathematics: An investigation into the effects of scientific software on learning. *Mathematics Education Research Journal*. 12 (3). pp. 219–233. DOI: 10.1007/BF03217086
18. Durán, M.J. et al. (2007) A learning methodology using Matlab/Simulink for undergraduate electrical engineering courses attending to learner satisfaction outcomes. *International Journal of Technology and Design Education*. 17 (1). pp. 55–73. DOI: 10.1007/s10798-006-9007-z
19. Barkatsas, T., Gialamas, V. & Orellana, C. (2016) Secondary students' attitudes toward learning mathematics with computer algebra systems (CAS). In: Barkatsas, T. & Bertram, A. (eds) *Global Learning in the 21st Century*. Global Education in the 21st Century Series. Rotterdam: SensePublishers. pp. 121–137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6300-761-0_8
20. Morán-Soto, G. & Benson, L. (2018) Relationship of mathematics self-efficacy and competence with behaviors and attitudes of engineering students with poor mathematics preparation. *International Journal of Education in Mathematics, Science and Technology (IJEMST)*. 6 (3). pp. 200–220. DOI: 10.18404/ijemst.428165.
21. Broley, L., Caron, F. & Saint-Aubin, Y. (2018) Levels of programming in mathematical research and university mathematics education. *International Journal of Research in Undergraduate Mathematics Education*. 4 (1). pp. 38–55. DOI: 10.1007/s40753-017-0066-1
22. Mezhenyaya, N.M. (2018) Ispol'zovanie sistem komp'yuternoy matematiki kak instrumenta raskrytiya mezhdistsiplinarynykh svyazey v kursakh veroyatnostnykh distsiplin [The use of computer mathematics systems as a tool for the disclosure of interdisciplinary connections in courses of probabilistic disciplines]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 9. pp. 24–31. DOI: 10.17513/mjeo.11832
23. Fisher, C.R. (2014) A pedagogic demonstration of attenuation of correlation due to measurement error. *Spreadsheets in Education (eJSiE)*. 7 (1). Article four. [Online] Available from: <http://epublications.bond.edu.au/ejsie/vol7/iss1/4>.
24. Choi, L.J. (2018) Embracing identities in second language learning: current status and future directions. *Problems of Education in the 21st Century*. 76 (6). pp. 800–815. DOI: 10.33225/pec/18.76.800
25. Crystal, D. (2010) *The Cambridge encyclopedia of language*. New York, NY: Cambridge University Press.
26. Shamilev, T.M. (2016) Software package symbolic computation Matlab application in training math for future engineers-teachers. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*. 2 (52). pp. 107–112. (In Russian).
27. Kal'yar, M.N., Akhmad, B. & Kal'yar, Kh. (2018) Does Teacher Motivation Lead to Student Motivation? The Mediating Role of Teaching Behavior. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 3. pp. 91–119. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-91-119
28. Barkatsas, A., Kasimatis, K. & Gialamas, V. (2009) Learning secondary mathematics with technology: Exploring the complex interrelationship between students' attitudes, engagement, gender and achievement. *Computers & Education*. 52 (2). pp. 562–570. DOI: 10.1016/j.compedu.2008.11.001
29. Davidovitch, N. & Yavich, R. (2018) The impact of mobile tablet use on students' perception of learning processes. *Problems of Education in the 21st Century*. 76 (1). pp. 29–42. [Online] Available from: <http://oaji.net/articles/2017/457-1519987967.pdf>.

Received: 17 March 2019

Л.А. Сайтбагина

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕГРАТИВНО-РАЗВИВАЮЩЕГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ

Статья посвящена проблеме развития исследовательской деятельности студентов вуза на уровне магистратуры. Автором рассмотрен методологический аспект решения проблемы на технологическом уровне с позиции интегративно-развивающего подхода. Разработаны программа и сценарии развития исследовательской деятельности студентов, обеспечивающие нелинейность образовательного процесса, вариативность взаимодействия. Представлены методика проведения формирующего этапа опытно-экспериментальной работы и его результаты.

Ключевые слова: исследовательская деятельность; студенты вуза; проблемно-концентрированное обучение; программа; сценарии развития.

Современное образование ориентирует на развитие у обучающихся самостоятельности, преобразованию и творческому саморазвитию в течение жизни. В этой связи возникает необходимость изменения подходов построения его содержания и технологий обучения. Сегодня образование следует рассматривать в русле новых ценностей и приоритетов. Создание организационно-педагогических условий для развития личности, способной к творческому саморазвитию, – необходимая предпосылка перехода от парадигмы «образование на всю жизнь» к парадигме «образование через всю жизнь».

На уровне магистратуры исследовательская деятельность приобретает первостепенный характер, что связано не только с тем, что это ведущий вид деятельности на данном уровне образования, а с тем, что исследовательскую деятельность студентов следует понимать в более широком смысле – как развитие соответствующих интеллектуальных качеств личности: гибкость, оригинальность, критичность, прогностичность, самостоятельность мышления; *способность к творческому саморазвитию*.

Вместе с тем в реальной образовательной практике вузов, основанной на традиционной (знаниевой) технологии обучения, у студентов в основном развивается одномерное академическое мышление, что, безусловно, отражается на исследовательских способностях студентов и результатах профессиональной деятельности в будущем. Со всей очевидностью встает вопрос о пересмотре сложившихся стереотипов в образовании, выходе за пределы некоторой ограниченности.

Анализ многочисленных источников психолого-педагогической литературы показал, что сущность исследовательской деятельности раскрывается через различные составляющие, но подчеркивается, что главный смысл исследования в сфере образования в том, что оно является учебным. Исследователи сходятся во мнении о необходимости развития интеллектуальных качеств личности, творческого мышления [1, 2].

Сложность феномена развития находит отражение в исследованиях Л.И. Анцыферовой, А.А. Деркача и др. [3, 4]. Развитие – переход из одного состояния в другое, более совершенное, качественное, процесс закономерного изменения [5. С. 141]. Данное опреде-

ление ценно тем, что указывает на процессы создания и освоения нового – инновационные процессы. Л.И. Анцыферова выделяет такие особенности процесса развития, как необратимость, неравномерность, переход стадий развития в уровни, тенденцию к качественному изменению в единстве с тенденцией к устойчивости [3]. В этом и проявляется сложность феномена развития, так как не всякое изменение есть развитие. Именно это сближает педагогические системы с идеями синергетического подхода, основной качественной характеристикой которого является самоорганизация, свойственная всем процессам развития.

Поскольку уровневая методология позволяет отслеживать ход исследования, его результаты и доказывать полиподходность в явлении развития, мы приняли концепцию четырехуровневости методологического анализа, предложенную Э.Г. Юдиным [5].

Первый уровень (*философский*) составляет мировоззренческую основу. Это **идеи синергетики** о нелинейности, неравновесности, сложности открытых педагогических систем, способных к самоорганизации и имеющих вероятностный результат развития [7]. В соответствии с идеями синергетики сложноорганизованным системам, каковыми и являются педагогические системы, нельзя навязывать пути их развития, ибо это может привести к разрушению системы и, как следствие, к отклонению от оптимального развития. Необходимы малые, но правильно организованные резонансные воздействия, вовлечение студентов в процессы собственного развития, создавая для этого организационно-педагогические условия [2, 7]. Идеи педагогической синергетики открывают возможность подойти по-новому к развитию педагогических систем, рассматривая их с позиции сотворчества, открытости, нелинейности и ориентации на саморазвитие [Там же].

На втором (*общенаучном*) уровне мы определили **личностно-деятельностный подход**, определяющий принципы динамичности, целостности, интегративности, характеризующие педагогические системы [8, 9]. Исследовательская деятельность студентов рассматривается нами в широком смысле, поэтому в ее определении мы ориентируемся на общенаучную методологию. Личностно-деятельностный подход, определенный нами на общенаучном уровне, позволяет выявить интегративные системные свойства и каче-

ственные характеристики элементов системы во взаимосвязи.

На третьем (*конкретно-научном*) уровне выступает **акмеологический подход**, рассматривающий жизнедеятельность человека в его устремленности к вершинам личностного и профессионального развития и самосовершенствования, выражающемся в творческом саморазвитии [1, 4]. Исследовательская деятельность студентов рассматривается нами как особая форма творческой деятельности, позволяющая реализовать идеи самоактуализации и творческого саморазвития личности. Акмеологический подход, используемый на конкретно-научном уровне, позволяет создавать условия для индивидуального творческого саморазвития каждого студента. Данный подход также нашел отражение в определении понятия в аспекте результатов исследовательской деятельности (творческое саморазвитие).

На четвертом (*технологическом*) уровне – **интегративно-развивающий подход**, предполагающий реализацию принципов развития и интеграции в обучении; позволяющий рассматривать развитие исследовательской деятельности студентов как интегративный результат рефлексивного соуправления субъектов процесса обучения, отражающего характер их взаимодействия по проблематизации и интеграции содержания обучения [2]. Общеметодологические принципы системности, целостности, интеграции и развития отражают учет интегральной человеческой деятельности, идеи социальной и духовной целостности личности и возможности ее развития, увеличение объема, частоты и интенсивности между элементами образовательной системы [5. С. 153–154].

На технологическом уровне интегративно-развивающий подход имеет выраженный нормативный характер, позволяя разработать средства и представить методику и технику исследования проблемы [6].

Мы разделяем точку зрения Л.А. Шипиловой, понимая интегративно-развивающий подход как особую форму познавательной и практической деятельности, позволяющей реализовать идеи интеграции и развития в образовательном процессе [10. С. 134]. В основе идеи интегративно-развивающего подхода – положение о рассмотрении человека как основного субъекта образовательной деятельности. Автором отмечается, что интеграция выступает в качестве основного средства достижения результата педагогического управления, которым является развитие субъектов учебной деятельности. Образовательная интеграция возможна как интеграция целей, содержания образования, форм, методов и результатов обучения. По сути, образование является управляемым извне самообразованием. Высшим результатом интегративно-развивающего подхода является творческое саморазвитие личности обучающегося, обеспечивающее возможность самореализации в профессиональной деятельности.

Концептуально единым и непротиворечивым интегративно-развивающий подход делает система принципов: системности, целостности, интеграции и развития. Системный анализ выступает как средство конструирования и управления исследуемой системой. Интегративно-развивающий подход предполагает

возможность синтеза деятельностного и личностного подходов, дополняя их идеями синергетики [11. С. 138]. Поэтому, представляя для целей нашего исследования личностно-деятельностный подход на общенаучном уровне, мы усиливаем его интегративно-развивающим в технологическом аспекте.

В данной статье представлена методика проведения формирующего эксперимента и его результаты, поскольку именно на этом этапе становится явным и прозрачным процесс развития исследовательской деятельности студентов.

Целью формирующего этапа исследования являлась реализация совокупности организационно-педагогических условий проблемно-концентрированного обучения (концентрация во времени, поэтапно усложняющаяся проблематизация содержания обучения, рефлексивное соуправление) [12]. Заданные условия необходимы и достаточны, так как обеспечивают интегративный результат развития исследовательской деятельности студентов. Необходимость условий проблемно-концентрированного обучения определена его содержанием, достаточность – соответствием природе исследуемого объекта:

- концентрация во времени – укрупнение одной организационной единицы – учебного дня на изучение одной дисциплины – обеспечивает целостность процесса познания;

- поэтапно усложняющаяся проблематизация содержания дидактических единиц позволяет активизировать творческое мышление;

- рефлексивное управление (по типу соуправления) – целенаправленное, гибкое взаимодействие преподавателя и студентов, личностно-равноправные отношения в сотрудничестве, способствует активизации рефлексивных самопроцессов у студентов и развитию у них способности к самоуправлению своей деятельностью. Рефлексивное соуправление становится реальным механизмом развития исследовательской деятельности студентов, если оно представлено последовательностью взаимосвязанных этапов управления [12], повторяющихся на каждом управленческом цикле.

С позиции избранной методологической базы исследовательская деятельность студентов вуза – это вид образовательной деятельности, ориентированной на развитие личностных интеллектуальных качеств, на творческое саморазвитие в процессе решения проблемных ситуаций, учебно-творческих исследовательских задач [Там же].

Содержание исследовательской деятельности студентов нам представляется как системное образование во взаимосвязанных компонентах: когнитивном, аксиологическом, креативном, организационно-деятельностном, рефлексивно-оценочном, проявляющиеся на трех уровнях (ограниченный, допустимый и оптимальный) [Там же].

Разработанные нами программа и сценарии развития исследовательской деятельности студентов (локальных, модульных и системных изменений) позволили реализовать многовариантность и нелинейность способов развития в процессе проблемно-концентрированного обучения. Реализация программы развития

осуществлялась в ОмГПУ на магистерских программах «Менеджмент в образовании» и «Управление человеческими ресурсами в образовании» в течение двух лет. В формирующем эксперименте приняли участие 6 преподавателей и 73 студента.

Программа модульного характера, а специфика организации проблемно-концентрированного обучения в том, что учебное занятие представляет собой учебный блок (модуль), который рассчитан на 4–6 часов концентрированно (лекция, практическое занятие, самостоятельная работа без разрыва во времени). Учебные занятия проводились три раза в неделю.

Методологический модуль содержит общенаучный блок дисциплин («История и методология педагогической науки», «Менеджмент в образовании», «Методология научного творчества»), которые направлены на приобретение базовых знаний и умений в области методологии, концептуальных подходов, способствуют овладению методологической культурой, активизируют исследовательскую деятельность студентов. *Поисково-проектировочный модуль* включает дисциплины профессионального блока («Инновационный менеджмент в образовании», «Стратегический менеджмент в образовании», «Управленческие решения»). Выделенный блок дисциплин направлен на углубление и приращение профессиональных знаний, умений, владений. *Поисково-исследовательский модуль* содержит практики: «Научно-исследовательская», «Организационно-управленческая», «Педагогическо-проектировочная», «Преддипломная». Практики ориентированы на актуализацию субъективного индивидуального опыта исследовательской деятельности в поиске средств решения учебно-творческих задач.

Научно-исследовательский семинар включался на разных этапах в каждый из представленных модулей. Семинар базируется на освоении студентами общенаучного цикла дисциплин и логически связан с внеаудиторной самостоятельной работой, выполняемой в рамках вышеназванных практик, а также с выполнением студентами курсовых и выпускных квалификационных работ. Работа семинара предполагала: систематизацию, закрепление, углубление и расширение приобретенных студентами знаний, умений, навыков исследовательской деятельности; овладение студентами методологической культурой, навыками публичной апробации результатов исследований, ведения дискуссии; рефлекссию его участников.

В рамках программы автором разработаны сценарии развития исследовательской деятельности студентов. Применение сценарного подхода предполагает определение наиболее вероятных сценариев (прогнозов действий и взаимодействия субъектов образовательного процесса). Сценарии обеспечивают нелинейность образовательного процесса, дают возможность проводить качественный и количественный анализ результатов развития исследовательской деятельности. Разрабатывая сценарии, мы опирались на работы М.М. Поташника и В.С. Лазарева, классифицирующих нововведения «по масштабу происходящих преобразований» [13. С. 144].

Развитие исследовательской деятельности студентов определяется процессом качественных и количественных изменений в составляющих ее компонентах и структуре. Особенность сценариев развития исследовательской деятельности студентов в том, что они позволяют учитывать уровень развития каждого студента на данном этапе и на основе этого выбирать наиболее адекватный вариант сценария с ориентацией на прогноз результативности развития исследовательской деятельности. Благодаря этому студенты обретают способность достигать более высоких, чем прежде, результатов образования.

Содержанием сценариев является проблематизация обучения в соответствии с уровнями развития исследовательской деятельности и взаимодействие (рефлексивное соуправление) субъектов процесса обучения.

В зависимости от изменений (уровня проблематизации и деятельностных и личностных преобразований у студентов) преподаватель осуществлял переход от одного сценария к другому.

В качестве иллюстрации приведем сценарии второго (методологического) модуля программы на примере дисциплины «Инновационный менеджмент в образовании» (табл. 1).

Обучение как сложная система осуществляется при помощи управления. Механизм развития определяют имеющиеся двусторонние отношения. Управление развитием предполагает наличие единства внутренней стороны – самоуправление обучающегося как субъекта учения своим развитием, и внешней стороны – управление преподавателя. Именно это дает качественно новое состояние и позволяет определить наличие развития как интегративного результата этого взаимодействия.

Для творческого саморазвития личности представляется перспективным рефлексивное управление по типу соуправления, позволяя выйти на новый уровень полисубъектного взаимодействия преподавателя и студентов – сотворчества. Рефлексивная позиция обучающегося в исследовательской деятельности рассматривается как качественный переход от неудовлетворенности наличными средствами в решении проблемной ситуации к ее анализу и поиску новых средств. Студент становится субъектом образовательной деятельности при условии необходимости разрешения проблемных ситуаций, которые он принимает как личностно-значимые через выбор ценностей и целей деятельности.

Проблематизация есть механизм, лежащий в основе вскрытия проблемности субъектом учения, материализованный в конкретной проблемной задаче. Довольно сложно включить человека в исследовательскую деятельность, если у него отсутствует внутренняя установка на преобразование проблем. Поэтому необходимо помочь студентам увидеть не только противоречие, но и осуществить на его основе поиск учебной проблемы, которую интересно решить. Проблематизация рассматривается как специально организуемый процесс. Создается ситуация, в которой студенты самостоятельно определяют ценность содержания и цели. Тогда процедура проблематизации определяется как ценностное самоопределение в проблемном поле.

**Сценарии развития исследовательской деятельности студентов
на примере дисциплины «Инновационный менеджмент в образовании»**

Сценарий модульных изменений (продуктивный)				
Тема: «Инновационный менеджмент и стратегическое управление в образовании»				
Цель занятия: формирование системы знаний о принципах, основных целях и функциях государственной политики в инновационной сфере				
Этапы соуправления обучением	Методические особенности проведения занятий	Содержание занятия (действия, взаимодействие преподавателя и студентов)	Продукты творческой деятельности студентов	Формируемые компоненты как прогнозируемые результаты исследовательской деятельности
Ценностно-ориентационный. Информационно-аналитический. Планово-прогностический. Организационно-исполнительский. Коммуникации. Контрольно-оценочный. Регулятивно-коррекционный	Семинар-практикум (концентрированно): активные и интерактивные методы: проблемного изложения (эвристическая беседа, диалог); частично-поисковый (дискуссия, организационно-деятельностная игра); эвристические методы: мозговой штурм	1. Ознакомление студентов с темой практического занятия, сопровождение преподавателем формулирования его цели и плана. Показ преподавателем практического значения изучаемого материала через постановку проблемы. Эвристическая беседа. Проверка усвоенных знаний студентов. Активизация рефлексии студентов	Установление межпредметных связей, причинно-следственных связей в инновационных процессах, выстраивание суждений, выработка мнения	Когнитивный: воспроизводить базовые знания методологии инновационного менеджмента; анализировать, сопоставлять, устанавливать логические связи, выстраивать суждения. Аксиологический: устанавливать межпредметные связи, понимать стратегические цели образовательной организации. Креативный: пытаться видеть проблему, преодолевать стереотипы. Организационно-деятельностный: принимать альтернативные решения. Рефлексивно-оценочный: оценивать результаты обучения, осознанно взаимодействовать
		2. Организационно-деятельностная игра «Функции инновационного процесса и личные качества исполнителей»: выявление основных функциональных задач их исполнителей; обоснование личных качеств членов проектной группы, необходимых для выполнения специфических функций инновационного процесса; генерация идей по разработке бизнес-плана	Видение проблемы, выработка мнения, принятие альтернативного решения	Когнитивный: составлять несложный план, осуществлять выбор критериев. Креативный: видеть проблему, преодолевать стереотипы, пытаться генерировать идеи. Организационно-деятельностный: пытаться принимать решения, отличающиеся от очевидных. Рефлексивно-оценочный: осмысливать информацию, осуществлять критическую самооценку, взаимооценку
		3. Рефлексия. Подведение итогов занятия. Соотнесение цели занятия с результатами (самооценка, взаимооценка, планирование деятельности и взаимодействия)	Осуществление критической самооценки, взаимооценки, планирование	Рефлексивно-оценочный: пытаться осуществлять самооценку, взаимооценку; пытаться совместно с преподавателем соотносить цели занятия с результатами, планировать деятельность и взаимодействие
Сценарий системных изменений (продуктивно-креативный)				
Тема: «Управление внедрением инновационных проектов в образовании»				
Цель: формирование у студентов практических навыков и умений разработки инновационных проектов в образовании				
Этапы соуправления обучением	Методические особенности проведения занятий	Содержание занятия (действия, взаимодействие преподавателя и студентов)	Продукты творческой деятельности студентов	Формируемые компоненты как прогнозируемые результаты исследовательской деятельности
Ценностно-ориентационный. Информационно-аналитический. Планово-прогностический. Организационно-исполнительский. Контрольно-оценочный. Регулятивно-коррекционный	Внеаудиторная самостоятельная работа (концентрированно): исследовательский метод: сравнительный анализ, аннотирование, проектирование	1. Анализ литературы по проблеме проектирования	Карта разрабатываемой инновации	Когнитивный: знать теории, концепции инновационного менеджмента в образовании; анализировать; систематизировать, обобщать; решать сложные творческие задачи. Аксиологический: воссоздавать картину собственного исследования. Креативный: видеть проблему, применять концепции инновационного менеджмента к своему исследованию. Организационно-деятельностный: управлять своей деятельностью и поведением. Рефлексивно-оценочный: осуществлять критическую самооценку, самоанализ
		2. Диалог. Полилог. Преподаватель совместно со студентом беседуют, осуществляется коррекция деятельности студента. Преподаватель дает установку на активный поиск, планируется содейтельность, обсуждается эффективность действий студента, взаимодействие на основе рефлексии	Выдвижение творческих идей, принятие нестандартного решения, планирование содейтельности	Когнитивный: применять знания методологии психолого-педагогических исследований, инновационного менеджмента; выстраивать суждения. Аксиологический: осуществлять постановку целей; пытаться воссоздавать картину собственного исследования. Креативный: преодолевать стереотипы, генерировать идеи. Организационно-деятельностный: прогнозировать развитие ситуации, планировать исследовательскую деятельность на ближнюю и дальнюю перспективу. Рефлексивно-оценочный: переосмысливать информацию, осуществлять критический самоанализ, осмысливать результаты

Ценностно-ориентационный. Информационно-аналитический. Плано-прогностический. Организационно-исполнительский. Контрольно-оценочный. Регулятивно-коррекционный	Внеаудиторная самостоятельная работа (концентрированно): исследовательский метод	3. Работа с литературными источниками. Подготовка проекта по теме «Управление внедрением инновационных проектов в образовании» (применительно к своему исследованию); доклад и презентация	Инновационный проект, доклад и презентация	Когнитивный: решать сложные творческие задачи. Аксиологический: осознанно ставить цели проектирования, воссоздавать картину собственного исследования. Креативный: решать сложные творческие задачи Организационно-деятельностный: управлять своей деятельностью и поведением. Рефлексивно-оценочный: владеть опытом оценки эффективности результатов обучения
---	---	--	--	---

Реализуется проблематизация содержания через формы и методы в определенном сочетании в зависимости от уровня развития исследовательской деятельности студентов на данный момент времени. Первостепенное значение в развитии творчества студентов приобретают продуктивные методы обучения: проблемное изложение, частично-поисковый и исследовательский.

Основными признаками интегративных процессов в структуре содержания учебной дисциплины являются:

- интеграция взаимодействия ранее разнородных элементов содержания, поиск и обоснование критериев различных множеств;

- интеграция качественных и количественных преобразований взаимодействующих элементов содержания.

Разрешение проблемной ситуации завершается появлением нового знания, формированием новых качеств личности и механизмов деятельности. Поэтому важной составляющей каждого учебного занятия, в том числе и научно-исследовательского семинара, являлась рефлексия его участников. В логике закона развития педагогических систем вслед за субъект-субъектным взаимодействием (в нашем случае – по типу рефлексивного соуправления) должна последовать стадия преобразования. Речь идет о способности и потребности субъектов образовательного процесса осознавать свои состояния, сопоставлять свои задачи, действия и результаты с целью самоконтроля, оценки, коррекции. Рефлексия давала возможность педагогу соотнести свои действия и прогнозировать дальнейшее взаимодействие с субъектами учения. Студентов побуждала к самоанализу, позволяла видеть приращения в знаниях, умениях, опыте творческой деятельности, осознавать в себе и других участниках происходящие качественные изменения.

Рефлексивное соуправление становится продуктивным, когда: 1) каждый студент включается в решение учебно-творческих исследовательских задач на основе активного сотрудничества и сотворчества с педагогом и другими обучающимися; 2) преподаватель содействует переходу студентов из позиции исполнителей в позицию соорганизаторов процесса обучения и организаторов своей деятельности, увеличивая долю самостоятельности; 3) в процессе решения проблемных ситуаций и учебно-творческих задач студенты осваивают механизмы целеобразования и смыслообразования, обеспечивающие мотивированное овладение способами исследовательской

деятельности; 4) взаимодействие субъектов сотворчества связано со взаимным преобразованием на основе рефлексии.

Одним из условий проявления рефлексивных процессов в решении проблемной ситуации считается снятие оценки и временных ограничений [10]. Благодаря концентрации во времени достигалось более ясное и точное понимание проблемы, побуждение к смысловому творчеству. По мере развития способности студентов творчески решать проблемные ситуации задания усложнялись, что повышало интерес к преобразованию информации, генерации способов ее разрешения.

Интегративно-развивающий подход позволял использовать не только особенности проблематизированного содержания обучения, но и одновременно механизма его осуществления одновременно (рефлексивного соуправления и концентрации во времени). Развитие в условиях проблемно-концентрированного обучения подразумевало поэтапное движение студентов от деятельности в соуправлении к самоорганизации и самоуправлению обучением, от самоуправления к саморазвитию [12].

В соответствии с программой и сценариями содержание проблемной лекции раскрывалось таким образом, чтобы организовать открытые формы взаимодействия преподавателя со студентами, студентов со студентами с позиции сотрудничества, а не навязывания какой-то точки зрения. Основной формой рефлексивного соуправления выступал гуманистически-ориентированный диалог, цели которого не запланированы изначально, а проявляются в ходе сотрудничества и могут изменяться. Важной особенностью такого взаимодействия является то, что в качестве ожидаемого результата становится совместное изменение представлений участников образовательного процесса, определяемое глубиной взаимопонимания. Для реализации гуманистически-ориентированного диалога С.И. Иванова [14] выделяет следующие условия: от каждого участника требуется: а) открытость, а не только осознание своей позиции и уникальности; б) умение слышать и видеть партнера; в) интерес и эмпатия; г) допущение множества других точек зрения; д) общий язык, который понятен той и другой стороне.

Среди иных методических особенностей проведения учебных занятий отметим такие, как дискуссия, полилог, дебаты. На практических занятиях также применялись формы группового обучения (имитационные игры, эвристические методы), case study, метод проектов, парная и индивидуальная формы.

Отдельно остановимся на методе проектов, поскольку в специфике проектной деятельности отражен смысл творческого саморазвития. Как отмечает Л.А. Шипилина [11], в проектировочной деятельности обучающийся проявляет свою «самость» в следующих ситуациях:

- при необходимости заявить свои цели, представления о себе и об объекте проектирования, отстаивать свою позицию в дискуссии с участниками образовательного процесса;
- в случае необходимости открыто заявить о возникших трудностях, проанализировать их причины и прежде всего искать трудности в себе;
- при необходимости согласовать свои цели с другими, не отступая при этом от собственных идеалов и находя общие точки «выращивания» нового, возникшего как новое качество (цель-средство) в общей работе;
- при необходимости творческой самомобилизации.

Проектирование есть процесс, в котором создаются условия для рефлексивно-инновационной среды, обеспечивающей возможность свободного творческого поиска.

Управленческое решение педагога о применении того или иного метода зависело от дидактических целей и уровня развития исследовательской деятельности на данный момент времени.

Самостоятельная работа студентов реализовывалась как в аудиторной, так и во внеаудиторной формах. Содержательно развитие осуществлялось через задания пролонгированного характера, основанные на поэтапно усложняющейся проблематизации и субъективной трудности, с учетом индивидуальности развития каждого.

Рациональному решению определенной педагогической задачи предшествовал выбор наилучшего (оптимального) в условиях проблемно-концентрированного обучения варианта сценария для конкретного студента, исходя из его реальных возможностей в данный момент времени. При этом оптимизация (по Ю.К. Бабанскому) не предполагает отсутствие неуспевающих студентов, а, напротив, ориентирует на максимально возможные успехи каждого [15]. Поэтому результативность развития исследовательской деятельности студентов имеет уровневую характеристику, предполагая поэтапное движение от одного уровня к следующему с качественными и количественными изменениями в компонентах исследовательской деятельности. Согласно теории оптимизации сценарии позволяют планировать и прогнозировать уровень роста в зоне ближайшего развития (несколько может и должен успевать конкретный студент).

Интегративно-развивающий подход обеспечивает оптимизацию и структуризацию содержания обучения, возможность самостоятельной разработки обучающимися траектории обучения, логику и взаимосвязь различных этапов исследовательской деятельности студентов, интеграцию различных факторов взаимодействия и содействия творческому саморазвитию.

Что представляют собой творчество и продукты творческой исследовательской деятельности студен-

тов? В определении сущности и структуры творчества мы исходим из того, что творчество студентов – это процесс создания субъективно нового, в основании которого лежат принятие нестандартных решений и способность к продуцированию оригинальных идей, а творческий продукт – это продукт интеллектуальной деятельности, сочетание ранее известных вещей, которое для субъекта учения является новым. Логика продуктивной творческой деятельности студентов проявляется через поэтапное приращение знаний, умений и навыков, движение от теоретической модели к нормативной.

Например, в сценариях локальных изменений применяются объяснительно-иллюстративный метод; активные и интерактивные методы: проблемного изложения (эвристическая беседа, диалог). Продуктом творческой деятельности будет теоретическая модель: установление логических связей, понимание преемственности дисциплины, понимание методологии, концептуальных подходов, сопоставление различных теорий, выработка мнения, выстраивание понятийного аппарата, принятие стандартного решения.

В сценариях модульных изменений могут применяться: метод проблемного изложения (эвристическая беседа, диалог); частично-поисковый метод (диалог, дискуссия, дебаты; эвристические методы: мозгового штурма, метод проектов). Продуктом творческой деятельности будет теоретическая модель: выявление межнаучных и межпредметных связей, видение проблемы, принятие альтернативных решений, отличающихся от очевидных, воссоздание связи с собственным исследованием, осуществление критической самооценки.

В сценариях системных изменений могут применяться: частично-поисковый метод (диалог, дискуссия, дебаты; case study, деловая игра; эвристические методы: мозгового штурма, метод проектов, метод синектики); исследовательский метод (теоретические методы – анализ, синтез, моделирование, абстрагирование и конкретизация; эмпирические – изучение нормативной документации, сравнение, описание). Продуктом творческой деятельности будет нормативная модель: моделирование процессов и явлений с позиции собственного видения; создание ментальной карты; подготовка научно-исследовательского проекта, разработка и обоснование программы исследования, подготовка тезисов, рецензий, автореферата магистерской диссертации.

Трансформация от развития к саморазвитию происходила за счет возрастания междисциплинарных связей, преемственности практик и учебных дисциплин. Интеграция содержания обучения позволила установить межпредметные связи и закономерности между явлениями и событиями через поэтапное приращение знаний, умений и опыта творческой деятельности.

На данном этапе проводилось наблюдение за студентами, анализировались акмеограммы творческого саморазвития, результаты выполнения творческих работ, проводился качественный и количественный анализ.

Определяя критерии результативности, мы исходили из логики и замысла исследования. На основа-

нии выявленных условий, совокупности взаимосвязанных компонентов и уровней ее развития результативность определяется критериями интегративного характера: эффективности и действенности. «Под эффективностью понимается необходимость и достаточность затраченных усилий и времени для достижения цели в заданных организационно-педагогических условиях проблемно-концентрированного обучения. Под действенностью подразумевается динамическая характеристика полученного результата, степень его соответствия заданной цели» [12].

По окончании формирующего эксперимента были проанализированы результаты контрольной ($n = 61$) и экспериментальной ($n = 73$) групп в начале и после опытно-экспериментальной работы. В контрольной

группе применялась традиционная технология обучения, под которой подразумеваются лекционно-семинарские занятия с разделением во времени и частичной проблематизацией. В экспериментальной соблюдались условия проблемно-концентрированного обучения.

Для оценки достоверности различий мы воспользовались t -критерием Стьюдента для двух независимых выборок с нормальным распределением.

По результатам сравнения средних значений исследуемых показателей экспериментальной и контрольной групп в начале эксперимента статистически достоверные различия выявлены не были (табл. 2).

По окончании эксперимента выявлены достоверные различия по всем показателям (табл. 3).

Таблица 2

Сравнение средних арифметических значений показателей развития исследовательской деятельности студентов по t -критерию Стьюдента экспериментальной и контрольной групп в начале ОЭР ($\bar{X} \pm \sigma$), баллы

Показатель (компонент)	Экспериментальная группа ($n = 73$) $\bar{X} \pm \sigma$	Контрольная группа ($n = 61$) $\bar{X} \pm \sigma$	Уровень значимости P
Когнитивный	$30,0 \pm 6,5$	$29,8 \pm 7,1$	$> 0,05$
Аксиологический	$3,1 \pm 1,0$	$3,1 \pm 1,0$	$> 0,05$
Креативный	$117,1 \pm 16,0$	$114,4 \pm 22,5$	$> 0,05$
Организационно-деятельностный	$22,8 \pm 6,1$	$23,2 \pm 7,0$	$> 0,05$
Рефлексивно-оценочный	$108,9 \pm 17,3$	$109,5 \pm 20,1$	$> 0,05$

Таблица 3

Сравнение средних арифметических значений показателей развития исследовательской деятельности студентов по t -критерию Стьюдента экспериментальной и контрольной групп после ОЭР ($\bar{X} \pm \sigma$), баллы

Показатель (компонент)	Экспериментальная группа ($n = 73$) $\bar{X} \pm \sigma$	Контрольная группа ($n = 61$) $\bar{X} \pm \sigma$	Уровень значимости P
Когнитивный	$42,2 \pm 7,3$	$31,4 \pm 7,1$	$< 0,05$
Аксиологический	$4,1 \pm 0,8$	$3,3 \pm 1,0$	$< 0,05$
Креативный	$140,4 \pm 12,7$	$117,4 \pm 21,6$	$< 0,05$
Организационно-деятельностный	$36,5 \pm 4,2$	$24,6 \pm 7,1$	$< 0,05$
Рефлексивно-оценочный	$137,7 \pm 19,7$	$111,7 \pm 20,4$	$< 0,05$

В работе получены результаты, свидетельствующие о том, что динамика развития компонентов исследовательской деятельности подтвердила результативность развития исследовательской деятельности студентов вуза в условиях проблемно-концентрированного обучения.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что разработанные программа и сценарии по содержанию связаны со спецификой знаний, отрасли, профиля подготовки студентов экспериментальной группы, но их логика выстроена на общенаучном представлении об исследовательской деятельности (системный подход) в условиях проблемно-концентрированного обучения. Предлагаемые материалы могут служить основой построения программ и сценариев для других направлений подготовки студентов вузов и не только на уровне магистратуры, поскольку исследовательский компонент присутствует во всех видах профессиональной деятельности.

Таким образом, интегративно-развивающий подход обеспечивает:

- установление интеграционных связей содержания преподаваемых дисциплин на уровне межпредметных связей;
- интеграцию содержания обучения, основанную на поэтапно усложняющейся проблематизации и концентрации;
- организацию гибкого взаимодействия субъектов образовательного процесса в рефлексивном соуправлении;
- условия для перехода развития в творческое саморазвитие субъектов учения;
- применение интегративного критерия – эффективности (организационно-педагогических условий проблемно-концентрированного обучения) и действенности (динамика творческого саморазвития) при оценке результативности развития исследовательской деятельности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.И. Акмеокавалитативная концепция эвристического обучения творческому саморазвитию многомерного мышления студентов // Современные концепции и технологии творческого саморазвития личности : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. В.И. Андреева. Казань, 2015. С. 3–9.

2. Менеджмент в образовательных системах: теоретико-прикладной аспект / под ред. Л.А. Шипилиной. Омск : ОмГПУ, 2008. 532 с.
3. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М. : Институт психологии РАН, 2004. 415 с.
4. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. Москва : МПСИ ; Воронеж : НПО МОДЭК, 2004. 750 с.
5. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М. : Наука, 1994. 229 с.
7. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М. : Политиздат, 1981. 432 с.
8. Шамова Т.И., Третьяков П.И., Капустин Н.П. Управление образовательными системами : учеб. пособие / под ред. Т.И. Шамовой. М. : ВЛАДОС, 2001. 320 с.
9. Андреев В.И. Концепция, законы и идеология гарантированного качества образования на основе творческого саморазвития человека (акмеокавалитология образования). Казань : Центр инновационных технологий, 2013. С. 207.
10. Шипилина Л.А., Голерова С.Н. Управление качеством профессионально-педагогического образования в современном университете: методология, теория, практика. Омск : ОмГПУ, 2010. 308 с.
11. Развитие субъектов учебной деятельности в контексте педагогического управления / Л.А. Шипилина [и др.]. Омск : ОмГПУ, 2009. 532 с.
12. Сайтбагина Л.А. Развитие исследовательской деятельности студентов вуза в условиях проблемно-концентрированного обучения : автореф. ... дис. канд. пед. наук. Омск, 2017. 24 с.
13. Поташник М.М., Лазарев В.С. Управление развитием школы : пособие для руководителей образовательных учреждений. М. : Новая школа, 1995. С. 144.
14. Иванова С.И. Учитель XXI века: ноопсихологический подход к анализу профессионально-личностной готовности к педагогической деятельности. Псков : ПГПИ им. С.М. Кирова, 2002. 228 с.
15. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М. : Педагогика, 1989. 558 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 января 2019 г.

Implementation of an Integrative Developmental Approach in the Development of Research Activities of Master's Students
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 180–188.

DOI: 10.17223/15617793/442/22

Lydiya A. Saytbagina, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: lidia-la@yandex.ru

Keywords: research activity; university students; problem-concentrated training; scenario of development.

The article is devoted to the problem of the development of students' research activities. The author uses the methodological aspect of solving this problem at the technological level from the perspective of an integrative developmental approach. The content and procedure for the development of university students' research activities during their study are considered. Organizational and pedagogical conditions with a new approach to the problem are given. The author presents the methodology of the forming experiment and its results. The aim of the forming stage of the study was the implementation of a set of organizational and pedagogical conditions of problem-concentrated training (concentration in time, gradually increasing complexity of problem, reflexive co-management). The author developed a program that allowed to ensure effective development of research activities of university students through modules of interrelated complementary disciplines, practices and research seminars (methodological, project and research ones). Within the framework of the program, the author developed scenarios for developing students' research activities which ensure the nonlinearity of the educational process, educational subjects' interaction variability, and students' creative self-development. In accordance with the program and scenarios, the problem lecture aimed to organize open forms of interaction between the teacher and students, students and students as cooperation rather than as mentoring. The main form of reflexive co-management was a humanistically oriented dialogue. Discussion, polylogue and debate were used in teaching. In practical classes, group training forms were used (imitation games, heuristic methods), case studies, projects, work in pairs and individually. In general, the proposed hypothesis was confirmed by the fact that organizational and pedagogical conditions of problem-concentrated training (concentration in time, gradually increasing complexity of problem, reflexive co-management) ensure the development of university students' research activities. The integrative developmental approach establishes integration links of the content of the subjects taught at the level of interdisciplinary connections; integrates learning content based on the gradually increasing complexity of problems and concentration; organizes flexible interaction of educational subjects in the reflexive co-management; provides conditions for transforming students' development into their creative self-development; uses of an integrative criterion – efficiency (organizational and pedagogical conditions of problem-concentrated learning) and effectiveness (the dynamics of creative self-development) in assessing the effectiveness of the development of students' research activities. The results of the research can be used in the practice of teaching university students.

REFERENCES

1. Andreev, V.I. (2015) [Acmeoqualitative concept of heuristic learning of creative self-development of multidimensional thinking of students]. *Sovremennye kontseptsii i tekhnologii tvorcheskogo samorazvitiya lichnosti* [Modern concepts and technologies of creative self-development of the individual]. Proceedings of the International Conference. Kazan: Kazan State University. pp. 3–9. (In Russian).
2. Shipilina, L.A. (ed.) (2008) *Menedzhment v obrazovatel'nykh sistemakh: teoretiko-prikladnoy aspekt* [Management in educational systems: a theoretical and applied aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
3. Antsyferova, L.I. (2004) *Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii* [Personality development and gerontopsychology problems]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
4. Derkach, A.A. (2004) *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala* [Acmeological basis for the development of a professional]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO MODEK.
5. Yudin, E.G. (1997) *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activity]. Moscow: Editorial URSS.
6. Knyazeva, E.N. & Kurdyumov, S.P. (1994) *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [The laws of evolution and self-organization of complex systems]. Moscow: Nauka.
7. Afanas'ev, V.G. (1981) *Obshchestvo: sistemnost', poznanie i upravlenie* [Society: systematicity, knowledge and management]. Moscow: Politizdat.
8. Shamova, T.I., Tret'yakov, P.I. & Kapustin, N.P. (2001) *Upravlenie obrazovatel'nyimi sistemami* [Management of educational systems]. Moscow: VLADOS.

9. Andreev, V.I. (2013) *Kontseptsiya, zakony i ideologiya garantirovannogo kachestva obrazovaniya na osnove tvorcheskogo samorazvitiya cheloveka (akmeokvalitologiya obrazovaniya)* [The concept, laws and ideology of guaranteed quality of education on the basis of the creative self-development of a person (acmeoquality of education)]. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy.
10. Shipilina, L.A. & Golerova, S.N. (2010) *Upravlenie kachestvom professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennom universitete: metodologiya, teoriya, praktika* [Quality management of professional and pedagogical education in a modern university: methodology, theory, practice]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
11. Shipilina, L.A. et al. (2009) *Razvitie sub"ektiv uchebnoy deyatel'nosti v kontekste pedagogicheskogo upravleniya* [Development of subjects of educational activity in the context of pedagogical management]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
12. Saytbagina, L.A. (2017) *Razvitie issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov vuza v usloviakh problemno-kontsentririrovannogo obucheniya* [Development of research activities of high school students in a problem-focused learning]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Omsk.
13. Potashnik, M.M. & Lazarev, V.S. (1995) *Upravlenie razvitiem shkoly: posobie dlya rukovoditeley obrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [Management of school development: a guide for administrations of educational institutions]. Moscow: Novaya shkola.
14. Ivanova, S.I. (2002) *Uchitel' XXI veka: noopsikhologicheskiy podkhod k analizu professional'no-lichnostnoy gotovnosti k pedagogicheskoy deyatel'nosti* [The teacher of the 21st century: noopsychological approach to the analysis of professional and personal readiness for teaching]. Pskov: Pskov State Pedagogical Institute.
15. Babanskiy, Yu.K. (1989) *Izbrannye pedagogicheskie trudy* [Selected pedagogical works]. Moscow: Pedagogika.

Received: 25 January 2019

Е.А. Филиппова, Е.А. Симонова, Е.Т. Дзоциева

КОНВЕРГЕНЦИЯ СРЕДСТВ ИЗ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ В ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПРОЦЕСС СПОРТСМЕНОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СЕВЕРНЫМ МНОГОБОРЬЕМ

Рассматривается вопрос физической подготовки юношей 14–15 лет, специализирующихся в северном многоборье. В частности, проанализирована эффективность использования элементов легкой атлетики в скоростно-силовой тренировке испытуемых. Приведены результаты исследования в динамике развития физических качеств у спортсменов-многоборцев подросткового возраста до и после педагогического эксперимента.

Ключевые слова: конвергенция физических упражнений; северное многоборье; легкая атлетика; физическая подготовка; двигательные способности; подростковый возраст; тренировочный процесс.

Тенденции развития современного общества направлены на возрождение многих считавшихся утраченными навсегда национальных истоков. Необходимость возрождать и продолжать развитие традиционных видов спорта для народов Севера велика, так как обычаи воспитания, образования и оздоровления молодого поколения стали востребованными. Благодаря исторически сложившейся системе физической культуры народности получили новое понимание и осознание своего места в обществе и своей роли, что стало причиной появления у них нового взгляда на жизнь и историю. Важной особенностью такой системы является то, что на методы закаливания и укрепления здоровья определенным отпечаток наложили особенности природы и экстремальная среда проживания: крайне суровые климатогеографические условия, низкая температура воздуха, частые перепады атмосферного давления, наличие полярных дня и ночи и др. [4].

Всё это в некоторой степени определило социально-демографический облик местного населения. Характерные черты психики, физиологии и анатомии северян сформировались в процессе длительной адаптации к проживанию в холодном климате, требующей высокой активности в процессе добывания пищи рыболовством, охотой и оленеводством. Поэтому в быту у народов Крайнего Севера многие традиции, обряды, праздники и игры зачастую носят «производственный» характер, т.е. отражают основные виды их производственной деятельности.

До XX в. воспитание северного человека проходило в том числе и с использованием самобытных состязаний как для показа физического совершенства, так и для выявления профессиональных оленеводов, охотников, рыбаков. Позднее на основе этих видов деятельности возник прикладной вид спорта – северное многоборье – технически сложный вид спорта, состоящий из пяти дисциплин: метание тынзяна-аркана на хорей, метание топора на дальность, бег с палкой по пересеченной местности, тройной национальный прыжок с одновременным отталкиванием двумя ногами, прыжки через нарты [2].

Первые шаги к развитию данного вида многоборья А.И. Белый, В. Ануфриев и Г. Абсолямов сделали в 1957 г., разработав пробный вариант правил проведения соревнований. Однако открываться Детско-юношеские спортивные школы начали только в 1980-х гг. [3, 4].

Таким образом, период становления северного многоборья как вида спорта сравнительно небольшой. На сегодняшний день большинство тренеров осуществляют свою деятельность без наличия соответствующего образования, планируют тренировочные занятия исходя из опыта (часто из других видов спорта).

Анализ состояния подготовленности юношей подросткового возраста, занимающихся северным многоборьем, а также рассмотрение теории и методики тренировки в детско-юношеском спорте позволили выявить ряд противоречий:

- между ростом популярности северного многоборья и недостаточной научной обоснованностью тренировочных аспектов обеспечения процесса многолетней подготовки;

- между увеличением количества занимающихся в детско-юношеских школах, а также соревновательной практики и низким уровнем физической и технической подготовленности.

Проблема исследования заключается в определении способов конвергенции спортивных технологий в практику подготовки с учетом специфики соревновательной деятельности.

Согласно модельному закону «О национальных видах спорта» № 19-8 от 26 марта 2002 г. государственные органы управления по туризму и спорту: 1) разрабатывают и реализуют целевые программы развития национальных видов спорта; 2) разрабатывают и обеспечивают совместно с общественными спортивными объединениями и федерациями выполнение целевых программ подготовки спортсменов к международным и другим спортивным соревнованиям; 3) организуют разработку и издание научной, методической и популярной литературы по проблемам национальных видов спорта. Однако на деле методология подготовки спортсменов-многоборцев имеет много нерешенных вопросов. Все существующие учебные планы основаны только на разработках В.Н. Зуева и Г.В. Сысолятина начала 2000-х гг. [10].

В современном спорте меняются условия, совершенствуются технологии и появляются новые научные работы, при этом последние исследования доказали, что спортивные результаты северных многоборцев не имеют положительной динамики, а развитие физических качеств происходит неравномерно (А.Г. Сыромятников, И.П. Макаров, Е.А. Филиппова). Наиболее высокие показатели выявлены в тестах на

силу и выносливость. На среднем уровне сформированы гибкость, скоростные и координационные способности. Наихудшими оказались результаты нормативов на скоростно-силовые возможности [12, 13].

Тем не менее, проведя анализ литературных источников, мы выявили, что исследовательские работы направлены на обзор исторического развития северного многоборья (Н.И. Синявский, В.К.О. Биче-Оол), на изучение данного вида спорта как этнокультурной единицы (В.В. Вакула, А.В. Кыласов), на поиск эффективной техники соревновательных движений (Р.З. Ханов, П.В. Земцов, М.Д. Корякин), на обсуждение результативности внедрения северного многоборья в программу общего образования школьников (З.Ю. Ансимова, Л.И. Даускурдене), на рассмотрение основных принципов планирования подготовки спортсменов в северном многоборье и технико-тактических особенностей (А.Г. Сыромятников, И.П. Макаров) и т.д. При этом стоит отметить, что содержание работ в большинстве случаев теоретического плана, оно немногословно, без точных статистических данных.

В последние годы наблюдается тенденция интеграции и конвергенции разных видов спорта [6, 8–10]. Конвергенция (лат. *convergens* – сходящийся) – это процесс сближения, совпадения каких-либо признаков в независимых друг от друга явлениях. Широкое распространение получил вариант применения элементов легкой атлетики (И.С. Козлов, С.М. Сухарева, В.А. Черенко), что также допустимо к адаптации в северном многоборье [5, 11, 14]. Это следует из подобия основных опорных точек (ООТ) определенных соревновательных движений в обоих видах спорта.

Таким образом, разработка конкретизированной методики формирования физических способностей, необходимых в соревновательной деятельности многоборцев, является актуальной и полезной спортивному обществу.

Объект исследования – тренировочный процесс юношей 14–15 лет, занимающихся северным многоборьем.

Предмет исследования – средства и методы формирования скоростно-силовых способностей у юношей подросткового возраста, специализирующихся в северном многоборье.

Цель исследования – экспериментально подтвердить эффективность конвергенции средств скоростно-силовой направленности и методов, применяемых в легкой атлетике, в тренировочный процесс спортсменов 14–15 лет, специализирующихся в северном многоборье.

Задачи исследования:

1. Изучить и проанализировать научно-методическую литературу по данному вопросу.

2. Подобрать и провести соответствующий возрастным особенностям испытуемых контрольно-измерительный инструментарий для определения уровня развития скоростно-силовых способностей.

3. Разработать методику физической подготовки и применить ее на практике для формирования скоростно-силовых способностей юношей 14–15 лет, занимающихся северным многоборьем.

4. Проанализировать изменения показателей сформированности скоростно-силовых способностей у исследуемых групп.

Методы исследования

Во время исследования применялись следующие методы:

1. Теоретический анализ и обобщение научно-методических источников.
2. Метод контрольных испытаний.
3. Педагогический эксперимент.
4. Сравнительный метод.
5. Метод математической статистики.

Теоретический анализ и обобщение научно-методических источников заключались в изучении понятия «конвергенция», определении состояния проблемы в области подготовки спортсменов, специализирующихся в северном многоборье, анализировании средств и методов формирования скоростно-силовых способностей для проведения педагогического эксперимента.

В.К. Бальсевич дал общее понятие конверсии: «Это форма объективной связи и преобразования явлений на основе приспособительного изменения их внешних, структурно-функциональных характеристик при сохранении субстанциональной родовой основы» [1].

Лубышева Л.И. углубилась в сферу физической культуры и считает, что под конверсией принято понимать «прежде всего внедрение и адаптацию высоких спортивных технологий в практику физического воспитания и спорта для всех» [7].

Наиболее близкое понятие к изучаемой нами проблеме дал Е.Т. Колунин. По его мнению, под конвергенцией понимают постепенное слияние культурных систем в качественно новое целое. В области физической культуры и спорта конвергенция будет подразумевать «проникновение средств и методов физической, технической и интегральной подготовки спортсменов из одних видов спорта в другие, ориентированных на повышение спортивного результата, преодоление барьеров роста, профилактику типичных травм, заболеваний и укрепление здоровья спортсменов» [6].

Метод контрольных испытаний представлял собой проведение семи тестов для исследования уровня развития физических кондиций у испытуемых до и после педагогического эксперимента (табл. 1).

Педагогический эксперимент. Его цель которого заключалась в выявлении эффективности применения легкоатлетических упражнений скоростно-силовой направленности, схожих по локомоциям с соревновательными двигательными действиями северного многоборья, в тренировочном процессе юношей-многоборцев 14–15 лет (табл. 2).

Сравнительный метод был направлен на анализирование официальной отчетной документации (протоколы соревнований, итоговый протокол проведения контрольных тестов) и сопоставление данных, выявленных перед педагогическим экспериментом и после него.

Метод математической статистики применялся с целью обеспечения достоверности и обоснованности результатов исследования.

Контрольные нормативы для определения уровня развития скоростно-силовых способностей спортсменов, специализирующихся в северном многоборье

№ теста	Название упражнения	Способ выполнения	Цель проведения нормативного упражнения
Тест 1	Прыжок в длину с места	Прыжок в длину с места выполняется в соответствующем секторе для прыжков. И.п. – стойка ноги врозь, носки ног перед линией измерения. Одновременным отталкиванием двух ног выполняется прыжок вперед. Мах руками разрешен. Измерение производится по перпендикулярной прямой от линии измерения до ближайшего следа, оставленного любой частью тела участника. Участнику предоставляются три попытки. В зачет идет лучший результат	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц ног с акцентированием на горизонтальное движение
Тест 2	Тройной прыжок на левой в длину с места	Тройной прыжок в длину на правой (левой) выполняется в соответствующем секторе для прыжков. Место отталкивания должно обеспечивать хорошее сцепление с обувью. И.п. – стойка на одной ноге, носок правой (левой) ноги перед линией измерения. Отталкиванием правой (левой) выполняются три последовательных прыжка вперед. Мах руками разрешен. Измерение производится по перпендикулярной прямой от линии измерения до ближайшего следа, оставленного любой частью тела участника. Участнику предоставляются три попытки. В зачет идет лучший результат	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц преимущественно левой ноги с акцентированием на горизонтальное движение.
Тест 3	Тройной прыжок на правой в длину с места		Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц преимущественно правой ноги с акцентированием на горизонтальное движение
Тест 4	Прыжок вверх по методике В.М. Абалакова	И.п. – исследуемый стоит в обозначенном на полу квадрате 40×40 см боком к вертикальной поверхности. Подняв руку, он делает отметку мелом. Затем с места (без взмаха рук) выпрыгивает максимально вверх и делает вторую отметку, обязательно приземлившись в обозначенный квадрат. Высота подскока определяется по расстоянию между нанесенными мелом отметками	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц ног с акцентированием на вертикальное движение
Тест 5	Сгибание и разгибание рук из виса на высокой перекладине за 15 с	И.п. – вис хватом сверху, кисти рук на ширине плеч, руки, туловище и ноги выпрямлены, ноги не касаются пола, ступни вместе. Участник подтягивается так, чтобы подбородок пересек верхнюю линию грифа перекладины, затем опускается в вис и с и.п. продолжает выполнение упражнения. Засчитывается количество правильно выполненных подтягиваний за 15 с	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц верхних конечностей и спины
Тест 6	Поднимание туловища из положения лежа за 30 с	И.п. – лежа на спине на гимнастическом мате, руки за головой, пальцы сцеплены в «замок», лопатки касаются мата, ноги согнуты в коленях под прямым углом, ступни прижаты партнером к полу. Участник выполняет максимальное количество подниманий за 30 с, касаясь локтями бедер (коленей), с последующим возвратом в и.п. Засчитывается количество правильно выполненных подниманий туловища	Определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц живота и спины
Тест 7	Прыжки колени к груди за 30 с	И.п. – стойка ноги врозь. Участник за 30 с выполняет максимальное количество прыжков на месте, поднимая колени к груди. Засчитывается количество правильно выполненных прыжков	Комплексное определение уровня развития скоростно-силовых способностей мышц ног, живота и спины

Сравнение видов легкой атлетики и северного многоборья по локомоциям

Вид	Легкая атлетика	Северное многоборье
Метания	Метание молота	Метание тынзына на хорей
	Метание диска	
	Метание копья	
Прыжки	Прыжок в длину	Тройной национальный прыжок с одновременным отталкиванием двумя ногами
	Тройной прыжок	
	Прыжок в высоту	Прыжки через нарты

Организация исследования

Исследовательская работа проводилась в период с января по апрель 2018 г. на базе филиала МБОУ ДОД «Берёзовская ДЮСШ» в с. Саранпауль (ХМАО – Югра, Берёзовский район). Участие приняли 18 юношей 14–15 лет, имеющие 1-й и 2-й спортивные разряды. Участники эксперимента были разделены на две равные группы – экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ).

Подготовительная и заключительная части занятия оставались типичными, привычными для всех испытуемых.

В первой части в течение 5–10 минут проводились неинтенсивные разминочные упражнения (ОРУ, броски баскетбольного мяча в кольцо и др.), затем – интенсивная игра на протяжении 10–15 минут.

В заключительной части – бег в медленном темпе в течение 7–10 минут и стретчинг. Таким образом, изменения вносились только в основную часть занятия. Участники КГ тренировались по традиционному плану: на развитие скоростно-силовых способностей уделялось три занятия в неделю с выполнением преимущественно специализированных физических упражнений и самого соревновательного двигательного действия (табл. 3).

**Методика тренировок скоростно-силовой направленности
юношей 14–15 лет, занимающихся северным многоборьем, с учетом группы эксперимента**

№ п/п	Наименование параметра методики	Группа испытуемых	
		экспериментальная	контрольная
1	Периодичность тренировок	3 раза в неделю	3 раза в неделю
2	Продолжительность основной части занятия	50 минут	50 минут
3	Количество подходов	3 подхода на каждое упражнение	3 подхода на каждое упражнение
4	Диапазон повторений на каждое упражнение (количество, раз)	Зависит от мезоцикла (от 10 до 20)	«До утомления»
5	Диапазон повторений на каждое упражнение (продолжительность, с)	Зависит от мезоцикла (10–25)	«До утомления»
6	Интенсивность выполнения упражнений	Увеличивается от вытягивающего мезоцикла (70–80%) к контрольно-подготовительному (85–90%)	Увеличивается от вытягивающего мезоцикла (65–70%) к контрольно-подготовительному (80–85%)
7	Отдых между подходами	0,5–1,5 мин	До восстановления
8	Отдых между упражнениями	Активный в сочетании с упражнениями на растягивание; сокращается от вытягивающего мезоцикла к контрольно-подготовительному	Активный 6–8 мин
9	Особенности содержания упражнений	Направленность упражнений глобально-го и локального характера	Направленность упражнений глобального характера
10	Материально-технические средства	Гимнастическая стенка, наарты, гимнастическая скамейка, медицинбол, резиновый амортизатор, гантели, скакалка, гимнастическая палка, гриф	Гимнастическая стенка, наарты, гимнастическая скамейка, скакалка

Для испытуемых ЭГ тренировочный процесс был систематизирован по следующей схеме:

1-й мезоцикл (4 недели) – вытягивающий, основная задача которого – постепенное подведение спортсменов к эффективному выполнению специфической тренировочной работы.

2-й мезоцикл (6 недель) – базовый. В этом периоде тренировочный процесс был направлен на повышение функциональных возможностей основных систем организма, совершенствование уровня подготовленности.

3-й мезоцикл (2 недели) – контрольно-подготовительный, во время которого преобладали специально подготовительные упражнения, максимально приближенные к соревновательным (табл. 4).

Тренировочные занятия скоростно-силовой направленности проводились три раза в неделю и бы-

ли ориентированы на разного рода двигательные действия: прыжки, метания, ускорения и т.д. (табл. 5).

Для разработки методики развития скоростно-силовых способностей при ОФП в подготовительный период юношей 14–15 лет, специализирующихся в северном многоборье, физические упражнения из легкой атлетики подбирались таким образом, чтобы, во-первых, они были аналогичны по локомоциям с соревновательными упражнениями северного многоборья, и во-вторых, чтобы была возможность адаптировать их в систему подготовки многоборцев. В табл. 6 представлен фрагмент проекта методики на период вытягивающего мезоцикла.

После трех месяцев эксперимента для анализа динамики развития скоростно-силовых способностей испытуемых контрольные тесты были проведены повторно.

**Примерное дозирование нагрузки в подготовительный период тренировочного процесса
юношей 14–15 лет для формирования скоростно-силовых способностей на занятиях северным многоборьем**

Мезоцикл	Неделя	Интенсивность, %	Объем	Отдых	Примечание
Вытягивающий	1–2	70–80	3 подхода по 10–12 раз (4–5 упражнений)	До полного восстановления	Основная задача – постепенное подведение спортсменов к эффективному выполнению специфической тренировочной работы
	3–4	70–80	3 подхода по 10–12 раз (4–5 упражнений)	6–7 мин	
Базовый	5–6	80–85	3 подхода по 12–15 раз (5–6 упражнений)	6–7 мин	Тренировочный процесс направлен на повышение функциональных возможностей основных систем организма, совершенствование уровня подготовленности
	7–8	80–90	3 подхода по 15–18 раз (5–6 упражнений)	5–6 мин	
	9–10	80–85	3 подхода по 18–20 раз (4–5 упражнений)	4–5 мин	
Контрольно-подготовительный	11–12	85–90	3 подхода по 14–16 раз (4–5 упражнений)	5–6 мин	Преобладание специально подготовительных упражнений, максимально приближенных к соревновательным

Направления содержания недельного тренировочного процесса юношей 14–15 лет, занимающихся северным многоборьем, при ОФП в подготовительный период на развитие скоростно-силовых способностей

День недели	Направление работы	Содержание
Первый	Совершенствование скоростно-силовых способностей в прыжках	Упражнения для мышц стопы и голени, комплекс упражнений на основе легкой атлетики глобального характера, упражнения для мышц живота и спины
Второй	Совершенствование скоростно-силовых способностей в метании	Упражнения для мышц верхних конечностей, комплекс упражнений на основе легкой атлетики глобального характера, упражнения для мышц живота и спины
Третий	Совершенствование скоростных и координационных способностей	Специальные беговые упражнения, бег на короткие дистанции (25–30 м), челночный бег

Фрагмент методики развития скоростно-силовых способностей при ОФП в подготовительный период юношей 14–15 лет, специализирующихся в северном многоборье

Цикл	Неделя	День недели	Направление тренировки	Средства	Параметры		Методические указания	Адаптация
					Объ-ем	Интен-сив-ность, %		
Втягивающий	1–2	1	Совершенство-вание скоростно-силовых способ-ностей в прыж-ках	<u>Упражнения на развитие мышц стопы и голени:</u> 1. Прыжки в приседе с продвижением вперед. 2. Поднимание на носки у гимнастиче-ской стенки. 3. Три темповых подскока в движении, на четвертом – поворот на 360°. Про-должить задание. <u>Комплекс упражнений глобального характера:</u> 1. Прыжки из полуприседа вверх на месте, отталкиваясь двумя ногами, с махом рук вверх, сгибая ноги углом с касанием руками носков. 2. И.п. – стойка к скамейке боком, пра-вая на скамейке. Смена положения ног с наступанием на скамейку и продвиже-нием вперед, выталкиванием вверх и полным выпрямлением толчковой ноги. 3. Прыжки из полуприседа вверх на двух ногах с партнером на спине-плечах у гимнастической стенки. 4. Впрыгивание толчком двух ног и взмахом рук на тумбу (на тумбе выпря-мить ноги). <u>Упражнения на развитие мышц живота и спины:</u> 1. Поднимание ног углом из виса на гимнастической стенке. 2. И.п. – упор лежа животом на коне, ноги закреплены за рейку гимнастиче-ской стенки. Поднимание и опускание туловища, прогибая спину и отводя голову назад. 3. И.п. – сидя на коне, опираясь носками ног на гимнастическую стенку. Наклоны назад, сгибая и разгибая туловище	20 м 30 раз 20 м 10 с 12 м 10 раз 10 раз 10 раз 10 раз 10 раз	70–80	По 1 подходу: Руки на пояс. Руки на уровне груди. Плечи держать ровно, лопатки отведены назад. По 3 подхода: Постепенно увеличи-вать высоту и актив-ность взмаха рук. Финальное усилие стопой, работа рук одновременно. Держаться руками за гимнастическую стен-ку на уровне груди. Высота тумбы 70 см. По 3 подхода: Постепенное увеличе-ние амплитуды. Руки за голову. Руки за голову	Формирование навыка для финального от-талкивания в прыжках через нарты и тройном прыжке. Увеличение времени в фазе полета с согну-тыми ногами в трой-ном прыжке. Развитие мышц пе-редней поверхности бедра для тройного прыжка, формиро-вание навыка активной работы руками. Формирование навыка начальной фазы прыжка. Укрепление мышц, задействованных во время прыжков
		2	Совершенство-вание скоростно-силовых способ-ностей в метании	<u>Упражнения на развитие мышц верхних конечностей:</u> 1. Ладонное и тыльное сгибание кисти, держа гантель за рукоятку. 2. И.п. – стойка ноги врозь, скакалку, сложенную вчетверо, вниз. Отведение рук за спину, проводя над головой. 3. И.п. – стойка ноги врозь, спиной к гимнастической стенке на расстоянии 1 м от нее, намотав на поднятые руки концы резинового амортизатора, за-крепленного на гимнастической стенке. Круги руками вперед и назад.	20 раз 10 раз 7 раз впе-ред 7 раз назад	70–80	По 1 подходу: Гантель массой 1 кг. Постепенно умень-шать расстояние меж-ду руками. Постепенно увеличи-вать амплитуду. По 3 подхода: Гантели массой 2–3 кг	Развитие мышц кисти для финального уси-лия в метании. Развитие гибкости суставов и силы мышц верхних конечностей. Развитие мышц, за-действованных в ме-тании

Цикл	Неделя	День недели	Направление тренировки	Средства	Параметры		Методические указания	Адаптация
					Объем	Интенсивность, %		
				<u>Комплекс упражнений глобального характера:</u> 1. И.п. – стойка ноги врозь, руки в стороны, держа гантели. Повороты налево и направо. 2. И.п. – сед влево. Отталкивание с поворотом туловища направо и разворотом на левой стопе, последующим продвижением. 3. И.п. – сед. Перенос медицинбола налево и направо с поворотом туловища. 4. Метание медицинбола из-за головы двумя руками. 5. Метание медицинбола снизу двумя руками. <u>Упражнения на развитие мышц живота и спины:</u> 1. И.п. – упор присев. Прыжком в упор лежа, вернуться в и.п. 2. Поднимание туловища из положения лежа на спине, руки вверх. 3. И.п. – лежа на животе, руки вверх. Переход в положение лежа прогнувшись, вернуться в и.п.	20 с 15 м 15 с 12 раз 12 раз 15 с 20 с 20 с		Обратно то же вправо, спина выпрямлена, таз вперед. Масса отягощения 20–30% от max. Масса отягощения 20–30% от max. Масса отягощения 20–30% от max. По 2 подхода: Полная амплитуда движения. Увеличивать скорость выполнения. Увеличивать скорость выполнения	Формирование навыка начальной фазы метания. Развитие мышц, задействованных во время метания. Укрепление мышц, включенных в процесс метания
		3	Совершенствование скоростных и координационных способностей	1. Специальные беговые упражнения. 2. И.п. – стойка ноги врозь левой (правой), руки согнуты. Имитация работы рук как при беге. 3. «Семенящий» бег. 4. Бег с высоким подниманием бедра на месте. 5. Игра «Перебеги поле»: Игроки встают на одну линию. По первому свистку делают ускорение, по второму – останавливаются и замирают. Кто первый пересек финишную линию, тот выиграл	15 мин 4× 15 с 4× 15 с 4× 15 с 10 мин	70–80%	Обучение, исправление грубых ошибок. Смотреть прямо, не наклоняться. Минимальное продвижение вперед. Стопа «на себя», спина выпрямлена. Правильно ставить стопу при резкой остановке для предотвращения травм	Правильная работа мышц и суставов при беге и прыжках. Развитие способности к быстрой смене рук в беге. Развитие способности к бегу с максимальной частотой. Развитие способности к быстрому реагированию на сигнал и скорости одиночного движения

Результаты исследования

По окончании исследований были получены данные, позволившие оценить эффективность примененных средств и методов.

До эксперимента различий в показателях экспериментальной и контрольной групп выявлено не было, из чего следует, что на начальном этапе исследования составы групп являлись однородными (табл. 7).

После периода тренировок у экспериментальной группы по предложенным нами средствам и методам, а у контрольной группы по стандартной методике результаты в обеих группах выросли, однако в разном

процентном отношении – у экспериментальной группы прирост по всем показателям выше (рис. 1).

Наибольшие различия достигнуты в тестах «прыжок вверх» (положительная тенденция средних показателей с 48 до 56 см у экспериментальной группы и с 46 до 49 см – у контрольной), «сгибание и разгибание рук в висе на высокой перекладине за 15 с» (с 12 до 15 раз и с 11 до 12 раз соответственно) и «прыжки колени к груди за 30 с» (у членов экспериментальной группы динамика с 29 до 32 раз, у контрольной – с 28 до 29 раз).

Проведя статистические расчеты в конце исследования, мы выявили, что изменения показателей достоверны (табл. 8).

Таблица 7

Достоверность различий показателей экспериментальной и контрольной групп до педагогического эксперимента

Этап эксперимента	Тест 1	Тест 2	Тест 3	Тест 4	Тест 5	Тест 6	Тест 7
До эксперимента	t = 0,11 при p > 0,05	t = 0,16 при p > 0,05	t = 0,4 при p > 0,05	t = 0,8 при p > 0,05	t = 0,7 при p > 0,05	t = 1,1 при p > 0,05	t = 0,1 при p > 0,05

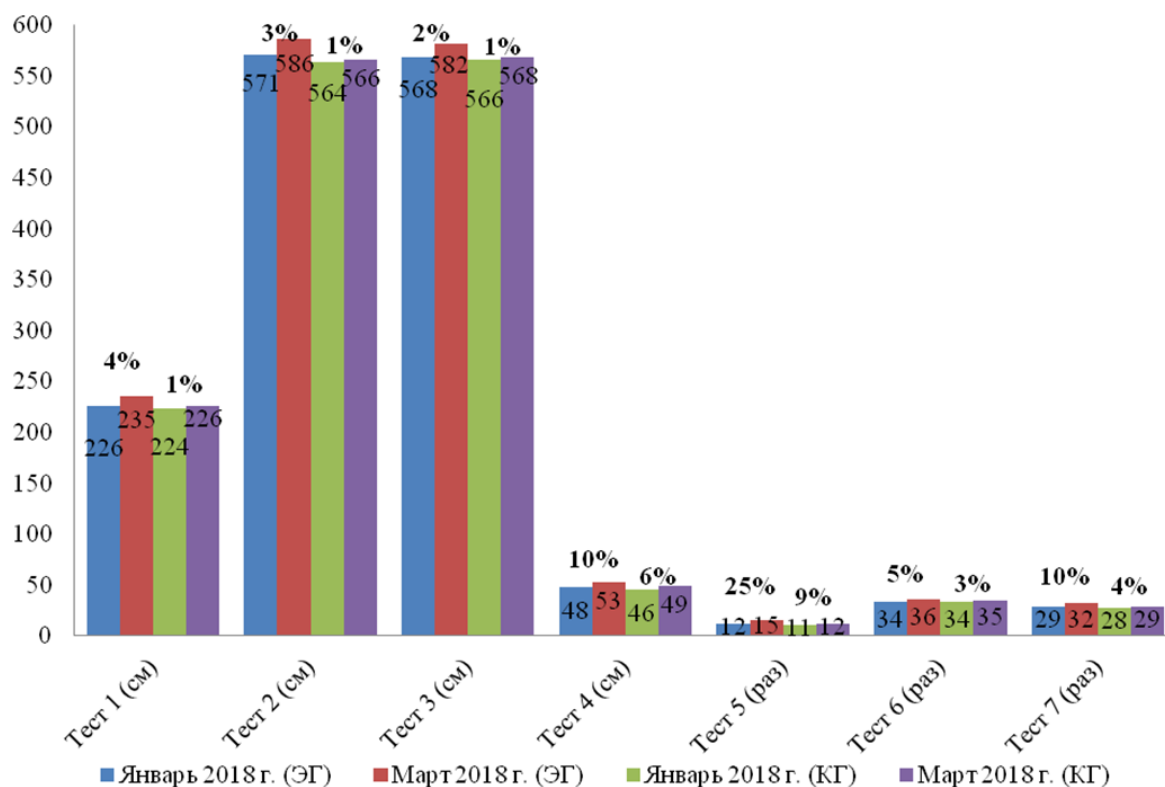

Рис. 1. Изменение уровня сформированности скоростно-силовых способностей у испытуемых экспериментальной и контрольной групп до и после эксперимента (Тест 1 – прыжок в длину с места; Тест 2 – тройной прыжок на левой в длину с места; Тест 3 – тройной прыжок на правой в длину с места; Тест 4 – прыжок вверх по методике В.М. Абалакова; Тест 5 – сгибание и разгибание рук из виса на высокой перекладине за 15 с; Тест 6 – поднимание туловища из положения лежа за 30 с; Тест 7 – прыжки колени к груди за 30 с)

Т а б л и ц а 8

Достоверность различий показателей экспериментальной и контрольной групп после педагогического эксперимента

Этап эксперимента	Тест 1	Тест 2	Тест 3	Тест 4	Тест 5	Тест 6	Тест 7
Тест							
После эксперимента	t = 2,25 при p < 0,05	t = 2,21 при p < 0,05	t = 2,15 при p < 0,05	t = 2,47 при p < 0,05	t = 2,46 при p < 0,05	t = 3,1 при p < 0,05	t = 2,23 при p < 0,05

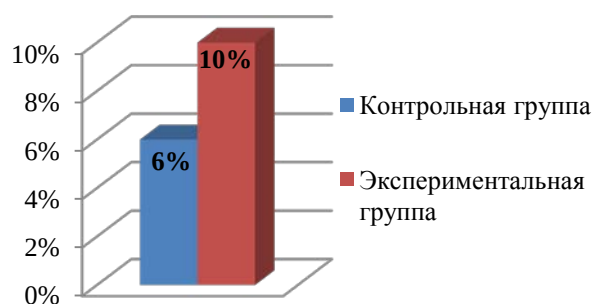

Рис. 2. Соотношение прироста результатов соревнований в с. Саранпауль по виду «метание топора на дальность» у участников контрольной и экспериментальной исследуемых групп

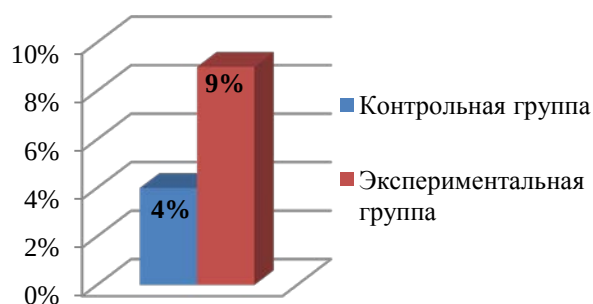

Рис. 3. Соотношение прироста результатов соревнований в с. Саранпауль по виду «тройной национальный прыжок» у участников контрольной и экспериментальной исследуемых групп

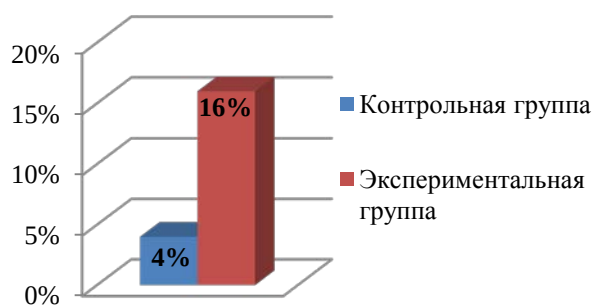

Рис. 4. Соотношение прироста результатов соревнований в с. Саранпауль по виду «прыжки через нарты» у участников контрольной и экспериментальной исследуемых групп

Результаты соревнований также оказались в положительной динамике. Так как не все испытуемые отбираются на первенство округа, мы подвергали анализу протоколы поселковых соревнований. До педагогического эксперимента проходил осенний турнир (21–23 ноября 2017 г.), после эксперимента – весенний (02–05 апреля 2018 г.).

Нами были проанализированы средние показатели соревнований в экспериментальной и контрольной группах по трем видам многоборья: метание топора на дальность, тройной национальный прыжок с одновременным отталкиванием двумя ногами и прыжки через нарты. После проведенного педагогического эксперимента результаты всех испытуемых увеличились количественно и технически качественно (амплитуда движения достигла оптимального уровня, синхронизировалась работа ног и рук, исчезли «лишние» действия), при этом в экспериментальной группе прирост выше (см. рис. 2–4).

Более явные различия продемонстрированы в дисциплине «прыжки через нарты» (динамика средних значений с 245 до 260 раз – у контрольной группы, с 250 до 290 раз – у экспериментальной), затем в тройном национальном прыжке (с 8 до 8,3 м и с 8,1 до 8,6 м соответственно) и наименьшие изменения – в метании топора на дальность (с 92,9 до 96,3 м и с 93,1 до 102,5 м). Однако следует заметить, что на результат в последнем виде зачастую оказывают влияние природные условия (атмосферное давление, скорость и направление ветра, температура воздуха, влажность и др.).

Выводы

1. Анализ литературных источников показал, что сфера изучения северного многоборья не широка. Отсутствует стройная система подготовки юных спортсменов-многоборцев. Методологической основой для современных ученых являются научные труды В.Н. Зуева и Г.Ш. Абсолямова. Также выяснилось, что малоисследованной является тема конвергенции одних видов спорта в другие. Этим вопросом занимались Е.Т. Колунин, С.В. Мухаев.

2. Для определения уровня сформированности скоростно-силовых способностей испытуемых на определенных этапах педагогического эксперимента применялся специально разработанный на разные группы мышц комплекс упражнений, базой для которого выступали легкоатлетические упражнения, схожие по локомоциям с соревновательными упражнениями северного многоборья.

3. Конвергирование легкоатлетических упражнений скоростно-силовой направленности в программу подготовки спортсменов подросткового возраста, занимающихся северным многоборьем, эффективно. Это доказано окончательными результатами контрольных тестов: прыжок в длину ($p < 0,05$), прыжки на одной ноге ($p < 0,05$), прыжок вверх ($p < 0,05$), скоростно-силовая работа рук ($p < 0,05$), скоростно-силовая функция мышц живота и спины ($p < 0,05$). Итоги соревнований также оказались в положительной динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальсевич В.К., Наталов Г.Г., Чернышенко Ю.К. Конверсия основных положений теории спортивной подготовки в процессе физического воспитания // Теория и практика физической культуры. 1997. № 6. С. 15–25.
2. Биче-Оол В.К.О. Северное многоборье: история и современность // Современное образование, физическая культура и спорт : сб. науч. статей. Челябинск, 2014. С. 22–25.
3. Гурьев С.В. Национальный вид спорта – северное многоборье // Актуальные вопросы развития и научно-методического обеспечения национальных видов спорта и народных игр Республики Саха (Якутия). Верхневилуйск, 2017. С. 96–99.
4. Зуев В.Н. Северное многоборье. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 280 с.
5. Козлов И.С. Развитие общей выносливости в процессе физического воспитания девушек-студенток : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2009. 32 с.
6. Колунин Е.Т. Конвергирование средств гимнастики в процессе начальной подготовки спортивного резерва // Теория и практика физической культуры. 2015. № 12. С. 22–25.
7. Лубышева Л.И. Конверсия высоких спортивных технологий как методологический принцип спортизированного физического воспитания и «спорта для всех» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2015. № 4. С. 6–8.
8. Мухаев С.В. Многолетняя подготовка баскетболисток на основе конверсии технологий спорта высших достижений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Сургут, 2014. 14 с.
9. Национальные виды спорта северного многоборья. Программа для детско-юношеских спортивных школ Российской Федерации. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 132 с.

10. Общеразвивающая программа дополнительного образования для спортивно-оздоровительных групп «Общая физическая подготовка с элементами легкой атлетики». Казань, 2014. 14 с.
11. Сухарева С.М. Формирование физической активности школьников с учетом типовых особенностей ее структуры средствами легкоатлетических упражнений : дис. ... канд. пед. наук: спец. СПб., 2015. 211 с.
12. Сыромятников А.Г. Научно-методические основы планирования учебно-тренировочного процесса по северному многоборью // Актуальные вопросы развития и научно-методического обеспечения национальных видов спорта и народных игр Республики Саха (Якутия). Верхневиллюйск, 2017. С. 343–345.
13. Филиппова Е.А., Симонова Е.А. Уровень развития физических качеств у юношей подросткового возраста, занимающихся северным многоборьем // Стратегия формирования здорового образа жизни средствами физической культуры и спорта. «Спорт для всех» и внедрение всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. В.Н. Зуева. Тюмень : Вектор Бук, 2017. С. 232–235.
14. Черенко В.А., Данилова Н.В. Рациональная методика применения упражнений различной направленности в процессе физического воспитания студентов вузов // Вестник спортивной науки. 2009. № 1. С. 68–71.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 25 марта 2019 г.

Convergence of Means from Track and Field Athletics in the Training of Athletes Involved in the Northern Multiathlon

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 189–198.

DOI: 10.17223/15617793/442/23

Evgeniya A. Filippova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: eafilippova@inbox.ru

Ekaterina A. Simonova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: e.a.simonova@utmn.ru

Ekaterina T. Dzitsova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: deta210@yandex.ru

Keywords: convergence of physical exercises; Northern multiathlon; track and field athletics; physical training; motor abilities; adolescence; training process.

The problem of the study was to identify ways of sports technology convergence in the training practice, taking into account the competitive activity specifics. The aim of the study was to experimentally confirm the effectiveness of the convergence of speed and power developing tools and methods used in athletics in the training of young athletes aged 14–15 who specialized in the Northern multiathlon. Methods used were theoretical analysis and generalization of scientific and methodological sources, control tests, pedagogical experiment, a comparative method, mathematical statistics. Control tests were conducted to study the level of the athletes' physical conditions. The following step was to identify the effectiveness of the use of athletics speed and power exercises in the athletes' training. The study was carried out in the period from January to April 2018. 18 boys aged 14–15 took part in the study. They were divided into two equal groups – experimental and control. Participants of the control group trained according to the traditional plan: to develop speed and power abilities they had three training sessions a week with mainly specialized physical exercises and the competitive action. For the experimental group, the training was systematized according to the following scheme: Mesocycle 1 (4 weeks) – involving, Mesocycle 2 (6 weeks) – basic, Mesocycle 3 (2 weeks) – control and preparatory. After the training in the experimental group and in the control group according to the two schemes, the results in both groups increased, but in the experimental group the increase was higher. The results of the competition also showed positive dynamics. Thus, the analysis of literature on the topic showed that the scope of the Northern multiathlon study is not broad. There is no coherent training system for young athletes. Methodological foundations for modern researchers in the field are works by V.N. Zuev and S.G. Absalyamov. The topic of convergence of some sports is also little-studied. E.T. Kolunin and S.V. Mukhaev were engaged in this question. To determine the formation of athletes' speed and power abilities at certain stages of the pedagogical experiment, a specially designed set of exercises for different muscle groups was used, the basis for which were athletics exercises. The use of athletic speed and power developing exercises in the training of young athletes involved in the Northern multiathlon is effective as evidenced by the results of this study.

REFERENCES

1. Bal'sevich, V.K., Natalov, G.G. & Chernyshenko, Yu.K. (1997) *Konversiya osnovnykh polozheniy teorii sportivnoy podgotovki v protsesse fizicheskogo vospitaniya* [Conversion of the main provisions of the theory of sports training in the process of physical education]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 6. pp. 15–25.
2. Biche-Ool V.K.O. (2014) *Severnoe mnogobor'e: istoriya i sovremennost'* [Northern multiathlon: history and modernity]. In: Aminov, R.Kh. & Martem'yanov, Yu.G. (eds) *Sovremennoe obrazovanie, fizicheskaya kul'tura i sport* [Modern education, physical culture and sports]. Chelyabinsk: Ural State University of Physical Culture.
3. Gur'ev, S.V. (2017) *Natsional'nyy vid sporta – severnoe mnogobor'e* [National sport: Northern multiathlon]. In: Gotovtsev, I.I. (ed.) *Aktual'nye voprosy razvitiya i nauchno-metodicheskogo obespecheniya natsional'nykh vidov sporta i narodnykh igr Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Topical issues of development and scientific methodological support of national sports and national games of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Verkhnevilyuyusk: Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports.
4. Zuev, V.N. (2003) *Severnoe mnogobor'e* [Northern multiathlon]. Tyumen: Vektor Buk.
5. Kozlov, I.S. (2009) *Razvitie obshchey vyносливости v protsesse fizicheskogo vospitaniya devushek-studentok* [The development of general endurance in the process of physical education of female students]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Maykop.
6. Kolunin, E.T. (2015) *Gymnastic means convergence in initial training process of sports reserve*. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 22–25. (In Russian).
7. Lubysheva, L.I. (2015) *Conversion of sports high technology as methodological principle of sportized physical education and “sport for all”*. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical education: education, training*. 4. pp. 6–8. (In Russian).
8. Mukhaev, S.V. (2014) *Mnogoletnyaya podgotovka basketbolistok na osnove konversii tekhnologiy sporta vysshikh dostizheniy* [Long-term training of basketball players based on the conversion of high-end sports technology]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Surgut.
9. Zuev, V.N. et al. (2003) *Natsional'nye vidy sporta severnogo mnogobor'ya. Programma dlya detsko-yunosheskikh sportivnykh shkol Rossiyskoy Federatsii* [National sports of Northern multiathlon. Program for youth sports schools of the Russian Federation]. Tyumen: Vektor Buk.
10. Anon. (2014) *Obshcherazvivayushchaya programma dopolnitel'nogo obrazovaniya dlya sportivno-ozdorovitel'nykh grupp “Obshchaya fizicheskaya podgotovka s elementami legkoy atletiki”* [General developmental program of supplementary education for sports and fitness groups “General physical training with elements of athletics”]. Kazan: [s.n.].
11. Sukhareva, S.M. (2015) *Formirovanie fizicheskoy aktivnosti shkol'nikov s uchetom tipovykh osobennostey ee struktury sredstvami legkoatleticheskikh uprazhneniy* [The formation of physical activities in schoolchildren, taking into account the typical features of these activities' structure, by means of athletic exercises]. Pedagogy Cand. Diss. St. Petersburg.

12. Syromyatnikov, A.G. (2017) Nauchno-metodicheskie osnovy planirovaniya uchebno-trenirovochnogo protsessa po severnomu mnogobor'yu [Scientific and methodological foundations of planning the training process for the Northern multiathlon]. In: Gotovtsev, I.I. (ed.) *Aktual'nye voprosy razvitiya i nauchno-metodicheskogo obespecheniya natsional'nykh vidov sporta i narodnykh igr Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Topical issues of development and scientific methodological support of national sports and national games of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Verkhnevilyuysk: Churapchinsky State Institute of Physical Culture and Sports.
13. Filippova, E.A. & Simonova, E.A. (2017) [The level of development of physical qualities in young men engaged in the Northern multiathlon]. *Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta. "Sport dlya vseh" i vnedrenie vsерossiyskogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa GTO* [Strategy for the formation of a healthy lifestyle by means of physical culture and sports. "Sport for All" and the introduction of the all-Russian GTO (Ready for Labour and Defence) sports complex]. Proceedings of the International Conference. Tyumen: Vektor Buk. pp. 232–235. (In Russian).
14. Cherenko, V.A. & Danilova, N.V. (2009) Ratsional'naya metodika primeneniya uprazhneniy razlichnoy napravlenosti v protsesse fizicheskogo vospitaniya studentov vuzov [Rational methodology for the use of exercises of various kinds in the physical education of university students]. *Vestnik sportivnoy nauki*. 1. pp. 68–71.

Received: 25 March 2019

Т.В. Фуряева, О.В. Гудкова

РАЗВИТИЕ МЕТАКОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КЛАССОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Констатируется становление новой образовательной парадигмы. Обсуждаются проблемы формирования компетенций будущего. Акцентируется внимание на создании сети специализированных классов в рамках «нового» инженерного образования. Предлагается «предмодель инженера нового поколения». Для формирования выделяется группа метакомпетенций обучающихся в рамках «предмодели». Подчеркивается необходимость и возможность их формирования в условиях среднего общего образования.

Ключевые слова: компетенции будущего; новая образовательная парадигма; специализированные классы инженерно-технологической направленности; предмодель инженера нового поколения; метакомпетенции обучающихся; принцип человеко-машинных систем.

Все большее количество экспертов (Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков) утверждают, что компетенции будущего необходимы не только для трудоустройства и успешной карьеры, но и для активной гражданской позиции и более высокого качества личной и семейной жизни. Прогнозируется увеличение продолжительности жизни (100+), и в условиях возрастной неопределенности поддержания образования в течение всей жизни (включая личностное развитие, фитнес тела и ума, терапию и др.) становится новым значимым сектором экономики. Образование приходит к пониманию того, что необходимо учитывать растущую продолжительность жизни людей, так называемый третий возраст. На данный момент современная модель «индустриального» образования принципиально несостоятельна. Она формирует «навыки прошлого», а не «навыки будущего», и готовит обучающихся к реальности, которой уже не будет [1].

В настоящее время мы наблюдаем становление новой образовательной парадигмы для нового сложного мира. Образование столкнулось с ситуацией, когда в ряде сфер навыки устаревают быстрее, чем заканчивается нормативный срок обучения. Именно поэтому требуется совершенно новый подход к навыкам и умениям, которые должны лечь в основу новой образовательной парадигмы. Широко обсуждаются требуемые навыки будущего, а именно: эмоциональный интеллект, медиаграмотность, умение управлять вниманием, экологическое мышление, креативность, способность учиться [2. С. 81].

В формирующейся новой образовательной парадигме четко вырисовывается стратегия «перехода через пропасть», суть которой заключается в том, что действовать следует уже из будущего, строя мосты в настоящее. Актуальна тенденция открытости к практико-ориентированному, связанному с потребностями общества, экологически ориентированному и межпоколенческому образованию. Акцентируется внимание на профессиональных навыках и успешной социализации в течение первых 15–20 лет жизни. Важно также в новой парадигме учитывать тенденцию исчезновения 60–70% профессий в промышленности и связанных с ней секторов (маркетинг, финансы, торгов-

ля) в связи с ключевым трендом автоматизации и роботизации экономики. При этом актуальным остается сохранение некоторых классических профессий, таких как инженер, формирование «модели инженера нового поколения» с метакомпетенциями, необходимыми для профессионального и общественного успеха в XXI в. [1].

В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования третьего поколения, разработанном в 2012 г., изложены требования к образовательным результатам [3]. Формированию подлежат личностные и метапредметные умения обучающихся, необходимые для нового сложного мира. Данные умения включают в себя следующее: сформированность мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, сформированность основ саморазвития и самовоспитания, готовность к служению Отечеству, его защите, толерантное сознание и поведение в поликультурном мире, осознанный выбор будущей профессии и возможностей реализации собственных жизненных планов, умение продуктивно общаться и взаимодействовать в процессе совместной деятельности, умение самостоятельно оценивать и принимать решения и т.д.

В современных исследованиях по поводу метапредметных умений, метакомпетенций все чаще используются такие понятия, как «твердые навыки» (hard skills) и «мягкие или гибкие навыки» (soft skills). Твердые навыки западные эксперты рассматривают как технические профессиональные навыки, связанные с выполняемой деятельностью, в частности, делопроизводством, логистикой, умениями программирования, управления автомобилем и т.д. Данные навыки устойчивы, хорошо обозримы, измеримы, легко раскладываются на ряд простых и конечных операций. Мягкие навыки относят к числу социальных навыков. Иногда их называют жизненными, личностными, человеческими. По сути, они являются надпрофессиональными, неспецифическими по отношению к профессиональной деятельности. К ним относят умения, связанные с коммуникацией (умения убеждать, работать в команде, конструктивно решать конфликты), умения работать с информацией. Здесь

важны особые характеристики интеллекта, в частности, его системность, ориентация на результат и процесс. К гибким умениям относят также личностные особенности человека, касающиеся его интеллекта и эмоционального мира. Речь идет о мотивированности в деятельности, самоорганизованности, самодисциплине, способности взять на себя ответственность, осознавать и управлять своими эмоциями.

Как показывают специальные исследования, проведенные американскими учеными из Гарвардского и Стенфордского университетов, значительная часть навыков, используемых для достижения целей, входит в состав гибких навыков. При этом выявлена определенная корреляция между успешностью продвижения по карьерной лестнице и значимостью владения «твердыми», социальными навыками.

В нашем исследовании мы придерживаемся позиций отечественных ученых, которые ведут свои исследования в русле компетентностного подхода (И.А. Зимняя, Ю.В. Громыко и др.). По определению Ю.В. Громыко, метапредметы, метапредметные технологии были созданы с целью культивирования другого типа сознания учащегося и учителя. Этот тип сознания не «застывает» в информационных ограничениях какого-либо учебного предмета, а работает с взаимосвязями и ограничениями знаний каждой из дисциплин [5]. Многие ученые понимают под метакомпетенцией способность к быстрой адаптации, приспособлению к новым условиям, готовность к непрерывному обучению / образованию, готовность к переносу имеющихся знаний, умений, способностей на новые объекты деятельности [6].

В рамках наших рассуждений заслуживают внимания результаты обсуждения концепта *metalearning* (метаобразование, метаобучение или метапредметный подход в обучении), который состоялся в рамках специальной международной конференции (г. Падова, Италия, 2003 г.). Дж. Бигз в работе «*The role of metalearning in study*» сформулировал концепт «метаобразование» как ‘*being aware of and taking control of one’s own learning*’ (точное понимание и управление процессом получения своего образования) [7]. В результате было синтезировано обобщенное понимание данного концепта, согласующегося с пониманием отечественных ученых. Учитывая вышеизложенное, под метакомпетенцией мы понимаем готовность к непрерывному получению знаний и умений, приспособление к новым условиям и ситуациям. Метакомпетентность рассматривается как личностное качество, которое проявляется в способности стратегически мыслить и оценивать образовательную ситуацию для выстраивания максимально эффективной профессионально-образовательной траектории.

В настоящее время, учитывая концепцию развития технологического образования в системе общего образования Российской Федерации, особенно актуальным становится «новое» инженерное образование [9]. В период развития постиндустриального общества, «рывка в шестой технологический уклад» огромное значение придается повышению престижного образа инженера и началу подготовки инженера нового поколения в условиях среднего общего образования.

Вместе с возрастанием необходимости работы с обучающимися растет и понимание важности изменений в содержании и методологии этой работы в связи с переходом экономики от типовых технологий к технологиям нового сложного мира. В рамках «нового» инженерного образования на базе образовательных организаций среднего общего образования комплектуются специализированные классы различных технологических профилей.

В Красноярском крае по инициативе губернатора была создана масштабная сеть специализированных классов, наибольшую часть которых составляют классы инженерно-технологического профиля [10]. В 2015 г. создано 25 специализированных классов, из которых 10 – инженерно-технологических. В 2016–2017 гг. начали работу еще 50 специализированных классов на базе 40 образовательных организаций, из них – 21 инженерно-технологический класс. Планируется организовать еще большее количество данных классов.

В условиях специализированных классов в процессе формирования метакомпетенций обучающихся одним из направлений разработок мы выбрали «модель инженера нового поколения». Как отмечено в «Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г.» и Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», особенно важно сформировать новейшие метакомпетенции для инженерно-технических специальностей, что потребовало разработки «модели инженера нового поколения» [11, 12].

Разработкой данной модели занимались как российские (Р.М. Горбатюк, О.П. Попова, А.Г. Михайлова) [13], так и зарубежные (О.Л. Фиговский, К.Л. Левков) ученые [14]. Многие исследователи рассматривали проблему непрерывного профессионального образования. Вызывают интерес результаты специальных исследований в рамках разработки модели непрерывного профессионального инженерного образования (П.С. Чубик, В.С. Севастьянов, М.Г. Минин, И.А. Сафьянников) [15]. С нашей точки зрения, формирование «модели инженера нового поколения» необходимо и, самое главное, возможно начинать в условиях образовательных организаций среднего общего образования.

Принимая во внимание теоретические работы названных выше ученых, мы ввели понятие «предмодель инженера нового поколения». На основе современных исследований основных трендов, определяющих образ рабочего места в XXI в. [2. С. 13], базовых навыков XXI в. [2. С. 85] и новых требований ФГОС к образовательным результатам, нами (инициативной педагогической группой, включающей сотрудников крупных промышленных предприятий) была разработана модель для среднего общего образования. Целевой компонент «предмодели инженера нового поколения» включает в себя следующие метакомпетенции: эмоциональный интеллект, экологичность (системность) и креативность мышления, общеинженерные технические навыки и языковые умения (владение иностранным языком). Последнее напрямую связано с новыми вызовами, стоящими пе-

ред «сложным специалистом», которому предстоит работать в масштабах мировых экономических и образовательных систем, в условиях глобальной экономики.

В рамках «нового» инженерного образования для становления метакомпетенций обучающихся мы выбрали событийно-проектный формат организации образовательного процесса. В дидактических исследованиях накоплен позитивный опыт разработок, выполненных в данном формате [16]. Проблема обеспечения событийности в образовательной и педагогической деятельности напрямую связана с созданием культурных условий для самореализации и саморазвития молодого человека. Сущность событийно-проектной организации общего образования заключается в организации ярких образовательных событий в жизни школьного коллектива и отдельной личности, в процессе которых происходят значительные трансформации во внутреннем мире обучаемого, связанные с изменением его ценностно-смысловой, эмоциональной и интеллектуальной сфер жизни.

В рамках реализации «предмодели инженера нового поколения» и формирования метапредметных компетенций, связанных с умениями работать с рабочей документацией на иностранном языке, конструированием современного рабочего места, включаться в групповой рабочий процесс, взаимодействовать с внешней средой, нами была подготовлена и организована серия открытых образовательных проектов, в частности, проект «Виртуальный завод-2». Базовым материалом явились оригиналы технических документов машиностроительного завода «Сибтяжмаш» г. Красноярск. Следует отметить, что на данный момент предприятие является банкротом. Однако мы выбрали именно его, так как данное производство имеет богатую историю и хорошо разработанную техническую документацию, фиксирующую уникальный опыт специалистов данного предприятия тяжелого машиностроения. Безусловно, при отсутствии реального промышленного производства, мы, опираясь на имеющиеся кадровые, технические, документальные ресурсы, обратились к методу игрового, проектного моделирования. Нашей исходной идеей было положение о том, что изучение истории предприятия – как его расцвета, так и краха – позволит избежать фатальных ошибок в будущем и позволит обучаемым в старшей школе приобрести необходимые метакомпетенции для будущей профессиональной инженерной деятельности.

В контексте содержания проекта обучающиеся на примере предприятия тяжелого машиностроения познакомились с функциями инженера, знающего иностранный язык. Они тщательно изучили структуру данного производства, систему управления, функции

инженеров, сотрудников отдела главного конструктора. Детально рассматривались новейшие тренды автоматизации и роботизации экономики. Отрабатывались умения, входящие в перечень необходимых метакомпетенций для инженера будущего.

В данном проекте особо уделяется внимание новому принципу человеко-машинных систем, позволяющему каждому участнику проекта включиться в управление нашего игрового производства. Суть принципа – отдать «машинное» машинам, а человеку вернуться к природе и самому себе. В рамках «машинного» мы предлагаем учитывать изменения на трех уровнях производства: уровне рабочего места, системе рабочих мест и системе внешнего окружения. Обучающиеся совместно с тьюторами проектировали свое рабочее место. На уровне системы рабочих мест изучались и продумывались эффективное взаимодействие между рабочими и их рабочими местами. На завершающем уровне происходила имитация взаимодействия системы рабочих мест с другими внешними системами. Этот уровень самый сложный и самый креативный, который, собственно, и формирует заложенные нами в основу проекта метакомпетенции. В рамках «возвращения человека к природе и самому себе» мы особенно тщательно разрабатывали режим труда и отдыха инженера нового поколения.

В результате анализа результатов данного эксперимента, продолжающегося в течение двух лет, нами была зафиксирована положительная динамика в развитии имеющихся умений и становлении новых умений, входящих в состав метапредметных компетенций, необходимых для успешной инженерной деятельности. Значительный рост наблюдался в формировании эмпатийных качеств, технических умений и в целом медиаграмотности, в способности принимать креативные инженерные и технические решения, в формировании навыков иноязычного общения у обучающихся в девятых классах общей школы.

В целом наша опытно-экспериментальная работа свидетельствует о возможности формирования метакомпетенций у обучаемых в рамках специализированных классов инженерно-технологической направленности в общей школе. При этом главными условиями успешности реализации «предмодели инженера нового поколения» являются организация событийно-проектного обучения, использование имеющихся производственных ресурсов, в том числе бывших производств, сетевое взаимодействие, активное включение всех субъектов в иноязычное общение. Увеличение количества специализированных классов инженерно-технологической направленности дает нам возможность транслировать наш опыт на другие образовательные организации, включая профильные классы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукша П. Выращивая глобальные образовательные экосистемы будущего // Present5. URL: <http://present5.com/vyrashhivaya-globalnye-obrazovatelnye-ekosistemy-budushhego-pavel-luksha-direktor/> (дата обращения: 16.12.2018).
2. Лошкарева Е., Лукша П., Ниненко И., Смагин И., Судаков Д. Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. URL: <https://worldskills.ru/media-czentr/doklady-i-issledovaniya.html> (дата обращения: 16.12.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (10–11 кл.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 15.07.2018).

4. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / сост. Е.С. Савинов. М.: Просвещение, 2011. 342 с.
5. Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика. Минск, 2000. С. 114–115.
6. Ордобоева Л.М. Метакомпетентия как компонент содержания профессиональной иноязычной подготовки студентов в языковом вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 14 (700). С. 144–153.
7. Biggs J.B. The role of meta-learning in study process // British Journal of Educational Psychology. 1985. № 55. Р. 185–212.
8. Епифанова М.В. Качество школьного образования в контексте компетентностного подхода // КиберЛенинка. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/02/1268027526/27-29.pdf> (дата обращения: 03.11.2018).
9. Вчерашний П.М., Гафурова Н.В., Румянцев М.В., Осипенко О.А. Инженерное образование: смена формата // Высшее образование в России. 2016. № 8-9 (204). С. 15–21.
10. Постановление администрации г. Красноярска от 28.09.2015 № 605. Об утверждении Положения о порядке комплектования специализированных структурных подразделений (специализированных классов). URL: <http://www.krasnoyarsk.regnews.org/doc/nq/rd.htm> (дата обращения: 20.09.2018).
11. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124> (дата обращения: 23.01.2018).
12. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // consultant.ru: система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432 (дата обращения: 15.07.2018).
13. Михайлова А.Г. Анализ модели инженера с профессионально творческими способностями // Вестник Тольяттинского государственного университета. Педагогические науки. 2014. № 2 (17). С. 152–156.
14. Фиговский О.Л., Левков К.Л. К вопросу подготовки инновационных инженеров. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/problemypodgotovki-inzhenerov-dlya-innovatsionnykh-otraslei> (дата обращения: 20.07.2018).
15. Чубик П.С., Демяннюк Д.Г., Минин М.Г., Сафьянников И.А. Система непрерывного профессионального образования // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 38–45.
16. Ковалева Т.М., Якубовская Т.В. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой // Человек.RU. 2017. № 12. С. 85–94.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 марта 2019 г.

The Development of Students' Meta-Competences in Specialized Classes with an Engineering and Technological Focus

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 199–203.

DOI: 10.17223/15617793/442/24

Tatyana V. Furyaeva, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: tat.fur130@mail.ru

Olga V. Gudkova, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olya.gudkova.69@inbox.ru

Keywords: competences of the future; new educational paradigm; specialized classes with engineering and technological focus; pre-model of engineer of new generation; meta-competences of students; principle of man-and-machine systems.

The article states that nowadays the “industrial model” of education is unworkable as it forms the “skills of the past”, and not the “skills of the future”. A new educational paradigm in the new complex world is formed. Skills required for the future are identified. In the new paradigm, a large number of professions disappear in connection with the automation and robotization of economy. At the same time, some classical professions, such as the engineering profession, are still important. The Federal State Educational Standard of Secondary Education sets out requirements for educational outcomes. It states that students’ meta-competences necessary for the new complex world must be formed. The concepts of “hard skills”, “soft skills”, “meta-competence” in modern research are considered. The clarification of the terms allows considering the problem of the conditions for the formation of students’ meta-competences in the framework of a meta-subject approach. In their research, the authors adhere to a competence-based approach. To provide “new” engineering education in the region, a large-scale network of specialized classes has been created. In the conditions of these classes, the authors participate in the development of a model of an “engineer of a new generation”. Both Russian and foreign scientists are engaged in the development of this model. The authors state that the formation of this model is necessary and possible in the conditions of educational organizations of secondary education. The concept of a “pre-model of an engineer of a new generation” is introduced. The meta-competences that this pre-model includes are listed. To develop meta-competences, the authors choose an “event-based project” format for organizing the educational process. An example of the implementation of this pre-model from the authors’ practice is given. The formation of a “pre-model engineer” takes place under the conditions of an open educational project developed by the authors. This project is relevant in the conditions of the latest trend of automation and robotization of economy. In the framework of the formation of students’ meta-competences, a special role is given to the knowledge of a foreign language. The project is based on the principle of man-and-machine systems. As a result of the analysis of this experiment, the positive dynamics of the development of existing skills and the emergence of new skills that are part of the meta-competences necessary for successful engineering activity have been recorded. It is concluded that it is possible to form these meta-competences among students in specialized classes in the secondary general school. It is emphasized that the main conditions for the successful implementation of the “pre-model of an engineer of a new generation” are the event-project format, the use of production resources, including the former ones, networking, the active involvement of subjects in foreign language communication. The increase in the number of specialized classes allows the authors to share the experience with other educational organizations.

REFERENCES

1. Luksha, P. (2015) *Vyrashchivaya global'nye obrazovatel'nye ekosistemy budushchego* [Growing up the global educational ecosystems of the future]. [Online] Available from: <http://present5.com/vyrashchivaya-globalnye-obrazovatelnye-ekosistemy-budushchego-pavel-luksha-direktor/>. (Accessed: 16.12.2018).
2. Loshkareva, E. et al. (c. 2017) *Navyki budushchego. Chto nuzhno znat' i umet' v novom slozhnom mire* [Skills of the future. How to thrive in the new complex world]. [Online] Available from: <https://worldskills.ru/media-czentr/doklady-i-issledovaniya.html>. (Accessed: 16.12.2018).
3. Consultant.ru. (2012) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya (10–11 kl.)* [Federal State Educational Standard of Secondary (Complete) General Education (Grades 10–11)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174. (Accessed: 15.07.2018).

4. Savinov, E.S. (2011) *Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma obrazovatel'nogo uchrezhdeniya. Osnovnaya shkola* [The approximate basic educational program of an educational institution. Primary school]. Moscow: Prosveshchenie.
5. Gromyko, Yu.V. (2000) *Mysledeyatel'nostnaya pedagogika* [Pedagogics of Mental and Action approach]. Minsk: Tekhnoprint.
6. Ordoboeva, L.M. (2014) Meta-competence as a contents component of the content of professional language learning at linguistic universities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 14 (700). pp. 144–153. (In Russian).
7. Biggs, J.B. (1985) The role of meta-learning in study process. *British Journal of Educational Psychology*. 55. pp. 185–212.
8. Epifanova, M.V. (2011) *Kachestvo shkol'nogo obrazovaniya v kontekste kompetentnostnogo podkhoda* [The quality of school education in the context of the competence approach]. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/02/1268027526/27-29.pdf>. (Accessed: 03.11.2018).
9. Vcherashniy, P.M. et al. (2016) *Inzhenernoe obrazovanie: smena formata* [Engineering education: changing the format]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 8-9 (204). pp. 15–21.
10. Krasnoyarsk.regnews.org. (2015) *Postanovlenie administratsii g. Krasnoyarska ot 28.09.2015 № 605. Ob utverzhdenii Polozheniya o por-yadke komplektovaniya spetsializirovannykh strukturnykh podrazdeleniy (spetsializirovannykh klassov)* [Resolution of the administration of Krasnoyarsk dated September 28, 2015, No. 605. On approval of the Regulation on the Enrollment Procedure for Specialized Structural Units (Specialized Classes)]. [Online] Available from: <http://www.krasnoyarsk.regnews.org/doc/nq/rd.htm>. (Accessed: 20.09.2018).
11. Garant.ru. (2011) *Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 8 dekabrya 2011 g. № 2227-r)* [Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the order of the Government of the Russian Federation No. 2227-r of December 8, 2011)]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124>. (Accessed: 23.01.2018).
12. Consultant.ru. (2018) *Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda"* [Presidential Decree No. 204 of 07 May 2018 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432. (Accessed: 15.07.2018).
13. Mikhaylova, A.G. (2014) Model of engineer with professional creative capabilities. *Vestnik Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 2 (17). pp. 152–156. (In Russian).
14. Figovskiy, O.L. & Levkov, K.L. (2010) *K voprosu podgotovki innovatsionnykh inzhenerov* [On the issue of training innovative engineers]. [Online] Available from: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/problemy-podgotovki-inzhenerov-dlya-innovatsionnykh-otraslei>. (Accessed: 20.07.2018).
15. Chubik, P.S. et al. (2010) *Sistema nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya* [The system of continuous vocational education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 38–45.
16. Kovaleva, T.M. & Yakubovskaya, T.V. (2017) Tutorial activity as anthropopractice: between individual educational trajectories and individual educational programs. *Chelovek.RU*. 12. pp. 85–94. (In Russian).

Received: 14 March 2019

ПРАВО

УДК 349.2 (470)

И.И. Андриановская, Т.А. Зыкина

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ТРУДОВОЙ ФУНКЦИИ РАБОТНИКА

Рассмотрено соотношение преемственности и новизны в нормах о трудовой функции. В ходе исследования показана эволюция исследуемых норм. Выявлены неточности в действующих нормах, дублирование отдельных положений. Предложены варианты устранения обнаруженных неточностей в определении трудовой функции. Подчеркивается сложность применения данных норм и сформулирован вывод о целесообразности разработки уточненной модели трудовой функции работника.

Ключевые слова: преемственность; новизна; работник; работодатель; модель трудовой функции.

Процесс развития права, его отраслей весьма сложен. В современных условиях оно формируется под влиянием двух взаимосвязанных процессов: преемственности и новизны. Такое развитие отечественного права, как нам представляется, вполне закономерно. С одной стороны, оно формируется на основе сложившихся преемственных положений (правил), получивших закрепление в праве; с другой – под воздействием новых явлений (экономического, социального, политического характера). Эти процессы оказывают влияние на правовые отрасли по-разному. В трудовом праве как отрасли права преемственность проявляется в сохранении отдельных норм, положений, определяющих содержание и структуру отрасли в целом¹.

Преемственные нормы составляют основу трудового права, его институтов, новые нормы вводятся в правовую материю, дополняя и развивая действующие. Нельзя не отметить, отдельные термины в ранее действовавших кодексах лишь упоминались, ныне они получили легальное закрепление. Например, в российском и советском трудовом законодательстве не было легального определения трудовой функции, оно формировалось на протяжении всего периода становления и развития российского законодательства: от КЗоТ 1918 г. вплоть до современного состояния законодательства о труде. Так происходило со многими нормами, отдельными положениями трудового права, включая использование международных правовых норм [2].

Необходимо отметить, что процесс развития норм обусловлен различными факторами, он может быть как целенаправленным, так и спонтанным (что бывает нередко). Особая сложность формирования права в сложившихся социально-экономических условиях объясняется тем, что юридическая материя всегда имеет определенные формы. Их можно определить как модели, конструкции, стандарты, отражающие вовне совокупность факторов: объективных и субъективных, индивидуальных и коллективных, экономических, социальных и других. Отдельные понятия, конструкции, в том числе и феномен трудовой функции, не являются исключением. Поэтому сам процесс объективации права происходит в современной действительности во многом спонтанно, под влиянием реализации ряда норм на практике, по

сути, в процессе складывающихся отношений в сфере применения труда.

В контексте сказанного есть смысл использовать моделирование как способ совершенствования правовых норм. Как отмечается в юридической литературе, процесс материализации права занимает по большей части довольно длительный период, проявление права происходит через различные модели, роль которых в развитии юридической науки чрезвычайно велика. Среди теоретических моделей различают теории, законы, гипотезы и пр., в них проявляются отличительных свойства реальных объектов. Так, необходимость создания мотивированной базы для совершенствования правовых норм, регулирующих социально-трудовые отношения, объективно вызвала интерес к изучению правомерного поведения работников и способствовала разработке научно обоснованной теории моделей правомерного поведения работников [3].

К использованию моделирования в современных условиях прибегают, например, при создании модельных законов. Модельные законы, модельные нормы, позволяют урегулировать трансграничные отношения в сфере применения труда. В настоящее время потребность в модельном трудовом законодательстве следует из необходимости создания одинаковых условий трудовой деятельности для стран – членов Евразийского экономического союза, объединяющем Россию, Армению, Казахстан, Белоруссию и Киргизию [4–6]. Модельные нормы носят универсальный характер для стран, применяющих труд работников. Основной, на наш взгляд, должна быть норма о трудовой функции работника, которая должна найти воплощение в законодательстве ряда государств, в том числе и в рассматриваемом регионе.

Формирование понятия трудовой функции было объективно обусловлено практической необходимостью создания для работников и работодателей такой нормы, в соответствии с которой следовало обозначить четкие критерии требований работодателя к работнику и работника к работодателю по поводу заключения и выполнения трудового договора.

Последовательное изменение научных взглядов на модель трудовой функции можно разделить на несколько этапов, в зависимости от действовавших в эти временные промежутки трудовых кодексов, в содер-

жании которых отразились исторические особенности развития нашей страны.

Первым этапом следует считать период с 1918 по 1922 г., со времени вступления в законную силу первого в истории России КЗоТ 1918 г. Это не только время зарождения всего российского трудового права, но также годы революции и Гражданской войны. Сложности выживания молодой республики отражались в трудовом законодательстве, допускавшем применение принудительного труда лиц, «работающих за вознаграждение».

Формированию модели трудовой функции в этот период способствовало установление требований к учету специальности работника. В ст. 6 КЗоТ 1918 г. содержалось положение о том, что труд может применяться в форме предоставления индивидуальных личных услуг и выполнения отдельной, определенной работы, которые регламентируются тарифными положениями, вырабатываемыми соответствующими профессиональными союзами и утверждаемыми Народным комиссариатом труда. Статьями 10–11 КЗоТ РСФСР 1918 г. признавалось право на труд по своей специальности и за вознаграждение для всех трудоспособных граждан (в первую очередь для лиц, обязанных трудовой повинностью). При отсутствии работы по специальности у отдела по распределению рабочей силы существовала возможность перенаправлять отдельных трудящихся и их группы на работы по другой специальности. Требование к предоставлению работы по специальности, тем не менее, не раскрывалось в законодательстве и могло быть нарушено без учета мнения самого трудящегося. Этот период можно определить как период генезиса исследуемой категории. На начальном этапе становления трудового законодательства только формируется модель трудовой функции, полагаем, что здесь законодатель ограничивался лишь указанием на ее необходимость, но не отмечал безусловность учета квалификации работника при заключении трудового договора.

Второй этап – самый продолжительный по действию важнейшего кодифицированного акта в современной истории трудового права – КЗоТ РСФСР 1922 г., он длился около 50 лет, на этот период пришлось предвоенное, военное и послевоенное время.

В ст. 28 КЗоТ 1922 г. устанавливалось, что условия трудового договора определяются соглашением сторон. Недействительными признавались условия трудового договора, ухудшающие положение трудящегося сравнительно с условиями, установленными законами о труде, условиями коллективного договора и правилами внутреннего распорядка, распространяющимися на данное предприятие или учреждение (ст. 4, 15, 19 и 52–55), а также условиями, клонящимися к ограничению политических и общегражданских прав трудящегося.

В соответствии со ст. 35. работник не имел права без согласия нанимателя поручать исполнение требуемой от него работы другому лицу. Можно сделать вывод, что данным положением впервые в российском трудовом законодательстве установлено требование личного выполнения трудовой функции (исключением являлась артель, которая по общему пра-

вилу могла самостоятельно заменять одних членов артели другими).

Еще одно важное обстоятельство, оказавшее влияние на формирование модели трудовой функции работника, следует из указания в ст. 36 КЗоТ 1922 г. на то, что наниматель не может требовать от нанявшегося работы, не относящейся к тому роду деятельности, для которой последний нанят, а также работы, сопряженной с явной опасностью для жизни или не соответствующей законам о труде. При временном отсутствии работы, соответствующей трудовому договору, нанимателю предоставлялось право перевести нанятого на другую, соответствующую его квалификации работу, а в исключительных случаях, когда это необходимо для предотвращения угрожающей опасности, нанявшемуся может быть поручена работа другого рода, хотя бы и не соответствующая его квалификации. Но самого определения «рода работы» законодательство не содержало.

В ст. 63 КЗоТ 1922 г. содержалось указание на особые условия оплаты труда при выполнении нанявшимся работы, для которой нужны специальные знания или особая подготовка.

Следует понимать, что особенности конструкции трудовой функции, которые отличали ее формирующуюся модель на втором этапе становления российского трудового законодательства, отличались указанием на род деятельности в соответствии с квалификацией, необходимость в отдельных случаях обуславливать наем на работу наличием специальных знаний или особой подготовки (фактически – учет образования).

Необходимо отметить последовательную преемственность между первым и вторым этапами в становлении модели трудовой функции, проявляющуюся в необходимости учета специальности работника (рода деятельности). Новизна второго этапа выразилась в указании на личный характер трудовых отношений.

Становление и развитие третьего этапа происходило исключительно в мирное время, и его длительность определяется с 1971 по 2001 г. в соответствии с периодом применения КЗоТ РФ 1971 г. Здесь также можно отметить проявление последовательной преемственности, отражающейся в основных нормативных правовых актах отрасли весьма продолжительное время [1. С. 40]. В этот период рассматриваемые нормы совершенствуются. Происходит конкретизация трудовой функции работника в части определения трудового договора. Поскольку трудовой договор (контракт) есть соглашение между работником и работодателем (физическим либо юридическим лицом), по которому работник обязуется выполнять работу по определенной специальности, квалификации или должности с подчинением внутреннему трудовому распорядку (ст. 15 КЗоТ), постольку условие о трудовой функции является основным условием трудового договора. Идея трудовой функции позволяет теперь учесть специальность, квалификацию и должность работника, что получило развитие и дальнейшее закрепление в ТК РФ 2001 г.

Четвертый этап, по сравнению с предыдущими, отличается сложностью становления современного трудового законодательства, поскольку в его содержании необходимо зафиксировать особенности взаимодей-

ствия на рынке труда многих новых субъектов, представляющих как работодателя, так и работника. На этом этапе развития конструкция трудовой функции получила законодательное оформление, ее современное определение содержится в ст. 15 ТК РФ: работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы.

Нельзя не заметить, что это же определение включено в ст. 57 ТК РФ. В указанных статьях это определение заключено в скобки, следовательно, носит поясняющий характер. Полагаем, в современных условиях правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, есть смысл исключить дублирование положений о трудовой функции, заключенных в скобки в ст. 15 и 57 ТК РФ. Считаем целесообразным, извлечь из этих статей фрагмент о трудовой функции и оформить понятие трудовой функции в виде отдельной статьи в Трудовом кодексе. Логично эту статью поместить после ст. 60 ТК РФ, устанавливающей запрет требовать выполнение работы, не обусловленной трудовым договором. Полагаем, что определение трудовой функции в отдельной статье кодекса в данном случае не нарушит согласованности норм в рамках института трудового договора.

Новые требования к профессиональным способностям и возможностям работников привели к необходимости разработки профессиональных стандартов, в связи с чем появилась «обобщенная трудовая функция», под которой понимается совокупность связанных между собой трудовых функций, сложившаяся в результате разделения труда в конкретном производственном процессе (бизнес-процессе).

Трудовая функция работника отражает его возможность реализовать себя в труде и намерения работодателя получить необходимую ему работу от конкретного работника. По этой причине трудовая функция всегда является индивидуальной категорией. Но поскольку намерения работника и работодателя относительно трудовой функции работника часто не совпадают, законодатель принимает нормативные акты (которые затем конкретизируются как в коллективно-трудовых, так и в индивидуально-трудовых отношениях), где отражаются основные вопросы, касающиеся прав и обязанностей работника в труде, а также прав и обязанностей работодателя, затрагивающих трудовую функцию работника.

Если понимать трудовую функцию как отражение совокупности возложенных на работника обязанностей перед работодателем, то необходимо установить, какие законные требования он может предъявить к работнику по выполнению данной работы, соответствующие его квалификации, образованию, опыту работы, стремлению к обновлению профессиональных знаний. Полагаем, что такое понимание трудовой функции совпадает с правовым положением работника.

Мы склоняемся к мысли о том, что трудовая функция – основное условие трудового договора, на ее базе формируется объем прав и обязанностей работника. Более того, и законодатель представляет трудовую функцию важнейшим условием трудового

договора (ст. 56, 57 ТК РФ). По сути, в каждом конкретном случае трудовую функцию следует рассматривать исключительно как принадлежащую конкретному работнику, поэтому имеет значение совокупность его физических и моральных качеств. Работник является носителем личностных (социально значимых) качеств, которые он путем включения в разнообразные общественные отношения использует в своей трудовой деятельности [7. С. 101–122]. Небезынтересно заметить, что здесь речь идет не только о профессиональном уровне работника. Личностные качества работника влияют на добросовестное выполнение трудовой функции.

Попутно отметим: формулировки понятия трудовой функции не было в законодательстве до тех пор, пока существовала возможность, независимо от договоренности сторон об определенных трудовых обязанностях, без согласия работника использовать его трудовые возможности в других сферах, определяемых работодателем. И причин этому было много в разные периоды от разрухи, существовавшей в первые годы установления советской власти, до необходимости послевоенного восстановления народного хозяйства, решения продовольственной проблемы и пр. Само определение исследуемой правовой категории, как и многих других, основано на имеющихся в теории трудового права научных положениях. Закреплению в Трудовом кодексе РФ категории «трудовая функция» предшествовала длительная эволюция научных взглядов на содержание данной категории, а также развитие отечественного трудового законодательства в части норм, регулирующих ее определение [8. С. 21–23]. Только ныне, исходя из основополагающей конституционной нормы (ст. 37 Конституции РФ 1993 г.), установившей свободу труда, стало возможным перейти к осознанному оформлению в законодательстве понятия трудовой функции работника.

Свободное проявление труда не совместимо с принудительным использованием трудовых возможностей работника (за исключением экстраординарных обстоятельств, например, при стихийном бедствии). Но всегда требуется конкретизация его возможностей и обязанностей. Право на свободный труд в настоящее время рассматривается с позиций индивидуального предпочтения в его пользовании или неиспользовании, включая выбор сферы приложения своих способностей [9. С. 56–67].

Все большее внимание уделяется в настоящее время вопросам нетипичного труда: телеработа, дистанционный труд, при котором классическая модель трудовой функции имеет определенные особенности, связанные с уровнем экономической зависимости работника от работодателя [10].

Историческая последовательная преемственность в становлении российского трудового законодательства позволила создать современную модель трудовой функции работника. Новизна в ее содержании определяется не только свободой предоставления работником своих способностей работодателю с учетом работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации, конкретного вида поручаемой работ-

нику работы, но также необходимостью руководствоваться при этом вновь принятыми профессиональными

стандартами и уровнем экономической зависимости работника от работодателя.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В этой работе автор представляет преемственность в праве как специфическое качество права, позволяющее формировать действующее право на основе исторически сложившихся наиболее оптимальных норм (их отдельных положений). При этом отмечает, что преемственные и новые нормы должны находиться в гармонии (быть согласованы между собой), поскольку жизнеспособны только те новые нормы, которые основаны на преемственных и развивают их [1. С. 10–15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриановская И.И. Преемственность в трудовом праве России. М. : Юрлитинформ, 2015. 256 с.
2. Крылов К.Д. Международные трудовые стандарты для содействия миру и предотвращения кризисов // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 10 (38). С. 53–64
3. Мордачев В.Д. Основные модели правомерного поведения работников : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1992. 38 с.
4. Головина С.Ю. К вопросу о необходимости принятия Основ трудового законодательства ЕврАзЭС // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 2–4.
5. Кручинин А.В. Методологические предпосылки интеграции трудового законодательства стран ЕврАзЭС // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 138–142.
6. Новрадова-Василиади С.М. Законодательство о рабочем времени государств – членов Евразийского экономического союза в условиях становления единого рынка труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 56–59.
7. Зыкина Т.А. Реализация прав работников: проблемы теории и практики. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2012. 244 с.
8. Балицкий К.С. К вопросу о воплощении научных идей и концепций в трудовом законодательстве на примере категории «трудовая функция» // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 21–23.
9. Зыкина Т.А., Скорюков Н.М. Труд: социально-философское и нормативное измерения. Архангельск : САФУ, 2016. 101 с.
10. Лютов Н.Л. Социально-трудовые права в современном мире // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2017. № 10 (38). С. 32–37.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2019 г.

Continuity and Novelty in the Formation of the Legal Model of the Labor Function of an Employee

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 204–208.

DOI: 10.17223/15617793/442/25

Irina I. Andrianovskaya, Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: anirina_@inbox.ru

Tatiana A. Zykina, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: t.zykina@narfu.ru

Keywords: continuity; novelty; employee; employer; model of labor function.

In the present work, the questions of the evolution of the norms on the labor function of an employee that are changing under the influence of the processes of continuity and novelty occurring in the Russian law have been considered. It is noted that the historical features of Russia's development influenced the meaning and content of the analyzed norms. The modern definition of the labor function is fixed in Art. 15 of the Labor Code of the Russian Federation (LC RF): work in accordance with the staffing table, profession, specialty with an indication of qualification; a specific type of work is entrusted to an employee. Thus, the labor function is the most important condition of the employment contract (Art. 56, 57 of the LC RF). Moreover, the labor function is the main condition of the employment contract on the basis of which the scope of rights and duties of the employee is formed. In fact, in each specific case, the labor function should be considered solely as belonging to a particular employee. The subject of the study is separate norms of labor law, scientific views on the model of the labor function, historically established law enforcement practice. In the course of the research, the following tasks have been solved: the stages of transformation of the legal category under consideration have been determined, imperfection of the existing norms has been revealed, options for eliminating the revealed inaccuracies in the definition of the labor function have been suggested; attention has been paid to the difficulties in applying these norms; a conclusion has been formulated on the expediency of developing an improved model of the labor function of the employee. The study has been conducted on the basis of comparative, concrete historical, analytical and other methods. Based on the analysis of scientific provisions, the norms of the LC RF and the practice of their application, the following main conclusions have been formulated. (1) The definition of the "labor function" in the LC RF was preceded by a long evolution of scientific views on the content of this category. (2) In order to improve the legal regulation, it is expedient to exclude duplication of provisions on the labor function, enclosed in brackets in Articles 15 and 57 of the LC RF. To do this, it is necessary to extract from these articles a fragment about the labor function and formalize the concept of the labor function in the form of a separate article in the Labor Code, placing it after Art. 60 of the LC RF. The definition of the labor function in a separate article of the LC RF in this case does not violate the consistency of norms within the framework of the employment contract institution.

REFERENCES

1. Andrianovskaya, I.I. (2015) *Preemstvennost' v trudovom prave Rossii* [Continuity in the labor law of Russia]. Moscow: Yurлитinform.
2. Krylov, K.D. (2017) International labour standards of promotion peace and preventing crises. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina*. 10 (38). pp. 53–64. DOI: 10.17803/2311-5998.2017.38.10.053-064
3. Mordachev, V.D. (1992) *Osnovnye modeli pravomernogo povedeniya rabotnikov* [The main models of employees' legitimate behavior]. Abstract of Law Dr. Diss. Leningrad.
4. Golovina, S.Yu. (2010) K voprosu o neobkhodimosti prinyatiya Osnov trudovogo zakonodatel'stva EvrAzES [On the need to adopt the Euro-Asian economic community Labor Law Fundamentals]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 3. pp. 2–4.
5. Kruchinin, A.V. (2011) Methodological preconditions of labour legislation of the Euro-Asian economic community countries' integration. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 138–142. (In Russian).

6. Novradova-Vasiliadi, S.M. (2017) Legislation on Working Time of Member States of the Eurasian Economic Union in the Context of Development of a Single Labor Market. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 1. pp. 56–59. (In Russian).
7. Zykina, T.A. (2012) *Realizatsiya prav rabotnikov: problemy teorii i praktiki* [Realization of the rights of workers: problems of theory and practice]. Arkhangelsk: IPTs SAFU.
8. Balitskiy, K.S. (2014) K voprosu o voploshchenii nauchnykh idey i kontseptsiy v trudovom zakonodatel'stve na primere kategorii "trudovaya funktsiya" [On the embodiment of scientific ideas and concepts in labor legislation on the example of the category "labor function"]. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom – Labor Law in Russia and Abroad*. 2. pp. 21–23.
9. Zykina, T.A. & Skoryukov, N.M. (2016) *Trud: sotsial'no-filosofskoe i normativnoe izmereniya* [Labor: a socio-philosophical and normative dimension]. Arkhangelsk: NAFU.
10. Lyutov, N.L. (2017) Social and labour rights in the modern world. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina*. 10 (38). pp. 32–37. (In Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2017.38.10.032-037

Received: 01 April 2019

Е.А. Бочкарева, Л.В. Бутько

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭКСПЕРТИЗЫ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Исследуются нормативные и доктринальные определения экспертизы и экспертной деятельности в финансовом праве; рассматриваются традиционные, а также новые виды экспертизы: внесудебная экспертиза перспективности инвестиционных проектов, общественная экспертиза в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Сделан вывод о том, что при формировании единого понятия экспертизы должны быть отражены ее этимологический, сущностной, технологический и функциональный аспекты.

Ключевые слова: финансовое право; экспертиза; экспертная деятельность; доктринирование; дефиниция; методы финансового контроля.

Современное состояние правового регулирования всех звеньев национальной финансовой системы, отличающейся недостаточностью качества, требует постоянного обновления инструментов финансового контроля, выступающего важнейшим средством поддержания законности и устойчивого развития государства и его территорий. По этим причинам возросла актуальность и практическая значимость исследования методов финансово-контрольной деятельности, опыта и перспектив правового регулирования и применения. Для повышения ее эффективности все более широко применяется *экспертиза* как метод, характерный для всех форм и видов финансового контроля, а необходимость доктринирования экспертной деятельности подтверждается тем, что в науке сформировалось специализированное научное направление, именуемое экспертологией. По мнению его авторов Н.Ю. Федорова и Ю.В. Сидельникова, «экспертология – это система знаний об экспертизе, исторически сложившихся и непрерывно развивающихся на основе общественной практики, междисциплинарное научное направление, входящее в комплекс наук о принятии решений. Она имеет свой понятийно-категориальный аппарат, свои общие основы (принципы). Она способна решать сложные вопросы, не поддающиеся другим дисциплинам» [1. С. 123].

Такие знания, безусловно, являются полезными и должны быть востребованными в доктринировании экспертной деятельности, осуществляемой в сфере финансовых правоотношений, для выявления специфики каждого элемента соответствующего категориального ряда.

Финансово-правовая наука и практика дает обширную эмпирическую базу для его исследования и пополнения экспертологических знаний. При этом исследовательского внимания заслуживают не только проблемы определения понятий «экспертная деятельность», «экспертиза», «экспертная оценка», и др., но и установления их соотношения и взаимозависимости, выявления и определения их видовых особенностей, разграничения и оценки сложившихся научных и нормативно-правовых подходов в описании всех компонентов анализируемых явлений. Вариативность их дефинирования предопределена как научно-теоретическими различиями, так и существенными различиями разноотраслевой правовой регламента-

ции. Наблюдаются также этимологические различия в характеристике экспертизы¹.

Сравнительный анализ начнем с категории «экспертиза» как наиболее употребляемой из указанных выше. Примером научного общетеоретического определения рассматриваемой категории может служить позиция И.С. Андреева, который считает, что экспертизу «следует рассматривать как один из элементов системы социального порядка, функционально ориентированной на обеспечение правового регулирования общественных отношений, возникающих между субъектом и объектом воздействия» [3. С. 51]. По нашему мнению, такой подход, свидетельствуя о масштабности представлений об экспертизе, об универсальности ее значения, убеждает в необходимости признания ее обязательности в контрольных механизмах, применяемых в финансовых правоотношениях и имеющих не только правовой характер, но может быть даже в большей степени социальную направленность. В итоге целесообразность установления и социального, и правового статуса экспертизы становится очевидной.

Помимо этого, в общем плане предлагается различать экспертизу: как «средство» повышения качества исследуемого явления (к примеру, нормативного акта), как «технологический прием», «этап (стадию) исследовательского процесса». В попытках определить понятие экспертизы, характеризующее ее сущностной аспект, также наблюдаются весьма значимые разногласия. Из сказанного следует вывод, что в дефинировании нуждаются несколько аспектов понимания экспертизы: этимологический, сущностной, технологический, функциональный и др. И это при том, что существует тенденция формирования единого понятия экспертизы.

Отдельного внимания в научно-категориальном контексте заслуживает понимание экспертизы как *исследования*, в котором представлено несколько направлений ее анализа: экспертиза – это специальное исследование, проводимое для оценки соответствия предмета экспертизы его первоначальному облику, для установления соответствия свойств и качества исследуемого предмета требованиям исполненности намеченных функций, решенности поставленных задач, достигнутой поставленных целей.

Если экспертиза – это *исследование*, то понимать его нужно как *процесс*, в ходе которого осуществля-

ется определенная деятельность, которая дефинитивно должна быть формализована. И, наверное, точнее было бы назвать ее просто экспертной деятельностью, а не экспертизой, поскольку термин «экспертиза» не охватывает всего многообразия действий, совершаемых при ее производстве. Экспертиза составляет всего лишь определенную, хотя и значительную часть производимых действий. Именно по этой причине экспертиза и экспертная деятельность в известном смысле употребляются как синонимы. Но в сущностно-видовом аспекте они должны различаться. В такой ситуации правомерным должен признаваться вопрос о том, какие качества экспертизы наиболее приемлемы для использования в финансово-контрольных механизмах.

Представители финансово-правовой науки также демонстрируют разнообразие подходов к определению экспертизы. В соответствующих научных источниках экспертиза рассматривается: как *метод фактического финансового контроля* (в первую очередь) [4. С. 198], как *процессуальное действие*; как *важнейшая функция контрольных органов*, которая «...проводится для предварительной оценки последствий принятия важных финансово-хозяйственных решений» [5. С. 57].

Существенной заслугой финансово-правовой науки следует признать определение *экспертной оценки* (кроме вышеуказанных дефиниций), под которой понимается способ фактического контроля, основанный на проведении квалифицированными специалистами экспертизы действительных объемов и качества выполненных работ, обоснованности нормативов материальных затрат, реальности норм естественной убыли, а также иных вопросов, требующих специальных познаний, в том числе – качества проектно-сметной документации, подлинности документов, и т.д. [6. С. 156]. В нем выражена не только специфика экспертизы в сфере финансово-правовых отношений, что представляется исключительно важным, но и создана основа для теоретического разграничения трех исследуемых категорий: экспертизы, экспертной деятельности, экспертной оценки.

Более широким, по сравнению с понятием экспертизы и экспертной оценки, является понятие экспертной деятельности. С содержательной точки зрения *экспертная деятельность* может быть определена как совокупность последовательно проводимых действий, имеющих целью оценить качество экспертируемого объекта (явления), или установление причинно-следственных связей между исследуемыми событиями, явлениями, фактами [7. С. 17, 79–89]. В этом смысле экспертная (экспертно-аналитическая) деятельность представляет собой самостоятельное направление деятельности органов государственного финансового контроля, прежде всего – контрольно-счетных органов, и включает в себя различные экспертно-аналитические мероприятия, в число которых входит и экспертиза. Кроме того, и экспертная оценка также может быть представлена в качестве одного из экспертно-аналитических мероприятий.

Завершая обзор научных определений, полагаем, что наиболее полноценным из предложенных в юри-

дической литературе в сопоставлении экспертизы с экспертной деятельностью может быть признана дефиниция Н.В. Ралдугина, по мнению которого, «экспертизу можно определить как проведение специалистом (группой специалистов или специализированным учреждением) исследования конкретного предмета с использованием профессиональных знаний в соответствующей области и оформляемое заключением, содержащим результаты такого исследования и ответы на поставленные вопросы» [8. С. 152].

Значение научного доктринирования исследуемого явления (в облике экспертизы, экспертной деятельности, экспертной оценки) подтверждается анализом их правового регулирования. Дефинирование экспертизы как правовой категории имеет не только ряд существенных отличий, но и служит основанием для углубления научных выводов. Законодатель определяет экспертизу, преимущественно, как самостоятельное процессуальное действие, регламентация которого представлена не столько в нормах финансового права, сколько в источниках права процессуального.

Так, в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебная экспертиза – *процессуальное действие*, состоящее из проведения *исследований* и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Как видим, при определении одного из главных видов экспертиз – судебной, законодателем использован наиболее полновесный подход к ее характеристике. В дополнении к этому большинством отраслевых кодексов закреплены и регламентируются возможности использования экспертизы как *метода получения новых доказательств*, а также процедурные правила ее назначения.

В связи с этим в науке финансового права в оценках налоговой экспертизы справедливо отмечается, что экспертиза – высокоэффективный метод налогового контроля и особое процессуальное действие, необходимое для получения дополнительной информации и сбора доказательства. С помощью экспертизы выявляются способы и каналы утаивания средств от налогообложения, а ее результаты становятся неопровержимым подтверждением совершения налогового правонарушения [9. С. 76, 82].

В самостоятельной научной оценке нуждается правовое закрепление экспертизы в качестве *юридического факта*, влияющего на процессуальные сроки. Так, согласно п. 6 ст. 77 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, «на время проведения экспертизы производство по административному делу может быть приостановлено» [10]. В соответствии с п. 9 ст. 89 Налогового кодекса РФ (НК РФ) руководитель (заместитель руководителя) налогового органа вправе приостановить проведение выездной налоговой проверки, наряду с другими основаниями, также и для проведения экспертизы [11].

В данном случае мы имеем дело с особым направлением в правовом регулировании режима экспертизы, в котором представлено учреждение ее специфического функционального назначения. Помимо юридического факта экспертиза предстает в качестве *метода регулирования* федеральными органами государственной власти *инвестиционной деятельности*, осуществляемой в форме капитальных вложений при оценке инвестиционных проектов [12].

Новым функциональным назначением экспертизы может считаться ее определение как *способа обеспечения публичности процесса управления общественными финансами*, которое представлено в Программе повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 г. [13]. Одной из основных целей Программы, которая может быть достигнута посредством проведения экспертизы, является требование открытости и прозрачности данного вида деятельности.

Таким образом, правовое дефинирование экспертизы свидетельствует о том, что и законодатель в нормах права допускает, во-первых, многообразие определений, во-вторых, разграничивает экспертизу как явление и как правовую категорию, констатируя их сущностные различия, прежде всего, функциональные. Тем самым перед исследователем ставится вопрос о необходимости классификации экспертиз, к их видовым характеристикам.

Существует значительное количество оснований для выделения тех или иных видов экспертиз. В качестве *критериев* выступают: сфера исследования, объект экспертизы, ее предмет, основания назначения, субъект, назначающий экспертизу, количество и квалификация экспертов, правовой статус участников, характер отношений между ними, степень обязательности проведения экспертизы и др.

Действующие нормативные правовые акты определяют и регламентируют такие виды актуальных для нашего исследования экспертиз, как финансово-экономическая, финансово-аналитическая, финансово-кредитная [14], налоговая [15], бухгалтерская, строительно-техническая, товароведческая [16], экспертиза инновационных проектов [17], сомнительных денежных знаков [18], экономической обоснованности платежей или финансовых потребностей [19], таможенная экспертиза [20], разновидности проектных экспертиз (к примеру, инновационных проектов) и др.

Большинство экспертиз нормами права дефинировано как *исследование* предмета: к примеру, записей – в бухгалтерской, показателей – в финансово-экономической, строительных объектов, промышленных и продовольственных товаров и т.д. Содержание предмета экспертизы предопределено сферой общественных отношений, в рамках которой проводится тот или иной ее вид.

Если же возникает необходимость дифференциации отдельного вида экспертиз в зависимости от уточнения ее предмета или процедуры проведения, нормами права производится такое уточнение. К примеру, экспертиза, назначаемая в порядке ст. 95 НК РФ, проводится в случае, если для разъяснения во-

просов, возникающих при осуществлении мероприятий налогового контроля, требуются специальные познания в науке, искусстве, технике или ремесле. Особо оговаривает законодатель назначение налоговым органом экспертизы, предметом которой становится отчет о выполнении налогоплательщиком научных исследований и (или) опытно-конструкторских разработок (отдельных этапов работ) в целях проверки их соответствия перечню, установленному Правительством РФ (п. 8 ст. 262 НК РФ).

Имеется специфика в организации, к примеру, экспертизы моделей контрольно-кассовой техники и технических средств оператора фискальных данных (соискателя разрешения на обработку фискальных данных) [21], которая состоит в том, что экспертные организации, не представившие или несвоевременно представившие в налоговый орган свое заключение, привлекаются к административной ответственности. А результатом экспертизы экономической обоснованности тарифов на жилищно-коммунальные услуги [22] являются практические рекомендации, позволяющие выявить внутренние резервы предприятия или организации в целях повышения эффективности производства и обеспечения энергоресурсосбережения. При этом органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляя контроль величины тарифов в муниципальных образованиях, вправе запросить у хозяйствующего субъекта сведения о проведении экспертизы тарифов и заключение экспертной организации.

С расширением использования компьютерной техники для ведения бухгалтерского учета и хранения финансово-значимой информации на цифровых носителях возрастает роль *компьютерно-технической экспертизы*, предполагающей исследование информационных компьютерных средств.

Отметим, что в настоящее время на практике широко применяется внесудебная экспертиза перспективности инвестиционных проектов, проверка активов на экономическую и юридическую чистоту, а также инвестиционный аудит [23. С. 61]. Например, Внешэкономбанк для участия в реализации инвестиционных проектов, а также для совершения сделок, направленных на выполнение (реализацию) заданий государственного оборонного заказа и мероприятий федеральных целевых программ в области обороны и безопасности, проводит экспертизу таких проектов (сделок) [24].

Особое значение в видовой системе экспертиз для решения задач финансового контроля имеет *экспертиза проектов федеральных и иных нормативных правовых актов и государственных программ* Российской Федерации. В широком плане правовая экспертиза выступает важным технологическим этапом правотворческой деятельности, по правилам которой принимаются нормативные акты и в сфере финансово-контрольных отношений. Так, Банк России наделен полномочиями по проведению экспертизы проектов нормативных актов (за исключением законодательных), связанных с вопросами регулирования рынка ценных бумаг, лицензирования деятельности его профессиональных участников, саморегулируемых

организаций в сфере финансового рынка, контроля за соблюдением законодательных и нормативных актов о ценных бумагах [25]. Практикуется также правовая экспертиза документов, представленных в органы Федерального казначейства при заключении договоров о предоставлении бюджетного кредита на пополнение остатков средств на счетах бюджетов субъектов Российской Федерации (местных бюджетов) [26].

Еще одним современным видом экспертизы в финансовом контроле является *общественная экспертиза*, главным отличием которой следует признать характер взаимоотношений ее участников, а именно – общественные начала. Законодатель дефинирует общественную экспертизу достаточно подробно, называет участников правоотношений – специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля, определяет правила и указанный выше характер их взаимоотношений. Нормами права также определяется предмет экспертизы – акты, проекты актов, решения и их проекты, документы и иные материалы, а также действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, других органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия [27].

Практическая значимость общественного финансового контроля и общественной экспертизы, как способ его осуществления, существенно возросла. Доказательством этого может служить общественный контроль и экспертиза в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. По справедливому замечанию Е.Г. Беликова, «...осуществление общественного финансового контроля способствует не только эффективному проведению государственного бюджетного контроля, но и самостоятельному положительному и оперативному реагированию органов власти на указания представителей общественности о расточительности или неэффективности государственных закупок» [28. С. 14].

В формировании правового режима экспертизы как метода финансового контроля во всех ее видовых характеристиках требуется учитывать основания ее проведения, состав участников экспертной деятельности, особенности их правового положения (статуса) в системе контрольных отношений. Так, основанием для назначения экспертизы и проведения экспертной деятельности может быть индивидуальный правовой акт – решение суда, решение правоохранительного органа, решение органа финансового контроля, распоряжение собственника или уполномоченного органа хозяйствующего субъекта. Например, судебно-бухгалтерская экспертиза проводится на основании соответствующего процессуального документа с целью разрешения вопросов, поставленных в этом документе правоохранительными или судебными органами. В итоге данный вид экспертизы приобретает характер сложного следственного действия, результаты которого, оформленные соответствующим образом в виде заключения, являются самостоятельным видом судебного доказательства.

Влияет на содержание экспертной деятельности и положение эксперта как ее участника. Как правило, эксперты выступают вспомогательными субъектами финансово-контрольных правоотношений [6. С. 161]. Однако именно они фактически могут реализовать такую важную группу контрольных полномочий, как выработка рекомендаций превентивного характера проверяемому субъекту.

В настоящее время наиболее авторитетным субъектом экспертно-аналитической деятельности является Счетная палата Российской Федерации, функции и полномочия которой в сфере экспертизы, в том числе проектов нормативных правовых актов, последовательно расширяются.

Счетная палата активно реализует свою компетенцию в сфере финансового контроля эффективности использования бюджетных средств, федеральной собственности и иных ресурсов с тенденцией количественного и качественного роста проводимых контрольных и экспертных мероприятий: в 2015 г. ею было проведено 244 контрольных мероприятия и 78 экспертно-аналитических мероприятий, которыми было охвачено 2 594 объекта [29]; в 2016 г. – 259 контрольных и 62 экспертно-аналитических мероприятия с охватом 3 211 объектов во всех субъектах Российской Федерации [30]. В 2017 г. Счетная палата провела 236 контрольных мероприятий и 83 экспертно-аналитических мероприятия, которыми был охвачен 4 841 объект по всем российским регионам [31].

Кроме того, Счетная палата РФ осуществляет регламентацию экспертно-аналитической деятельности региональных и муниципальных контрольно-счетных органов, а именно разрабатывает и утверждает общие требования к стандартам осуществляемого ими внешнего государственного и муниципального аудита (контроля) [32].

Проведенный анализ правового регулирования экспертизы и экспертной деятельности свидетельствует о том, что законодатель не приветствует их отождествление и создает правовую базу для дальнейшего углубленного доктринирования на основе сопоставления сходства и различий. Нормами права предусмотрены, прежде всего, функциональные, предметные, организационные, технологические, процессуальные различия. Различия субъектного состава порождают особенности компетенционного плана, отраженные в содержании прав, обязанностей и ответственности. И, тем не менее, в науке по-прежнему приходится сталкиваться с дефинициями объединенного плана.

Так, Ю.В. Сидельников пишет: «Под экспертизой мы понимаем оценочно-аналитическую деятельность, выполняемую с привлечением экспертов для анализа и (или) оценки объектов экспертизы. Среди них – социальные и природные ситуации, программы, проекты, ход и результат деятельности людей или организаций с целью подготовки исходных материалов для обоснования принимаемых решений в условиях частичной неопределенности» [1. С. 123]. Можно предположить, что данное определение применимо к любому виду экспертной деятельности, производимой в отношении любого объекта, но на вопрос, как отли-

чить экспертизу от экспертной деятельности, ответа нет. Поэтому согласимся с мнением И.С. Андреева, предложившего понимать под экспертизой либо совокупность определенных целенаправленных действий исследовательского характера, либо результат таких действий [3. С. 51].

Итак, для того, чтобы четко разграничить эти два понятия и дефинировать их самостоятельно, предлагаем соотносить экспертизу с исследованием, а экспертную деятельность – с компетенцией управомоченного субъекта, с его правами и обязанностями учредительного, организационного, материального и иного характера, с полномочиями других участников этой деятельности, наконец, с их юридической ответственностью.

Имея собственную правовую регламентацию, экспертная деятельность (и ее составная часть – экспертиза) представляет собой самостоятельный предмет правового регулирования, которое обеспечивается нормами большинства системно-отраслевых образований финансового права. Как финансово-правовое явление, экспертная деятельность обладает соответствующими компетенционными и функциональными характеристиками, организационным механизмом,

материальным обеспечением, гарантированными системой мер юридической ответственности за неисполнение установленных правовых требований.

Авторитет экспертной деятельности и экспертизы в финансовом праве возрастает по мере усложнения взаимосвязей между отдельными элементами финансовой системы и расширения круга субъектов, задействованных в реализации финансовой политики государства и его территорий. Также сказывается неблагоприятная тенденция разбалансированности бюджетов публично-правовых образований, преодоление которой требует принятия экономически обоснованных, взвешенных решений в сфере оптимизации управления бюджетными ресурсами. В связи с этим закономерным следует признать увеличение числа субъектов правотворчества и правоприменения, уполномоченных на проведение экспертизы, расширение «экспертной компетенции» контрольно-счетных органов, а также дополнение традиционных направлений использования экспертиз в сфере финансового контроля новыми направлениями, возникновение которых обусловлено изменениями, происходящими в российском государстве и обществе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Само слово «экспертиза», производное от латинского *expertus* (французского *expertise*), означает «знающий по опыту», «опытный», «испытанный», «изведанный» и понимается как «исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства и т.д.». С.И. Ожегов под экспертизой понимал рассмотрение какого-нибудь вопроса для дачи заключения [2. С. 832].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидельников Ю.В. Экспертиза: состояние и тенденции развития // *Международная экономика и международные отношения*. 1997. № 2. С. 122–130.
2. Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. 10-е изд. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1973. 846 с.
3. Андреев И.С. Системный подход к понятию экспертизы нормативного правового акта // *Журнал российского права*. 2001. № 6. С. 51–55.
4. Титов А.С. *Налоговое администрирование и контроль*. М. : ВК, 2007. 366 с.
5. Организация и методы налоговых проверок : учеб. пособие / под ред. А.Н. Романова. М. : Вузский учебник, 2005. 287 с.
6. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М. : Норма, 2014. 384 с.
7. Бутыко Л.В., Чернова Е.С. *Правовая экспертиза в деятельности избирательных комиссий*. Краснодар : КГАУ, 2011. 228 с.
8. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии : науч.-практ. пособие / отв. ред. Р.Ф. Васильев. М. : Юриспруденция, 2000. 318 с.
9. Староверова О.В., Эриашвили Н.Д. *Налоговый процесс : учеб. пособие для вузов / под ред. Н.М. Коршунова*. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 192 с.
10. Кодекс административного судопроизводства от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // *СЗ РФ*. 2015. № 10. Ст. 1391.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // *СЗ РФ*. 1998. № 31. Ст. 3824.
12. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // *СЗ РФ*. 1999. № 9. Ст. 1096.
13. Программа повышения эффективности управления общественными (государственными и муниципальными) финансами на период до 2018 года // *СЗ РФ*. 2014. № 2 (часть II). Ст. 219.
14. Приложение № 1 к Положению об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке просмотра уровня их квалификации в системе МВД РФ. Утв. Приказом МВД России от 09.01.2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России» // *Российская газета*. 2013. 08 мая. № 97.
15. Методика аудиторской деятельности «Налоговый аудит и другие сопутствующие услуги по налоговым вопросам. Общение с налоговыми органами» (одобрена Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте РФ 11.07.2000 г., Протокол № 1) // *Аудиторские ведомости*. 2000. № 10.
16. Приказ Минюста России от 27.12.2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // *Российская газета*. 06 февр. 2013. № 24.
17. Приказ Минпромторга России от 29.11.2013 г. № 1909 «Об утверждении Методики проведения экспертизы результатов реализации инновационного проекта» // *Российская газета*. 2013. 30 дек. № 295.
18. Указание Банка России от 27.08.2008 г. № 2060-У «О кассовом обслуживании в учреждениях Банка России кредитных организаций и иных юридических лиц» // *Вестник Банка России*. 2008. № 48.
19. Приказ Госстроя РФ от 29.12.1997 г. № 17-142 «Об утверждении Методики проведения аудита тарифов в организациях, оказывающих жилищно-коммунальные услуги» // *Бюллетень строительной техники*. 1998. № 6.
20. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17) // *СЗ РФ*. 2010. № 50. Ст. 6615.

21. Федеральный закон от 22.05.2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» // СЗ РФ. 2003. № 21. Ст. 1957.
22. Постановление Госстатистики РФ от 21.05.1999 г. № 39 «Об утверждении Порядка проведения финансовых и технологических экспертиз тарифов на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 1999. № 8.
23. Чаадаев С.Г., Чадин М.В. Концептуальные и правовые основы финансово-экономической экспертизы // Современное право. 2008. № 10. С. 60–63.
24. Распоряжение Правительства РФ от 27.07.2007 г. № 1007-р Меморандум о финансовой политике государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» // СЗ РФ. 2007. № 32. Ст. 4166.
25. Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
26. Письмо Казначейства России от 24.03.2015 г. № 07-04-05/09-182 «О некоторых вопросах, возникающих при проведении правовой экспертизы документов, представленных для заключения Договора о предоставлении бюджетного кредита на пополнение остатков средств на счетах местных бюджетов» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
27. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.
28. Беликов Е.Г. Развитие принципа демократизма в финансовом праве в условиях формирования социального государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4. С. 11–15.
29. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 15.06.2016 № 282-СФ «Об отчете о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2015 году» // СЗ РФ. 2016. № 25. Ст. 3653.
30. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 12.07.2017 № 234-СФ «Об отчете о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2016 году» // СЗ РФ. 2017. № 29. Ст. 4236.
31. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 27.06.2018 № 238-СФ «Об отчете о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2017 году» // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4006.
32. Общие требования к стандартам внешнего государственного и муниципального контроля для проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 17.10.2014 г. № 47К (993)). URL: <http://audit.gov.ru> (дата обращения: 18.11.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2019 г.

Some Problems in the Doctrine of Expert Activities and Expert Examination in the Field of Financial Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 209–216.

DOI: 10.17223/15617793/442/26

Ekaterina A. Bochkareva, North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: finansyst11@gmail.com

Lyudmila V. Butko, North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lvbutko@mail.ru

Keywords: financial law; expertise; expert activity; theoretical description; definition; methods of financial control.

The article explores the normative and doctrinal definitions of expert examination and expert activities in financial law; traditional and new types of expert examination are considered: out-of-court examination of the prospects of investment projects, public expert examination in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs. It has been concluded that when forming a single notion of expert examination, its etymological, essential, technological and functional aspects should be reflected. The authors reveal the problems of multiplicity of expert examination definitions practiced in the implementation of financial control measures. The result of the study is the substantiation of a need for a new approach to the establishment of a complex of definitive, technological, specific and procedural characteristics of expert examination in the sphere of financial legal relations. A wide range of understanding of expert examination and expert activities is presented in the general-theoretical aspect: as means of improving the quality of the phenomenon under examination, as a technological method, as a stage of research, and as special research. The study analyzes the approaches available in the science of financial law to the definition of expert examination as a method of actual financial control, procedural action, the most important function of control bodies, expert assessment, expert (expert-analytical) activity. The answer to the question about the differences in the existing definitions is focused on the content of the norms of financial laws on expert examination and expert activities. The study allowed the authors to establish the qualitative differences in the normative definitions proposed by the legislator and to identify definitions that, taking into account the practice of law enforcement, are the most effective. It was also established that the legislator chose to supplement the traditional list of definitions with new ones, first introduced in the law enforcement practice. Among them there is the consolidation of expert examination as a legal fact, a method of regulation, a way of ensuring the publicity of the public finance management process. The article justifies the need for the classification of examinations, differentiates their specific characteristics. Thus, the article suggests a solution of the tasks of defining and classifying examinations provided by the norms of financial law and practice of controlling activity in the sphere of financial legal relations. In the course of the study, private scientific methods were used: theoretical and legal interpretation, formal legal, and comparative legal. Expert activity (and expert examination as its component part) is an independent subject of legal regulation provided by the norms of most institutions of financial law; it possesses the relevant competence and functional characteristics, organizational mechanism, material support, a guaranteed system of measures of legal liability for non-compliance with established legal requirements.

REFERENCES

1. Sidel'nikov, Yu.V. (1997) Ekspertiza: sostoyanie i tendentsii razvitiya [Expert examination: state and development trends]. *Mezhdunarodnaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2. pp. 122–130.
2. Ozhegov, S.I. (1973) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 10th ed. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
3. Andreev, I.S. (2001) Sistemnyy podkhod k ponyatiyu ekspertizy normativnogo pravovogo akta [A systematic approach to the concept of expert examination of a regulatory legal act]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 6. pp. 51–55.
4. Titov, A.S. (2007) *Nalogovoe administrirovanie i kontrol'* [Tax administration and control]. Moscow: VK.
5. Romanov, A.N. (ed.) (2005) *Organizatsiya i metody nalogovykh proverok* [Organization and methods of tax audits]. Moscow: Vuzovskiy uchebnik.

6. Gracheva, E.Yu. (ed.) (2014) *Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy* [Legal regulation of financial control in the Russian Federation: problems and prospects]. Moscow: Norma.
7. But'ko, L.V. & Chernova, E.S. (2011) *Pravovaya ekspertiza v deyatel'nosti izbiratel'nykh komissiy* [Legal expert examination in the activities of election committees]. Krasnodar: KSAU.
8. Vasil'ev, R.F. (ed.) (2000) *Zakonodatel'nyy protsess. Ponyatie. Instituty. Stadii* [Legislative process. Notion. Institutions. Stages]. Moscow: Yurisprudentsiya.
9. Staroverova, O.V. & Eriashvili, N.D. (2004) *Nalogovyy protsess* [Taxation]. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i pravo.
10. Russian Federation. (2015) Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva ot 08.03.2015 g. № 21-FZ [Code of Administrative Judicial Procedure No. 21-FZ of 08 March 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 10. Art. 1391.
11. Russian Federation. (1998) Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 g. № 146-FZ [Tax Code of the Russian Federation (Part One) No. 146-FZ of July 31, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 3824.
12. Russian Federation. (1999) Federal'nyy zakon ot 25.02.1999 g. № 39-FZ "Ob investitsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyаемoy v forme kapital'nykh vlozheniy" [Federal law No. 39-FZ of 25 February 1999 "On investment activity in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 9. Art. 1096.
13. Russian Federation. (2014) Programma povysheniya effektivnosti upravleniya obshchestvennymi i munitsipal'nymi finansami na period do 2018 goda [Program to improve the management of public (state and municipal) finances for the period up to 2018]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 2 (II). Art. 219.
14. Rossiyskaya gazeta. (2013) Appendix No. 1 to the Regulation on the certification of experts for the right to independently conduct forensic examinations and on the procedure for revising their qualifications in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Approved by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 2 of 09 January 2013 "Issues of determining the level of professional training of experts in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia". *Rossiyskaya gazeta*. 08 May. 97. (In Russian).
15. Auditorskie vedomosti. (2000) Methods of auditing activities "Tax audit and other related services in tax matters. Communication with tax authorities" (approved by the Commission for Audit under the President of the Russian Federation on July 11, 2000, Protocol No. 1). *Auditorskie vedomosti*. 10. (In Russian).
16. Rossiyskaya gazeta. (2013) Order of the Ministry of Justice of Russia No. 237 of December 27, 2012, "On approving the list of kinds (types) of forensic examinations performed in federal budget forensic expert institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of expert specialties with the right to independently conduct forensic examinations in federal budget forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia". *Rossiyskaya gazeta*. 06 February. 24. (In Russian).
17. Rossiyskaya gazeta. (2013) Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia No. 1909 of November 29, 2013, "On approval of the methodology for examination of the results of the innovation project implementation". *Rossiyskaya gazeta*. 30 December. 295. (In Russian).
18. Vestnik Banka Rossii. (2008) Ukazanie Banka Rossii ot 27.08.2008g. № 2060-U "O kassovom obsluzhivanii v uchrezhdeniyakh Banka Rossii kreditnykh organizatsiy i inyykh yuridicheskikh lits" [The instruction of the Bank of Russia No. 2060-U of 27 August 2008. "On cash services in the institutions of the Bank of Russia to credit institutions and other legal entities"]. *Vestnik Banka Rossii*. 48.
19. Byulleten' stroitel'noy tekhniki. (1998) Prikaz Gosstroya RF ot 29.12.1997 g. № 17-142 "Ob utverzhdenii Metodiki provedeniya audita tarifov v organizatsiyakh, okazyvayushchikh zhilishchno-kommunal'nye uslugi" [Order of the State Construction Committee of the Russian Federation No. 17-142 of December 29, 1997, "On approval of the methodology for auditing tariffs in organizations providing housing and communal services"]. *Byulleten' stroitel'noy tekhniki*. 6.
20. Russian Federation. (2010) Tamozhenny kodeks Tamozhennogo soyuza (prilozhenie k Dogovoru o Tamozhennom kodekse Tamozhennogo soyuza, prinyatomu Resheniem Mezhsudarstvennogo Soveta EvrAzES na urovne glav gosudarstv ot 27.11.2009 g. № 17) [The Customs Code of the Customs Union (Appendix to the Treaty on the Customs Code of the Customs Union, adopted by the Decision of the EurAsEC Interstate Council at the level of heads of state No. 17 of November 27, 2009)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 50. Art. 6615.
21. Russian Federation. (2003) Federal'nyy zakon ot 22.05.2003 g. № 54-FZ "O primenении kontrol'no-kassovoy tekhniki pri osushchestvlenii nalichnykh denezhnykh raschetov i (ili) raschetov s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha" [Federal law No. 54-FZ of 22 May 2003 "On the use of cash registers in the implementation of cash payments and (or) payments using electronic means of payment"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 21. Art. 1957.
22. Zhurnal rukovoditelya i glavnogo bukhgaltera ZhKKh. (1999) Postanovlenie Gosstroya RF ot 21.05.1999 g. № 39 "Ob utverzhdenii Poryadka provedeniya finansovykh i tekhnologicheskikh ekspertiz tarifov na predpriyatiyakh zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva v Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Gosstroy of the Russian Federation No. 39 of 21 May 1999 "On approval of the procedure for conducting financial and technological examinations of tariffs at enterprises of housing and communal services in the Russian Federation"]. *Zhurnal rukovoditelya i glavnogo bukhgaltera ZhKKh*. 8.
23. Chaadaev, S.G. & Chadin, M.V. (2008) Kontseptual'nye i pravovye osnovy finansovo-ekonomicheskoy ekspertizy [Conceptual and legal foundations of financial and economic expert examination]. *Sovremennoe pravo*. 10. pp. 60–63.
24. Russian Federation. (2007) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 27.07.2007 g. № 1007-r Memorandum o finansovoy politike gosudarstvennoy korporatsii "Bank razvitiya i vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti (Vneshekonombank)" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1007-p of July 27, 2007. Memorandum on the Financial Policy of the State Corporation "Bank for Development and Foreign Economic Affairs (Vneshekonombank)". *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 4166.
25. Russian Federation. (1996) Federal'nyy zakon ot 22.04.1996 g. № 39-FZ "O rynke tsennykh bumag" [Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996, "On the Securities Market"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 17. Art. 1918.
26. Konsul'tantPlyus. (2015) Letter of the Treasury of Russia No. 07-04-05/09-182 of 24 March 2015 "On some issues arising during the legal review of documents submitted for the conclusion of the Agreement on the provision of a budget loan for replenishing balances in local budget accounts". Unpublished. (In Russian).
27. Russian Federation. (2014) Federal'nyy zakon ot 21.07.2014 g. № 212-FZ "Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 212-FZ of 21 July 2014 "On the basis of public control in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30 (I). Art. 4213.
28. Belikov, E.G. (2016) Razvitie printsipa demokratizma v finansovom prave v usloviyakh formirovaniya sotsial'nogo gosudarstva [The development of the principle of democracy in financial law in the conditions of formation of the welfare state]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 4. pp. 11–15.
29. Russian Federation. (2016) Postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF ot 15.06.2016 № 282-SF "Ob otchete o rabote Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii v 2015 godu" [Resolution of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 282-SF of 15 June 2016 "On the Report on the Work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2015"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 25. Art. 3653.
30. Russian Federation. (2017) Postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF ot 12.07.2017 № 234-SF "Ob otchete o rabote Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii v 2016 godu" [Resolution of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 234-SF of 12 July 2017 "On the Report on the Work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2016"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 29. Art. 4236.
31. Russian Federation. (2018) Postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF ot 27.06.2018 № 238-SF "Ob otchete o rabote Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii v 2017 godu" [Resolution of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation

No. 238-SF of 27 June 2018 “On the Report on the Work of the Accounts Chamber of the Russian Federation in 2017”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 4006.

32. Audit.gov.ru. (2014) *General requirements for external state and municipal control standards for control and expert-analytical measures by control and accounting bodies of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities (approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation, Minutes No. 47K (993) of October 17, 2014)*. [Online] Available from: <http://audit.gov.ru>. (Accessed: 18.11.2018). (In Russian).

Received: 19 February 2019

С.М. Воробьев, О.В. Лещенко

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИСКРЕДИТАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены детерминанты возникновения и распространения дискредитации власти в России, определено их влияние на деформации личности, установлена степень воздействия на правовые установки личности и уровень развития их правосознания. Определен вид деформации правового сознания личности, который формируется в условиях дискредитации государственной власти, дано определение дискредитированному правосознанию и выявлены его специфические особенности.

Ключевые слова: дискредитация; правовое сознание; деформация правосознания; государственная власть; детерминанты; дискредитированное правосознание.

Современная политико-правовая ситуация России в условиях постоянного реформирования нормативно-правовой базы позволяет говорить о достаточно сильном давлении на наше государство со стороны стран Запада, навязывании политических идеологий, попытках подрыва авторитета государственной власти и дестабилизации политической, общественной, военной, культурной, информационной, социальной, экономической и правовой сфер.

В связи с этим проблема дискредитации (фр. *discrediter* – подрывать доверие) власти России занимает важное место в государстве и обществе, требует не только пристального внимания, но и своевременного реагирования со стороны общественности и органов власти. Сложность данного надгосударственного явления объясняется тем, что дискредитация не имеет территориальных границ своего распространения. Гипотетически ей может быть подвергнуто любое государство.

Использование дискредитации западными акторами в отношении государственной власти России связано с историческими особенностями российской государственности. Россия во все времена отстаивала свой государственный суверенитет, расширяла сферы мирового влияния, противостояла политическим амбициям, западной агрессии и доказывала свое превосходство во многих сферах общественных отношений. Данные обстоятельства вызвали постоянное недовольство, увеличивали противоречия между странами и способствовали их противостоянию на мировой арене. События XXI в., связанные с эскалацией глобальных вооруженных конфликтов, гонка вооружений, ядерное противостояние мировых держав заставляет задуматься, что будет дальше с мирным сосуществованием государств, смогут ли стороны, данных конфликтов найти компромисс и какова будет роль Российского государства в этих событиях.

Исследование дискредитации как социально-политического феномена и его влияния на правовое сознание граждан представляет определенный научный и практический интерес. Состояние современного российского общества и его дальнейшее развитие с необходимостью предполагают повышение уровня правового сознания, призванного формировать и укреплять правовые основы отечественной государственности. Так, в послании к Федеральному собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. Прези-

дент РФ подчеркнул: «Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причем во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам» [1].

Глубинные цивилизационные изменения, которые с очевидностью происходят в современном мире как на глобальном, так и на национальном уровнях, в значительной степени зависят от сущностного понимания защиты прав и свобод человека и гражданина, выработанных всем ходом исторического развития общества и закрепленных в международных документах и нормах национального права [2]. Правосознание обладает особой значимостью для Российского государства и общества; оно способствует формированию правовой культуры граждан, позволяет укрепить общественное сознание людей, государственность. В связи с этим считаем возможным установить взаимосвязь между дискредитацией и правосознанием личности, определить влияние дискредитации на деформации (дефекты) правового сознания.

Стоит подчеркнуть, что дискредитация отрицательно влияет на государственные и общественные отношения, что выражается в негативном воздействии на состояние международных и внутригосударственных отношений; неуважении или пренебрежении населения к органам власти, законам, нормам права; противоправном (преступном) поведении граждан; деформациях правового сознания личности.

Правосознание как важнейший показатель разумности современного общества определяет степень развитости права государства, личностной и общественной морали (нравственности) населения, поэтому имеется объективная потребность рассмотреть детерминанты (лат. *determinare* определять) возникновения и распространения дискредитации государственной власти в России.

Рассматривая детерминанты возникновения и распространения дискредитации в России при их глубоком научном анализе, необходимо исходить из целей и задач, которые ставят перед собой западные акторы, их политические деятели, идеологи демонтажа государственной власти на территории иностранных государств. Безусловно, мы должны принимать во внимание, что деятельность агрессивно настроенных западных стран в большинстве случаев направлена на

подрыв и дестабилизацию России. Данная деятельность носит комплексный, стратегический, конспиративный и научно-обоснованный характер, учитывающий в своей основе опыт предыдущих десятилетий, связанных с развалом СССР и осуществлением смены политических режимов в других странах с помощью цветных революций.

Детерминанты дискредитации государственной власти России можно разделить на две большие взаимосвязанные группы – внешние и внутренние. Внешние обусловлены деятельностью западных государств по отношению к России, к ним относятся следующие факторы: политические, культурные, религиозные, идеологические, социально-экономические. Внутренние зависят от деятельности государственной власти, к ним относятся аналогичные по названию факторы: политические, культурные, религиозные, идеологические, социально-экономические. Несмотря на идентичные по своему названию, группы факторов отличаются по своим характеристикам, связанным с мотивацией, направленностью, субъектным составом, масштабом и последствиями распространения дискредитации.

В исследовании мы не будем заострять внимание на внутренних детерминантах дискредитации в силу соблюдения научной этики по отношению к действующей российской государственной власти, потому не ставим перед собой задачу осуществить ее критику. Однако приведем по поводу внутренних детерминант позицию профессора Н.И. Матузова, который считает, что недоверие населения к власти и ее институтам возникло не вчера и не позавчера, оно накапливалось постепенно на протяжении всего периода российских преобразований начиная еще с печальных итогов перестройки, когда стало ясно, что связанные с ней надежды и ожидания «широких трудящихся масс» не оправдались. Не оправдались они потом и в результате проведения шоковых реформ. Большой либеральный проект не состоялся, провозглашенные ценности не сработали. Наступил момент истины – разочарование, скепсис, недовольство и как следствие – недоверие. Но есть и более конкретные («наглядные») причины, в том числе вызывающие недоверие населения к власти. Одна из них состоит в том, что государство многократно, попросту говоря, обманывало своих граждан, не выполняло обещаний, посулов, не оплачивало выданных «векселей» и даже «грабило» (например, отнятые, «сгоревшие» вклады) [3. С. 20–21].

Необходимо отметить, что внешние и внутренние детерминанты дискредитации находятся в прямой зависимости, потому как ориентированы на слабые места в государственной системе управления и качественном выполнении стратегически важных государственных задач. Внешние причины и условия дискредитации могут учитывать возникающее от внутренних причин непосредственное массовое недоверие и недовольство населения, выставляя это в рамках реализации информационной рекламиации на всеобщее обозрение международного сообщества.

Вся совокупность детерминант дискредитации оказывает негативное воздействие на само государство, механизм государства, подрывает авторитет

государственной власти, способствует дестабилизации политической, социально-экономической, культурной, религиозной сферы. Главным эпицентром дискредитации является население государства. Населением и его массовым мнением можно манипулировать, контролировать, «играть», приводить в нужные параметры и использовать в качестве средства для использования государственного переворота (демонстрации государственной власти), осуществления «цветных» революций.

Попробуем определить, какие детерминанты возникновения и распространения дискредитации государственной власти в России оказывают наибольшее воздействие на правовое сознание граждан.

Политическая детерминанта (призывы к отставке легитимной власти, устранению российского государства, подрыву его авторитета; ослабление влияния в мире, порча отношений с союзниками; риски, вызовы и угрозы государственному суверенитету).

Основными элементами политического манипулирования являются: передача намеренно извращенной информации, «стратегия секретности», «фильтрация информации» и чрезмерная перегрузка информацией по второстепенным вопросам, призванной отвлечь от главных политических проблем, политическая риторика и демагогия с использованием «слов-ловушек» (например, «обязательства», «долг», «ответственность» перед миром, «жизненные интересы США» и т.д.), символики (например, «нация», «народ», «сообщество» и т.д.) и политического ритуала, представляющих собой своеобразную «политическую религию» (например, «Америка является богоизбранным народом», «Власть президента исходит от бога и т.д.). К перечисленным формам, методам и средствам политического манипулирования можно было бы добавить и многие другие, например мощный аппарат средств массовой информации, бестселлеры, технические приемы и процедуры «промывания мозгов», «улавливания умов» и т.д. и т.п., с помощью которых западные идеологи «регулируют производство и распределение мыслей своего времени» [4. С. 145].

Религиозная детерминанта (религия как прикрытие; американизм как религия, мессианизм; подмена истинных православных духовных ценностей новыми религиями трансгуманистической направленности).

Известный американский социолог и политолог С.Ф. Хантингтон, считал, что религия в современном мире – одна из центральных, пожалуй, самая главная сила, которая мотивирует и мобилизует людей [5. С. 97]. Это утверждение является весьма актуальным в свете использования западом религии в качестве инструмента для реализации политических целей. При этом религия может рассматриваться и в качестве прикрытия для осуществления глобальных политических методов воздействия на мировую политическую систему, в том числе посредством дискредитации.

Охарактеризуем религиозную детерминанту на примере Соединенных Штатов.

История развития США напрямую связана с идеей мессианства, связанного с территориальной экспансией на основе воли Бога. Идея избранности Америки относится ко временам пилигримов, которые

видели свое божественное предназначение в создании общества, которое станет образцом развития для всех людей в мире. Идея мессианизма пронизывает и популярную историографию США. Так, сегодня в Америке популярна «гражданская религия» – это не что иное, как особый субстрат американского политического сознания, включающего в качестве важного компонента представление о США как о богоизбранной стране, предназначенной для того, чтобы нести миру идеи свободы и демократии. Здесь американизм приобретает статус религии, требующей безусловной преданности Америке и необходимости защищать ее ценности и идеалы [6. С. 129].

Кроме этого, современные интересы США приравниваются к интересам всего человечества. Во имя демократии можно атаковать одни страны, бомбить другие, похищать людей, организовывать перевороты и т.д. [7. С. 138, 595–596]. Можно уничтожать на своем пути все, что мешает осуществить коварные планы по реализации гегемонской политики и порабощения России как государства. Не случайно еще в начале 90-х гг. XX в. сторонник русофобии и явный противник России Збигнев Бжезинский утверждал: «После крушения коммунизма наш самый главный враг – русское православие» [8].

По мнению В.Э. Багдасарян, запад развернул в 2012 г. информационную атаку против православия, имеющего своей целью разрушение православного континуума, связанное с нанесением удара по его пространственной и историко-временной перспективе. Пространственный ракурс выражается в формировании барьеров для потенциального объединения. Историко-временной ракурс состоит в разрушении единой целостной канвы истории православия и, в частности, истории Русской православной церкви [9. С. 246–259].

Целью развития дискредитирующих антиправославных мифов являются дехристианизация России посредством кардинального искоренения православия из самосознания и обыденной жизни россиян, подмена (замена) истинных православных духовных ценностей на новые религии трансгуманистической направленности (сайентология), массовая пропаганда насилия, беззакония и человеческой распущенности в реализации доктрины соматических прав человека на государственном и наднациональных уровнях.

Культурная детерминанта (экспансия западной культуры, американские стандарты культуры, навязывание ценностей, мультикультурализм).

Сегодня западные страны во главе с США развивают и насаждают другим странам культуру, пропагандирующую их могущество и идентичность во всем мире. Уникальность идеи отстаивания непоколебимости своей культуры состоит в способности навязать ее неограниченному числу континентов, стран, огромной массе населения. Благодаря культуре можно изменить общественное мнение, представления людей об образе врага, исказить духовные традиции и ценности, модернизировать и искоренять культуру противника, сращивать одну культуру с другой и тем самым создавать условия для мультикультурализма.

Под агрессивным напором культуры, порожденной иной историей, иным психологическим складом нации, прагматической направленностью культурных стандартов, целью которых является извлечение прибыли, приспособление к массовому общественному сознанию потребителей субкультурных образов, происходит деформация культуры, в том числе и европейской.

Процесс деформации культуры вызван негативным воздействием инокультурных ценностей на социокультурные элементы государства. Сегодня он наблюдается практически во всех регионах мира, куда проникают американские стандарты культуры: фильмы, где основное место занимают насилие и секс, поп-музыка, на уровне подсознания пробуждающая низменные инстинкты, наконец, манера общения людей как элемент культуры, при которой искренность и доброжелательность подменяются индивидуализмом, демонстративным оптимизмом, стремлением выглядеть «на миллион долларов» [10. С. 30–31].

Социально-экономическая детерминанта (дестабилизация социально-экономической системы, «обвал» российской валюты, контроль экспорта товаров, введение экономических санкций, социально-экономическая напряженность).

Социально-экономическая детерминанта является предопределяющим вектором развития и построения любого социального государства, определяющим благополучие населения. Создание методически выстроенного и управляемого «хаоса» в сфере социально-экономических отношений способствует регрессу развития государства, деградации общества, разобщению слоев населения, что чревато возникновением и распространением острых социальных конфликтов между государством и обществом. Социальная и экономическая компонента этой детерминанты может существенным образом влиять на деформацию сознания населения как на массовом, так и на индивидуальном уровне.

Отрицательный образ государства, который создается под воздействием социально-экономической детерминанты, напрямую затрагивает правосознание граждан. Население может, тем самым, умышленно получать ложную информацию о социально-экономических проблемах на фоне имеющихся не разрешенных ранее противоречий в государстве в этой сфере. В таких условиях у граждан изменяется представление не только о государстве, институтах государственной власти, но и о праве, возведенном в ранг закона, олицетворяющего идеи справедливости. Придерживаясь этой позиции, население расценивает государственные законы в качестве бессильного инструмента, не способного разрешить социальные противоречия, отстаивать общественные интересы и защищать права человека.

Кроме того, мы считаем, что социально-экономическая детерминанта развития дискредитации может способствовать появлению у отдельной части населения в основном на индивидуальном (личностном) уровне предрасположенности к некомформистскому поведению, связанному с ростом обострения противоречий и нигилизма. Возникновение последне-

го в сознании людей влияет на возникновение преступных намерений, связанных с совершением преступлений насильственного характера и против безопасности государства.

По мнению И.А. Цагова, обладатель нигилистически детерминированного сознания разрушает не только самого себя, но и создает угрозу распространения деструктивных воззрений вовне. В ситуации, когда фактически не существует никаких барьеров для распространения любого, в том числе нигилистически окрашенного контента, каждый нигилист является непосредственным или потенциальным «ретранслятором» идеи отрицания во имя отрицания. СМИ, Интернет, различные сетевые структуры, неформальные молодежные сообщества, массовая культура вольно или невольно служат популяризации нигилизма, превращая последний в модный тренд и ориентир для личностной самореализации. Диагностика общего нигилистического фона позволяет рассматривать каждого пятого россиянина в качестве прямого или потенциального носителя нигилистического сознания [11. С. 21]. В настоящий момент можно с уверенностью утверждать, что в современном обществе сформировался «сетевой нигилизм», который является основой для информационного противоборства и киберпреступности. Динамичному развитию таких нигилистических проявлений способствуют свойства сети Интернет. Следует отметить, что нигилистические взгляды возникают в среде деятелей сетевых сообществ, пытающихся играть деструктивную роль. Хакерство в сетевом пространстве стало одним из первых нигилистических течений [12. С. 19].

Целостная цепочка воздействия взаимосвязанных составляющих социально-экономической детерминанты дискредитации государства на правовое сознание личности можно представить следующим образом: воздействие западных акторов на социально-экономические показатели государства – искажение мнения общества о государстве и праве – обострение нигилизма в обществе – деформации правосознания – противоправное (преступное) поведение.

Рассмотренные детерминанты возникновения и распространения дискредитации государственной власти подтверждают наши суждения о том, что она отрицательно воздействует на правосознание граждан; детерминанты дискредитации способствуют формированию деформаций (дефектов) правового сознания. Считаем возможным установить вид деформации правового сознания, определить степень искажения правовой действительности и способов проявления его дефектов, которые наблюдаются у личности под воздействием дискредитации.

На сегодняшний день понимание деформации правосознания и его видов не является единым, что обусловлено спецификой комплексного подхода к изучению данного вопроса с позиции различных наук: юриспруденции, психологии, социологии, философии. Для научного осмысления сути содержания данных понятий и определения вида деформации, свойственного личности в условиях дискредитации, полагаем нелишним рассмотреть исторический аспект этого вопроса.

Так, с конца XIX в. и до 20-х гг. прошлого века деформация правового сознания в большей степени трактовалась с позиции философских, социологических и психологических подходов. Вот как о кризисе правосознания высказывался П.И. Новгородцев: «Каковы бы ни были различные выводы и взгляды, высказываемые в настоящее время в связи с общим кризисом правового сознания среди всех различий, возможно, по-видимому, усмотреть одно общее убеждение, не всегда ясно сознаваемое, но легко отгадываемое в общем настроении эпохи: правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни; это не более, как подчиненное средство, входящее как частичный элемент в более общий состав нравственных сил. Отсюда недалек и следующий вывод, что право по отношению к полноте нравственных требований есть слишком недостаточное и грубое средство, не способное воплотить чистоту моральных начал». При этом причины кризиса правового сознания П.И. Новгородцев связывал с кризисом правового государства. Преодоление кризиса правового сознания он видел в преобразовании правового государства и проведении социальных реформ [13. С. 20].

В свою очередь, еще в 1909 г. в сборнике статей «Вехи» С.Л. Франк так рассуждал о нравственных принципах русской интеллигенции и выделял свойственный ей нигилизм: «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояния на хорошие и дурные, добрые и злые. Если бы можно было одним словом определить умонастроение нашей интеллигенции, то нужно назвать его морализмом. Морализм этот есть лишь отражение ее нигилизма. Под нигилизмом следует понимать отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [14. С. 156–159].

Исследуя умозрения русской интеллигенции, ее отношение к философии, религии, политике, морали, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк пришли к выводу о том, что «ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, ощущаются им смутно и неинтенсивно и, во всяком случае, всегда приносятся в жертву моральным ценностям» [15. С. 14–15]. Поэтому следует констатировать факт наличия деформаций личности, так как утрата интеллигентом ценностей обусловлена отклонениями в его правосознании, отрицанием или неприятием существующих ценностей.

Изучением отклонений правосознания занимался Л.И. Петражицкий, который не использовал понятие «деформация», но отмечал, что в условиях «неразумного», «злокачественного» позитивного права возможно распространение права, основанного на несправедливости. Именно чувство справедливости призвано урегулировать конфликт между позитивным и интуитивным правом в правовом сознании [16. С. 507].

Выдающийся русский философ и мыслитель И.А. Ильин в своем труде «О сущности правосознания» (1919 г.) при рассмотрении вопросов деформации правового сознания утверждал, что незнание права играет в обществе большую негативную роль, незнание

законов человеком приводит к внеправовой жизни, и индивидуумам приходится довольствоваться неустойчивыми зачатками права. Народу необходимо достойно знать законы, это входит в состав правовой жизни. Право должно стать фактором жизни, мерой реального поведения, силой народной души. Во всех случаях расхождения положительное право перерастает в глубокий кризис правового сознания [17. С. 23–31].

Характерно, что в период с 20-х по 50-е гг. XX в. исследование правового сознания проводилось без учета возможности его деформации; изучалось в основном само явление, его структура, взаимосвязь правосознания и права (Н.В. Крыленко, Д.И. Курский, Е.Б. Пашуканис, Г.М. Португалов, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, М.С. Строгович, А.Я. Вышинский, А.И. Денисов).

Следует отметить, что после Октябрьской революции 1917 г. и практически до конца 50-х гг. XX в. в советской правовой науке бытовало представление о невозможности деформации правового сознания, так как в процессе становления у личности якобы постепенно и неизбежно формировалось развитое революционное или социалистическое сознание, которое не могло иметь серьезных дефектов. Заметим, что в данный период наблюдался заметный спад в изучении правосознания, причинами такой тенденции стали сложные политические условия того времени, проводимые репрессии, излишняя идеологизация общей теории права и государства.

Однако начиная с 60-х гг. XX в. возобновляются социологические исследования правосознания, анализируется опыт, накопленный российской юриспруденцией в прежние годы, наблюдается общее повышение интереса ученых различных наук (педагогика, психология, социология, юриспруденция) к изучению правового сознания и вопросам его деформации.

Впервые в юридической науке идея негативного отношения к правовым нормам и ценностям сознания была сформулирована И.И. Карпецом и А.Р. Ратиновым. Они считали, что одними из конкретных, ближайших и непосредственных причин, порождающих преступление и отличающих его от иных антиобщественных поступков, являются разрушение или пробелы в правовых ценностях юридического сознания индивида, которое выражалось либо в правовом негативизме правового сознания личности (активная противоправная тенденция), либо правовом инфантилизме (несформированность и недостаточность правовых знаний и представлений) [18. С. 34].

Такая идея изучения деформаций правового сознания легла в основу исследований многих отечественных ученых. На эмпирическом уровне изучалось правовое сознание не только законопослушных граждан, но и преступников. В частности, были обнаружены существенные различия правосознания названных категорий лиц на оценочном и регулятивном уровнях его формирования [19. С. 46–47].

С начала 80-х гг. XX в. и по настоящее время ученые уделяют особое внимание проблемам деформации правосознания, рассматривают отклонения личности как детерминанты противоправного поведения, предлагают видовую классификацию деформаций личности, подробно описывают дефекты правосозна-

ния граждан. Рассмотрим ряд точек зрения, имеющих по этому вопросу.

Так, по мнению Д.Э. Марченко, в деформации правового сознания рассматривает несколько последовательных стадий. Первая стадия затрагивает информационно-познавательный уровень правовой установки. На этой стадии создаются возможности для когнитивного диссонанса, т.е. расхождения между старыми стереотипами и новой информацией, воспринятой субъектом в качестве значимой, важной, ценной, требующей рассмотрения. Вторая стадия процесса деформации затрагивает оценочный уровень установки. Так как диссонанс переживается как неприятное, возникает стремление избавиться от рассогласованности и восстановить привычный порядок. Сделать это можно, только: а) добавив новые знания и б) изменив существующие. Поэтому возникает необходимость в оценке факторов, противоположных информации, в урегулировании их противоречий. Третья стадия связана с регулятивным уровнем правовой установки. Индивид сопоставляет рассогласованные элементы и приводит их в систему, находя им место в своих представлениях о должном, ценном, правильном. В тех случаях, когда регулятивный уровень нарушен и процесс деформации не дает возможности адекватно сопоставлять подобные противоречия, субъект может перестроить свои представления о ценностях, отбросив старые представления как не соответствующие действительности. На их месте возникают другие ценности, которые не соответствуют правовым. На этом уровне возникает отношение к ценностям и нормам права, а также специфическая правовая активность, выражающаяся в поведении как с положительным, так и с деформированным уклоном [20. С. 11–12].

С нашей точки зрения, важную трактовку дефектам правового сознания дает А.В. Грошев, который под дефектами правового сознания в широком смысле понимает содержащиеся в массовом правовом сознании любые статически значимые отклонения от идеи научно-теоретического правового сознания, изложенные в государственно-правовой доктрине, законодательстве и правовой науке. В узком смысле под дефектами правового сознания понимаются функциональные нарушения или дисфункции в структуре общественного, группового и индивидуального правового сознания, к которым относятся несформированность, неустойчивость или искаженность основных его структурных элементов. Как раз такие проявления деформации правосознания выступают детерминантами противоправного поведения и влияют на поведение социальных групп и отдельных личностей в юридически значимых ситуациях [21. С. 67].

В отдельно взятой социальной системе правосознание индивидуумов может соответствовать позитивному праву (общественному бытию, ценностным установкам) и в то же время противоречить ему, поэтому В.Р. Петров предлагает рассматривать два вида деформаций правового сознания: абсолютную и относительную. К абсолютной деформации правосознания относится несоответствие структуры данного явления тем правовым координатам, которые выработаны человеческой цивилизацией, а к относительной дефор-

мации правосознания – несоответствие структуры правового сознания реально существующей в данном обществе правовой действительности [22. С. 11].

По мнению П.П. Баранова, существует три формы деформаций правосознания: а) правовой инфантилизм – мягкая форма искажения правосознания вследствие несформированности, недостаточности правовых знаний, установок; б) правовой нигилизм – осознанное игнорирование требований закона, исключающее преступный умысел; в) «перерождение» правосознания – крайняя степень искаженного дефектного правосознания, при котором формой «перерожденного» является совершение преступлений [23. С. 482–483].

Например, Т.Ю. Смолова при изучении правосознания несовершеннолетних выделяет пять видов его деформаций: правовой инфантилизм, правовая индифферентность, правовой идеализм, правовой нигилизм, перерождение правового сознания. Отличительной особенностью такой позиции является рассмотрение правовой индифферентности как самостоятельного вида деформации правосознания. Данный вид деформации проявляется в связи с недостаточной информированностью о своих правах, наличии юридических гарантий их защиты и обеспечения за стороны общества, государства и отдельных организаций [24. С. 78–87]. Считаем, что предложенные Т.Ю. Смоловой виды деформации правосознания несовершеннолетних могут быть применимы и для изучения деформаций правового сознания личности.

Анализ предложенных дефиниций деформации правового сознания дает возможность для вывода о том, что состояние деформации выступает явлением, абсолютно противоположным позитивному праву. Деформация правосознания является общественным, социально-правовым явлением, которому свойственны несформированность, неустойчивость или иска-

женность существующих представлений, знаний, идей, взглядов, настроений и эмоций о системе права, реальной правовой действительности, законности и правопорядке.

По нашему мнению, под видами деформации правового сознания следует понимать способы ее проявления, которые отличаются друг от друга различной степенью искаженности элементов правового сознания в отражении правовой действительности и которые в совокупности раскрывают сущность и содержание этого явления. Различные деформации правосознания по-разному проявляются в правосознании социальных групп. Дискредитация государственной власти вызывает деформации правосознания личности и поэтому дефекты правосознания имеют свои специфические особенности.

Предложенные П.П. Барановым, Т.Ю. Смоловой классификации деформаций правосознания заслуживают должного внимания и, в общем, можно согласиться с их позицией. Но в связи с тем что дискредитированное правосознание (правосознание, формирующееся под воздействием дискредитации государственной власти) выступает самостоятельным видом деформации правосознания, считаем, к основным видам деформации правосознания можно отнести следующие: правовой инфантилизм, правовую индифферентность, правовой идеализм, правовой нигилизм, дискредитированное правосознание, депривированное правовое сознание.

Охарактеризуем каждый вид деформированного правосознания и определим степень воздействия субъективных и объективных факторов, оказывающих влияние на формирование дефектов (отклонений) в правовых установках личности и уровень развития их правосознания (рис. 1).

Рис. 1. Деформации правосознания личности (по степени воздействия субъективных и объективных факторов)

1. *Правовой инфантилизм* (лат. *infantilis* – младенческий, детский; отсталость развития) проявляется в неразвитости правовых знаний, несформированности правовых установок и привычек правового поведения, затрудняет правовые ориентации; степень воздействия (искажения) – очень слабая.

2. *Правовая индифферентность* (лат. *indifferens* – безразличный) выражается в недооценке действенной силы права, реальных возможностей воплотить нормативно установленные требования; степень воздействия (искажения) – слабая.

3. *Правовой идеализм* (гр. *idea* – идея, представление; совершенство) заключается в переоценке возможностей права, наделении свойствами, которые ему не присущи; степень воздействия (искажения) – умеренная.

4. *Правовой нигилизм* (лат. *nihil* – ничто, ничего) выражается в отрицании (пренебрежении) ценностью права, законов либо в равнодушном, безразличном отношении к ним; в сознании имеются представления о возможности, полезности и эффективности внеправового образа жизни, допускается совершение правонарушений (преступлений); степень воздействия (искажения) – сильная.

5. *Дискредитированное правосознание* (фр. *discrediter* – подрывать доверие) заключается в восприятии государственных законов как бессильного инструмента, не способного разрешить социальные противоречия, защищать общественные интересы и права человека; формируется нигилистически детерминированное сознание, возможно проявление неконформистского поведения, допускается совершение преступлений насильственного характера и против безопасности

государства; степень воздействия (искажения) – сильная.

6. *Депривированное правовое сознание* (лат. *Deprivatio* – потеря, лишение чего-либо) представляет осознанное игнорирование и (или) отрицание норм права, законов государства, которое проявляется в умышленном противоправном поведении и совершении правонарушений или преступлений; сопровождается чаще всего психическими аномалиями, отклонениями в поведении (высокая агрессивность, конфликтность, раздражительность); свойственно в основном осужденным; степень воздействия (искажения) – очень сильная.

Правовой нигилизм, дискредитированное правосознание и депривированное правовое сознание являются наиболее опасными видами дефектов (отклонений) правосознания личности, выступают детерминантами противоправного (преступного) поведения граждан. В условиях дискредитации государственной власти в сознании граждан происходит искажение правовой действительности, что способствует проявлению дефектов правосознания.

Таким образом, дискредитированное правосознание – это вид деформации (дефекта) правового сознания, формирующийся в условиях дискредитации государственной власти и заключающийся в восприятии государственных законов как бессильного инструмента, не способного разрешить социальные противоречия, защищать общественные интересы и права человека. Личности с дискредитированным правосознанием свойственно нигилистически детерминированное сознание, возможны проявление неконформистского поведения и совершение преступлений насильственного характера, а также против безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента к Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 22.05.2018).
2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 г. URL: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html> (дата обращения: 22.05.2018).
3. Матузов Н.И. Публичная власть как объект научного анализа // Публичная власть : проблемы реализации и ответственности. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. 527 с.
4. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М. : Мысль, 1986. 332 с.
5. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2016. 640 с.
6. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М., 2014. С. 129.
7. Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М., 2014. С. 138, 595–596.
8. Почему Православие – главный враг Америки? // Православие и мир : ежедневное интернет-издание. URL: <https://www.pravmir.ru/rochemu-pravoslavie-glavnyj-vrag-ameriki-chast-1/> (дата обращения: 24.05.2018).
9. Багдасарян В.Э. Запад : цивилизационная война. М. : Форум ; ИНФРА-М, 2017. 410 с.
10. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации : нормативно-ценностное измерение. М. : Норма ; НИЦ ИНФРА-М, 2013. 384 с.
11. Цагов И.А. Социокультурные установки нигилизма в жизненных стратегиях россиян : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017. 30 с.
12. Федотенкова О.В. Нигилизм в современном российском обществе: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2017. 22 с.
13. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М. : Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1909. 265 с.
14. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи : Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 153–184.
15. Емельянов Б.В. Исповедальный сборник «Вехи»: исторические реалии // Вехи: материалы к библиографии, 1993–2007. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 3–16.
16. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. Т. 2. 516 с.
17. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. : в 10 т. М. : Рус. кн., 1993. Т. 4. 622 с.
18. Карпец И.И., Ратинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С. 47–54.
19. Долгова А.И. Правовое воспитание молодежи. М. : Юрид. лит., 1979. 85 с.
20. Марченко Д.Э. Деаксиологическое правовое сознание и его формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 184 с.
21. Грошев А.В. Уголовный закон и правосознание : теоретические проблемы уголовно-правового регулирования. Екатеринбург : Екатеринбург. высш. шк. МВД России, 1994. 227 с.
22. Петров В.Р. Деформация правосознания граждан в современной России. Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД РФ, 2000. 225 с.

23. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. высш. шк. МВД РФ, 1993. С. 474–494.
24. Смолова Т.Ю. Правосознание несовершеннолетних: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 214 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 апреля 2019 г.

Deformation of a Person's Legal Consciousness Under Bringing Discredit upon the Authorities in the Russian Federation
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 217–225.

DOI: 10.17223/15617793/442/27

Sergey M. Vorobyev, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

Olga V. Leshchenko, Pskov Branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov, Russian Federation). E-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

Keywords: discredit; legal consciousness; deformation of legal consciousness; determinants; discredited legal consciousness.

The authors of the article observe determinants of an emergence and expansion of bringing discredit upon the government in Russia, determine their influence on the deformation of a person, establish the degree of their impact on legal convictions of a person and the level of a person's legal consciousness. The study is based on a systematic and comprehensive approach in order to investigate the problem from the perspective of different sciences: jurisprudence, political science, psychology, pedagogics, sociology, philosophy. Works of outstanding Russian and foreign researchers, official information from the website of the President of the Russian Federation, the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation were used in the study. The methodological basis for the study of bringing discredit upon the government and deformation of legal consciousness is composed of a dialectical method, general patterns of emergence, establishment and development of the state and legal phenomena, principles of comprehensiveness and historicism and general scientific methods of logical cognition (analysis and synthesis, induction and deduction, determination, classification and comparison, analogy and generalisation). When providing rationalization for the relevance of the topic, the authors admit that bringing discredit upon the authority in Russia takes the lead in the state and society, it demands focused attention and a prompt response by the public and authorities. Legal consciousness is relevant for the Russian government and society; it promotes the legal culture of citizens, allows to secure social consciousness and statehood. In order to establish the relationship between bringing discredit and a person's legal consciousness, to determine the influence of discredit on deformations of legal consciousness, determinants of emergence and expansion of bringing discredit upon the authority in Russia were observed. Determinants (political, religious, cultural, socio-economic) were identified which have a significant impact on the legal consciousness of the citizens. A conclusion was made that these determinants adversely affect citizens' consciousness and promote deformations. In order to establish the level of legal reality distortion and the displays of deformations of a person's legal consciousness under bringing discredit upon the authority, the deformations of legal consciousness and their main forms. The authors classified legal consciousness deformations and defined discredited legal consciousness as an independent type of deformation. In addition, the authors described all forms of deformed legal consciousness and evaluated the impact of subjective and objective factors on the formation of deviations in an individual attitude towards law. The authors conclude that there is an influence of bringing discredit upon the government on deformations in legal consciousness; they propose a definition of discredited legal consciousness and reveal its features.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2018) *Presidential Address to the Federal Assembly on March 1, 2018*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>. (Accessed: 22.05.2018). (In Russian).
2. Rg.ru. (2018) Report on the Activities of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation 2017. [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html>. (Accessed: 22.05.2018). (In Russian).
3. Matuzov, N.I. (2011) *Publichnaya vlast' kak ob'ekt nauchnogo analiza* [Public authority as an object of scientific analysis]. In: Matuzov, N.I. & Tsybulevskaya, O.I. (eds) *Publichnaya vlast': problemy realizatsii i otvetstvennosti* [Public authority: problems of implementation and responsibility]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
4. Kerimov, D.A. (1986) *Filosofskie osnovaniya politiko-pravovykh issledovaniy* [Philosophical foundations of political and legal research]. Moscow: Mysl'.
5. Huntington, S.P. (2016) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of civilizations]. Translated from English. Moscow: AST.
6. Gadzhiev, K.S. (2014) *Sravnitel'nyy analiz natsional'noy identichnosti SShA i Rossii* [Comparative analysis of the national identity of the United States and Russia]. Moscow: Logos.
7. Brutents, K.N. (2014) *Velikaya geopoliticheskaya revolyutsiya* [Great geopolitical revolution]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. Pravoslavie i mir. (2004) *Pochemu Pravoslavie – glavnyy vrag Ameriki?* [Why is Orthodoxy the main enemy of America?]. Pt. 1. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/pochemu-pravoslavie-glavnyy-vrag-ameriki-chast-1/>. (Accessed: 24.05.2018).
9. Bagdasaryan, V.E. (2017) *Zapad: tsivilizatsionnaya vojna* [The West: A war of civilizations]. Moscow: Forum; INFRA-M.
10. Lukasheva, E.A. (2013) *Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnoe izmerenie* [Man, law, civilizations: norms and values]. Moscow: Norma; NITs INFRA-M.
11. Tsagov, I.A. (2017) *Sotsiokul'turnye ustanovki nigilizma v zhiznennykh strategiyakh rossiyan* [Sociocultural attitudes of nihilism in the life strategies of Russians]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Maykop.
12. Fedotenkova, O.V. (2017) *Nigilizm v sovremennoy rossiyskom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Nihilism in modern Russian society: a socio-philosophical analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Stavropol.
13. Novgorodtsev, P.I. (1909) *Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya* [Introduction to the philosophy of law. The crisis of modern legal consciousness]. Moscow: Tipolitografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko.
14. Frank S.L. (1991) *Etika nigilizma (K kharakteristike npravstvennogo mirovozzreniya russkoy intelligentsii)* [Ethics of nihilism (On the characteristics of the moral worldview of the Russian intellectuals)]. In: Kazakova, N. (ed.) *Vekhi: Intelligentsiya v Rossii: sb. st. 1909–1910* [Milestones: Intelligentsia in Russia: Articles of 1909–1910]. Moscow: Molodaya gvardiya.
15. Emel'yanov, B.V. (2008) *Ispovedal'nyy sbornik "Vekhi": istoricheskie realii* [Confessional collection "Milestones": historical realities]. In: Emel'yanov, B.V. (ed.) *Vekhi: materialy k bibliografii, 1993–2007* [Milestones: materials for bibliography, 1993–2007]. Yekaterinburg: Ural State University.
16. Petrazhitskiy, L.I. (1910) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [The theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva.

17. Il'in, I.A. (1993) O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. In: Lisitsa, Yu.T. (ed.) *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Rus. kn.
18. Karpets, I.I. & Ratinov, A.R. (1968) Pravosoznanie i prichiny prestupnosti [Legal consciousness and causes of crime]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 47–54.
19. Dolgova, A.I. (1979) *Pravovoe vospitanie molodezhi* [Legal education of youth]. Moscow: Yurid. lit.
20. Marchenko, D.E. (2001) *Deaksiologicheskoe pravovoe soznanie i ego formy* [Deaxiological legal consciousness and its forms]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
21. Groshev, A.V. (1994) *Ugolovnyy zakon i pravosoznanie: teoreticheskie problemy ugovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal law and legal consciousness: theoretical problems of criminal law regulation]. Yekaterinburg: Yekaterinburg Higher School of the RF MIA.
22. Petrov, V.R. (2000) *Deformatsiya pravosoznaniya grazhdan v sovremennoy Rossii* [Deformation of legal consciousness of citizens in modern Russia]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the RF MIA.
23. Baranov, P.P. (1993) Pravosoznanie i pravovoe vospitanie [Legal consciousness and legal education]. In: Babaev, V.K. (ed.) *Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy* [General Theory of Law: a course of lectures]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Higher School of the RF MIA.
24. Smolova, T.Yu. (2006) *Pravosoznanie nesovershennoletnikh: teoretiko-pravovoy aspekt* [Legal consciousness of minors: a theoretical and legal aspect]. Law Cand. Diss. Saratov.

Received: 04 April 2019

А.А. Исаева

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рассмотрена роль религии в обеспечении стабильного развития российского общества. Анализу подвергнуты конституционная модель светского государства и особенности ее практической реализации в России. Делается вывод о том, что религия может быть мощным интегрирующим фактором, если обеспечить, с одной стороны, независимое существование различных религиозных объединений, а, с другой – их мирное взаимодействие в многоконфессиональной России.

Ключевые слова: национальная безопасность; светское государство; свобода совести; свобода вероисповедания; религиозные объединения.

Религиозный фактор имеет первостепенное значение для стабильного развития многоконфессионального российского государства. Религия играет значительную роль в обеспечении стабильного развития российского общества. Поэтому органам публичной власти необходимо выстраивать адекватные отношения с различными религиозными объединениями в государстве. В последнее время отношения между институтами власти и религиозными структурами все больше становятся элементом общественно-политического дискурса в стране. Но невзирая на свою стабильность, религиозная ситуация в Российской Федерации не столь однозначна, а многие вопросы до сих пор не решены.

Динамика религиозного фактора в России в постсоветский период. Роль религиозного фактора в политической жизни страны до 1990-х гг. была незначительной. Это было сопряжено с преобладающей ролью Коммунистической партии Советского Союза и государственной атеистической пропагандой [1]. Значение религии в стране возросло с крушением тоталитарной идеологии. В обществе появились тенденции обновления традиционных ценностей и моральных устоев с опорой на религию. Поэтому ее роль и место в системе общественных отношений претерпели изменения, что повлекло пересмотр нормативно-правовой основы деятельности религиозных объединений со стороны органов публичной власти.

В процессе работы над текстом новой Конституции в начале 1990-х гг. ее разработчики, осознавая значение принципа светского государства, фактически с самого начала включали его в первую главу проекта. О.Г. Румянцев акцентировал внимание на том, что «независимость государства от церкви является составной частью государственного суверенитета. Фактически это запрет на создание теократического государства, запрет на создание теократии» [2. С. 320]. В результате при формировании текста ныне действующего Основного закона страны вопросы государственно-конфессиональных отношений, формы и способов закрепления и реализации религиозной свободы прошли поэтапную и тщательную разработку. Были учтены многочисленные мнения и предложения, что в итоге привело к принятию относительно прогрессивных норм, соответствующих внутринациональным интересам и международным стандартам в

данной области. Предусмотренная в Конституции 1993 г. концепция представляется весьма демократичной и закрепляет модель «сепарационного» секуляризма с равноудаленным от государства положением религиозных объединений. Итоговый текст ст. 14, 28, 29 Конституции РФ был рассчитан на нивелирование возможных в будущем неточностей в правовом регулировании и включал как можно большее число жизненных ситуаций.

Но, как оказалось на практике, последующее формирование отраслевого законодательства поставило под сомнение фактическое претворение в правовой жизни России светской доктрины, а потому вопросы развития взаимоотношений государства и религиозных объединений не теряют своей актуальности и продолжают обсуждаться учеными и правоприменителями [3. С. 16–20; 4]. Конкретные задачи формирования национальной модели секуляризма и форм построения государственно-конфессиональных отношений остро стоят и в наше время.

Современная религиозная ситуация в Российской Федерации. Существующая в наши дни религиозная ситуация во многом определяется спецификой структуры многонационального населения. За годы своего независимого существования Россия обеспечила мир и согласие представителям более 190 народностей [5]. В постсоветские годы в России значительно увеличилось количество религиозных объединений, среди верующих есть последователи практически всех мировых религий: ислама, христианства, буддизма и иудаизма, индуизма, древних политеистических культов и новых религий.

С момента принятия Конституции в 1993 г. и вплоть до 1997 г. в Российской Федерации в отношении форм реализации свободы совести и деятельности религиозных структур действовал Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 (ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий» (далее Закон РСФСР № 267-1). Он так же, как и действующий сейчас акт, закреплял возможность реализации свободы вероисповедания индивидуально и совместно друг с другом, путем создания соответствующих общественных объединений (ст. 4). Кроме того, предусматривалась возможность учреждения религиозных и атеистических общественных объединений граждан, действующих на основании своих уставов (положений), регистрируемых

в установленном законом порядке. В соответствии с абз. 3 ст. 17 Закона РСФСР № 267-1 религиозные объединения могли составлять региональные или централизованные объединения со своими органами управления и иными структурными подразделениями, предусмотренными уставами (положениями) данных объединений. Нормативно предусматривалась возможность создания религиозных объединений, обладающих статусом юридического лица или нет, а также создание региональных или централизованных объединений. В этом плане можно говорить о некотором подобии в характере правового регулирования. Однако Закон РСФСР № 267-1 был даже более либеральным, чем сменивший его Федеральный закон Российской Федерации от 26.10.1997 № 125-ФЗ (в ред. 05.02.2018) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее Федеральный закон РФ № 125-ФЗ).

Например, последний до 2015 г. [6] предусматривал норму, согласно которой для регистрации в качестве юридического лица религиозной организации необходимо было осуществлять на территории России в виде религиозной группы свою деятельность в течение 15 лет. Позже эта норма была признана неконвенционной [7]. В ранее действовавшем же Законе РСФСР № 267-1 таких требований не содержалось, и статус юридического лица религиозное объединение могло получить независимо от продолжительности своей деятельности в России. Сейчас, в отличие от ранее действовавшего Закона РСФСР № 267-1, ст. 20 Федерального закона РФ № 125-ФЗ исключает граждан (как и религиозные группы) из числа лиц, имеющих право на групповой или индивидуальной основе устанавливать и поддерживать прямые контакты с иностранными организациями и гражданами. В настоящее время только религиозные организации вправе самостоятельно поддерживать международные связи.

В то же время недостаточно на конституционном уровне закрепить принцип светского государства, он должен найти свое отражение в отраслевом законодательстве. Это привело к необходимости разработки нового акта, регулирующего порядок и формы реализации свободы совести в России. Цели нормативного регулирования фактически сразу были обозначены разработчиками Федерального закона РФ № 125-ФЗ. Уже 19 сентября 1997 г. на заседании Государственной Думы РФ председатель Комитета по делам общественных и религиозных организаций (и один из авторов законопроекта) В. Зоркальцев выступал со следующим заявлением: «И все же я напомним суть этого закона. Она состоит в том, что закон создает барьер на пути религиозной экспансии в Россию, препятствует развитию тоталитарных сект, ограничивает действие иностранных миссионеров и при всем этом создает условия для деятельности наших традиционных религий и конфессий» [7]. В итоге работы был принят акт, создавший правовую основу для существования многочисленных верований и конфессий в стране. Свобода совести и свобода вероисповедания стала одной из основных свобод, гарантированных не только Конституцией страны, но и отраслевым законодательством. Можно констатировать, что количе-

ство верований и религиозных объединений в стране сильно возросло. Если на 1 января 1990 г. в РСФСР насчитывалось 3 983 религиозных объединения [8], то на 23 декабря 2018 г., по данным Министерства юстиции РФ, всего в России зарегистрировано 30 965 религиозных организаций.

Можно отметить, что предусмотренный Конституцией 1993 г. «сепарационный» тип государственно-церковных отношений в Российской Федерации так и не был реализован. На практике был реализован «кооперационный» тип, предусматривающий ряд ограничений для нетрадиционных вероучений и поддержку некоторых религиозных объединений.

Федеральный закон РФ № 125-ФЗ и его последующие изменения направлены на ограничение различных форм реализации свободы совести, постепенный отход от модели отделения государства от религиозных объединений к их партнерским взаимоотношениям. Ряд внесенных поправок носит локальный технический характер и не затрагивает основных характеристик модели государственно-церковных отношений в России. Но некоторые поправки носят более концептуальный характер. Например, Федеральным законом от 02.07.2013 [9] был ограничен круг не просто возможных учредителей, но даже участников (членов) религиозных организаций. Представляется, что это является вмешательством в гарантированное ст. 28 Конституции 1993 г. право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания. С 2015 г. [10] была введена «двухуровневая система» (англ. *two-tier system*) религиозных объединений. При ней отдельные религиозные общины, в отличие от всех прочих, в силу исторических предпосылок более тесно сотрудничают с институтами публичной власти и получают от них дополнительную поддержку (Австрия, Венгрия). Религиозная организация может беспрепятственно зарегистрироваться и получить статус юридического лица и наделяется в связи с этим определенным объемом прав и обязанностей («нижний уровень»). Но «верхний» или «второй» уровень достигим только при соблюдении религиозной организацией ряда условий, например, период деятельности в стране или количество последователей. Для России, согласно ст. 27 Федерального закона РФ № 125-ФЗ, им стал десятилетний срок существования в стране со дня их государственной регистрации.

Федеральным законом в 2017 г. [11] в России были введены нормы о миссионерской деятельности. Представляется, что в России регулирование миссионерской деятельности необходимо [12. С. 762–768], если оно преследует законные цели, что, впрочем, не было четко показано ни при разработке законопроекта, ни в ходе реализации его норм. Действующие сейчас нормы о миссионерской деятельности необходимо доработать, так как в них очевидны коллизии и недоработки, которые осложняют деятельность правоприменителей и религиозных объединений. Уточнению подлежит само определение миссионерской деятельности с тем, чтобы разграничить ее с распространением гражданами своих личных религиозных убеждений [13. С. 27–45].

Таким образом, в Федеральном законе РФ № 125-ФЗ учитываются два основных момента: консолидация положений о защите граждан от деятельности псевдорелигиозных движений и культов, а также нетрадиционных для России религиозных объединений деструктивной направленности; регулирование деятельности религиозных объединений. При этом с 1997 г. до 31 декабря 1999 г. религиозные организации, созданные до вступления в силу указанного закона, должны были пройти процедуру государственной перерегистрации. Невзирая на то, что такая обязанность вызвала некоторые затруднения, особенно у тех организаций, которые не имели подтверждения своего существования на территории России в течение 15 лет [14], она показала не только количественную картину пространственного расположения религиозных организаций, но и отношение религиозных объединений к государственной религиозной политике.

Президент РФ неоднократно подчеркивал, что «Россия – многонациональная, многоконфессиональная страна, мы чувствуем дружбу со всех сторон» [15]. Такое утверждение небезосновательно. Наиболее распространенной религией в России является православное христианство, которое, согласно ряду социологических исследований, исповедует более 60% населения. Второй по величине конфессией является ислам, которому следует около 10% проживающих в России лиц. На долю мусульман и православных христиан приходится более 70% общего числа верующих в России. Если к ним прибавить все прочие христианские течения, процент увеличится. Представителей других религий менее 1% от общей численности населения [16. С. 135–146].

По оси «христианство – ислам» в нашей стране может проводиться работа по укреплению толерантности населения России на основе самых важных заповедей ислама и христианства, которые проповедуют любовь, сострадание, доверие, открытость, уважение к ближнему. На это указывают и положения Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17]. В нем глава государства апеллирует к традиционным российским духовно-нравственным ценностям и традиционным религиям. И хотя термин «традиционные религии» законодательно не определен, однако преамбула к Федеральному закону РФ № 125-ФЗ указывает, что в нашей стране признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, уважаются. Таким образом, выстраивается некая иерархия религий в стране, однако все прямо указанные могут быть отнесены к вызывающим доверие у власти, а на практике их прямо называют «традиционными» [18].

Наиболее распространенными конфессиями являются католицизм, протестантизм, лютеранство, иудаизм. В последние годы количество религиозных объединений, нетрадиционных для России, значительно увеличилось. К ним относятся многие из нетрадиционных конфессий и новых образований, ко-

торые существуют сегодня в мировом сообществе (Церковь объединения, Саентологическая церковь, АУМ Синрикё, Мормоны, Церковь Христа и т.д.).

В целом религиозная ситуация в стране характеризуется как стабильная. В то же время было бы неправильно предполагать, что она абсолютно идеальная. Религиозная безопасность страны находится под воздействием ряда угроз. Среди них можно выделить: религиозный экстремизм и преступления, совершенные по мотивам религиозной ненависти; миссионерская деятельность (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным конституционным правам и свободам; процессы миграции, в том числе в отношении выходцев из Узбекистана и Киргизии, где экстремистские группировки скрываются за фундаментальными лозунгами; религиозная пропаганда через средства массовой информации, в том числе Интернет; несоответствие конституционно закрепленных принципов государственно-церковной политики и практики ее реализации и др.

В частности, существенный международный резонанс вызвал приговор за «организацию деятельности запрещенной экстремистской организации» – местной общины свидетелей Иеговы, гражданина Дании Денниса Кристенсена к 6 годам лишения свободы. Он был задержан в мае 2017 г. после полицейского рейда на его конгрегацию в городе Орел и с тех пор находился под арестом до февраля 2019 г., когда ему был вынесен приговор. Фактически он был привлечен к ответственности за свою религиозную деятельность. Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет заявила, что приговор Д. Кристенсену «фактически криминализует право исповедовать религию или придерживаться какой-либо веры» и противоречит обязательствам России в области прав человека [19]. Немедленного и безоговорочного освобождения Д. Кристенсена требовали Комиссия США по международной религиозной свободе [20], Совет Европы [21] и Европейскому Союзу [22]. 11 декабря 2018 г. Президент РФ В. Путин на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека отметил: «...мы можем, и даже должны в какой-то момент, быть гораздо более либеральными к представителям различных религиозных сект...», а тот факт, что большинство населения считает себя православными, совсем «не значит, что мы представителей религиозных сообществ должны зачислять в какие-то там деструктивные, даже не то что в террористические организации. Конечно, это чушь полная...» [23].

Основы государственной политики по обеспечению межнационального и межконфессионального диалога. Закрепив в Основном законе страны свободу слова и религии, государство последовательно регулирует отношения с религиозными объединениями. Одновременно преследуется цель предотвращения конфликтов в полиэтническом и многоконфессиональном обществе. Органы публичной власти на всех уровнях власти стремятся наполнить социальную жизнь бесценными человеческими ценностями, подлинной верой, формированием духовных идеалов молодежи. Минувшие годы для России стали этапом

переоценки целого комплекса идеологических ориентаций и ценностей. Начинается осознание того, что строительство гражданского общества, забота о сохранении межконфессионального согласия, утверждение демократических идей и ценностей неразрывно связаны с развитием национальной культуры и духовности русского общества. Недооценка культуры и религиозного фактора приводит не только к значительному истощению цивилизации в целом, но также и к гражданским конфликтам.

С целью обеспечения единства российского народа в нашем государстве реализуется целый спектр программ по укреплению межконфессиональных связей. Согласно Указу Президента РФ от 30.01.2019 № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества», неправительственные некоммерческие организации могут получить гранты, в частности, предоставляемые организациям, осуществляющим деятельность по укреплению межнационального и межрелигиозного согласия. Гранты предоставляются по результатам конкурсов, которые проводятся не реже двух раз в год фондом-оператором с участием Координационного комитета.

Значимым элементом поддержки межнационального согласия в стране является деятельность общероссийских общественных организаций, которые всемерно поддерживаются действующей властью. К таковым можно отнести, например, Межрелигиозный Совет России (образован 23 декабря 1998 г. на совместном заседании глав православной, мусульманской, иудейской и буддистской религиозных общин страны), Российскую ассоциацию защиты религиозной свободы (зарегистрирована 28 ноября 2014 г. и объединяет не только представителей более 11 вероисповеданий, но также ученых-религиоведов и правозащитников), Ассамблею народов России (создана в 1998 г. и объединяет общественных, религиозных и политических деятелей), являющиеся центрами консолидации граждан всех национальностей и религий. Главной задачей этих организаций не должно быть реагирование на состоявшиеся события. Их цель – создание системы превентивных мер и рекомендаций по нормализации межэтнических и межрелигиозных отношений. Религия (особенно мировые и традиционные религии) является значительным фактором развития духовно-нравственных начал человека. Истинная цель религии – сохранить и приумножить в человеке все человеческое, помочь ему сохранить свое «лицо». Задача современного мира – активно использовать универсальные ценности гуманизма и терпимости, межконфессиональной гармонии и диалога, которые на протяжении веков разрабатывали принципы и парадигмы мировых и традиционных религий для поддержания мира в человеческой цивилизации.

Некоторые итоги. С целью усиления роли религии как интегрирующего, духовного и морально формирующего фактора национальной безопасности, она должна улучшать образовательный статус населения. И речь не только о повышении его религиозной грамотности, но и о политической и правовой культуре,

формировании политического сознания и самосознания населения. Эта потребность связана прежде всего с тем, что одной из серьезных угроз современной цивилизации является религиозный экстремизм. Последний возник не только как прямой результат отсутствия религиозных знаний, но и как слияние религии и политики. Такое единение довольно опасное явление, так как религиозные и политические лидеры апеллируют к религиозным чувствам верующих для достижения своих целей и амбиций.

В настоящий момент прослеживается весьма значительная взаимосвязь религии и политики. С одной стороны, это усиление влияния политики на религиозные процессы, с другой – использование религии для решения политических вопросов. Например, отдельные авторы связывают пересмотр ст. 148 Уголовного кодекса РФ с реакцией политических деятелей на деятельность панк-группы Pussy Riot, некоторые члены которой были осуждены за хулиганство в 2012 г. [24. С. 28]. Проанализировав существующие социально-политические реалии, важно обратить внимание на то, что в нашей стране имеет место публичное обсуждение религиозных вопросов, в том числе в рамках деятельности органов власти. Религия на сегодняшний день не вытеснена в частную жизнь человека. Президент РФ В.В. Путин публично участвует в мероприятиях, касающихся внутренней жизни церкви. Так, 31 января 2019 г. он посетил Государственный Кремлевский дворец, где состоялись мероприятия, посвященные десятилетию Поместного собора Русской православной церкви и патриаршей интронизации. В своем выступлении он подчеркнул, что «государство продолжит активно развивать созидательное партнерство с Церковью во всех значимых областях, в первую очередь в воспитании молодого поколения, в сбережении культурного достояния, в решении насущных общественных проблем» [25]. Однако такие явления выглядят неуместными и противоречат конституционно провозглашенному принципу светского государства. Представляется верной точка зрения Н.В. Витрука, который отмечал, что «вряд ли можно говорить как о положительном факте о высоком, все нарастающем уровне интеграции Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) в жизнь государства, так как это противоречит конституционным нормам, не учитывает многоконфессиональность общества, интересы атеистов» [26. С. 413–414].

Фактором положительной религиозной идентичности, с одной стороны, является независимое и стабильное существование различных религиозных объединений в стране, с другой – их мирное взаимодействие. Создание такой идентичности предполагает, с одной стороны, воспитание уважения к представителям различных вероучений, культивирование национальных обычаев и традиций, с другой – создание условий для развития на территории России многочисленных религиозных структур, распространение идей религиозной толерантности.

Таким образом, думается, что религия может быть сильным интегрирующим фактором, если не искать различий в вероучениях, но развивать общие ценно-

сти. Только в этом случае религиозная гармония и диалог могут сыграть положительную роль в обеспечении стабильного развития общества, стать основой национальной безопасности государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / А.И. Филимонова. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 464 с.
2. Из истории создания Конституции Российской. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993). М., 2007. Т. 3/2: июль–декабрь 1992 года.
3. Бурьянов С.А. Свобода совести. Отношения Российского государства с религиозными объединениями // Закон и право. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003 № 919.
4. Карпушкин А.В. Конституционные основы и генезис взаимоотношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
5. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.03.2019).
6. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” и признании утратившими силу положений отдельных законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4387.
7. The European Court of Human Rights. Judgment of 1 October 2009. Kimlya and Others v. Russia, Applications nos. 76836/01, 32782/03. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94565> (дата обращения: 10.03.2019).
8. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 2-е изд., доп. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 528 с.
9. Федеральный закон от 02.07.2013 № 180-ФЗ «О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. 2013. 5 июля. № 145.
10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Российская газета. 2015. 16 июля. № 154.
11. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Российская газета. 2016. 8 июля. № 149.
12. Петюкова О.Н. Проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в науке административного права на современном этапе // Административное и муниципальное право. 2015. № 8.
13. Исаева А.А. Правовое регулирование миссионерской деятельности: российские реалии и опыт стран Содружества Независимых Государств // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3 (118).
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.11.1999 № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года “О свободе совести и о религиозных объединениях” в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения “Христианская церковь Прославления”» // Собрание законодательства РФ. 20.12.1999. № 51. С. 6363.
15. Встреча с главным раввином России Берлом Лазаром и главой Федерации еврейских общин Александром Бородой. 9 сентября 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58500> (дата обращения: 10.03.2019).
16. Анурин В.Ф. Религия как фактор социальной интеграции // Социологические исследования. 2013. № 1.
17. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
18. Традиционные конфессии надо защитить от псевдорелигиозных объединений законодательно, а мошенников от религии наказывать более строго, считают российские сенаторы. URL: <http://council.gov.ru/events/news/19149/> (дата обращения: 10.03.2019).
19. Комментарий Верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет о криминализации права «Свидетелей Иеговы» на свободу религии в России от 7 февраля 2019 г. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24145&LangID=R> (дата обращения: 10.03.2019).
20. USCIRF. Condemns Russian Conviction of Danish Prisoner of Conscience Dennis Christensen. URL: <https://www.uscifr.gov/news-room/press-releases-statements/uscifr-condemns-russian-conviction-danish-prisoner-conscience> (дата обращения: 10.03.2019).
21. Russia monitors express concern at sentencing of Jehovah’s Witness for ‘extremism’. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=7366&lang=2&cat=3> (дата обращения: 10.03.2019).
22. Statement by the Spokesperson on the sentencing of Dennis Christensen in Russia. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/57728/statement-spokesperson-sentencing-dennis-christensen-russia_en (дата обращения: 10.03.2019).
23. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. URL: kremlin.ru/events/president/news/59374 (дата обращения: 10.03.2019).
24. Меньшиков А.С. Свобода совести и защита чувств верующих: права человека в контексте постсекулярной модерности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12, № 4 (170).
25. Торжественное собрание по случаю 10-летия Поместного собора РПЦ и патриаршей интронизации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59757> (дата обращения: 10.03.2019).
26. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 марта 2019 года

Religious Factor and National Security in the Multi-Religious Life of Russian Society: A Constitutional Legal Study

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 226–232.

DOI: 10.17223/15617793/442/28

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: national security; secular state; freedom of conscience; freedom of religion; religious associations.

The aim of this article is to identify the main directions of the state religious policy in the Russian society in which a variety of religions are represented. The article considers the content of the constitutional model of a secular state and the features of its practical implementation in Russia at the present stage of development. The connection between the model of state-religious relations implemented in Russia and the ensuring of religious security in the country has been determined. The study is based on works by V.F. Anurin, S.A. Buryanov, N.V. Vitruk, A.V. Karpushkin, O.N. Petyukov, M.O. Shakhov and other prominent researchers. Federal laws

and acts of regional public authorities, archival material on the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation are also used. The methodological basis for the study is the dialectical, comparative legal and formal legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the laws on religious associations in Russia in their formation and development. The use of comparative legal and formal legal methods helped to identify trends in the development of laws on freedom of conscience and religious associations, as well as features of the implementation of the principle of a secular state in Russia. The use of the functional method allowed investigating the place and role of the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the Federal Assembly of the Russian Federation, other public authorities, public associations and individual citizens in the process of ensuring religious security. As a result, the author came to the conclusion that religion is undoubtedly a unifying factor. But in the conditions of multi-religious countries, it seems that religion, by contrast, can become a factor of separatism. Therefore, the state policy in such countries, including Russia, should be based on the principles of religious tolerance and should promote the establishment of strong interfaith relations. This can play a positive role in ensuring the stable development of society and become the basis of the national security of the state. It has been established that the Federal Law of the Russian Federation No. 125-FZ of 10 October 1997 "On Freedom of Conscience and Religious Associations" (as amended on 05 February 2018) introduces more restrictions on various forms of implementation of freedom of conscience while retaining some continuity in legal regulation. Therefore, the state confessional policy requires reforms and should be aimed at interfaith dialogue.

REFERENCES

1. Filimonova, A.I. (2011) *Gosudarstvo i tserkov' v XX veke: evolyutsiya vzaimootnosheniy, politicheskiy i sotsiokul'turnyy aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [The state and the church in the 20th century: the evolution of relations, political and socio-cultural aspects. The experience of Russia and Europe]. Moscow: LIBROKOM.
2. Rumyantsev, O.G. (ed.) (2007) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993)* [From the history of the creation of the Russian Constitution. The constitutional commission: transcripts, materials, documents (1990–1993)]. Vol. 3/2. Moscow: Wolters Kluwer.
3. Bur'yanov, S.A. (2003) Svoboda sovesti. Otnosheniya Rossiyskogo gosudarstva s religioznymi ob"edineniyami [Freedom of conscience. Relations of the Russian state with religious associations]. *Zakon i pravo*. 919.
4. Karpushkin, A.V. (2009) *Konstitutsionnye osnovy i genezis vzaimootnosheniy gosudarstva i religioznykh ob"edineniy v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional foundations and the genesis of the relations of the state and religious associations in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss Saratov.
5. Gks.ru. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [All-Russian census of 2010]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (Accessed: 10.03.2019).
6. Russian Federation. (2015) Federal'nyy zakon ot 13 iyulya 2015 goda № 261-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" i priznanii utrativshimi silu polozheniy otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 261-FZ of 13 July 2015 "On Amending the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" and invalidating the provisions of certain legislative acts of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 29 (I). Art. 4387.
7. ECHR. (2009) *Judgment of 1 October 2009. Kimlya and Others v. Russia, Applications 76836/01, 32782/03*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94565>. (Accessed: 10.03.2019).
8. Shakhov, M.O. (2013) *Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v Rossiyskoy Federatsii* [Legal basis for the activities of religious associations in the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja.
9. Rossiyskaya gazeta. (2013) Federal Law No. 180-FZ of 02 July 2013: On Amendments to Article 9 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations". *Rossiyskaya gazeta*. 5 July. 145. (In Russian).
10. Rossiyskaya gazeta. (2015) Federal Law No. 261-FZ of 13 July 2015: On Amendments to the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations". *Rossiyskaya gazeta*. 16 July. 154. (In Russian).
11. Rossiyskaya gazeta. (2016) Federal Law No. 374-FZ of 06 July 2016: On Amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public security. *Rossiyskaya gazeta*. 8 July. 149. (In Russian).
12. Petyukova, O.N. (2015) Recent problems of state-confessional relations regulation in the science of administrative law. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 8. (In Russian).
13. Isaeva, A.A. (2017) Legal regulation of missionary work: Russian realities and the experience of the Commonwealth of Independent States. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 3 (118). (In Russian). DOI: 10.21128/1812-7126-2017-3-27-45
14. Russian Federation. (1999) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 23.11.1999 № 16-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsev tret'ego i chetvertogo punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona ot 26 sentyabrya 1997 goda "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" v svyazi s zhalobami Religioznogo obshchestva Svideteley Iegovy v gorode Yaroslavle i religioznogo ob"edineniya "Khristianskaya tserkov' Proslavleniya"" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of November 23, 1999, "On the case of verifying the constitutionality of Paragraphs three and four of Item 3 of Article 27 of the Federal Law of September 26, 1997, "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with the complaints of the Religious Society Jehovah in Yaroslavl and the religious association "Christian Church of Glorification"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 20 December. 51. pp. 6363.
15. Kremlin.ru. (2018) *Meeting with Chief Rabbi of Russia Berel Lazar and President of Federation of Jewish Communities Alexander Boroda*. 9 September 2018. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/58500>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
16. Anurin, V.F. (2013) *Religiya kak faktor sotsial'noy integratsii* [Religion as a factor of social integration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1.
17. Russian Federation. (2016) Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Presidential Decree No. 683 of 31 December 2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 04 June. 1 (II). Art. 212.
18. Federation Council of the RF Federal Assembly. (2010) *Traditsionnye konfessii nado zashchitit' ot psevdoreligioznykh ob"edineniy zakonodatel'no, a moshennikov ot religii nakazyvat' bolee strogo, schitayut rossiyskie senatory* [Traditional confessions should be protected from pseudo-religious associations by law, and fraudsters should be more strictly punished from religion: Russian senators' opinions]. [Online] Available from: <http://council.gov.ru/events/news/19149/>. (Accessed: 10.03.2019).
19. OHCHR. (2019) *Comment by UN High Commissioner for Human Rights Michelle Bachelet on criminalising the right to freedom of religion for Jehovah's Witnesses in Russia*. [Online] Available from: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24145&LangID=R>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
20. USCIRF. (2019) *USCIRF Condemns Russian Conviction of Danish Prisoner of Conscience Dennis Christensen*. [Online] Available from: <https://www.uscifr.gov/news-room/press-releases-statements/uscifr-condemns-russian-conviction-danish-prisoner-conscience>. (Accessed: 10.03.2019).

21. Parliamentary Assembly, Council of Europe. (2019) *Russia monitors express concern at sentencing of Jehovah's Witness for 'extremism'*. [Online] Available from: <http://assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=7366&lang=2&cat=3>. (Accessed: 10.03.2019).
22. EU External Action. (2019) *Statement by the Spokesperson on the sentencing of Dennis Christensen in Russia*. [Online] Available from: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/57728/statement-spokesperson-sentencing-dennis-christensen-russia_en. (Accessed: 10.03.2019).
23. Kremlin.ru. (2018) Meeting of the Council for Civil Society and Human Rights. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/59374>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
24. Men'shikov, A.S. (2017) Freedom of Conscience and Protection of Religious Feelings: Human Rights in the Context of Post-secular Modernity. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. 12:4 (170). (In Russian).
25. Kremlin.ru. (2019) *Gathering in honour of the 10th anniversary of the Russian Orthodox Church Local Council and the Patriarch's enthronement*. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/59757>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
26. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [The general theory of the legal status of a person]. Moscow: Norma.

Received: 27 March 2019

Д.В. Ким, М.О. Янгаева

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЭТАПАХ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Формулируется авторская концепция криминалистической этапности досудебного производства по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию. Делается вывод о том, что выделение этапов предварительного расследования, имеющих методическое значение, должно осуществляться с учетом уголовно-процессуальных требований, касающихся стадий уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: этапность криминалистической деятельности; частная криминалистическая методика; досудебное производство; расследование преступлений; нарушение правил дорожного движения; лицо, подвергнутое административному наказанию.

Содержанием деятельности субъекта, осуществляющего расследование по уголовному делу, с позиции криминалистики является получение системы доказательств, позволяющих установить преступника и раскрыть механизм преступления. Основными функциями этой деятельности на различных ее этапах, являются поиск, обнаружение и познание информации о преступлении с учетом складывающихся по делу криминалистических (следственных) ситуаций.

И.Н. Якимов справедливо заметил, что «следствие не должно быть совокупностью случайно и бессистемно предпринятых процессуальных действий, а должно являть собой единое, логически стройное целое, в котором каждый последующий этап развития должен вытекать из предыдущего как логическое следствие его причин». В связи с чем он предложил условно разделить весь процесс расследования на три периода: 1) установление вещественного состава преступления; 2) сбор и оценка улик; 3) обследование предполагаемого виновника преступления [1. С. 15].

Позднее было предложено разделить стадию предварительного расследования на два этапа: начальный и последующий [2. С. 304]. Следует отметить, что временная периодизация этапов, как и их информационное содержание, не всегда однозначно определялись криминалистами. Однако в большинстве случаев окончание начального этапа ученые обычно связывали с моментом предъявления обвинения, последующего – с завершением расследования преступления [3. С. 89; 4. С. 448–449].

Отличную от них позицию занимает Н.П. Яблоков, который предлагает разделить расследование на три этапа: первоначальный, последующий и завершающий [5. С. 549–553]. С ним солидарны В.Н. Карагодин и Л.Я. Драпкин, которые аналогично выделили три этапа расследования [6. С. 12].

Некоторые авторы [7. С. 241] выделяют проверочный этап. На данном этапе субъект, проводящий расследование, рассматривает поступившее сообщение о преступлении и принимает по нему законное и обоснованное решение.

В свою очередь, Н.Г. Шурухнов [8. С. 98], В.С. Зеленский [9. С. 30] и Н.В. Выдрина [10. С. 45] провели замену понятия «проверочный» на понятие «доследственный», понимая под таким этапом пред-

варительную проверку поступившего сообщения о преступлении.

М.В. Кардашевская считает, что выделение проверочного этапа в деятельности следователя (дознателя) ошибочным. Свою точку зрения она обосновывает тем, что «основная работа до возбуждения уголовного дела, как правило, возлагается на оперативных сотрудников, а те следственные действия, которые проводит следователь (прежде всего, осмотр места происшествия), зависят от следственной ситуации, которые рассматриваются в рамках первоначального этапа расследования, и поэтому тоже описываются в рамках данного этапа расследования» [11. С. 26]. Также она не исключает возможность рассмотрения проверочного этапа в частно-методических рекомендациях.

А.С. Князьков и Д.С. Ондар в своей работе проанализировали исследования, посвященные формированию целостной методики расследования преступлений определенного вида (группы), и пришли к выводу, что во многих трудах авторы не поясняют, по каким критериям разделили криминалистическую деятельность субъекта, производящего расследования, на этапы. Кроме того, отсутствуют временные определения границ и информационное содержание этапов [12. С. 36].

«Выделение этапов расследования, имеющих методологическое значение должно осуществляться, по мнению В.К. Гавло, В.Е. Ключко и Д.В. Кима, с учетом уголовно-процессуальных требований расследования преступлений, включающих стадии уголовного судопроизводства» [13. С. 141].

Сегодня актуальным стало рассматривать не только периодизацию предварительного расследования преступления, но и всего досудебного производства в целом. Данная позиция обусловлена тем, что деятельность субъектов доказывания на стадии возбуждения уголовного дела с позиции криминалистики нельзя охарактеризовать как «этап расследования», так как она осуществляется вне рамок стадии предварительного расследования.

С учетом этого, полагаем, более правильно использовать термин «досудебное производство», который является объединяющим звеном криминалистических этапов на стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования.

Актуальность данного вопроса также обусловливается спецификой проведения предварительного расследования в форме сокращенного дознания, которое нуждается в криминалистическом обеспечении. Его этапность можно рассмотреть на примере уголовных дел о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, и представить следующим образом:

1. Первоначальный этап.
2. Последующий этап, включающий в себя:
 - 2.1) начальный подэтап;
 - 2.2) дальнейший подэтап.

Первоначальный этап досудебного производства нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, начинается с момента получения первоначальных материалов о преступлении и заканчивается вынесением постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

На данном этапе деятельность субъектов, проводящих расследование, будет заключаться в поиске, сборе и обработке криминалистически значимой информации о предполагаемом преступлении.

На первоначальном этапе досудебного производства нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, совокупность действий дознавателя содержат в себе мероприятия проверочного характера: получение объяснений, истребование документов и предметов, наведение справок, целью которых является установление оснований для возбуждения уголовного дела. На данном этапе возможно проведение неотложных следственных действий, разрешенных уголовно-процессуальным законодательством, их результаты, после возбуждения уголовного дела, могут быть использованы в процессе доказывания. Заканчивается первоначальный этап аккумулярованием собранной информации и принятием решения о наличии или отсутствии признаков преступления и вынесением соответствующего постановления.

Последующий этап досудебного производства по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, является не менее важным, чем первоначальный этап. Особое значение на данном этапе приобретают верный выбор и грамотное проведение следственных действий субъектом, проводящим расследование [14. С. 3]. Успех дальнейшего расследования и всего производства по уголовному делу будет зависеть от организационной работы дознавателя, от правильного выбора необходимых следственных и иных процессуальных действий, их квалифицированного и своевременного выполнения [2. С. 294].

Целесообразность делить последующий этап на начальный и дальнейший подэтапы продиктована их специфическими, индивидуальными друг от друга целями и задачами.

Начальный подэтап досудебного производства нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, начинается с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается допросом подозреваемого. На этом подэтапе

производятся сбор, оценка, систематизация и анализ первоначальной информации, в том числе с использованием различных криминалистических учетов, о лице, совершившем преступление [15. С. 49].

Изучение научной литературы и проведенный анализ судебно-следственной практики по данной категории дел позволили выявить следственные действия, которые используются дознавателем на рассматриваемом подэтапе:

- 1) осмотр транспортного средства;
- 2) допрос свидетелей;
- 3) допрос подозреваемого;
- 4) назначение и производство идентификационных экспертиз;
- 5) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Этот подэтап содержит не только следственные, но и иные процессуальные действия, благодаря которым можно успешно решить задачи, стоящие перед субъектом, проводящим расследование, а именно: выдача письменных поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий; осуществление взаимодействия с органом дознания (ГИБДД, подразделением участковых уполномоченных полиции), прокуратурой, судом и иными органами и организациями в процессе расследования.

Все действия, осуществляемые дознавателем на этом подэтапе, носят преимущественно поисковый характер, направлены на поиск источников информации для изобличения лица, совершившего преступление, а в некоторых случаях – на его розыск.

Начальный подэтап создает благоприятные условия для дальнейшего расследования уголовного дела, но уже с учетом установления подозреваемого, предъявления ему уведомления о подозрении и допроса в качестве подозреваемого.

После допроса подозреваемого активная деятельность дознавателя направлена на проверку его показаний. Особенность дальнейшего подэтапа состоит в том, что к его началу дознаватель располагает комплексом уже собранных и проверенных доказательств. Последующее направление предварительного расследования в большей степени будет зависеть от того, какой позиции будет придерживаться подозреваемый после допроса.

Изучение следственной практики расследования нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, показывает, что для дальнейшего подэтапа досудебного производства характерны следующие следственные действия: очные ставки, проверка показаний на месте, допросы свидетелей, дополнительные допросы подозреваемого, осмотры.

Дальнейший подэтап досудебного производства нарушений правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, заканчивается принятием дознавателем решения об окончании предварительного расследования и дальнейшим направлением его в суд [16. С. 39].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод, что криминалистическая этапность досудебного производства нарушений правил дорожно-

го движения лицом, подвергнутым административному наказанию, направлена на упорядочивание деятельности субъекта доказывания, позволяя ему оперативно разобраться в массиве следственных действий,

определяя грамотную последовательность их проведения в определенной криминалистической (следственной) ситуации, складывающейся при производстве уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якимов И.Н. Криминалистика: Руководство по уголовной технике и тактике. Новое издание, перепечатанное с 1925 г. М. : ЛексЭст, 2003. 496 с.
2. Белкин Р.С., Зуйков Г.Г. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. М. : Юрид. лит., 1968. 695 с.
3. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. 216 с.
4. Филиппов А. Г. Криминалистика. Полный курс : учеб. для бакалавров / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 855 с.
5. Яблоков Н.П. Общие положения криминалистической методики расследования преступлений // Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2005. 781 с.
6. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Методика расследования отдельных видов преступлений : учеб. пособие / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. Екатеринбург : Из-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 1998. Вып. 1. 47 с.
7. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 333 с.
8. Шурухов Н.Г. Классификация следственных ситуаций / Криминалистика (актуальные проблемы). М., 1988. С. 98.
9. Зеленский В.С. Доследственные ситуации в советском уголовном процессе // Следственная ситуация. М., 1985. С. 30–33.
10. Выдрина Н.В. Исходные доследственные ситуации по фактам самоубийств // Криминалистические методы расследования преступлений. Тюмень, 1995. Вып. 2. С. 45–49.
11. Кардашевская М.В. К вопросу о периодизации расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 24–26.
12. Князьков А.С., Ондар Д.С. Проблемы этапности криминалистической деятельности в контексте ситуационного подхода // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 34–53.
13. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 226 с.
14. Поддубная О.А. Расследование преступлений на первоначальном этапе (Уголовно-процессуальные и организационные вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 188 с.
15. Лазарева Л.В. Особенности первоначального этапа расследования незаконного оборота синтетических наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 202 с.
16. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М. : Изд-во МГУ, 1989. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 марта 2019 г.

Revisiting Criminalistic Stages of the Pre-Trial Procedure in Criminal Cases on Violations of Traffic Rules by Persons Subjected to Administrative Punishment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 233–236.

DOI: 10.17223/15617793/442/29

Dmitriy V. Kim, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kimklo@mail.ru

Marina O. Yangaeva, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: marina-ymo@mail.ru

Keywords: criminalistic stages; specific forensic technique; pre-trial procedure; investigation of crimes; traffic offense; person subjected to administrative punishment.

The aim of the article is the development of the authors' conception of criminalistic stages of pre-trial procedure in violations of traffic rules by persons subjected to administrative punishment. The authors use a systematic and structural, formal and legal, comparative and legal, sociological methods. Researchers in criminalistics propose to divide the stage of preliminary investigation into stages. Identification of preliminary investigation stages, which have methodological significance, should be carried out according to the criminal procedural requirements, including the stages of criminal proceedings. At the present stage of the development of criminalistics, it has become relevant to consider not only the periodization of the investigation of a crime, but also the entire pre-trial procedure. The authors determine the structure of the criminalistic stages of the pre-trial procedure in violations of traffic rules by persons subjected to administrative punishment: it has two stages and two sub-stages. The initial stage of the pre-trial procedure includes the consideration of a crime report and an appropriate decision on it by the inquiry officer after carrying out urgent investigative and other legal procedural actions. The second stage of the pre-trial procedure consists of two sub-stages. The initial sub-stage begins after the initiation of a criminal case and finishes with the interrogation of the suspect. This sub-stage is characterized by dynamism in conducting investigative and other legal procedural actions. The second sub-stage begins after the interrogation of the suspect. Depending on the suspect's position, more systematic course of work on the criminal case is done. The sub-stage finishes with the decision on a conclusion of investigation. The authors conclude that the criminalistic stages of the pre-trial procedure in violations of traffic rules by persons subjected to administrative punishment aim to arrange the activity of subjects of investigation. Criminalistic stages allow them to quickly understand the array of investigative actions, determine the correct sequence of their conduct in a certain criminalistic (investigative) situation in criminal proceedings.

REFERENCES

1. Yakimov, I.N. (2003) *Kriminalistika: Rukovodstvo po ugovolnoy tekhnike i taktike* [Criminalistics: A guide to criminal technology and tactics]. Reprint of 1925. Moscow: LeksEst.
2. Belkin, R.S. & Zuykov, G.G. (1968) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: Yurid. lit.

3. Luzgin, I.M. (1973) *Metodologicheskie problemy rassledovaniya* [Methodological problems of the investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Filippov, A.G. (2014) *Kriminalistika. Polnyy kurs* [Criminalistics. A full course]. 5th ed. Moscow: Yurayt.
5. Yablokov, N.P. (2005) Obshchie polozheniya kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [General provisions of forensic crime investigation methods]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika* [Criminalistics]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
6. Drapkin, L.Ya. & Karagodin, V.N. (1998) *Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [Methods of investigation of certain types of crimes]. Is. 1. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the RF MIA.
7. Gavlo, V.K. (1985) *Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [Theoretical problems and practice of applying the methods of investigation of certain types of crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Shurukhnov, N.G. (1988) Klassifikatsiya sledstvennykh situatsiy [Classification of investigative situations]. In: Zuev, E.I. (ed.) *Kriminalistika (aktual'nye problemy)* [Criminalistics (urgent problems)]. Moscow: USSR MIA Academy.
9. Zelenskiy, V.S. (1985) Dosledstvennye situatsii v sovetskom ugolovnom protsesse [Pre-investigation situations in the Soviet criminal procedure]. In: Klochkov, V.V. (ed.) *Sledstvennaya situatsiya* [Investigative situation]. Moscow: Vsesoyuz. in-t po izuch. prichin i razrab. mer preduprezhdeniya prestupnosti.
10. Vydrina, N.V. (1995) Iskhodnye dosledstvennye situatsii po faktam samoubiystv [Initial pre-investigation situations on the facts of suicides]. In: Yarovenko, V.V. et al. (eds) *Kriminalisticheskie metody rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic methods of investigating crimes]. Is. 2. Tyumen: Tyumen Higher School of the RF MIA.
11. Kardashevskaya, M.V. (2013) K voprosu o periodizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the periodization of crime investigation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – Izvestiya Tula State University. Economics and Legal Sciences*. 1-2. pp. 24–26.
12. Knyaz'kov, A.S. & Ondar, D.S. (2018) Problems of staging of criminalistic activity in the context of situational approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 30. pp. 34–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/30/4
13. Gavlo, V.K., Klochko, V.E. & Kim, D.V. (2006) *Sudebno-sledstvennye situatsii: psikhologo-kriminalisticheskie aspekty* [Court investigation situations: psychological and forensic aspects]. Barnaul: Altai State University.
14. Poddubnaya, O.A. (2002) *Rassledovanie prestupleniy na pervonachal'nom etape (Ugolovno-protsessual'nye i organizatsionnye voprosy)* [Investigation of crimes at the initial stage (Criminal procedural and organizational issues)]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
15. Lazareva, L.V. (2001) *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniya nezakonnogo oborota sinteticheskikh narkoticheskikh sredstv* [Features of the initial stage of the investigation of illicit trafficking of synthetic drugs]. Law Cand. Diss. Moscow.
16. Samygin, L.D. (1989) *Rassledovanie prestupleniy kak sistema deyatel'nosti* [Investigation of crimes as a system of activities]. Moscow: Moscow State University.

Received: 24 March 2019

К.В. Черкасов, О.С. Иванова, И.С. Чалых

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПОНЕНТА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ¹

Отражены результаты анализа современных моделей государственного регулирования религиозного компонента в контексте профильной деятельности общеобразовательных государственных и муниципальных учреждений (организаций) в России и зарубежных странах. Выявлены концептуальные признаки оптимальной модели такого регулирования в светском государстве, претендующие на статус универсальных; обосновано их единообразное закрепление в специальном образовательном законодательстве современных светских государств.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания; общее образование; религиозный компонент; регулирование; светское государство; модель; универсальные признаки.

Образование, включая его базовый элемент – общее образование, является одной из важнейших сфер деятельности современного государства, что, как справедливо отмечается в научной литературе, возлагает на государство особые обязательства в части надлежащей организации и регулирования этого процесса [1. С. 215] сообразно состоянию современного общества, его потребностям и проблемам, в том числе связанным с развитием конфессиональных отношений, а также уровню и особенностям формирования фокусного научного знания.

Религиозное и научное знание – две различные и правомерные формы духовной активности человека. Религия выступает одной из исторически сложившихся, адекватных этому процессу форм постижения внутреннего мира, познания трансцендентного в человеке, его души. Наука становится адекватной формой постижения внешнего мира. Человек, изучая внешний мир, строит свое отношение к нему, а через отношение к миру – и отношение к себе самому. И, наоборот, углубляясь в самого себя, пытается понять себя и, идя от себя, пытается понять весь мир. Таким образом, бытовавший долгое время в науке сугубо секулярный подход не всегда продуктивен. Коволюция научного и религиозного знаний сегодня проявляет себя в разных сферах, в том числе в сфере образования, что может положительно повлиять не только на более глубокое понимание целостности человеческой духовности, но и создать дополнительные условия для морального становления личности человека, его развития [2. С. 274–275].

Все это породило новые вызовы современному обществу, которые отразились как в целом на политике государства в сфере конфессиональных отношений, так и в практике государственного регулирования области образования и воспитания. Современные государства, осознавая значимость происходящих перемен и актуальность заявленных проблем, пытаются разработать наиболее эффективные формы управления обществом в таких условиях, контроля над социальными процессами, адекватного ответа на новые вызовы. Наиболее распространенной формой регулирования обозначенных процессов является модель светского государства (светская модель), которая предусматривает, в том числе на высшем конституционном уровне, признание и установление гарантий

свободы совести и вероисповедания, конфессиональную нейтральность государства в разных сферах общественной жизни (ст. 1 Конституции Французской республики [3], ст. 28 Конституции Российской Федерации [4], ст. 4 Основного закона Федеративной Республики Германия [5] и др.).

В сфере регулирования образования и воспитания она также выражается в закреплении как на уровне основных законов государств, так и специализированных отраслевых нормативно-правовых актов, права на получение образования независимо от конфессиональной принадлежности, светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, а также гарантий, связанных с возможностью реализации права на получение религиозного образования, религиозное обучение и воспитание.

В данной связи особую значимость в контексте вызовов современному обществу приобретают образовательный и воспитательный процессы в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях, поскольку они охватывают основную часть подрастающего поколения в тот период, когда формируются основные ценностные и мировоззренческие ориентиры. Это обуславливает одно из приоритетных направлений государственного регулирования религиозных аспектов образования.

Так, российское педагогическое сообщество неоднократно отмечало, что духовно-нравственное образование детей в современном российском обществе, состоящем из граждан, семей различной мировоззренческой ориентации, культурных традиций, возможно только с учетом особенностей их духовных идеалов и ценностей, убеждений, образа жизни, при соблюдении конституционных гарантий свободы совести и вероисповедания [2. С. 271].

Светская модель регулирования образовательной сферы предполагает соответствующий характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, который закреплён в отраслевом законодательстве многих современных государств. Так, например, согласно п. 6 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6] (далее Федеральный закон об образовании) в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образова-

тельную деятельность, образование носит светский характер. Этот принцип находит свое последовательное развитие и в целом ряде других положений российского законодательства об образовании. В свою очередь ч. 3 ст. 48 Федерального закона об образовании устанавливает запрет на использование педагогическими работниками образовательной деятельности для принуждения обучающихся к принятию религиозных или иных убеждений либо отказу от них, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, национальных, религиозных и культурных традициях народов. Аналогичное направление регулирования этой области наблюдается в большинстве современных светских государств. К примеру, нормы, гарантирующие возможность обучения в государственных школах вне зависимости от конфессиональной принадлежности при соблюдении права обучающихся на свободу совести и вероисповедания, закрепляющие светский характер государственного образования, содержатся в профильном законодательстве Франции [7. Ст. L141-1, L141-6].

Вышеприведенное утверждение отнюдь не означает исключение (отстранение, недопущение) признанных религиозных общин от обучения и воспитания детей в общеобразовательных государственных или муниципальных организациях, отсутствия в них возможности получения знаний о религии и религиозного образования. Как правило, эта возможность в рамках государственной системы образования в тех или иных формах сохраняется. Однако религиозное образование здесь принимает разные, в том числе комбинированные формы, как на уровне нормативно-правового регулирования, так и в процессе практической реализации. Между тем, как представляется, в образовательном пространстве светского государства должен быть обеспечен разумный баланс в соотношении религиозной и культурологической составляющих, не допускающий необоснованной акцентуации на отдельной религии или вероучении, что особенно актуально для государств, признающих себя многоконфессиональными.

Сегодня в российской и зарубежной педагогической, юридической науке и социологии предлагаются различные подходы к классификации форм религиозной составляющей в системе государственного образования. Наиболее подходящей для целей настоящего исследования представляется классификация, выделяющая секулярные, конфессиональные и неконфессиональные формы религиозного образования [8].

Первая – секулярная – форма практикуется, например, во Франции, крупнейших странах Азии и заключается в последовательном выведении религиозного компонента из общеобразовательной программы [Там же]. Так, во Франции не допускается религиозное образование в той или иной форме в государственных образовательных учреждениях, однако сохраняется возможность обучения религии вне рамок школьной программы: к примеру, начальные школы должны оставлять свободным один день в неделю, чтобы родители по своему желанию могли организо-

вать изучение религии за пределами школы [7. Ст. L141-3].

Конфессиональная форма – это образование для единоверцев. Это и получение знаний о религии, и получение знаний у религии, оно всегда означает введение ученика внутрь учения данной деноминации [9. С. 51]. Оно исходит из предпосылки принадлежности учащихся к одной конфессии. Соответственно, такое образование может: иметь законоучительный (катехизический) характер; включать в число образовательных целей и задач укрепление конфессиональной идентичности, подготовку к вступлению в жизнь общины (конфирмация) и др.; осуществлять воспитание в соответствии с этическими нормами, принятыми в религиозной общине; включать в образовательный процесс без ущерба для целей школы совместную молитву, проведение богослужений, почитание религиозных святых и другие элементы культа; апеллировать к единомыслию учащихся в вероисповедных вопросах. О конфессиональной форме, например, определенно свидетельствует включение акта исповедания веры в педагогическое взаимодействие в качестве условия, элемента или цели последнего [8].

Конфессиональная форма образования может осуществляться посредством включения в расписание учебных занятий конфессиональных уроков, поддерживаемых государством (в разных формах), ведущихся учителями (или «учителями-проповедниками» – *preacher-teachers*), прошедшими подготовку и получающими зарплату от религиозных организаций соответствующей конфессии (религии большинства / меньшинства / деноминации и пр.), или же учителями, подготовленными государством и им же оплачиваемыми. Хотя конфессиональное религиозное образование может принимать различные формы, оно, как правило, основано на учении данной религии / конфессии / деноминации, а его основная цель – сделать это учение религиозно и морально понятным для учеников, родители которых, как правило, ассоциируют себя с соответствующей религией / конфессией / деноминацией или принадлежат к ней. Другие религии в том или ином виде могут присутствовать в конфессиональном образовании, но оно состоит, по большому счету, в знакомстве учеников с догматикой, ритуалами и историей «своей» церкви и демонстрации ее актуальности как для современного общества, так и для формирования идентичности учеников [9. С. 51]. Конфессиональная форма организации преподавания религии в школе является традиционной и остается наиболее распространенной в странах Европы, Латинской Америки, исламского мира [8].

Показательно в данном отношении законодательство Австрии. Так, цель школьного образования определена как развитие установок молодого поколения в соотношении с нравственными и религиозными ценностями [10. Разд. 2(1)]. В соответствии со специальным законом о преподавании религии для всех учеников, являющихся членами признанных государством религиозных общин или церквей, религиозные занятия (*Religion*) по их конфессиям являются обязательными в начальной, средней школе, в средних и высших профессиональных школах [11. Разд. 1(1)].

Эти положения находят свое развитие в австрийском законе об образовании, согласно которому предмет религия (Religion) подлежит обязательному включению в учебные планы соответствующих государственных образовательных учреждений [10. Разд. 10, 16, 21b, 29(a), 39, 47.1(a), 68 (a)]. В то же время ученики моложе 14 лет могут быть освобождены от обязательных религиозных занятий в школе по письменному заявлению родителей, а старше 14 лет – на основании собственного письменного заявления, выбрав вместо религиозного предмета курс «Этики». Организация, реализация и прямой контроль за уроками по религиозному обучению в школах и колледжах Австрии переданы признанным государством церквям и религиозным общинам; они же осуществляют разработку учебных программ по религиозному воспитанию. В качестве учителя по религиозному образованию могут быть назначены только лица, получившие необходимую квалификацию и разрешение соответствующей церкви или религиозной общины. Государство при этом сохраняет контроль за проведением религиозных занятий, содержанием религиозного обучения, но только в части соблюдения национального законодательства [11. Разд. 1(2), 2, 3, 4, 76].

В Германии при наличии минимального числа учеников определенной конфессии (обычно от 6 до 8) школа обязана обеспечить соответствующее религиозное образование; в образовательных учреждениях также могут проводиться религиозные церемонии [12. С. 136]. Светский характер государственного образования при этом обеспечивается путем законодательного закрепления возможности отказа обучающихся от религиозных занятий, а педагогов – от работы в конфессиональных школах и проведения занятий по религиозному обучению; ученики и учителя также, как правило, свободны относительно участия в религиозных церемониях, которые проводятся в образовательных учреждениях (п. 3 ст. 7 Основного закона Федеративной Республики Германия [5]).

Неконфессиональное образование исходит из признания свободы учащегося в выборе «веры» и конфиденциальности его религиозных убеждений. Это образование, в котором акт личного вероисповедания не является ни условием, ни элементом, ни целью учебно-воспитательного процесса. Разделения учащихся не требуется, поскольку светским становится сам характер изучения и преподавания. Это образование для всех. Презумпция «непринадлежности» учащегося к той или иной традиции вероисповедания становится в этом случае отправной точкой взаимодействия учителя с учеником [8]. Религиозное образование в данном случае включает широкий спектр вариантов, но не может быть основано на учении какой-либо конкретной религии. Преподаватели здесь получают подготовку в нерелигиозных организациях, а светского характера [9. С. 51]. Неконфессиональные формы организации школьного обучения религии начали распространяться сравнительно недавно и практикуются в настоящее время в США, Великобритании, Дании, Норвегии, Швеции, Исландии, Эстонии, а также за пределами Европы – в Бразилии, ЮАР, в ряде штатов Австралии и Канады [8].

Следует отметить, что при реализации данной формы в системе общего образования речь может идти как о культурологических курсах, так и о дисциплинах, конкретный религиозный компонент которых может быть выбран учениками, исходя из осознания своей принадлежности к определенной конфессии.

Так, в США учебные программы в государственных школах могут включать изучение Библии, Торы и других священных текстов и их влияния на человека как части социума, поскольку признается, что религия является важным стимулом для многих американцев и людей по всему миру, но при этом не допускается обучение, направленное на формирование у обучающихся предпочтения одной конфессии перед другой или трактовки «священного текста» как единственно верного. Учитель или иные должностные лица не могут представлять отдельную религию или религию в целом как предпочитаемое учение [13].

В Англии (в Уэльсе, Шотландии, Ирландии наличествуют свои особенности, хотя и в неконфессиональной форме) во всех государственных школах основная учебная программа включает религиозное образование для всех учеников [14], однако с 1870 г. оно является неконфессиональным – в определении его содержания на местном уровне кроме органов власти участвуют также представители Церкви Англии и иных признанных религиозных организаций, отражающих религиозные традиции местности [15. Ст. 390]. Религиозное образование в государственной школе осуществляется на основе так называемой согласованной программы, которая должна отражать христианскую религиозную традицию как основную в Великобритании, но при этом учитывать учения и практику других конфессий [Там же. Ст. 375]. Кроме того, часть государственных школ в Великобритании относится к категории «добровольно поддерживаемых». Это означает, что церковь активно участвует в жизни школы, обеспечивает 15% стоимости любых строительных работ образовательной организации, занимает прочное положение в школьном совете. В таких школах ученики также обязаны ежедневно принимать участие в коллективных богослужениях, которые, как правило, имеют общехристианский характер. В то же время не обязательно, чтобы каждое богослужение было христианским. Его вид и содержание определяется конфессиональными характеристиками местного населения [12. С. 80–81].

Признавая неконфессиональную форму религиозного образования в качестве оптимальной для современной модели светского государства, тем не менее, следует отметить, что исследователи отмечают некоторые негативные тенденции при ее реализации, проявившиеся в последнее время в ряде стран, столкнувшихся с проблемами мультикультурного общества и религиозного плюрализма, вынужденных защищать свою национальную идентичность. В частности, к таковым относят излишнюю политизацию подобных вопросов и стремление государства использовать религиозное образование для защиты и укрепления традиционной религии большинства, ее ключевой роли в сохранении неизменной национальной идентичности [9. С. 51].

В данной связи уточним, что одной из знаковых характеристик российской действительности является присутствие религиозного компонента практически во всех сферах общественной, политической и социальной жизни, в том числе в образовании [16. С. 7]. Представляется, в области общего образования в современный период Россия реализует именно неконфессиональную форму. При этом уже апробированы разные ее варианты – от рекомендаций профильного министерства в 2003 г. ввести в школах дисциплины по религиозной тематике «Основы православной культуры», что вызвало достаточно ожесточенные дискуссии, и «История мировых религий» [17. С. 106] до установления на уровне федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования требования обязательной реализации в рамках основной образовательной программы конфессионально-нейтральных предметных областей. На уровне начального общего образования такой обязательной предметной областью являются «Основы религиозных культур и светской этики» [18. П. 12.6, п. 19.3], одной из основных задач которой выступает воспитание способности к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию, формирование первоначальных представлений о светской этике, об отечественных традиционных религиях, их роли в культуре, истории и современности России.

В рамках этой предметной области, по выбору законных представителей, школьники могут изучать один из шести курсов: Основы православной культуры, Основы иудейской культуры, Основы буддийской культуры, Основы исламской культуры, Основы мировых религиозных культур, Основы светской этики [Там же. П. 12.6]). На уровне основного общего образования обязательной предметной областью, которая должна быть представлена в учебном плане образовательной организации, являются «Основы духовно-нравственной культуры народов России». При этом Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (далее стандарт) определяет только предметные результаты этой области, но не указывает перечень дисциплин, посредством которых она реализуется [19. П. 11.6]. Решение данного вопроса адресовано образовательной организации при условии учета мнения законных представителей обучающихся [6. Ч. 1, 2 ст. 87]. Данная предметная область может реализоваться в урочной форме за счет части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений, во внеурочной деятельности, а также при изучении учебных предметов других предметных областей. Предпочтительной, по мнению профильного министерства, является реализация всех трех предлагаемых примерной основной образовательной программой форм в их разумном сочетании и дополнении, тем более что духовно-нравственное воспитание, согласно стандартам, является одним из обязательных направлений внеурочной деятельности в школе [20. П. 5]).

Анализ нормативного закрепления результатов предметных областей, заявленных в стандарте, позволяет говорить об их светской неконфессиональной культурологической воспитательной направленности.

Позиция отраслевого министерства в части содержания рассмотренных предметных областей также сформулирована однозначно: обучение религии, т.е. есть преподавание вероучения, здесь не предусматривается; подчеркивается светский характер образования в государственной и муниципальной школе. Привлечение к преподавательской деятельности представителей религиозных конфессий не допускается. Светский характер комплексного курса и в целом образовательного процесса в образовательных организациях не подразумевает также включение в программу посещения религиозных организаций (культурных сооружений), а их специфика может демонстрироваться обучающимся на уроке в фото / видео / аудиоформате [10. П. 5]. При этом, наряду с реализацией указанных предметных областей, религиозное образование в России допускается в государственных образовательных организациях и вне рамок обязательной образовательной программы (как факультатив) по письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия обучающихся и по согласованию с учредителями образовательной организации [21. Ч. 4 ст. 5].

Уточним, что, как и во многих странах, например, Австрии, Германии, Великобритании, российская практика регулирования религиозного компонента в общем образовании допускает участие признанных религиозных организаций в организационном, методическом обеспечении преподавания учебных курсов в системе государственного образования, имеющих религиозный или религиоведческий компонент либо предназначенных для религиозного воспитания. Так, согласно ч. 3 ст. 87 Федерального закона об образовании [6] примерные основные образовательные программы в части учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в соответствующих централизованных религиозных организациях на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации. Последние могут привлекаться и к учебно-методическому обеспечению соответствующего образовательного компонента.

Представляется, для придания системности и обоснованности вышеуказанной государственно-регулятивной деятельности, в настоящее время осуществляемой Министерством просвещения Российской Федерации, необходимо создание при нем координационно-совещательного органа – межконфессионального совета. В его состав должны входить уполномоченные представители признанных религиозных организаций (конфессий), ведущие представители научно-педагогического сообщества, специализирующиеся на исследовании и (или) реализации соответствующих предметных областей в общеобразовательной сфере, а также специалисты в области религиоведения. Ключевыми задачами такого совета видятся следующие: выработка универсальных конституци-

онно детерминированных подходов и методических рекомендаций по формированию и преподаванию учебных дисциплин, включающих религиозный компонент – на паритетных началах, а также участие в разработке типовых (примерных) программ таких учебных курсов, оценке и рекомендации учебной литературы и др.

Также обратим внимание на тот факт, что показательным для всех форм реализации религиозного компонента в сфере общего образования и одновременно достаточно противоречивым в части правового регулирования является решение вопроса о допустимости религиозной атрибутики в той или иной форме в государственных и муниципальных образовательных организациях. Регулирование в этой сфере варьируется от полного запрета при секулярной форме, например во Франции [7. Ст. L141-5-1, L141-4], до установления обязательного требования о наличии таковой при конфессиональной форме реализации религиозного компонента в сфере общего образования: к примеру, в Австрии государственная школа или соответствующая публичная школа обязана установить крест в классных комнатах, если большинство учеников придерживаются христианского вероисповедания [11. Разд. 26]. Закономерно, что неконфессиональная форма предполагает значительно большее разнообразие официальных позиций государств по данному вопросу.

Так, правовая регламентация и соответствующая правоприменительная практика в России свидетельствуют о том, что при регулировании этого аспекта деятельности государственных и муниципальных образовательных организаций превалирует тенденция конфессиональной нейтральности публичного образования и светского характера целей и задач образовательного процесса. В частности, несмотря на отсутствие в профильном федеральном законодательстве прямого запрета на ношение религиозных атрибутов одежды учащимися российских общеобразовательных государственных и муниципальных учреждений, косвенно соответствующие ограничения все же вводятся – путем установления школами (с учетом мнения совета обучающихся, совета родителей, а также представительного органа работников и (или) обучающихся конкретной образовательной организации) единых образных требований к одежде обучающихся, не предполагающих религиозной атрибутики. Таковые, в соответствии со ст. 28 Федерального закона об образовании [6], могут устанавливаться школами согласно типовым требованиям, утверждаемым профильными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В большинстве российских регионов типовые (основные, единые и т.п.) требования к одежде обучающихся в публичных общеобразовательных учреждениях содержат обязательное предписание о светском характере внешнего вида и одежды обучающихся, их соответствии общепринятым нормам делового стиля – без какой-либо конкретизации фокусных предписаний относительно религиозной атрибутики [22–27].

В то же время сопряженные по предмету регулирования нормативные правовые акты ряда субъектов

Российской Федерации, наряду с закреплением светского характера одежды обучающихся в общеобразовательных государственных и муниципальных учреждениях, конкретизируют фокусные установления, не рекомендуя ношение обучающимися предметов одежды, закрывающих лицо (кроме случаев, обусловленных состоянием здоровья учащихся), религиозной одежды, одежды с религиозными атрибутами и (или) религиозной символикой, головных уборов в помещениях образовательных организаций или запрещаая ношение такой одежды и атрибутов в образовательных организациях. Перечень конкретных ограничений может варьироваться: в большинстве случаев они касаются элементов одежды, закрывающих лицо, и головных уборов; нередко – религиозных атрибутов одежды в целом. При этом, как правило, в качестве способа регулирования этих вопросов применяется именно запрет (Республика Бурятия, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Астраханская, Белгородская области, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.) [28–33].

Сравнительно небольшая группа российских регионов остановила свой выбор только на рекомендации обучающимся не носить указанные элементы одежды (к примеру, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Еврейской автономная область) [34–36].

В свою очередь такой субъект Российской Федерации, как Чеченская Республика, официально признавая светский характер одежды обучающихся в общеобразовательных учреждениях, на уровне типовых требований, напротив, делает попытку закрепить ношение обучающимися некоторых атрибутов одежды, которые условно можно рассматривать как религиозные (например, головной платок для девочек) [37].

Между тем, допустимость именно светского характера одежды в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях подтверждается сложившейся судебной практикой по данному вопросу, которая пошла по пути фактического ограничения возможности ношения обучающимися в указанных организациях религиозных атрибутов одежды. При разрешении фокусных споров российские суды исходят из светского характера образования в российских публичных образовательных организациях, закрепленного в п. 1 и 2 ст. 4 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [21], права светского государства в демократическом обществе устанавливать единые для всех граждан, независимо от их отношения к религии, правила поведения, обусловленные необходимостью формирования у обучающихся чувства принадлежности к общеобразовательной организации, повышения психологического настроя учеников на учебу, устранения признаков социального, имущественного и религиозного различий между учащимися, укрепления сплоченности и дисциплины, а также обеспечения учащихся удобной и эстетичной одеждой, которая должна соответствовать санитарно-эпидемиологическим правилам и нормативам и тем самым способствовать сохранению здоровья обучающихся [38, 39]. Следует подчеркнуть, что в этом отношении российскими судебными органами реализо-

ван единый подход с международными судебными инстанциями. Так, приоритет школьных правил в части требований к внешнему виду ученика, обусловленных соображениями безопасности и охраны здоровья, а также общей школьной программы был установлен и в решениях Европейского Суда по правам человека [40, 41]. В частности, по одному из таких дел Европейский Суд отметил, что интерес детей в получении полного образования, способствующего их успешной социальной интеграции и принятию местных обычаев и нравов, превалирует над желанием их родителей строго придерживаться религиозных правил [42].

Таким образом, рассмотренную практику правового регулирования и правоприменения можно уверенно интерпретировать как проявление выраженного светского начала российского публичного общего образования и неконфессиональную форму последнего, получившие свое отражение в этом весьма ограниченном сегменте образовательных отношений. Однако следует отметить и необходимость более взвешенного и внимательного отношения профильных органов власти субъектов Российской Федерации к регулированию внешних элементов (атрибутов) общеобразовательного процесса, с одной стороны, призванного обеспечивать свободу совести и вероисповедания, светский характер общего образования в государственных и муниципальных образовательных организациях, а с другой – учитывать региональные исторические, национальные, культурные традиции и сопряженные особенности уклада жизни населения, не выходя за рамки конституционно детерминированных прав и свобод личности, принципов их осуществления.

Между тем, изложенное свидетельствует о попытках Российского государства (в лице компетентных органов управления – на разных уровнях организации государственной власти) «подобрать» оптимальный объем религиозного компонента в общем образовании. Хотя говорить о разрешении этой задачи пока не приходится.

Вопросы о религиозной составляющей государственного образования затрагивают интересы широких слоев населения, а потому требуют более масштабного научного исследования и общественного обсуждения. В данной связи следует отметить, что противоречия относительно религиозной составляющей образования не сняты до сих пор, что, в частности, осложняет правовое регулирование в данной сфере. Продолжается дискуссия о допустимом содержании религиозного компонента в общеобразовательных программах в контексте конституционно признанного светского характера Российского государства. Например, весьма неоднозначно оценивается возможность выбора конфессиональных составляющих, в частности курсов, связанных только с конкретными конфессиями, в рамках соответствующей предметной области основных образовательных программ школ, даже с учетом организации возможности не разделяющих данную систему вероисповедания учащихся посещать альтернативные занятия светского характера. Тем более что фактически вместо родителей (законных представителей) обучающихся выбор

нередко делает образовательная организация, исходя из своих организационных и кадровых возможностей, предпочтений, иногда навязывая его остальным участникам образовательного процесса. Ряд исследователей заявляет о не совсем светском характере рекомендованных для таких курсов учебников, а также существенном «перекосе» в количестве официально рекомендованных учебников в пользу одной из конфессий [43].

В попытке определения наиболее оптимальной модели государственного регулирования образования в контексте рассмотренной проблематики авторы разделяют позицию исследователей, предлагающих различать преподавание религии – в противовес преподаванию знаний о религии (*teaching religion vs. teaching about religion*), а также получение знаний о религии – в противовес обучению религии (*learning about religion vs. learning from religion*) [9. С. 54]. Современная школа должна заложить навыки критического мышления, опирающегося, в первую очередь, на рациональные аргументы, а не на откровение и авторитет или же на так называемую теистическую презумпцию, учитывая мировоззренческие изменения в современном обществе и науке, расширить кругозор школьника, развивать общекультурные знания, предоставив ему необходимую базу и возможность для собственного сознательного выбора. Таким образом, знание о религии необходимо современному школьнику, но именно в форме знания. На беспристрастном, взвешенном, выдержанном в духе плюрализма преподавании знаний о религии настаивают и признанные международные институты. Для нашего государства это в наибольшей степени будет соответствовать «духу и букве» Конституции, а также конституционно детерминированным принципам и целям отраслевого регулирования в сфере общего образования.

Представляется, что эту функцию в большей степени сможет обеспечить именно неконфессиональная форма религиозного образования. Исходя из тенденций, наметившихся в процессе государственного регулирования конфессиональных отношений, а также в практической реализации религиозного компонента в российской системе образования, обширного (как положительного, так и отрицательного) опыта государственного управления в этой сфере, наиболее обоснованным способом реализации религиозного компонента в современном российском государственном образовании выступают именно курсы религиозно-культурологической направленности. Такой подход видится предпочтительным в силу ряда причин, в том числе в целях обеспечения конституционных принципов регулирования, светскости государственного образования, ограничения «политизированности» и «национализированности» религиозного знания, общего снижения действительно верующих, отсутствия в достаточном количестве надлежащим образом подготовленных педагогических кадров для организации конфессионально ориентированных курсов и в силу организационных проблем, связанных с обеспечением права на свободу вероисповедания для всех обучающихся, в том числе отказавшихся от таких курсов. В данной связи следует признать обосно-

ванным, что именно заявленный культурологический аспект знаний о религии в большей степени будет способствовать развитию личности обучающегося, формированию поддерживаемых государством ценностей и установок, обуславливающих уважение прав и законных интересов, свободы других членов общества, иных социально значимых ориентиров.

В подтверждение заявленной позиции отметим, что именно культурологическим предполагалось содержание соответствующих дисциплин со стороны профильного ведомства. Аналогичную позицию – непосредственно российских граждан – зафиксировали и социологические исследования. Так, по результатам опроса Левада-центра, проведенного в 2016 г., инициатива, направленная на восстановление изучения Закона Божьего в средних школах, поддерживается лишь десятой частью опрошенных (13%). Взамен практически две трети россиян (61%) готовы согласиться с преподаванием в школе истории религии и основ религиозной нравственности. Пятая часть населения (19%) выступает за полную секуляризацию образовательного процесса, отказывая изучению религии в школе [44]. Более ранние исследования Фонда общественного мнения также показали ориентированность педагогов школ, реализующих соответствующий компонент образовательных программ, на светский, культурологический характер подачи материала [45].

Резюмируя, отметим следующее. Анализ практики регулирования религиозного компонента в общеобразовательных системах современных светских государств позволяет сделать вывод, что оно направлено не на развитие и поддержку определенных признанных государством религиозных организаций (конфессий, общин и пр.), как это имело место на ранних этапах взаимодействия церкви и государства, а на обеспечение равных возможностей в сфере получения образования, саморазвития обучающихся вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Следует отметить и тесное взаимодействие государства с религиозными организациями (правда, из числа признанных государством) в этом вопросе, но сопряженное со стремлением первых к сохранению конфессионального нейтралитета и возможности контролировать процесс религиозного обучения и воспитания в части соблюдения национального законодательства. Здесь проявляется и стремление государства обеспечить хрупкий баланс между свободой совести, в том числе свободой от нежелательного воздействия и насаждения веры, с одной стороны, и свободой вероисповедания, предполагающей возможность испове-

довать те или иные религиозные взгляды, соблюдать религиозные обряды и церемонии – с другой.

Практику вариативности и гибкости правового регулирования в данной области отношений следует признать в наибольшей степени отвечающей потребностям современного многоконфессионального общества. И вряд ли имеет смысл стремиться к полной унификации в этой достаточно проблематичной и многоаспектной сфере – без учета опыта исторического развития, национальных и культурных особенностей, цивилизационных ценностей конкретного общества и государства.

Между тем, проведенное исследование позволяет выделить ряд концептуальных признаков оптимальной (общей) модели правового регулирования религиозного компонента в сфере общего образования (применительно к деятельности государственных и муниципальных организаций), претендующих на статус универсальных и призванных реально гарантировать осуществление, охрану и защиту фокусных прав и свобод каждому человеку. В качестве таковых предлагаются: общее признание современными светскими государствами значимости и необходимости религиозного компонента в образовательном процессе, осуществляемом на уровне государственных и муниципальных образовательных учреждений; установление права признанных религиозных организаций на участие в организационном, методическом и сопряженных аспектах обеспечения учебных дисциплин, имеющих преимущественно религиозный или религиоведческий компонент либо предназначенных для религиозного воспитания; нормативное закрепление такого обязательного условия реализации религиозного компонента в системе общего образования, как согласие обучающихся и (или) их родителей (законных представителей).

Представляется, что такие сложные вопросы должны получать на уровне конкретных государств по возможности четкое и единообразное законодательное регулирование во избежание излишне вольных трактовок, произвола в процессе правоприменения. При этом у правоприменителя должна сохраняться возможность самостоятельной оценки всех фактических обстоятельств, учета различных аспектов социально-правовой ситуации. В целом же соответствующее государственное регулирование будет выступать действенной гарантией реализации соответствующих прав и свобод граждан, условием системной защиты от злоупотребления правом, фактором гармоничного развития, в том числе конфессиональных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена с использованием СПС КонсультантПлюс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасов К.В., Лапина Е.Б. Образовательная деятельность в современной России: к вопросу о правовых барьерах и ограничениях // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 215–221.
2. Журавлев В.М. Процесс «козволюции» научного и религиозного знания в образовании // Философия образования. 2008. № 3. С. 270–275.
3. Конституция Французской республики 1958 года. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=138> (дата обращения: 27.11.2018).
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с послед. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Основной закон Федеративной Республики Германия 1949 года. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 27.11.2018).

6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 2012. 31 декабря.
7. Code de l'éducation. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?sessionId=95F9179D257106A9AB15F9ECE0AB7_DF7.tpl&gf35_s_3?cidTexte=LEGITEXT000006071191&dateTexte=20180115 (дата обращения: 18.11.2018).
8. Козырев Ф.Н. Неконфессиональное религиозное образование в зарубежной школе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2006. 42 с. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-nekonnessionalnoe-religioznoe-obrazovanie-v-zarubezhnoy-shkole#ixzz5Ub8aNZYm> (дата обращения: 27.10.2018).
9. Йенсен Т. Религиозное образование в государственных школах: важнейшие тенденции (преимущественно на примере Скандинавии) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 46–71.
10. SchOG от 25.07.1962. URL: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009265> (дата обращения: 18.11.2018).
11. Religionsunterrichtsgesetz от 13.07.1949. URL: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009217> (дата обращения: 18.11.2018).
12. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / сост. Г. Робберс; под ред. М.А. Воскресенского, А.А. Красикова, Р.Н. Лункина, Р.А. Подопригоры, Л.С. Симкина, И.А. Шалобиной. М. : Институт Европы РАН, ТЦ Юнеско, 2009. 720 с.
13. URL: <http://www.centerforpubliceducation.org/Main-Menu/Public-education/The-law-and-its-influence-on-public-school-districts-An-overview/Religion-and-Public-Schools.html> (дата обращения: 18.11.2018).
14. Education Act 2002 от 24.07.2002. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/32/contents> (дата обращения: 18.11.2018).
15. Education Act 1996 от 24.07.1996. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/56/commentary-c15256971> (дата обращения: 18.11.2018).
16. Сергеева А.Н. Религиозность приватная vs. религиозность публичная: эволюция религиозности в СССР / России // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 7–13.
17. Родионов С.Н., Шевцов Р.П. О религиозной тематике в школьном образовании // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 104–109.
18. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373 (с послед. изм. и доп.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 12.
19. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 (с послед. изм. и доп.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 9.
20. Письмо Минобрнауки России от 19.01.2018 № 0896 «О методических рекомендациях». URL: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/odnknr/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-19-01-2018-g-08-96-o-metodicheskikh-reko-mendatsiyakh-odnknr.html> (дата обращения: 02.12.2018).
21. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (с послед. изм. и доп.) // Российская газета. 1997. 01 октября.
22. Об утверждении Единых требований к школьной одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в Республике Дагестан : Постановление Правительства Республики Дагестан от 11.06.2013 № 303 // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2013. № 11. Ст. 742.
23. Об установлении требований к одежде обучающихся по основным общеобразовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования : Постановление Правительства Республики Карелия от 07.02.2014 № 24-П (с послед. изм. и доп.) // Карелия. 2014. № 12.
24. Об установлении основных требований к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в государственных общеобразовательных организациях Архангельской области и муниципальных общеобразовательных организациях : Постановление Минобрнауки Архангельской области от 13.08.2013 № 03 // Волна. 2013. № 33.
25. Об утверждении единых требований к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (вместе с «Едиными требованиями к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Постановление Правительства Оренбургской области от 14.08.2013 № 683-п // Оренбуржье. 2013. № 133.
26. Об утверждении Типовых требований к одежде обучающихся в государственных и муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Постановление Правительства Орловской области от 03.06.2013 № 179 (с послед. изм. и доп.) // Портал Орловской области – публичный информационный центр. URL: <http://orel-region.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
27. Об установлении единых требований к одежде обучающихся государственных общеобразовательных учреждений Санкт-Петербурга, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: распоряжение Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга от 24.04.2015 № 2003-р (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
28. Об утверждении Общих требований к одежде обучающихся по программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Бурятия : Постановление Правительства Республики Бурятия от 21.06.2013 № 320 (с послед. изм. и доп.) // Бурятия. 2013. № 68.
29. Об утверждении Основных требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в государственных образовательных организациях Республики Северная Осетия–Алания и муниципальных образовательных организациях муниципальных образований Республики Северная Осетия–Алания : Постановление Правительства Республики Северная Осетия – Алания от 31.05.2013 № 193 (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
30. Об утверждении Типовых требований к одежде и внешнему виду обучающихся в государственных и муниципальных организациях Ставропольского края, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Постановление Правительства Ставропольского края от 31.10.2012 № 422-п (с послед. изм. и доп.) // Ставропольская правда. 2012. № 292.
31. Об утверждении типовых требований к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, подведомственных Министерству образования и науки Астраханской области: постановление Минобрнауки Астраханской области от 03.02.2015 г. № 04 // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2015. № 5.
32. Об утверждении требований к одежде обучающихся областных и муниципальных общеобразовательных организаций, расположенных на территории Белгородской области : Постановление Правительства Белгородской области от 08.07.2013 г. № 265-пп (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
33. Об утверждении типовых требований к одежде обучающихся в государственных и муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования, на территории Ямало-Ненецкого автономного округа : Приказ Департамента образования Ямало-Ненецкого автономного округа от 29.07.2014 № 1181 // Красный Север. 2014. Спецвыпуск. № 50.

34. Об установлении требований к одежде обучающихся по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования в Республике Башкортостан : Постановление Правительства Республики Башкортостан от 13.06.2013 № 243 // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru> (дата обращения: 13.12.2018).
35. Об установлении типовых требований к одежде обучающихся в государственных и муниципальных организациях Нижегородской области, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Постановление Правительства Нижегородской области от 03.09.2014 № 603 // Правовая среда. 2014. № 92 (1802).
36. Об установлении типовых требований к одежде обучающихся государственных и муниципальных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования : Постановление Правительства Еврейской автономной области от 23.12.2014 № 683-пп // Биробиджанская звезда. 2015. № 2.
37. Об утверждении основных требований к школьной одежде и внешнему виду обучающихся в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях Чеченской Республики : Постановление Правительства Чеченской Республики от 11.07.2013 № 168 // Вести Республики. 2013. № 141 (2074).
38. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.02.2015 № 15-АПГ14-11 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2018).
39. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2013 № 19-АПГ13-2 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2018).
40. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.12.2008 по делу «Догру (Dogru) против Франции» (жалоба № 27058/05). URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 09.12.2018).
41. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.12.2008 г. по делу «Керванджи (Kervanci) против Франции» (жалоба № 31645/04). URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 09.12.2018).
42. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Османоглу и Кочабаш (Osmanoglu et Kocabas) против Швейцарии» (жалоба № 29086). URL: <http://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 09.12.2018).
43. Янкевич С.В., Княгинина Н.В. Светский характер общего образования в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 91–101 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.11.2018).
44. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/> (дата обращения: 27.10.2018).
45. Основы светской этики. Впечатления учителей. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10996> (дата обращения: 27.10.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2019 г.

Models of Government Regulations of the Religious Component in General Education: Russian and International Practices

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 237–247.

DOI: 10.17223/15617793/442/30

Konstantin V. Cherkasov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation); All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation) (Moscow, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Olga S. Ivanova, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: ktgp@syktsu.ru

Irina S. Chalykh, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: kgpd@syktsu.ru

Keywords: freedom of conscience and religion; general education; religious component; regulations; model; secular state; universal features.

The study aims at defining the characteristics of an optimal model of government regulation of religion in general comprehensive education which should be an integral part of a modern secular state. In order to do so, the authors carried out content analysis of the focal doctrinal developments and the common practices in the Russian Federation and several other secular countries, as well as international court practice. The study focuses on the most contentious aspects of the issue and employs the following methods of scientific knowledge: general scientific methods (dialectical and systematic methods, formal logic, analysis, synthesis) and special/ad hoc methods (technical, comparative law, statistical, interpreting the law). The article presents the findings of the study that analyses contemporary models of government regulations of the religious component in education within the framework of core activities in comprehensive state and municipal schools in Russia and abroad. The choice of the topic can be attributed to the contradiction between the accepted secular nature of the majority of democratic states supporting the freedom of conscience and religion and the variety of rather controversial approaches to government regulation of the religious aspect of education, the basis of which is reflected in the system of general education. The study proves that a state that claims to be secular needs a systematic and balanced approach to regulation of religious studies in the system of general education which is, essentially, the foundation of a person's mindset formation. In this context, a classification of religious education forms is considered; in it, it is the non-confessional form that is defined as most preferable for a modern secular state. Taking this into account, the study is focused on legislative and law-enforcement practices in the Russian Federation concerning implementation of the religious component in the system of general education, both on state and regional levels. The main debating points in this area are as follows: how much of the religious component is acceptable in a comprehensive curriculum; how educational institutions may cooperate with religious organisations; why religious paraphernalia and symbols are limited in demonstration in public state schools. Furthermore, some practical recommendations have been formulated to optimize government regulation of religious and educational establishments in the Russian Federation. Finally, the study suggests several conceptual features of the most preferable (general) model of legislative regulation of the religious component in general education in a secular state; these features may be called universal, and their uniformity should be reflected in special educational legislation of modern secular states.

REFERENCES

1. Cherkasov, K.V. & Lapina, E.B. (2018) Educational activities in modern Russia: legal barriers and restraints. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 215–221. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/30
2. Zhuravlev, V.M. (2008) Protsess “koevolyutsii” nauchnogo i religioznogo znaniya v obrazovanii [The “co-evolution” of scientific and religious knowledge in education]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 3. pp. 270–275.
3. Worldconstitutions.ru. (2018) *Konstitutsiya Frantsuzskoy respubliki 1958 goda* [The 1958 Constitution of the French Republic]. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=138>. (Accessed: 27.11.2018).

4. Russian Federation. (2014) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s posled. izm. i dop.)* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12 December 1993 (with the latest amendments and addendums)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Laws of the Russian Federation]. 31. Art. 4398.
5. Worldconstitutions.ru. (2018) *Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germaniya 1949 goda* [The 1949 Basic Law of the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>. (Accessed: 27.11.2018).
6. Rossiyskaya gazeta. (2012) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (s posled. izm. i dop.)* [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of 29 December 2012 (with subsequent amendments and addendums)]. *Rossiyskaya gazeta*. 31 December.
7. Legifrance.gouv.fr. (2018) *Code de l'éducation*. [Online] Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?jessionid=95F9179D257106A9AB15F9ECE0AB7_DF7.tplgfr35s_3?cidTexte=LEGITEXT000006071191&dateTexte=20180115. (Accessed: 18.11.2018).
8. Kozyrev, F.N. (2006) *Nekonfessional'noe religioznoe obrazovanie v zarubezhnoy shkole* [Non-confessional religious education in a foreign school]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-nekonfessionalnoe-religioznoe-obrazovanie-v-zarubezhnoy-shkole#ixzz5Ub8aNZYm>. (Accessed: 27.10.2018).
9. Jensen, T. (2017) Religious Education in Public Schools: The Most Important Tendencies (With Special Focus on Scandinavia). *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4. pp. 46–71. (In Russian). DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-4-46-71
10. Legal Information System of the Republic of Austria. (2018) *Bundesgesetz vom 25. Juli 1962 über die Schulorganisation (Schulorganisationsgesetz)*. [Online] Available from: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009265>. (Accessed: 18.11.2018).
11. Legal Information System of the Republic of Austria. (2018) *Bundesgesetz vom 13. Juli 1949, betreffend den Religionsunterricht in der Schule (Religionsunterrichtsgesetz)*. [Online] Available from: <http://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009217>. (Accessed: 18.11.2018).
12. Robbers, G. et al. (eds) (2009) *Gosudarstva i religii v Evropeyskom Soyuze (opyt gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy)* [States and religions in the European Union (experience of state-confessional relations)]. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Unesco Trade Center.
13. Centerforpubliceducation.org. (2018) [Online] Available from: <http://www.centerforpubliceducation.org/Main-Menu/Public-education/The-law-and-its-influence-on-public-school-districts-An-overview/Religion-and-Public-Schools.html>. (Accessed: 18.11.2018).
14. Legislation.gov.uk. (2002) *Education Act 2002 of 24 July*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/32/contents>. (Accessed: 18.11.2018).
15. Legislation.gov.uk. (1996) *Education Act 1996 of 24 July 1996*. [Online] Available from: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/56/commentary-c15256971>. (Accessed: 18.11.2018).
16. Sergeeva, A.N. (2016) Religiosity private vs. religiosity public: Evolution of religiosity in the Soviet Union / Russia. *Sotsial'no-politicheskie nauki – Sociopolitical sciences*. 3. pp. 7–13. (In Russian).
17. Rodionov, S.N. & Shevtsov, R.P. (2008) O religioznoy tematike v shkol'nom obrazovanii [On religious subjects in school education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 104–109.
18. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2010) Ob utverzhdenii i vvedenii v deystvie federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta nachal'nogo obshchego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki Rossii ot 06.10.2009 № 373 (s posled. izm. i dop.) [On approval and implementation of the federal state educational standard of primary general education: Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 373 of 06 October 2009 (with the latest amendments and addendums)]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 12.
19. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2011) Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 № 1897 (s posled. izm. i dop.) [On approval of the federal state educational standard of basic general education: Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1897 of 17 December 2010 (with the latest amendments and addendums)]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 9.
20. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2018) *Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 19.01.2018 № 0896 “O metodicheskikh rekomendatsiyakh”* [Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 0896 of January 19, 2018, “On Methodological Recommendations”]. [Online] Available from: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/odnknr/normativno-pravovaya-dokumentatsiya/pismo-minobrnauki-rossii-ot-19-01-2018-g-08-96-o-metodicheskikh-reko-mendatsiyakh-odnknr.html>. (Accessed: 02.12.2018).
21. Rossiyskaya gazeta. (1997) O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh: Federal'nyy zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (s posled. izm. i dop.) [On Freedom of Conscience and Religious Associations: Federal Law No. 125-FZ of September 26, 1997 (with the latest amendments and addendums)]. *Rossiyskaya gazeta*. 01 October.
22. Republic of Dagestan. (2013) On approval of the uniform requirements for school clothes of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education in the Republic of Dagestan: Government Decree of the Republic of Dagestan No. 303 of 11 June 2013. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Dagestan* [Collection of Laws of the Republic of Dagestan]. 11. Art. 742. (In Russian).
23. Kareliya. (2014) On the establishment of requirements for students' clothes for the basic general education programs of the primary general, basic general and secondary general education: Decree of the Government of the Republic of Karelia No. 24-P of 07 February 2014 (with the latest amendments and addendums). *Kareliya*. 12. (In Russian).
24. Volna. (2013) On the establishment of the basic requirements for school clothes of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education in state general educational organizations of Arkhangelsk Oblast and in municipal general educational organizations: Resolution of the Ministry of Education and Science of Arkhangelsk Oblast No. 03 of 13 August 2013. *Volna*. 33. (In Russian).
25. Orenburzh'e. (2013) On approval of uniform requirements for school clothes of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education (along with “Uniform requirements for clothing of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education”: Decree of the Government of Orenburg Oblast No. 683-p of 14 August 2013. *Orenburzh'e*. 133. (In Russian).
26. Orel-region.ru. (2018) *On approval of the model requirements for clothing of students in state and municipal organizations engaged in educational activities in educational programs of primary general, basic general and secondary general education: Decree of the Government of Oryol Oblast No. 179 of 03 June 2013 (with the latest amendments and addendums)*. [Online] Available from: <http://orel-region.ru>. (Accessed: 13.12.2018). (In Russian).
27. Consultant.ru. (2018) *On the establishment of uniform requirements for clothing of students of state general education institutions in St. Petersburg carrying out educational activities in educational programs of primary general, basic general and secondary general education: Order of the Education Committee of the Government of St. Petersburg No. 2003-p of 04 April 2015*. Unpublished. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 13.12.2018). (In Russian).
28. Buryatiya. (2018) On approval of general requirements for clothing of students of the programs of primary general, basic general and secondary general education in state and municipal general educational organizations of the Republic of Buryatia: Government Decree of the Republic of Buryatia No. 320 of June 21, 2013 (with the latest amendments and addendums). *Buryatiya*. 68. (In Russian).

29. Consultant.ru. (2018) *On approval of the basic requirements for school clothes and the appearance of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education in state educational organizations of the Republic of North Ossetia–Alania and municipal educational organizations of municipal formations of the Republic of North Ossetia–Alania: Resolution of the Government of the Republic of North Ossetia–Alania No. 193 of 31 May 2013*. Unpublished. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 13.12.2018). (In Russian).
30. Stavropol'skaya pravda. (2012) On approval of the model requirements for clothing and appearance of students in state and municipal organizations of Stavropol Krai engaged in educational activities in educational programs of primary general, basic general and secondary general education: Decree of the Government of Stavropol Krai No. 422-p of October 31, 2012 (with the latest amendments and addendums). *Stavropol'skaya pravda*. 292.
31. Astrakhan Oblast. (2015) On approval of typical requirements for clothing of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education in organizations engaged in educational activities, subordinated to the Ministry of Education and Science of Astrakhan Oblast: Decree of the Ministry of Education and Science of Astrakhan Oblast No. 04 of 03 February 2015. *Sbornik zakonov i normativnykh pravovykh aktov Astrakhanskoy oblasti* [Collection of Laws and Regulations of Astrakhan Oblast]. 5. (In Russian).
32. Consultant.ru. (2018) *On approval of the requirements for clothing of students of regional and municipal educational institutions located in Belgorod Oblast: Decree of the Government of Belgorod Oblast No. 265-pp of 08 July 2013*. Unpublished. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 13.12.2018).
33. Krasnyy Sever. (2014) On approval of typical requirements for clothing of students in state and municipal organizations engaged in educational activities in educational programs of primary general, basic general and secondary general education in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: Order of the Department of Education of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug No. 1181 of 29 July 2014. *Krasnyy Sever. Special Issue*. 50. (In Russian).
34. Republic of Bashkortostan. (2013) *On the establishment of requirements for clothing of students of educational programs of primary general, basic general and secondary general education in the Republic of Bashkortostan: Government Decree of the Republic of Bashkortostan No. 243 of June 13, 2013*. [Online] Available from: <http://www.npa.bashkortostan.ru>. (Accessed: 13.12.2018). (In Russian).
35. Pravovaya sreda. (2014) On the establishment of typical requirements for students' clothing in state and municipal organizations of Nizhny Novgorod Oblast that carry out educational activities on educational programs of primary general, basic general and secondary general education: Decree of the Government of Nizhny Novgorod Oblast No. 603 of 03 September 2014. *Pravovaya sreda*. 92 (1802). (In Russian).
36. Birobidzhanskaya zvezda. (2015) On the establishment of standard requirements for clothing of students of state and municipal organizations engaged in educational activities on educational programs of primary general, basic general and secondary general education: Decree of the Government of the Jewish Autonomous Okrug No. 683-pp of December 23, 2014. *Birobidzhanskaya zvezda*. 2. (In Russian).
37. Vesti Respubliki. (2013) On approval of the basic requirements for school clothes and the appearance of students in state and municipal educational institutions of the Chechen Republic: Decree of the Government of the Chechen Republic No. 168 of 07 July 2013. *Vesti Respubliki*. 141 (2074).
38. Consultant.ru. (2015) *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11.02.2015 № 15-APG14-11* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15-APG14-11 of 11 February 2015]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 09.12.2018).
39. Consultant.ru. (2015) *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10.07.2013 № 19-APG13-2* [Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-APG13-2 of 10 July 2013]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 09.12.2018).
40. ECHR. (2008) *European Court of Human Rights Judgment of December 4, 2008, case of Dogru v. France (application 27058/05)*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int>. (Accessed: 09.12.2018). (In Russian).
41. ECHR. (2008) *European Court of Human Rights Judgment of December 4, 2008, case of Kervanci v. France (application 31645/04)*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int>. (Accessed: 09.12.2018). (In Russian).
42. ECHR. (2017) *European Court of Human Rights Judgment of 10 January 2017, case of Osmanoğlu and Kocabaş v. Switzerland (application 29086/12)*. [Online] Available from: <http://hudoc.echr.coe.int>. (Accessed: 09.12.2018). (In Russian).
43. Yankevich, S.V. & Knyaginina, N.V. (2018) Secular nature of school in the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 9. pp. 91–101. (In Russian).
44. Levada-Center. (2016) *Tserkov' i gosudarstvo* [Church and state]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/>. (Accessed: 27.10.2018).
45. FOM. (2013) *Osnovy svetskoy etiki. Vpechatleniya uchiteley* [Fundamentals of secular ethics. Impressions of teachers]. [Online] Available from: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/10996>. (Accessed: 27.10.2018).

Received: 19 February 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕНИНА Евгения Алексеевна – мл. науч. сотр. лаборатории «Когнитивные и междисциплинарные исследования» образовательного фонда «Талант и успех» (г. Сочи). E-mail: alenina.ea@talantiuspeh.ru

АНДРИАНОВСКАЯ Ирина Ивановна – д-р юрид. наук, профессор кафедры трудового права Академии труда и социальных отношений (г. Москва). E-mail: anirina_@inbox.ru

БЕРДАУС Светлана Владимировна – мл. науч. сотр. отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: s.berdaus@yandex.ru

БОБРОВ Денис Сергеевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: bds-eureka@yandex.ru

БОЧКАРЕВА Екатерина Александровна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар). E-mail: finansyst11@gmail.com

БРЮХАНОВА Елена Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: brelenochka@mail.ru

БУБ Александра Сергеевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: aleksandrabub@yandex.ru

БУТЬКО Людмила Васильевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар). E-mail: lvbutko@mail.ru

БЫКОВ Александр Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета. E-mail: aab56@sibmail.com

ВОРОБЬЕВ Сергей Михайлович – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

ДЕМИДОВА Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: demidtanya@yandex.ru

ДЗОЦИЕВА Екатерина Таймуразовна – магистрант кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: deta210@yandex.ru

ДУШЕЙКО Александра Суфуатовна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: barbazjushka@mail.ru

ГРИЦЕНКО Любовь Михайловна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: grluba@rambler.ru

ГУДКОВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры социальной педагогики и социальной работы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: olya.gudkova.69@inbox.ru

ЗЫКИНА Татьяна Алексеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: t.zykyna@narfu.ru

ИВАНОВ Александр Александрович – д-р ист. наук, профессор кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. E-mail: ottisk@irmail.ru

ИВАНОВА Наталья Петровна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: ivanovanp@gmail.com

ИВАНОВА Ольга Святославовна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории государства и права и основ правоведения Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: ktgp@syktsu.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАЛЬМИНА Лилия Владимировна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: kalminal@gmail.com

КИМ Дмитрий Владимирович – д-р юрид. наук, зам. по учебной работе начальника Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kimklo@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского промышленного университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОСТИНА Ольга Викторовна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии. E-mail: kostina1965@yandex.ru

КРИХ Сергей Борисович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: krikh@rambler.ru

КУЛИКОВ Сергей Борисович – д-р филос. наук, зав. кафедрой философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета. E-mail: kulikovsb@tspu.edu.ru

МАШАНЛО Тимур Евгеньевич – мл. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: mashanlote@gmail.com

ПОПЛАВСКАЯ Ирина Анатольевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: poplavskaia@rambler.ru

КУРАС Леонид Владимирович – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex.ru

ЛЕОНОВ Иван Сергеевич – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: mamif.lis@rambler.ru

ЛЕЩЕНКО Ольга Вадимовна – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России. E-mail: olgaleshchenko@hotmail.com

МЕЖЕННАЯ Наталья Михайловна – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры прикладной математики Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: natalia.mezhennaya@gmail.com

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, зам. зав. лабораторией лингвистической антропологии, зав. лабораторией когнитивных исследований языка Томского государственного университета. E-mail: rezanovazi@mail.ru

САВИЛОВ Александр Андреевич – соискатель кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета. E-mail: ottisk@irmail.ru

САДОВОЙ Александр Николаевич – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

САЙТБАГИНА Лидия Александровна – канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры профессиональной педагогики, психологии и управления Омского государственного педагогического университета. E-mail: lidia-la@yandex.ru

САРЫЧЕВА Татьяна Валерьевна – д-р ист. наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: sarycheva_tv_1@mail.ru

СИМОНОВА Екатерина Александровна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: e.a.simonova@utmn.ru

СТЕПАНОВА Лена Борисовна – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Якутск). E-mail: solo007_79@rambler.ru

ФИЛИМОНОВА Ольга Фёдоровна – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. E-mail: Filmon-2006@yandex.ru

ФИЛИПОВА Евгения Андреевна – студентка института физической культуры Тюменского государственного университета. E-mail: eafilippova@inbox.ru

ФУРЯЕВА Татьяна Васильевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой социальной педагогики и социальной работы Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева. E-mail: tat.fur130@mail.ru

ЧАЛЫХ Ирина Сергеевна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: kgpd@syktsu.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров); профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (г. Москва). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ЩЕГЛОВА Екатерина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета; науч. сотр. отдела русской исторической лексикологии и лексикографии Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: e.shcheglova@bk.ru

ЭФЕНДИЕВА Назрин Расим кызы – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: nastyaefendieva@gmail.com

ЯНГАЕВА Марина Олеговна – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: marina-umo@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 442. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30 мая 2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 31,5. Усл. печ. л. 29,3. Тираж 50 экз.
Заказ № ?... Цена свободная.

Дата выхода в свет 14 июня 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru